

В.В.Розанов

Мимолетное

Мимолетное
1915 год.

Черный огонь
1917 год

Апокалипсис
нашего времени

Собрание сочинений
под общей редакцией
А. Н. Николюкина

Москва
Издательство «Республика»
1994

ББК 87.3
Р64

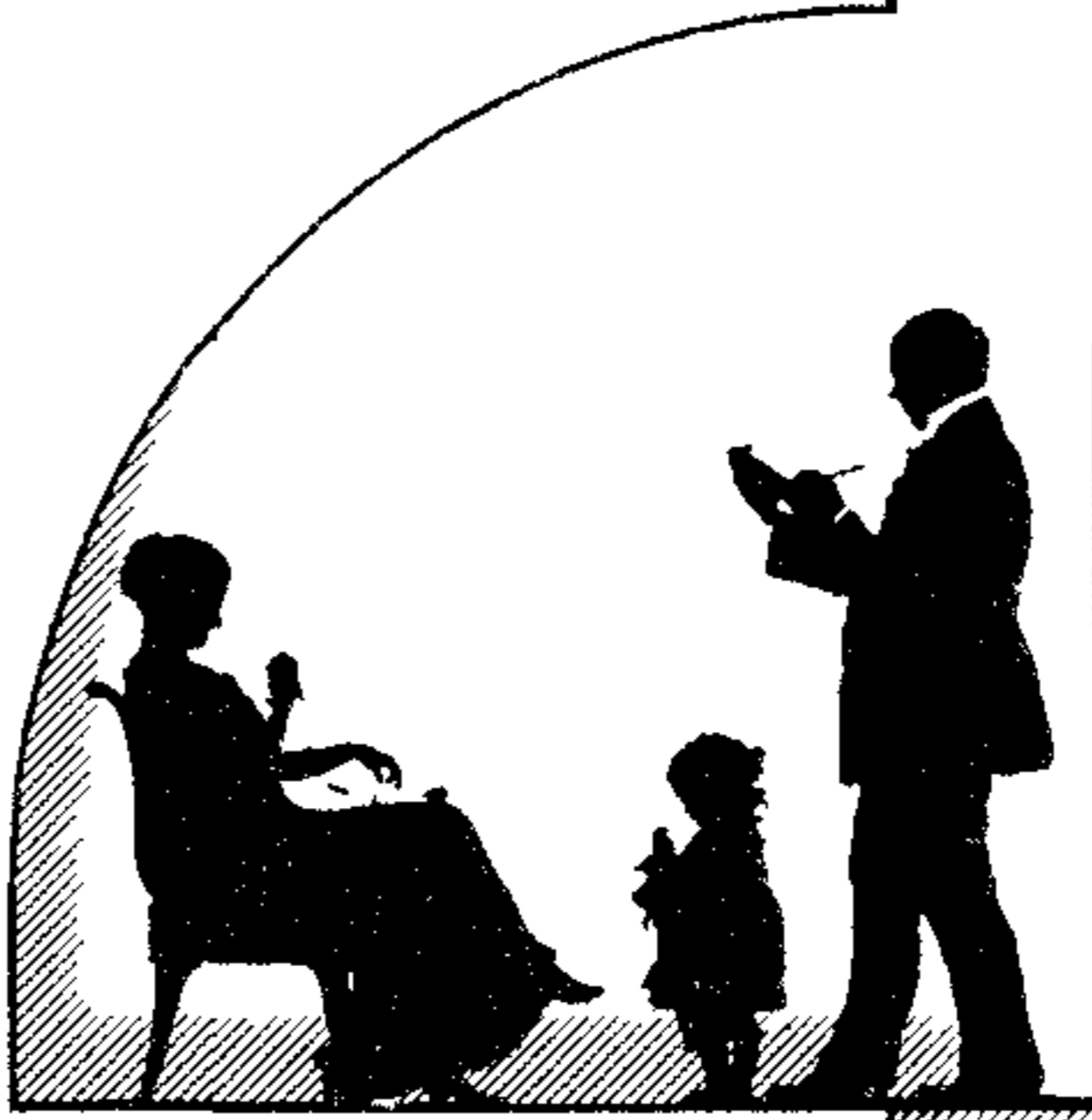
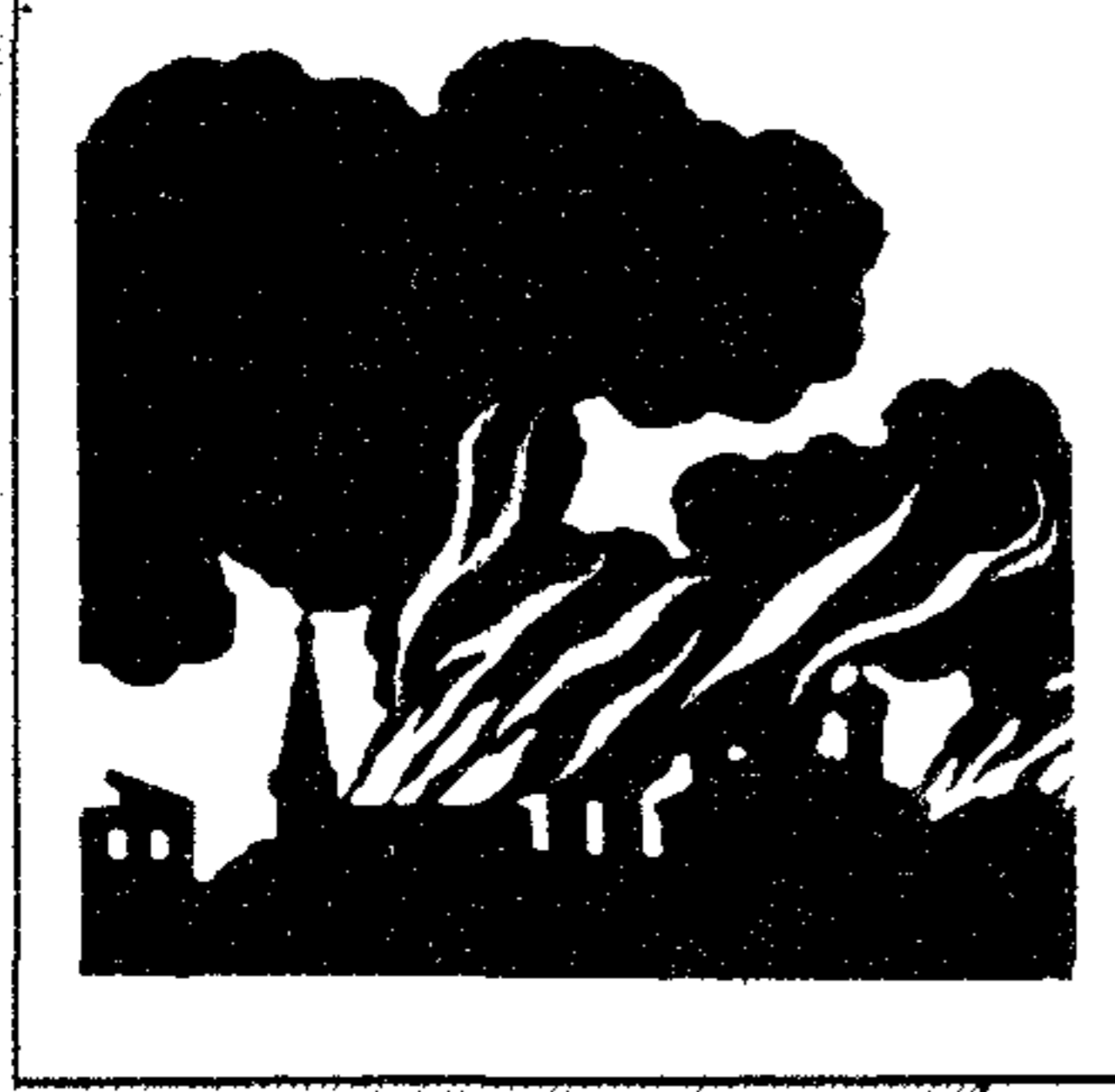
Составление,
подготовка текста
и комментарии
А. Н. Николюкина

*Издание выпущено в счет дотации,
выделенной Комитетом РФ
по печати*

Р $\frac{0301080000-078}{079(02)-94}$

ISBN 5—250—01933—1

© Издательство «Республика», 1994

В. В. Розанов

Мимолетное. 1915 год

14.I.1915

Революция французская имела много очень красивых эпизодов.

И кроме того, была вся очень выразительна.

Эта ее эстетика и привлекла всех.

Как об актере говорят:

— У него красивый грим.

При «красивом гриме» нравится самая плохая пьеса.

(лежу больной)

* * *

15.I.1915

Много лет я удивлялся, отчего Фонвизину, о «Недоросле» которого Погодин записал в своем «Дневнике», что его следует *целиком перепечатывать* в историю России 2-й половины XVIII века,— не дали ордена Андрея Первозванного. «Недоросль» — такой же факт, как управление, как присоединение Крыма, усмирение Польши, покорение Зап. Сибири, справа с Пугачевым. Не менее трудно и требовало не меньшего таланта.

Да. Не понимает это *кто́ дает ордена*. Таланта было много в «Недоросле», а добродетели никакой. В «Недоросле» не было «рано встал», «потрудился», «поздно лег». Царь награждает не таланты, а серый скромный труд на пользу ближнего.

В чем же дело?

«Дела» вообще никакого в «Недоросле» не было. Просто — написал. Гениально — да. Однако же написал — и только.

А дело?

А, это совсем иное. Суть его, первоначальная суть и зерно:

— Ко-ло-нна — строй-ся!

— Слу-шай мо-е-й ко-ман-ды!!

— Ру-жья на ка-ра-ул!!!

И повернувшись и сам шагая:

— Раз-два! Раз-два!

— Ле-вый! Пра-вый! Левый-правый!

До пота. От зари до зорьки. И наконец, когда поджигаемые жидками студенты в косоворотках с красным флагом вывалили на площадь Казанского собора, то —

— П-ли!!!

А, это трудно, это скорбно, это томительно. Этим зиждется царство и охраняется «мирное благоденствие» граждан города. И Царь, воспитанный не талант, а добродетель, говорит:

— Дать ему высокий орден.

А Фонвизину и «нам» — ничего. Вполне основательно.

Царство — великий рабочий. С каким благоговением смотрю на выдачу пенсий на Литейном: старушкам, дочерям, убогим чиновникам. И я «фуксом» получил 49. Но я был правда почти болен, увольняясь из службы. Свидетельствовавший меня доктор сказал: «Он может помешаться» (и показал на *свою* голову). Присутствовавший от Контроля мне неизвестный молодой чиновник кивнул головой. И до чего нужно детишкам на чулки белые и одежонку. *Безумно* нужно. Служи бы я дальше в Контроле или учитель был — я бы неизбежно помешался и был недалек *от этого*. Суворин немедленно меня отправил отдыхать в Италию, дав (подарив) 1000 руб. Я еще ничего у него не наработал и не заработал. А когда я зашел «наверх» поблагодарить и в конце «болтовни» стал говорить благодарность — он *не понял, о чем я говорю* (т. е. забыл свое назначение и доброту).

(лежу больной)

* * *

21.I. 1915

Ухи с налимом тоже нет в Зап. Европе.

∞

Русский обыватель не отдаст ее за Habeas Corpus. Если бы ему объяснили, что́ это такое, он сказал бы: «Я не понимаю, *для чего* это нужно?» Напротив, нет человека, который сказал бы об ухе с налимом: «не хочу».

Полиция «вторгается» в частный дом? Во-первых, она не «вторгается», а просто входит, — и не в своих интересах, а в интересах «благоденствующего города». Как же иначе-то? И как изловить злого человека? Притом я не понимаю, «как *применяется* Habeas Corpus», п. ч. Шерлок Холмс арестовывал мошенников-баронетов на дому и *обыскивал* многократно частные дома. Без этого вообще нельзя в *общезитии*, и кому неудобны предосторожности *общезития*, тот не живи в нем.

В 1905 году (1904? 1906?) у меня был обыск. Подошли прямо к письменному столу «барышни» (падчерицы), выдвинули все 3 ящика и стряхнули содержание их в глубокий мешок и запечатали (поняты). Ушли.

Я был вежлив с полицейским офицером, и он б. вежлив. Ничего грубого, жестокого. Жена подняла было голос: и это мне показалось до того *нестерпимо-деликатным* в отношении офицера, что б(ыло) единственной минутой, когда я заволновался. Для человека невиновного обыск — решительно *ничего*, а когда он *виновен* — то для чего *виновен?* «Терпи» — закон виновного.

Тут даже интересно сказать, как вышло дело, чтобы увидеть, *кто* же мошенники, «беспокоящие нас по ночам» или *из-за кого* «беспокоят».

Толстый, мягкотелый и окончательно глупый швейцар Никифор вошел на цыпочках и шепотом конфиденциально сказал мне, что «у вас эту ночь придут с *обыском*». Я выпучил глаза: как? что? почему? — «Так что полицейский офицер сказал: *придут с обыском*». — «Из-за чего?!!!» — «Так что, значит, револьвер хранится...» — «Какой револьвер?? Хорошо. Уходи». И войдя в столовую и затем к «барышне» в комнату, где была и ее мать, — сказал непонятное и удивительное сообщение швейцара. Мать — безумно перепугалась (больное, и опасно, сердце), а «барышня», вся побледневшая, выдвинула правый ящик письменного стола и, взяв письмо из него, порвала в клочки и вынесла в сортир. Все так быстро, что я даже не спросил, что́ это, — не догадался о связи с обыском. Затем с нею сделался (с «барышней») невыносимый припадок, и был позван (приехал уже после обыска) по телефону наугад д-р Греков (хирург известный). Через месяц уже я узнал, что она дала *свой адрес для пересылки письма*, не к ней, но к революционерке к одной, бывавшей у нас «как друг» и родная в доме всю зиму:

— Послушайте, — не позволяйте *Вы дать свой адрес для письма ко мне...* Оно должно прийти на этих днях... *Вы смотрите на штемпеля почтовые, — какого города: если из Ростова-на-Дону — то ко мне...* Ведь у Вас самих в Ростове-на-Дону нет знакомых?

— Нет.

— Значит, письмо *не Вам*, а будет *мне*. Если я дам *свой адрес*, то письмо перехватят и прочтут. А письмо — ответственное... Хорошо? Вы же вне подозрения, и мало ли кто может Вам писать из Ростова-на-Дону?

— Хорошо, хорошо. Пожалуйста, пожалуйста!

Письмо пришло, а революционерка эта (пропагандировала на фабриках), бывавшая у нас не менее как через два дня на третий или через день, на *этот раз не была в течение двух недель* и пришла уже после того, как и получено было «письмо из Ростова-на-Дону», и произошел обыск... *без результата*.

Ни о чем не догадываясь (рассеянность, занятость детьми, коих 5 и все учатся), мы продолжали дружить с революционерками (две сестры, жившие душа в душу друг с другом), и они обе опять «через день или два» каждая завтракали или вечеряли у нас, иногда ночевали у нас. «К которой шло письмо» и вообще она дала «закал барышне» — не была очень развита: кончила гимназию, кажется с медалью, лютеранка,

атеистка и, кроме «рабочего движения» у нас и в Германии, ничем не интересовалась,— и была скучна. Но ее сестра (тоже революционерка) была обширно образованная и, главное, развитая девушка, с знанием и любовью к Гете, с грезами и мечтами, с начатками и зародышами религиозных чувств. Она была «до того русская», что, нуждаясь для пропаганды обучать в одной школе на фабрике,— перешла в православие. Она мне особенно нравилась, и, собственно, на этой 2-й сестре и была основана наша дружба с ними обеими. Вот, месяца два спустя, я спрашиваю эту «интересную» сестру,— все опять-таки рассеянно:

— Знаете, какая беда могла бы выйти. Ведь у Шурочки («барышня») порок сердца: а об обыске она сказала: *Если бы меня увезли и за мною затворилась тюремная дверь* — я бы умерла («разрыв сердца»).

Раз «не умерла», то и говоришь о «прошлом» спокойно. Я не упрекал, но у меня были слова: «Как ваша сестра была так неосторожна».

Она (талантливая) всегда была нежна, глубока (и мысли, и тембр голоса),— и я был поражен, когда ее голос зазвучал холодно и формально:

— Что же, *раз идет борьба* и другие люди и сидят в тюрьме, и их даже казнят,— то отчего же вашей Шурочке *не сесть в тюрьму?*

Я был поражен и не нашелся ничего сказать.

Но задумался. И нет-нет, все возвращусь к этому факту.

— Положим, *они борются?* Но ни Шурочка, ни мать ее, ни я и вообще никто из нашей семьи не борется. Сочувствуем — да. Их — гонят. Отчего им не дать приют, не спрятать, не помочь в какой-нибудь мелочи, хоть спрятать прокламаций, которых сам и не стал бы читать, или их дурацкий «типографский шрифт», коим они печатают свои замечательные произведения. «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало». Молоды. Борются. А я люблю видеть турнир. «Все же движение» и «меньше сна в нашей России».

И действительно, я *сам* взял бы и «шрифт», просто даже не интересуясь революцией. «Известно, обывательские люди», и как не порадеть «соседу».

Удивительно, что и эта, развитая и глубокая, не понимает, что нельзя *третьих лиц* совать в борьбу и опасность, когда они *вовсе сюда не идут...* Какая-то неразвитость, односторонность революционного понимания.

Проходили годы. И год на 3-й, 4-й я стал допытываться:

— Да как произошел самый *факт?* Как он мог *произойти???*

Письмо... «Из Ростова Б-ной» явно могло идти тысячи писем. *Б-ной* — «отовсюду могли идти письма», в том числе «и из Ростова».

Так и сказали. *Чего* же тут особенного? Явно, письмо «Б-ной из Ростова» совершенно неуловимо для полиции, раз что «Б-на» не значит-

ся в списках следящей полиции. Как же она могла схватиться «об этом письме?» Почерк? Ну что такое *один* почерк среди *ста тысяч почерков* на письмах, посылаемых «вообще из Ростова». *Разницы* в почерках сотни — двух сотен лиц — уловимы. Но мне за небольшую свою *личную письменную практику*, т. е. приблизительно из 500 корреспондентов и почерков, случилось *один раз* встретить почерк, *абсолютно* совпадающий с другим уже известным почерком, но *совершенно другого лица*. Неужели же «там, где изучаются адреса» в самом деле «узнаются нужные письма по почерку». Нет, это может быть «удачно» и вообще «возможно искать» уже тогда, когда есть для этого *фундамент, на других данных построенный*. Тогда «легко находится» и «схватывается». — Притом «пишущий — виновен» — ну, его и арестуй *на квартире* или произведи у него обыск. А если «его *местожительство* неизвестно», то откуда полиция убеждена, что он «непременно в Ростове»? Таким образом недостаточно «по почерку» перебирать даже 100 000 писем из Ростова-на-Дону, но нужно перебирать в 50—100 *миллионах* писем, вообще ходящих «по России». Уловить здесь оттенки почерков — совершенно невозможно. А что «преступник N напишет письмо B-ной», с которой он незнаком и она его никогда не видала, этого полиция вообще *не могла знать*; или, вернее, она знала, что *этого не будет*.

— Что же такое вышло и что такое случилось? Да нет другого разрешения проблемы, как то, что сидевшая 2 (чуть ли не 3?) недели дома пропагандистка на фабриках — поджидала ареста Шурочки, — после которого и явилась бы к нам, с удивлением, негодованием на «подлое правительство» и упреками мне, как «я могу молчать, когда делаются такие мерзости». Я довольно рассеян и мог бы «вознегодовать» (ведь я о *всем-то* догадался через годы) и из «ни то, ни се» в отношении революции — перейти в ярые. Все они — тусклые и бездарные, а у меня «перо в руках». Вообще я очень мог бы помочь, — и меня и с других сторон «тянули». Тогда этот решительный удар, моя «ярость», горе семьи, «мать чахнет от увезенной куда-то дочери» сыграли бы свою роль. Я нашел бы «слова», которых у революционершечек нет, и «составил бы момент *во влиянии на общество*»... Словом, это очень понятно в счетах революции, которым горе и несчастье *Шурочки* и ее *матери* и всех *пяти* (еще малолетних) *наших детей* было нужно не само по себе, а как *возбудитель ярости в видном русском писателе*. Они целили совсем в другого зверя, и — не «удалось», но кинули в жерло 7 человеческих, малолетних и больных, *жизней*.

Против их всех воли, и вообще на «них» не обратив никакого внимания.

Кто ж деспот? и где «обыкновенный мошенник», — тот ли полицейский офицер с понатыми, который меня «обыскивал», или эти «друзья нашего дома», которых так искренно и глубоко мы любили две зимы? И из которых об идеалистке именно «мамочка» говорила: «Я ее люблю как родную».

* * *

22.I.1915

«Симпатии» не стреляют. «Симпатии» только разговаривают. И на них не нужно вовсе обращать никакого внимания.

(поляки, евреи, «общественность» около них и серьезное государственное управление) (лежу больной в постели)

* * *

22.I.1915

Карточного домика построить не умеют. Но зато надеются, верят и рвутся построить идеальное государство. И приговаривают, меланхолично глядя на небо с облачком: «Взыскуем *Невидимого Града*». И такая игра на сердце, что «мы — самые лучшие».

(все «наши русские») (лежу больной в постели)

* * *

23.I.1915

Вот разница: когда подсмеешься над чем-нибудь у духовенства, даже найдешь недостаток в Церкви, — то как-то радуешься сверканию «ума моего» и вообще удаче, силе и победе. Но поистине что́ миру за дело до «ума моего».

Напротив, когда скажешь о Церкви что-нибудь доброе, то чувствуешь себя как «выздоровливаю» или подал нищему или уговорил соседа не ссориться.

Или помог выхлопотать пенсию.

Чувствуешь, что сделал дело.

(на конверте, засыпая)

* * *

24.I.1915

С поляками и евреями надо так говорить:

— Черт его знает это правительство: как медведь — лезет на рогатину. А я боязливый: боюсь не только медведя, но и рогатину взять в руки. Берите *сами* и айда на косолапого. А я погляжу и если удастся — то порадуюсь.

Что́ же, если они так глупы, что ищут моего, 1/160 000 000 части населения, «сочувствия» себе, как будто оно что-нибудь значит в смысле «помощи им» или «опасности для России», — то о чем с ними разговаривать? Это в случае «серьезно»: но, кажется, это имеет значение в смысле «партизанской войны». — «Будем выбивать *по одному* у русских и особенно — *из молодежи*. Этого повесят или сошлют и вообще он погибнет. Вместо 160 000 000 русских — их останется 159 999 999, и я ослабил врага моей Отчизны».

Иезуитское и немного ослиное рассуждение. Оно поправляется только одним практическим соображением: «Я займу *место* в русской

службе,— и с ним кусок хлеба себе и каши,— если этого студента сошлют».

Это — другое дело. И вот почему надо говорить им, как я советую.
(больной в постели)

* * *

28.I.1915

...ни одной вялой строчки на таком неизмеримом протяжении всех трудов и с 1882 г. (кончил университет) — ни одной вялой, безжизненной, плетущейся строки.

Удивительно. Вполне удивительное горение. Сколько же было «запасено в мне дров», чтобы сложить такой чудовищный костер. Целая барка, «беляна», как на Волге, и еще — дрова, дрова, березовые, чтобы ярко пылали.

Елового — ни одного.

Удивительно.

Я думаю — удивительно и прекрасно.

«Я, м. б., и глуп, но во мне б. очень много дров».

(кроме где «я паралич» — «Цель человеческой жизни» и «О трех принципах человеческой деятельности») (редакции по 3 каждая)

* * *

29.I.1915

Пахучесть половой сферы есть самое древнее ее качество,— от тех времен, когда растения еще не отделялись от животных. И, поистине, ее суть и история покрывается стихом Пушкина:

...ее пленительная сладость
Прошла веков завистливую даль:
Вдохнув ее — стыдливо рдеет младость,
Утешится безмолвная печаль,
И ветхая задумается старость.

Это немного не так, как у Пушкина («К портрету Жуковского»), но «по нужде бывает перемена».

Самое древнее, изначальное качество пола. Все переменялось в нем: вид, формы, способы соотношения. Но это *одно* — осталось.

И брезжит мысль: да уж то чаяние «размножения без совокупления», которое временами проходит и *всегда проходило* у старцев, в ветхих и порою в новых книгах, уж не есть ли «размножение через обоняние»?..

Насекомые переносят пыльцу цветков... И может быть, в Вавилоне та девушка, которая восходила раз в год на высокую башню и здесь в уединенной комнате проводила ночь, чая забеременить,— не вдыхала ли запах особого таинственного Лотоса?

Чудеса были...
Чудеса будут...

(выздоровливаю)

* * *

29.I.1915

Выучить, чтобы куриный цыпленок научился плавать, а утенок — хорошо бегать по земле, чтобы барашек начал мяукать, а кошка — давать хорошую шерсть,— в этом заключаются все усилия русских училищ, гимназий, университетов и даже наших несчастных родителей, несчастной русской семьи. Никакого нет рассмотрения и простого даже внимания к предварительным способностям, к детским и отроческим априориям; к «врожденным зародышам». Декартовская мерзость: «животное есть *машина*», а человек есть «*мыслящий дух*», «*Cogito ergo sum*» *, эта типичная католическая и даже вообще христианская гадость — проникает всю европейскую цивилизацию. Никакого понимания зерна, зародыша, роста, т. е. никакого понимания метода Элевзинских таинств. Никакого метода фалла, «встал», «заснул», «пробудился».

Школы должны быть не «реальные» и «классические», а их должны быть тысяча типов, удлинений, характеров, оттенков, характеристик. «Сколько ремесел, столько школ», «сколько душ — столько методов». «В каждой губернии — своя школа», даже — «в каждом селе». Точней — вся жизнь должна быть школою, мы должны вечно работать (с детства) и вместе с тем постоянно и до старости — учиться. Оттого древние и прежние государственные люди, безграмотные, были так мудры и добродетельны, и оттого в новой Европе «из школ выходят только нигилисты». А жены — флиртуют и не умеют к штанам мужа пришить пуговицы.

* * *

30.I.1915

Будущее сильнее прошлого...

Надежда сильнее воспоминания...

Реальная действительность больше свербит в деле, чем всякое почтение к бывшему, и одолевает всякую усталость...

Вот откуда рождается «прогресс»...

* * *

2.II.1915

Дарвин не заметил, что у природы блестят глаза. Он сделал ее матовой, она у него вся матовая, без масла и сока. А сок есть.

Природа с потухшими глазами. Бррр...

Он дал пакость, а не зоологию. И пакостный век поклонился пакости.

«Музыки не надо, есть граммофон»: вот дарвинизм и история дарвинизма. Одно к одному.

* Мысль, следовательно существую' (*лат.*).— Здесь и далее перевод иностранных слов и выражений выполнен редактором.

Дарвин в высшей степени подошел к пошлости XIX века. Ведь он весь пошлый, этот век. О, как чувствовал я это с университетской скамьи. Гольцев, Макс. Ковалевский, Муромцев, розовенький Алексеев, П. Г. Виноградов. И когда был изобретен еще автомобиль, они все поехали на автомобиле. Полная культура.

* * *

3.II.1915

Веленевая бумага — веленевая литература.

— Нравится она вам?

— Бумага? Нет. Противная, гладкая.

— Нет. Не о бумаге. А литература?

«Веленевый Айхенвальд». «Авель убивающий»... (что ему Гекуба?). Люди убивают, грабят, распутничают: а он все на веленевой бумаге... Молятся, каются, скорбят: а он все веленевые строки. Нет его хуже черта! Черт покается и к Богу придет, а Айхенвальд никогда не покается, и прийти ему совершенно некуда, п. ч., напротив, он ожидает, что все к нему придут и даже сам Бог признается во многих недостатках перед Его Величавым Величеством.

* * *

6.II.1915

«Поведение» и «образ мыслей» кур не входит ни в «да», ни в «нет» того маленького «Дома», в котором они живут: и так же точно не принимается во внимание ни поведение, ни образ мыслей ученых девушек Большим Домом, который есть их Отечество.

Ибо одни и другие «несутся».

Куры, однако, не замечают, что несутся: это происходит так, «само собой», что курица более замечает свое «поведение» и «образ мыслей», любовь и утеху ее, корм, насест и добрую хозяйку, высыпавшую перед нею зерна. Именно это представляет узор жизни, краски ее, все «радостное существование». Да ведь так это космологически и есть: «курица «живет для себя» как Кант и Шопенгауэр с Ding an und für sich * и «Мир есть мое представление». Но с космологией смешано хозяйство: хозяйка, высыпавшая зерна курам, делает это ради того, что они «несутся». И отечество строит курсы девушкам, п. ч. там устраиваются встречи, знакомства, загорается румянец, и вообще в этих условиях они лучше «несутся». А без следующего поколения отечество в сто лет бы вымерло и обратилось в пустыню.

Пустыни не нужно.

Нужен сад.

И вот оттого существуют курсы, куры, науки и несколько лицемерно приглашаемые туда профессора. Последние «воображают о себе».

* вещь в себе и для себя (нем.).

Но поистине гораздо их важнее студиозус, приносящий на юно-девичью сходку потаенно бутылку «Bier» *. И девушки его встречают... и, ей-ей, это мило и прекрасно.

Deus mundum regit **: помните у Кюнера в 1-м классе?

(после исповеди, ночь)

* * *

7.II.1915

Удивительное, к «образу мыслей» относящееся, есть следующее:

Хотя бы мысль какую-нибудь я совершенно оставил, даже хотя бы наконец я ее возненавидел, тем не менее я «имею ее», т. е. так думаю, но думаю уже в виде слабого оттиска (как в типографии бледный оттиск) или оттиска поцарапанного, сбитого, испорченного. Но — имею.

Как это может быть? В душе сохранилась возможность «стать опять в такое положение» к предмету или к жизни, в каком однажды она уже простояла некоторое время, которое ей стало уже знакомо, и вот будущито знакомым — в сущности никогда не умирает.

...И не только в смысле «помню» этих мыслей, но и «люблю» этих мыслей. Сейчас я очень внимательно вдумываюсь в эту сторону души и вижу отчетливо, кто живет в ней, и «люблю» прежнего. Чтó раз пережито — никогда не позабывается вполне, а лишь покрывается пеплом, а еще чаще только забрасывается новыми дровами. Новые дрова как будто дробят, ударяют и гасят «обгоревшие уголья», но, в сущности, не только от них загораются сами, но и сливаются с их жаром и огнем, хотя и старым и угасающим.

* * *

7.II.1915

Либерализм сидит так же твердо на своем месте, как чиновник, и так же долго. Действительный статский советник сидел 35 лет, а тайный советник даже 50. Он умирает 73 лет, начав службу в 23 года.

Чему же я удивляюсь! Либерализму нет более 50 лет: и в этот срок «службы» действительного тайного советника улеглось 1 марта, Богу-чарский, 2—3 войны и «эпоха великих реформ».

Он «сидит»...

И «правит Россией»...

Все «за ним бегают», хвалят, оценивают заслуги.

Он «сделал нашу историю»: Стасюлевич и его тесть Утин. У них сотрудничает Максим Ковалевский. Все «честь честью и чин чином», как улыбается моя Мордвинова (москов. курсистка).

(на обороте транспаранта)

* пиво (нем.).

** Бог правит миром (лат.).

* * *

7.II.1915

...да, но *откуда* же было взяться мудрости и достоинству? Литература не может дать ничего, кроме того, что лежит в среде. «Среда заела» — это более чем к чему-нибудь относится к литературе.

Историю сделали генералы и митрополиты. Ниже волнение распространилось до архиереев и унтеров. Мужик и солдат прибавили сюда терпение и труд. Но «мы», от Гоголя до Философова?

— Ничего.

«Никто» не спрашивал, никто с нами не советовался.

Никто. Ουδεις,

как сказал Улисс ослепленному им Полифему.

— Скажи же, как *имя твое*? — воскликнул несчастный.

— Ουδεις, *никто*, — ответил Улисс, быстро отчаливая корабль.

Полифем заревел, глупо восклицая:

— Ουδεις ослепил меня! О, мне так и было предсказано. Но я думал, что он огромный и гораздо сильнее меня.

Так Некрасов ослепил Диму Философова и Клейнмихель ослепил Грановского.

Тогда пришел Гоголь и стал хихикать. Пришел дьявол. Без добродетели. Но нельзя отрицать, что в его смехе была основательность.

(на обороте транспаранта)

* * *

8.II.1915

Да вся литература (наша) XIX века и не имела другого устремления, как выесть душу человеческую и основать на месте ее

ПУСТОСЛОВИЕ.

— Зачем вам душа? Вы пойдите в театр и посмотрите моего «Ревизора»... Как живут и какие парички носят провинциальные чиновники... Хи-хи-хи...

Демон смеялся. Бездушный демон. Коему нравились лишь «упокойнички» и непременно барышни (мужчины — ни одного)...

Публика повалила:

— Ха-ха-ха... Го-го-го...

— Хи! хи! — пискнул Гоголь.

Чего же я плачу-то, что литература ничего не понимает, ничего не чувствует. Вполне естественно...

* * *

После 100—80 лет триумфов литературы Россия представляет колышущуюся утробушку, которая, осматриваясь по сторонам, дожидается:

— Чему бы мне посмеяться?

Да, чему бы тебе, «утробушка», посмеяться, уж не знаю. Папаша и мамаша «продернуты», «земля своя» — о, это главное «о-го!-го!-го!». Вера, Бог, небо.

Ха-ха-ха!!!!.....

Остаются юркие жидки. С хорошим хлыстом за спиной. «Утробушка» знает, что хлыст больно сечет. И почтительно говорит:

— Да. Вот это нация, давшая миру и Спинозу и Айзмана.

* * *

17.II.1915

— «Тесть запретил мне писать что-нибудь сочувственное о христианстве, о церкви и — как он выразился — о «так называемом вашем отечестве».

(Стасюлевич)

— «Я и не пишу. Не сочиняю. Он кормит меня. Я был бедный русский профессор. Теперь я богат. У меня дом на Галерной и дом на 2 л. В. О., в одном — редакция, в другом — типография. Склад книг, и вообще я видный в России человек. С весом и влиянием. Я — Стасюлевич. Михаил Матвеевич.

Бедный завещал даже издать «Архив» бумажонок и письмишек к нему «важных особ», — совершенно не прочтя между строк каждого письма: — ты собственно бездарность, но в силе, и я к тебе обращаюсь с просьбой (следуют «пункты»).

Бедный свободный человек.

Незаметно за ним присматривали «свои»: Слонимский, его зять или тесть Венгеров, и вообще уже некрещеные. Но это было именно незаметное. В России все должны были думать, что они читают ученый академический журнал и настоящее «европейское просвещение», излагаемое профессорами и академиками, напр. академиком Пыпиным, а не кушают просто жидовскую «мацу», изготовленную на крови мальчика Ющинского.

Так 43 года продолжалась иллюзия. 43 года еврейской обработки русского общества. Вот что значит не очень хорошо жениться.

(рассказ мне, с замешательством, как вылетел Ляцкий, зять Пыпина, из «Вестн. Евр.». Из рассказа ясно было, что неосторожное слово Ляцкого доложил «Самому» тихий и симпатичный Слонимский)

Теперь посеянное взошло. На одно «Новое время» существуют еврейские

«Биржевые ведомости» (Пропер)

«Речь» (Гессен)

«Современное слово»

«День» (Кугель)

«Петербургский курьер».

И Петербург представлен в печати не русскими, — во всяком случае не русскими и не татарами, не немцами и чухонцами, а — евреями. Знал хитрый Утин (директор учебного банка), за кого выдать дочку. И вот теперь-то я понимаю Глубоковского с «запретить по каноническим правилам» именоваться евреям христианскими именами. Ничего решительно не подозревая, я все время гимназии и университета и 1/2 учительства думал, что Утин, почти Уткин, — конечно русский!!!

* * *

17.II.1915

Гении, таланты, полуталанты и просто очень прилежные люди соединены были в течение века общим качеством, что были

ПАКОСТНИКИ.

И они испакостили народную душу, народный быт...

Все 1) так хорошо писали, 2) были так учены, 3) графы, князья, профессора, поэты, журналисты, — больше всего журналисты, — которым решительно одинаково было:

1) Если муж верен жене своей — скучно, если он изменяет жене — занимательно.

2) Если молодой человек служит, занимается, строит дом и женится — скучно; если он беспутничает, лодарничает и попадает на скамью подсудимых — интересно.

3) Если девушка с брюхом до брака — пиши роман; если после брака — нет романа.

4) Если он ненавидит свое отечество — интересный человек; если любит свое отечество — что же о таком говорить?

5) Кто говорит, что человек — небесное существо, — пошляк; если он утверждает, что человек произошел от паука, осла, а мож. быть сделан из резины — жмем ему руки.

6) «Ура» все ослиное

— «провались!» — все божественное.

И это сто лет, *сто лет*, СТО ЛЕТ, без передышки в Нью-Йорке и Петербурге, во всякой Кинешме и Арзамасе: — но удивляться ли, что все стало

ПРОВАЛИВАТЬСЯ.

Ну, радуйся «наше подполье».

Несчастные... О, несчастные, несчастные, несчастные!!!

(утро, после кофе)

* * *

19.II.1915

— Главное — иметь ироническое отношение к вещам. Ирония!.. Ирония!.. Вы ее имеете? — о, тогда вы *далеко* пойдете...

(редактор новичку, принесшему рукопись)

Еврей:

— Ха-ха...

Семинарист:

— Го! го! го!..

(история русской литературы)

* * *

24.II. 1915

Уже написано 2 листа (не согнутые, «полным форматом») ее красивым, твердым почерком, — «не знающим колебаний». «Должно быть интересно». Когда раньше «интересного чтения» я поднял глаза на заглавие:

«ЗАМУЖНЯЯ ДЕВУШКА».

— Чтó ты, Надя, пишешь?

— Чтó задано, — ответила она с достоинством. И, как нередко теперь (15 лет), на губах ирония.

— Как «замужняя девушка»?

Ничего не ответила.

В столовой передаю другим. Смеются. Когда она вмешалась:

— Не «замужняя девушка», а — «за-муж-ня-я жи-знь де-вуш-ки». Большая разница.

Смех увеличился. Но и «отражающая нападение» ирония на губах ее — тоже увеличилась. Медленно повернулась и прошла в свою и сестры комнату, в то же время классную комнату.

Так идут «классы» и «сны» моих детей.

Ну, дети, — спите и учитесь. Побольше спите, а учиться можно и «не очень». Чтó там Надюшка написала на двух листах? Надо бы заглянуть. Но некогда: у самого — срочная статья в газету.

* * *

26.II.1915

Родство — только и исключительно через детородный орган, живот, бедра: грудная клетка, шея, голова — *nihi!* в нем участия.

Кристаллы «не рождаются» и не суть родные.

Они — холодные.

«Живот» — начало тепла в мире. «Животная книга», «книга живота» — термины, понятные и сущие в круге деторождения.

Ну-с, а *тепло в мире?* Может быть «не нужно», «лишнее», он «и без него проживет». Но поистине мир легче обойдется без «меры и числа», чем «без живота»: и *холодный* он погибнет скорее еще, или станет еще отвратительнее, чем как оказался бы мир «не считаемый», без счета, без «числа в себе».

Мир — «с животом»! О, слава Богу. «Без головы» он долго жил. Есть у дождевого червяка голова? У морской звезды? у разных морских

чудищ? Где у раковины голова? Ну, а без «брюха» — т. е. выкидывая аллегория — без «детородного органа» нет ничего живого.

Можно даже так сказать: долго мир существовал «об одном *половом органе*» — пока наконец у него выклюнулась «голова». Вот вам и Аристотель.

Но я отвлекся от острой мысли в себе: сегодня, как однажды как-то давно, Домна Васильевна сказала: «Я его люблю как брата». Это — о муже своей сестры, Катерины Васильевны. Катерина Васильевна много шила на нас, а Домна Васильевна живет у нас 8 лет, около детей, починки белья, вечная «штопка» бесчисленных чулок, и теперь смотрит (мама больна) за хозяйством. Около 30 лет, девушка. У Катерины Васильевны двое детей, ей 31 год, и вот девушка говорит о ее муже: — «Он мне все равно как брат».

Почему?

Оставим формы и приказание закона, ибо равным образом чувствуют и китайцы и чувствовали греки: «Потому что его половой орган деятелен с моею сестрою, и сестру я чувствую как какую-то параллель себе, ибо она и я — мы вышли из половой деятельности папы и мамы».

Я заменяю преднамеренно милыми «папа» и «мама» — юридических «отца» и «мать». Собственно, юриспруденции совершенно нечего делать в круге родства. Ибо юриспруденция

... скука, холод и гранит

— а кругу родства — он весь теплый, тепленький и милый. Куда же тут законы, когда началось все «по-милому». Родители милы детям, дети милы родителям, сестрица — братцу, братец — сестрице. Но вот пришел изчужа незнакомый человек, что-то поговорив, завязав какие-то улыбочки, рукопожатия и тапочки, — начал («брак») совокупляться с моею сестрою. Все братья этой единой сестры, ее родители — все, решительно все, начинают о нем говорить:

— *Теперь* и он нам брат.

— *Теперь* и он нам сын.

Почему? А если бы был только *другом* 10 лет, дал бы в долг денег и проч.? Тогда был бы «благодетель». Но «благодетель» не то, что брат. Брат — ближе. «Я его люблю», «мы его все теперь любим», «он нам родной», как родственник...

Почему???

Господи — почему?!!!!

Ну, а если бы у него, как говорится в Библии, «не было ядер или уд был поврежден», и, словом, если бы он «ничего не мог» как мужчина? — Его бы сейчас развели с сестрой, а если бы «заранее знали», родители за него не выдали бы дочь, нашу сестрицу. Что же значит??? Ведь он чиновник, богат, имеет знатность и положение? «Без ядер — библейское

выражение — не нужен». В Библии ярче: «Без ядер в сонм Господен не входить». И никто решительно к нему *родным себя не почувствует*.

Он в мире *никому не родной*, кроме насколько «сам нисходит», «родился». Его любят отец и мать, братья и сестры: но за границею *верхнего родства* — начинается черная яма, «нет», нигилизм, небытие, и он оказывается действительно никому не нужным.

— Фи!..

— Фуи!..

— Гадкий! Гадкий! Гадкий! Пошел, пошел, пошел!!!

Девушки бегут от него. Они особенно закрывают лица и убегают в каком-то ужасе, смешанном с отвращением: «Вы действительно *никому не нужны*».

А ядра есть:

— Пожалуйста.

— «Честным пирком да за свадебку».

Прибаутки, шутки, песенки. Просто так она к нему и лезет: «Где жених — там и *поэзия*», «где невеста — две *поэзии*». Цивилизация. Я хочу сказать, — что наряды, которые все люди без сожаления и уговора, любовно накидывают на плечи молодца, «у него *все есть*», — слагаются и вырастают прямо в зачатки цивилизации.

— Потому что есть *жизнь*.

— Потому что есть *тепло*.

— Потому что это *мы, милые люди*. Под солнышком и под Богом.

Да. Но для этого не нужно ни плеч, ни головы. Все дело — в том, чтобы ниже пояса «*все было на своем месте*». Тайнственная и магическая сторона сего места обнаруживается из того, что на него никто не смотрит, его никто не видит и, сколько можно судить по внешности, — о нем даже никто не думает. Между тем, «не видимое и не называемое», оно приводит все в движение и волнует целую жизнь, целое море, океан людей. По существу, «все только *сие* и любят, к *сему* влекутся», ибо если «сего» нет — то вообще ничего нет (примеры — выше).

Непостижимо.

Это — открытие Розанова. Ибо кто написал это?

Родство в мире *все чувствовали*, но никто не знал...

Не знал, что́ это?

Не знал, что родство относится вовсе не ко всему человеку, в его «полной фотографии», а лишь к определенному его *уду* и есть чувство этого *уда* окружающими.

* * *

5. III. 1915

...давите, давите нас, евреи. Ничего. «Стерпится — слюбится».

Вы и со Христом справились. Чего же вам стоит справиться с русским народом.

«Гевалт».

«Гевалт» («распни Его!»)

заглушил нагорную проповедь и речи на Гениссаретском озере: разве же Кугель, Левин и Бикерман не заглушат Пушкина, Гончарова, Жуковского.

Он все решает (Гевалт) «Иерихонские трубы».

На месте победы ваши Ривки сейчас же размножатся. Кости Розанова, конечно, будут выброшены вон. «Разве они нужны России?»

— России? — Пхе! Это решает Петербург, т. е. Кугель с Гессеном, «выражающие петербургское мнение».

Что «столица решила — то и Россия». А в «столице» уже теперь $\frac{4}{5}$ «мнения» еврейские: «День», «Современное Слово», «Речь», «Биржевые Ведомости» — утреннее издание, «Биржевые Ведомости» — вечернее издание, «Петроградский Курьер»... Газета «Копейка».

Против *единственного* «Нов. Времени» (если не считать *нечитаемых* газет — «Земщ.» и «Русск. Знамени»).

Ну, хорошо, господа: Христос Б. распят и русский народ, конечно, будет съеден. Но как-то вы-то не «пухнете» от этих побед? Жид и всегда тощ (кроме Венгерова). Никак не может наестся. Съел быка — и все грустен.

И грустно вам будет, евреи, и после Христа, и после России.

* * *

7. III. 1915

Ложь — защита моей свободы, моего «я», моей личности, моей интимности. Господи: вообразить человека, у которого «внешнее поведение и сказанные вслух слова» = ему прежнему!!!!

Ой!-ой!-ой!-ой!!

— Без «своего»?.. Без грез?.. Шепотов?.. Человек без шепота! — Булыжник!

Правдивый булыжник...

Вся в «лжи» фиалочка: смотрите переливы цветов, желтый, фиолетовый, синий... где один кончается?.. где начался другой?..

И мотылек... ему уже «хочется», и он «не знает»...

И я...

И мир...

Мы все лжем...

П. ч. мы прекрасны...

П. ч. мы бесполезны. И не дадим «взять двумя пальцами» свою душу ни логику, ни моралисту, ни законодателью...

Господи: благодарю Тебя не за то, что Ты сотворил мир, но за то, что Ты сотворил ложь...

Покров мира... одежду мира... щит ему...

От дождей. От копий. От врагов.

Господи! Я лгу — и я свободен.
Господи! Я лгу — ибо я человек.

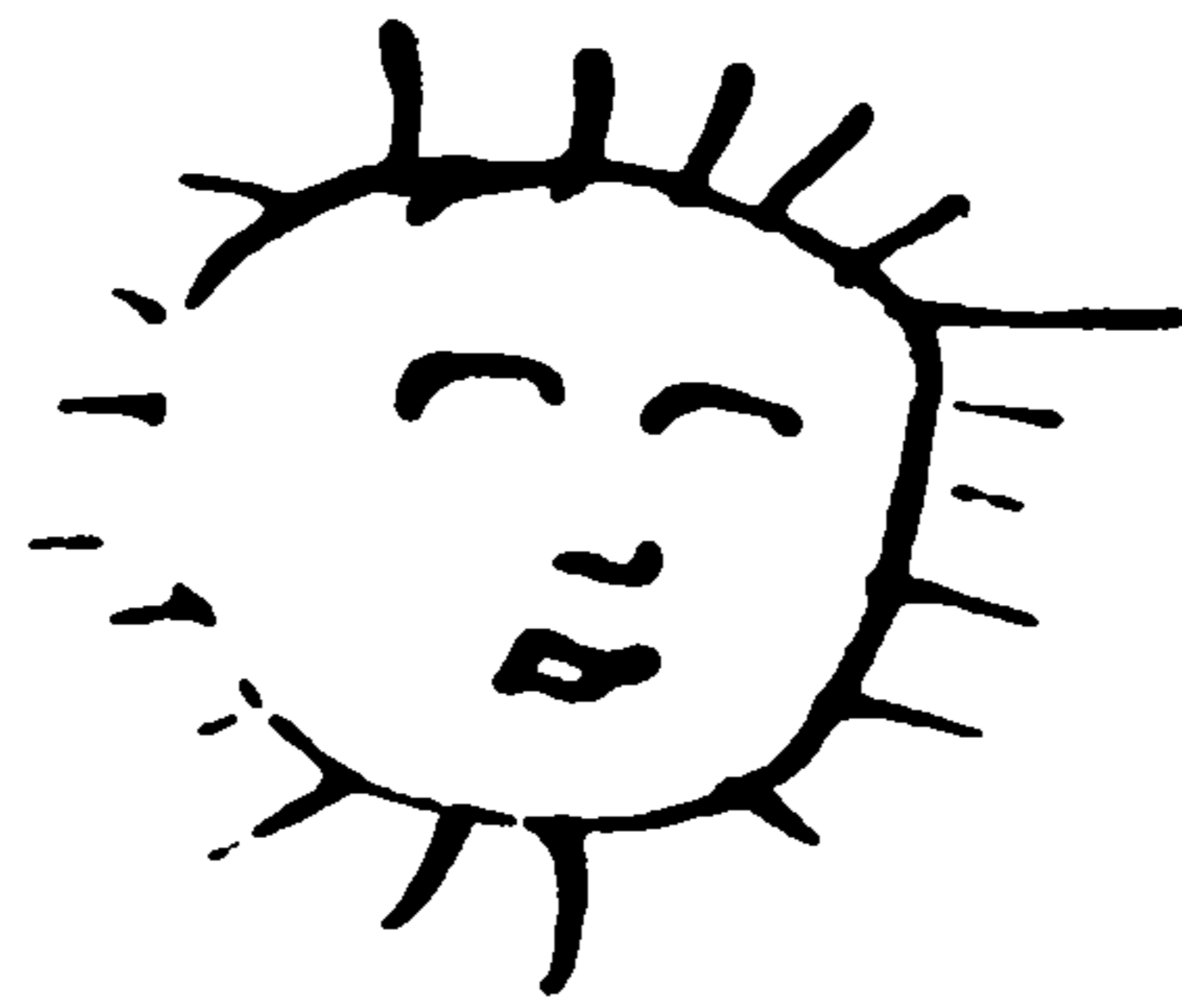
(за записями) (Верочкины враки)

* * *

7. III. 1915

...они пришли по душу мою.
...со своей «моралью» они пришли по душу мою.
...со своей «логикой» они пришли по душу мою.
Господи — укрой меня.

Господи - зараб лая.

Беге в безумие

Беги в безумие.

(поезжая парком в Нар. Дом) (на В. В. Андреева)

* * *

7. III. 1915

Все пело, плакало, смеялось... Что это? Скрипки? виолончели? флейты? Церковный певческий хор, — на двух клиросах?..

Нет: это — просто балалайка *, гусли да домры — В. В. Андреева. Это его великолепный оркестр празднует свой бенефис.

Все было как обыкновенно у него.

Т. е. исключительно и прекрасно.

Народный дом бесновался...

Я вспомнил Годнева.

* * *

10. III. 1915

..... дураки,
дураки, дураки, дураки
«Великие мысли»: да вовсе не «мысли» («мысли» и собаке могут прийти), и — великое движение и величие *всей личности*, кто двинулся... ..
О! О! О! О!..

* Но которую взял в руки Андреев.

Боже: да разве не тысячи, даже миллионы «как в моем положении»: и — прошли мимо, промолчали; дали обидеть женщину, бросили детей, сами залезли под стол...

О! О! О! О!..

«Мысли бывают всякие». В мыслях — черт. Черт и ветер.

Но что я видел и сказал: — «Ни с места!» — «Не уйду!: — «Не подамся»: пусть подаются назад и в стороны отечества, религии, а «моя Варя — тогда перед образом в Калабинской церкви была права»: с этим и при этом я останусь, как Мак Магон: «Je suis et ie resta» *.

Ну, вот: а вы говорите — философия. Философий много — а Розанов один.

Лицо. Человек. В истории. Вот.

Позвольте: кто из вас, над женщиной плачущей и молящейся и «ничего не понимающей» (пар и клубы дыма), встал и, подняв щит и копье,— сражался 20 лет и победил. Да я и знал, что будет победа (*ибо внутренне-то каждому своя правда открыта*).

И потом еще больше... О, дьяволы, до чего вы меня не понимаете: так как она все и потом продолжала «не различать клубов пара от дыма», и продолжала молиться: то я, уже «взяв Победу» и вот... «в истории будет увековечено имя ОДНОГО, который победил»...

Улыбку ее.

Улыбку ее как наше северное солнышко...

«Давай, Варя, и я с тобой — вместе помолимся»... «По-право-славному, по-тихому... А попам — Господь с ними... Пусть вот живут... И нашивочки, и позолоты... Господи, Господи: да пусть и *фальшь* живет, как же бедному человеку без фальши-то прожить. Трудно. Сломается...»

И вот наша «северная, русская реформация»...

Лютер есть Лютер...

А Васёнок есть Васёнок...

— Мамочка. Дай папироску. Я на боковую. Разбуди в 9. Надо в редакцию идти. Очередной фельетон. На 50 р.

Конечно, это не «мантия» пророков и законодателей, новых пророков и еще законодателей...

А наша Русь...

И Варнавин...

И Ветлуга...

Господь с нами: не будем преобразовывать, а будем молиться.

Ну и поесть...

Ну и поспать...

Прилучится «любовь»: ну — и полюбить.

А планета все вертится: Господь с нею.

И утро и вечер: Господь с ними...

* Здесь нахожусь и здесь останусь (*фр.*).

Странничек:

Голодно, странничек, голодно...
Холодно, странничек, холодно...

— Иди к Розановым. У них тепло. Печь с тараканами. А во щах всего один таракан: ГИГИЕНА. ПО-НОВОМУ.

Странничек ухмыляется, трет красные руки.

— У вас в самом деле ТЕПЛО.

∞

∞

∞

Господи: Ты не умертвил меня за 1000 *других* моих грехов. И не раздражает землю, хотя она вообще грешна. Как же я перемещу хотя СОЛОМИНКУ в делах царства Твоего и Храма Твоего и жизни Твоей?

(за корректур. 2 к. «Оп. л.» — о Тане и себе)

* * *

11.ИИ.1915

Есть то, что *есть*.

А *дóлжно* то, что должно.

— Ну?

— Ну?

— Но я замечаю, что *есть* не всегда то, что *должно*.

— П. ч. ведь и *дóлжно* не тó, чтó *есть*...

— Ну?

— Ну?

— *Есть* то, чтó *есть*.

— Да: а должно то, что должно.

— Хорошо: пусть *дóлжное* и остается *дóлжным*, а «*есть*» пусть и остается всегдашним «*есть*».

— А гармония?

— Почему же «гармония», а не путаница. Одно дело — жить в своем домике, а другое — полюбоваться на закат солнца.

(на концерте Долиной)

* * *

12.ИИ.1915

Петр вылетел гоголем на взморье, думал: корабли, торговля. Шумел. Печатал. Бил. Больно бил. «Вечно испугались».

Но до времени и в частности на минуту. На взморье Русь «уселась».

Никто, через 2 века, даже до Кронштадта не прогуляется. Я не видал ни одного за 20 л. петербуржца, который дотащился бы до «Нового

порта» (я был): где так красиво корабли входят в Неву и из Невы пароходы шумят в море. Как красиво. Но в Петербурге петербуржцы находят красивым одно — Ресторации.

Ну, прибавив по-европейскому электрические лампочки — из Берлина.

Вот-с... На Неве парходики содержат чухны. И на маслянице катают нас тоже чухны. Зато:

-- МЫ ка-та-е-мся.

Разъелись и разлеглись

у хладных финских вод.

И по обыкновению начали писать стихи и влюбляться. «Это нашенское». Стихи хоть куда. Ну и любовь — ничего. А дело?

— Ча-во?..

Делов толь, что «перенести столицу из Москвы» решительно невозможно. Ибо Москва у каждого из нас в брюхе сидит.

В брюхе и еще в кровати...

Да в баньке...

А уха с налимом. «Сама Москва».

Москва, конечно, перетащилась в Питер, уселась, заснула, и чуть пришло «Петру скончание»:

Ничего не вышло и ничего не могло выйти.

* * *

13.ИИ.1915

Эта земля, по которой мы *ходим*, — вторая земля. Есть таинственная первая, к которой мы стремимся.

Эта — то сыра, то суха, родит и не родит. Та вечно рождает и всегда сыра. И не по планете, а по той первой, рекут:

МАТЬ-СЫРА ЗЕМЛЯ.

Предвечная сырость... Вечный запах водорослей, нитей, болота, кочек и бактерий.

Всего, где любит «копаться» человек. И ученые, и дети.

Целое солнце не осушит ту землю.

МАТЬ-СЫРА ЗЕМЛЯ.

Что же ее осушит?

— Поцелуй возлюбленного.

* * *

13.ИИ.1915

Вся русская литература написана не на русские темы.

* * *

Представьте себе целую литературу, — романы, рассказы, — где все говорится, шепчется, «взвивается, поется и глаголется» — о бомбочках,

о том, как они «следили за выездами высокопоставленного лица», а она, Эстерь, начинала «снаряды»... Оставим литературу и взглянем на это как на рекламу...

Ибо ведь литература — литературой, но ведь в ней *volens-nolens* * для автора есть и сторона рекламная. «Читают, интересуются, говорят, обсуждают».

Скажите, как же не быть «революции» в России,— столь рекламированной? Так же невозможно, как не «быть торговле», о которой столько «объявлений».

(«Пыль» в «Рус. Мысли»)

О славянофильстве, о русской истории, о «складывании Государства камень за камнем»: то́, Боже, за 50 лет об этом не написано столько, сколько пишется за 1 год о революции.

Кто же читал роман, где было бы выставлено главным действующим лицом славянофил? или — патриот? или — государственный человек?

Итак: революция — $\frac{9}{10}$ и около нее $\frac{1}{10}$ — Россия.

Россия? Что́ такое? *Quantité negligible* **. А революция: «*L'état c'est moi*» ***, как говаривал Людовик XIV.

Но люблю кварталину. Вот истинный демократ. Не смущаясь величием «Людовика», кричит осипло:

— Рожу размножу!!

Береги, миленький, стой, миленький. Ты — Народная Русь. И мы с тобой взнуздаем и Стасюлевича, и Желябова.

Тащи, родименький, его в участок. В клоповник его. Как на пожаре говорил (в Брянске) один отставной полицейский: «Жаль, клопы во́ какие»: И указал на персте $\frac{1}{2}$ суставчика. Я даже вздрогнул.

Там и Соне Перовской, и «великой Вере» (Ф.) найдется место.

* * *

13.III.1915

Вот еще:

Евреи пытаются, настаивают и делают «реальные шаги» переменить у нас образ правления. Между тем *нам* не позволяют переменить у себя метод убоя скота. Почему такая разница? Почему они *вправе*, а мы *не вправе*.

Нет, господа: «за шиворот-то» держит не русский еврея, а еврей русского.

* волей-неволей (*лат.*).

** Величина, которой можно пренебречь (*лат.*).

*** Государство — это я (*фр.*).

Разве вы не заставили таинственным гипнозом несчастное наше отечество забыть и Ярослава Мудрого, и Александра Невского, и даже Негра Великого ради своих Лассалья и Маркса.

О проклятие... Понимаете ли вы теперь, что каждый честный и любящий Родину русский неодолимо и истинно чувствует в евреях проклятие России.

(«Пыль»; все революционеры суть евреи; русские даже не участвуют)

* * *

20.III.1915

...да, Дрейфус, конечно, не был офицером-шпионом, а был французским патриотом; и Бейлис никакого мальчика не убивал, а был мирным киевским обывателем и богомольным евреем.

Клеветники должны «сесть на место», а Грузенберг, Ротшильд и русский поп Агеев — торжествовать правду.

Хорошо. «Садимся на место». Но, садясь, думаем: все-таки «клеветников» уж слишком много и некоторые «не заподозрены»: вот — Пушкин, выведший в «Скупом рыцаре» еврея, который сыну предлагает отравить богатого отца, и предлагает для этого «порошки»; вот Шекспир, «ложно выведший» Шейлока, пожелавшего вырезать фунт мяса из живого человека. Все клевета? Но тогда есть свидетельство Евангелия, говорящее, что они замучили и... распяли Человеколюбца-Бога? Евангелие еще никем не заподозривалось во лжи и обмане.

...евреям, очевидно, легче *перестать быть*, нежели *опрокинуть эту массу свидетельств*. Опрокинуть нельзя, не заставив нас перестать быть христианами. И вот борьба, кажется, сосредоточилась около этого: заставить Европу перестать быть христианскою. Сразу этого нельзя, но можно — постепенно подводя ее к пошлости. Опошленная Европа ни «в чох, ни в черта» и тем паче «во Христа-Евангелие» не будет верить.

Грузенберг и Кугель, один в суде и другой в газете, стараются над этим. Издали и «идейно» стараются над этим Венгеров, Гершензон, Айхенвальд и Слонимский; и «поспешает» к этой теме знаменитый «зять» Стасюлевич...

(читая ругань на Суворина в «Северных записках». — «Дрейфуса обидел» и даже «его возненавидел идеалист Чехов» и вообще «он подлец»)

* * *

20.III.1915

Евреи не могут отрицать, что Гейне был довольно патриотичен и националистичен. Однако он, описав с пафосом «субботу», сказал, что «когда она кончилась», — еврей

Грязной выбежал собакой.

Это — посильнее, чем все, что писал и говорил Шмаков, Замысловский и друг. Но *суббота* евреев обращена к евреям же, *христиане* ее не видят.

И к «христианам» обращена единственно «грязная собака», которую они и бьют. Очень просто. И ваш же поэт санкционировал.

Что вы на это скажете?

* * *

25.III.1915

...о дойная корова. «Стельная» (после теленка?). Идешь и молоко сочится из вымени... И оно такое красивое, белое, розовое, огромное. И такие чудные четыре соска. Розовые. «Прямо пососал бы». Это — я. Т. е. у себя пососал бы. Идет и слегка мычит. «Мурлычит от счастья».

Страшно люблю, когда у меня молоко течет.

И капает на травы, на растения. «Вся роза в молоке» — Васька прошел. «И вся крапива в молоке» — Васька прошел. И нет жгучести, злобы. Розанов умиряющее начало мира. «Все идите и сосите мои титьки».

И хорошо бездумной корове. «Голова у меня пустая, да вымя хорошо».

И хочется всех насытить. Я хотел бы, чтобы все телята кормились от меня. И в лучшую минуту я думаю, что мог бы насытить всех быков мира.

Вот я.

Розанов.

(сидясь за занятиями)

* * *

25.III.1915

Вот что друзья мои: когда придет час вам подойти к Тайне — пугающей, смущающей, волнующей, притягивающей, — то вы возблагодарите Бога, что Он так сгармонировал Рай Сладостей, и входите как в Дело Рук Божиих с чрезвычайным страхом...

И поклóнитесь... И осыпьте поцелуями...

И знайте, что это должно быть редко. Что «7-й день в неделе» — *один*.

(смотрю на танцы подростков)

* * *

25.III.1915

...да не «монотеизм» вовсе, а едино-союзиe, исключительно-договорность, любовь как «супруга к супругу»... А богословы «крепкое, исключительное отношение» — только «тебя» только по «мне» перетолковали или, ослепнув, переврали в нумерационный МОНО-теизм, в отрицание «многих богов». В Ветхозаветных книгах никакого намека на МОНО-ТЕИЗМ наших семинаров нет. Да семинарии, как и духовные академии, надо просто *зачеркнуть* — до того все они ничего не понимают в своем же деле...

..... это как бы говорить, что «поелику были Наль и Дамаянти»,— то вне Индии и у индусов, кроме этой счастливой пары, не было браков, супружеств и детей.

Боже: и никто этой глупости не может заметить.

* * *

26.III.1915

Тайная историческая борьба между еврейством и прочими народами заключается в том, что иудеи стараются всех одолеть удом. Не головой,— куда... Какие же у них «головы». Бездарность, компиляторы и подражатели. Но они, как их Гейне, все обольщают девушек, замужних, кого попало... «Уд выдержит, уд переборет, уд наш устоит,— когда *ваш* ослабнет, станет недейтелен...» — «Девчонки, конечно, побегут к нам»,— думают смазливые еврейчики...

И девчонки действительно бегут. Неудержимо, гипнотически. Их неодолимо гипнотизирует уд иудейский, сильный, неутомимый, от которого будет много детей и потомство будет живучее.

А наши-то архиереи и иереи все стараются о «безбрачии»...

Ну, старайтесь, господа Храповицкие, пока вам не скажут всеобщее: — Пора на *покой*.

Церковь наша, столь великая, в учреждениях, в духе своем, «поскользнулась» около этой темы: и не замечает, как всей ей *in pleno* * предстоит ОТСТАВКА.

(на обороте транспаранта)

* * *

26.III.1915

— *Невинного* брака вы хотели бы?

Попы:

— О!

Литераторы:

— О!

Черти, идиоты: так заключайте его в НЕВИННОМ ВОЗРАСТЕ 13—14—15 лет, для мальчиков никак не старше.

Яблоновский:

— Фи!

Консистерия:

— Ух (*чешутся*).

Победоносцев:

— У меня дела (*уходит*).

Розанов: дураки, дураки. Надеть вам всем кастрюли на головы вместо венцов славы, могущества и чести.

(выдержка из Никона, еп. Далматинского, о позе венчания)

* в полном составе (*лат.*).

28.III.1915

Разница в *роли* и *значительности* мужского и женского пола для деторождения долго (многие годы) кажется до того *в пользу женщин*, что «и разговаривать нечего»: ОНА кормит, ОНА носит в себе, с т р а д а е т, м у ч и т с я, в последующее время заботится, воспитывает и «поет колыбельную песню»... Молитва, поэзия, религия. Он? — Только свистит!!! Черт знает что! — одно удовольствие. «Захотел, батюшка»... и полежал несколько минут. Потом заснул. Забыл. И, пробудясь, даже вышел на улицу «рыскать» и искать новую, на час, «зазнобушку». Взглянуть не на что, только плюнуть. Свинья, Скотина.

Так и я думал. Много, много лет. Пока Евгения Ивановна (в Бессарабии), рассказывая мне о перипетиях скотоводства, полеводства (у ее брата) и проч. и проч., — на какой-то мой вопрос о *породах* рождающегося приплода не сказала (не сразу, а поперхнувшись):

— Все от ОТЦА...

Т. е. жеребенок и человек, в 3 рубля ценой или в 300 рублей ценой, определяется тем, кто не трудился, не страдал, не заботился, не думал, а только «5 минут погулял с зазнобушкой».

ОТЕЦ...

Да и Библия ни о Еве, ни о каких матерях не упоминает, а говорит: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова и т. д. и т. д. Мать никогда даже не названа...

Библия: да и нрав народный, обычаи этнографии: деньги дают «этому весельчаку», имя отца-матери (фамилию) откидывают, дабы «прилепиться» к весельчаку и «быть с ним». Я как некрасивый никогда не обращал на мужской пол внимания, к тому же и «сострадание к женщине»: и мы вообще питаем «культ матери», а «культа отца» у нас совсем нет.

— Папашу забываем.

Но вот бледность и уторопленность Евгении Ивановны (сама — страдающая женщина). И я все вспоминаю ее.

Да. У женщины — грудь. Шесть дней недели — *в отношении деторождения*. И долго, и тяжело. Мужчина же не трудится, но ведь и суббота не трудится, а «празднует». «Веселится» суббота, ничего не хочет делать, — и не прибавить ли: «скачет по горам как лань», «как молодой козленок бегаёт по долам». Суббота — *одна*, а важнее *шести* дней недели. Чудо. Мужчина в браке — его *суббота*, т. е. ГЛАВНОЕ, ВСЕ..

В особенности этнография это чувствует: прямо отдают «все» в приданое. Кралечка, девочка, загляденье: кажется бы, ее купить «за миллион»! Куда — соплявый не хочет, и еще с нее берет тысячи...

— Да кто ты?

Такой некрасивый. Борода. Волосы всклокочены. Говорит басом. Другой час — выпивает. «Тьфу», а не существо...

Повертывается. А за ним бежит тесть и, отведя в сторону, шепотом прибавляет, прибавляет тысячи...

- Кому?..
- Ему?..
- О Господи!!..

Этот дурак опять кашляет и, поворачиваясь, уходит отвратительной походкой. Косолапый.

«А моя — такая кралечка».

И вот чудо: «кралечка» тоже смотрит вслед, задумывается, плачет. А отец ее, совсем седой старик, забыв весь «престиж», — говорит:

— Ну, ладно. 10 000.

Вспомним Евгению Ивановну.

— От него ВСЕ.

Все!!!

Великое — ВСЕ!!!

Потомство. Дети. Девушка без него — пустая кадушка. Без плодов, без зерна. Девушка ДО МУЖА — просто ничего. Да так и говорит поговорка (впервые услышал и удивился — от Александры Адрияновны Рудневой): «Девушка родится, КОГДА ЗАМУЖ ГОДИТСЯ».

Сами родители так и говорят: родилась девочка — но это пока ничего не значит; вот если сыщет мужа — тогда будет ВЕЩЬ.

Девушка и потом женщина *вынашивает* семя, *взрачивает* семя: но — поистине это пока *земля*, которая пуста, доколе в нее не упало *зерно*. *Зерно*, правда, без земли тоже «ничего», однако оно *сложнее, выше и благороднее* земли, это-то мы и при малом разуме видим. А, так вот почему «Авраам роди Исаака». Он дал зерно, из него вышло зерно, а из девушки и даже женщины вообще ничего не выходит: ибо самое *яйцо* есть *помещение* для сперматозоида. СУТЬ, вполне таинственная, заключается в сперматозоиде, которого не снесут 100 женщин, и даже все женщины от Евы не могут произвести на свет *одного* сперматозоида. А у мужчины, каждого, этих сперматозоидов «хоть отбавляй». Но поистине «хоть отбавляй» — я сказал и испугался. Действительно, мужчина задыхается в сперматозоидах, не знает куда деть, томится, ищет — самец. Самка и «жена» только вместилище для его сперматозоидов, и вот за что́ дают «тысячи»...

(*позвали обедать*)

Но в сущности я все кончил — договорит читатель.

* * *

29.III.1915

Что́ так некрасиво, так пахуче и в общем представляет «тьфу» — тянет душу и воображение и сердце наше больше, чем видное *не-«тьфу»*. Как прекрасен корпус, — наслаждайся им на балах; грация движения — на балах же. Грудь? — но и они почти открыты на балах. Закрывается только «тьфу», и закрыто до того глубоко и древне, что еще у животного дан для прикрытия «хвост». Что «тайна *стыда*» входит в тайну Элевзин. таинств — видно из того, что где есть группы «мистических танцев» (на греческих вазах) — везде «действующими низами» являются хвостатые

фавны. И вообще — не хвост для фавна, а фавн для хвоста. Это символы и аллегории, показывающие, что «без хвоста нельзя».

Хвост — начало и древность всех человеческих одежд.

Ну, хорошо. Так значит «тьфу»?

— Тьфу.

(в трамвае к Влад. В. Сулову)

Тогда отчего же «человек связывает себя на всю жизнь», пускает к себе в комнату другого человека (такое неудобство!) и, словом, «женится», с кормежкой, отоплением, одеждой, чтобы только коснуться этого «тьфу». Все меняется ради «тьфу», п. ч. все прочее, — душу, дружбу, разговоры, красивый корпус и лицо, — все, решительно все за исключением одного «тьфу», — можно иметь и в дружбе или знакомстве, можно увидеть на балах. У девушек это разительнее: они не знают имени и не знают вида «тьфу», но *только чувствуют, что есть оно*: и ради этого оставляют отца-матерь, братьев-сестер, милую бабушку и херувимов-племянников и, как в моем знакомстве случилось, — уезжают из Петрограда в Иркутск, чтобы коснуться, и увидеть, и осязать «тьфу». Все это знают, «свадьбы каждый день», а истолковываю я. Все делается именно и только для «тьфу», в *глубоком об этом молчании* (Элевзин. тайнства) и с *полным каждого об этом знании*.

Народ, колеблясь между «тьфу» и «далеко не тьфу», нарек:

— Нечистая сила... О, тут нечистая сила... Что мы можем разделить, сказав НЕЧИСТАЯ и СИЛА...

«Нéчисть» такая, что нельзя не вымыть рук, прикоснувшись «вольно или невольно», «ведением или неведением». Жиды, у которых явно «много нечистого на уме», так и записали в древних книгах, — о книгах еще древнейших и самых главных у них: «перелистав их (прикосновение, осязание) — *нужно потом вымыть руки*»... Они провели аналогию... да даже не аналогию, а полное равенство, отождествление, между прикосновением к «тьфу» и прикосновением к древнейшим и важнейшим у них книгам (на Иамнийском собрании старцев, где было установлено, какие из древнейших книг признавать «апокрифическими» [после перелистания их не надо умывать руки] и какие *подлинными*, настояще древними, не человеческою рукою написанными [после перелистания их надо умывать руки]). Для жидов «тьфу» есть «табу», фетиш, — чего «коснуться нельзя», «нельзя назвать», «нельзя видеть»...

Православные крестьяне и говорят: «нечистая сила». Жиды несомненно поклоняются нечистой силе.

...да воскреснет Бог и расточатся врази его...

Но вот наступает свадьбка, — такой веселый пирок, и на нем девушка, о которой поэт сказал:

Но в разговор веселый не вступая,
Сидела там задумчиво одна.
И в грустный сон душа ее младая
Бог знает чем была погружена, —

думает (приблизительно) жидовские мысли и совсем как Иамнийские старцы, в том духе и разумении или безумности.

— Фу, нечистое «тьфу»...

— Фу, великое «тьфу»...

Был аристократ в Царском Селе. Женат. У жены сестра. И заметила замужняя сестра, что «что-то есть», — или начинается, разгорается между мужем ее и девушкою-сестрою не просто на почве разговоров, дружбы или даже платонического влечения, а что они сближаются и чувствуют тяготение к «тьфу»: 5 пуль она всадила в сестру, — не в мужа. «Вчера мирно разговаривали»... И ни за какое бесчестие, *если б она замаралась сама*, ни за какой вред, напр. разор в имуществе, она не стреляла бы так отчаянно. Но... «у меня отнимают его *тьфу*»...

Разительно.

Неужели никто не поражен?

Лет 5—8 назад я прочел корреспонденцию из Кисловодска (вырезка и сейчас в «Архиве» — долго искать, читатель поверит): молодая замужняя женщина выехала из Кисловодска, — и муж ее... «ввел в дом женщину». Что же случилось? Мать ее (теща) побежала по соседям, рассказала, и *скоро дом легкомысленного мужчины был окружен женщинами*. Они кричали, угрожали, — до тех пор пока он вынужден был «отпустить женщину». В формальном и равнодушном изложении корреспондента это разительно. Я задрожал. В чем дело? Отчего прибежали женщины (нужно же встать ночью с постели), отчего закричала старуха? Нарушился великий закон:

— *Тьфу* мужа принадлежит только жене.

И — лежащий в основе самого закона огненный инстинкт женщины:

— *Мне и никому...*

Это странно... Наконец, это страшно. «Такая-то мерзость» (наш мужской взгляд, Влад. Соловьев в «Оправдании добра», все аскеты)...

Я сказал «мужской взгляд». Нельзя не обратить внимания, что считая у себя «мерзостью», мы у *них*, у *женщин* — хотя даже подсмеиваемся, но больше «на людях», внутри же себя и тайно мы даже и не улыбаемся на «ихнее», а просто — любим и отчасти — уважаем. У *родных* — всегда уважаем. Вообще здесь есть разница взглядов и ощущения у разных лиц. Но очевидно и наоборот: «наше» тоже женщинам кажется вовсе не «тьфу». Это очень нужно заметить, эти расслаивания взглядов.

«Расслаивания», — очевидно, *они одни* были и причиною того, что древность и христианский мир так разошлись в оценке всего этого. Мир христианский всех людей почувствовал *телесно чужими* себе, и нельзя это передать лучше...

Но мы здесь подходим к величайшему открытию:

Научное мнение о содержании Элевзинских и других (очень многочисленных) «тайнств» Греции и Малой Азии не может быть освещено

и узнано доказательным образом, п. ч. ни у одного древнего писателя не сохранилось рассказа о том, что же именно там было *показываемо* и *высказываемо*. Лоббек, один из авторитетнейших ученых по эллинизму и специально по мистериям, высказывается даже, что «происхождением своим мистерии обязаны *сепаратным стремлениям греческих городов и племен*»,— и отвергает какое-нибудь определенное и серьезное содержание в них. По-нашему же: «политический заговор,— и только; отсюда — *скрывались*». Между тем достаточно привести выражение св. Григория Богослова, который *знал* таинства эти и выразился об известном ему: «*Стыда* ради о них нельзя и говорить, и гораздо *лучше* *вовсе не выводить на свет то, что совершается во мраке*», чтобы сказать с полной трезвостью и с полной твердостью:

I. Мистерии греческие и других народов возникли в эпоху утраты первоначальной дикой наивности и полной обнаженности тела человеческого и всех отправлениях его.

II. И содержали перешедшее в тайну учение о поле человеческом, сделавшимся застенчивым,— а также и удовлетворение таких влечений в человеке к полу, которые вечны, «ныне и присно и во веки веков», но совершенно не могут быть названы и описаны ни в каком слове, ни на каком языке, и не могут быть переданы ни в каком доступном для всех и всем открытом изображении.

Можно сказать, там (в «таинствах») все было «наоборот»: и чувствовалось, показывалось *так*, как приблизительно чувствовали старушки в Кисловодске. «— В высшей степени не *тьфу!!..*»

* * *

29.III.1915

Я восстановил, очистил и обновил половые фетиши Востока и древности,— вытащил их из-под запыленных и пожелтевших пергаментов. «*Иже во святых отцов наших*»,— показав, что *втайне и теперь* относятся к ним с жестами и прикосновениями как *ко святыне*, но об этом *забыв* и в этом не давая себе *отчета*... И через это совершил *реальное* Renaissance, тогда как в XV веке произошло только *литературное*, школьное и книжное Renaissance...

Труд мой больше, важнее... Он был мудренее. Ибо тогда было нужно только «выучиться по-гречески» и «начать читать Цицерона»...

Вот мое историческое дело. Я же проповедую омовения, очищения... Впервые *и для Востока* сказав словом и разом, *для чего и почему* эти странные обыкновения смуглых и желтоватых людей...

Людей с золотистой от солнца кожей и других людей со смуглым от внутреннего огня лицом...

Вот я.

Довольно?

Большого не говорил Соломон. И моя «арфа» не хуже той древней.

* * *

Женщины! женщины! Все будете приходить на мою могилу, говоря: — Уже не родится еще такого, кто так любил бы нас.

Но никогда, никогда, никогда я не любил вас, и ни одной из вас, ни которой, как тело. Но душу вашу я воистину обóжил...

Она была унижена, загрязнена,— увы, отчасти и вами. Но — по несчастью: я изгладил этот грех ваш. И поднял ее к звездам. Но я только добавил: душа и тело одно, и душа мерцает в теле, а тело пахнет в душистосте мыслей, жестов и слов... И неотделим запах цветка от формы цветка...

Все слил.

И полюбил.

И покрыл поцелуями...

Душа, душа, душа... Кроткая, любящая, прощающая...

Знаете ли, когда говорю я: после «вчера», когда у Сулова (Влад. В.) Баредковою было рассказано, как один имел «несчастный случай» и заразился, и поехал за границу, но не помогло, и он лишился носа. Смешно?!.. «Ха! ха! ха!» для мира, профессоров и студентов.

Он несколько раз делал попытки к самоубийству.

Его «перевязывала» и натирала мазями девушка...

И полюбила его! Вышла замуж!! За безносого. Попы, сделал ли из вас *кто-нибудь* это? —

Когда Влад. Фед. Высоцкий посетил его (по делам банковской службы, ревизии),— он нашел цветущих здоровьем и красотой детей, любящих отца, нежных к нему, и жену — нежную и любящую, без конца ему преданную.

И когда я рассказал это сегодня утром одной девушке, она сказала просто:

— Она вышла замуж, *узнав душу* его, и если душа была хорошая, то что же ей нос...

И вот я радуюсь. И пою женщин. И этого безносого. И пою ту, которая с ним совокуплялась и родила ему детей. Ему и себе. Для своего чрева и его чрева. И я целую оба чрева, его и ее.

Вот «мое».

Плохо ли?

В моем «я» есть лобызание Голгофы Олимпом и Олимпа Голгофою. Говорю вам: в *этой* семье произошло большее и лучшее, чем во всех «миссионерах в Китае и Японии», тем более что тут не было дано ни жалованья, ни истории.

Узнал случайно. «Из дел службы». В провинции, где-то возле Петербурга. Не счастлив ли я, что «кохая по земле семью», узнаю такие рассказы. И поистине «Розанов ничего не сделал», но пришло время «сделаться».

Теперь мой читатель должен встать на одну ножку и посвистеть.

Я же скажу:

АМИНЬ.

...Да будет...

...Совершилось...

...Днесь и во веки веков.

(оторвавшись от очередной статьи)

* * *

30.III.1915

...да, я шел по «вкусно» и «невкусно»: но «вкусное»-то и было всегда добро: и по сему «при высшей имморальности» я был всегда правильно-моральным существом.

Разве овца, дворняшка и свинья — имморальные существа? Тогда — я с ними. Но я думаю, овца не уступит Сократу в морали.

(сидя утром на занятиях)

Что касается до «вкусно», то кровожаднее котлет с картофельным пюре я ничем не питался.

* * *

30.III.1915

...Это и можно сделать, только став на колена...

— Так что коленопреклонения....

— У всех народов древнейшая часть культа.

Сказав это, нимфа Эгерия положила пальцы себе на губы.

(Элевз. т.) (оторвавшись от статьи)

* * *

30.III.1915

Съедена, разъедена и сгноена бедами...

(Россия)

Как же нам не сердиться на вас, еврей? Сколько бы грудь ни захватывала в дыхание свое «доброты», сколько бы мы ни нажиливались выдохнуть благой, примирительный, соединительный глагол: нет, нет, нет, ничего не выходит, кроме принудительных слов, вымученных, — собою вымученных, и от этого неправдивых, ненатуральных. И корень ясен: распяв Христа, хотите распять и христианство. Да и как, не отрекшись от себя, вам не усиливаться распять «христово учение», когда Он назвал вас: «Порождения ехидны, сыны диавола». Или — вы, или — Он. Третьего нет. Выбора нет. Что же нам делать? Начать обрезываться, запретив себе крещение. Иначе — креститесь вы. Креститесь все, забыв «закон Моисея», отпершись от него как от берега ныне уже враждебного и вам. Крещение еврейства — не евреев, не лиц, но массы — и есть вкус

исхода, кроме вечного выгона вас от себя, п. ч. мы вас не можем и не должны переносить в прикосновении с собою, а мы не можем не жить в «своей земле». Помните ли, как вы не выносили и Бог ваш запретил вам выносить «вместе с собою» ханакеян: п. ч. у них были «законы и обычаи другие, и нрав иной, и иные боги». Мы не подражаем заповеди Бога вашего, ибо это нам чуждо: но здесь тот закон духа и нравов, который вообще — всеобщ. Верочка сказала: «Зачем так говорить об евреях: теперь время, когда нужно думать о любви»: и она ли одна, сколько русские так говорят, почти все русские так говорят. И вот именно, именно от этих слов распалется мукой сердце. Подите посмотрите, что выходит: тысячи евреев, услышав это, кинутся и повлекут русских в тюрьмы за долги, опутают их векселем и процентом и продадут у бедного дом, у крестьянина лошадь и корову, подкупят мелкого чиновника, мелкого полицейского, задушат руками этого же полицейского и «своего соседа» (русского, им тоже задолжавшего) и разорят целую деревню. И ни один Айзман, ни один Короленко, ни один Юшкевич, ни один Гессен, ни один Милюков, Набоков, Родичев, ни «русский критик» Айхенвальд, Венгеров или Гершензон, оставшись *среди своих*, не скажет: «Братия, не в самом ли деле?!.. Братия, да почему нас столько веков ненавидят, и ненавидят все люди, кроме тех, кого мы держим в руках, и не смеют они поднять голоса? Нет ли правоты в этой ненависти, нет ли вины на нас? НЕ МУЧИМ ЛИ МЫ НАРОД?» Вот этой оглядки на себя, этих *скорбных путей покаяния*, которые проходили все европейские народы, у евреев никогда не было. Никогда. Никогда. Никогда. Всякий Ойзер Димант, сидящий на процентах своих и разоряющий целую округу, чувствует себя святым, как Иов, в богатстве,— и что поразительнее: никакой еврей Герценштейн и никакой публицист Иоллос не закричит, указывая на него: «Это процентщик и Иуда, уберите его». Они все так связаны и завязаны в «узелок», кагалом ли, традицею ли, что у них никто не смеет поднять голоса против «своего», каков бы этот «свой» ни был. И вот это положение: этот народ «святых» и «избранных» идет с петлями и векселями на русских овец, у которых есть и покаяние, и скорбь о себе, и вечный упрек в своей неправде. И они нам кричат уже издали: «занимайтесь своим покаянием,— пока мы обираем вас», и «плачьте о грехах ваших, пока мы вам выворачиваем карманы», потому что это вам указал ваш Христос, распятый нами Бог ваш, и потому что это вообще есть закон вашей души и вашей жизни.

Что же нам делать?

«Будем по Христу» — и будем убиты. Распять будем.

Воистину: нам нужно именно проклясть евреев и отогнать их, как уже Христос изгнал торгующих из храма: ибо *тогда* только, *освободившись предварительно от евреев*, мы можем зажить по-христиански.

Христос величально предрек разрушение Иерусалима. А кто разрушил Храм — тот разрушил и религию.

Не «евреев» мы должны гнать, — и Христом дано и указано нам право гнать, а — еврейство, «закон Моисеев» и обрезание.

Религиозная война, религиозная борьба. Пусть они оставят прибаутки о «гигиеничности обрезания» и почти «вегетарианстве» мяса с выпущенною из животного кровью. Пусть оставят это: и не обескровливают никакое животное и не кокетничают со своим «богом» — своим удом. Пусть прекратят обрезание.

Или Христос, или Иуда. Нет выбора, и нет сожительства. Дадим им право говорить — я желал бы *вслух*: но если предрассудки старой бюрократии запрещают это, пусть они перед нашими духовными академиями, перед нашею церковью выскажут все, что имеют против Христа. И если опрокинут Христа — отречемся от него и станем обрезываться, а если они Христа не опровергнут — запретим обрезываться им..

Да будет ОДИН, а не два...

Да будет КТО-НИБУДЬ из нас.

(когда Верочка, 19 л., монашенка, упрекнула меня за евреев)

* * *

31.III.1915

...все русские прошли через Гоголя, — это надо помнить. Это самое главное в деле. Не *кто-нибудь*, не *некоторые*, но все мы, всякий из нас — Вася, Митя, Катя... Толпа. Народ. Великое «ВСЕ». Каждый *отсмеялся свой час*... «от души посмеялся», до животика, над этим «своим отечеством», над «Русью»-то, ха-ха-ха!! — «Ну и Русь! Ну и люди! Не люди, а свиные рыла. Божии создания??? — ха! ха! ха! Го! го! го!..»

Лиза заплакала. Я заплакал. — Лизанька, уйдем отсюда. Лиза, не надо этого. Своя земля. В эту землю похоронят тебя и меня похоронят. Можно ли лечь в смешную землю... Лиза, Лиза, *тот свет* не смешон. Не смешна смерть. Лиза, Лиза, что же мы и *туда* предстанем, поджигая животики?.. Смеясь жили, смеясь умрем, народим смешных детей и от смешного мужа. Да зачем родить смешных детей? — *не надо*. И любиться с смешным человеком — *не надо* же. Лиза, Лиза... лучше умереть. Умереть лучше, легче, чем жить с Гоголем, читать Гоголя, вторить Гоголю, думать по Гоголю. Но ведь Гоголь — универз. Он и сам не знал (а может, и знал?) о себе, что он — универз, что около него ничего *другого* не растет, что около него все умирает, чахнет, как около Мертвого озера в Ханаане. Если бы Гоголь был «частность», то, конечно, была бы великолепная страница литературы и великолепная минутка в жизни, но ведь он не частность и не минутка, он — *все и один*. Нет Пушкина около него... Какой же Пушкин около Повытчика Кувшинное Рыло. Пушкин — около Татьяны и Ленского, около их бабушек и тетюшек и всей и всякой родни. У Гоголя — ни родных, ни — людей. Скалы. Соленая вода. Нефть. Вонь. И — еще ничего.

Лизочка и Коля: вам девять лет и вам в классе читают, «как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». Смешно. Везде смешно. Это вам кажется, что у вас «папа и мама». Это не главное и случай: они чиновники с «чин чина почитай», и взяточники. Лиза и Коля, вам лучше удавиться, подлое отродье подлого рода. Удавитесь все, всем родом, всей страной...

Учитель ничего не понимает, когда он в *классе* истолковывает Гоголя... Боже,— в классе, куда пришли «научиться добру» и «увидеть светлое...»

— Вот, дети, ваш родной дом...

— Вот, дети, ваше отечество...

Крик ночной зловещей птицы... Двенадцать часов, полночь. Колдуны встают.

Живые люди, бегите отсюда. Страшно.

* * *

Март 1915

Верочка, видя, что я записываю что-то в записную книжку,— спросила у меня и написала от себя:

НА ПАМЯТЬ.

От «Маленькой» Веры
(в гостинной у доктора)

Хорошо любить, когда знаешь правду любви,— и трудно ненавидеть, когда знаешь правду ненависти. И только когда находишь Правду, которая тише (sic.—*В. Р.*) любви и глубже ненависти,— только тогда находишь истину «ГОЛУБОЙ» детской любви.

Это мы сидим в приемной у д-ра Грекова. Вере будут вынимать иголку, которая попала — и глубоко — в ладонь руки, когда она мыла полы в монастыре.

* * *

1.IV.1915

...ни разу в жизни я не смеялся. В душе.

∞

∞

∞

Я — самый патетический человек за XIX век. Суть моя.

* * *

1.IV.1915

...не нашлось, кто зычным ломоносовским языком сказал бы ему «всероссийское» ДУРАК.

(о Чернышевском)

...были шептуны, Юркевич, Страхов,— голоса которых даже не слышали в собственных журналах. И от этого произошла всероссийская беда. Ибо без Чернышевского и культа его на 20 лет, конечно, не было бы потрясения 1 марта.

(пересматривая и местами прочитывая сочинения Ломоносова, в издании 1803 г.,— к 150-летнему юбилею его воистину «блаженные кончины»)

Не нигилисты гадки, мы гадки, папаши. Были тараканы, тараканье время. Ну и чуть «размахнулся на всю Россию» нахал, в котором, кроме нахальства, не было крупницы ума.

«Ноздрев всех победил». Ко временам «Современника» аршинный чубук сего мужа вырос в версту. Вот уж дерево, которое не поливают, а оно все растет.

* * *

2.IV.1915

Оснуйте вы сто кабаков и три училища. Что выйдет? Вот Россия «теперь».

∞

Меры и качества «литературы» никак нельзя применять к печати. Печать только потому кажется литературною, что она *технически* выражается не иначе, нежели она. Но *душевно* печать противоположна литературе. Литература — достоинство, красота, изящество. Ум. Мудрость. Все то, что так ненавидится печатью. Отношение их можно выразить отношением жениха к невесте, которую он обливает серной кислотой (был случай): кажется — «пара», что-то даже «сладилось», но потом «разладилось». Он — мужчина, она — девушка, полная «гармония» и «союз». Но потому, что она недостаточно социал-демократична, а между тем имеет сто тысяч приданого — он ей выжигает глаза и уродует. Так читатель Брема Писарев обошелся с Пушкиным, читатель Фенимора Купера Б. обошелся со всей русской историей, и Кугель, Липскеров и Гессен обходятся с Данилевским, Страховым и Ап. Григорьевым.

* * *

4.IV.1915

Любить, верить и *служить* России — вот программа. Пусть это будет ломоносовский путь.

* * *

Суть Мережковского в преувеличениях. Это делает его смешным и неумным.

(его речь перед Верхарном в Москве)

* * *

8.IV.1915

...мы видели воскресение России. Неужели увидим ее погребение?

(что «запрещение водки только до окончания войны»)

* * *

8.IV.1915

Гораздо раньше, чем в Европе, в Египте, во-первых, и иудеями, во-вторых,— значение половых органов было открыто. И как Египет, так и Иудея, зиждились на этом открытии.

Европа бредет в потемках... «Ничего не по-ни-ма-ю». «Родят, родятся». Пустяки. Скандалы. Что же особенного, что *родят*: это — физиология, как отправление кишечника. Не только «родят», но и делают «отправление» совершенно уже второстепенно. «Ребенок» выходит из матки, как урина из мочевого пузыря. Другой мешок, другой канал.

Нет сил это побороть. Гогочут.

— Го-го-го...

Египет и Иудея открыли, что *с этого начинается другой мир*.

Открыли и помолились...

Они открыли настоящий родник религии.

Родник людей и богов.

«Боги оттуда же, откуда и люди»...

...Из вечности и в вечность...

Пол — начало вечности.

* * *

9.IV.1915

Романисту и мистика нужно было КОЙ К КОМУ пойти, и вот он спрашивает по телефону: — «Во фраке или в сюртуке?» — Из дежурной комнаты ответили: — «Можно в сюртуке». И вот он надевал сюртук, должно быть очень хорошо почистив.

— Чтобы попросить, нет ли материалов для романа?

Почему не в архив, а у ОСОБЫ? Об этом посмеивались в близких кружках.

Так же точно «Она» с восхищением даже печатно рассказывала, как они обедали у губернатора в Твери, перед тем как ехать на Керженец (раскольники), а до Керженца их сопровождал местный исправник. Ехали как «знатные особы»... Такой парад и честь.

Как их приняли в палаццо Волконских на Сергиевской, об этом я сам слышал. «Если бы вы видели, В. В., какая лестница» (она).

И вот я думаю, что это нашенское «напяливать сюртук», чтобы «явиться»,— глубоко действует на последующие социальные убеждения. Особенно, никто их обоих не толкал ни к губернатору, ни к Волконскому, ни к «ТОЙ ОСОБЕ». Сами захотели. Матерьял (о расколе

при Петре) очевидно можно было собрать без губернатора. Но «у губернатора обедали» — это звучит гордо. Губернатор (должность не без полицейского оттенка), конечно, опасался, как бы они по обычаю всех литераторов потом не наврали чего о его губернии и о мелких чинах, а с другой стороны, как бы не напустили на народ тумана (прокламации), и приказал за ними ехать исправнику не для чести, а для присмотра. И вообще, я думаю, ни губернатор, ни исправник не были польщены приездом в их губернию литературной пары; и очень скоро об этом забыли.

П. ч. управляют губернией.

Но в доме Мурузи на Литейном губернией не управляют: поэтому долго помнили и обед у губернатора, и скачущего исправника, и Волконского, и как напяливали сюртук, чтобы поехать к ОСОБЕ.

В этих размышлениях они поняли, как это было смешно, ненужно и в существе дела глубоко унижительно; но без всякой решительно вины губернатора, исправника, Волконского и особы. У губернатора дело — управлять губернией, а писатель — пиши роман. Губернатор «†», и его забудут, — писателя вообще никогда не забудут. «Много чести» (у губернатора), но только — сейчас; у писателя чести не меньше — но потом. В сущности, они равны, а в тайне вещей писатели даже считают себя выше губернаторов: но *этот* поразительно оступился, счев почему-то, что все поразятся, что он обедал у губернатора и, след., губернатор признает его литературную значительность. Губернатор этот, м.б., был и не очень умен, а м.б., потихоньку пописывал стишки, и наконец, м.б., просто ему губернаторша сказала: «Конечно — пригласи! Она — поэтесса, о ней ходят всякие слухи, и я погляжу».

Губернатору вообще отчего не пригласить писателя. И это совершенно ничего не выражает.

Но раз они «напечатали», — то все заметили, что это вообще падение. Всякий, взглянув на юность, покраснеет не раз, как он был самолюбив, тщеславен, не умел вести себя и пр., и пр., и пр. Молчит с великой мыслью — «Грешен».

Но эти двое мистиков вообразили себе, что грешны все, кроме их: грешен губернатор, что их позвал обедать, исправник — что скакал с ними, Волконский — что пригласил в палаццо. И уж особенно

— ОСОБА.

ОСОБА сводила с ума.

— Никакой Особы!

— Особ — не переносу.

— Я их не уважаю!

— Я их не боюсь.

— Батюшки: да мы объединимся и низвергнем всяких особ!!

.....
.....

И вот — революция. Ибо муж и жена действительно стали революционерами.

Но и в революциях, которые, конечно, серьезны, *au fond* * есть вообще этот шлак уже чисто лакейской муки, проистекающей из сознания:

— Как я тогда вел себя...

— Куда я лез?..

— Они — настоящие аристократы, тогда как я если и знаменитый, то все-таки смерд.

Есть гордость раба и особенное поведение раба. Раб, умеющий вести себя, совершенно равен царям. А «умение вести себя» всегда и везде заключается в одном: чтобы никому не завидовать.

Раб должен подержать стремя господина своего: и если он бард — он будет велик. А если он откинется и закричит:

— Я — бард, с даром песен,— а Ты КТО??? И по какому праву даешь мне держать стремя?

— Тó он вдруг почернеет, оболъется грязью, и в нем выступит сатанинский лик, лик Каина и Иуды.

Так. обр. рабства, пожалуй, до революций не было. Раб показался и совершился и получил имя себе в революции.

* * *

10.IV.1915

Они берут взятки, но дело делают.

Взятки чтó. Ratio **. Настоящий ужас начинается с того, что они *дело делают*.

Наивный Княжнин об этом не догадывался и воображал, что «взяточников легко выгнать со службы в шею». Их *нельзя* выгнать, ибо они делают, и иногда *отлично*, настоящее государственное и настоящее государево дело.

Служив отлично, благородно,
Долгами жил...

В-о-о-т. Долг надо заплатить. Во что бы то ни стало.

И тогда возьмешь взятку. Или застрелишься, как офицер. Но офицеры — военные, они не боятся. А штатский? Тому дуло страшно, и он возьмет взятку.

Причем...

Ну, да что тут говорить: деловит, корпит с утра до ночи над бумагами, «весь департамент» на нем держится, кредиторов удовлетворяет, но только... берет взятки.

Нет, есть вещи поглубже Княжнина и мальчика-Грибоедова.

(вспомнил о гр. П. К. и рассказ о нем, подробный, Хайловского)

* в сущности (фр.).

** Смысл, основа (лат.).

* * *

10.IV.1915

Смех — язычество, слезы — христианство.

(за корректурой писем студ. Алексеева, «Вешние воды»)

Хотя... хотя... хотя: высшие, «достигшие» христиане в вечной улыбке.
Не знаю...
Колеблюсь...
Не понимаю...

* * *

11.IV.1915

«Рот для еды». Прекрасно, допускаю. Но для этого надо просто отверстие, через которое «пронести бы ложку». Между тем рот не просто отверстие, дыра, а — рот.

«Прекрасный рот»...

Рот, я думаю, для поцелуев? Нет? Почему нет? Рот *единственно* прекрасен у человека, почему прочие животные и не целуются. Но у того, у кого любовь начинается с поцелуя, дан естественно «прекрасный рот».

«Все в целях размножения».

Да если вообще «живое множится», и притом одно «живое», — естественно, что у живого собственно *все* приспособлено для любви. И, у «зайца оттого длинные ноги», а у волков «еще длиннее»: что и волк и заяц — каждый в мироздании — должен был догнать застенчивую зайчиху и испуганную волчицу, а не потому, что «волки гонялись за зайцами» (Дарвин). Соглашаюсь, что мое объяснение игриво: зато у Дарвина оно «стопоходяще». Мне мое больше нравится.

Природу вообще не менее можно объяснить из игры, чем из нужды. Ибо природа больше играет, чем нуждается. Малютка грудь сосет пять минут, а играет ручонками с грудью полчаса. Собаки вечно играют.

— М-и-р с-о-з-д-а-н д-л-я е-д-ы — мусолит Дарвин.

Но губы созданы для поцелуев, отвечу я ему.

Да и черт знает, что такое эта «еда». — «Я ем, ты ешь, он ест», «мы едим, предки ели, потомки будут есть». «Корова ест, лев ест, все едят». Этакая прорва. И на что́ Бог сотворил такую прорву. Проще было сотворить «котел и втулку» и «вода вечно течет из котла́ через втулку». Но и это — не нужно. Зачем? Что такое? Дарвин не «объяснил мир», а просто был «сам глуп» и «объяснения» у него никакого не вышло, а просто он приставлял буквы к буквам.

* * *

12.IV.1915

Что́ такое ГРУДИ?

— Имя существительное.

Ха-ха-ха... Но может быть, это и глагол?

— Глагол? Не приходило на ум. Но кажется, в самом деле тут есть и оттенок глагола.

Я вижу, вы понимаете: но тогда не найдете ли вы, что это есть и «знак препинания», в особенности если подумать о многоточии?

— Действительно, если они поднимаются, но еще маленькие, то тут есть и многоточие. Также если в брачную ночь муж входит в спальню невесты, то,— конечно, многоточие. Грудь есть «δύασιξ» *,— какое-то движение и переход из одного состояния в другое состояние.

Но знак восклицания?

— О, конечно: с него начал Адам. Первое слово человеческое было «Ах!» — и оно вырвалось при взгляде на женские груди.

(у кровати больной Ел. Серг.; только что подали мне яичницу, и я взглянул в окно на весну)

* * *

12.IV.1915

Отличительную особенность восточно-кафолической церкви от западной составляет не Filioque, а

ЛЕНЬ.

И самый многовековой упор на Filioque происходит собственно

ОТ ЛЕНИ.

Помилуйте, так легко. И все одно и то же. Не надо ни скинуть сапог, ни расстегивать тулупа. Тепло и удобно.

— Вы почему не обдумаете дел в России?

— Потому что мы заняты Filioque.

— Почему у вас везде по России кабаки и...дани.

— Потому что это все Filioque.

— Почему вы все лежите и ничего не делаете?

— Потому что мы размышляем о Filioque.

— Вас захватили немцы...

— Filioque.

— Вас обижают жидаи.

— Да. Но они несчастны, п.ч. у них нет Filioque.

— Скажите, почему вы не моетесь в бане?

— Filioque.

— Отчего у вас сахар вздорожал и нет гигроскопической ваты?

— Оттого, что мы доказывали истину Filioque.

— Отчего вы «страна обильная и богатая, но порядку...».

— Извините: Россия есть единственная упорядоченная страна, и мы совершенно спокойны,— спокойны, тихи и счастливы,— потому что лежим за спиной неизмеримой благодати, которая именуется Filioque.

Если, однако, оглядеться, то увидишь, что для русских это один предлог ничего не делать. Русские создали себе защиту и убежище

* «движение» (греч.).

для лени. Ибо ни для Николая Николаевича, ни для Павла Александровича, ни для Валентина Александровича, людей, всю жизнь положивших для Восточной Кафолической Церкви, до Filioque никакого дела нет, они решительно ничего о нем не думают и никогда не думали, не имеют об этом ни «да», ни «нет». Но едва вы предложили им чем-нибудь заняться, как они вскинув голову говорят:

— Мы ничем заняться не можем, ибо мы заняты Filioque и читаем диссертацию профессора Казанской Духовной Академии «О ложности учения Католической церкви касательно исхождения Св. Духа от Отца и «Сына» (Filioque).

Да: я теперь только вспомнил, что Filioque не у нас, а у католиков. Лениность наша еще больше, чем я думал: мы защищаемся, трудимся, счастливы и блаженны тем, что не приняли к себе окаянного и ложного учения Католической церкви об исхождении Св. Духа от Отца и Сына, т.е. не приняли прибавки в Символ веры этого слова.

«Не приняли» — и баста.

И кончено. И спим.

Блаженный сон. Им спят или дети, или глубокие старики.

* * *

13.IV.1915

Страшная для Мережковского сторона — его недействительность. Ирреальность.

И он все силится воплотиться. И от этого все говорит.

Но слово пало на землю. Не как роса, а как сухая земля. Комочек около планеты. И планета стонет: «Не нужно. И так много».

А влажного в Мережковском никогда не будет. Он кричит о пламени, но и этого нет. Сухой воздух Амосовских печей.

Поразительно, что самые его БОЛЬШИЕ СЛОВА (у него их много) тоже не пристают к человеку. Не всасываются. «Слышали» и «ничего». Это ужасно.

Отчего?

Странно.

У Мережковского странная и особая природа. Я его не люблю, но почему-то не могу забыть. Точно я прошел мимо «вечного несчастья».

И это «несчастье» болит во мне.

Господь с ним...

Господь да укрепит его... (только он хоть бы формально, механически отделился от дурного: слова его о Суворине, его обвинения «Истории Александра I» Великого Князя Николая Михайловича (особенно) — ужасны. Он знал, что Великий Князь не будет и не сможет по высокому положению защищаться от него, оправдываться, опровергать: и наклеветал на него...).

Вот укус тарангула, «от которого быку будет больно».

Но если бы он хоть *попробовал испытать*, как хорошо быть добрым, любящим и уважающим. Мережковский много знал восторгов («восторженный человек»), — но никогда он соседу за столом не подал ложки, салфетки, не придвинул тарелки. Галантность. Вот этого *minimum*'а любви, галантности, не было в Мережковском.

«Соль просыпалась между Мережковским и миром» (ссора). И от этого он поет, говорит, кричит, все слышат, слушают уже много лет...

Но

«...если вы даме будете говорить языком ангелов, — без любви будет вся медь звенящая и кимвал бряцающий».

Ужасный приговор.

* * *

13.IV.1915

Не только в Мережковском есть странная ирреальность, но и «мир его» как-то странно недействителен. Он вечно говорит о России и о Христе. Две темы. И странным образом ни Христа, ни России в его сочинениях нет.

Как будто он никогда не был в России...

И как будто он никогда не был крещен...

Удивительно. Удивительное явление. Я думаю, действительно «последнее несчастье».

Мордвинова верно сказала (в письме ко мне): «Я думаю, Достоевский сказал бы Мережковскому, если б знал его, то же, что сказал Ставрогин Шатову: *«Извините, я вас не могу любить»*. Конечно! Конечно! Достоевский весь боль за Россию, к которой Мережковский так нескончаемо равнодушен.

«Уж если что воняет, так это Россия». А Мережковский и «дурной запах» несовместимы.

Он, мне кажется, родился в скляночке с одеколоном. Не умею, совершенно не умею представить его себе делающим «естественное отправление». Кстати, я ни разу за много лет знакомства не видел, чтобы он плюнул или высморкался. 10 лет — и ни разу не высморкался!!! Чудовищно.

И ни разу не закашлялся, не почесался.

Я уверен, у них не водится в квартире клопов. Клопы умирают, как только Мережковский «переехал в квартиру».

* * *

13.IV.1915

...все очень умные люди эгоистичны. Талантливые — тоже. Вот почему я не очень люблю умных и талантливых тоже...

— Ну их к черту.

«Пообыкновеннее — лучше». Но, Розанов: ведь обыкновенных людей очень много?

Да. Но без вкуса. Ничего я так не невыношу, как «без вкуса». Это — не эстетика (хорошо чувствую), а другое. Что́ другое?

Не знаю. Не понимаю.

Помню же я 20 (30?) лет того, кто в Нескучном саду (Москва) говорил приятелю:

— Один и никого (т.е. пришел в загородный сад и никого из «своих» не встретил).

Я могу любить гуляку, проститутку, целомудренную жену, ребенка, старика; даже министра (кажется) могу любить, но если он с «задоринкой».

Напр., Георгиевский (А. И.) вдруг стал переводить псалмы Давида, и я ему (в душе) «простил классическую систему». Вообще я люблю вздорное, глупое, «ни на что не похожее». Если «ни на что не похоже» — я в восторге. Я ненавижу только правильное, корректное, монотонное, «как все». «Без сапогов» сапожника — безумно люблю. Лодарничающего — люблю. Если «на чужом содержании» — безумно люблю. Моррисон все занимал у меня деньги и ужасно мучил — я был восхищен им.

Я только не люблю порядка: но вот бабушка (Ал. Адр.) и «мамочка» — все в порядке, и тоже люблю. Отчего?

— Грациозный порядок.

— Эврика!.. Я не люблю скупого порядка. Эврика, Эврика — я не люблю скупости, воздержанности, сухой земли. Во-о-о: я люблю — влажное. Болотце люблю. Росу утреннюю и вечернюю. Слезы люблю. «Сухого гнева» ненавижу. Значит моя «стихия» (греки) из воды...

— Бог вначале создал воду (Фалес).

Во-о-о-о...

— Бог вначале создал Розанова.

«Из Розанова пошло все». Отсюда я родной «всему». Ей-ей.

* * *

13.IV.1915

Поп А-бов плыл в благоразумной лодочке за большим кораблем Григория Петрова. И в Петербурге было 2 просветительных, истинно христианских и освободительных священника: ПЕТРОВ и поп А-бов.

Петров бурлил, кутил, и наконец его попросили «из казенной квартиры куда-нибудь».

Квартира очистилась.

Тотчас поп А-бов вплыл в нее. И успокоился, замолчал.

Это самый яркий факт из «Истории русской реформации» 1902—1905 годов. «Нам Вормского сейма не нужно». Сказано, на Руси будет всегда тихо.

* * *

13.IV.1915

...что́ особенно странно — что ведь и вкуса никакого нет.

И еще страннее, что запах — определенно дурной.
И все любят.

(на извощике по Коломенской)

Мне это кажется показательным
Друг Горацио... Есть вещи...

Друг Горацио — ты вовсе не мудрец, а настоящий мудрец — *один*
Розанов, который говорит, что

НАСТАЛ СВЯЩЕННЫЙ час...

— и все тогда «любят», повинуются, бегут, стремятся: потому что
В ОНЬЙ СВЯЩЕННЫЙ час

бысть пременение миру и всем вещам мира.

Боже: как теперь понятны Элевзинские таинства.

(приехав домой)

∞
∞
∞

Явно, что ведь легко было бы «природе» установить приятный запах
и вкус. Цветы. Березовый сок.— Но нет. Дурной. На что указывает?

Господи, на что?

Если «идут»...

И если «дурной»...

То не слагается ли вместе это в читаемую грамоту: «хотя ты *сам*
будешь чувствовать, что *дурно*, и назовешь *худым именем* и сделаешь
жест отворачивания — однако пойдешь туда. Ибо не что *ты* хочешь, но
что *Я* хочу»...

Удивительно. Повторяю: так легко было бы сделать все вкусно
и приятно-пахуче, как сделано же у фиалок, роз и в соке вишен, березы
и кипариса и камеди.

Но весь мир отвращается, смеется, ругается, *не без причины же*
и основания порицая особо и за пахучесть, и за вкус.

И идут.

«Мир ругается и идет». Смеется и идет. «Худо» и «поспешаю».
Почему? Что? Как?

И еще раз:

«не что *ты* хочешь, но что *Я* хочу»... Ты будешь ругаться и «послу-
шаешься», «посмеешься» и «к смешному придешь».

Поразительно.

Что-то есть подчеркнутое *в этом именно*. «Речь» здесь именно
в «умолчании». «Речисто» и «глаголет» именно через то, что *сотворено*
так и ничего об этом не вымолвлено.

Какая же «речь»? Господи, научи!

«Ты всегда будешь исполнять волю мою».

Это все, что я умею прочесть. Я, мудрый змий из людей.

Чью волю? Если «слепая природа», — то есть фиалки и розы, — прямую вещь для достижения прямой цели. Если нужно «обоняние» — для чего бы оно ни было, — сделай, чтобы было «приятно обонять».

Здесь — с зигзагом. Здесь — не «прямое предложение», а вся сила положена в «придаточном предложении». Тайна сокрыта, глагол гремит именно в том, что «гадко», «противно», что никто «в здравом смысле не сделает».

Господи, как чудно. «Должен настать безумия час». «Новое творится в час безумия». И если не «безумие» — то «ничто́ есть», мир не дышит, мертв.

Слышу шепот, из Тьмы и Вечности:

— Тебе и не хочется, а я тебя за ухо.

— Вот ты сам будешь говорить, что «худо», и тебе понравится больше всякого «не худа»...

Чудеса. Чудеса каждый день в каждом месте.

(размышляю на другой день)

* * *

14.IV.1915

Россия — первобытная, первоначальная страна; но только одно правительство это осознает, заботясь о хлебе, о пушках, о крестьянстве, о сословиях, а не об Амфитеатрове, Кугеле и Вере Фигнер. Революция же выскочила аристократишкой. «Екатерина Брешковская красноречива, а Вера Фигнер меланхолически вспоминает о Лесгафте — для них двух, героических дев, устраивайте Женские Курсы».

Правительство очень правильно не «почесывалось» о женских курсах, — предлагая им для этого ездить в Москву и куда угодно.

«Мы тогда будем революционерками».

— Сделайте одолжение.

Правительство должно было *прямо*, а не *хитро* отнестись к революции, — по-солдатски, а не по-полицейски. Прямо сказать свою мысль, свое право, свой долг.

— Мне о *мужике* заботиться, а не о *барышнях*.

Кажется, центр дела и корень крушения лежит действительно в ...мягкости Александра II, и отдаленно — в том идеально-романтическом воспитании, какое ему если не дал, то «надбавил» Жуковский. Россия, страна мужиков и попов, снаружи должна быть солдатскою, и эта солдатская, мужицкая и поповская — не поколеблется ни от чего.

— Нам не нужно «рассуждений». Нам нужно *быть*.

Вот.

* * *

14.IV.1915

Был «процесс 143-х» (сколько тщеславия в названии!!!): кроме, кажется, 20, «123 вышли по суду оправданными».

Что «оправдание» было основательным, видно из того, что из «120-ти» вышли все убийцы 1 марта. Но этот «новый суд», — «для всех равный, скорый и праведный», — не оглянулся в своей «истерии». Впрочем, «дурак» вообще никогда не «перекрестится».

Я забыл свою тему.

Так вот, — даже и задевая кой-кого «невинного», следовало «сделать что следовало» и с остальными 120.

И Россия не была бы потрясена и не покачнулась бы от 6—8 тщеславных вонючих убийц.

«Железо» нужно не *post hoc*, а *ante hoc* *. Все запоздалое и есть запоздалое.

* * *

14.IV.1915

НЕОГРАНИЧЕННЫЕ САМОДЕРЖАВНЫЕ революционеры, — так нужно формулировать дело...

Когда они убили Александра II, то во всей печати никто пикнуть не смел против них. И тайно содержимый евреями (честь редакции — банкир Утин) «Вестник Европы» зашипел на полицию, каким образом она допустила «нарушить благоговейную тишину» какую-то бабу, заголосившую на площади Зимнего дворца о «злодеях»...

Она назвала «самодержавных» «злодеями», — когда о них шептались в обществе, что это «герои», а в печати их называли осторожно «арестованными и подсудимыми»...

* * *

14.IV.1915

Если бы не смерть, то Христос...

Но смерть *есть*.

Тема Христа — победить ужас смерти...

А «бессмертие души» побеждает ужасное «кончено».

Христиане собственно «не умирают» и «не кончаются». Они — особенные люди. Каждый мужик. И каждый мужик имеет то, чего не имели Соломон, Давид, Моисей и Наполеон I.

КТО же ему это дал? Поп нечесанный, да отец дьякон, да дьячок без голоса.

Как же понять, что, встретя Толстого, мужики в запале начали на него кричать, ругаться и что его надо убить.

Он испугался. Плакал, вернувшись. И записал об этих слезах и рассказал об этих слезах. С ним плакали знакомые, друзья.

Между тем он напал на мужиков. Разорил их. Сжег их дом. Он — был жестокий и дурной. И через то, что дерзнул ругнуть

ПОПА.

* после этого; до этого (*лат.*).

Поп — утешает. Поп крестил мужицкое дитя, поп похоронит мужика и скажет ему — сам веруя — бессмертие души, которого не мог уверенно иметь и Платон. Он оттого и «причесываться перестал», что коли бессмертие души — то́ от счастья перестанешь и причесываться. Попы и должны быть нечесаными, черными и «дрянь». Зачем им разум, зачем им «хорошее», когда они имеют

ЗОЛОТО.

Это золото — Христос и вечная жизнь.

Эй, господа,— гуляйте. Если так — гуляйте. Господи, если б мне поверить — я бы голый побежал по Петербургу.

* * *

15.IV.1915

Заяц ест ту капусту, которая у него перед носом.
— И я.

Не помышляя, чей огород.
— И я.

Кто его работал. Садил.
— И я.

Потому что — Солнце...
Я тоже думаю.

А ночью — Луна.
Думаю и это.

И еще звезды...
Я их люблю.

И благодарит Бога...
И я.

Потому что сыт.
И я.

И потом играет с зайчихой.
И я играю.

* * *

15.IV.1915

Для чего существуют Высшие женские курсы?

— Для украшения России. Мужик и солдат живут для работы, но 8 блистательных точек, как ясные пуговицы на мундире, конечно, украшают Россию. Прежде мундир был однобортный, а теперь — когда и девицы пошли «туда же, где женихи» (довольно естественно), мундир стал двубортный: 8 пуговиц на одной стороне и 8 пуговиц на другой стороне.

Так украшается наша Россия, все преуспевающая. Это предвидел уже Бенкендорф при Николае Павловиче: «Прошлое России удивительно, ее

настоящее более чем великолепно, что касается до ее будущности, то оно превосходит все, что самое светлое воображение может себе представить».

Все это очень хорошо, утешительно и прекрасно. Комические мамыши стоят у корыта и стирают панталоны «барышень», т.е. своих дочек,— и «не нарадуются», что те уже читают «Доктора Паскаля» Бурже, правда еще по-русски.

Барышни в Царевококшайске скучают: здешние чиновники не могут «занять» их разговором ни о провансальских трубадурах, ни о немецких меннезингерах, ни о «Докторе Паскале».

Теперь мамаша сколачивает деньгу на билет в Питер. Когда сколотит, Екатерина Семеновна возьмет билет, сядет в вагон и уедет. Изредка присылая мамаше:

«Милая и дорогая мамаша. М. б., вы пришлете мне немного денег...

Целую, обнимаю и всегда люблю.

Екатерина Котельникова».

* * *

15.IV.1915

...механизм лезб. л.,— те «рычаги, через которые осуществилось все», или через которые природа дала миру любимое свое дитя,— заключается в том, что ведь им самим *не видно у себя*, а можно видеть только *взглянув на другую особь*. «Близок локоть да не укусишь»... но мы, гимназисты, увертывались от поговорки тем, что, схватив за локоть говорящего поговорку, кусали *его локоть*. Но в локте нет никаких нервов, и он не возбужден: почему «кусанье локтя у соседа» не есть что-либо, «о чем чешется душа». Напротив, здесь, как утверждают медики, «сосредоточено множество самых разнообразных нервов» (глупцы не расчленили или не проследили, которых именно, *каких* нервов: м. б., и зрительных, и слуховых, и обонятельных?).— Ну, хорошо. Так «посмотреть» любопытно не одной Еве. Между тем «взглянул» и образует уже первый темп лезб. л. Еще разительнее в «механизме» то, что «увидеть у другой особи» возможно лишь, если она будет склонна принять определенное положение, ни — стоять, ни — сидеть, ни — бежать: отсюда мы замечаем постоянную любезность их друг с другом, отсутствующую у «товарищей». И эта «любезность» переходит в ласковость, нежность, предупредительность, как только есть хоть малейшая возможность, т. е. хоть какая-нибудь симпатия. Так быстро сближаются подружки, п. ч. ведь и другой хочется увидеть, и она может это только *не у себя*. Они любезны, п. ч. взаимно друг в друге нуждаются.

In nova fert animus *.

* К новому влечет душа (*лат.*).

— Ах, так вот *оно*, что так волнует, малейшее прикосновение к чему родит замирание души, совершенно неизъяснимое и блаженное...

Острова блаженных

совсем близки, и «выход на берег их» почти неизбежен. Как избежать, удержаться,— если радость обоюдна. «Лодочка идет к берегу», потому что и «берег ее тянет». Причаливают, высаживаются, и поцелуи сами льются. Пилигрим целует священную землю, о которой что-то ему шепчет в груди, что это древний рай.

Так и сказано: «здесь деревья будут приносить плоды *двенадцать раз в год*», и кто вышел однажды на эти берега, уже никогда не сойдет с них.

Вечная земля...

Древнейшее отечество всех...

(на третий или четвертый день как изучал картину Луврского)

* * *

15.IV.1915

В России только *кажется*, что 8 университетов и 500 гимназий и 15 000 каких-то школ...

Это — мундиры, формы без содержания. *Сути нет*. Суть просто в мужике, который пашет себе хлеба, в попе, который служит себе обедню, и в солдате, который «провождает глазами начальство» (ну и защищает отечество; солдат — молодец).

Прочее — мишура и только *кажется*, что *есть*.

*

Россия есть первобытная, первоначальная страна. С реками и озерами.

(на обороте транспаранта)

* * *

15.IV.1915

...поразительного ума и спокойствия слово старца Гриши,— в литературной компании, в квартире без хозяина, среди человек 10—12 гостей.

— Толстой глуп (он сказал более мягкое слово, которое я забыл). Он говорил против Синода, против духовенства — и прав. П. ч. выше, сильнее и чище их. Но ведь он не против них говорил, а *против слов, которые у них* (у духовенства). А слова эти от Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. И тут *он* сам и его *сочинения* — маленькие.

Так просто.

Этого *анализа*, этого *отделения* никто не сумел сделать во время

сложной и многолетней полемики и «за» и «против», и за Толстого и против него, и за церковь и против нее. Тараторили.

Сибирский крестьянин сказал *мысль*. Которая разрешает все.

Он несколько раз ее повторил (говорили вокруг и много). Только ее. Ее одну:

— Но ведь он задумал-то бороться не с *теперешними*, а с *Церковью*: а у Церкви — И. Златоуст, Василий и Григорий.

Потом плясал русскую, — с художеством, как я не видал ни у кого, ни в одном театре (т. е. у мастеров пляса). Как же ему не «плясать» при такой мысли?

Он б. глубоко свободен, «не смотрел никому в глаза». Его привет одному актеру (Дезари, француз), правда, прелестному и всех веселившему гитарой, — был прелестен и прост.

16.IV.1915

Пол — магическая точка...

Т. е. я хочу сказать, что то́, что в истории именовалось и именуется «магиею», это в жизни проходит магическими струйками, имеет точкою своего извода, своего исхождения — пол человека...

Пол «мой» или «его»...

Старый или юный...

«Ведовство»... «Магия» то же, что «ведовство». Между тем несомненно, что «через двери», «стены», «платье», «юбки» пол и определенные половые органы нам ведомы, с нами взаимодействуют, нас притягивают к себе, нас отталкивают. Как и о другом, о всяком соседе «открывают нечто».

Влюбление... Всякое влюбление есть «ведовство», есть и «волшебство». «Магическое очарование». «Я заморожен». «Влюбление» же не есть «я обнял его лицом, его разговорами», а «я обнял его (ее) полом», я «попал в сферу притяжения его пола».

Отсюда — *невольность, неодолимость* любви. «Не могу справиться с собой», — «знаю, что худо и опасно, но я уже не в себе».

Совокупление — вполне магический акт.

Увы, та «магия», без которой всему миру скучно.

16.IV.1915

...да вся та Старая Книга, — Первая, — есть песнь пола...

Песнь любви...

Совокупления. И ничего *еще* в ней не содержится.

Ровно ничего.

Боже, отчего они не видят? Столько лет комментируют, изъясняют: и совершенно не понимают изъясняемого.

Да. Если нет носа — то́ как узнаешь запах цветка?

И не узнали. Но как это страшно. 2000 лет.

Безносые, безносые: а поди-ка «докажи» безносому, что он вошел в сад и воздух напоен ароматами.

Бедная моя участь на земле. Я ничего не могу «доказать».

(ах, Розанов: все-таки ты европеец и зачем тебе надо «доказать»? Нюхай во всеусердие)

* * *

17.IV.1915

— Буду ли я с *значением*? Проще — принес ли я пользу «нашим русским».

Ну, тут «ура», улица, все,— «Ну, как, господа?»

— О-о-о...

— А-а-а-а...

Гул. Не слышу. Не вижу. «Вот что ребята: *от всей души* — хотел помочь. А что вышло — не знаю».

Еще кому же я нужен? А,— человеку.

Господи, кому бы я хотел быть нужен?

Кто нуждается в утешении...

Кто одинок...

В особенности, в особенности — кого оставили.

Вы, некрасивые — идите ко мне. О, как мне не нужно красивых!! Не нужно, не нужно, как и никогда при жизни.

Старые девушки — да ведь это мое сокровище: жму их к сердцу...

Сироты, мальчики...

Гимназисты... о-о!

Студенты? Ну, пусть проходят мимо. Не надо.

Вообще «хозяйки дома». Вдовы. Вот что «нуждаются в дровах».

Все — мои.

Да. Но я-то им нужен ли?

Это другой вопрос. Они не читают. Им некогда читать.

Вот я истинный друг тех, кому «некогда читать».

Снежинка моя не совсем растает: я буду «с того света» кивать им, так же любовно за ними наблюдать и смотреть: и просить Вседержителя, чтобы Он помог им...

Помог каждому и каждой отыскать насущный хлеб...

* * *

17.IV.1915

...«классовая борьба»...

— Хорошо, миленькие: так чего же вы визжите (месяц визжала вся пресса, тараторившая о «классовой борьбе»), когда Трепов дал тогда накануне вашего «выступления»: «— Патронов не жалеть». Я бы

дал лозунг похитрее: на сегодня — промолчал (я ведь «смиренно-мудрый»), а на «завтра» действительно бы не «пожалел патронов». Как будто *вы* кого-нибудь и что-нибудь жалеете?.. Вспомните-ка Екатерининский канал.

— «Классовая борьба» так «классовая борьба»... Вы все ожидаете и подлая печать выступает, что когда вы пойдете на цивилизацию с ножами, то она сумеет вам выйти на встречу и борьбу только с крестами и «алилуей», которой вы не боитесь. «Ну и тут, перебив попов и бар, мы переговорим с нигилистической частью чиновников, купцов (кроме еврейских банкиров) перевешаем и устроимся в трудовом царстве Гершуни, Гоца, Набокова, Любоша и корреспондента Иоллоса». «Кроме того, у нас будет сын Герценштейна и сын Слонимского, а Зинаида Венгерова будет составлять протоколы».

Хорошо рассудили...

Но ведь «классовая борьба»: ну а пока у «дирижирующих классов»,— где вы знаете есть «150 000 полицеймейстеров»,— есть, кроме того, и пулемет, по штуке на батальон. И вообще вам не только теперь, но и вечно так «накладут», что и до вешних веников будете помнить.

* * *

17.IV.1915

...уже если бледнолицый Добролюбов, с губами «ижицей», повлек за собою все общество: неужели с моим пламенем я не повлеку?

Гриша (Рсп) сказал на той вечеринке:

— К истинному человеку и приходят только истинные люди. Ложные никогда не придут. А к ложному человеку придут ложные люди, а истинные — никогда.

Меня как ударило. Какой оптимизм. Т. е. оптимизм «если бы так». Но, по-видимому, ведь это в самом деле так. Это — суть истории, стержень ее, что она вся разделена на *истинное течение* и *ложное течение*,— истинных идей, истинных чувств, истинных человек, — и обратно — на течение других ложных идей, человек и чувств. И что все это — концентрируется, прилипает «свое» к «своему», утолщается и пухнет — ложное «ложным» и истинное «истинным»...

Да: но истинное-то все-таки худоцаво...

О, человечество создано слишком обыкновенно. Оно поистине создано *ad suos phallos*, а «головы» приставлены для сомнительных целей (голова Заозерского, голова Спенсера, голова Феофана Петербургского). Жиды правы: «Не в голове дело». Ну, хорошо:

— А ты, Розанов?

— Чувствую, что меня одолеет Добролюбов. У него губы ижицей, а у меня — просто. Ничего не поделаешь. «Необъяснимо нравится». Я — «необъяснимо не нравлюсь».

Но будем стоять с Гришей:

— К истинному придут истинные, а к ложному ложные.

Гриша — гениальный мужик. Он нисколько не хлыст. Евгений Павлович сказал о нем: «Это — Илья Муромец». Разгадка всего.

* * *

17.IV.1915

Гриша — гениальный мужик. Я сел за ужином по левую его руку, сказав Жене (Евгений Павлович, «Рыженький Иванов» нашей семьи) сесть по левую мою руку, чтобы и он мог наблюдать. В то же время все трое мы сидели на краю (на «углу» уже сидел еще один, так-то). Дезари был с гитарой. Голос у Дезари совершенно французский, — и разберешь в «стихе» 2—3 слова. Т. ч. виден был не человек (Дезари), а одна веселость. Видно, что человеку неудержимо и неистоимо весело. Он (Дезари) маленького роста, во фраке, изящен, как француз: несомненно, это был самый чистый и благородный человек в собрании. В конце я с таким удовольствием и несколько раз поцеловался с ним. Несомненно, Ева до падения не была так невинна, как этот небольшой (говорят) актер из Александринки.

Он пел, стоя на противоположном нам углу стола, куплеты на рифмы с «Вася», «Женя», «Гриша». — «Мефодий» и прочее. Все присутствующие. Перед «Вася» — строчка, кончающаяся приблизительно на «Вася» (рифма), и художественный удар пальцев по струнам. Но мне кажется, моральный центр был не в этом: все за столом были восхищены не куплетами, которые были довольно бедны (экспромты), а счастьем, миловидностью (ему лет 45—50), «удачею» этого Дезари и что ему, «черт возьми, так весело, как никому». Он был лучше всех нас, и все мы были внутренне восхищены в нем ЧЕЛОВЕКОМ, — еще не павшим, — не горьким, не черным. *Немца* такого я ни одного в жизни не видал, таким может быть только француз и конечно — живущий в России, т. е. странствующий, вот актер, и у которого ни кола, ни двора, а вот один внук (он пропел куплеты и о том, что внук его называет «мой глупый дедушка» и что, кажется, от него жена сбежала или он сбежал от жены).

Вдруг Гриша воскликнул:

— Дайте бумаги!

И соседу справа стал диктовать стихи:

«Твой талант утешил нас всех... Твой талант — от Бога, но ты этого не понимаешь, и он тебя к Богу не приведет».

— Гриша, танцуй, — воскликнули ему все.

Около Дезари сидела в черном женщина? девушка? лет 26, все время молчавшая, скромная, тихая. Она подошла против Гриши, и они прошли «русскую»...

Раз... и два... и десять. Она чуть-чуть улыбалась, Гриша ходил «носорогом». Чуть-чуть пальцами она касалась юбок, но от этих прикосновений жгло. Мы все хлопали.

— Хорошо! хорошо!..

— Еще!

— Еще, черт возьми...

Измайлов шепнул мне, что в эту же ночь она ему отдастся и что вообще «тут трагедия». — «Э, какие трагедии», — прошептал я в душе. «Кто смеет судить, когда она хочет и он хочет»...

Но как это «уловить», где «переход» — ибо она вся была тиха и скромна. Ему 51 и ей 26: заря и заря, — которые в жаркие летние дни встречаются.

— Веселей, — крикнул я.

Конь ослу не товарищ. Гриша — конь, а Феофан — осел.

Серьезным тоном Гриша сказал:

— Я же к *ним* никогда не шел сам, и не привлекал: а когда они шли ко мне, то я брал.

И еще:

— Тут граница есть только одна и важная, чтобы кому-нибудь не выпало страдания.

— Чтобы от этого никому *не было боли* (я).

Он как пятерней вцепился.

— Вот! Вот!

Новоселову этого нельзя понять. Но нельзя сказать, чтобы мир был ограничен Новоселовым.

* * *

17.IV.1915

...суть революции кажется в том, что «чиновник» был невыносим.

Он был хладен, бездушен и даже просто перестал заботиться о государстве (цензура и нигилизм). «*Нам* — все равно, был бы исполнен *формально закон*».

Таким образом чиновник, из прежнего «служилого человека», из древнего «служилого человека», — превратился, побывав в университете, в гладкий штамп и мундир, без души и без совести.

В конце времен чиновники перестали «служить» своему Государю, «помогать своему Государю».

Это было оскорбительно...

Наконец они стали «помалу» и «втихомолку» продавать частицы России; немец и еврей стали «обходить чиновника» — и сам чиновник повис как рыбка «на золотой удочке». Стало совсем плохо. Государь совсем остался один. Было не «средостение», а «измена». Ибо все уже чиновники читали «высокопоставленный» «Вестник Европы» зятя банкира и еврея, т. е. ели русский пирог с еврейским фаршем...

Потом пришел этот Витте из «международной» Одессы и женатый на еврейке. Без сомнения, были анонимные негласные пути, которыми евреи двигали Витте вперед, проводили его, показывали его, рекомендовали и защищали его. Вообще «закулисная история Витте» еще не раскрыта.

Витте справедливо не знал, что такое «консерватизм и либерализм», ибо это слишком почтенно. Он б. вообще циник, — *далекое будущее*

России ему б. вовсе неинтересно. Ему подавай «сейчас» и «горяченькое», как всякому колонисту, чужеродцу и еврею.

(устал писать, да и не хочу)

* * *

17.IV.1915

...какая усталость. И вот чувствую, что — болел о другом, а придется скоро самому действительно скоро «закрыть трубу».

Через 4 года выплачу долг в банк. К 15 апреля было 12 700 (с десятками) р. Это — забота, но не очень. Наплевать.

Зачем жил? Не знаю. Все писал. Всю жизнь. Мысли. Вихрь чувств...

Ну, черт с ними.

Умру?

«Господи, я буду с Тобою». Господи, ведь я никогда не отходил (в 20 лет) от Тебя... От Иисуса я отходил, сомневался о Нем: но раз Он «Фому» не осудил, который Его видел и осязал, — не осужден буду за это и я.

Твердо сказано в самом Евангелии, что об Иисусе можно сомневаться и это не вменяется в грех.

Итак, от Бога я не отходил, ни одной минуты о Нем не колебался: и Он от меня не отойдет. Верю.

Что же еще?..

Дети? «Вышло», «оказалось», что все хорошие. Не притязательные, не хвастуны. Ни у кого склонности франтить. Ни одного ребенка с легкомыслием. Всем была трудна жизнь, учение, и все вышли серьезные...

«Мама» да...

«Друзья» и (теперь) «дружки» — в Москве, Одессе: да, да, да...

Все — милые, хорошие.

По письмам Кости Кудрявцева (недавно корректура) я вижу, до чего был хуже, «несноснее» своих товарищей. Я был именно «несносный», с занозиной, царапающийся, ругающийся. Это — отвратительно, и в тайне — в том лишь оправдание, что я их чрезвычайно любил и донес до старости память о них. Это определенное хорошее во мне.

Был ли я хороший человек? «Так себе». С фантазиями.

Ну, Бог с ними. Теперь — дело. Что я сделал.

Нельзя отрицать: родил множество новых мыслей.

Ну и шут с ними. Но главное?

Господи...

Что Ты спрашиваешь о снежинке, одной в высоте, которая несется, кружится, крутится, «забыта», «вспомнена», «видна», «не видна»...

И упадет. И растопчут. Или растает.

Господи — я жил.

Это хорошо.

Спасибо Тебе.

* * *

17.IV.1915

— Буду ли я читаем?

Я думаю,— вечно. Какая причина забыть? Никакой. «Добрый малый, который с нами беседует обо всем». Который есть «мы», который есть «один из нас».

В моем смирении — моя вечность.

Что́ я «ни над кем не поднялся» — обстоятельство, что я вечно сохраняюсь в океане людском.

И вечно кого-то утешу...

И вечно кому-то прошепчу на ухо...

Самое обыкновенное. Как я сидел и ковырял в носу. Это — вечно.

Хорошо.

И со мной будут помнить мою «мамочку»... Мою родную, мою близкую.

Как она капризничала. Как не умела отпирать замки. Как вечно прятала платок на дно сундука.

Что же будет? И я и мамочка — мы будем вечны.

Мы были (в сущности) милые люди, и мы будем милы людям.

Вот и хорошо.

Что же это такое? Египетская пирамида. «Здесь был человек». Но наподобие христианского храма. И пройдет человек и скажет: «Упокой, Господи, раба Твоего Василия и старицу (тогда она будет...)».

Нет, просто:

«— И рабу Божию Варвару».

Хорошо. Этот Гутенберг на что-нибудь пригодится.

Я умру угрюмо...

Я умру радостно...

Умру с гневаами, которые, верно, и в час смерти не заглохнут в душе («революционершкы», «эти попы»)...

Но это не «я». Гнев — не я.

Уста бранятся, а сердце любит:

«Господь с вами» — вот земле и людям.

* * *

19.IV.1915

От Стаськи 1-го я услышал:

— НЕМО.

— Что? (я).

— Немо.

— Что??!!

Он сжал таинственно губы, отвернулся и пошел задумчиво вперед.

На другой день:

— НЕМО.

— Да что́, говори?!

— Под водой.

— Под водой??

— Ты дурак (он).

— Не понимаю.

Так же идет задумавшись дальше или в сторону. Он всегда б. в задумчивости. Сын инженера. Мать — худенькая, еле бегала на исповедь, заметно — ускальзывала на исповедь (теперь понимаю). Дома — молчалива, или — нет дома, и тогда Стася: — «Мать? Ушла, кажется, к исповеди».

Кроме Стаси 14 или 15 лет, в семье была сестра Зося, лет 9. Ни больше ни меньше. Раз у Алексеевских (отец инженер) жгли магниеву нитку. Были все Неловицкие. Должно быть, «елка» или что. Зося стояла, опершись локтем на стол. Я смотрел на нее: и мне казалось такой *точеной красоты* («как из слоновой кости») я и потом никогда не видал. От нее я услышал 1-е польское слово: — ...почтовёго...

Стася подал ей молча почтовой бумаги, и она вышла. Тогда я догадался, что́ значит «почтовёго».

Стася с ней не разговаривал. Презирал (девчонка). Притом она не интересовалась наукой.

Стася же весь ушел в познание природы, к чему примыкал «Немо», «Наутилус» и «25 000 верст под водой». Комната его всегда воняла квасцами, соляной кислотой, еще разными гадостями, и имелись трубки стеклянные и стеклянные блюдечки «для выпаривания». Да: была паяльная трубка, и в нее дули я и он. Но во всем этом был опытнее нас Алексеевский. У него была уже серная кислота, азотная кислота, минералы.

У меня минералов было больше всех. Не скрою: часть их я поворовал в гимназии (тогда уже «естественная история» была прекращена, а «коллекция» — шкаф деревянный со стеклом, даже 2, кажется, шкафа,— осталась). Так как мы восстановили естественные науки, то мне кажется, я даже невинно украл.

«Вымороченное имущество», и бери кто хочет. Я откуда-то достал книг и, «оставленный без обеда» за лень,— распорядился.

Мы разделили естественные науки: Стася взял физику, Алексеевский — химию, я — минералогию с кристаллографией, геологию и палеонтологию.

Клянусь Богом — до сих пор кое-что удержалось. Кое-что полезное, нужное, принесшее мне пользу в литературной и философской жизни. Гимназия же до «аттестата зрелости» вся была насыщена «естествознанием», и еще раз клянусь, что это было поучительно. С Лагранжом «я не нашел Бога в природе».

Любимейшее мое:

«Биографии знаменитейших астрономов, физиков и геометров» Франсуа Араго.

Гершель — «Популярная астрономия».

Ляйэль: «Древность человеческого рода».

(Раньше:)

«Физиологические письма» Карла Фохта.

Все это было изучено, прочитано, влюблено, и на нем «держалось мое миросозерцание», с которым я смотрел с презрением на наших классиков (все отвратительные донельзя).

Да: «миросозерцание». Разумеется, «умозаключения» я сам сделал.

Так мы набирались. К нам примкнул Петруша Поливанов — но не был прилежен. Кудрявцев посмеивался издали. Остафьев «ничего не мог». Мы втроем были самыми развитыми гимназистами, «научнообразными».

В гимназии же я безумно полюбил философию. «Самая интересная» (Льюис, — и еще разное, не помню).

И — историю. Конечно, философию истории. В III—IV—V кл. Бокль; в VI — Бентам и Милль (любимец), в VIII — Лекки («История рационализма в Европе»).

Мы читали, изучали, составляли рефераты и прочитывали в общем собрании «нашей маленькой Академии». Она была несколько не хуже (теперь думаю) Петербургской с ее чиновниками и лестью высокопоставленным лицам («почетные академики»). У нас был энтузиазм, вера в науку и углубленное философское о ней размышление.

Письма милого Стаси и Алексеевского я сохранил, как и нашу общую карточку.

* * *

19.IV.1915

Квартира теплая, дрова недороги, капуста и картофель «нынешний год» хорошо родились: зачем же «нынешний год» я стану менять православие?

— Ни в коем случае.

Потому что «при нем» я могу благообразно умереть, благообразно женить сына, благообразно выдать замуж дочь. В случае болезни — исповедоваться, причаститься и даже особороваться (если умереть). И вообще получить многообразные прибавки к обыкновенному годовому существованию...

Да: — но это пока *дрова недороги* и есть где жить.

Православие в высшей степени приноровлено к среднему удовлетворительному состоянию. Как богатство — уже «начинают помышлять о католичестве»: — «Там живопись лучше». Или — о лютеранстве: «Там в каждом городе университет». Но православие в высшей степени приспособлено к капусте и картофелю. Без избытка и без недостатка.

Но уже едва с Запада стала грозить беда, как Петр начал ломать его: учредил Синод и обер-прокуроров, т. е. потянулся к штунде. Штунда —

принцип, и необозримый. Штунда: рано встал, поздно лег, весь день в работе. После обеда — в часы обычного у русских сна — почитал прилежно Евангелие. Прилежно, но без волнения. Штунда — маленькая библиотечка в углу комнаты, пол хорошо выметен, дети прибраны и одеты, хозяин и хозяйка сыты, благообразны и скучны.

Штунда есть единственная опасность для православия. Католичество — не опасно, лютеранство — не опасно, но штунда?

Может быть.

Штунда — это «грозит Винавер в будущем». Ибо Винавер «производит все нужные реформы». В сущности, что такое Витте? В глубокой сущности вещей? Великий штундист.

В сущности, Русь разделяется и заключает внутренне в себе борьбу между:

— Витте.

— И старцем Гришею, полным художества, интереса и мудрости, но безграмотным.

Витте совсем тупой человек, но гениально и бурно делает. Не может не делать. Нельзя остановить. Спит и видит во сне дела.

Гриша гениален и живописен. Но воловодится с девицами и чужими женами, ничего «совершить» не хочет и не может, полон «памятью о божественном», понимает — зорьки, понимает — пляс, понимает красоту мира — сам красив.

Но гений Витте недостает ему и до колена. «Гриша — вся Русь». Да: но Витте

1) устроил казенные кабаки;

2) ввел золотые деньги;

3) завел торговые школы.

Этого совершенно не может сделать Гриша!!!! Гриша вообще ничего не может делать, кроме как любить, молиться и раз семь на день сходить в «кабинет уединения».

Вся Русь.

...да, но пока растет капуста и картофель.

* * *

20.IV.1915

Все «с молитвою» — ходили по рельсам.

Вдруг Гриша пошел без рельсов.

Все испугались...

Не того, что «без рельсов». Таких много. Но зачем «с молитвою».

— «Кощунство! Злодеяние!»

Я его видел. Ох, глаз много значит. Он есть «сам» и «я».

Вдруг из «самого» и «я» полилась молитва. Все вздрогнули. «Позвольте, уж тысячу лет только *повторяют*».

И все — «по печатному». У него — из физиологии.

* * *

20.IV.1915

Какая радость, что наш выпуск в МОСКОВСКОМ университете дал трех СЫНОВ России: Любавский (М. Куз.), Зайончковский, Вознесенский и я. Патриоты и несущие факел религии. Это хорошо и счастливое воспоминание, счастливая мысль.

* * *

20.IV.1915

Когда Василий курит папиросу (15 л., дозволили,— «хуже другим займется»),— то всегда папироса торчит кверху, в уровень носа, чуть на глаза. Наконец — снялся с трубкой в зубах.— «Сколько стоило, полтинник?» — «Нет, 20 коп.»

Пусть. Пойдет по худшим дорожкам, если не допустить «не особенно вредные». Да и быть «паинькой» не идет мужчине. Эти «паиньки» дают из себя только лицемеров и фарисеев.

Мне кажется — этот вид не лицемера.

* * *

20.IV.1915

У А-бова, конечно, нет страха Божия.

И души и совести.

Только такой мог обидеть больную женщину.

∞

Отчего и в старые годы, когда он плыл так либерально и сладко,— и речь его «точно пьешь чай с сахаром»,— он был мне безотчетно отвр. Сам не понимал — «отчего».

* * *

20.IV.1915

Мне не нужно «знакомых читателей»...

И не нужно «друга-читателя» (Щедрин).

Не нужно единомышленных, «с такими же взглядами». У меня с каждой зорькой «новые взгляды».

Не х а - ч у . П р а - т и - в н о .

Мне нужен родной читатель. Чтобы он мне был родной. Единокожный, единокровный.

Чтобы мне с ним потереться спиной о спину и спросить:

— Ну, понимаешь?

— Гм... Да!

— Ну, понимаешь, что нет политики?

Пощекотал мне пальцами за спиной.

— И что «идеи» вообще неинтересны?

Пожал руку в локте.

— Ну?

— Ну, конечно... А нужны зорьки росистые. Нужна любовь. Дружба, верность. Поплакать о друге нужно — если расстроен, если согрешил, если на меня рассердился. Впрочем, «в новом царстве не сердятся». Звездочка упала на землю — душа сошла на землю — еще человек родился.

И Небо — Бог.

* * *

20.IV.1915

Не понимание Государя — суть революции.

Суть ³/₄ XIX века.

Черная память хвастунишек. По ничтожеству — их казнить не следовало, а только разжаловать в солдаты. Но по сути загажения русской истории на 25 лет их следовало...

Что же делать, если сын, не видевший труда матери, сплетничает на базаре, что она «потаскушка»...

Что вообще...

Боже, научи, открой, вразуми.

«Что делать, если, придерживая двумя палками, в дом несут гадость, около запаха которой нельзя жить?»

Боже, не ясно. Ведь живут в доме «все», а несут двое. Декабристов было 2000: смели ли они «хмурить бровь с Царя на Россию», в которой живет (тогда) 50 милл.

Что же это за произвол личности, — не над собою, а над другими: что это за генеральское: *не ха-чу*.

Да ты «не хоти» у себя в дому, со своей женой, с библиотекой, а не в толпе живого народа.

* * *

20.IV.1915

...да «инстинкт совокупления» не есть «животный инстинкт», а инстинкт оставить на земле потомство после себя. «Мое потомство», из «моего Я потекшее»...

Инстинкт слить «я» с общею жизнью и вечною жизнью...

Кто же может, кто смеет «на год», «на два года» остановить его? Сказать — «задержи», «потерпи», «потом»... (эпитимьи после развода).

Да я может быть «два-то года и не проживу». Ведь бывают случаи: убьют, крушение поезда, эпидемия, болезнь...

Как же вы говорите: «потом», «через 2 года». Прежде всего, вы, с такой уверенностью запрещаая «на два года», — обязаны «застраховать под залог своего имущества мою жизнь на годы эпитимьи», и выплачивать ее хоть в «фонд невест всего народа» в случае, если я до истечения эпитимьи умру? А, что? Тогда, м. б., вы ослабнете в привязанности «к 47-му правилу Василия Великого», если увидите, что придется каждый раз вынимать из кошны?

Но МНЕ, МНЕ страховки не надо, а во что бы то ни стало нужно оставить ПОТОМСТВО...

Господи: как же Ты допустил, что люди Твои ограблены и разорены: ибо кто отнял у меня потомство, разорил меня на земле.

Господи: где же правда? Я люблю каноны святых, но не могу быть без потомства.

Господи: я закон нарушу...

Господи: я хочу быть в беззаконниках. Как и Ты, Христе наше, был сопричислен к беззаконникам и воскрес.

И я воскресну в день Суда Твоего, хотя и не исполню законов праведных Твоих. Которых люблю.

* * *

21.IV.1915

Скиния завета — стыдлива. Отсюда — занавесы, отделения, «нельзя входить»; и — «кто переступит эту черту — пусть сетует на себя, ибо последует *смерть*» (надпись на камне, близком к началу, в Соломоновом храме, — на греческом языке и для греков).

Но вот закон храма (видение Иезекииля «нужно знать закон храма»): стыдливость, ЗАСТЕНЧИВОСТЬ.

Не удивительно ли, не поражает ли?

Застенчивый храм. И там — Святое Святых. Куда уже никто не входит. Только один Первосвященник и в год только один раз, ничего не видя, в темноте, в страхе и молчании.

...«чтобы покропить».

Вдали — светильник. И стол с хлебами предложения. И оливковое масло...

И жертвенник Всесожжений, где вечно сгорают быки и телушки, и овцы, и барашки, и голуби, и горлинки.

И приносят сюда плоды нового урожая.

Но главное — застенчивость и «нельзя входить», — с разною строгостью, к разным категориям (людей)...

Почему «нельзя входить»? Молились бы «все». Чему мешает? Что мешает?

Но дух и закон вовсе другой: так мать семейства говорит — «сюда нельзя входить: идите в залу и гостинну» (грекам).

Идите — в столовую и кабинет (иудеям, народу).

«Здесь же внутренние покои, где я с детьми и мужем»...

«Сюда вовсе нельзя входить — это моя спальня»...

И коснувшись юбок:

«Покрывала моего никто не поднимал: но Солнце есть мое рождение».

Так гласила надпись на статуе богини Нейт, в Египте, которая в надписи же говорила о себе:

«Я — то, что было, есть и будет».

Вечность и Все — в удивлении, в генезисе.

Как же было не подать сюда ладан и мирру, и золото, и смолы: даже Иловайский поймет, что «это хорошо пахнет».

* * *

22.IV.1915

Прикосновение к половым органам образует *родство*. И *серия* таких прикосновений, в их разнообразии, многоцветности и сложности, образует *степени* родства.

Прикосновение — прямое родство.

Мысль, сочувствие, забота о них — *степени* родства и свойство духовное.

Совокупительное прикосновение: муж и жена, «один человек» («едина плоть»), пока тянется совокупление. «Совокупление» соделывает членов более между собою близкими, нежели «отец и сын», «мать и дочь».

Совокупляющиеся — не два, а одно. Ибо муж входит в жену, жена впускает в себя мужа; они — одно тело, одна душа (момент экстаза), одна воля (во время совокупления), одно желание (во время совокупления). И по крепости и важности этого и объединяются и во внешнем отношении (в обстановке совокупления), получая одно имя (фамилию), дом (жилище), спальню, кровать. «Объединение в кровати» и «в миске» (едят с одного блюда) и таковое в местах вообще всех физиологических отправлений — уже влекутся за собою единым совокуплением, в коем их вообще не два, а один (полный) человек.

Из совокупления — ребенок, дети, *его* столько же, как *ее*. Отец дал дрожжи, мать — тесто; он — начало движения, отправная точка беременности, мать — была беременна, «носила», питала ребенка кровю своего, чего продолжением и окончанием является питание молоком своим и, наконец, охорашивание заботами, ласковостью, советами, всем уходом.

Родители и дети — первая, честнейшая степень родства. Где половые органы родителей коснулись «той половины родства», но зато «та половина родства» нисколько родителей не коснулась. Отсюда родители любят детей горячее, кровнее («материнская любовь»), чем дети родителей: ибо у последних половые органы не касаются *vis-à-vis* родства.

Непостижимым образом прикосновение к ним половых органов детей смущает всю вселенную, наполняет ее страхом: хотя, казалось бы, это только родило бы эквивалентную любовь детей к родителям. Аномалия этого и источник смущения вселенной до сих пор составляет необъяснимую загадку природы. Тут какая-то чрезвычайная тайна. Существует *votium* * к этому.

Братья и сестры — вторая степень родства, ибо все «взошли» от одного семени и были выношены одною утробой. Между собою они

* обет, стремление (*лат.*).

органами не прикоснулись, они одна сторона *vis-à-vis*: но их всех коснулся тот же орган, на них печать, след и память единого (в совокуплении) органа. Так как они не касаются сами органами, то связь их несравненно холоднее «дети-родители».

Между ними нет прямого родства, а как бы «памятное», «духовное». Бессознательно помнят «единую утробу» и «семя *того же*». Они *кровно сходны*, текут *параллельно* или *друг за другом*: но не связываются, между ними нет *узла* и движение крови и нервов по нитям этого узла.

«Едины», «сходны» — и в сущности не родственники.

«Память» эта и холодное «единство» распределяется между дядями и племянниками и т. д. Сеточка все удлиняется и становится тоньше, нити все удлиняются и делаются меньше, слабее, бессильнее «держат», «задерживать» и «сдерживать».

Стадо разбегается. От единой четы потекшее.

Если бы в мироздании не было совокупления, а только «Б. всех сотворил», то этот «единое происхождение» имеющий мир очень скоро вовсе бы рассыпался, развязался, раздробился, похолодел и, вероятно, замерз, умер. Жизнь — где тепло, живет — что тепло: а рождается тепло всегда одним — совокуплением. «Самая горячая вещь в мире», «отец отцов мировой теплоты». «Теплее совокупления ничего нет».

И вот устроено, что едва «оторвавшись от половых органов» (прикосновение отхождения), особи встречают других тоже оторванных и «забывших родителей», которые их ищут, чтобы совокупиться, ими овладевают для совокупления. «Родители забыты», и что-то тут есть необходимое, дабы «горячее встретить невесту», «горячее встретить жениха». Что не разделяется, то не рассеивается (закон внимания, закон интереса). Мироздание же требует, чтобы «всецело прилепился к жене своей», «всецело прилепилась к жениху своему». Поэтому и ради этого «с родителями скучно» и как-то «не разговаривается», зато немолчно болтается с «танцорами»...

Танцы, танцы...

Пляски, пляски...

Разговоры, шепоты, наряды, рукопожатия, прикосновения до руки и плеча.

Танцы имеют своею душою любовь. Зовут ее, рожают ее.

Это — всемирно. Танец входит в организм любви (чуть ли тетеревы и куропатки не танцуют).

В танце — главное ноги. Т. е. где помещены половые органы, родник всего, суть всего.

«Безумно люблю танцы».

Весь мир любит. П. ч. весь мир хочет родить.

И вот едва «пожелания сердца» (любовь) сгустились и сосредоточились до «пожелания органов», т. е. заря прошла и заменилась солнцем, — весь мир опять обращает сюда взоры, заинтересован, сочувствует, «хочет с хотящими», «хочет, чего хотят они»...

Гости собираются, множество, «весь город» (о, если бы «побывать у них на свадьбе»). Но они донельзя счастливы и говорят: «Да и идите *все*»... «Разумеется — *все!!!*» «Дверь настезь открыта». Лошади танцуют и ждут повезти «новобрачных», «в церковь», «к жениху», куда-нибудь. Начинается всеобщее скакание (древнейшие жрецы Лациума — *Salii* *, «скакуны», без сомнения, «скакавшие на свадьбах»), беганье, движение, суетня. «Все сумасшедше рады, оживлены». — Да почему? «Будут они (двое) совокупляться, и нам всем весело». Но отчего? отчего?..

Детонация, отзвук, эхо. Солнце — в ладоньку, а заря занимает край неба. Солнце — совокупление, спаленка двух: а заря — брачный пир, где все «собраны» и румянец на всем небе.

— Так никогда она не плясала, как на свадьбе своей дочери (слышал).

Да и все пляшут. Все «оглядывают невесту», любопытствуют о ней. Девушки смотрят на жениха. Забывают о приданом, не сплетничают, не пересуживают, а «бела ли она» и «пригож ли он». — Черти, да что вам? — А нам тоже вкусно. Действительно, двое совокупляются для «вкусно всем». Есть этот мировой закон, есть эта тайна в мире.

«Совокупление одного» есть $1/1\ 000\ 000$ моего совокупления, твоего, его... всех, каждого, множества.

Воистину «тайна» и без тайны «что бы другим». — «Что ему Гекуба?» Но здесь оказывается «Гекуба — всем теща». — «Выдаю дочь замуж: определенно — за одного, а мысленно — за весь мир».

Да так и *есть*, иначе весь мир не сбежался бы. «По приглашениям сходились бы нудно, тоскливо и скорее «прощай». Но как на танцевальных балах расходятся «далеко за полночь», так и на свадьбах «пируют всю ночь». Все веселы: и вот уж на свадьбе «сказать горькое слово», «укоризну», «обидеть кого-нибудь» — грех. Да и не бывает этого: бесшабашно все веселы, и точно все друг в друга влюблены. Участники ее — «дружки», «поезжане»... Да что такое? Откуда все? Да у всех на $1/1\ 000\ 000$ прибыло блаженства в крови, в нервах, до «кончиков волос». На свадьбах не седеют.

(устал писать)

В свадьбе двух *роднятся все*: весь мир теплеет, разгорячается, разогревается. «Солнышко ясное светит». Дождь не смеет пойти, разве что может брызнуть через солнышко. «Чтобы не пылила пыль в глаза поезжанам». Ну, хорошо: но у всего мира $1/1\ 000\ 000$ «прибыло», а у многочисленных родственников «прибыло» $1/1000$. Ведь теща-то одна «плясала как никогда у дочери на свадьбе». Просто — как сама выходит замуж. Анонимно. Втемную. Здесь вообще много анонимного, подспудного, не видного, не обнаруживаемого, но что — *есть*. Дело-то ведь «корней», а корни прикрыты землицей, т. е. не видны. На свадьбах еще гораздо более чувствуется и вообще *есть*, нежели высказывается.

* плясуны, прыгуны (лат.).

Эх: «гостям со свадьбы: не надо бы расходиться, пока две пары, не менее, тут же объявили: «через 3 месяца — наша свадьба». Свадьба должна входить в свадьбу, родиться из чужой свадьбы. «Зорька — в зорьку», а Солнышко — одно.

- (совсем устал)

* * *

22.IV.1915

Вдали от жилищ железные пальцы стискивают горло прохожему...

Пустынно место. Но он надеется, кричит...

Храпит. Все тише, тише...

И замолк.

Многие окна в городке были отворены. И слышали. Но никто не пошевелился. Однако всем было совестно, что не вышел, не побежал, не помог...

А тот уже заоченел.

Всем было больно назавтра. Но вышел адвокат и сказал:

— Я говорю принцип, потому что я философ. Оставим подробности и факт, обратимся к идеям. В науке более и более устанавливается тезис, что «наказывать» значит «двоить» злодеяние. Кто из вас захочет выступить злодеем... бросить первый камень осуждения в несчастного, который жмет на этой черной скамье, ожидая вашего приговора... и удвоить убийство? Тот убит. УЖЕ убит... Вдохнем. Но для чего же нам двоить вздох и около одной могилы, могилы УЖЕ и ничего с этим «уже» не поделаешь — выкапывать еще могилку для другого...

— Господа присяжные заседатели...

— Господа общество...

— Люди, братья, человеки...

— Ведь не так ли: зачем же около могилы вы будете выкапывать еще могилу и, проводив в землю один гроб, будете околачивать другой гроб... Мы не будем, вы не будете гробовщиками, но скажете со мной и с Шиллером:

Спящий в гробе мирно спи.

Жизнью пользуйся живущий.

Присяжные, люди и человеки почесались и сказали:

— Второго гроба не нужно. Отпустим вину его по науке, по Христу и по нашей лени.

(русский суд)

Адвокат пересчитал кредитки.

* * *

23.IV.1915

...отчего Пушкин не задумался в «Графе Нулине», что когда сей гость, знакомый и барин вошел ночью в спальню Анастасии Петровны (положим), которая на ночь становится просто «Настей», —

ибо в постельке лежат просто русские «Насти», русские «Кати», «Надюши» и все милые наши «Святцы», с уменьшительными и ласкательными окончаниями, то «Настя» вдруг закричала, затрепетала, созвала весь дом...

Что́ такое? Почему?

«Днем» она — Анастасия Петровна с мыслями. Ночью — просто растеньице, ни о чем не думающее, «вернувшееся к себе», растущее, — потеющее, когда жарко, и закутывающееся в одеяло, когда холодно. «Ничего особенного»...

И «ничего особенного» — так кричит, точно случился пожар.

«Да в чем дело?»

— Там она общественная. Здесь космогоническая. Там — небесная. «Ложась в постельку», каждая женщина обращается в звездочку и куда-то улетает. Куда? К Богу или, что то же, — в туманы своей души, в неясность своей души...

...то́ молитву шепчет, то имя мужа, который еще не вернулся, «и где-то он сейчас?»...

...как дети? здоровье их? и будет ли у них удача в ученье.

Все — священные мысли, «священное писание», которое есть у каждого свое.

...«денег хватило бы на месяц».

Разве это то́, что рассуждение с гостем о том, что́ написал Максим Ковалевский в последней книжке «Вестника Европы», или на что́ сердится Мякотин, или как описал луну Короленко.

.....
Но не *это*, не «туманы» ее головы священны. Она сама. Вся тепленькая. Согрелась в одеяле. Ноги подвела к животу. Ладонь заложила под голову. Волосы распущены или чепчик. Совсем ребеночек. И ребячьи мысли, ребячья голова.

Теперь она совсем милая, «только своя» или «мужья» («мужина» — по-новгородскому (доселе) говору, т. е. «мужичка»)... В постельке все мы «мужички» — «мужики», — без костюмов, орденов и чинов.

«Вот где возвращается к нам человеческое достоинство». Увы, — днем столь помятое.

Ах... хороша ночь. Священная ночь. День умер. Базар закрылся.

Теперь — Бог и человек.

И теперь они чувствуют друг друга. Бог слышит молитву человека, человеку хочется молиться.

Вдруг во все это влез Нулин? С бакенбардами, чином и претензиями. Конечно — поленом.

Вот чего недоговорил Пушкин. А знал это, знал лучше всякого.

23.IV.1915

Вот что:

— надо издать закон о неоскорблении любви.

Боже: какие ужасные истории. Это значит «отнятие имущества» перед отнятием, разорением, растоптанием сапогами женской чести, женского достоинства, женской славы — ибо чем славится женщина как не любовью: потому что, поднявшись стыдливо с земли и оглядывая мир, она естественно доверчиво смотрит на него и видит везде счастье и любовь...

...как сама.

Кто же судит не «по себе». Весь мир судит по себе («мир есть мое представление»)...

...и вот подходит к нему дьявол. Прожженный. Который, кривя медные губы, принимаемые женщиной за улыбку ангела,— говорит ей слова, вычитанные из альманаха Арцыбашева и которые, не читав сего знаменитого альманаха, она считает подлинною поэзией,— ведет ее к Алтарю, назначает свидание при луне, указывает тропинку в сад...

Дитя всему доверяет...

Дитя ничего не знает...

Позвольте: нас раздражает даже басня

*Мышонок, не выдавший света,
Попал было в беду.*

И мы так рады, что закричавший вовремя петух спас его от кота. Как же можно допустить, чтобы в цивилизации, в стройном государстве, везде стояли коты и поджидали мышонков. А женщина — мышонок ли? Отнятие 100 р., 1000 рублей «преследуется законом»: как же можно без суда и осуждения оставлять, когда крадется высшее самой жизни — счастье? Ибо что такое «жизнь» без «счастья».

«— Пусть сама себя бережет».

Позвольте: ведь не говорите же вы, чтобы капиталист «сам берег имущество от вора», и не говорите, чтобы «храм сам берег свои святыни»: отчего же только дары любви и возраста вы кинули на расхищение:

— Бери кому нужно, если она сама не хранит.

Нет, добрый и милый Шерл. Хол., вылезай на защиту любви,— как ты уже преследовал раньше отнятые жизни и имущества.

(«сильная драма» кинематографа: «Злодей около счастья любви») (посвящая чистой девушке, которая полупрошептала, полусказала: «вы не осудите меня?»)

Конечно, это не «суду присяжных» подлежит и не «кассационному департаменту Сената»: а «судить» должны 3 возраста: 1) невинный, 2) зрелый и 3) старый. Мужской и женский. Пусть всех 12: 2 девушки и 2 юноши, 2 женатых и 2 замужних, 2 деда и 2 бабки.

Вот.

* * *

24.IV.1915

Цари — с мужиками.

Цари помнят, что мужик спас Царя, а дворяне устроили ему гадость (мученическая кончина Павла I).

∞

∞

∞

...дворяне все хотят «ввести его в себя», в «свой сонм». Окружить его. Улестить его.

...но через головы их Царь видит пахущего мужичка. И дворянам не скажет, а в себе подумает: «вон кто за меня Богу молится».

...студенты и профессора хоть и очень демократичны, но взяли повадку дворянскую. Побежали за оппозиционным дворянином Герценом. Они отделились от мужика. У студента и профессора — ничего общего с мужиком. «Ты моего хлеба не ел и моей нужды не знаешь. Ты мне чужой. А Царь мне свой. Я спас Царя, а Царь спасет меня».

Вот разговор мужика с «ученым барчуком».

Студенты и профессора ни-че-го-хонько в народе не понимают.

...в 905 г. раздавалось: «бить интеллигенцию». Тогда «не вышло», как говорит М-ва о другом. Но — «выйдет». И мы еще интеллигенцию поколотим. Дожидайся «на орехи»...

Другой науки она не понимает. Слов не понимают. Мысли не понимают. А это — осязательно».

* * *

25.IV.1915

«—Время молитве, время любви» (*старость*).

— Да! да! Мы потом помолимся, а пока будем любить (*ответ молодости*).

* * *

25.IV.1915

Несись, кабак отвратительный,— несись и дави. Ты никуда не попадешь, кроме ямы.

И скольких бы ты ни задавил, конец твой — пропасть.

(*за занятиями; думая о публике и печати*)

* * *

25.IV.1915

...ну, так вот я и хочу сказать, что «в сочинениях Розанова» находится больше *общественности*, больше *общественного элемента*, больше заботы, как бы нам прожить сейчас, как бы почестнее, поудобнее, получше, по крайней мере поменее бы *бессовестности*, *плутовства*

и *лени*, — нежели в «орега отпиа» * Дмитрия Сергеевича, Зинаиды Николаевны и Дмитрия Владимировича. И даже гораздо, гораздо больше, чем у Владимира Галактионовича. Да я думаю — больше, чем и у Михайловского. Ибо что́ у вас — днями и наскоками, то́ у меня годами и изнурительной (но страстно любимой) работой.

Да, господа.

Хотя странно. Общественностью я действительно не интересуюсь (душа, бессмертие, Бог. — Мамочка).

Как произошло — не понимаю.

Напр., о гимназиях я сто статей написал. Но, в сущности, мне ровно наплевать, *какие* гимназии. По-моему — в них вовсе не надо учиться, и если гимназисты «уклоняются» (а они кажется «уклоняются») — то и все спасено.

Я люблю и *уважаю*: поле, лес. Улицу. Шалости. Озорство... Вашей гармонии мне вовсе не нужно. «Не ан-те-рес-но».

Но столько написал?

— От раздражения. Я не злой, но очень раздражительный человек (по Клоду Бернару — «раздражительность единственное, всеобщее качество *живой материи*»). Много уродства. Много уродов. Много глупости, пошлости. И вот я все пишу и пишу. «Стараюсь». Тут к «раздражению» присоединяются и «доходы» («счастливое совпадение»).

И т. к. я все-таки поумнее Пешехонки, да поумнее и сидящего в норе «Русского богатства» жида Горнфельдишки, то́ и написал «на всевозможные темы» более статей и *лучше* (ум), чем Дмитрий, Зинаида, Владимир Галактионович и, вероятно, «Соломонович» (И.).

Так.

Ну, что́ вы обо мне толкуете?

Вам надо просто молчать.

Бог — со мною.

* * *

25.IV.1915

«И вселися в *ны* и очисти *ны* от всякия скверны», — шепчут в могилах умершие стряпчие, почившие городничие и все Гоголевское Великолепие, — видя как Михайловский дважды в году праздновал именины, — на «весеннего» Николу и на «осеннего» Николу: и как важно раскланивался и Короленке, и подобострастному (тогда еще!) Горнфельду, и самому великому Максиму...

Если бы даже их *упрашивали*, убеждали праздновать «юбилей», — Страхова, Данилевского, Кон. Леонтьева, Рачинского, теперь Эрна, Вяч. Иванова, Булгакова, Флоренского, меня: неужели мы...

Ой! ой! ой!

Ой! ой! ой!

* все сочинения (лат.).

Да потому что мы все-таки образованные люди. Не купцы и не важные чиновники. Не митрополиты, архиереи и протоиереи, «награжденные уже палицей».

«Юбилей» может встретиться в биографии только шумного общественного деятеля или литератора определенной наивности.

* * *

25.IV.1915

Мережковский подумал бы, где больше «общественности», написать ли том о русских училищах и два тома о русской семье или сделать позу, что «я ожидаю от правительства конституции» и объявить Тютчева ретроградом, а Некрасова вождем общества?

Но, поистине:

К стене примкнуто,
Быв пальцем ткнуто,
Звучит прелестно.

Этот гекзаметр Тредьяковского описывает не только старинные клави-корды, но и Димитрия Сергеевича.

Бедный мой друг, бедный мой друг.

Некрасов и Тютчев вытаскиваются единственно потому, что Дим. Сер-чу нужно писать еще томы и томы, писать всю жизнь,— но не потому, чтобы Мережковский заболел о них или Россия заболела о них. «Никто ничем не болен», но Мережковскому нужно писать.

Пиши, мой друг, старайся,— своим классически красивым почерком.

В этот красивый почерк вся вселенная уложится. Если «Паркам» не покажется все это наконец скучным.

Да. Я думаю, что хороша жизнь. Но я думаю, что иногда хороша и смерть. Как его там:

Не пылит дорога
.....

* * *

25.IV.1915

Суворин не только не был смущен, что к нему «не пришли», но и не обратил никакого внимания. Накануне и 3-го дня — я увидел его в ночи бродящим в халате по коридору, где уставлены в шкафах «комплекты» (Нов. Вр.) и старые журналы, начиная от «Современника». Помню, он так весело рассмеялся, встретив меня в одном из «переходов» этих нескончаемых редакционных складов. У него бывала эта улыбка, совершенно молодая, юная, светлая и невинная. Я ее знал и любил. Мы всегда с ним болтали «черт знает о чем», без всякой цели и направления. Кое-что в нем и во мне было схоже (этого ему и на ум не приходило): и вот я думаю это «инженерное трудолюбие» и «я люблю мой сад».

У него «сад» — театр, актрисы, шумы; у меня — «античные монеты». Он раз заехал ко мне в автомобиле (наконец-то ему купили), и я навязал ему: «покатайте моих детей». Дети — в 1-й раз в автомобиле. Они не знали, не понимали, что такое «редактор». Кажется, и Шура была. Он так весело катал. Болтали,— помню о Куприне, которого он признавал и уважал (и Горького, вопреки Бунину, он признавал: у него было только непреходящее презрение к Леон. Андрееву).

Да... юбилей. Мне кажется, бродя внизу ночью, он обдумывал свой «Поход солдата», свои «Труды и дни», которые поистине огромны. И вот когда Горнфельд, Пропер и Айзман к нему «не пришли» и не привели за руку должного ему 60 000 руб. (авансы невыплаченные), то он просто этого не заметил, как богатый человек не замечает должника своего. Тогда как должник воображает, что он «ждет, ловит его и хочет посадить в темницу за долг». Работа Суворина до такой степени громадна и превосходит работу «Горнфельда и Амфитеатрова», превосходит работу не какой-либо газеты и журнала, но (в моем представлении) была громаднее всей жизни и суеты этих эфимерид, то бездарных, то злых, то пошлых и грязных,— что Суворин, «праздную свою печать», как бы праздновал «вообще печать». Он ее любил, уважал,— уважал именно суету, движение... Милый, чудный старик. Нужно сказать — издали и «не войдя сам в газету», я не имел ни о ней, ни о нем настоящего представления и кое-что (в *тоне*) и мне в ней не нравится. Но «все разъяснялось с отличнейшей стороны», как только приближался. Было маленькое легкомыслие, но не хвастовство. И т. д. «Все с грехом»: но «грехи» *Нов. Вр.* никогда не были грехами тщеславия, пустозвонства, жадности (денежной), подхалимства. Странно, что такая «литературная газета» на самом деле была очень далеко от гноящейся «литературности» и представляла «пунцовый халат Ал. Серг.», в котором тонул смеющийся... то смеющийся, то задумчивый... старик. Все его портреты (и молодые), для меня совершенно несносные, какие-то фальшивые и деланные,— вовсе не передают живого С-на, полного жизни, напряжения, ясности и доброты. Чего стоит один Прокофьев. Чего стоит один Гей. И всегда милый Буренин. И ученый Эльпе. И раздраженный Иванов. Или деятельный (†) Россоловский. Было веяние какой-то доброты и благородства на всех. Во всех было что-то барственное, тоном старого русского барства, распущенного и, конечно, свинского (необходимейшая для мягкости черта). Не забудем, что «в навозе» (в коровьем хлеве) наш Спаситель родился. Суворин это отлично знал, отлично понимал и понимал, что «навоза» вычистить не только нельзя, но и бесполезно. В нем было великое христианское «пусть», но он далеко не пьяно плыл в этом «пусть», но все направлял «к пользам России, и общества, и народа».

Ох, устал...

(не могу дальше писать)

* * *

25.IV.1915

Великие люди пылят в истории.
— Не надо.

* * *

25.IV.1915

От великих людей становится потно, нудно, шумливо, тесно, во всех отношениях несносно.

Бог уродил белые грибы в лесу. Пришел «великий человек», повалил корзины, собранные нами, и закричал:

— Собирайтесь все в поход. Думаю завоевать Азию.

Он «думает», а нам какая радость.

Суть «великого человека», глубочайшая его суть — безбожие.

Не надо! Не надо! Не надо!

— Друг мой Наполеон: ты не больше Солнца. Солнце вечно, а ты через 37 лет умрешь.

И после тебя тоже «будут собирать грибы». Зачем же ты ронял корзины? Собираение грибов выше, и лучше, и чище Наполеона.

* * *

25.IV.1915

Славянофильства и нельзя изложить в 5-копеечных брошюрках (Каутский).

Славянофильство непопуляризуемо. Но это — его качество, а не недостаток. От этого оно вечно.

Его даже вообще никак нельзя «изложить». Его можно читать в его классиках. Научиться ему. Это — культура.

Слава Богу, что догадался. Какая отрада.

В «век разрушения» (XIX в.) они одни продолжали строить. Продолжали дело царей и мудрецов.

Осанна...

Как радостна эта мысль.

* * *

25.IV.1915

От декабристов до нас литературу русскую определяют «пакостничеством»...

Очень талантливый, временами — гениальный. Но — пакостничеством.

Перья были золотые. Но они обмакивались в какую-то зловонную гущу пакостных чувств и идей.

Пушкин, Лермонтов и Кольцов (и еще очень немногие) отошли в сторону. Они и перейдут в следующий «серебряный век» русской литературы.

Да, вот где зло и Рок русских и России, где прозвучало что-то похоронное над «всем русским», что гениальный по силам период русской литературы и был употреблен просто на пакость.

Страшно думать...

Не тут ли зерно, что Дост. забился в истерике. Он, так любивший Россию, он первый увидел «черного ворона» над Россией, все что-то вещающего молчаливо.

Ведь он б. современник Стасюлевича и Щедрина.

Думаю: здесь метафизический центр его священной болезни.

Россию спасет (мог бы спасти) какой-то

ВЕЛИКИЙ СВЯЩЕННИК

который бы окропил ее святым словом, святою мыслью, святою водою.

Страшно.

* * *

25.IV.1915

Под именем «общественности», кажется, разумеется инстинкт «потрястись». — «Потрясусь»... Что может быть другое у Керенского. Да кажется и у моих приятелей (былых). Да разве им болел Некрасов.

... и стих пронзительно унылый

— у них нет уха услышать его. От этого отсутствия *собственного содержания* в «общественности у русских» их и начинают своим уже настоящим политическим содержанием инородцы, а через них и иностранцы. Ну, здесь уже есть аппетит: аппетит Польши, аппетит евреев, нужда Германии и Австрии ослабить соседку через возбуждение внутреннего разложения, внутреннего гниения (антагонизм классов, социал-демократия).

Словом, тут жидок, Лассаль, Маркс и полячок.

* * *

26.IV.1915

...да мир (космос) действительно построен по началу *кривых* линий. Это не «попалось на язык» мне, не «сорвалось» и не «случайно». Это — настоящая моя мысль и настоящая истина. Это очень серьезно, хотя, м. б., тут есть и страшное.

А еще, знаете м. б. более страшное, что я прибавлю: что мир построен по неуловимым линиям.

Неуловимость — самая суть мира, его интимное и душа.

Господи: какие пределы положены для учебников.

Господи: благодарю Тебя, что Ты создал человека не по учебнику.

(к полемике со Струве)

* * *

26.IV.1915

Уже теперь евреи приняли *тон*, что русская литература существует для пользы, чести и прославления евреев. «Наша маетность», где «ни гу-гу против нас», «ни-шитка». Какое в самом деле имел основание и *право* еврей Изгоев выразиться о Суворине, когда еще его не зарыли в землю, что «он был сын битого фухтелями солдата и безграмотной попадьи». Да он и объяснил дальше: «Да потому, что Суворин проповедовал еврейские погромы». Т. к. Суворин ни в одной собственной строчке и ни в одном номере своей газеты не «проповедовал погромов» (ведь он — не «Земщина» и не «Русское Знамя»), то слова Изгоева выражали ту параллельную себе мысль, что «Суворин держал себя независимо и подозрительно в отношении евреев, и не желал расширения наших прав и вообще уравниения нас с русскими».

Да: не желал в России «уравнять» ненавидящих Россию и вредящих ей, клеветавших за границею на нее, — с любящими Россию и служащими ей трудом, честью и правдою.

Но ведь это же его, Суворина, право: «Не люблю и не доверяю».

За что же Изгоев-еврей оскорбил отца и мать Суворина, честного солдата и офицера и честную попадью?

Да «ни за что», в «почему»: Изгоев знал, что около Струве, редактирующего журнал, стоит «советником» и «соглядатаем» еврей Франк.

А «беллетристическим отделом» заведует еврейка Любовь Гуревич.

Вот...

И теперь в *каждой* редакции сидит свой Франк, есть своя Любовь Гуревич.

Они не пишут или мало пишут. Но они управляют и направляют. О, халдейские звездочеты. Знаете вы свой гороскоп.

* * *

27.IV.1915

Тот, кто смотрит в микроскоп, не видит того, что видно в телескоп... а кто видит в телескоп, не замечает того, что лежит на «предметном стеклышке» микроскопа...

Вот расхождение Глеба Успенского и Клейнмихеля...

русского общества и правительства...

Зрение правительства — телескопическое. И должно быть таким («иначе все погибло»). Он видит лес и говорит: «Срубить». Или — «насадить». Т. е. Клейнмихель видит. Он (с нашей точки зрения) дурак, но — бронзовой, литой дуростью. Он «круглый», и его не ущипнешь.

Но «этой березоньки» он не видит. И алого цветочка под нею.

Белую березу заломали.

Охотнички выбегали...

Всего этого Клейнмихель НЕ СЛЫШИТ.

И тем жив, что не слышит (иначе бы «растворился», «разнежился»).
Ему и не нужно слышать это.

Но и Успенский не слышит:

Стройся, ко-ман-да-а!!!

И тоже ему не надо слышать, иначе бы он не запел песни, не закурил папироски. А папироска — хороша:

Закурил бы,— нет бумажки.
Полюбил бы,— нет милашки.

Но Бог сотворил и лист и цветок...

И еще цветок, и опять лист.

И песню. И команду.

Клейнмихеля и Успенского.

Будем все любить. Помолимся и будем все любить.

* * *

27.IV.1915

...да! да! да! Переворот бóльший, чем совершил Аристотель «Органом» и Бэкон через «*Novum Organum*» *: что из *этого места* текут ощущения, волнения, возбуждения, идеи...

...что оно рождает самый дух...

А остальное — «причесачка».

Поджимаем губки. Величественно взглядываем. «Ведем себя». Церемонно говорим с гостями...

А ушли они — и мы опять «об этом».

И до гостей нам дела нет, а до «этого»...

Лафа или не лафа, а — *так*.

Тó, чтó здесь написал Розанов, и сказал тот, кто в вечер дня, как заснул Авраам, посетил его и тайно шепнул:

ОБРЕЖЬСЯ.

«И нашел мрак и ужас великий на Авраама».

Вот такой-то «ужас и мрак великий» должен найти теперь на А. И. Заозерского, когда он никак не хотел этому поверить.

...я и сам пережил тогда, остановясь на висячем мостике, близ Контроля, на Мойке, этот «мрак и ужас великий», когда подумал: «Попробуем посмотреть *с этой стороны*».

Я остановился на мостике: «Если соединить пуповиною (трубочка с движущимся туда *или* сюда содержимым по ней) это место и небо, семя наше и небо, то ведь будет:

а) если семя полетит на небо (в идеях, метафизически), то правда оно загрязнит его (я *так* еще *тогда* думал) и все погибнет — честь, законы, мораль, Бог и боги...

* «Новый Органон» (лат.).

Но ведь этого НЕ НАДО. Зачем это?

Можно наоборот: пусть небо (через эту пуповину, через трубочку польется сюда: и тогда...

Тогда...

Тогда...

У меня как сыпались звезды из глаз... т. е. искры...

Тогда: —

ПРЕОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА.

Тогда на него не надо будет наматывать морали, законов, предписаний...

ибо он станет выходить из «семени с Богом», из семени «просвещенного», благоустроенного, — из «святого семени»...

Уста шептали, а в сердце была тоска. Ужасная. «Что́ я делаю?» Именно «мрак и ужас великий»...

«Со службы» (жел. дор. департамент) я переходил в другие помещения Контроля и, «открыв» там большие залы и коридоры, ходил по ним. Взад и вперед и мучился, мучился...

«Страшно»... (посмотреть «с этой стороны»).

— Господи, что́ же я отрекаюсь от русских...

— Что же я отрекаюсь от Православной веры. Где мнится, что все это — свиное и грязное, плод слабости человеческой, плод недостойнства человеческого...

...Что́ же? Что́ же?..

— О, Господи: и никто не научит.

.....

Потом на «верхотурье» (дешевле) еду на паровой конке в Лесной. Там Таня и мама. Тане — год, 1¹/₂. Мама у плиты. «На дачу» снисходительно Афанасий отпустил 90 р., и на 90 р. наняли. Для спасения Тани.

Сижу: и, «уже подъезжая» к Лесному, ветви деревьев, протянувшиеся ветвями из садов, касались иногда плеч и лица... (не больно, чуть-чуть). И почему-то птички. И как шепот:

— Спаси нас. Спаси и защити (т. е. наше плодородие).

— Сохрани нас. Сохрани. Заговори. Заговори.

Мне представилось — «Вся Природа» в каком-то страхе просит меня «выступить», «начать говорить», — точно и ее «объял ужас и мрак великий», но уже с другой вовсе стороны, обратной:

«Надо бы у вас *все это обстричь*». «А то́ ведь романы для этого и п. ч. это ЕСТЬ. А этому вовсе НЕ НАДО БЫТЬ. Вот мы это обстрижем, — и станете тамбовскими менялами, копить денежку, а не порхать по лесам и полям, щебеча звонкие песенки, но в сущности потому щебеча и с тем заключением в результате, чтобы *сесть друг на дружку* и, затрепетав всем тельцем, излить семя из него в нее...

Потом — яичко.

Потом — гнездышко.

Птенцы...

Самец приносит корма самке...

Как я — маме и Тане.

«Но ведь у меня хорошо. Почему же у птицы худо? А если, с другой стороны, у птиц хорошо, то у меня...

У меня...

У меня...

Кто говорит «не хорошо». И у одних христиан, почему-то у них только одних, пусть и изредка, но *дети убиваются тоскующими роженицами...* (это к Флоренскому слово). Почему-то у них только: не у «проклятых» жидов, не у «поганых» сарацин, а —

у прекрасного, доброго православного народа...

(устал писать)

* * *

27.IV.1915

...несомненно, что это просто небрежность. «Не хочу смотреть», «не интересно слушать», — а интересно даже играть в преферанс по 15 коп.

Посмотрите, как одним VOLO был подсечен % выше 12. Казалось бы, частное дело, и какое дело вмешиваться в долги промотавшихся барчуков. Да и «барчуки»-то м. б. и не интересны, а важен в цивилизации

РУБЛЬ.

Ну, а —

РЕБЕНОК

в самой цивилизации и наконец самой цивилизации нисколько не интересен, девушки никому не интересны, «ложесна разверстые» — только «плюнуть на них», и посему

— Играем по 15 к. в винт...

— Бросил девушку!!! бросил ужасный Стирфорс в «Дав. Кош.», еще в каком-то польском романе так бросил, что новорожденного, нагнувшись над выгребною ямою, мать утопила ротиком в испражнениях...

— Ой! ой! ой! О! о! о!..

— Играем по 15 к.

— Демоны, демоны: да скажите же

NOLO

об этом, законодательное «nolo» *, и что побивается камнями всякий мужчина, «познавший девушку», доведший ее до беременности и затем ее кинувший...

Молчание.

* не желать, относиться неодобрительно (лат.).

* * *

28.IV.1915

...есть *роковые* фамилии, с которыми «ничего не поделаешь». И не может выйти никакой биографии и красивой деятельности или положения. «Шарапов». Что́ с ним делать. Он обречен, был вечно оставаться смешным, недостаточным, стоящим не на своих ногах, кем-то «вторым» при более видном и умном человеке. Вечно «тереться около кого-то» и вообще быть «тенями» и «перебеганиями» около чего-то, что́ есть «одно» и «значительно».

И вот он издавал ряд журналов, и никому они были не нужны, был «писателем» и ни на кого не влиял,— «шумел», и все чувствовали, что это шум, а не смысл.

Ходил, бегал и как будто не жил.

Как будто его не было.

Это — Шарапов. И оттого все случилось, что такой странный звук. Точно «шаркает» о кого-то, обо что-то, об Витте, о печку: и Витте — есть, печка — есть, а «что́ шаркается» — не видно, не знается и не помнится.

(на обороте транспаранта)

«...скромность-то, я думаю, уже *увы*»...

И лицо осветилось улыбкой,— той тихой и милой улыбкой, которая была вся воплощенная скромность.

(28 апреля)

* * *

28.IV.1915

...попов можно и колотить. Очень просто. Приговаривая:

— Что́ же, какими *текстами* вы докажете, что Христос завещал вам быть фарисеями и книжниками? Что он завещал вам «председательствовать в заседаниях»? подставил вам кресло,— положил перед каждым карандаш и бумагу, сказав: «Пиши свое мнение, подавай свой голос». Что ли он завещал вам накидываться на детей, на девушек «с животом», нарекомых блудниц и всяких мытарей житейских. Вот что́ об этом *Филевский* скажет, что скажет *Дроздов*,— «с мытарями и грешницами не сидящие».

Чтобы он завещал вам хранить одно свое слово, переплетая его в золото и камень, а пример свой забыть: и вы тем шествуете не по стопам Христа, а по стопам Азефа и Каиафы, если еще не Ирода и Иуды. Вы в значительной степени «предали» слово Христово, малодушно, леностно и трусливо. Мертвых вы «украшаете» и над ними плачете: а о живом — никогда, и от живого только «отнекиваетесь».

И так поговорив и потрепав, все-таки потом надо поцеловать их и поклониться им.

Ибо хотя девять талантов они потеряли,— из десяти, данных им,— но все-таки один сохранили.

Учат бессмертию души и Вечной Жизни.

* * *

28.IV.1915

...гады, гады, гады...

...и смысл ваш гадить, и цель ваша гадить, и задача ваша гадить... гадить талантливо...

...другой серенько, незаметно, «про себя». Сделал и отошел молча. Но у вас все громко. Оль д'Ор когда «отправляет потребность», кругом играет музыка: и Биккерман, и Любош, и Виленкин. Все присутствуют, поют, хвалят, удивляются, «как Оль д'Ор ходит».

И Оль д'Ор «ходит» с удовольствием, и его знает вся Россия, хотя он ничего не делает, кроме как «ходит».

(вспомнил «Декамерона»)

— Что́ такое монастырь и монахи?

— Место блуда и блудливые люди. Он сказал. Боккачио. Знаменитый Боккачио. Зна-ме-ни-тей-ший. О нем исследования на немецком языке, на французском языке, на итальянском языке. А на русский язык его перевел зна-ме-ни-тей-ший Александр Веселовский, академик из академиков.

— Я понимаю, что Боккачио «сказал»: но соборы молча говорили мне о другом: о молитве, посте, страдании,— о героизме...

— ?.. Об этом Боккачио не рассказывал.

— Но ведь это *есть*, соборы-то?

— Ну, до них надо доехать, чтобы видеть, а Декамерона сюда присылают. За 10 франков... Уморительно. Все бабы и монахи. Все монахи и все бабы. И остроумие о том, как могучего «беса» монах ввергает в «ад» бабы... ха! ха!.. ха!

— Го! Го! Го!.. (толпа евреев).

— Вот это христианство...

— Вот она церковь...

— Позвольте: а крестовые походы...

— *Les croisades?*.. Это, кажется, Брантом писал? В нашей библиотеке нет. Это, чтобы прочесть, надо съездить в Париж, да и там рыться и находить в Национальной библиотеке: и Декамерон уже пущен по 2 франка, с маленькими иллюстрациями, где все монахи и все бабы...

— Барков?..

— Пожалуй: но ведь ка-к рас-ска-за-но...

* * *

28.IV.1915

...вспоминаю Рел.-фил. собрания,— мысли которых, рассуждения которых, людей которых я так любил... *По горячности отношения*

к делу — они первенствовали в моей жизни. К всему «спустя рукава», их — любил...

Прошло 10—12 лет. И вспоминаю (реформа Церкви горела в душе): вот ведь, однако, какая вещь: кто бы и сколько бы хорошо ни говорил, — основательно и разумно ни рассуждал, — не было, однако же, *ни одного случая*, кроме как «председатель закрывает собрание» (12 ч. ночи), чтобы не поднялся «еще Протейкинский», «еще Карташев», «еще Соллертинский»: и мысль предыдущего говорившего, по-видимому столь законченную и убедительную, столь совершенно основательную, не нашелся чем-нибудь ограничить, «показать с другой стороны», а то даже опрокинуть и «с этой стороны»...

Повторяю: останавливало председательское: «Господа, ЗАСЕДАНИЕ ЗАКРЫТО».

Но не останавливается река времен: и собственно умственно и духовно мы должны представить себе, перед столь важною темою, как «реформа Церкви», БЕСКОНЕЧНОЕ ЗАСЕДАНИЕ...

...да еще и приглашены-то (а мы *многих не допускали в собрания*) должны быть мужики, бабы, купцы, коим всем ЦЕРКОВЬ НУЖНА, и как же их лишит права подать голос в вопрос: *нужно* ли или не нужно реформировать то, что им НУЖНО, чем они кормятся, чем просвещаются, чему привыкли верить, как единому святому и безгрешному на земле?..

Во-вторых: мы все были *не святые*. Умные — да, «хорошие люди» — да. Но ведь церковь основана «святыми», «двигалась дальше» — святыми и вообще «сделана» и «составлена» святыми, по слову Спасителя и Писания, но, однако, по разумению этого Слова и этого Писания *святым сердцем* и *святым умом*. Филарет (Московский) сколь ни был умен, но не позволил себе *ничего* переменить, переставить, «прибавить» или «убавить» иоту, — *п. ч. не был свят*. Тогда как Иоанн Златоуст и Василий Великий и Иоанн Дамаскин, будучи «святы» и имея самоощущение «святости», — смело (не *буйно* отнюдь) отменяли, составляли новые литургии, отменяли одни чины и молитвы и вводили новые... Запрещали, разрешали, назначали «епитимьи», «разрешали развод», «запрещали развод»...

Святое сердце пело Богу, и из святого сердца рождались горы дел...

Это ГЛАВНОЕ. Между нами же не было ни одного святого человека. Разве Соллертинский (он читал в Академии нравственное богословие).

Так вот:

1) на все можно возражать...

2) заседание в истории бесконечно...

3) церковь НУЖНА не только у Чернышева моста, в зале Географического об-ва, но и в Костроме, в Казани, а в сущности везде, где умирает человек...

И мы, в сущности, узурпировали в претензиях ПРАВА ВЕЧНОСТИ И ВСЕМИРНОСТИ.

Вот отчего тогда «не удалось».

* * *

28.IV.1915

...мне приходилось читать в «истории» или «очерках» проституции об одном случае, когда содержатели дома (чуть ли не муж и жена) требовали от двух своих дочерей, чтобы они тоже «сошли вниз» и смешались с «принимающими гостя», т. е. тоже стали «девушками дома» (какой ужас издевательства над словом «девушка», «девственница»: какое непонимание всею цивилизацией, что это — метафизическое понятие, могущее прикрепляться только к одному своему и тогда всегда истинному предмету. Но «закон» — формальный — все смешал и загрязнил все предметы теперь). Из дочерей одна охотно согласилась, другая же резко отказалась.

Поразительна *всеобщность* факта, что содержательницы такого дома, даже если они одиночки, вдовы и проч., *сами никогда не проституют*. И в этом есть оттенок какой-то *сытности для себя*, какую они испытывают от проституции девушек дома. Вообще содержание этих домов, имея толчком себе коммерцию и жадность, доходность и прочее, не так просто в дальнейшем своем развитии. «Ведь промыслы бывают разные», и с капиталом, какой нужен на покупку «дома», можно начать и другое тоже очень прибыльное дело.

Девушки всегда зовут содержательницу «таман», и где-то я читал, тоже в «истории» или «очерках», что пища девушкам всегда дается обильная, почти роскошная, при всякой скаредности хозяйки, при ее грубости и жестокости с девушками. И тут я уловляю аппетит: «чтобы они были здоровы, гладки в теле,— и приятны гостям, не вообще, а *in actu*».

Одна женщина, кухарка при такой «сборной квартире» с девушками, ответила на вопрос, замужняя ли она и нет ли у нее сыновей и дочерей: «О, как бы была дочь — она бы уже бл.....» (простонародный глагол для промысла). Не значило это: «*поддерживала мою бедность в нужде*», а — аппетит.

Девушка одна, очень прозаическая и замухрышка, на вопрос, как она стала проституткой, ответила: «Я живу с матерью — не записана в полиции. Мать меня сама послала, говоря, иди, б....., (и еще более резкий глагол, обозначающий не промысел, а акт)»... «У нее — любовник, мужик. Если бы не мужик, я бы отбила его у матери. А с мужиком — не хочу». «Денег матери не отдаю... С чего вы взяли? Разве она мне б.....» (содержательница дома). Откуда тоже следует, что «посылается» дочь не по выгоде или необходимости, а по любительству.

Я думаю вообще этот чин, называемый «промысел», не так прост. Ведь и Паганини, игравший на скрипке, и Патти «брали деньги за

концерты», но они никак *не ради денег* стали музыкантом или певицею. Я убежден или по крайней мере глубоко подозреваю, что в основе его лежит задача «сотворенной Евы» дать Адаму то́, в чем он почувствовал нужду. Кроме человека, все животные были сотворены *парно*. Человек таинственно был сотворен по другому способу, по другому плану. Он — один. Мужчина, с сокрытою в нем женщиною, женою. Она из него «изводится», когда ему пришла «пора», когда без нее он мог бы впасть в противоестественный грех, напр. самоудовлетворения. Но Ева — «только для этого»: это ясно сказано в истории миротворения. Отсюда она украшена красотою и так ценит красоту свою, а в мужчину вложен дар — восхититься прекрасным (восклицание Адама, когда, пробудясь, он увидел впервые сотворенную ему Еву). Этот план продолжен в строении семьи: «мать семейства» — когда дочь или дочери выросли — имеет неодолимую жажду их замужества. Какой-то своеобразный *terrore vacui*, «боязнь пустоты»...

«Дочь должна быть *наполнена*»... одна дочь... много... как можно больше... И наконец все. Это переходит в иллюзии или сновидение иметь подобие множества дочерей, вечно наполняемых. У «элементарных» это шевелится «как в корове»: лениво, сквозь сон, «почесываясь на печке», пошевелится именно эта тягучая мысль... «Множество мужчин»... и «все у меня сыты». Коллективная, собирательная Ева. Ева — коралловый риф, но, однако, с мыслью: «мы вообще для этого и созданы, для этого устроены: чтобы мужчина не испытывал голода». И вот единая «тапан» коллективного «множества дев» как бы выводит хор их к «приходящим гостям», с этою почти мыслью: «За моим широким столом всякому есть место, и каждый выберет, что́ любит».

Это перешло только в туман, грязный, болотный. «Ведь они все безграмотны». Но копошится эта мысль, страшно древняя.

Вспомнил. Доктор-хирург Логинов, умерший лет 8 назад в СПб., говорил мне: «Учился я в Нижнем, в Дворянском пансионе. И в старших классах гимназии бывал в одной семье, где и мать семьи, и все ее взрослые дочери сожителемствовали всем гостям, которые к ним приходили». «Приходящие» же были исключительно, кажется, гимназисты (не спросил подробно).

Вообще тут философия, а не деньги. Деньги — деньгами: но ведь и писатели, даже «с огоньком», берут деньги: однако огонек-то таланта и призвание писать родился у них не на зов рубля. «Рубль пришел совсем потом».

* * *

28.IV.1915

Самые целомудреннейшие, испуганно-целомудреннейшие, — застенчивые, стыдливые суть онанисты.

Они утончены. Духовны. Спиритуалистичны. Мир пола наполняет их воображение. Но они о нем никогда не говорят.

При анекдоте, «когда начнут товарищи рассказывать», краснеют и уходят.

Среди этих товарищей онанист — как арабская лошадь среди битюгов.

Мне все понятно. Им же ничего.

Онанизм — если он без «злоупотребления крепкими напитками» — страшно глубок. О нем трактаты еще не написаны. «Перо валится из рук». И нет ни мемуаров, ни философских разъяснений.

Онанизм — *x (икс)*.

* * *

30.IV.1915

Вся личность и вся жизнь превращена в литературу...

Не превращена: что-то другое. Вот я — «живу», вот — (*я*) «я» грежу, верую...

И все в «я» и «жизнь» — передано каким-то током «в литературу», и на той «пластинке», внешне — совершенно отражено, что «есть» и «живет» *здесь*.

Единственное, где «субъект» и «объект» слились. Одно (отсюда мое определение — «штаны»).

Всякий — «сочинял». Я же никогда не «сочинял»: никогда ни единого плана «моего творения». Никогда не «задумывал». «Обдумывать» мне совершенно несродно («и вообразить не могу»).

Жил...

Я...

Вот и *все*. Потому, я думаю, «полный человек» только «в моих сочинениях».

(на обороте транспаранта)

* * *

30.IV.1915

Евреи в организме человечества играют роль кровообращения.

Мозг — нет. Честь — всего менее. Кожи, нервов, движущего сердца, костей — нет и нет. Это — европейцы, Германия, Рим (кожа бронзовая), Греция.

Интимность — мы, русские. Наша «задушевность», до «делюсь с приятелем даже женой» (Чернышевский, хлысты).

Но — кровообращение, как оно бежит по жилам. Отсюда они — в рассеянии. Бегают. Нет отечества («вся земля — наше отечество»). Живы, подвижны. И — таятся. И кровь «солнышко не видит», вытекши сейчас же свертывается и умирает.

Так евреи «въявь» просто умирают и могут жить только в темноте и тайне.

«Черта оседлости» останавливает эту их всераспространяемость и текучесть. И непереносима для них не ради торговли, а метафизически.

Они испуганы и почти «сходят с ума», что кто-то может задержать их бег.

«Черта оседлости» — закупорка вен. Следует удар. Обморок. Смерть.

Вот в чем дело. И ее не выносит не только еврей местечка, но и петербургский журналист Кугель. Не выносит самой этой мысли и не выносит *метафизически*.

* * *

30.IV.1915

Суть современного писателя — что он не чувствует себя вовсе в истории, а «в нашем времени» только, и с этим «своим временем» услужливо связан, для него старается, перед ним оправдывается и извиняется («извинения» Тургенева). «Не издают» — и он плачет. «Читают» — и в восторге.

(Чуковский оправдывается за статью о Достоевском)

* * *

30.IV.1915

У нас сотрудник. Старый провинциальный журналист, — с воспоминаниями. Брюнет, бритое лицо. С усами. Кашляет. Жалуется.

Они живут: муж, жена и дочь; у последней ребенок. «Главное наше утешение» (мальчик).

Не дают авансов. Нужда. Куксится. Раз и говорит, — к чему-то:

— Был экзамен в семинарии. Приехал Владыка. Отвечали хорошо.

Все чин чинном. Владыка спросил «вне программы»:

— Что́ есть самое тяжелое на свете?

Вопрос столько же богословский, сколько философский.

Никто не знает. Один с задней парты поднимает руку («Я могу ответить»).

— Ты? Ну говори (владыка).

— Не смею, Ваше Преосвященство.

— Дерзай! дерзай! — сказал старец поощрительно.

Семинарист назвал чего никогда не называют.

Все были изумлены и немножко растерялись. Но и заинтересованы.

— Почему? (владыка).

— Паровой лебедкой не подынешь, если сам не подыметя.

Нельзя было не согласиться.

Владыка тогда продолжал спрашивать:

— Ну, а что́ самое легкое?

Все молчат, и опять только тот же семинарист. «может ответить».

— Ну, ты?

— Не смею, Ваше — ство.

— Дерзай! Дерзай.

Произносит — то же имя!!!

Все растеряны:

— Почему?

— Не от ветра, не от силы, но *от единой мысли* поднимается.

Опять очевидность свидетельствовала, что семинарист был гениален и наблюдателен.

(действительный рассказ)

* * *

30.IV.1915

Есть люди, «не оставляющие после себя следа» («след вынут», магия). Какие-то неосязательные.

Страшные. Особая категория.

Другие разворачиваются. Шумят. Они — никогда. Ноздрев хочет побить чубуком Чичикова. У таких людей нет чубука, а Чичиков если бы захотел к такому человеку заехать, то не нашел бы ничего, кроме тени. Нет «двери» к нему, нет «дома» у него.

К удивлению, такие люди занимают квартиру. И квартира всегда заметнее хозяина. Выйдет. Поговорит. И все-таки впечатление: «Я был в квартире его», а не «у него».

Иногда это чрезвычайно умный человек. До замечательности. И рад, когда он приходит. Интересно.

Но ушел. И нет следа. «У меня никого не было».

От них не пахнет. Никогда. Спят они не на кровати, а на кушетке. «Калачиком свернулся и поспал». Чай у них почему-то всегда холодный и невкусный. Булок нет. Крендельки или сухарики. И сухие, неприятные.

Вообще едят они сомнительно. Но много курят и любят вино.

В отношении женщин как-то неестественны. Не живут, а мучат.

Хлеба нет, маленькая конфетка: и сыты тем, что пососут ее.

Таков странный наш Альфред Юльич (К.).

(на обороте транспаранта)

* * *

30.IV.1915

...да «русский прогресс» провалился уже в Щедрине и Некрасове...

Когда «все за ними двумя побежали», — он и провалился...

В сущности, начал проваливаться уже в щеголеватых декабристах...

«Не *то!* не *то!* Не *так!* не *так!*»

Это — не чувство мое. Это мысль, и вечное. Отнюдь это не «мое пристрастие».

Настоящий русский прогресс давали Сераф. Саров., Амвр. Оптин. Но мы не умели выслушать. И никто не мог понять.

«Выпрямила» — сказал впечатление от Венеры Милосской Гл. Успенский. Ну, мы северные жители. Серафим и Амвросий тоже «выпрямили» душу русского человека, вообще русского человека, но «выпрямление» выше русских мучеников не поднималось.

...за Некрасовым, Щедриным и ух-прогрессом Витте. «Конец венчает дело». Витте был с полуносом: и весь наш прогресс с самого же рождения своего был в тайне вещей и «сумраке времен» с полуносом.

Рост огромный. Как у Витте. А нос маленький. «Фельдшер ковырял, и что-то вроде носа вышло».

* * *

30.IV.1915

Гоголь копошится в атомах. Атомный писатель. «Элементы», «первые стихи» души человеческой: грубость (Собакевич), слащавость (Манилов), бестолковость (Коробочка), пролазничество (Чичиков). И прочее. Все элементарно, плоско... «Без листика» и «без цветочка».

Отвратительное сухое дерево. Отвратительный минерал.

Нет жизни.

«Мертвые души».

Отсюда сразу такая его понятность. Кто же не поймет азбуки. Понял даже Чернышевский, не умевший различить чубука (трубки) от жены (основная идея «Что делать»). («Не обижает же вас, если кто покурит из вашей трубки: Почему же сердиться, если кто-нибудь совокупится с вашей женой»).

Отсюда-то его могущество. Сели его «элементы» на голову русскую и как шапкой закрыли все. Закрыли глаза всем. Ибо Гоголь ее (сила таланта) «нахлобучил на нас».

«Темно на Руси». Но это, собственно, темно под гоголевской шапкой.

Флоренский тогда, когда мы ехали на извозчике (в Москве), на слова мои:

— Замечательно, что Гоголь был *вовсе не умен*,— ответил с живостью:

— В этом *его сила*.

Конечно. И даже скажешь насмешливо «умникам»:

— Глупость еще с вами поборется, господа.

Разве «глупые» — Спенсер и Бокль — не одолели Паскаля. И пошлый Шелгунов с Благодетелевым — тонкого Страхова.

* * *

30.IV.1915

...этот фельетон, за который Амфитеатрова выбросили в Сибирь, был клеветнической гадостью человека о доме, в который его прежде всего не приглашали, не пускали и где вообще нога его никогда не была.

Обыкновенная злоба лакея на барина. Этому барина он обкрадывал, но этот барин не догадывался ему дать «на чай».

И раб злился. Клеветал. И писал фельетон. Пока в пьяном виде (говорят) не взял уж «слишком».

Что же Россия? русские? Вместо того чтобы сказать: «Ты не рыцарь литературы, а лакей литературы», все кинулись за ним... Шум, говоры,

слава. «Амфитеатров сделал себе судьбу». Ведь он просто был болтун «на все темы», а теперь вырос в «политическое лицо».

«Лицо» сейчас стало целовать руки у всех эмигрантов.

Евреи, революционеры, левая оппозиция — все понесли его на руках... Амфитеатров! Амфитеатров! Амфитеатров сказал. Амфитеатров думает.

Между тем Амфитеатров меньше Ноздрева. Который все-таки колоритен. Тогда как Амф. без всякого цвета.

Только рост и вес.

* * *

30.IV.1915

«Литература есть выражение человека».

А «моя литература есть выражение *меня*».

Чего толковать.

(За что сердятся критики — не понимаю.)

М. б., «я — худ». Мож. быть. Но ведь было бы «квадрат хуже», если бы я притворился и выразил в своей литературе *не себя*.

Было бы отвратительно. Господа: не заняты ли вы все вот *этим* отвратительным.

Посмотришь — прощальга. А написано — как у ангела.

Вот я б. раз в семье, лично знавшей Михайловского, М. Горького и Короленку. О Горьком и Михайловском — отзывы: об одном как об очень добром, участливом человеке, о другом — как о заботливом теплом отце (сын Марк, †). Я заговорил о Короленке.

— О, это *бухгалтер!*

Я был поражен. Никому в России в голову не приходит.

— Скаред. Рассчетлив. Любит деньгу.

Кому же это может прийти на ум об авторе «Лес шумит», «Река играет», «Сон Макара» и «Слепой музыкант»: «Музыка, а не писатель».

И всех обманывал. Вот вам и литература. Да это «уборная актрисы».

* * *

30.IV.1915

«Всякое определение есть *сужение*» (философия).

И определять не нужно.

Пусть мир будет неопределен.

Пусть он будет свободен.

.....
.....
.....
.....
.....
.....

Вот начало хаоса. Он так же необходим, как разум и совесть.

.....
.....
.....
.....

Живем и горим.

Живем и путаемся.

«С утра подметають», а к вечеру смотришь — везде сор.

Этот сор — наша жизнь.

Разве она плоха?

.....
.....
.....
.....

И вот объяснение, что душа моя путаница и как разлезающаяся нить.
«Притом бумажная».

Зорька — и мысль.

Другая зорька — другая мысль.

Калоши — валяются...

Мысли — валяются.

Калоши — в дырах.

В мыслях — ошибки.

И отлично. Капустка все-таки растет, «с ошибками или без ошибок»,
и заяц так обеими лапками и загребаёт в рот.

* * *

30.IV.1915

Зажат между «рóдами» и «†».

(я)

Но не так ли зажат и всякий человек?

Отчего же мне так душно? Задыхаюсь.

Вообще и у всякого на стесненьи и рóды и смерть.

От «одних» идет на «другой». Замечает, что «идет», но не замечает
ни «родов», ни «†». «Рóдов» не помню, «†» (своей) не увижу.

Мне было дано (указано?) пронзительно остро взглянуть на одно
и другое. Вот отчего из живущих на земле я всех глубже.

Это не «ум», а «situation».

Попы... глиняные, деревянные: как в эту минуту ненавижу вас. Зачем
вам было возбуждать этот вопрос.

Но в духовных журналах до сих пор не было *ни одной* (совершенно ни
одной?!!) статьи ни о разводе *по существу*, а не по форме (с чувством
интереса к археологии), ни о внебрачных детях.

(прочел в «Утре России» статью о «множестве девушек
матерей» от солдат в связи с войною)

* * *

30.IV.1915

В Струве живет идея честного порядка.

Он *очень любит Россию*.

Но отчего же он «неудачен на Руси».

Он любит Россию нерусскою любовью.

Ему можно быть благодарным, но его нельзя любить.

Трагическое,— не крупное, но трагическое лицо в нашей истории.

Ему «удавалось», когда он плыл в нелепой революции *. Т. е. хотя был сам и разумен и целесообразен, но поместил этот разум и эту цель внутрь нелепого явления, нелепого процесса.

«По-нашему».

Его «несли», славили, хвалили.

Но он вдруг стал «в самом деле человек» (теперь).

От него все отшатнулись.

То-то, рече Бернардович,— «трудны дела русские»:

Умом Россию не понять.

.....

* * *

30.IV.1915

...они «с хорошими удами»: но этим и ограничивается их значение.

Обер-прокуратура — ВЕЧНЫЙ ИНСТИТУТ (хотя только эмпирически пришел на ум П. В.). Это — *jubeo, polo, volo* ** около чужих стад с большими удами.

Нужно бы написать «Историю обер-прокуратуры со стороны положительных ее заслуг перед церковью».

Jubeo, polo и *volo* — человеческое и совестливое — около «археологических воспоминаний».

* * *

30.IV.1915

Самая фамилия «Некрасов» указывает на что-то грубое, базарное и воровское.

Это цыган, вышедший пошутить перед народом и незаметно их надувающий.

Ей-ей: мы находимся под магией наших имен.

* «Освобождение» в Штутгарде.

** приказывать, не желать, желать (*лат.*).

Рцы был на самом деле «Романов». Но с такою фамилиею и после первых Романов естественно спрятаться в щель и всю жизнь скулить о себе. Так с несчастным и случилось. «Никто не заметил» и «ничего не сделал».

* * *

30.IV.1915

Скворцов (Вас. Мих., Миссионер) на всякую характеристику себя, на всякие сплетни о себе, на всякую насмешку над собою может ответить:

— Чтó же, таков русский человек.

А попробуйте-ка вы в корне отрицать «русского человека»: никуда не выкинетесь «на берег», кроме добродетельного Добролюбова.

— Люблю Святую Православную Церковь. Царей отечества моего люблю. Люблю орден *. Люблю деньги. И хорошую икру к пирогу.

Чтó поделаешь. И я «ведением и неведением», «волею и неволею» люблю Василия Михайловича.

* * *

30.IV.1915

Ну и угостили этих господ Азефом.— Черной водицей вы поили других, попробуйте испить сами.

(просматривая Богучарского)

...смерть государя Александра II. Желябов «был привлечен по процессу 193 и оправдан»...

Ну, конечно. Кабак судил, кабак простил, кабак «производил следствие», председательствовал на суде и произносил «речь прокурора».

Уже не было эпохи Николая I: и вот вся причина потрясения 1 марта.

Косточки их развеяли бы, прежде чем что-нибудь «удалось».

И развеять следовало.

Разве можно церемониться со «193» в интересах нормального, здорового, прямого хода истории? Разве думают о «пожертвовании ротою солдат», чтобы окончить благополучно Отечественную войну или выиграть Бородинское поле?

Да: солдатами «пожертвуют»: но Желябов состоял в любовниках генеральши Перовской: разве же можно было им «пожертвовать».

«Тут и прокурор»...

Судебная реформа, т. е. собственно судебная размазня, и лежит в основе 1 марта.

* Скоро — телеграфировал мне — получит (выходя в отставку) чин тайного советника.

* * *

30.IV.1915

Из самого страха... ужаса смерти не вытекает ли ее отсутствие?

Послушайте:

Ведь чего я боюсь?

«Больно»? Нет. Т. е. «больно» я страшно боюсь, как мышь, но в страх смерти эта *боль* отнюдь не входит. А:

НЕТ.

НЕ СУЩЕСТВУЮ.

Было написано

2

на доске, а учитель стер.

Ну, так слушайте и слушай я сам:

Ведь:

НЕТ

значит — и не чувствую самого «нет». Будут реветь дети, им больно: но мне ничего не больно и не больно самого «нет», п. ч. ведь меня «нет»...

2

— стерли: разве же этому «2» больно? Ровно нет, явно нет.

Если —

МЕНЯ НЕТ,

то —

НИЧЕГО НЕ ЧУВСТВУЮ.

Но я чувствую: *страх, ужас*, т. е. не «теперь», а что «потом», «после смерти» буду испытывать ужас, что

МЕНЯ НЕТ.

Но кто же будет испытывать? Ведь меня «нет»?

Нет субъекта, носителя боли: и нет — боли. Но мне ослепительно ярко, что «этого», «которого нет» — он-то (после смерти) и будет реветь чудовищными слезами. Это — да! да! да! Но, значит, ревет КТО-то, Я, и, — значит, я есмь после смерти.

Господи, неужели так?

Я греха вовсе не боюсь и наказания вовсе не боюсь, а

НЕТ.

Нета я совсем не могу перенести. Что такое «нет»:

УЖАС.

А если «ужас», то есть и ужасающийся, значит «нет» а

— НЕТ:

Неужели так? Скорее бы сказал Флоренский: правильно ли рассуждаю?

Апрель 1915

Историческое слово Маныча:

— Да есть люди до того глупые, что они и не понимают, что им платят...

Это он сказал, окончив рассказ о Керенском (депутат Думы и мелкий соц.-демокр. писателишка), которого видел в Киеве и с которым ехал в одном вагоне.

Он, кажется, сказал даже не «платят», а просто «на жалованье состоят». Он пояснил это в том смысле, что очень глупый человек соединяет с образом «жалованья» и «платы» — требовательную ведомость, с графами, где проставлены цифры рублей, а в случае частной службы — «квиток», выдача денег, расписка в получении.

И когда Керенский «в получении не расписался», — то по невообразимой глупости своей воображает, что ему «не платят».

Перед этим Маныч рассказывал о социал-демократических и марксистских (у нас) журналах и газетах, которые тайным образом состояли на полицейском иждивении, и все там участвовавшие социалисты и марксисты — не ведая сами того — получали деньги из полиции.

Тупой, формальный, деревянный Керенский, конечно, не может проникнуть в тонкую организацию, как и откуда «явился» журнал, и только приносит в него свои «знаменитые» статьи — короче воробьиного носа — и, может быть, получает за них по гривеннику со строки.

Так <ие> к<ак> Керенский весь, с родителями и детьми, не стоит десяти коп.

Кугель, жид и радикал, получил 40 000 руб., — больше, чем Толстой за «Войну и мир», — заключив контракт с Сытиным о редакторстве «Русского слова», а когда контракт был Сытиным нарушен ввиду того, что к нему «заправилой» вернулся Дорошевич, коего чуть было не переманил в «Биржевку» Пропер, — то Кугель и сорвал «неустойку» *...

Об этом способе зарабатывать деньги советую подумать Гершензону, Айхенвальду, Столпнеру, «идеалистам».

Нет, нужно произносить не «Гершензон и Айхенвальд», а «Гершензон, Айхенвальд и Кугель».

Но что же такое Кугель? Негодяй. Это все знают. Черный, грязный и отвратительный. Да, но он «радикал», т. е. передовой: А какая же русская газета будет читаться, если ее редактирует не «свежий человек», когда-нибудь издали повидавший даже Верочку Фигнер. Все это Сытин соображал, имея газету, которая не должна «уменьшать ходу», и знал Кугель, что Сытин это знает, и потому проставил: «В случае, если дело не состоится и судом будет признано, что оно не состоялось не по отказу Кугеля, а по отказу Сытина, то Иван Димитриевич уплачивает в пользу Иуды Соломоновича сорок тысяч (40 000 р.) рублей».

* Это мне рассказывал редактор «Голоса Москвы», — к каковому рассказу сделал только незначущие, несущественные поправки А. А. Измайлов, сотрудник «Русск. слова» и «Биржев. вед.».

Надо иметь духу, надо столько захватить воздуха в легкие, чтобы проставить «40 000» за какие-то переговоры, от перерыва или неудачи которых Кугель даже ничего не терял, а просто «оставался в том же положении».

И Сытин не мог закричать:

— Грабят. Мне больно. Меня обирают.

Как же он закричит, если он просто русский купец, а Кугель радикал, марксист и жид. Сытин очень хорошо понимал, что евреи разорвут его на клоки за крик и «Русское слово» будет вовсе убито *.

«Русское слово» стоит дороже 40 000, и он в гениальном уме своем взвесил, заплатил и промолчал.

* * *

〈Апрель, 1915〉

Каждый обед, за который вы садитесь, милые дети, играя и шумя, как рой пчелок, как букет раскидываемых кругом белой скатерти цветов, был заработан тяжелым трудом чьим-то...

Угрюмая и скупая кухарка за провизией. За «так называемой презренной провизией» на рынок: и торговалась, сколько «бедры», сколько «секу» (части говяжьей туши)...

Тоже и картошка...

Капуста, фасоль и морковка...

Хорошо. Вы все шумите, так поэтично. И Тургенев записывает разговоры студента «с Ольгой», такие интересные. «Она уже влюбляется», а он «ровно ничего». Тургеневский сон, красота и поэзия.

И как обедаете вы «неукоснительно» каждый день, то за месяц выходит ох-о-хо-хо-хо! И как «о-хо-хо-хо» на дороге не валяется и даром тоже его не дают, то ваш серый папаша, на которого «Тургенев, конечно, не смотрит», и что он там говорит, хрипит и шамкает — в это ни Гончаров, ни Тургенев не вслушивается, — служит какому-нибудь «начальству»...

Начальство, конечно, «черт его побери», и папаша, пожалуй, не хуже вас знает об этом: но в то время как вы на красивом шумном обеде громко высказываете свободные мысли, с благоговением выслушиваемые и записываемые всею русскою литературою (ее «содержание»), папаша никак не смеет обнаружить те же мысли в департаменте.

Оттого он так сер, тускл, кряхтит и кашляет. Хотелось бы (в департаменте) сорвать сердце, а вместо этого пришлось улыбнуться...

«Vonne mine à mauvais jeu» **...

Он вспомнил сына-студента и дочь курсистку, которые красиво сядут за обед, — и промолчал.

* Между прочим и «объявления», — наполовину, как и во всякой газете, еврейские, — разных еврейских фирм и фирм русских, но денежно зависимых от евреев.

** Хорошее выражение лица при плохой игре (*фр.*).

Вспомнил молоденьких гимназистиков и гимназисток и «тем более промолчал».

Вспомнил девочку 5—6—7 лет: и «вкуче промолчал». А заметив, что директор департамента тоже сухо молчит,— сделал «что-то подленькое в лице» и сказал его превосходительству («черт бы его побрал») какую-то любезность или любезным тоном насчет «особенно хорошей сегодня погоды».

...И еще больше сгорбившись поплелся домой: но, подходя, выпрямился и улыбнулся.— «Как-то мой Митька, Катька и Сережка. Сегодня пудинг с молоком, и они станут во как уплетать»...

Придет. Покашлял. Не улыбается и не разговаривает; но сквозь наморщенные веки видит старыми слезливыми глазами, что «Катька и Сережка во как жрут», и сердце его радуется.

Очень радуется.

О, очень, очень, очень...

Тургеневу это незаметно, а только заметно через стол его «коллежской ассесорше», разливающей суп и думающей: «сегодня мой Иван Иваныч ничего»... «И как будто лицо свежее»...

Что́ я хотел сказать... Да: так *вон на чем*, а не на катехизисе, основано: «Чти отца и мать свою и благо тебе будет». Две строчки, «совсем пустые», до которых от Гостомысла до царствования Николая II-го не доползла русская цивилизация...

Эта так называемая «русская цивилизация» совсем мальчишеская, и созреть ей мешает «изящная словесность» Тургенева и Го́нчарова. Притом ползла эта цивилизация всего тысячу лет, да и ползла-то большую часть «на шарамыжку», то за спиною кнута царского, то за управлением татаровым. «Активно» или «пассивно», русские все склонялись «на боковую» и давали храп на всю комнату.

Нужно ползти не тысячу лет, а четыре тысячи лет, и тогда доползешь до жидовского правила:

ЧТИ ОТЦА И МАТЕРЬ ТВОЮ.

.....
А моя Таня доползла к 6 годам. И тоже Вася. Но сперва о Тане.

Со Шпалерной мы ехали по Литейному покупать ей резиновые калоши. Мама утром сказала, я надел пальто, санки, сидим: и «промеж нас» полустоя, полусидя Таня. Вдруг она всем туловищем повернулась и, поднеся ладонь к щеке, провела тихо мне по щеке и сказала:

— Папочка. Ты не брани мамочку, что мне калошки...

«Бранить»... С чего?!?! Никогда. Но у нее стоял в душе испуг, что 1 р. 80 коп. это дорого и что от этого я молчу «и, должно быть, сержусь в душе». Но я думал о философии и нисколько не сердился.

С Васей же было так. Теперь он несносен, басит, собирается на войну. Так и хочется (мне) или стукнуть по голове, или его же ранцем запустить ему в спину. Но до 9 лет он был прекрасен. Любя очень девочек, таких

грациозных и игривых, я не обращал на него внимания и никогда с ним не разговаривал. Да, ему лет 6 или 7. Только я всегда замечал, что его внимательный взгляд почему-то поднят на меня. И раз спрашиваю:

— Вася, ты меня любишь?

— Люблю.

— Почему же ты меня любишь?

И как давно решенное, он ответил спокойно и серьезно:

— За то, что ты нас хлебом кормишь.

Я был поражен. Никогда в голову не приходило, что дети могут об этом думать.

Но это он *теперь* глуп, когда учит в Тенишевском физику и химию. А в *шесть* лет мой Вася был замечательно умен.

«К ночи» я рассказал маме. Она тоже была поражена.

Теперь я думаю: «Все Розановы — особенные. Школа у них отняла все. Но врожденно — они были прекрасны и умны».

* * *

1.V.1915

... да посмотрите только, сколько есть *по числу* историко-археологических исследований «о 50-й главе *Кормчей книги*», сравнительно с числом статей в духовных журналах об убиваемых матерями-девушками младенцах, — в журналах католических, в журналах евангелических общин, в журналах православных, — чтобы встать на дыбы и отречься не только от церкви, но и от христианства...

Вы, попы, во всем виноваты. И за мою душу вы ответите, а я за мою душу не отвечу.

С 1897 года и вот по сей 1915 г. вы «почесываете» у себя сзади да и почесываетесь еще в другом месте.

— Чтó же, гнусите вы из гнусных душонок своих. Сама виновата — сама себя и казнит.

* * *

1.V.1915

Суть, конечно, в том, что благородство, величие, глубина служб церковных «закрыло все», заставила «ничего не видеть», вот что и гадко, — не замечать, не принимать во внимание...

Да, за спиною грехов вы почесываетесь, — «наши»: но о грехах будет свой суд за благословение, а нашим тоже суд и (кроме многих исключений) осуждение.

Ленивые, ленивые, ленивые. Ленивые. Там — убиваются, а вы все почесываетесь да поворачиваетесь с боку на бок.

Ой-ой-ой — да ведь и суть русской культуры — лень. Сам же ее люблю.

Господи: но я кричу, а те молчат.

* * *

1.V.1915

«Безлюбовный брак» (у христиан «принцип»).

— Живите согласнее. Мы вам советуем (цыпленку и коту в одном мешке).

«Безлюбовный брак», естественно, есть разваливающийся, развратный, гадкий.

— Мы же вам советуем (попы, почесываясь).

.....

Да, друзья: не «наши худые нравы», не «злодейство нашей души» развратило, разорвало на клоки брак и христианскую семью, а ЕДИНСТВЕННО ваше почесывание.

Ну почесывайтесь еще 1000 лет, как вы (в *этом направлении*) чесались 2000 лет.

Господи, Господи! Дай терпения! Дай неосуждения.

* * *

1.V.1915

...вот идет один ленивец к другому ленивцу...

Будет поставлена небольшая бутылочка и две рюмочки. И самая недорогая закуска. Шпроты, вероятно.

Самоварчик.

Оба давно соскучились женами. У одного «уж Б. прибрал», другой ее не замечает. И детей не замечает.

«Что же. Они растут».

Один очень разговорчив, другой очень молчалив.

Оба умны. О, да!..

Поведутся речи. О перемещениях, назначениях. «Кажется, обер-прокурор уходит?» — «О, нет еще... На докладе в среду».

Немного о германских зверствах. И как «мы» тихи и богобоязненны.

Тут уж сладкая тема. Церковь наша и прежде показывала себя... В лучшие времена... И в теперешнее лучшее. Но особенно она покажет в будущем себя.

Рюмочки все опрокидываются. И на душе все лучше.

«И царствию вашему не будет конца».

Да, даже тут «челюсти адовы обломаются».

Васенька: а тебе не за рюмочку ли? Что ты все волнуешься. Слышал: «Претерпевый до конца — тот и спасен будет».

Может, и так бы, да не люблю вина.

* * *

2.V.1915

«Счастье народов» можно решить величественно и низко.

Хулиган в своем «мире», со своим рождением, со своими воспомина-

ниями, со своими ожиданиями — совершенно так же счастлив, как Ротшильд, которому все-таки много «недостает»: например, что его 9-ю дочку не берет еще принц крови. Тогда как хулигану, если он хорошо «своровал в ночи», — решительно все «достает», и он имеет даже вершок преимущества перед Ротшильдом в смысле «исполнения всех желаний».

Итак, — «величественное решение» — и из него развернулась история.

Где геройствовали, умирали и создавали царства.

Амфитеатров и Оль д'Ор счастливо догадались, что «всего этого не надо».

На Амфитеатрова и Оль д'Ора похожи все, и они похожи на всех. В этом сила. Все сказали:

— Назовем Амфитеатрова и Оль д'Ора первыми мыслящими головами века.

Все согласились и назвали.

— Теперь все пойдем за ними.

Пошли.

.....

Об этом и сказано в Апокалипсисе: «И совется *Небо* как свиток».

Характерно сопоставление Неба со «свитком», с бумажкой. Манускрипт, книга.

* * *

2.V.1915

— Зачем Библия человеку? Достаточно «Полного собрания сочинений Амфитеатрова».

Когда все убедятся, что «достаточно», — то преобразование человечества начнется не сверху, а снизу, т. е. фундаментально и основательно, и неодолимо дойдет доверху.

Все будут думать, как Амфитеатров, чувствовать, как Амфитеатров, и желать то, чего желает Амфитеатров.

Т. е. занимать и не платить, быть пустозвонами и воображать себя учеными, быть «другом» Марьи Лусьевой и охранителями женской чести.

Во-первых, это всем доступно, и, во-вторых, планета будет счастлива. Она наконец населится Ноздревыми: коровые люди без денег, без жены, без детей, без обедни, «где-то» рожденные и которые потом «где-то» умрут и были в высшей степени счастливы. Ибо всегда находили, «у кого позавтракать» и с кем вечером «поехать куда-нибудь».

Т. обр., проблема «всеобщего счастья», над которой трудились Милль, Прудон и Цебрикова — будет разрешена. Всесторонне и удовлетворительно.

Ведь она может быть разрешена в две стороны.

— Всего пожелать.

— От всего отказаться.

Поди-ка «постарайся» писать, как Пушкин, чувствовать, как Карамзин, и совершать подвиг, как Сусанин. Кости обломаешь, да и ничего не выйдет — ибо для этого надо *родиться* Пушкиным, Карамзиным и Сусаниным.

Тогда в бычачьей голове Амфитеатрова пошевелилась медленная мысль:

— И не надо. Достаточно Пушкина назвать блюдолизом, Карамзина — крепостником, а о Сусанине сказать, что он был так же пошл, как Комиссаров,— и тогда все устроится само собою. Тогда «всякий Амфитеатров» будет с самочувствием Пушкина, Карамзина и Сусанина: и хоть ему негде будет пообедать и он все «в долге» — но естественно будет счастлив, как Ноздрев, и украсит собою планету.

Так планета населится совершенно счастливыми жителями.

* * *

2.V.1915

Вместо «Неба» будут «книжки». «Книжка» закроет небо,— ну, астрономия Лапласа или кого-нибудь, с чертежами и математическими знаками, которые ведь совсем не то, что населенное «Тельцами» живое, настоящее, таинственное, магнетизирующее и чарующее нас «богомольное» Небо...

Небо станет «газета» с «новыми известиями», что открыли еще «астероид» и вычислили «орбиту»: «небо» для гимназистов, а не для стариков.

То стариковское «Небо», прежнее, «совется», перестанет быть.

— Тебе за Небо поставили «двойку», и ты останься после уроков на один час «без обеда»,— говорит тупой учитель тупому ученику.

К завтраму тупой ученик выучил отлично «Небо»,— и у классной доски, с мелком в руках, отлично его «доказывает» и «разъясняет».

Тупица учитель похвалил даже тупого ученика.

— Отлично. Теперь ты все понимаешь.

И ставит в классном журнале «пять».

Небо свилось, как свиток. Величественная история стала разлагаться.

Явились деятели разложения, герои разложения, гении разложения. Разве Байрон не был гений? Разве не был гений Гоголь? Но уже эти гении все работали молотом по старым башням.

— Рушь. Ничего не надо.

— С этой историей одна мука. Бей ее.

— Стервятину-то бей. «Вот еще разыскали манускрипт, в котором Перикл оказался вором. Хо-хо-хо...»

— Ха! ха! ха! Старые аристократические герои. Да они просто были мошенники.

— Воришки, как и мы. Но о них не было написано истории с социологическим оттенком. Вот мы всех их «переоценим» социологическим методом.

— Христианские мученики умирали: но, Боже мой: слагалась могущественная церковная иерархия,— епископы, комфортабельно скрывающиеся в глубине катакомб, выслали «на площадь» это «пушечное мясо» христианства, чтобы они им заработали положение и власть. Классовая борьба, и только.

— А Фидий, создавая разных Минерв и Зевсов, и вообще льстя суеверию народа, отлично наживался на мраморе, как наш Небогатов на каменном угле...

— Ха! ха! ха!..

— Го! го! го!..

— Как история ясна. Ясна и проста. Ее запутывали Фукидид — Тацит,— но прояснили берлинский адвокат из евреев — Лассаль, и тоже из евреев берлинских журналист Маркс. Теперь все ясно: кроме скотов *и прежде*, как теперь, никого не было, и все клали себе «в кошину», как еврейский закладчик к вечеру «много» ли «мало» ли ссыпает кое-что в сундучок.

— Сундучок — к вечеру. Ложка — утром. И чашка — среди дня.

* * *

2.V.1915

— Читали ли великие творения Лассаля и Маркса?

— Я в микве не моюсь и мацы не ем.

* * *

2.V.1915

...они делают *вид*, что писатели, но они не писатели.

Ну, что же, «держит ручку с пером» и «макает в чернилицу» и Оль д'Ор, и Амфитеатров, и Петр. Но *про себя* они знают, что дальше «обмакивания в чернилицу» ничего не выходит.

Но таковых много. Все. Почти. Разве миллион бацилл не пожирает «мать в тифу»,— которым нет дела ни до ее страдания, ни до того, что — «дети»... они будут «голодны».

Придет 2-й миллион бацилл (скарлатина) и съест детей...

Ой! ой! ой!..

* * *

2.V.1915

...фокус всех «Бесов» (Дост.) — как Петруша Верховенский, террорист-клеветник-циник,— кушает холодную курицу, «которая вам теперь уже не нужна», говорит он идеалисту-Шатову, к которому пришел потребовать от партии застрелиться.

Тот мечется. Мучится. Страдает. Говорит, что «все люди станут богами», а этот кушает и кушает.

— Я с утра не ел. Был в хлопотах по партии. И вот только теперь.

Гениально. И собственно, где ни читают историю социал-революционной партии и «истории нашей культурной борьбы»,— эта курочка все мелькает и мелькает...

Как всё *на нее* похоже...

О, Боже! Боже! Боже! Мои несчастные гимназические годы.

* * *

2.V.1915

vis-à-vis

...вы поскандалили в христианстве, в церкви, в религии, в душе человеческой, в совести человеческой...

...позвольте же теперь мне поскандалить в вашем скандале.

(«Уед.» и «Он. л.»)

* * *

2.V.1915

...русская литература есть *несчастье русского народа*.

...неужели Государь ее читал? Ее нужно просто выкинуть из школ. Неужели можно «воспитывать детей» на проклинании и на насмешке над своею родною землею и над своим родным народом?

* * *

2.V.1915

У Мережковск. трезвая голова и пьяные ноги.

(засытая после обеда)

* * *

3.V.1915

...евреи уже почувствовали в себе, всего через 40 лет крадущейся борьбы, такую силу, что вслух, громко запрещают русским в России любить свое отечество. Любовь, Гессен, Минский — пишут «потреоты» о русских патриотах, а «истинно русские люди» не употребляют без насмешливых кавычек.

Богатое приданое принесла юдаизму мадмозель Утина, выйдя за русского беднягу — профессора Стасюлевича. «Вот тебе и типография, и журнал».

Русские все кинулись, конечно, читать европейский журнал. Ведь русские вообще европейцы.

В «Архиве Стасюлевича» печатают письма к нему Салтыкова, Тургенева и проч. Но собственно там интересны только записочки банкиров Утина и Гинцбурга.

Бедный Стасюлевич. То-то грустная, хмурая поза за всю жизнь.

* * *

4.V.1915

... да и нельзя иначе как став на колени...

Вот откуда коленопреклонения...

И в праздник Нового года и Троицы: *«преклонение колена — Господи помолимся»*.

Какая древность.

.....

(Элевз. т., фаллич. культ)

* * *

5.V.1915

...а что же, не понять ли просто и ясно, что кому молятся, тот и растит...

Молятся о хлебе — и растит хлеб.

Молятся о дожде и подает дождь.

Духовенство, — если уже взять измерение временем, если не усердием, — все же молится *продолжительнее, больше всех других сословий*.

Но если взять и *сохранить и в Новозаветной церкви древнее важное благословение Божие чадородием, важную награду человеку — «будут у тебя дети», «родишь сынов и дочерей», — то тогда объяснится особенное и исключительное плодородие у нашего духовенства, «стойкого» в молитве, «стойкого» и в плодородии.*

За это им дано насмешливое прозвище у народа. Но это прозвище — единственно неудавшееся у народа остроумие.

Длинные молитвы, долгие посты. И все длинно, долго...

Толсто. Тельно. Духовенство — самое тельное у нас сословие.

Тут «первое слышит ухо», которому «нужно слышать»: девушки, замужние, вообще женщины — страшно рвутся к попам, к дьяконам, даже к псаломщикам. Я сам выслушал плачущую молитву барышни, влюбленной во вдового священника, — «почему же запрещено выйти за него, когда он еще молод, — и если не женится, может впасть в грех». Она плакала, когда рассказывала, и умоляла меня писать за «разрешением вдовым вторым браком». Также я знаю, что один митрополит — когда ему любящая девушка изложила свою любовь ко вдовому и свое желание жить с ним «так» — не возразил ей, не удерживал, — и сделал распоряжение о переводе его в захолустный, мало знаемый «штат», — дабы было не видно, не гласно и не разговорчиво. Да это и вообще так очевидно, что «надо снизойти к слабости» или, вернее, надо уступить силе.

Скромная и добродетельная Зин. Ив. Б. рассказала мне про гимназическую свою подругу: — «Она постоянно говорила, что хочет иметь как можно больше детей, не меньше 9, и для этого выйдет за священника». И так и поступила, и действительно имела много детей.

Я просил показать карточку: резвушка, вся в улыбках, в русском костюме («боярашней»).

Я уверен, что когда скорбь безбрачия, скорбь девства (девушки не вышедшие) дойдет до муки, и наконец «отчаятся» подвигнуться к многобрачию одного,— Евангелием нигде не запрещенному,— то *начать* это следует непременно с солиднейшего нашего сословия, с духовенства, дабы не пошло все «вкось» и в шалость, дабы не раздразнилось озорством. Упразднится вдовство священников — во-первых, и затем именно им, в духе и в семействе твердым,— будет дозволяться тому, кто уже обнаружил многоплодие и дошел до 7-го или 8-го ребенка, будет дароваться вторая супруга: дабы «снять позор девства» с которой-нибудь праздно гулящей.

Все посолиднее. Все уложится в теле и духе.

Духовенство «как оно *есть*» — драгоценнейшая частица русского народа.

Кстати, вот письмо благочестивейшего из русских священников, какого мне случалось встретить за всю жизнь:

Дорогой Василий Васильевич!

Давно я Вам не писал. Даже до сих пор не собрался ответить на Ваше письмо, которое Вы прислали весной прошлого года. Открывшаяся война и разные страхи и ужасы, сопряженные с нею, поглощали внимание. Но Вы политикой не занимаетесь, и, вероятно, поток Ваших размышлений идет своим чередом. Вы в своем письме касаетесь вопроса о многоженстве и, между прочим, приводили мнение по этому предмету Митрополита Антония и о. Павла Флоренского. С своей стороны укажу хоть на некоторые фактические данные. Так:

1. Мать пророка Самуила, пророчица Анна, была одною из двух жен у мужа своего.

2. У царя и пророка Давида восемь жен в Библии названы по именам, кроме наложниц.

3. Митрополит Филарет в своей Библейской Истории (Изд. 11-е, стр. 376), изображая состояние семейной жизни у евреев во времена Маккавеев, говорит, что большинство раввинов того времени советовали никому, кроме царя, не иметь более четырех жен.

4. Профессор Иван Гаврилович Троицкий в своей Библейской Археологии (1913 г., стр. 5) сообщает, что у древних евреев «возникли и существовали многоженство и наложничество, как особые формы семейного быта, которые не были запрещены даже законом Моисея». При этом проф. Троицкий в примечании поясняет, что многоженство было запрещено евреям не ранее XI в. по Р.Хр.

Значит, во времена земной жизни Спасителя многоженство у евреев было обычным явлением. И между тем, мы не слышим из уст Его ни тени обличения этого обычая. А какие громы раздавались от Него по адресу фарисеев!

5. У пророка Исаии есть следующее место: «И ухватятся семь женщин за одного мужчину в тот день, и скажут: свой хлеб будем есть, и свою одежду будем носить, только пусть будем называться твоим именем,— сними с нас позор» (Ис. 4,1), т.е. позор неимения мужа, позор бесчадия. Пророк изображает здесь состояние евреев после войны. Как это состояние походит к нам в настоящее время! Множество мужчин пребывают на войне, для оставшихся в живых достанется не только по семи, но гораздо более, женщин.

Еще Вы писали, что сын Ваш достиг половой зрелости, и это Вас очень беспокоит. Кто из отцов, сознательно относящихся к половому вопросу, не переживал этого ужаса! Увы! у нас иметь законное доброе сожителство моло-

дым людям не дозволяется, а развратничать сколько угодно. И ничем этому горю не помочь. Вот Вы уже сколько лет ратовали за необходимость ранних браков,— и кто же послушал Ваших речей? Подвинулось ли вперед в этом отношении наше законодательство? Сознали ли хоть что-нибудь наши иерархи? Увы! все остается старо по-старому. И пока брачный вопрос находится в руках монахов, он не сдвинется с места.

Когда и куда Вы уедете на лето? Пожалуйста, сообщите мне свой летний адрес. Чувствую надобность еще Вам писать.

Благословение Господне да почиет на Вас и на семействе Вашем.

Неизменно преданный Вам, протоиерей

Александр Устьянский

2 мая 1915 г.

* * *

5.V.1915

«К политическому моменту». Наиболее философским элементом (без шуток) я считаю у Э. Л. Радлова то, что он носит чин действительного статского советника, доблестно им заслуженный, с полным уважением к Отечеству, которое ему дало его, и к самому чину.

Это хорошо. Это красиво.

Мы шли по Литейному, кажется с панихиды по Соловьеве (Вл.), и я робко его спросил:

— Пожалуй, Эрнест Львович, вы уже действительный статский советник?

Как бывший учитель гимназии и к тому же патриот, я всегда робко говорю с подобными чинами.

— Давно,— протянул он болезненно, кисло и иронически (чуть-чуть иронически и в сторону «чина»),— как ученый и все-таки если не либерал, то «свободно мыслящий»).

Это было изящно и гордо. Это не то, что хамство, с коим «в. пис. земли русской» зачеркивает свое графство,— и вновь поставленная (прелестная и образованная, читающая как по-русски — по-английски) подписывается нерешительно и крадучись «Иг. Нина» вместо ИГУМЕНЬЯ Нина.

Тут опять мой великий Рцы: «Если бы я получил орден, то даже в баню ходил бы с орденом».

Вот как надо чтить Государя и Отечество.

* * *

6.V.1915

...интеллигенция продала русский народ евреям «на убой скота». Не знаю, как отнестись к этому факту. Я не могу равнодушно.

(моя публицистика; отчего я волнуюсь)

Столпнер-то это хорошо понимает, да и Горнфельдишко. Ст-ру я послал «разговление» к Пасхе (с такой любовью, он — аскет).

Он ни до чего не дотронулся («трефное») (мне сказал). А социал-демократ, распропагандировал Розановых и «так любит Белинского и Некрасова» и «самого Христа». Но,— как и основательно, им после «родного Акибы» дела нет ни до каких наций, не говоря уже о маленьких Некрасове и Белинском.

Они только «делают вид» среди других наций. Им подай «золото» и «вся земля наша». С «вульвами» своими обходятся.

Золото и земля, и чужие — кошер. Еда и вульва чужие — «трефа». Суть всего.

* * *

7.V.1915

Белинский — основатель мальчишества на Руси. Торжествующего мальчишества,— и который именно придал торжество, силу, победу ему.

Тут и положительные качества и бедствия. Свежесть, задор, молодость «последующей литературы»... Ее изменчивость, богатство движений... «Мальчишка» и «мальчишка». Так и прыгает, скачет. Хохоchet. Свистит. «С мальчишкой весело»: и на 50—70—80 лет после Белинского в русской литературе установилось «весело».

Пока не стало несколько скучно. «Все мальчишки»: профессора, академики. Сюда звали церковь и государство. Те сказали: «Не хотим». Мальчишки им отстригали фалды, рукава, плевали на «регалии» (ордена).

Пока всем стало скучно...

— Где же *мудрость*?

Вздروгнули все. «В самом деле, где мудрость?»

«Без мудрости» решительно неинтересно жить. Не за-ни-матель-но.

А как же в литературе без занимательного? Везде можно без занимательного, в литературе нельзя.

И потянуло нас к мудрости.

Это «теперь». Это (я думаю) «Розанов», с его странной смесью «мальчишки» и «старика».

Так совершается «переход времени».

(на обороте транспаранта)

* * *

10.V.1915

...сладенький жидок.

Жидки вообще сладенькие. Они вас облизывают. И вам так приятно быть под их теплым, мягким, влажным языком.

Вы нежитесь. И не замечаете, что поедание вас уже началось.

Так съели они Египет и Рим. Справиться же с вислоухой и легкомысленной Европой и Россией им уже ничего не стоит.

(за уборкой библиотеки)

* * *

10.V.1915

...ни Рахиль, ни Лия — при всем жаре *лично* и *от себя* (об этом написано!) совокупления — не получили беременности, не получили радости и вообще *ничего*, пока не удвоили жара *к мужу*, дав ему «в плоть едину» служанок, одна — Валлу и другая — Зелфу. Служанки эти, данные с дочерями «в приданое» отцом их, Лаваном, кажется, были их кормилицами и, след. уже не молоды. Повинуясь зову жен — Иаков «вошел» к ним: и тогда одна сестра и другая сестра — забеременели. Вот как это рассудит Альбов («дана единая для единого и единый для единой», его слова и канон). Явно он врет, явно он против закона Божия. Рассказ Библии так разителен, что не оставляет сомнения о желании Божиим к многоженству. Мне несколько канонисты писали, что для многоженства *нет теоретических препятствий*.

* * *

10.V.1915

«Гоголь в русской литературе» — это целая реформация...
Не меньше.

* * *

Только «реформация»-то эта «без Бога, без Царя»...

Пришел колдун и, вынув из-под лапсердака черную палочку, сказал: «Вот я дотронусь до вас, и вы все станете мушкаркою»...

Без идей... Без идеала...

Великое мещанство. Но мещанство не в смирении своем, как «удел человеку на земле от Бога», а мещанство самодовольное, с телефоном и Эйфелевской башней. Мещанство «Гоголевское», специфическое...

«Мне идей не нужно, а нужно поутру кофе. И чтобы подали его чисто плотная немка, а не наша русская дура. Кофей я выпью, и потом стану писать повесть *Нос*»...

— У, идиот... У, страшный идиот. Ты одолел всех и со всех снял голову. Потому и тою силою снял, что на тебе самом не было головы, а только одет был сюртук, сделанный уже не у сменного портного «из Лондона и Парижа», а у Рокфеллера или Эдисона.

«Все настоящее. Цивилизация».

— И эта цивилизация — *смерть*.

* * *

10.V.1915

Когда

Пройдет веков завистливая даль

— XIX век будет глубоко презираться. Чувствую. Чувствую. Чувствую.

Вильгельм,— которому «все удивляются», и собственно потому, что он не совсем хорошо рассчитал и попал (по-видимому) в неудачу, иначе у него лизали бы ноги,— на самом деле в бездушии и безмыслии своем выразил и Эйфелеву башню, и паровозы, и телефон, и электрическое пошлое освещение, «без огонька», и новую агрикультуру, все, все, все...

Он венец и казнь XIX века, он — «вот Я» мыши, возомнившей себя ангелом и Богом. Какую он веру исповедует? — «Никакой, и все»,— Какого он образования? — Общеклассического по Бюхнеру. Чепуха. Галиматья. Но сильная, но с кулаком.

— Всем расквасю морду.

Это хулиган. Хулиган. Император?

(позвали к завтраку)

* * *

10.V.1915

Но я все-таки начал с того, что Гоголь был «реформация». Нельзя сказать, что «Пушкин одолел царствование Николая» или «царствование Александра» (I); он был «в царствовании», менее его, скромнее его, бессильнее его...

Гоголь знал хорошо, что он одолевает царствование, и оттого назвал «Мертвые души» и назвал их «поэмою». Какая гордость и самосознание в названии (поэмы): «Се творю все новое».

— Убирайтесь вы, балладники, песенники и бандуристы. Я вам заведу такую песенку, что не расчихаете...

И завел свой «похоронный марш»... И трубы, и органы, и флейты. Великое «Miserere» Россини.

Дьявол улыбался.

— Ну, пойте же, пойте свои старые песни...

Раскрылись рты: не поется. Голоса нет. Вырвался стон и волчий вой...

Дьявол смеялся.

∞

∞

∞

Да. Гоголь был «над царствами». Явно. И вот по сему-то качеству я и говорю, что «Гоголь в русской литературе» есть собственно «реформация».

— Ты уже катилась в яму, моя Русь. Но я подтолкну, и ты слетишь в пропасть.

У, какой страшный! Страшный. Страшный. Страшный.

— Ты уже катилась ко всеобщему уравнию, к плоскости. Вот — черное зеркало. Темно. Мрачно. Твердь. Моей работы никто не разобьет. Поглядись в него, дохлятина, и умри с тоски.

Неужели не страшно? Неужели никто не видит?

10.V.1915

Осенью в дождь все грибы гнилые. Так и наше время. Чего же я сержусь? Чего недоумеваю? Точно удивлен и негодую.

Тургенев побежал за мальчишками. Мальчишки и барышни все решают,— особенно которые побезграмотнее. Мережковский, написавший «Грядущего Хама», сам выступил «явленным Хамом».

...даже не знает, у кого лизать пятки,— только бы лизать. Суть всего. Но ведь и гнилой гриб не знает, куда ему свесить голову, на север или юг.

Иванов-Разумник назвал их «мошенниками», блудословами и лицемерами, а ими основанные и любимые религиозно-философские собрания «плутовским клубом» болтунов и обманщиков. Что же сделал Философов? Он ему отвечал в «Речи», назвал почтительно его по имени и отчеству и предложил... прочесть реферат в собраниях, говоря, что они «почтут за честь выслушать»?!!?..

Что же это такое? Этого от начала мира не было. Невероятная русская пословица: «Плюй дураку в глаза — ему все Божия роса» — оправдалась: но — над *неглупым человеком*, но — связанным.

Узник. Пленник. Раб. Которого продают на базаре. Сии рабы — все, от Тургенева до Философова, между Тургеневым и Философовым.

Да что же такое случилось? Как могло выйти? «Благородная русская литература, где ты?»

Тут бегают жидки Айзман и Оль д'Ор. Впрочем, их теперь пять: еще Шелом Аш, Юшкевич. Потом три Горнфельда: собственно Горнфельд, Крянфельд и Кранифельд. Ба: а Любош и Минский? Все жида, везде жида. И горланят:

— Мы купили глупого русского профессора. Дорого заплатили. И он 43 года «исподволь подготовлял все»: плевал за нас на Россию, отрекался вместо нас от Христа, высмеивал вместе с нами темные христианские суеверия.

Мы ему платили обедом, экиперовкою и типографией. Он печатал книги в нашем духе и распространял в нашем духе сочинения в «Подвижном каталоге» своего европейского и еврейского журнала. Он плевал на все русское и все возмущался какою-то историей с «Лукояновским исправником». Обедал же у барона Гинсбурга.

Потом прошло время, и стала печататься Любовь Гурвич,— по литературному «Гуревич», с Флексером-Волынским и «Северным Вестником». Там уже зарождались Минский, Мережковский и Фруг.

«Жидов сколько угодно».

Русский голос все спадал. Русская грудь начала кашлять. Газеты одна за другою, журналы один за другим стали переходить в еврейские руки. У них «сотрудничают» русские люди,— и само собою, что они уже ни слова не говорят о еврее, а продолжают все старую литературную песню: что «все русское гнило».

Действительно гнило и особенно — около свеженького еврейского.

10.V.1915

Как же, однако, через какой «механизм» я одолею Гоголя?

«О Розанове» будут столько же писать, как «о Гоголе» и собственно Розанов такая же «загадка», как «Гоголь». Возникает интерес, любопытство. Из любопытства — знание, «ведение», «наука». Διὰ γὰρ τὸ θαυμάζεσθαι οἱ ἄνθρωποι νῦν καὶ πρῶτον ἤρξαντο φιλοσοφεῖν (Аристотель), — «не подивившись — не задумаешься» (отсюда «многописание» и вообще «библиография»). Но — у Гоголя отрицательное, у Розанова — положительное.

Нельзя ничего понять, не вчитавшись в «О понимании», начатого в самый месяц окончания курса в университете. На выпускном экзамене Троицкий, сказав комплименты моему «курсовому», закончил лютым: «Но стремление к оригинальности — влечет за собою то, что человек начинает оригинальничать» (т. е. я).

Я не спал ночь. Все ворочался. Поля сказала: «Что ты не спишь». — «Ничего», — отвечал я. Сделал вид, что засыпаю. Она заснула. Я сел в кровати. Долго сидел. Потом пошел и сел на окно. Рассвет. И я думал, думал...

Я был скромный, тихий в университете. «Ничего не желал». — «Скверно знал латынь и греческий». Но я б. умный. А эти, «столь умные», сплошь дураки.

Сидя на окне (и сперва в кровати), я весь кипел. — «За что меня оскорбил Троицкий?» Я б. только любознательный (хламида, греки): и в Афинах меня бы поддержал Сократ, наставник...

— Почему же в Москве; — НЕТ?

И мысль кипела. Сердце. О, главное сердце. В 23 года все — «мыслящее сердце», т. е. сердце, разрываемое мыслью, мыслями, «пожеланиями»...

И «О понимании», мысль коего, план коего сверкнул уже на Воробьевых, — за набивкой табаку, — начал осуществляться. Смысл его:

— О, не надо ВАС... К ЧЕРТУ... Сановники, а не мыслители. У вас нет самого плана «науки» и плана того самого «университета» (universitas omnium litterarum, т. е. всех в слове выраженных наук), в котором вы читаете лекции, не зная «почему», не зная «что»...

— Я вам дам Universitas litterarum... план наук не только *сущих*, но и *всех будущих*, самой *возможности* науки, *всех возможных* наук, — выведя «возможность» и «возможные» из потенциальности разума, но потенциальности не «какой-нибудь», но — определенной и *живой* (мое «открытие» на Воробьевых)...

Энергия — и план...

«Все как в живом дереве» (науки) — и насколько оно выросло из зерна (ум)...

ИЗ ЗЕРНА — ДЕРЕВО — вот мой единый учитель, единая книга...

Год назад у какого-то Сахарова я читал (т. е. по обычаю «наткнулся» — случайно «открыв» Богосл. Вестн.): «О Элевзинских таинствах мы ничего не можем знать, потому что фактически известное о них представляет *пустяки*: так главный жрец их поднимал в руке *горсть зерен* — и показывал участникам (таинств)...»

Ни «вперед», ни «после» я не читал. Меня как ударило в голову: — «да ведь в Элевзинских таинствах, через это указание *на живое зерно, которое прорастает и дает из себя колос*», — собственно показывалась, объяснялась и доказывалась та «раздельная дорожка», та «станция *Раздельная*», откуда путь идет:

1) к позитивизму, и Конту и Kaiser Wilhelm...

2) к вечности, мистике, к героизму, к мученикам, к Надежде и Вере, к Христу и Платону, — и

...тайнам *Вечности и Гроба*.

Бросил Сахарова, возвращаюсь к «себе». В сущности, сам того *тогда* не подозревая (открыл мне глаза только Сахаров), я для себя внутренне открыл Элевзинские таинства, сказав:

— Ум *растет*...

— Все *растет*...

— Все *вечно и живо*...

И — применил *к науке*. Вот мой «метод». Хорошо. И нельзя в Розанове ничего понять, не проштудировав (с 1/2 года) «О понимании»...

По возрасту же и ситуации биографической это был мой «Ганц Кюхельбрюкер» (у Гоголя): что-то глупое и бессмысленное у Гоголя. А возраст и годы и «начало деятельности» — одно.

Но у него — нет мысли.

У меня: — мысль, достигающая до самых граней *возможного* (потенциальность, но живая и определенная).

Затем, у него «сразу всем все стало понятно», п. ч. глупо. И потому, что ничего — нового. После Грибоедова и Фонвизина что же собственно *нового* сказал Гоголь? Ничего. Но он только *еще гениальнее* повторил ту же мысль. Еще резче, выпуклее. И грубого хохота, которого и всегда было много на Руси («насмешливый народец»), — стало еще больше.

«Успех» Гоголя (какого *никто* у нас не имел, — Пушкин и *тени* подобного успеха не имел) весь и объясняется тем, что, кроме плоско-глупого *по содержанию*, он ничего и не говорил, и, во-вторых, что он *попал, совпал* с самым гадким и пошлым в национальном характере — с *цинизмом, с даром издевательства* у русских, с *силою гогочущей толпы*, которая мнет сапожищами плачущую женщину и ребенка, мнет и топчет слезы, идеализм и страдание (тут чувство *моей Вари*, многое мне объяснившее).

Сам же Гоголь был очень высокомерен... Как очень высокомерна всегда и гогочущая толпа...

В сущности, Гоголь понятен: никакого — *содержания*, и — *гений* (небывальщай) *формы*. Мы его «всего поймем», до косточек, если

перестанем в нем искать *души, жизни* («Элевзинские таинства»), остановимся на мысли, что это был именно *идиот* (трудно предположить, допустить, и оттого «Гоголь так не понятен»): что «Мертвые души» — страшная тайная копия с самого себя.

«Страшный ПОРТРЕТ меня самого.

— Меня, собственно, *нет*.

— Эхва!.. А ведь БАРИН-то — я.

Этот ответ Плюшкина любопытствующему Чичикову есть собственно ответ Гоголя «своим многочисленным читателям и почитателям».

Но я удалился от «механизма»... В Гоголе мир «удивился отсутствию содержания», и это его спутало и поставило о всем «загадку». Когда пройдут времена («веков завистливая даль»), будут столько же удивляться, каким образом, собственно, только что окончивший студент и который в университете ни разу не слышал «Элевзинские таинства», — да и сам о них ничего не думал — открыл их внутренно, т. е. открыл зерно их, тайну... Т. к. он явно не «открыл», ибо и «не искал», то совершилось другое, и, пожалуй, чудеснейшее еще дело: *в нем построились Элевзинские таинства...*

Я почти обмолвился, и почти с насмешкой, о «горячем фалле»... Между тем действительно *в этом сущность дела*. В живом аппетите, а не в идеях. По рассказам отцов церкви, в этих гадских таинствах, кроме мерзости, и ничего не было: там *besaient l'organe sexuel masculine et recten, та айбу́а* *. Хорошо. Но отцы не договаривают: значит, был *аппетит?*

Разгадка всего: если «дерево и зерно» мне так вошли в душу, так вошло в душу их «росли», «цвели», «множились», — то *ведь оттого, собственно*, что я древнею, Элевзинскою любовью возлюбил все это, полюбил все это, возлюбил все это...

— А, «эврика»: «мерзкое» я почувствовал «святым». Тут больше «греха», чем мысли, и больше «нравственного переворота», нежели философских идей...

— Мне *нравится*, — сказал я и провел языком по губам.

— А по-моему, хорошо пахнет.

— А по-моему, *хорош и вид*.

«Мальчишка», притом «грязнущий», — вот суть я. Какой гордый Гоголь: хотел править царствами. А в Элевзинских таинствах как, в сущности, унижались, даже «целуя»...

«Уничиженный вид»: и — у меня.

Все противоположно Гоголю. У него бессодержательность и гордыня. Все *формы* — «как ни у кого» и, может быть в связи с тем, что «форма + ничего». У меня — навозит. «Но в хлеве для загона скота родился наш Спаситель». Родилось бесконечное *содержание*. «Как из

* целовать мужской половой член и лобок (*фр.*); срам (*греч.*).

зерна — дерево». Элевзинские таинства. Везде Элевзинские таинства. «От тепленького — все», и даже: «из тепленького *тьфу* — все»...

Родники жизни...

У Гоголя поразительное отсутствие родников жизни — и «все умерло»...

(устал писать, да и позвали к чаю)

* * *

10.V.1915

Чем же я одолел Гоголя (чувствую)?

Фаллизмом.

Только.

Ведь он совсем без фалла. У меня — вечно горячий. В нем кровь застыла. У меня прыгает.

Посему я *почувствовал* его. Посему — одолел.

О, да...

Великий Боже! — какое СПАСИБО.

Это путь. Для русских — «путь Розанова». По нему идет «смиренная овца», «Розанов — овца», без ума и с кой-какой жизньюшкой.

Но она спокойно «по-своему» и «по всему миру» ест траву и совокупляется, «ажно хочется», и всему миру дала... во всем мире возродила вновь силу и жажду и есть и (с пропуском одной буквы тоже).

* * *

10.V.1915

Я написал 1000 статей о браке.

И в каждой *по убедительности* — полное опровержение современного учения (закона) о браке.

Итого: 1000 опровержений брака?

Было ли когда-нибудь что-нибудь более «доказано»?

И никакого успеха.

Никто не слышит.

Почему?

Где тайна?

Я думаю: «отцветают цветочки». Мировая осень.

Друг мой: дело идет к зиме, а ты поешь весну.

И буду петь. И буду петь.

Среди молчания все-таки буду петь.

* * *

10.V.1915

У иных, при чрезвычайно *личной любви*, да «ах! ах! задыхаюсь», — есть, однако, какая-то тенденция к общности, к братству, «и со девушками, с женами». Начало ее, я думаю, уже в диком обычае пойти к знакомым на именина, захватывая и годовалого ребенка. Видел сам

(на 1-й день Пасхи) и радовался. «Что́ за праздник, если не *все вместе*». И вот я думаю, здесь коренится инстинкт полиандрии,— решительно идущий *не от жен*, а от мужей. «Я с *приятелями*». Меня всегда занимали и занимают случаи, когда у гулящей девушки «ночуют двое». Я расспрашивал, но ничего не мог узнать. Я думаю — таятся. Ведь так явно, что это не для дешевизны, а для чего-то «специально своего».

* * *

11.V.1915

Медицина и искусство...

...все так обыкновенно, эти формы, сосредоточения нервов и вся «кухня медицины». Врач и физиолог, все осмотрев, записав и описав для своих ученых книг, может подняться и сказать:

— Я ничего здесь не нахожу.

— Оплодотворение. И все приспособления к нему. Ничего особенного. Ничего, что меня удивляло бы или останавливало в недоумении.

Где же искать? Около этого «обыкновенного» разыгрываются феномены совершенно необыкновенные.

У меня б. поэт Бор. Садовский,— наш нижегородец (земляк мне, по гимназии). И сказал, что у художника Н. есть удивительная картина, вся заполненная о... .. (предполагаемо — гоголевский порок). Т. к. художник этот однажды был у меня в гостях, то недели через 2 я ему «писнул», как мне «увидать то, чего нельзя увидеть», и передал рассказ Б. Садовского. В ближайший у меня приемный день он пришел и передал мне рисунок цветными карандашами, на толстом картоне, в $\frac{1}{4}$ аршина вышины и в $\frac{1}{2}$ аршина ширины. Сказав: «это рисовано одной дамой,— женщиной безусловно моральной, строгой к себе и к другим,— и можно подумать, что это ею нарисовано, как сатира и как ненавидение нашего времени». Я не имел причины ни поверить, ни не поверить.

Лица — как будто «я их недавно видел на улице», «на гулянье», «в фойе театров», — везде: хотя прически, костюмы и *самые выражения* лиц глубоко индивидуальны. Это «Иван Иваныч», а не «человек». Так как, впрочем, все (почти) лица — женские, девичьи, то это «та Наденька и эта Оленька», «та Лизавета Семеновна и та Катерина Вячеславовна», которых мы «все знаем»...

Я подозреваю «одну только сатиру»: дело в том, что все манипуляции, у довольно большого числа групп, повторяются одним и тем же пальцем, именно средним, хотя было бы естественнее и «ловчее» предположить, чтобы это делалось указательным. И это показывает такое знание предмета, которое говорит об опыте. Иначе как наблюдать? Вообще — это ненаблюдаемые вещи, невыспрашиваемые вещи. Это можно «самому знать», но нельзя «узнать от другого». Не говоря о том, что нельзя решительно нигде «прочитать».

Вертикальными чертами рисунок разделен на три части, «триптих».

Левая.

Две девушки на прогулке. Как бы в Летнем саду. Ближе «сюда» лет 18—17—21 года, в весеннем платье, но — еще с муфтой. Узкая, тонкая. Высокий, строгий воротничок. Глаза ее опущены книзу и вперед... Она — в профиль, повернута вправо. С нею — девочка лет 15, с лицом «овалом» и улыбкою. «Ну, вот-вот вчера видел». Воротничок не стоячий, а откладной, широкий, свободный, как у подростков, которым «скоро стать девушкой». — «Пока прохожу физику». Они встретились на прогулке с двумя девочками при гувернантке: гувернантка — старая, противная, строгая-престрогая, кислая девица или дама, в очках, немецкого типа. «Не человек, а педагогика», не «натура, а режим». Она — вдали, и ее едва замечаешь, как последнюю. «Сюда ближе» из встретившегося трио — девочка лет 11, судя по тому, что ноги очень тонки, еще детские, и грудей еще вовсе нет, а только две пупырышки-горошины на месте их. Платьице без тальи, пояса она все подняла, почти до шеи, и та, что смотрит «вперед и вниз», смотрит с серьезным задумчивым лицом, с крепко сжатыми сухими губами, «такими взыскательными» и «судящими других», на что «не следует» у этого 11-летнего подростка.

Та же широшюнькая, «с лицом овалом», вся расплылась в улыбку, как бы нашла лучшую страницу своей «физики»: доброта, шалость и «сладкий леденец во рту» — так и говорят из нее. Перед нею подросток уже лет 13, с теми утолщениями в ногах, которые говорят, что через 2—3 месяца все «сформируется» у девушки-девочки.

Она держит свое платье, как и ее маленькая подруга. Но у той корпус линейен и говорит о полном неведении, кроме «я знаю,— вам *это* зачем-то нужно», тогда как у этой ноги чуть согнуты в коленях, а вся она полна желаний утех и сладости.

Лица у «встретившихся» ничего не говорят, почти невидны (так повернуты): но у «смотрящих» — так выразительны...

«Мы знаем мир, которого не знают другие. И несчастны, что не знают».

Рисовавший (? рисовавшая?), конечно, ни единым «мигом» не знает, что обе питомицы при гувернантке приняли *точь-в-точь* вид, который, «выйдя в другие комнаты», приняла Баубосто и вышла «к печальной Деметре»: — «Богиня улыбнулась и начала есть», — сказано у греческого писателя. «Есть» *полбу*, которую раньше ей поставила Баубосто, но та, «отказавшись, не захотела есть»? Читатель греческого автора может думать, что хочет.

Взглянувши на рисунок, я сказал в себе: «Да это *вне ведения* нарисованные Элевзинские таинства». Девушки на прогулке, так строго одетые, — «Деметра»: и богиня, конечно, «старее» Баубосто, ибо боги и богини вообще старее людей, — а два «подростка» при гувернантке «шутят с Деметрой непристойные шутки», как записал в своей диссертации М. Н. Катков «О древнейшем периоде греческой философии».

— О, медик! Из своих *сведений* разъясни же это *любование!*..

— Что ты узрел, рассматривая формы, выпуклости, впадины и столь немое «сосредоточение нервов»...

— «Оплодотворение»? — Друг мой, какое же «оплодотворение» может выйти из встречи четырех девушек?

Резкая вертикальная черта. Толстая баба, «бабища» или девушка дурного поведения лежит на спине, должно быть в теплой ватной кофте. Кофта поднята под шею овалами такой величины, что все говорит о «бальзаковском возрасте» матроны. Кроме кофты — ничего. Согнутая правая нога упирается ступнею в плечо молодой девушки, судя по белокурым волосам — еще подростка, а рука держит голову ее за темя, за лоб, — предупреждая и обезопасивая матрону от взрыва, от порыва, от «слишком». — «Я ее и держу, да она рвется», «я ее едва сдерживаю». Я вспомнил в Липецке молодость свою учителем: девочка 16 лет, с немецкой фамилией, в которую, признаться, я был влюблен «немо и божественно», не смотрела вовсе на меня, не слушала меня, но и матери своей, и подвернувшемуся откуда-то жирному инженеру все рассказывала, что «опять встретила на прогулке Зайцеву»... — «Что за Зайцева?» — я решил посмотреть соперницу. Барыня лет 28—30, «как все», одна проза, скука и, уж если хотите, отвращение (моя соперница). И вот эта девочка, сама прелестная как ангел, млела, млела: и если бы той случилось быть в купальне и ей надо было взять туфли, неоспоримо этот ангел кинулся бы надеть на нее туфли — и, надевая, млея бы и томился невыразимым томлением.

— Медики, скажите, отчего?

Сейчас же под той парой, рядом, лежит на животе, положив руки под голову, девчища, — судя по апатичному, ленивому и простонародному лицу — «торговая» девица. «Мне бы положьте три цалковых, а зачем тебе это надо — не мой антерес». Ну, лежит и лежит. Колода, не человек. Под нею (позади), вся уйдя лицом «куда не следует», — тонкая барышня, в шляпе с пером, — немного раздвигая руками тело «колоды»... Она «зарылась», «утопая», в эту колоду... Вся линейная, тонка и точно — летит.

«Три рубля» работают свою «работу».

Вся картина сделана очень хорошо, очень психологично.

Сцены все аналогичны, но нигде не повторяются, нет собственно «единого», а — варианты и продолжения. Разителен один вариант, где особенно виден *средний палец*: к девочке лет 9—10 прилегла «в шею» дама лет 35, тонкая, стильная, одухотворенная, глубоко развитая, глубоко идейная. «Я где-то ее видел в церкви, — в Риме, перед исповедальной патера». Глаза ее закрыты, в необыкновенном экстазе блаженства... Я думаю (сейчас смотрю на рисунок) ей лет 38. На шее — цепочка... медальона? креста? Вообще рубашка до пояса спущена, и грудь — необыкновенно гармоничная, — судя по величине соска, выкормила, и давно, троих-четверых детей. Лежа (островатым) подбородком в шее ребенка, но какого-то зрелого, «упитанного» ребенка, с большой припух-

лостью левой груди, она всеми пальцами левой руки взяла сосочек девочки, «как мы поднимаем крошку хлеба с полу», — лицо прижато к лицу, и средний палец правой — «где не следует». Лицо прижато к лицу.

У девочки — рыжеватой, с короткими волосами, без признаков косы, — что-то в руках... «куколка, которую мне дала тетя». Глаза раскрыты и совершенно спокойны.

Все я бы обозначил:

— «Что́ надо было Деметре от Баубосто»?

— Что?..

Вся вселенная спрашивает «что»: но медицина не умеет ответить.

4 мая 1915

В. Розанов

Очевидно, медики ищут *не там*, где следует. Они обыскивают углубления, впадины, бугорки, «каналы», «пустая область», «плотная область»: тогда как все лежит в *какой-то пластике*, не подлежащей измерениям, но может быть отвечающим на вопрос, «что мне *нравится*».

Для «родов» — да, необходимы «мешок» и «канал». Мешок, «где лежит младенец» и «через который проходит». Это — анатомия, и ее видит медик.

Но та девушка в Липецке «не помышляла кого-нибудь родить от Зайцевой»: почему же она волновалась и была явно влюблена?

И во множестве случаев «никакого нет желания родить», — и между тем есть огромное волнение.

Что́ его производит? Немного «другая походка» — и «*не нравится*». «Не тот голос»... Боже: какое отношение «голоса» к «родам». Обольщает *взгляд, взор*... «В этом взоре столько *силы*», «в этом взоре столько *нежности*»...

— Какой глубокий *голос*...

Подробности, частности, в которые медики не вдумывались.

Их сведения и самое любопытство только объясняют, как «произошли» роды, которые «произошли». Но ведь еще нужно «хотеть родить».

— Что-то *загорелось* — вот чего они не объяснят.

— Что-то *затомило*: и этого — не объяснят.

— «Я опять его *видела во сне*»: это поймет бабушка, но не поймет медик.

«Любовь» — вот чего он не поймет. А ведь рожают «из любви», а не потому, что есть «мешок и канал».

Нужно совершить «зачатие» и уже потом будут «роды». «Зачатие» же объяснит миф о Пигмалионе и Галатее, и не объясняет медицина со своими «мешками, трубками и каналами».

Вся медицина не объяснит, зачем же запах? чему отвечает стыд, застенчивость? Без «застенчивости» легче было бы достать до мешка... Но я думаю без «стыда» — «стыдливости» не родили бы вовек. Как

проститутки, которые совсем не рожают, когда даже совершенно здоровы. Не рожают в 16 лет, не рожают в 15 лет, не рожают в 23 года. Никогда. Никто. Исключение рассматривается как чудо.

«Стыд» — потому что это «низкая животность» — поучают богословы и моралисты. Не заметив, как «стыдливы» цветы, растения: посмотрите, в какие глубины, через какие проходы должна проникнуть «мужская пыльца», чтобы коснуться зародышевого плодика женского цветка. «Сложность всякого ухода». Все — в тайне, глубине и темноте, каждое «наставшее оплодотворение».

Все имеет «свою спальню», — «никому третьему недоступную», — и цветы, деревья, злаки.

Что же это такое: *душевная черта застенчивости* — в растениях?!

«Разрежь проволоку телеграфа, и ты в ней не найдешь телеграммы». Даже «электричества» не увидишь. А в стрелке «компас» не найдешь ничего, кроме пластинки «стали».

Господи: да ведь и в «человеке» ничего, кроме мускулов и костей. Как же произошел Сократ? А он был.

Так со своими «впадинками» и «бугорками» медицина ничего не знает об оплодотворении. Это — мрамор до «Фидия» и сталь до «компас».

* * *

11.V.1915

...сам же задал (В. А. Мордвиновой) вопрос: но кому же его и разрешить, как не «самому». Специалист.

Я ее спросил как-то (в письме):

«Отчего встречается так часто влюбленность в замужнюю женщину? На этой почве трагедии: ухаживают, муж убивает или мужа убивает *он*; она — *несчастлива*. Явно есть неодолимое влечение, неодолимая привлекательность женщины, — *большая, нежели невинной девушки*; тогда как ведь она (объективно судя, «в вечности») — «так виновна, грязна, ибо совокупляется с тем три раза в неделю?»

Мой вопрос. И не понял.

Да ведь вообще и всегда любовь относится к *полу* женщины, — ибо любви к не жившему, к не самке самца — и нет, не встречается. Но пол у замужней, у которой именно трижды или дважды вся кровь и силы и душа приливают к половому ее органу, во время совокупления, — конечно, он неизмерим и несравнен с половым органом девушки, у которой «почти ничего» или «мало», все и не живет, все — во сне, или в бессильной истерике. Говоря физически, сказал бы, что запах ее несется на версты, а девушки — на сажени. Ее сила, «сияние» около нее, это специфическое женское, самочное сияние, совпадающее и пахучестью, подавляет совершенно девичье стыдливое, испуганное, буквально «кое-что»... Толстой это заметил: Китти, девушка, «в своем роде прелестная», — отшвыривается как кораблем щепка — Анною: и жених просто

перестает чувствовать свою невесту в свете Анны. Ибо — совокупляется. Но ведь также и женатые неодолимее влекут, нежели «очень скромные юноши», еще «ничего не испытавшие». И победа 40-летнего над 24-летним — часта и обыкновенна.

Девушка водяниста. Замужняя масляниста. Вот и все. И вопрос решается.

* * *

12.V.1915

...предают Россию в руки врагов ее.

* * *

...да разве о чем-нибудь *другом* выли Грибоедов и этот хохол.

...и тот «честный и пылкий». *Пыл*-то его был пыл предательства. «С Жорж Занд интереснее, чем с былинами и сказками». «Предаю ее ради компании с вами, милые друзья мои, безгласные, а я — с голосом».

...И остался «верным» один полицейский Дегаев чистосердечно «под козырек» проезжающему вице-губернатору Щедрину. Перед Лорис-Меликовым прямо землю носом роет.

— Па-ста-ранись!!! Лорис во дворец едет!!!

Милый полицейский. Как люблю тебя. Как уважаю.

Лорис вошел во дворец.

На другой день Государя убили.

Какая-то баба завывла на площади Зимнего дворца.

Стасюлевич, женатый на жидовке, принесшей ему миллион, на другой день:

— Какая-то женщина завывла и начала причитать, смущая молитвенную тишину. Едва ли позволительно...

(— «Полицейский, убери»).

(уколачивая ящики с книгами на лето)

* * *

13.V.1915

...душа моя и принадлежала только моей душе.

Больше еще ничему она не принадлежала.

Ибо я родился для «полюбоваться», а не для сработать.

Любил. Воображал. Мечтал. А сработать? — Нет.

* * *

14.V.1915

Женское тело отличается от мужского не половыми органами, а каждой складочкой, каждым пальчиком — кровинкой, душком, черточкой, волоском.

Женское тело — совсем другое существо, чем мужское тело. Более «другое», чем минерал.

И только от этого — такое стремление, такой порыв друг к другу.

Ей-ей, они разнятся как «под» и «над». Минерал — в стороне от мужского тела, и это гораздо менее, чем *разница* «над» и «под».

Вот тайна

— того, что любят друг друга, жаждут, «вдвоем рожают третье».

Женщина и женщина как *не хочут* родить: а — сходны. Тоже мужчина и мужчина. Тоже мать и сын, отец и дочь, брат и сестра.

«Без похоти и не рожают», а где «похоть» — сейчас «роды».

Святая похоть: ибо свят мир.

Ею живет, играет, светится, сверкает.

Без похоти — Дарвин. Он объясняет мертвый мир.

С похотью Розанов: он ничего не объясняет, а только живет.

Он любит.

Он нюхает мир и шепчет — «вкусно», а не — «я знаю».

* * *

16.V.1915

В 1-й раз за 17 л., что пишу о поле и браке, мелькнула мысль (т. е. стала мелькать эти дни, — протяжно), которая меня пугает, но «ничего не могу поделаться».

Пафос мой был: совокупление — свободно, совокупляюсь с кем хочу, совокупляется всякий с кем хочет, дочери да совокупляются, невзирая на родителей (волю их).

Знаю и исторически, что с *этого* все началось, — и что религиознейшая семья, у евреев, есть вместе с тем проституция (древнейшая и архаичнейшая, «священная» форма заключения брака — «ЧЕРЕЗ МОНЕТУ»). Еврей дает девушке монету (рубль) и произносит: «Я беру тебя по закону *Моисееву*». Тогда она — жена его, до тех пор, когда он «больше не хочет» (развод). И формула развода: «Он ей вручает, хотя бы обманом, бумажку: и если она *физически* взяла ее — она уже *разведена*». В бумажке же написано: «Ты теперь свободна для улицы».

Это наши истории на Невском: «взял за рубль», «насытился». И когда «не хочу» — ступай дальше «гулять».

Приключение. Из него родился брак.

Но вот что стало мелькать и чего я ужасаюсь и что возвращает нас к «Домострою».

— Ты, матушка, свободна в мыслях твоих, свободна в чувствах твоих: ибо это все течет «так» и «этак» и есть *твое дело* и *никого не затрагивает*. Но в твоём половом органе...

«Слушай философию: не ты его *имеешь*», а он *тебе дан*», и дан нам родителями. Это единственная в тебе вещь «родительская», и вот *тут-то* твое право распоряжаться — сомнительно... Оно — ограничено, а если «нет», то это «машинка для удовольствия», вроде «почесался», и сводит орган твой к *ничто*. «Хочу — играю на скрипке, хочу — на флейте». Это сводится к пустякам, к «чистому искусству», — и такова «свободная любовь».

«Но орган твой — священен. Воистину. Так Бог устроил, что правда выходит удовольствие, и как будто ты имеешь право получать его», ибо «есть». Однако «есть»-то именно от нас, родителей, и, что еще страшнее и важнее,— поведет за собою потомство, т. е. ветвь от нашего родительского ствола; да и не нашего одного — а дедов, прадедов.

Как же ты говоришь, что *как хочешь*: разве ты вправе привить к родительскому стволу, к стволу предков, «какую хочешь и знаешь ветвь». Разве ты можешь испортить тысячелетний ствол? Мыслями, чувствами, всею жизнью — ты его не испортишь. «Хочешь — художничай, хочешь — музыкань! Но «совокупиться» — не можешь: ибо *отсюда* — «вырастет», а через детей детей твоих — будет «расти и дальше». Расти *ветвь*? расти *вниз*? Начало уродства в мире, начало мирового уродства.

Вот почему «отец вдруг заволновался», «взбесился», когда «дочь совокупилась *не с тем*»,— случайно и для себя. Она совокупилась с похитившим ее офицером, который думает «не о тебе и детях», а о «родительских капиталах». По неведению и неопытности ты ввела свой орган в «мошенническую сделку»: ибо тут не важно, что ты «дала», а что ты «получила»: в чистый тысячелетний ствол нашего рода ты ввела гнилое семя корыстолюбия и обмана, лжи и фальши. Ты-то чиста, душа твоя свята: да брюхо у тебя нечистое, ибо несет не святыню, а помой. И эти твои «выродки», это твое рекомое «потомство» — оно будет вне «Селезевы», вне «Спичкины», и будет гнилью и смрадом своим путаться в чистых веточках *от других своих сестер, от твоих братьев*. Нельзя от них «отделаться» иначе как «убить их». А «убить» — нельзя, запрещено: и вот я в предупреждение несчастья, или оттого, что несчастье *уже началось*,— убиваю тебя, убиваю дитя твое, запираю тебя, самую на цепь.

(«Боярин Орша» у Лермонтова).

Так. Но с....д... : в таком случае девушки-дочери, в *vis-à-vis* с своим рабством, с этим ужасным и рыдательным рабством «в своем счастье», «в своей судьбе», вправе крикнуть:

— Там чистое, бескорыстное, невинное, молодое семя: а вы какую гниль даете мне, ища богатого и старого жениха для своего кармана, ища знатного для протекции себе, и вообще «продавая меня» гораздо хуже, чем «продавалась я». Я лишь по неведению «сбл....», а вы, старые хрычи, бл.... от века, и устроили базар около дочерей, ярмарку около их молодости и красоты...

«Боярину Орше» — каторга: ибо он не дал дочери своей юного пастушка с флейтой и среди стад овечьих, а задумал ей «паче боярина», с окладистой бородой и в ферязи: тогда как священный-то канон брака, и уже единственно один:

Молодость.

Сила.

Чистота.

Невинность.

Да: дочери ограничены и *не вправе выбирать гнили*, т. е. обмана и корыстолюбия: но вот в этих «границах» на этом пути *очень суженном* все-таки выбирают они, выбирают инстинктами своей крови, своего тайного и священного «тьфу», перед которым должны поникнуть седые головы тайных советников.

— Люблю повара.

— Люблю лакея (да! да!).

— Люблю пастуха.

И вы должны юношу облечь в висон и золото и сказать: «Ты мне не повар, а гость наш: садись за стол наш, ибо тебя возлюбило дочернее сердце. И люби. И будь счастлив. И войди в род наш».

Все — семя. Главное — семя. В *женехе* — только оно важно, ценно, нужно. Но «семя» — «весь человек». И «образ духовный» иного поваренка м. быть героичнее, чем у тайного советника. Ведь Жанна д'Арк до Реймса была крестьянкой, «мужичкой», и Иосиф Прекрасный был именно «поваренком» в доме Пентефрия, рекомого учеными «Потифара». Да «из простых» была и Матерь нашего Спасителя...

Итак — рабство есть.— Дев и дочерей наших, возлюбленных дочерей. Но откроем сердца наши родительские им: они — ведут линию, влюбляются, любят: и мы — в старости и изнеможении — должны только помогать им советом. «Не поддайся *обману*», «не вовлекись в *корысть корыстного и притворного*». Вот, компас, а не пар.

У девушек — пар. «Иду вперед», «движу». «Расту».

У старых и мудрых: любовь и совет. «Не выбери *гнили*».

Гармония. Слава Богу, разрешилось дело. А так испугался (вчера вечером).

* * *

18.V.1915

...цензор Лебедев наглотался премудрости Мякотина, Пешехонова, Петрищева и Короленки (постоянный, многолетний цензор «Русского Богатства») и потребовал уничтожения более 20 мест из *Короба 2-го* «Оп. л.», — самых христианских и самых монархических. Цензор неодолим и для себя незаметно подчиняется читаемому матерьялу, гипнотизируется духом читаемых авторов, — и когда ему кажется, что он «исправный чиновник», он уже стал нигилистом. «Как может статский советник быть нигилистом?» Очень просто: достаточно читать дни и ночи «Отечеств. записки», «Дело» или «Русск. Богатство».

Ничего не поделаешь. Терпи. Ради Государя и веры — все терпи.

В *июньской книжке* 1914 г. они пропустили (правда, Лебедев уехал в отпуск и цензурировал кто-то другой) в «Русск. Богатстве» статью до того оскорбительную в отношении всей Царской Семьи, что около нее известный пасквильный фельетон Амфитеатрова (в «России»), за который Плеве его выкинул в Тобольскую губернию, является пустяками. И — ничего.

У нас целые обширные учреждения работают над нигилизацией России, притом чистосердечно и наивно. Бутурлинский Комитет,— взявший в руки негласное наблюдение над печатью, с правом делать доклады непосредственно Государю,— был совершенно прав, и учреждение его было совершенно основательно. Сохрани он существование, и «литература 60-х годов» не проскочила бы. Тогда как благодушные колеблющиеся Никитенки ее «всеконечно» пропустили. И не было бы вакханалии, смуты общества, революции и 1 марта. Реформы прошли бы спокойно и зрело, а не судорожно, торопливо и урезанно от испуга. А то *«вперед шли испуганно»*: разве же это возможно?!

Неужели же для широкого развертывания событий не стоило, не стоит *вековечно*, устроить *предупредительно* 10—11 крепких казематов,— для людей, которые визжат, трясутся, вертятся и не дают ничего делать. «Нельзя *хлыстов* впускать в церковь», «нельзя с ех-семинаристами строить Царство».

Но нужно терпеть. Все нужно терпеть. Ради царства все надо перенести.

Проклятый цензор: он испортил самые нежные, самые любящие строки во 2-м Коробе: в которых *ни одного слова* нельзя было повернуть иначе, чем *как оно стояло*.

Была музыка.

Он сделал какофонию. Нестерпимо плачет сердце.

Любовь моя, любовь моя. Ты «не проходишь», «не пропускают». А она — к народу. И народ не услышит.

* * *

19.V.1915

Они существуют для
.....
.....
Украшения отечества.
.....
.....

Этого в голову никому не приходило. Все думали, что они учатся для удовольствия, для пользы себе и ближним, чтобы что-нибудь узнать и п. ч. есть интерес что-то узнать. Оказывается — ничего подобного:

...Птичка в дальние края,
В дальний край за сине море
Улетает до весны.

Ну, Саша Жд. вышла замуж, и замужество как цель курсов опять понятно. «И построить им большой дом, чтобы оттуда выходили замуж». Очень понятно. Но оказывается — совершенно не это. А — чтобы «Россия была красивее» с этим множеством девушек, читающих мемуары Филиппа Коммина,— о способе подачи голосов в Национальное

собрание во Франции, изучающих кислоты, соли и щелочи и извлекающих электрическую искру.

Людам скучно. Людям горе...
Птичка в дальние края...

Так я выслушал дома, у себя.

* * *

19.V.1915

...да разве *все общество* не чихало, не хихикало, когда эти негодяи с пистолетами, ножами и бомбами гонялись за престарелым Государем?

Все чихали. Я слышал циничную фразу после выстрела Карповича, от старой девушки, «женщины 60-х годов»:

— Вы знаете, по Петербургу ходит анекдот: когда Боголепов явился на тот свет, то Плеве и Сипягин сказали ему: «Мы вас дожидались. Недоставало 3-го партнера для виста».

И вот «хоть поздно», но постигаем ноумен и Грозного и Аракчеева.

— Чтó же с этим отродьем делать, — с тем отродьем, которое называется «человечеством» и смеет кощунственно прибавлять — «крещеное человечество».

* * *

21.V.1915

...кроме молодой Мордвиновой и Михалкович (Верочка и Калиночка) мне совершенно никто не интересен из молодежи. Не интересен и не нужен. Молодежь я считаю падшею. Но нужны, прекрасны и «целую руки» — старики и старухи.

С угрюмостью и печалью в душе. Я сам угрюм и печален.

Но затó Верочка и Калиночка — как я оперся на них... все спиной, *усталой спиной*.

Эти 2 поспорят умом и *идейностью* и самостоятельностью со всем поколением. Еще раз повторяю — со всем поколением.

Калиночка, — ни разу в жизни меня не видевшая, — посылала мне цветы сирени (весной) и немного землицы (высыпались из письма крошки и кусочки серой извести). У нее были экзамены («Выдержала уж по старославянской грамматике»). Строк восемь, не больше. Но между нами: «Посылаю вам поцелуй широкий, как Черное море». Молодец баба.

В них обеих прелестное: живут собою, «сами». И меня вовсе не особенно много читали. А «так»...

Всякое «так» хорошо. Ну их к черту, мотивы.

Калиночка и Верочка, и несколько старух, составили мне *огромную поддержку под старость*.

(вспомнил сочувственные письма молодежи с впечатлением — «не нужно», «не мои»)

* * *

21.V.1915

...почему я так люблю ф-лос? Уважаю его? И мой и всемирный? — Чувствую *неодолимым внутренним самосознанием*, что вся моя доброта, нежность и (замечательная) чистота душевная течет от него.

Она замечательная, эта чистота, я как ребенок (в 59 л.).

«Неуловимая психология моя» есть в сущности детская. Все побочно (ум, талант), но это главное.

И чистота эта — оттого что я «зверек». Никакого греха. Никакого сознания греха. Никакого чувства ответственности.

«Я вечно бы радовался»... И на все.

Поэтому я думаю, что ф-лос очищает. Странно? — Да. Т. е. «да» — думаю (что очищает).

Никогда у меня не было об этом мысли — «грех». И я нежил его, и он нежил меня.

Никогда я ему не отказывал. «Как хочет». И всегда шел, куда он меня вел.

Никогда во всю жизнь к худому он меня ни к чему не привел. Он заставлял меня всегда говорить одну правду. Он всегда заставлял меня быть ко всем людям нежным.

Я воистину всех людей замечательно любил.

(устал; очень поздно)

Как же я его обвиню? Скажу, что в нем «грех»? Да ни за что.

И он всегда странным таинственным навеванием говорил (внушал, томил) мне о Боге и о «тайнах Вечности и Гроба» (Пушкин).

В нем есть что-то в самом деле «по-ту-стороннее»: и собственно чувство «того света» все проистекает из ф-лла.

«Он знает»...

Странно.

Но — так.

* * *

21.V.1915

Засевайте поля. Засевайте поля. Засевайте поля.

Юноши, чего вы смотрите: засевайте поля.

Бог вас накажет, если 4 вершка земли останется без семени.

Засевайте поля. Засевайте поля. Засевайте поля.

(глубокой ночью, за занятиями. Внезапно и без повода)

* * *

24.V.1915

БОГ НА УЛИЦЕ

...Мальчишкой бежишь по улице утром. Сам улица и в душе утро. И кажется, что все — «ничего». Выглядываешь девчонку — приволокнуться. Плюешь в окно магазина. И хочется съесть конфетку.

И вот старость. Плетусь по улице. Темно в глазах и душе. Но греет солнышко спину.

Как хорошо, что греет. Откуда солнышко? И утро и улица мне представляется волшебством.

...Теперь мне все кажется в старости чудом и необыкновенностью. «Даже невозможно, что ЕСТЬ».

И за все благодарю Бога. Благодарю за «что — ЕСТЬ».

И пусть это слово мое будет: БОГ НА УЛИЦЕ.

(на Гороховой, купив сумочку для денег «на дорогу»)

Достигнуть простоты животного?

Я ее достигнул.

Вот почему я постоянно радуюсь.

«Боль» моя от болезни мамочки. Но ведь и лебедь скучает (тогда — Ореанде) и бык воет, когда худо их мамочке.

— Известно,— муж ближе женщине, чем отец и мать.

(общее суждение)

Но почему?

Боже, почему?

Да потому, что с мужем у нее «одна душа», а от родителей — «особая», «своя».

Но, Боже, почему и особенно как?

Ибо есть момент, когда муж и жена — одно существо, одно дыхание, одно желание, один огонь, одна страсть.

**БРАК,— ЕДИНОСУЩНОСТЬ,
ОДНОДУШИЕ.**

Но тогда «душа» и есть «в половых органах». Теорема доказана, г. Заозерский.

Чудо. Чудо. Чудо.

Чудо, что я открыл в половых органах.

Чудное в них увидел.

Это обрезание.

Отсюда Содом.

(тоже на Гороховой; плетусь в кинематограф)

Что же, господа апаша,— полицейские-то ведь побеждают.

(в кинематографе: полицейские схватили апашей,— и вся улица радуется)

Так будем радоваться мы, когда перехватывают Короленок и Пешехонок.

Полицейский — это ясность, простота и правда:

— Не воруй.

— Не убивай.

— Не плутуй.

Три коротких заповедания, на которые с яростью быка кинулась литература, поначитавшись Прудона и двух берлинских жидов (Лас. и Мар.).

* * *

25.V.1915

...мне кажется иногда (часто), что Мережковского *нет*... Что это — *тень* около другого... Вернее — *тень* другого, отбрасываемая на читателя.

И говорят: «Мережковский», «Мережковский»: а его вовсе нет, а есть 1) Юлиан, 2) Леонардо, 3) Петр, 4) христианство, 5) Renaissance, 6) Тютчев и Некрасов, 7) Чехов и Суворин и т. д., и т. д., и проч., и проч.

Множество.

А среди его... в *промежутках* между вещами, кто-то, что-то, ничто, дыра: и в этой дыре *тени* всего... Но тени не суть вещи, и «универсальный Мережковский» вовсе не существует: а только говоря «о Renaissance'е» — упомянешь и «о Мережковском».

Оттого в эту «пустоту» набиваются всякие мысли, всякие чувства, всякие восторги, всякие ненависти... потому именно, что все сие место — *пусто*.

О, как страшно ничего не любить, ничего не ненавидеть, все знать, много читать, постоянно читать и наконец, к последнему несчастью, — вечно писать, т. е. вечно записывать свою пустоту и увековечивать то, что для всякого есть достаточное горе, если даже и сознается только в себе.

От этого Мережковский вечно грустен. «Мережковский» и «радость», «Мережковский» и «веселость», «Мережковский» и «удовольствие» — *contradictio in adjecto* *.

(Гаррис — «Карамазовщина», о Мереж., Чех. и Сув. Попалась вырезка на столе)

Ужасно. Тайная печаль гложет меня о Мережковском. Столько грусти, и — ни по чему.

Ужасно. Я не мог бы жить.

Статья Гар. очень хороша. Кто он? Жид? Англичанин?

* противоречие в определении (лат.).

Забавное (и страшное). Я *хорошо* знал Суворина,— Чехова вовсе не знал, но через суждения и отношения Суворина к Чехову и обратно могу судить и о Чехове.

Суть и разгадка взаимных их отношений в том, что Чехов был значительно спиритуалистичнее Суворина, развитее, образованнее его (не был в универс., т. е. Суворин) и вообще имел голову «более открытую всем ветрам», нежели Суворин, и до известной степени проникнутую большим количеством мыслей, большим числом точек зрения, чем как это было у Суворина.

Проще, сжатее — был умнее Суворина.

Но тут начинается страшное:

Он был хитрее Суворина. И хуже его сердцем. Гораздо.

Суворин был замечательно *ясное сердце*. Да: с 4 миллионами в кармане, с 3 домами, собственник типографии и самой бойкой книготорговлей, он был «кадет в удаче», «талант, каких мало», «влюблен в родную Землю», и, среди всех актрис и актеров — сохранил почти детское сердце, глубоко доверчивое к людям, верящее в них, любящее их.

Я долго к нему присматривался и к «встрече» с ним вышел из «антипатии к нему» (толки, общее представление).

И — кончил тем, что рассмеялся. Богач, хозяин, писатель и торговец — он имел «житейское сердце», как редко встретишь у кого, и поистине он был «любимец Божий» за эту ясность свою и простоту.

Что-то было «щедрое в нем»,— о, не в деньгах (хотя и *в них*)! Щедрое — во всем. Он был щедр на похвалу, щедр на любовь, щедр на помощь. И (удивительно!) — никогда не помнил зла.

Воистину «любимец Божий».

Чехов же,— не имея отнюдь его гения и размаха (практического, в делах),— был его тоньше, обдуманнее и, увы, ловчее... Это горькою «ловкостью», которая так «не нужно» в могиле.

.....
Мы шли с Александром Павловичем Чеховым («Седой» в литературе), и он мне рассказывал, на всегдашний вопрос о Чехове, что «чувствует себя так-то» и «приехал (в Петербург) за тем-то». Сходим с лесенки редакции (он писал что-то в хронику в «Нов. Вр.»), как подымается нам навстречу в соболях Анна Ивановна (жена Суворина):

— Александр Павлыч! Антон Павлыч здесь?!!!

— Нет.

— Как «нет»: мне сказали, что он третьего дня приехал?

— Нет. Может быть, но я не знаю. Нет, скорее это ошибка...

— Что вы? Что же это такое? Алексей Сергеевич (Суворин) ищет его, ждет его...

— Нет. Не приехал.

Простились. Прошла. Она так же любила Чехова, как сам Суворин. Оба веселые, простые, ясные.

Я ничего не сказал Александру Павловичу. Что сказать? Как сказать? Он лгал,— но уже вторым лганьем, зависимым от брата: что же ему было «сказать», когда ему брат явно сказал — «не говори». И «не говори», п. ч. Суворин бы его обнял, увез к себе, и что же бы он тогда ответил «друзьям» вроде Гольцева и Короленке, которые нашептывали ему все те речи, какими «загробно» вот теперь разрешился Мережковский о Суворине...

И он, увы, нечистый сердцем, изогнулся, пригнулся к земле и сказал: «Не вижу Суворина. Не знаю. Не был у него. Ведь он...»

Хоть с Мережковским «на последях» приговаривал: — Подлец.

Это предательство человека, столь его любившего (т. е. Суворин — Чехова), ужасно.

Когда я вспоминаю этот случай встречи,— у меня всегда холодно в спине. И в мозгу «идет дождь».

— Скверно на этом свете, господа (Гоголь).

Но волны людские шумят. Бездумны, как волны морские. И Чехов — «чистенький», а Суворин «такой подлец» (Мережковский о нем, да косвенно, из жестов отчуждения,— и Чехов).

Mea culpa... postra culpa... humana culpa *. Посыпшем голову пеплом и станем выть как собаки на пепелище человечества. Но я боюсь, что собаки не захотят нашего соседства. И провозят протяжно: «Это — предатель человек. Бежим от него в лес».

* * *

26.V.1915

...в пору Боголепова и, кажется, других министров здесь (в Петербурге) собирались комиссии. И раз Гей мне говорит:

— Что же, В. В., высасывать статьи из пальца: поезжайте и поговорите.

Я поехал.

В отличной гостинице отличный №. Думаю — рублей на пять. Мягкая пунцовая мебель. И развалюсь в кресле, в $1/2$ — оборота и положив нога на ногу,— издали приехавший «подать совет тонущему правительству»,— глаголет:

— **Ведь нужно воспитывать гуманно.** Они этого не понимают...

«Они» — учителя. Директора. «Чинодралы»... Эти тусклые, усталые люди, у которых сутки звон в ушах от топота 800 гимназических ног. Которые встали в 8 утра и лягут в час ночи (при послеобеденном отдыхе)... И которые все-таки читали и Грота и Моммзена.

Я был учитель.

* Моя вина... наша вина... человеческая вина (лат.).

И смотрел на этого «вызванного для совещания», который сидел в $\frac{3}{4}$ и вот-вот наводи камеру-обскуру и снимай.

— Они не понимают, что ученик тоже человек и требует к себе человеческого отношения.

Он пил кофе и приказал «человеку» и мне подать. И я пил кофе. Слушал, т. е. не слушал.

Нога его все так же лежала на другой ноге. Он курил. Я курил. Кофе. Обивка пунцовая. Сам он не очень пунцовый, но тоже в этом роде. И бакенбарды. И хороший рост.

И вот комиссия и общий стол с зеленой или красной скатертью. Кресла. И перед каждым креслом пачечка бумаги, куда он будет «зано- сить, что скажет» и «что сказал такой-то». Хорошо очиненные карандаши.

И бакенбарды. И хороший рост. Боголепов, угрюмый и весь запыха- вшийся, ожидает:

— Как-то они помогут отечеству? Все-таки ум хорошо, а два лучше.

В него уже почти стреляют и скоро совсем застрелили. Карпович. Вера Фигнер записала: «Он явился к нам такой красивый и юный, полный энергии. И всех нас оживил» (Шлиссельбург).

«Радуйся наше подполье».

(«Из истории русской общественности»)

Да. Эти дураки Сусанины, эти мужики Сусанины прошли. Взались спасти отечество бакенбарды, Фигнер и Карпович.

(как произошло 17 октября)
(Заколачивая ящики на дачу)

* * *

26.V.1915

...праздно русское общество — воистину несчастное общество — разбирает «типы» Марка Волохова, Базарова, Раскольников, «Бесов», как раньше Печорина и Евг. Онегина, воображая, что это не только «литература», но «дело»... Наконец-то «дело»!!!

Несчастное. Какое несчастное! Кто внушил ему (а кто-то внушил!), будто это что-нибудь вообще значит и что Россия, которая никак не может уступить ни Турции, ни Англии, которой боятся — от нее ожида- ют помощи целые страны и народности, вдруг испугается и побежит от Верочки Фигнер, которая «прочла и усвоила все *типы*» и взяла в руки пистолет.

Вера. Пистолет. И «типы». И бегущая перед нею Россия.

— Потому что Герцен так демонски хохотал.

Да для России Герцен есть просто мазурик, а Вера — гулящая заблудившаяся девчонка. Как наша Таня с ее словами мамочке:

— Мамочка... Я не знаю... Я заблудилась...

И заплакала. Разница в том, что Вера стара, черства и не имеет этого сознания о себе, как тогда (в Сарове) наша 8-летняя Таня.

Россия обязана «отступить», п. ч. против нее «соединились» Желябов и эта гнусная Сонька, его любовница из генеральш. Позвольте: да почему же Россия должна отступить? Россия — 100 000 000 населения, пахотные поля в миллиард десятин, сады яблочные, вишневые, огороды с капустой, морковью, свеклой. С картофелем. Отчего все это должно «повернуть на другой румб» ради Соньки и Желябки (до чего гнусная фамилия,— и, по портрету, самодовольная харя мужичонки, который наконец «выучился»).

— Почему? Почему? Ради Бога — почему?

— Потому, что они прочитали Маркса и Лассаля, из которых первый назвал второго посмертно шарлатаном (в «Вестн. Евр.» читал, года 3 назад), и если бы назвал *при жизни* так, и печатно, а не в приватном письме, то вероятно получил бы от Лассаля ответ: «Да ведь и твой *Капитал* — только шарлатанство в дерьме под ученым соусом».

Но пусть это не «Капитал», а «*Divina Comedia*», как у Данте: так же истинно, хорошо и прекрасно. Данте, написавший свою «*Divina Com.*», бродил по улицам Флоренции, «черный как уголь», и Флоренция и не думала ради него «поворачиваться на другой румб».

Страна вообще поворачивается по нужде, по голоду, по холоду, по завоеванию ее соседями (Петр Великий),— по бессилию или избытку силы: но она не «поворачивается» *ни ради какой книги*, пусть самой истинной и великолепной: п. ч. что же это за чудовищный деспотизм и чудовищное книжничество, если бы народы «бежали» сюда и «бежали» туда, когда «написана такая-то книга»...

Что же это за гнуснейшее самозванство, этих Верок и Софок, перед которым побледнеет Тушинский Вор,— и что за деспотизм и нахальство, на которое не посягал Аракчеев и Клейнмихель: начать стрелять в Государя страны, потому что они «прочитали все о *типах*» и как на последних героях остановились на двух жидах из Берлина.

Боже мой. Боже мой. Боже мой. И вся страна, печать — встает и приветствует, вся ожидает с тайным восхищением: «когда две героини застрелят Старца-Царя».

И они пишут мемуары. И о них пишут мемуары. Верка осмеливается писать стихи и *печатать их*. Морозов печатает «Письма из Шлиссельбурга» — это который женился, сочинил кометы и у которого столько сестриц «уже замужем».

Боже мой, Боже мой: тетенька и Шпонька, Шпонька и тетенька, «мертвые души», гадкие души, вонючие. Тупые, лоснящиеся самодовольством.

— О, медный пятак! Кто тебя столько тер, что ты горюшь как Солнце.

(за уборкой сундуков)

* * *

26.V.1915

Революционеришки никак не могут понять, что их только *щадят*, что их щадил все время тот Старец-Государь, за которым они гонялись с бомбами и пистолетами,— щадил в самые минуты гоньбы за ним. Что он мог ступить и раздавить: но ему было жаль их, жаль этих молодых людей, о которых он не мог *окончательно поверить*, что это только негодяи.

Не верил по идеализму своему, по всепрощающей старости, по обширному горизонту созерцаний, в котором Желябовы и Кабальчичи копошились как мухи, и он не мог понять, «что́ это?». Ибо во власти его было раздавить не *их* только, эту кучку, а он мог раздавить целое общество, все эти (изменческие) «суды» и адвокатов, эту (изменническую) цензуру с Феокистовым и Евг. Тур, эту журналистику, где корифеями были полицейские и шулера.

Едва был поставлен «во власть» Толстой, как он и раздавил. Но Толстой еще разговаривал в Госуд. Совете, т. е. шутил, принимал комедию за трагедию и играл трагическую роль в водевиле. Настоящий взгляд на русское общество был — гоголевский: т. е. что «мертвые души» и «ну их к черту». Вот дайте-ка Гоголю силу действия и призовите во власть: он «повернул бы штуку».

«Не надо».

«Не хочу видеть».

«Противно».

Т. е. здоров народ от Святогора до меня. Я и — народ. А прочее — шушера.

И следовал просто разметать это, как бык разметывает стадо кинувшихся на него гиен. Какие разговоры.

Точка зрения *настоящая* — гоголевская. Вот кто был радикален, и только по безграмотности прописал на письме не тот адрес. Написал: «Его Превосходительству», а надо было — «Твоему демократическому вонянию».

Они воняют, эти душонки; они воняют давно, с высокомерного Кантемира, с придворного Фонвизина и говорливого Грибоедова, и прочих. Здоров — мужик и поп. Солдат. Царь. Вот — Русь: а эти с «Кантемиром и Фонвизином» набежавшие на Россию инородцы-враги...

Просто — изменники. И им ответ — не критическая статья, а виселица.

(за уборкой ящиков)

* * *

27.V.1915

«На ножах» Лескова имеет худое заглавие, худые имена людей (что́ это за «Гордонов», напр.?) и проч.; вообще — худую обстановку. Но сам роман хорош, интересен, и конечно верен, как «списанное с *окружающе-*

20»... Это «Бесы» Лескова, как Достоевский мог бы своих «Бесов» назвать «на ножах».

Тема — та же. Время — то же. И вот 2 таких русских человека, как Лесков и Достоевский, произносят о явлении одно и то же слово.

...Но, в сторону пока «дело»: роман Д-го так знаменит, а об «На ножах» я даже никогда не слыхал ни от одного человека, что есть такой роман в русской литературе, и вовсе не знал, что он *существует*: тогда как даже о романах Боборыкина, хоть их не читал (кроме первых глав «В путь-дорогу» и еще главы 1½ о «богоискателях»), но *слыхал*, однако же, — и помню их заглавия — «Китай-город», «Жертва вечерняя», «В путь-дорогу», писания его о Золя.

Между тем «На ножах» (немного растянут и неприятные лесковские «словечки») — интересен, волнующ, полон мысли и лесковской наблюдательности. Ну, не «включили бы в ход литературы», но читали бы как беллетристику. «Все-таки интересно». Но ни от одного из знакомых я никогда не слыхал, чтобы он читал «На ножах».

Содержание его — потрясающе. Судя по нашему Пирожкову — конечно правдоподобно, возможно, вероятно. Конечно — «так бывало», «подобное — случилось».

Отчего же никто не читал о «бывающем»? Он затронул «новых людей». Но, Боже! как Щедрин «затрагивал» помещиков, чиновников — а ведь это целые классы народонаселения. И он ведь топил, не разбирая, правого и виноватого. «Все виноваты», «все не наши», «все не мои», «все не читают *Отечественных записок*». Что за вина не читать «Отеч. зап.»? За что же чуть не то что «в Сибирь», а совсем вычеркивать из бытия?

(устал)

Мальчикам и девочкам в правильных русских семьях следовало бы давать читать «На ножах». Это превосходная «прививка оспы». Натуральная оспа не вскочит и лицо не обезобразится, если прочтет роман в 16—17 лет, фазу возраста «как раз перед социализмом». И глупое, вялое, — да прямо *не знающее каторги литературы* Министерство просвещения, в самый разгар борьбы с «пропагандою в 31-й губернии» (эпоха перед Лорис-Меликовым) палец о палец не ударило, чтобы сделать гимназистам эту противооспенную прививку.

Возмутительно.

* * *

28.V.1915

«Жирные говьяда» во всем противны. Нет, думая о язычестве, о животном, — и пытаюсь все это несколько восстановить, я никогда и мысли не допускал, чтобы это было снижением аппетита к «жирным говьядам». Скорее — наоборот...

И в животном, и в язычестве меня привлекала тайна и деликатность.

Я думаю, таких «жирных говяд», как в европейском Монако, — никогда не было. Наши «декольте» невообразимы у евреев, у греков или

римлян. А спартанки *нагими* боролись с юношами на состязаниях. Но разве это то́, что ужасы декольте: взгляни, соблазнься и про себя вспомни ночью. Это — онанизм.

Онанизмом вообще замечательно пронизана европейская история. Весь «Декамерон» — плод онанизма Бокаччио и написан для онанистов-читателей. Вся французская живопись — это галерея женских тел в разных позах — плод фантазии, мужского онанизма.

Все — украдкой. Все — «тайный грех влечет меня».

Как понятно иудейское запрещение *рисовать*. П. ч. мы не знаем, до чего дойдет рисующий, куда он пойдет. И к чему поведет всех зрителей.

Ну, как «жирные говьяда» противны: п. ч. они отрицают дух в материи. П. ч. они унижают материю. П. ч. они показывают материю поганую.

Когда она светла, сверкает, полна мысли и философии.

«Жирные говьяда» явились плодом расторжения связи духа и материи. «Направо» — чистый дух, *spiritus sanctus*, без вещества. «Налево» — косная, мертвая материя.

Но в мире «левое» и «правое» суть просто стороны существа, «бока» одного я. Есть «я» и его бока, правый, левый: и левый столь же нужен и прекрасен, как и правый.

«Что́ лучше, спина или грудь?» Скажешь: *оба — лучше*.

А по-моему, «по-нашему»: все — лучше. Худого ни в чем нет. Ни в чем — от природы. Худое — «потом», «во-вторых». Во-первых — всегда прекрасное, прелестное, нужное.

Хлебное и яблочное.

«Жирные говьяда» — плод расторжения души и материи. В основе их лежит болезненный преувеличенный спиритуализм. Как ни странно, в основе его лежит платонизм и платонизация всех вещей. Когда она была доведена до конца, человек испугался своего «порока», своей ошибки, своего преступления против конкретных вещей, и воскликнул с отчаянием:

— М. б., души нет.

И когда он потряс душу и зачеркнул ее (вторая половина XIX века) — остались «жирные говьяда».

Это позитивизм Огюста Конта и кокотки из Монако.

* * *

28.V.1915

Чтобы «опровергнуть» Пушкина — нужно ума много. Мож. быть, и никакого не хватит. Как же бы изловчиться, — какой прием, чтобы опрокинуть это благородство?

А оно естественно мешает прежде всего всякому неблагородству.

Как же сделать?

Встретить его тупым рылом. Захрюкать. Царя слова нельзя победить словом, но хрюканьем можно.

Очень просто.

Так «судьба» и вывела против него Писарева. Писарева, Добролюбова и Чернышевского. Три рыла поднялись к нему и захрюкали.

Не для житейского волнения,
Ни для того, ни для сего.

— Хрю! хрю!

— Хрю.

— Еще хрю.

И пусть у гробового входа.

— Хрю!

— Хрю! хрю!

И Пушкин угас. Сгас. «Никто более не читает». В Брянскую прогимназию хотели выписать: книгопродавец Салаев ответил, что «Нигде достать нельзя», нигде «не продается», магазины не держат «за полным отсутствием спроса».

И прогимназия довольствовалась не «Собранием сочинений», а «Полтавой» и «Скупым рыцарем», с приложениями, кажется, Гарусова, в учебных изданиях книгопродавца Глазунова.

(О Пушкине — я предложил выписать, молодой учитель «со скамеечки» университетской.)

Скажите: Греч, Булгарин и Клейнмихель сделали ли для *образованности русской* столько вреда, как Добролюбов, Чернышевский и Писарев.

Но имена сии и по сию пору «сияют»: тут и Бонч-Бруевич, и Рог-Рогачевский, и Иванов-Разумник стараются. «Хрю» все старается и везде ползет.

«Хрю».

Но ведь это принцип истории? Один из ее принципов.

Мгла. Туман. Сырость.

Господи: это так же вечно, как

Солнце. Свет. Воздух.

* * *

28.V.1915

...и вчера, и сегодня, и третьего дня «две пенташки» Пучек и Варя выбегают ввечеру к рояли, и, спросив — «Можно?», — открывают его и, что-то споря и крича, поют «заглушенными голосами» (боятся помешать папе) какие-то песенки, напевы, тоны...

И смеются... Сбиваются... Опять начинают. «Выходит» и «не выходит»...

И смехи. Особые смехи 14 и 15 лет.

Вот для чего в старости надо иметь детей. «Чтобы» услышать эти смехи, и обрывающиеся песни, и «Таня поступает на Высшие женские курсы», и все суеты молодости.

— Мне бы *«потихше»*. — Им бы *пошумнее*. И за обедом я: «— Не разговаривайте!» — А они так и рвутся «прыснуть смехом». Как я в 15—17 лет.

Пучек взяла Пикквика. «Я думала: буду читать до дачи и в дороге. Но так хорошо, что я уже весь первый том прочла в 2 дня, и не знаю, что буду читать послезавтра. Книги все уложены».

Пучек с 8-ми, даже 7-ми лет, все читает. 7-ми лет она раз 20 перечитала «Дюймовочку» Андерсена, всем рассказывала о своей Дюймовочке, и на несколько лет мы ее прозвали «Дюймовочкой». Она была тогда совсем крошечной. И бывало, выйдя к кофе, видишь, как она спиной и стулом «здесь», а головою — под занавеской — и все читает в раннем утре свою «Дюймовочку».

«Пенташками» же мы их называли потому, что, бывало, Верочка подойдет лениво к сестрам и няне и говорит:

— Давайте в *пенташки* играть («в «пятнашки»: особая игра — догоняют друг друга и «пятнают», слегка ударив по спине догнанную).

* * *

28.V.1915

...вот что: в «*состав брака*», в состав полной его «комплекции» входит таинственным образом между прочим и проституция, в ее глубокой и обширной тайне. Т. е. «отдам-ка я кое-что в себе просто за то, чтобы мне было хорошо, удобно, богато, спокойно». Любовь пылает: и тогда — «отдам *это* только одному». Но она не всегда пылает, — и тогда: «Я *этого* почти не чувствую в себе, слабо чувствую, и пусть *его* возьмет, кому нужно, и за *это* даст мне удобства, покой и обстановку».

Ведь не только многие, но большинство браков заключаются именно так, и потом дают счастье долгое и прочное, с обилием детей, притом очень хороших, т. е. хорошо рожденных.

Брак есть «по любви» и брак есть «по удобно». Половина на половину. И с результатами почти одинаковыми. Здесь привходит одна тайна пола общеизвестная, по которой, кажется, ни одной строчки не написано: что ведь «разрежение электричества» в известный момент происходит *субъективно*, «в том, в ком электричество», и «другая сторона» хотя является возбудителем этого разряжения, «тока», «удара»: но он *все равно* «сойдет», хотя, быть может, чуть-чуть медленнее, и *в той же самой силе сверкания и упоения* (это самое главное) решительно со всяким: и именно *оттого*, что ток и молния — *субъективны*.

На этом, собственно, основывается и упоительность проституции (вначале, пока она не утомила членов), и то, что к проституткам обращаются офицеры и студенты. На этом, наконец, основывается выход замуж за старых: «*наслаждение* все равно будет» (*субъективно*). (Т. е. это узнается потом, уже по выходе замуж.)

(устал и некогда)

29.V.1915

Молодежь ищет шума. Старость ищет тишины.

И шум — поэзия юности. А тишина поэзия старости.

Как противны прыгающие старички. Да. Но и сонные юноши — «фи, как гадки».

Итак, все заключайся в своем стиле. И нет «хороших вещей», а есть вещи «в стиле» или которые без стиля.

Которые не дозрели, кислы и безвкусны.

(1-й день на даче; дети шумят за чаем; ни минуты молчания; я утомлен)

,

Любовь бывает по одной-единственной причине: что «ты — ты».

Больше ни по какой. Если по другой, то это не любовь. Это одна из тысячи теней ее (однако и они очень милы).

”

«Словечки» Лескова все-таки противны. Противно все, что «нарочно». А у Лескова вообще есть много «нарочно». Это уменьшает его гений.

Гений-то у него есть.

∞

«Нарочно» есть и у Толстого: это подмеченные Кон. Леонтьевым грубости натурализма, совершенно *нецелесообразные* (все «дергал локтями», в 11-й раз) и психологическое подсматривание, переходящее в подозрительность и наконец в клевету. Напр., в «Севастопольских рассказах» два генерала верхом, трусящие жужжащих пуль, но тщательно скрывающие это друг перед другом и удерживающиеся, чтобы не наклониться к луке седла. Нынешняя (1914 г.) война показала, какие они «трусливые».

Это недоверие и неуважение к человеку, предрасположение не уважать его (гоголевская черточка) была у Толстого вечно, с юности. «У меня героев нет». — «Врешь, братец — он есть: это твое разросшееся, преувеличенное Я».

Я люблю писателей с героями. Это добрые, милые люди. Они близки к Гомеру, у которого не «героев» не было. Отличное время. Счастливое время.

””

Пафос Лескова — дрема народная. Все бесформенное, все «ранги» и «положения», манит его, нравится ему, симпатично ему. Поп Евангел, майор в отставке Форов.

Как «в отставке» — так отлично. Это глубоко русская черта, т. е.

глубоко русское сочувствие. Русские любят «отставных» и у русских «отставные» действительно лучше служащих. Они мягче, добрее. А ведь это суть Руси.

«Суть Руси» быть в отставке? Странно. А ведь это немножко действительно так.

«Быть в отставке» значит быть вне истории. А ведь, ей-Богу, ей-Богу, ей-Богу, мы и не хотим или, вернее, нам не хочется еще истории. Мы до нее не доползли и пугаемся подползти. «История» — быть «в ответственности», а мы это-то и не любим.

Даже очень.

— Ну ее к черту, ответственность. Кто прав перед Богом? (Это и Мордвинова вечно пишет мне.) Посему мы «суда не любим» и «в корне отрицаем». «В грехе слаще». Слаще, теплее и лучше.

Петр употребил нас к истории, и его непосидчивость есть самая несносная черта, — именно та, за которую русские никак не могли его признать «русским». «Что за русский человек, который вечно бегаёт, спешит, торопится». Действительно не национально.

Лесков — ведь до Петра Великого, «официальной России» не признает и не знает; или, точнее, он и официальную-то Россию как-то признает и любит старым московским манером, т. е. в высшей степени неофициально, не манерно, без «ранга» и «службы». В самую свою официальность (ибо он не против чего не бунтует) он внес таинственным образом неофициальность. Так, старушка на окраине города любит и гордится, когда по ихней улице «проехал господин Полицеймейстер»: но почему, за что и как — это никому непостижимо.

«Чтобы везде был порядок». Русские любят «порядок», как атрибут тишины, ее корень и последствие, и, собственно, по этой причине они так консервативны и устойчивы, не любят «новшеств». «Власть и законы чтём» — ибо иначе нас разграбят и убьют. Чего, естественно, мы не хотим. Это правильный и прекрасный консерватизм, без усложнений и хитростей Шатобриана, Жозефа де Местра, Меттерниха и Кон. Леонтьева.

Русский консерватизм — просто «бабье лето», т. е. когда вместо холода и дождей сентября-октября продолжается тихая и теплая августовская погода. «Так лучше». Конечно, лучше. «Удобнее». Конечно, удобнее.

Вот это вечное «бабье лето» поет и Лесков; его ждет, его хочет; иное отрицает. Его жестокое отрицание 60-х годов («Некуда» и «На ножах») вытекло отсюда, и именно в нем оно глубоко органично, вытекает «из всего», и, наконец, морально глубоко право с его индивидуальной точки зрения. «Не хочу непогоды, хотя и сентябрь», «не хочу бури, холода, хотя и октябрь». — «Я своей Русью доволен, — ну вас к черту», — ответил он энергично и прекрасно Чернышевскому и «Современнику». У него это было вполне прекрасно и верно, ибо это был его «стиль», стиль бабушки или тетушки Лескова. Замечательно, что у него таков и портрет: он не «литератор» на портрете, а какая-то наша общая русская «тетушка». Молодец, и славно. Упорная русская тетка.

Негодяи кричали о его «клеветничестве на молодежь». И до сих пор пишут о необходимости разделять Лескова «Некуда» от Лескова «Запечатленного Ангела»: тогда как разделять его невозможно, тогда как это сущий монолит, и в «Некуда» (не читал пока) или особенно в «На ножах» явно кипит и негодует за всю старую Русь, за всю прекрасную Русь создатель «Запечатленного Ангела». Эти господа со своей «молодежью» должны помолчать перед Лесковым, п. ч. он дал кое-что получше и по-вековечнее молодежи, которая «такая» в одном веке и «другая» в следующем веке. Его «Скоморох Памфалон» — вечная вещь, за которую Лескову должно быть благодарно *все человечество*. Да. И нисколько в поощрении «наших критиков» он не нуждается.

Гишиус (учитель словесности в Стоюнинской гимназии) хорошо нынешний год взял в предмет актовой речи: «Н. Лесков». Работа о Лескове Волынского, к сожалению, прошла незамеченною, как и вообще все как-то глухо и невнятно говорит и говорил этот критик. «Не удался» у свиней-русских. «Замолчали». Но лет через 25 Лесков будет поднят из ряда «второстепенностей» русской литературы и займет как *совершенно равный* место с Тургеневым, Гончаровым, Островским и вообще корифеями.

Неприятно о нем говорить этим чуждым русскому понятию словом («корифей»). Нет — он русский. Русский из русских. Его «Чертогон», «Колыванский муж» — изумительны. Дени-Рош превосходно перевел его на французский язык и мне устно восхищался «Чертогоном». «Чертогон» удивителен. И сколько тут русской жизни и русской сути сравнительно с «орхидеями» Тургенева...

Орхидеи поблекнут. А наша черемуха будет вечно пахуча.

”””

Гоголь дал Протоζѡа * русской действительности.

В этом *сила* его.

«Все» его...

Как это забыть? Как *не с этого* начать обсуждение? Гоголь неувядаем.

Есть ли Протоζѡа у других народов? Да. Я думаю — у всякого.

У француза — самолюбие и самовлюбленность (?). У англичанина — конкуренция (?). У немца — размышление о выеденном яйце.

Но Гог. действительно был односторонен и (в окончательном счете) не умен: он гениально и истинно выразил Протоζѡа русского бездушия, русской неодушевленности, — те «первичные и всеобщие формы», какие являет русская действительность, когда у русского человека души нет. Но это лишь одна сторона: он не описал и не выразил (хотя, по видимому, «вдали» увидел) тоже сущие у нас Протоζѡа нашего одушевления, нашей душевности и притом гнездящиеся решительно в каждой

* протозоа, первоначальная жизнь (греч.).

хибарочке в странном соседстве и близости около дикости и грубости (у нас — брат Митя и Верочка, в соседстве — портной у Бут.— Марья Павловна). Гоголь их скорее угадывал, чуя своим удивительным нюхом (лирические отступления в «Мертв. душ.»), но, конечно, это слишком мало и даже совершенно ничтожно около вечных отрицательных изваяний.

Петр и Иван Киреевские, Серафим Саровский,— и все те, которые приходили к ним с горем, скорбью и умилением,— они СУТЬ Руси, и они никак не выводимы из Гоголя и не сводимы к Протоџѡа Гоголя. Это — новое, другое. «Се творю все новое»... Состоит ли Русь и, главное, выросла ли она из мошенников или из Серафима Саровского и Сергия Радонежского — это еще вопрос, и большой вопрос.

Дело в том, что не Гог. один, но *вся русская литература* прошла мимо Сергия Радонежского. Сперва, по-видимому, нечаянно (прошла мимо), а потом уже и нарочно, в гордости своей, в самонадеянности своей.

А он (Сергий Радонежский) — ЕСТЬ.

* * *

30.V.1915

Писать письма не полезно. Это перенесение нашей души *вдаль*, к *другому*, в какой-то *чужой дом*. И хотя письмо несколько уродняет нас с *другим*, но тут так мало уроднения, что не вознаграждает за то, что потерял у себя и вокруг себя.

Надо жить *тут и в себе*. Это великое мастерство, великое умение, которого почти всем недостает. Нужно находить великое счастье,— не великое, а величайшее, самое великое,— у себя в доме, с ближайшими людьми. Нужно любить не «ближнего», а «ближайших». И вот кто нашел силы и умение быть счастливым только с ними, тот разрешил неразрешимую проблему счастья.

Нужно жить «на миру» как в пустыне; и в каменном доме в Петербурге.— как в шалаше. Это совершенно возможно. И на возможности этого основано счастье для всех.

Оно доступно. Нужно быть только мудрым.

Нужно понять, что наша так называемая «связь с жизнью» есть только мираж, и мешает не только нам, но и «им». Связь эта должна быть истончена до формальных вежливых отношений.

Все люди живут рассеянно, и от этого главным образом происходит их несчастье и всеобщая запутанность всего. Точно спят и «перепутались ногами и руками». Все мешают друг другу.

Мудрый эгоизм. Он не холоден. Он просто благоустроен.

* * *

30.V.1915

Когда мы говорим о первобытных людях, то, следуя географическим впечатлениям путешественников по Африке,— воображаем их

вроде голых негров, охотящихся бушменов или вроде русских лопарей и эскимосов. Воображаем непременно нечто упрощенное, первоначальное.

Так ли это? Из лопарей и негров до сих пор не вышло цивилизации. А русские сложили Русское Царство!

До Рюрика были ли они, как лопари? Дикие? Да, у них не было письменности и не печаталась история, но...

Кроме этого, ведь может быть жизнь просто неописанная. Жизнь без историка, но историческая.

Мне кажется, до Рюрика жизнь была уже вполне историческая. Может быть, сложнейшая и лучшая, более счастливая и мудрая, чем как сейчас «на нашем селе».

Все-таки ведь замечательно, что слагались целые былины. Теперь народ не умеет, нет таланта и «продолжительности ума» сложить целую былинку, т. е. песенный рассказ про лицо Ильи Муромца, Добрыни, Святогора, Василия Буслаевича. Теперь — частушки. Что-то коротенькое и обрывающееся в начале же.

Явно ум был широкий, большой, спокойный.

Была ли торговля? О, да. Изделия? — Кустарная промышленность. В ней важно, что все «самими выдуманно» и ничего нет заимствованного. Творчество явно было огромное.

Последующая «история» или «так называемая история» скорее придавила народ. Пошли «порядки» от более умных и более сильных людей. Людям стало теснее, люди сжались. Заскучали люди и перестали петь песни и рассказывать сказки.

Не очень хорошо.

Я не люблю истории.

Теперь еще: как же они так жили, без исправников, становых и полиции? Казалось бы, невозможно. Ведь теперь все развалится и друг другу перекусает носы.

Тут и есть самое главное. Явно люди были добрее и упорядоченнее, чем теперь, — были врожденно благообразнее и спокойнее. Была гармония благородно рожденных людей, — белых хлебопашцев.

(устал писать: в Белом, Смоленск. губ., когда я приехал туда в 1892 г., было 3000 жителей и только одна «Кривая улица». Но ТАМ ВОВСЕ НЕ БЫЛО ВОРОВСТВА, и брат Коля, директор гимназии, мне рассказал, что, когда в квартире работали плотники или маляры, он никогда не запирает стол с деньгами и оставлял на столе кучки серебра, иной раз бумажку, — и меди, без мысли, что кто-нибудь украдет. И за 10 лет его службы этого никогда не случилось)

* * *

1.VI.1915

ТАЙНА — так наиболее соответствует называть половые органы, половую сферу, вообще — пол. Соответствует наиболее его само-одева-

нию, само-выражению, которое почти все заключается в одном: НЕ ВИДЬ меня, в конце концов «не знай меня».

Пол есть наиболее «умопостигаемая вещь».

* * *

1.VI.1915

Книга Флоренского («Столп и утверждение истины») в каждой строке сладка. Но у нее есть 1 недостаток: она написана человеком 30 лет; и является подозрение: *откуда и как* он набрал столько сладости в свою душу,— сладких мыслей, сладких чувств — и далее как вывод, опять же «подозрительный»: суть ли это *выбор* его души или *украшение* ее?

Является подозрение, что книга есть великий стиль великого стилиста. А не жизнь и дело, т. е. настоящая серьезность.

Не знаю. Колеблюсь.

∞

Но «Столп» есть огромное явление нашей умственной жизни: он равно принадлежит богословию, литературе и философии.

Самое важное, однако, во Флор.— «я», «человек». История его женитьбы, мне рассказанная в письме, по красоте и глубине просится в средневековую легенду.

Сожаления достойно, что некоторых очень важных своих мыслей (и наблюдений) он решился *никогда* в жизни не печатать и вообще никак не высказывать. Сохранить их в абсолютном молчании и неоповещении кому-либо. По-видимому, он этого не хочет, чтобы не «запутать ум людей». Он очень благожелателен, очень старается воспитывать и научать (*educare et docere*).

∞

Но если и есть «стиль», то это со временем испарится. Его слабая сторона — «гордыня церковная», его лучшая сторона — простота и смирение («костромское уездное начало»).

Он глубоко любит Россию и русских.

* * *

2.VI.1915

...вот что еще: кто же из двух «праздник» и кто «буддень», т. е. в ком *суббота* и в ком *шесть дней*.

Я говорю о муже и жене, мужчине и женщине.

Странно «праздник» и «буддень» перемешаны в обоих. Заповедь *труда* и труд *буддня*,— наказание трудом за грех,— дано Адаму, т. е. мужу и мужчине. «В поте лица твоего будешь добывать хлеб твой».

Это шесть дней будней. Так явно.

Женщине хотя не сказано, но предоставлено — нравиться, украшаться, «быть помолвленной», выходить замуж, любиться с мужем и рожать детей.

Явная «суббота»,— празднование существа своего, организации своей.

Но вот именно в этой части «своего праздника» женщина несет нелегкую беременность и страдальческие и опасные роды. Муж же «ничего».

Здесь так явно, что муж субботствует.

Так. обр. мы получаем:

- 1) у мужчины — шесть дней,
- 2) у женщины — седьмой день,
- 3) но в этом седьмом дне есть какой-то «седьмой час», «субботный час»: и уже господин его — мужчина. Который не причастен в 24 женских часах никакому страданию, которое присуще женщине.

* * *

2.VI.1915

В чем, так сказать, магия книгопечатания, отрицательная магия? Буквы, каждая напечатанная, потеряли лицо свое и с ним душу свою. Буквы стали неодушевленные и все строки неодушевленные, и вся страница, и целая книга. Книга неодушевленная!!! — черт знает что такое. Труп, разложение, вонь. Ибо ведь по содержащейся-то в ней мысли книга есть одушевленное из одушевленного.

И вот это одушевленное из одушевленного передано через машинные знаки. Граммофон раньше граммофона. Как граммофон убивает пение, так «книгопечатание» убило содержание книг, это пространство духа летящего и трепетание воздуха под крыльями. «По рукописи» я чувствую *его*, по печати — *автора* не чувствую.

Магия письма исчезла. Книга есть а-магическая рукопись,— рукопись с «убитым в ней духом».

Почерк, каждый,— личен, особенен, не отвлеченен. У Рцы и Флоренского почерк как «паучки бегают по бумаге». У Мордвиновой — как тонкие протянутые паутинки. И смотря на почерк и просто *читая* письмо — я не только узнаю мысль, передаваемую в письме, но я «магируюсь моим другом», испытываю влияние от его души, ибо на меня падают тени от его души, зеленая тень, фиолетовая тень, коричневая тень (Рцы), палевая тень (Мордвинова). Я «в его веянии», а не только «читаю его письмо»: и когда читали без печати Нестора или Виргилия, то Погодин или Строев или Поджио и Филельфо переселялись душою в XI век Русской Истории, в Августовский век Рима.

Теперь мы знаем только наш XIX век. И есть Нестор XIX века и Виргилий XIX века,— более звуки, чем суть.

Пока не затянулось все нигилистом, который:

Ничего больше не понимает и ничего не любит.

3.VI.1915

«Универсальная отмычка» — это превосходно. Зачем же существуют замки, когда их все открывает знаменитая «универсальная отмычка», с которою, без сомнения, знакомы кроме сыщиков — и воры. Замки защищают только от «нас», но «мы» — не воруем. Для Шерлока, Пинкерт и, очевидно, воров — замков не существует.

В один день читал «Песни революции». Ц. 25 к. Издание книгоиздательства «Народное дело» и «Человек о 3-х пальцах» (серия Пинкертона). И насколько второе лучше, благожелательнее, чище, в обыкновенном и простом смысле, чем обманные «Песни революции».

Последние с нотами. «Варшавянка» и «Вставай, подымайся» (на которой ловил нас Григорий Петров). «Дубинушка». Из авторов песен по крайней мере один иудей — Тан (он же Богораз). Но и Диль-Тальх, Гер, П. Эдиет, Вельде — едва ли тоже не Моисеева закона, и во всяком случае — не русские. Да и русские ли Е. Чернский, А. Н. В-ский, Георгий Черный? Все эти жидки и полужидки призывают:

На бой кровавый,
Святой и правый,
Марш, марш, вперед,
Рабочий народ!

Но мне кинулось в глаза следующее: упоминаются, конечно, «троны» и «короны», упоминаются «князья и бояре», дворянство и, наконец, — купцы. Как же не сказать *при чистосердши* — «купцы и банки», «коммерсанты и банкиры». Но о банках и банкирах ни гу-гу.

Старый строй разрушал капитал-властелин,
С корнем рвал он дворянские роды.
Мужиков и ребят из родных палестин
Гнал на фабрики, верфи, заводы.

Где дворянская жизнь, что лилася рекой?
Уж не гнутся на барщине спины:
Правит Русью купец золотою мощной,
Мужиков превратил он в машины.

Знать, английский урок не пропал — пошел впрок,
Поумнел наш российский купчина.
Лишь рабочий порой вопрошает с тоской:
«Что тяжеле — соха аль машина?»

Без бояр, без дворян оказался наш царь.
Кто поддержит тебя, сиротина?
Кто опорой тебе будет в новой судьбе,
Кто заменит тебе дворянина?

Но наш царь не сплосал, он купца обласкал.
И купец ему ныне опора.
А российский мужик уж к машине привык.
Его гложет купецкая свора.

.

За волною волна поднялась от сна —
Люд рабочий бушует, как море.

Он разрушит вконец твой роскошный дворец
И оставит лишь пепел от трона,
И отнимет в бою он порфиру твою
И порежет ее на знамена.

Фабрикантов-купцов, твоих верных сынов,
Точно пыль он развеет по полю,
И на месте вражды да суровой нужды
Установит он братство и волю.

Хорошо. Яблоньки зацветут. Но позвольте, где же банкир? Купец хоть встает рано, заботится, улаживает отношения к рабочим. Чтó можно представить себе добрее ясного Давида Ивановича Морозова, который, имея большие миллионы в кармане, был прост и непритязателен, «как мы с вами». Как *работает* Дим. Ив. Сытин. Да не меньше каждого рабочего, — при уме явно гениальном. Суворин был *отчасти* купец, и не имел и не хотел одного часа беззаботности. Не отрицаю, «заботится» и банкир: но какою-то отвратительною формою заботы. Банкир — ростовщик, суть банка есть суть роста. Банк дает «ссуду под %», — суть обыкновенного закладчика, обыкновенной закладчицы. Между тем чтó такое «миллионы Морозова и Сытина» около миллионов Ротшильда, Блейхредуэра, Мендельсона, Ротштейна, Вавельберга (на Морской). Все государства, т. е. (плательщики налогов) *все народы*, платят банкирам, в задолженности у банкиров, которые тоже не произносят «с тоской»:

«Чтó тяжеле, соха аль машина?»

Но вот *русская* революционная песенка обошла молчанием и петербургского Ротштейна, и Вавельберга, и берлинского Мендельсона, и Блейхредуэра, и парижского Ротшильда. Да *отчего?* Да песенка-то сложена для чтения русским, а написана она *евреем* Таном-Богоразом. И русские купцы, как и русские дворяне и «троны», Богоразу не родня, и ему «все равно», а Вавельберг и Ротшильд едят те же «кугли» и «мацу», как и Богораз в свою пасху, — и он так же волнуется около Менделя Бейлиса и благородного офицера Дрейфуса, как и Ротшильд. Но Ротшильд платит деньги подкупным газетам, а Богораз участвует в подкупных газетах.

Бедные русские студенты, бедные гимназисты и несчастные рабочие: какая длинная петелька, *издали* брошенная, затянулась над вашими шеями. Как понятен «на две руки работавший» Азеф, — который и по сю пору оставался бы во главе «боевой организации социал-революционеров», не проболтайся тогда Лопухин. Да они все, оно всё, «еврейство в революции», было коллективным Азефом, безличным Азефом: ибо по существу их цель — «передушить русских русскими же руками» — есть просто задача исторического еврейства, которому чтó до «Ярослава Мудрого и Александра Невского и Сергия Радонежского»?

Богораз,— скажите по правде: что́ вам Сергей Радонежский?
Или, может быть, он очень дорог Айхенвальду, Гершензону и Венгеру?
Скажите, господа, с полной искренностью. Вы только полную искренностью можете поправить свое дело в России, которое, кажется, становится плоховато.

* * *

3.VI. 1915

Сколько слов и как мало мыслей.

Всюду. В разговорах. В печати.

Что́ такое «Кроки» (не понимаю), «Наброски», «Штрихи», «Зигзаги». Это любимые теперь заглавия. Объединенные в одном подразумеваемом: «Почти ничего».

Что́ это? Почему? Как сделалось?

Душа человеческая распалась на слова. А мысли? — «Не можем».

Самые слова теперь потеряли одушевление, протяженность. Слова стали без теней, без «подробностей».

«Отец» теперь вовсе не то значит, что при Пушкине. Уже не говоря о Риме и Библии, «отец» теперь стал коротенький и глупый. И его никто не уважает.

Ужасно.

Угасло уважение ко всем вещам.

— А ты, Розанов, все воешь?

— Вою.

* * *

3.VI.1915

«Революция русская» рассчитана была на «большую массу». Так ведь оно и вообще, но тут произошел особый оттенок. «Вообще» восстанет масса: и отчего ей не быть очень достойной. Физическая масса населения и есть достойная. «Русский народ» строил царство. Но революция, которая задумала «опрокинуть царство»,— «разделатъ *назад* историю», «вперед» и вместе «назад», очевидно, не могла опереться на созидательный физический народ,— и взято «большинство» не в физическом смысле, а в духовном. Оно поверило и начало воздействовать на то, что в народе есть наименее «прикрепленного к месту», к сословию, к классу, к работе, должности, службе.

Она воспользовалась «беженцами» отовсюду, ех-поп, ех-студент, ех-чиновник, ех-профессор, ех-писатель.

Она воспользовалась худшими элементами страны: и в этом «закале» и уже лежала и лежит ее гибель и вековечная неудача.

Ее поэтами были Богораз, Мельшин, Минский, Надсон, прозаиками Гаршин, Горький и Л. Андреев, теоретиком Толстой-антибогослов: все — 2-й сорт, даже 3-й, необразованность, патология или переродившаяся старость.

Практическим деятелем, самым сильным и в самый расцвет,— Азеф (глава «Боевой организации»).

Неудача. «Вкусно» не могло быть, п. ч. «пирог вообще был скверно сделан». Она неудачна *en masse*, *en grand*, отнюдь не в подробностях, отнюдь не в частностях. Правительство, которое за нею следило, конечно с самого же начала или близко к началу, знало, что из нее «ничего не выйдет», исключая, конечно, удачные для революционеров эпизоды, отдельные убийства, отдельные смерти и пр. 1-е марта было, конечно, эпизодом, случаем. «Сонька махнула платком»: но это, конечно, не то, что «Букингемский лес двинулся» (Ричард III Шекспира). Никакого и леса не «двинулось»: русский народ остался спокойным. Если бы само правительство не защищало врагов своих,— народ от них и клочков бы не оставил.

Народ русский, в необозримом стане своем, есть, конечно, правительственный народ. Он *сознает*, что «построил Царство», терпением и страданием, как мужик, солдат и поп. И разрушать свою работу никогда не станет.

«Разин» и «Пугачев» — да и те с *неудачею*, ибо масса была отнюдь не за них, были единственными и *последними* формами русской революции. Отвратительная история с Павлом I опять была эпизодом вне общего течения русской истории.

«Сонька напрасно машет платком». Гадость она может сделать. Потрясти царство дура-девчонка никогда не сможет.

Дуру повесили, и эпизод исчерпали.

Заметно или можно предположить (я не могу удержаться от этого предположения), что «революцию позволяют», что правительство само «разводит этот гадкий бульон», чтобы на него слетелись навозные, зловредные мухи, из гадких частей страны, от общечеловеческих экскрементов: и тут гибли, *не распространяясь по комнатам*. «Революция» — «мухоловка» в квартире, очищающая жилище. Только с этой точки зрения понятны множество явлений, из них первое — *вопреки закону* (мне председатель цензурного комитета сказал закон) — допущение все время множества социалистических журналов и газет. «Пусть будет 6 мухоловок». Короленко, Мякотин, Пешехонов — все Азефы «без казенного жалованья». «Дешево и сердито».

Через них правительство *высасывает* мерзость из страны,— народное и государственное предательство,— и отправляет, «где ему надлежит быть». Дело очень просто.

Теперь еврей? Да правительство радо-радехонько, что их столько в революции. Революция погубляет евреев, а еврей погубили революцию. Через революцию они просто выкидываются вон,— т. е. теряют отвратительнейшую свою сторону, высасывание экономических сил из народа. «Революционность» их дает «формальное право» отделаться от экономически неблагоприятного элемента. С другой стороны, правительство вполне основательно рассчитывало, что русские почувствуют

отвращение к самой революции, т. е. выздоровеют от нее, видя, что, в сущности, без малого вся революция делается не русскими, а чужими, пришлым людом. Через это-то именно правительство «связало двух дураков» одним узлом, чтобы процитировать у него за спиною:

И мертвец наш поплыл снова
За могилой и крестом.

* * *

5.VI.1915

— Кто же это будет? — спросил я швейцара Учетного банка. Когда я подъехал к нему, то извозчик мой объезжал перед подъездом карету, запряженную парюю черных кровных лошадей, — удивительной фигурности и упитанности. Дверцы с другой стороны открылись, и вошел в карету очень упитанный белокурый господин с большими усами, удивительно похожий на Плеве в год как его убили.

Я был уверен — директор банка, промышленник, туз. «Господи, он меня раздавит!»

— Биржевой маклер (имя забыл) Да-ви-до-вич Мак-фер-тон, — прошептал мне отдельно через перильца (я уже поднимался) швейцар.

«Биржевой маклер!» Но я думал, это — зайцы. Между тем такого вида и в такой карете я видел только Голубева, председателя Госуд. Совета (с его характерным, бледным, как у скопца, лицом). Морозов Дав. Ив., подъезжал в карете «так себе» и в 1 лошадь (правда, хорошо бежала, — в Москве).

У Елены Сергеевны снял квартиру «на дачу» (3 тыс.) в 17 небольших комнат, правда очень изящных, еврей Хесин, председатель Азовско-Донского банка. Она, больная, почти умирающая, перешла в физический кабинет и лабораторию своей школы, дабы вернуть ту 1000 руб., которую истратила на лечение (4 месяца) и позаимствовала из «школьных сумм». Я радовался, что она нашла способ «восстановить», и, выйдя покурить, соображал: «Может, 1000; если и меньше — то, может, 900 р.» И искренно, сев у кровати, передал ей мои счета.

Она, видя, как я заинтересован, сказала: — «Знаете, сколько я получила — 3000! и деньги вперед и разом уплатили».

Поговорили то, се, и сын ее Коля (студент), познакомившийся с Хесиным, который ему очень понравился («старый, типичный, в высшей степени спокойный еврей»), сказал:

— На отделку новой квартиры своей в Петрограде он потратил 100 000 руб.

Между тем о Сипягине (министр, убит), когда он вступил в должность министра внутренних дел и испросил на отделку квартиры министра на Фонтанке (или на Мойке? — у него 2 квартиры) у Александра III 200 000 рублей — говорили дурно в Петербурге и говорили все, что это испрашивание оставило нехорошее впечатление у бережливого Государя.

Министр русский получает 25—30 тыс. в год; послы в Берлине, Париже и Вене получают 50 000 в год. Митрополит Московский около 70 000 в год (доход от Лавры).

Это все исторические лица — столпы, на которых Держава держится.

Между тем имя «Хесина» я в первый раз услышал от Елены Сергеевны, у которой он нанял квартиру (дачу).

О нем сказали:

— Черный жид, характерный, корявый и умный.

Да, когда к русскому министру финансов, к его товарищу, к директору Государственного банка, к министру промышленности и торговли входит Хесин, Утин, Вышнеградский *, Вавельберг (еврей), то это к бедности входит богатство, к зависимости входит независимость... Всякий министр есть «пока»... Хесин же есть Хесин до могилы. И вот я думаю (я уверен), есть таинственный гипноз...

Зависимое и бедное колеблется и неустойчиво около свободного и могущественного. Есть, говорю я, гипнозы, невыразимые и невыговариваемые, неформулируемые. Слабый сам говорит то, что думает сильный, вперед его говорит... Нет, больше и несчастнее: он *хочет* того же, *любит* то же, *ненавидит* или *равнодушен* к тому же, к чему равнодушен сильный. Он весь в обаянии, в магии сильного, без уговоров, без соглашений, без какого-либо пожелания сильного. И *кажется*, что говорит только слабый,— слабый русский министр,— а тот, сильный, все с ним соглашается и стоит в почтительной позе. Но это так кажется бедному и зависимому, тощему и неумному русскому министру и робкому директору его канцелярии, тут же присутствующему. Есть подспудная история, есть вулканические молчаливые силы. На самом деле в «соглашающемся» — громы, и он все время «соглашается» с собою же, но как бы стоя перед зеркалом,— «соглашается» со своим отображением в нем: а «зеркало» — министр и кажущаяся внешняя формальная власть.

И вот эти «гипнозы» сыграли большую роль в новой русской истории. Они объясняют, почему она вся «обвеяна» евреями и немцами, и Россия под ними — что «мягкое железо», по телу которого проходит паутиная проволока с бегущим по ней электрическим током. «Сырое железо» стало «магнитом» с его чудесными свойствами.

Вот новая Россия, «промышленная, торговая, финансовая и неверующая», «прогрессивная и бездушная», «преуспевающая и валяющаяся набок».

* Пропер «своя своих познаша»: в «Биржевке» за 1914 (1913?) год он поместил к «исполнившимся 90 годам» г-жи Вышнеградской ее потомство; особым гелиографическим способом, в ширину всех 6 столбцов и в $\frac{1}{2}$ листа газеты, мельчайшими и необыкновенно отчетливыми фигурками было представлено около сотни жидищев, жидов и жиденков, жидовок и жидовочек,— вплоть до пансионных платицеф и до красивой формы «гимназии Гуревич»,— имитирующей мундиры Пажеского корпуса... Карточка, очевидно, «семейная» к юбилею, вызвала впечатление испуга: в Ханаане их не плодилось так много, и туки русские для евреев еще жирнее филистимских и аморейских. Мне долго мерещилась эта карточка.

Не знаю, что́ этому поможет. Разве что Михайловский, о котором я слышал, будто он говорил не раз:

— Проклятая черта оседлости! Я как честный гражданин и свободомыслящий журналист не могу нападать на людей, которые ограничены в самых элементарных правах существования, в самых естественных правах,— и вынужден молчать, когда у меня рвется сердце сказать об их отвратительной роли в русской литературе и печати. Я мог бы, я хотел бы: но глупое правительство своим нелепым, деревянным вмешательством мешает...— мешает Михайловскому победить...

Но я думаю, «правительство» в этой борьбе одно понимает и серьезно. Оно не очень рассчитывает на «силу Михайловского» и уже тогда, при его жизни, в пору полемики с Флексером-Волынским предусматривало «по прежде бывавшим случаям», что после Михайловского в «Русском богатстве» очутится на его месте, но анонимно маленький, уродливый, умный, образованный Хесин-Горнфельд.

Нет, господа. «Правительство»-то одно еще сильно, когда мы разлезлись, как вата. Оно — единственно стоит, имеет силу удерживаться; нам следует о всем догадаться и вовремя, пока не поздно, умолить нашего Государя дать министрам не менее 50 000, а министру финансов дать « годового содержания миллион ».

Буря сильна. Вьюга, толще стройте мачту.

(в Учетном стоя при входе)

* * *

6.VI.1915

«Гарри в отеле поджидал Холмса. Час проходил за часом, уже совсем стемнело, а его все не было.

Беспокойство Гарри росло. Он вновь перечел записку, в которой Холмса просили прийти к лесопилке Финкенкруга.

Потом он решился: быстро одевшись и засунув револьвер в карман, он вышел на улицу».

(Холмса минут через 15 распилили бы на лесопилке, где разбойники его привязали к «очередному бревну»,— автоматически подвигавшемуся под пилу.) (Т. е., не подоспей Гарри, «благодетель человечества» погиб бы.)

Вот вещь, которой не заметил ни Ньютон, ни учителя уездного училища (позитивные ученые). Эти «сразу овладевшие мною тревоги» каждый знает,— всякий знает, как «беспокойство с каждой минутой возрастало,— я поспешил и как раз попал вовремя, чтобы спасти» или «спастись». Об убитых: «он весь окружил себя собаками, запорами; все боялся; но разбойник отравил собак и все-таки убил» (убитого). И т. д. *Нужно всегда поспешать*, ибо так называемое «предчувствие» всегда основательно; а что касается до тех, кому грозит смерть, т. е. кто боится быть убитым, то вот рецепт: никогда не оставаться одному, никогда не оставаться в одиночестве, не ездить в отдельном купе (с деньгами, драгоценностями), а всегда в III классе, с тамошней милейшей публикой,

а квартиру свою иметь отделенною только дощатою перегородкой со щелями (без шпалер) от «соседей», с детьми, с бабами, с рабочими.

— Пусть меня хранит мир, люди.

И мир сохранит. Такого не убьют, не зарежут, не одурманят.

Но оставим практику и перейдем к теории, которую не открыл Ньютон. Что же такое эти «предчувствия»?

Гарри был встревожен, потому что Холмс (внутренно) стонал и призывал его имя, его душу, его догадку, его «всякое беспокойство»: и «беспокойство» вспыхнуло в Гарри, как дальнее эхо волн, идущих от Гарри. Разбойники хотят старуху убить, действительно хотят, реально хотят, говорят об этом, советуются, строят планы: и старухе это передается как мрачное настроение, как «необъяснимая тревога», она прячется, запирается, потому что и есть от чего прятаться. Я хочу сказать (Ньютон), что все это реально и нисколько не мнимо, что нет «предчувствий» иначе как в смысле «водяных знаков» на кредитном билете, которых «если посмотреть так — то не видно», а если поставить между глазом и солнцем, то они читаются, в определенных буквах, в определенных словах, действительно написанных.

Петербург наполнен тысячами незримых грамот, сверх «мира видимого» есть действительно «мир невидимый», в нем, в этом самом прозаическом и деловом Петербурге, — но для всех третьих и индифферентных эта грамота не читается и не мешает им жить, играть в карты и переписывать бумаги в канцелярии: а «доходит» она до того — к кому «относится». Но до него «доходит» и его «тревожит»; или — «радует» (далеко кто-то хорошо думает обо мне). Эти «радости» и «печали», «страхи» и «ободрения» невидимо несутся в воздухе, и ими искрещен петербургский мир, гораздо гуще, чем рельсами трамваев и проволоками телеграфа, и их почти столько же, сколько писем в почтовых ящиках, и они все «едут», не мешая друг другу, буквально как и письма на почте не мешают одно другому. Никакой «путаницы» не происходит, хотя воздух сыт и пересыщен мыслями, волнениями, нежностью, любовью, горем, отчаянием, яростью, — «убийством» и «возрождением». Но и вот еще: а в степи — этого нет, в деревушке — нет, в цыганском таборе — нет, в тихой обители монастыря — нет: и попавший туда человек отдыхает, лечится, возрождает, ибо его даже *бок*ом не задевает никакая чужая психология.

«Мир полон духов» — не ясно ли? Воздух трепещет одушевлением — не очевидно ли? Но и еще я не дотянулся до Ньютона: совершенно ложно представление о «душе», как о чем-то заключенном «в мое брэнное тело», твердое и ограниченное, потому что душа есть на самом деле вибрация и неслышная музыка, которая слышна тому одному, кому она играет и кто ее слушает. Душа — любовь, почти половая; душа — «хочу» и «не хочу». Душа — «берегу», «стерегу», «забочусь». Где кончается мое «забочусь»? Во мне ли? О, оно кончается на «озабочивающем меня лице», и, поистине, все существа мира

«в совокуплении», не плотском, а вот в этом духовном, хотя оно как-то близко лежит к этому плотскому и в конце концов вытекает из него. Кристаллы не совокупаются, не рождены, и около них нет этих «дрожащий заботы» друг о друге. Минеральный мир мертв. Но живой мир поистине весь в едином совокуплении: от этого трепещет, боится, нежится, хранит друг друга, и нельзя отколупнуть от него частицу, чтобы не «запечалился он весь».

Итак, моя душа в 1897 г. «в Питере и в Ельце», в 1891 г. «в Питере, Ельце и в Белом» (семья брата), в 1889 г.— в Ельце и Костроме. Теперь, пожалуй, еще более интересный вопрос: как же я «умру», если «меня-то нет»? И еще, пожалуй, более интересный и глубокий предмет: мы стремимся «быть любимыми» — ибо мы естественно жаждем «быть здоровыми», «не умирать», «здравствовать»... И еще и окончательно: будем, господа, любить!!!

Как здорово, как славно! — любить и плотски и духовно, телом и сердцем, волосы и ногу, и даже не забудем ногтей ближнего своего. Ах, Господи: да это заповедь Назарея: «не стриги волос и ногтей». Вот какая древность. Восток знал больше нас. Ибо там, в жаркой Азии, они вечно плескались в теплых реках, на краю озер, и любили священные тела человеческие не по-нашему.

Ах, Господи: мне хочется принести такую пользу, как Пифагор несет открытия своих знаменитых «законов» («площадь квадрата, построенного на гипотенузе прямоугольного треугольника, равна сумме площадей квадратов, построенных на его же катетах»).

Ну, скажешь по-православному: Слава Богу.

* * *

6.VI.1915

Вот что еще: Россия всегда должна оставаться *ens privatissimum*, «всеуезднейшею державою».

Это обеспечение вечности за нею и мировой значительности, важности, ценности.

Мир вечно будет «уезд» и «столица». Но Господь есть Господь, и — Один, и — на Небе. Посему земных Глав он не выносит и одна за другою побивал их, от Вавилона до Берлина. И побьет сейчас же нас, когда глупые из нас вообразят, что «мы — **МЫ**».

Мы должны знать ту и грустную, и облегчающую душу истину, что «мы — **мы**». Что мы ничего особенно важного собою не представляем и существуем потому что «Бог грехам нашим терпит». Тогда мы проживем кой-как, и у нас зародится еще раз, и даже не один Александр Сергеевич...

И песенки, и картишки, и Кольцов и стуколка по 15 коп.

Вот.

И тротуары немощеные. И чиновники ничего не умеющие.

В тот час, когда мы выскочим в Berlinus-alter *, смерть постучится к нам в дверь.

Смерть и позор, смешное. Ибо ничего нет смешнее, как что «Россия стала Берлином».

* * *

6.VI.1915

Из сердца нужно вырвать французскую революцию. Вся Европа XIX в. была под *впечатлением* этой революции, и «цивилизация XIX века» (которая *есть* как нечто особое и нечто целое во всемирной истории) есть лишь «закрепление позиций» и «расширение позиций» французской революции.

Горе, что она была не из священника, а из хулигана. «Лакей, сбежавший от барина и вернувшийся к дому его и поместью, чтобы сжечь его» — суть революции, от края до края и от вершины до глубины.

Ну, а от лакея не родится ничего, кроме «лакейской цивилизации». И такова Европа с парикмахерской техникой, с «происхождением человека» и проч. и проч. С Наполеоном и его маршалами, как суть «швейцар с булавой» и линия «официантов».

Забыть...

Забыть ее...

Забыть все...

Европа должна быть совершенно новою. Тихою. Богобоязненной. Нищелюбивою. Помнить о смерти,— особенно!! Пользоваться жизнью — скромно. Жалеть сирот, сострадать нищему.

Многоплодною. Детолюбивою. М. б., многоженною. Не знаю: если это *умеют* (великое и трудное мастерство).

* * *

6.VI.1915

«DELENDA EST CARTAGO» **.

— КОНЕЧНО,— ПРАВИТЕЛЬСТВО ВИНОВАТО,

что «на Шипке все спокойно».

Этот художник (забыл имя) нарисовал действительно удачно,— как засыпает снегом часового на Балканах. Такие *были*. Герои — умирали здесь и в других местах, не ненавидя, не проклиная, а засыпая вечным сном «за Царя и Отечество».

Жиды не умирали. «Вестник Европы» не умирал, и теперешний «Современник», и «Северные записки», и вообще «они»...

* другой Берлин (*лат.*).

** Карфаген надо разрушить (*лат.*).

Но как «они» воспользовались картиной. Тонет ли подводная лодка, «Русские ведомости» восторженно:

«На Шипке все спокойно».

Вот я от Коли Левицкого слышал слова, переданные со слов Гессенасына, его товарища по университету:

«У нас все скрывается. С Карпат было паническое бегство русских. Но нельзя писать. Говорил Гессен, а у них в Речи все знают, из самых достоверных источников».

И Коля вторит. Поверил. Я не мог возразить и сказал только: «У русских и нельзя объявлять всей истины о войне, ибо у нас нет гражданского чувства, и факт несчастья, отступления, бегства (чего не может случиться?) вызовет усилия распространить и утяжелить уныние и вызовет злорадство и подленькие анекдоты».

Сегодня прочел (не скрою, в «Русск. Ведомостях»), что там (по сторону Карпат) взяли в плен более 800 офицеров и около 40 000 немецких солдат в последние, в эти дни, а за последние 2 недели немцы потеряли до 150 000.

Посылаю Левицкому лист газеты с этим извещением. Но вспоминаю: «На Шипке все спокойно».

Что же, художник не знал, что он пишет в XIX веке и пишет для России? Что он пишет после Гоголя и Грибоедова, который о московских девушках, любивших русские войска, только написал лакейское:

Кричали женщины «ура»
И в воздух чепчики бросали.

Талантливый был человек. Бесспорно. Но уж лучше ему быть без таланта. Ведь случалось и Смердякову говорить остренькие словца, и он спел романс, в своем роде бессмертный.

Художник вздохнул, как вся Русь. Его рисунок — вздох. Но «орава» не поняла этого, не оценила, не вдумалась: о, она не «умрет на Балканах», «за Царя и Отечество», а, предводительствуемая Гессенами и Винаверами, заорет:

CARTAGO EST DELENDA
— ПРАВИТЕЛЬСТВО ОПЯТЬ ВИНОВАТО.

Сколько раз, в месяц по разу, мне приходилось читать этот «приказ» — *На Шипке все спокойно* — при всяком несчастье у русских, при всякой слабости, при всяком опущении. И как радуются и потирают руки...

Господи: хоть бы этим ненасытным дали наконец вице-губернатора, ну даже губернатора — и они бы успокоились и замолчали.

Молитва моя будет:

«Господи, устрой, чтобы Винавера устроили в губернаторы».

* * *

6.VI.1915

Любовь — главное. Любовь огонь. Тепло. Все. Любовь греет.

Ведь главная задача — убежать от холода. Как же мы могли возненавидеть Россию, проклять свою родину, возненавидеть «самый состав русского человека», речь его, голос, звук, дыхание.

Как смела родиться сатира. Как ей позволяют быть. Откуда эта печать? Откуда все.

За XIX в. было рождено столько злобы, сколько не было от начала мира до XIX века. «Эпоха лакеев».

Чем их бедных обидели?

— Зачем везде цари? Нам больно.

Другой бы порадовался, что другой «в цвете»: но злому «цвет на другом» — смерть самому.

Уроды.

И оттого, что безбожники.

* * *

7.VI.1915

Мужчина — «я».

Женщина — «твоя».

Милосердие, самоотвержение, нежность, привязчивость, воля «иметь от тебя детей» — все есть следствие того, что женщина не содержит в себе «зерна» и «я». Наоборот, мужской эгоизм, жесткость, черствость, твердость — броня около ценного «зерна», «я».

Но замечательно, что все это предупреждено в Библии, в рассказе ее об отдельном сотворении сперва одного Адама и потом отдельно Евы. В поразительном рассказе этом предопределена вся будущая история человечества. Посмотрите: сотворяется Адам — один. Евы вовсе нет, и этим сказано, что она и «не нужна». Что значит «не нужна Ева»? Не нужно семьи?! Ни об одном существе этого не сказано, только — о человеке. Но ведь и в самом деле существенная жизнь других существ проходит в размножении, около которого «еда» есть что-то воспособляющее, — ежедневная подпорка, а не то, что «опирается», «сущность». Сущность — размножение. И тогда как же без самки? И вот Бог сотворяет все существа парами, парными. «Гусь — гусыня», «бык — корова», «боров — свинья», «кобель — сука», «баран — овца».

Но — Адам.

Один.

Мужчина — явно! Явно, что это мужчина. О котором самым сотворением Бог изрек: «он может быть и один».

Без жены? Без семьи? — Да. Плодовитая Библия, однако, говорит: «Все существа будут множиться, ибо без этого они — без сущности». Но человек: — сущность его в другом.

В чем?

Всемирная история ответила: сущность Адама-мужчины есть сотворение дел исторических: войны, походы, построение городов, построение царств, мудрость, философия, наука, песни, поэзия, культ.

Вещей так много, что что же такое около них семья? Вещь настолько незаметная и малая, что все законодательства, и не одно теперешнее, едва замечают «человека с семьей» и дают ему уголок в законодательстве, а не все законодательство. «Семейное право» меньше не только «построения государства», но оно даже короче, а в сущности, и поверхностнее подробно разработанного «гражданского права» и подробно разработанного «уголовного права».

— Рубль важен, ибо без рубля никто не может обойтись.

— А жена?

— Без жены многие же обходятся, и Библия сказала, что без жены вообще можно обойтись.

Вот откуда вечная грусть женщин и что они часто плачут: они как-то неизъяснимо обойдены, обездолены в самом плане сотворения человека. И — в плане всемирной истории. Действительно, нельзя отрицать, что все «сотворенное человеком», царства, мудрости, поэмы, «Адам» сотворил «один», без помощи и содружества женщин. Даже по преимуществу он и *творил-то*, когда был один, «сам», и «одно Я».

«Я» мужчины — в гору величиной.

«Я» женское... да оно просто прислонено к мужскому «я».

Они плачут. Господи, я бы заплакал.

Теперь, смотрите же дальше, и горесть еще увеличится: Адам «восхотел», у него была «нужда», определенная как у всех самцов. И только единственно поэтому и для этого ему дается Ева. «Ибо нехорошо человеку (мужчине, Адаму) быть одному». Сотворение женщины чисто служебное и второстепенное. Как не плакать? И ей дана красота, чтобы она нравилась мужчине. Просто как бы сказано: «Ты алчешь — вот тебе кусок». *Horribile dictu* *. Но плачь или не плачь — а так написано.

С тех пор женщины все «стараяются нравиться». А которая некрасива — убиваются (плачут). «Судьбы не выйдет». В чем??? Боже, что такое за существо без «судьбы», если она «не понравится». Господи: нет своего зерна. «Я буду развивать зерно, которое *ты положишь в меня*» (замужество). Странно. Страшно. Горестно.

Адам строит царства... без женщины. Ева не может даже построить в себе дитя без Адама. Без Адама она просто — «ничего».

О, как понятны проститутки, бегущие в морозную ночь по улицам.— «Зерен! зерен! Мы — пустые! Если не нашлось мужа, который положил бы в нас зерно и *запомнил это и возлюбил свое дитя*, — пусть он положит хоть на ходу и забудет, забудет и мать и ребенка! Зерен, зерен... Голодны, голодны!!!»

Ужасно. *Horribile dictu*. Но написано.

* Страшно сказать (*лат.*).

«И к мужу влечение твое» (слово Божие Еве). Т. е. «ты будешь любить серьезно, длительно, тоскуя, плача — Того, кто будет класть в тебя зерна». А он? О, это «он» романов, песен, песенок и повестушек: погулял, понравилось и положил зерно. Адам весь выражен в восхищенном восклицании при виде Евы: и таков мужчина с тех пор — он восхищается, очаровывается, влюбляется. Но не сказано: «и к жене — влечение твое».

Любовь мужчины преходяща и временна. О, какой это ужас. Это вечный «Наль», играющий в кости, проигрывающий целое царство. Спортсмен и шалопай. Нельзя не согласиться — талантливый.

А Дамаянти любит, плачет, не может удержать ни от чего худого своего спортсмена. И когда он разоряется и скрывается от полиции, она бродит по грязным трущобам, чтобы отыскать его.

«П. ч. он кладет в меня зерна, и я расту, только если он хочет меня».

Боже, какая зависимость, Боже, какие слезы.

Таким образом, в то время как сотворение всех других живых существ ясно и положительно, отчетливо и позитивно, включив в себя определенную и короткую задачу,— сотворение человека исполнено скорбных многоточий, знаков препинания, восклицаний,— и вообще смутно и мистично! — «Ничего нельзя понять», «ищу и не нахожу, страдаю и не знаю почему». Нельзя не сказать, что в сотворении человека заложена в самом начале трагедия, трагическое начало, тоскливое и недоумевающее.

«Жена, но не нужна»,— «без него не могу быть: но как многим приходится быть без него», «люблю, а он не любит», «Наль и Дамаянти», «Улис и Пенелопа» и даже легкомысленный «Граф Нулин».

Даже Грибоедов с пошлым «Горем от ума».

Пустяки и страшное. Водевиль и поэма. Грибоедов и чудный персидский поэт Саади и Гафиз.

И Лермонтов.

И над вершинами Кавказа
Печальный демон пролетал.

.....
.....

(в Вырице хозяйка, жена чиновника, весь день ходит с двумя коровами, пасет их; развела козок; две собаки; и сказала нашей Домне Васильевне: «Я уже 9 лет замужем, но у меня нет детей. Если бы были дети — разве бы я ходила в такой грязи. Но нет детей. Что же я буду делать? Муж на службе, а я хоть похожу за коровами»)

* * *

7.VI.1915

...что же, мать продолжает свое дело, и супружеское и материнское, а я подслушиваю. И знаю все не внешним зрением, как другие (медики и романисты), а внутренним.

Вот мое ведение. «До-рожденное».

(«лежу в утробе матери и не хочу родиться», см. «Уед.»)

* * *

7.VI.1915

Как я родился?

А вот как: люблю водевиль, а живу в трагедии.

— Неужели вы любите водевиль?

— Люблю.

— Водевильчик??

— Именно водевильчик-то и люблю.

Ведь я маленький и коротенький. Мне длинного не нужно.

— И смеетесь?

Редко. Я люблю наблюдать водевильчики.

Кинематограф тоже люблю. И Шерлока Холмса.

* * *

7.VI.1915

Такая ненависть к полиции. Да отчего?

Меня бьют. Я кричу. Прибегает полицейский и связывает руки бьющего.

Ограблен — жалуюсь в полицию. Полиция ищет вора и разыскивает краденое.

Убит? — Полиция ищет убийцу.

Пожар? — Полиция тушит огонь.

В чем же полиция виновата и почему ее ненавидят.

А все ненавидят.

Ах: она хватает и революционера-пропагандиста.

Вот в чем дело. Революционеров обидели. И они бедные $1/2$ века кричат, что полиция в России никому жить не дает.

Мы, конечно, поверили и тоже бросаемся с кулаками на полицию.

Между тем как «из всего государства» одна полиция у всех на побегушках, у всех на посылках, все защищает, всех охраняет. И даже, ей-ей, если «берет» — то в тысячу раз меньше адвоката, который, «конечно, полицейскому руки не подаст».

Ну, я демократ. Мужик. И люблю полицейского.

Я лично встречал только вежливого полицейского, разумеется, до-трагиваясь рукой до шляпы, прежде <чем о> чем-нибудь спросить его. А не кричу издали: «Эй, ты!»

Пусть господа ненавидят полицейского. Я же хочу уважать его как человек, философ и политик.

Он брат мне, и я ему брат.

7.VI.1915

Епископ Феофан, тогда ректор СПб. Дух. Академии, сказал девушке, моей близкой родственнице:

— Когда-нибудь («при полной правде». — *В. Р.*) соединение полов будет не через *совокупление*, а иначе... Бог сотворит иной способ отношения, близости, соединения, — не теперешний. П. ч. теперешний — мерзость, гадок, грех («неправда». — *В. Р.*). *Люди будут жить и множиться*, но не через совокупление, а *иначе*... Бог устроит. Он мудр и всесилен.

Она приняла это исповедание в душу и сказала мне, как резкое возражение на мои темы о браке. Прибавив не знаю — от себя, не знаю — как мысль Феофана.

— Потому-то под Христом лежит бес-сем-енное за-ча-тие.

Сказал, разделив слоги, внушительно и особенно.

Мог ли Феофан научить этому ее? Не есть ли это ересь? Как понять? Как думать?

Учение церкви?..

Об этом отчетливого и отдельного учения церкви нет.

Но казалось бы:

1) Это ликвидирует учение о браке-таинстве... Какое тут «таинство», благословляющее «скверну»? «Скверну» благословить никто не может, и таковое благословение никакого действия не возымает: только «благословляющий» сам «осквернится».

Нет. Явно церковь не учит о совокуплении как скверне, в очах ее, призывающей благословение на совокупление венчающейся четы, — совокупление не скверна.

Но если совокупление не скверна в самом себе, если оно доблестно в природе и существе своем — то церковь только доброе благословение присоединяет к доброй вещи, как и подобает: «благословляю *урожай*, благословляю *хлеб*, благословляю *брак*, благословляю *людей в добрый путь*, благословляю *дружбу*».

Тогда как благословить «ссору», «распрю», «вражду» или благословить «неурожай» и «голод» никак нельзя.

Но тогда каким образом произошло учение о (прежде) «незаконнорожденных детях», (теперь) «внебрачных детях»: в *целой Европе и Америке* большинство таких, не менее $\frac{1}{2}$, *убивается от стыда рождения, позорящего мать*.

Под вечер осени ненастной

все хорошо знают. Попы знают, Филевский знает. Поют и, пожалуй, «по-христиански сострадают», как «по-христиански» они и «врагов прощают», «разбойнику отпускают вину», но на деле и явно осторожно относятся к разбойнику, враждебно — к врагу, а о девушке «таковой», прервав песенку, молчат.

Позвольте: да если «доблестно в самом себе родить дитя», и вы в венчании прибавляете к доброй вещи доброе благословение, то без венчания-то?..

— Скверна (Филевский и другие, все; в основе епископ Феофан; тоже — Дроздов; все, кроме А. П. Устьянского).

Если «скверна» — нельзя благословить, как нельзя благословить голод и распрю.

А если «благословляете» — значит, «не скверна», значит, «хорошо», подобно дружбе и урожаю. Кто же вымолотил и раздавил человеческий урожай?

А он — раздавлен. Детоубийство.

Господи, неужели никто не ответит? Не ответит Филевский, не ответит Дернов? Дроздов?

Никто и никогда.

Боже, отчего молчание? Ведь детоубийство? Неужели это не стоит, чтобы «составить теорийку».

Господи, Господи: или я заблуждаюсь, и тогда убей меня.

Никто. И я не понимаю, как Бог и как люди. Ведь я не настаиваю, я могу и заблуждаться, отчего же не сказать, как надо понимать.

(— «Итак, я прошу вас сказать, по какому поводу, в силу каких соображений ваша сестра доверила вам свою тайну». — «Я не могу, сэр, беседовать на эту тему с вами. Это ведь ужасно! Позорно!»)

Шерл. Холмс. «Голубое пятно»)

* * *

7.VI.1915

Брак есть *уравнение*. Жена единосущна мужу, и муж единосущен мужу. В то же время муж есть «сын своих родителей», и жена есть «дочь своих родителей»: и венчаясь, едино-существовая — они принудительно влекут уравнивание и родителей своих, которые, может быть, «не хотят быть равными».

(— «Какое впечатление произвело на вас признание сестры [в тайном браке]?» — «Вначале я не поверила. А потом, когда я убедилась в истине ее слов, МЕНЯ ОХВАТИЛО НЕГОДОВАНИЕ И НЕВЫРАЗИМОЕ ПРЕЗРЕНИЕ» [сестра, дочь богатого коммерсанта, вышла за шофера]. Шерлок Холмс. «Голубое пятно»)

— Да. Но и любовь имеет права. Тут надо искать какое-то «ни да, ни нет», «и да, и нет».

Так и есть. Дальше следует:

— Утешить сестру? Нет, — с негодованием проговорила дочь денежного туза. Ведь эта свадьба явилась вызовом всем нашим семейным традициям. Он простой шофер, зарабатывающий себе пропитание трудом рук своих! Я в ужасе, когда вспоминаю об этой партии. Особенно меня возмутило то, что он посмел на улице обратиться ко мне как к равной, — горячо продолжала заносчивая богачка. — Именно это и заставило меня нарушить молчание и рассказать всю историю маме...

(«Голубое пятно»)

У нас, русских, и в наш XIX век, глубоко разрушен род,— и девушка точно «выходит не из семьи», а как-то произошла путем «самозарождения», и, погуляв на курсах,— встретила с «милым» и выходит замуж. Наши понятия о браке,— и мысленные и волевые формулы брака,— все приноровлены к этому господствующему представлению. На самом же деле и в глубине вещей «брак» есть «слияние», «уроднение» двух родов, дотоле отделенных и изолированных. И тут, конечно, может быть «не хочу» не только отца-матери, но и братьев-сестер. «Мы тебя, матушка, не неволим — но не неволь же и ты нас целоваться, миловаться и даже хотя бы подавать руку».

* * *

7.VI.1915

Словом, брак церковный,— как оказывается при дальнейших размышлениях,— имеет в себе основания, и есть основание даже для его подробностей, напр. для оглашения («пусть будет всем известно», «не найдется ли кто возразить»,— «кому это больно», «кому это оскорбительно», «кто от этого мог бы потерпеть ущерб»). Так. Хорошо. «Для брака необходимо согласие рода». Но...

Есть большие НО, и церковь должна в них тоже вслушаться.

Есть такие сильные степени любви, что «при неразрешении» оба кончают с собою и просят похоронить их вместе. Раз о подобном случае я вычитал в «Колоколе», и сообщивший — ничего не прибавил от себя к рассказу. Это же ужасно.

В подобных и *приблизительно* подобных случаях брак явно должен быть «совершен», независимо от воли родителей и вообще рода. Ибо где смерть грозит — условия и границы падают. Итак, священник обязан венчать, когда молодые изрекли:

— До смерти. Перед смертью. Молим тебя.

Тогда он венчает: но — с ограничением. Он должен под клятвою спросить и затем письменно просить подтвердить:

— Отрекаемся от рода своего. Основываем новый род. И от старых родов наших ничего не требуем, ни даже <не> будем носить его фамилии.

Священник записывает их в книгу с новыми фамилиями и посылает родителям уведомление, что сын и дочь таких-то умерли для их рода, как умирает для рода вступающий в монашество.

Отсечение, расторжение связи.

∞

Вообще, я думаю, около «истового брака», «столбового брака» должны быть в некотором роде «степени» и «тени», «неполнобрачие», «тайнобрачие», вплоть до совершенно никому не объявляемых сожитий: дети же все «рождаемые» («довежу ли Я до родов и не дам родить»,— говорит Господь — одно из пророчеств) суть тем самым вполне «законные».

* * *

7.VI.1915

«— Кто же это? — начала допытываться я.

— Это Поль Гадлей,— проговорила она наконец,— ты помнишь это имя?

Но видя, что я не сразу могу припомнить, о ком идет речь,— она проговорила нервным суровым голосом:

— Это шофер, человек, который находился на службе у Грахама по самый день свадьбы. Не правда ли, интересный роман?

Только теперь я вспомнила *своего новоиспеченного шурина. У меня волосы встали дыбом, а на глазах показались слезы, слезы стыда и унижения*».

Ужасно.

«Я могу в точности припомнить, что было тогда мною сказано. Но вообще мое поведение было таково, что Филис (сестра замужняя) сочла нужным немедленно и резко оборвать разговор. Она сразу стала суровой и замкнутой, какой умела быть...»

Да. Этим тоже нельзя пренебрегать. «Тебе ведь *больно*, если мы сделаем тебе насилие, напр. выдав замуж насильно. Не делай же и ты нам *больно*, повязывая в естественное и неодолимое общение с человеком, который нам отвратителен, невыносим и оскорбителен».

Права равны, равны тогда и обязанности. Мы обыкновенно защищаем юных; не замечая, что через это делаем насилие старым.

Ни — то́.

Ни — это.

Что-то среднее. Должны быть «средние» браки, «средние» условия, переговоры... Должно быть все смягчено и «волноваться» в вечно волнующемся «житейском море», а не стоять «столбом».

Теперь есть «столб», и об него только расшибаются, и с той и с этой стороны.

(«Голубое пятно»)

* * *

7.VI.1915

У нас есть Технологический институт. Технологическое училище — в Москве. В Петербурге еще — Политехникум.

Совершенно основательная причина, чтобы русские не умели выделять даже гигроскопической ваты, чтобы Троицкий мост строил Батиньоль.

И нефть добывалась Ротшильдом.

(к истории просвещения в России)

* * *

7.VI.1915

...что́ особенно страшно, то это то́, что при множестве стихов и прозы на бумаге мы совершенно утратили дар сколько-нибудь поэтического сотворения в жизни, сколько-нибудь художественного, сколько-нибудь вдохновенного. К «теории происхождения человека по Дарвину» и к теории «мифа в создании Лица Христа» — мы прибавили лошадиное — «Предлагаю почтить умершего *вставанием*» и наконец... венчание

у частного пристава!!! Почему у него? Почему не вспомнено возможное «благословение родителей» (если надо было и хотелось изничтожить священника), почему было не придумать «деревенский обряд», с «поезжанами» и проч., с «дружками» и т. под., или, наконец, хоть цыганское (в «Цыганском бароне»).

Венчали нас миллионы звезд

— это так поэтично напевала моя Варя, в пору нашей любви в Ельце. Или хоть, как шутит прислуга,—

Венчали вокруг елочки.

ВСЕ ЛУЧШЕ частного пристава,— т. е. ближе, соответственнее, напоминательнее...

И вот страшно «шевельнуться» в наше время, страшно подумать о «реформе» в чем-нибудь, особенно около брака, особенно около Церкви, когда истощенное «чрево» цивилизации так очевидно не умеет «зачинать и носить», «носить и рождать»...

(«— Не сообщите ли мне каких-нибудь подробностей о новобрачных» — спросил я чиновника. «Они приехали в контору около часа пополудня на автомобиле. Гадлей (женех), очевидно всучив чиновнику приличную монету, просил его озаботиться приисканием свидетелей. Мистер Гринфельд исполнил эту просьбу, и через 10 минут все было готово, и молодые, усевшись в автомобиль, покатали прочь».

«Голубое пятно»)

* * *

7.VI.1915

Корень рождения моего дву-составен: Матери, Отца.

Как же мне не иметь двое-душия, двое-мыслия, дву-волия.

И не быть слабым и запуганным.

Да и далее, в глубь: две бабки, два деда.

Четыре прадеда и четыре прабабки.

О, как я слаб. Не стою на ногах. Вихри одолевают меня, с Севера, с Юга, с Востока, с Запада.

Малейший зефир уже колеблет.

Боже, не все ли человечество до меня?

И я богат, как все человечество.

И я слаб, как все человечество.

* * *

7.VI.1915

Нет: все должно уступить любви. Посмотрите, что случилось:

Вышедшая тайно замуж и которая делает перед сестрою вид, что «ненавидит своего шофера», втайне уже любит его, новою нежною любовью. Тайно она вышла к нему, встретила на улице и под предлогом, что «уезжает к подруге», — поехала к его тете, за городом,

у которой провела и «медовый месяц» (тоже под предлогом, что «у подруги»). Но на пути случилось несчастье: автомобиль разбился о камни. Она «пропала», а он умирает в хирургической больнице. Во-1-х, его письмо к ней: «Милая, *единая любимая*»... Прямо, как Наля к Дамаянти. Ее же — ни следа, ни — духа. Все ищут, родители ищут, Холмс ищет. Наконец, уже через $1/2$ года, он посещает место, где разбился автомобиль. Долго ничего не находит. Сел. Отдыхает разочарованный. Тут проходит молодая шведка: у нее он просит позволения войти к ней в хижину напиться молока. Она живет с матерью, тут же неподалеку. Пьет,— и видит на полу платок с голубым характерным пятном,— которое увидел и на руке умирающего ее мужа. «Чей это платок?» — спрашивает он в недоумении (ибо *по пятну* — ищет ее). «А вот я вам сейчас покажу»,— отвечает шведка. И отворила дверь в соседнюю комнату: там поднялась навстречу Холмсу девушка...

«Она немая и не в памяти. Кто она — мы не знаем. Она пришла к нам, уже немая и без памяти. И так нам понравилась, что мы оставили ее у себя. Мы ее зовем *Полина*, пот. что она ничего не говорит, кроме одного слова *Поль*» (имя шофера-мужа).

А? Ну, какие вы тут можете противопоставить противопоставления? Любовь краше всего, и ей все должно уступить.

Господи, мир без украшения?

Мир без любви?..

Не надо. Не надо. Не надо.

«Любите. Живите. Родите детей. От шофера. Он уже «ангел», раз вы его называли «мужем».

Право родителей — не «запретить», а только — отойти. Это — могут.

Но, Господи: о чем я спорю? Это так и есть. «Совершеннолетняя» может выйти замуж по закону «и против воли родителей».

Тут нужна только какая-то более резко проведенная черта сознания.

* * *

7.VI.1915

Менее ста лет прошло со времени Карамзина, и его уже нельзя читать для интереса. Для великолепия — можно, но это восхищенное чтение совсем не то, что «просто», «для удовольствия» и «себя».

Полезно и действует только простое чтение.

Что же эти негодяи сделали, от Чернышевского и Добролюбова — до М. Горького и Сакулина, лишив «читаемости» кн. Одоевского, т. е. отняв у России кн. Одоевского, и суя «свои произведения», столь замечательные.

Отчего никто не кричит?

Отчего Россия не стонет?

О, рабья страна: целуешь кнут, который тебя хлещет по морде.

И палачи эти — от Чернышевского до Горького, а рабы — это Академия наук, и университеты, и журналы, все...

10.VI.1915

— Нужно преодолеть Достоевского,— это взял темой себе в памятной речи, посвященной Достоевскому, в Религ. Фил. собр. (должно быть в 1913 или 1914 г.) — Столпнер. Диалектика, философия и психология всего Достоевского, особенно его гениальных «Записок из подполья», критика политического рационализма в этих «Записках» такова, что, пока она не опрокинута, пока не показана ее ложность, дотоле русский человек, русское общество, вообще Россия — не может двинуться вперед, двинуться свободно и вдохновенно, «с верою, надеждою и любовью». Дотоле будут потуги на прогресс и свободу, а не свобода и не прогресс.

Столпнер еврей и социал-демократ.

Шестов, тоже еврей, сидя у меня, спросил:

— К какой бы из теперешних партий примкнул Достоевский, если бы был жив?

Я молчал. Он продолжал:

— Разумеется, к самой черносотенной партии, к Союзу Русского народа и «истинно русских людей».

Догадавшись, я сказал:

— Конечно.

Не забудем, что в «Дневнике писателя» Д-ий стал на сторону мясников, поколотивших студентов в Охотном ряду (Москва). На бешенство печати против мясников он сказал, обращаясь собственно к студентам: «Мясником был и Кузьма Минин-Сухорукий».

Достоевский еще не пережил 1 марта. Можно представить себе ярость, какую бы он после этого почувствовал против «новых». Но достаточно и мясников: он очевидно бы примкнул к тем, кто после 17 октября и «великой забастовки» начал громить интеллигенцию в Твери, в Томске, в Одессе.

Столпнер еще сказал мне устно раз:

— Достоевский весь вертляв и фальшив. Вы читаете у него пламенные строки в одном направлении,— и почти не замечаете, как у него из-под одного пафоса выдвигается противоположный, который весь его (тот первый пафос) съедает... На него нельзя положиться, опереться, надеяться. Он обманчив. И надежда — на Толстого: он учит правильному, ясному, полезному добру. Вот кто моральный вождь России и кого молодежь должна, противопоставив Д-ому, выдвинуть в свои вожди.

Я молчал.

— Например, в том месте «Дневника писателя», где он говорит, что Россия, как последняя в Европе по финансам страна и вообще презираемая и ненавидимая во всей Европе,— должна *сесть* смиренно при дорожке, сняв шапку и собирая, как нищенка, себе гроши в шапку...

Я слишком хорошо помнил это место и сказал Столпнеру:

— Ну? А чем кончает?! — Константинополь должен быть наш!!
Неприменно наш! Мы его завоюем, Св. София — наша и т. п.

Я и это помнил, хотя мне не приходило на ум это сопоставить. Тут Столпнер «открыл». Он продолжал, и я у него почувствовал ненависть и муку к Достоевскому:

— И у него всегда так. Лицо являет величайшее смирение, убогость, нищенство,— и из-под него лезет на вас сатанинская гордость.

И это «открыл» Столпнер, мне на ум не приходило. Правоту его (Ст-ра) я чувствовал. Он закончил:

— Помните об евреях, «40 веков бытия»? Чтó он написал: «Во имя братства, во имя единства и всемирного чувства — обнимемся с ним!! Прочь неравенство и черта оседлости... Будем братья — несмотря на все, что я сказал выше»...

О, я слишком хорошо все это помнил.

— Но потом он положил им гадость: «жид», «банк», Европа «пожи-довела» и в жиде «ничего нет, кроме банка и прогресса». И т. п. гадости.

О, да, я помнил. Все эти сопоставления мне не приходили на ум до Столпнера. Он обвинял:

— Из-под «братства» — лютое разделение, из-под «христианства» — неуголимая злоба. Он был схож с Иоанном Грозным, который богословствовал и пытал. К счастью, в России есть Петр Великий. Грозный — не путь, путь — Петр Великий. Петр тогда, а теперь — Толстой. Россия должна выбраться из этого бреда, из этого дурмана, из этой фальши, лукавства и всяческой духовной тьмы...

Тогда мне не приходило на ум, но я договорю мысль Столпнера:

— И сделаться штундистской Россией. Мяконькой, рациональной, умеренно-благочестивой и усиленно-чистоплотной.

И нутро мое заревело:

— Подавайте нам Иоанна Грозного. Эту хлыстовскую политику, со скорпионами, обедней, трезвоном, юродивыми... Богомерзкую и безумную. Она всему миру противна, но нас-то, русских, она одна и насытит.

К черту ratio. Я хочу кашу с трюфелями. А на рай потому именно и надеюсь, что всеконечно признаю и утверждаю ад.

Ходи печка, ходи дверь,
Маленькому негде лечь...

Так, кажется. А м. б., и не так. Все равно. Главное — чтобы «печка ходила», и «приседала», и «кланялась».

* * *

10.VI.1915

Единственно есть два способа повлиять на дела в России:

— Начать помогать тому, кто «везет воз», и чуть прибавлять свои советы, предостережение, помощь, указание... «налево если — тó как бы не свалиться в яму», «направо очень — колесо застрянет — не вытацишь телегу». Лучше «прямо и вперед», потихоньку и помолясь Богу.

Это выбрал мудрый старик (С-н). Но есть и другой путь:

— Распрячь воз. Вон лошадей. Ломай телегу,— негодящий инструмент. Мы сами и гужом:

Эй, дубинушка, ухнем.

Сама пойдет...

Сама дерет...

Эх, ма...

Хорошо. Но везший воз, пожалуй, даст по уху. И дает уже.

Это судьба радикализма и молодежи. И блудных жидков,— которые умны в банке, но вовсе не умны в политике.

Ай! Цай!! Нас поколотили.

И что же это за политика!!!

Городовой:

— Еще накладу.

* * *

11.VI.1915

Неприятнейшая из неприятных сторон нашего времени — *стилизация*. Это отрывка декадентства или, как называли в эпоху Кромвеля, «остаток старого пуританского парламента» (Долгого парламента) — «Рунд-парламент» (= хвост парламента; в имени, кажется, ошибаюсь). В особенности «стилизуют» — Айхенвальд самого себя, Гершензон «прекрасного русского писателя», и есть еще более страшные слуги стилизации, которые страшно назвать, которые больно назвать. Увы, тут есть «кое-что» и у моих друзей.

Стилизацию мне хочется назвать последнею могилою. Из нее нет воскресения. Напр., Христос и христианство, Россия и русизм могли бы погибнуть, исчезнуть и стереться из бытия, если бы наступила «стилизация Христа и христианства», «стилизация России и русского».

Стилизация есть утонченный вид реторики; не наивная реторика старых времен, а особый ядовитый вид ее.

До первых лет 20-го века стилизации не появлялось вовсе. Но мне кажется, начало 20-го века характеризуется именно стилизациею.

Самые два яркие стилизатора (романов и стихов не читал, не знаю) — Айхенвальд и Гершензон. Флексер (Волынский) старше их, и в нем нет капли стилизации. Он вовсе не ритор, хотя преувеличенные слова (о Лескове) у него есть. Напротив, Айхенвальд и Гершензон укладываются вполне в рамки одного определения: стилизаторы.

Несчастье их обоих — ум и хороший слог. Причем Гершензон несравненно умнее и талантливее Айхенвальда. Гершензона нельзя не любить, не читать, не уважать его книги и не иметь постоянного желания покупать все его издания. Это удивительно и редко. Где бы вы ни развернули Гершензона — читать интересно, приятно и хочется читать «еще дальше».

Меня, однако, давно поразило следующее: Гершензон нигде не взволнуется. Это ровное и прекрасное течение его речи становится наконец подозрительно. «Отчего человек нигде не разозлится и не выругается?»

Чтобы не испортить страницу. Это убийственно. Когда вы об этом догадываетесь — вас убивает.

Это пришло мне на ум, когда читаете у него, как Некрасов с Панаевой обобрали первую жену Огарева... Она была пожилая уже женщина и имевшая ужасное пристрастие — к алкоголю (бывает же!). С тем вместе она была высоко аристократична, горда, — женщина со вкусом, образованием и многими талантами. Когда к мужу ее (поэт-эмигрант Огарев, друг Герцена) приходили Кетчер и вообще компания «долгогривых», то ей было несносно, что они все напортят в квартире: наплюют на пол, испачкают ковры и чуть не поломают мебель. И она терпеть не могла их общества и компании.

Огарев, который пережил первый волшебный роман с нею, — с душою ее, с поэзией ее, — отчасти под давлением друзей своих, решительно с нею не сходявшихся, стал мало-помалу расходиться с нею, оставлять ее, холодеть с нею. Параллельно он начал влюбляться в девушку Тучкову — будущую 2-ю жену свою. Первая жена не соглашалась на развод и развода до конца жизни не дала. Разойдясь, однако, с нею и уже сойдясь с Тучковой, он обеспечил первую свою жену 95 000 рублей, в виде каких-то закладных или подписей или документальных обещаний. Вообще 95 000 были у первой жены. Но не прямо деньгами, а вот этими «бумагами».

Интимным и ближайшим ее другом была Панаева, — женщина шумная и говорливая. Ее же «интимным другом» был Некрасов. И вот действуя через нее, он что-то так устроил, что Огарева получила всего что-то около 5 или 10 тысяч, даже чуть ли не «ничего», а деньги или эти «бумаги» куда-то скрылись, вообще «между рук» исчезли: причем рук было 6: Некрасова, Панаевой и Огаревой. Факт тот, что Огарева ничего не получила. Но нельзя было ни закричать, ни подать в суд, что «получили» Панаева и Некрасов. Что-то также было сделано, особенно, тонкое, что одни «нагрелись», а другой было «холодно».

Хорошо. Т. е. очень скверно, и о скверном болела душа. Дело в том, что Некрасов не из тех поэтов и особенно *людей*, которых можно бы забыть. Его

Дом не тележка у дядюшки Якова.

Его

В армяке с открытым воротом

нельзя вырвать из души русского человека, и никогда *эта страница* не будет вырвана из «Истории русской литературы». Герцен и Огарев оба забудутся. Некрасова всегда будут любить *простецы* и *дети*; будут любить лучшие, простейшие и праведнейшие, русские люди.

Что́ же выходит? Сердце кипит. Как можно перенести зрелище мошенничества, обыкновенного мошенничества худшего типа, которое совершает «муж», или «брат», или «отец», или «любимый поэт». Ведь *это* — почти одно и то же, и «любимый поэт» не менее дорог, чем кровный брат.

Вдруг об этой ужасной истории, об этой страшной истории, Гершензон пишет 18 строк, своих душистых строк, пахнущих можжевельником, Волгою и старославянофильскими усадьбами. «Тут дрозд кричит и иво-лга поет». Около мошенничества-то родного брата, друга, — о коем не было колебаний.

— Ваня, где ты?

— Коля, что́ с тобой? (*Николай Некрасов*).

Этот поступок, этот ужасный поступок Гершензона с Некрасовым, — когда первый не воскликнул, не выкрикнул, не заплакал, не «изругал ругательски» (о, как это было бы лучше, естественнее и человечнее), мне показался чем-то уравнивающимся с поступком Некрасова с Огаревой: хотя там — ночь и нож, а здесь — перчатки и пудра. Представьте себе, что у вас режут человека на глазах — а вы напудриваете себе подбородок. Человек кончен — под ножом и под пудрою.

Человека нет.

Что же есть?

Ужасный стилизатор. Он сделал себе «стиль человека», и выбрал, согласованно уму своему, великолепнейшее положение «человека с пером, серьезного, достойного, любящего свое отечество, занимающегося не легкомысленными темами, а все самыми серьезными, и принадлежащего не к какой-нибудь легкомысленной партии, а к линии, традиции и категории людей, начатых Петром Киреевским, Иваном Киреевским и, далее, Чаадаевым, и вообще все самое серьезное, лучшее, идеалистическое в России...»

Тогда вы чувствуете, что вдруг вам становится ужасно холодно. Что вы ничем не одеты, когда думали, что одеты, и что на дворе октябрь, а не казавшийся вам апрель или май. Любовь ушла. Куда? Что? у вас ли ушла, у него ли ушла? Но холодно, холодно и нельзя жить...

Нельзя жить, когда живешь. О, умереть не страшно тому, кто умер: но пока голова думает, ноги шевелятся, грудь вздымается — как же я «не буду жить». Это ужасное положение «между жизнью и смертью» начинается для того, кто вдруг замечает, что ноги его незаметно вошли в стилизацию...

Где льды... снега... блеск солнца в снегах... И солнце горит в небе...

Ах, не горит оно, а только отражается во льдах. Ничего вообще нет. Все умерло. Все только *кажется*...

Когда я, «реальный человек», и могу дышать только действительным...

(устал)

Сравнительно с этим (Герш.) Айхенвальд совсем пустяк. Он влюблен в самого себя и особенно в свой слог. Ну, и мысли ничего. Автор и творения, и творения влюблены в автора, а автор влюблен в творения. Хорошо? Не хорошо? Черт его знает. Не интересно. Нет менее неинтересного писателя, чем Айхенвальд. Говорит ли он правду? Говорит ли он неправду? Решительно все равно. Он вообще
НЕ НУЖНО.

За ним не стоит этого мужицкого, грубого
НУЖНО,
на чем, в сущности, и держится весь мир.

(ох, устал; за Сакулин — об «Апол. Григорьеве».
Вестн. Евр.)

* * *

11.VI.1915

«Одно время он был помолвлен с мисс Эдитой Будлей из Керетэна, но <за> несколько месяцев перед смертью помолвка эта расстроилась» (Ш. Х.).

Действительно, это замечательно и относится к ноуменальной стороне брака, что (как заметил Шарапов, см. «Брак и христианство»), при «помолвках» и вообще ни единому жениху никогда и на ум не приходит «сущность брака», — как я его определил и настаиваю, — и даже, я думаю, «помолвка» бы расстроилась, если бы жениху вдруг начало мерещиться «это», он стал о нем думать, его представлять себе.

Этого не бывает. Из кружева вздохов, любви, поцелуев, объятий выходит «это» как-то незаметно, само собою, и — «совершается», только с чувством отсутствия запрета совершить «это», и отсутствие запрета, греха и осуждения, когда последствия (беременность и роды) обнаружатся потом.

Но привязанность друг к другу растет из «этого» через «это»: *тон любви* у мужа и жены — совсем другой, чем у жениха и невесты. Какой-то более простой и крепкий, «свой». Через «это» он и она стали «своими», «близкими».

Совокупление — сближение. Это самое лучшее определение. Центральное и исчерпывающее.

Хорошо. Но почему раньше на ум не приходит?

Ens realissimum *: это «сближение» вообще должно *происходить*, а о нем *говорить* нечего. Почему «нечего»? Ens realissimum: «бытие» покрывает и исчерпывает его. Оно *есть*. Вот уж «сей» — к чему ничего не прибавить. Как прибавите — совершите худо, обезобразите его и (разительно) обезобразите самое слово свое, через которое его коснулись. «Не надо».

И не говорят.

* Реальная сущность (лат.).

Но думают (потом, в браке, уже женатые). Это есть *εἰς ποῦτός*, но *οὐκ ἀρρητός* *.

Разительные все вещи, стороны, оттенки. Разительно ничему другому не присущие.

(за Холмсом; «Пустой дом»)

* * *

12.VI.1915

Содом теперь совершенно понятен: это влечение человека к *той части* в другом,— в «друге» своей, в «дружке» своей;— которая идет в мужчине *от его матери*, а в женщине *от ее отца* **, т. е. (влечение) в мужчине к *его женственности*, а в женщине к *ее мужественности*.

∞

Поелику каждый рожден от отца, от матери и каждая рождена от матери и отца, то нет ни единого человека, которому содом не был присущ, врожден. Закону его все подчинены, преклонен весь мир; но у огромной части людей он остается на степени совершенно незаметной, неуловимой. Не совсем точно, но это можно объяснить сравнением. «Аппендицит» не у всех случается, а кому «случится»: но это не значит, чтобы «червеобразный отросток слепой кишки» у кого-нибудь отсутствовал. Его имеют решительно все, кто не узнает никогда его имени, ни разу его не произнесет, никогда не почувствует и вообще пройдет «слепым и глухим» мимо своего отростка и мимо своего «возможно бы аппендицита».

Вот. Понятно?

Нет человека, который не был бы частично гермафродитом (от отца, от матери): а между тем «два органа на одном» встречаются чрезвычайно редко. Между тем суть гермафродитизма есть в то же время суть или, вернее, корень содома.

Но у кого же «случается аппендицит»? кто «заболевает»?

Нежные, мягкие, снисходительные, уступчивые мужчины. «Добрые». «Добренькие». О ком смеясь шутят на деревне — «не мужик, а баба».

И жесткие, с разваливающейся походкой, размахивающие руками, короткостриженные, «сплевывающие на сторону», потихоньку курящие (лучше бы трубку) «молодцы-девки»... Стёпка в юбке, Сережка в кофточке. «Отличный товарищ», коновод общий.— «Господа, на сходку!» — «Товарищи, разве мы не опротестуем?» «Этот профессор (профессора, как *мужчины*, им противны) идиот: проводим его свистом».

Подруги их, настоящие Машеньки, так и увиваются около «молодцов». — «Но, послушайте, что́ это за герой, наша Надюха Куровьянц». «Она каждого профессора заткнет за́ пояс».

Надюха расправляет руки и оправляет пояс. Просто, давай «атлетическую борьбу».

* мыслимый, но не высказываемый (греч.).

** Это не совсем так. Я объясняю для понятности «сразу» читателю и сокращая слова.

Настоящие Машеньки так и расстилаются перед ними. «Я лягу на пол, а ты пройди по мне, моя кралечка, мой королек».

Митюха в юбки ухмыляется. «Не замай».

Такому Митюхе мало одной Машеньки. Просит у подружки позволения погулять и с другой. Та, в безмерном обожании, позволяет. «Только вернись опять ко мне».

Митюха гуляет. И вообще сыр в масле. Все в юбках. Никто ничего не подозревает. Не подозревают родители, не подозревает общество.

«Гуляет староста Иван Семенович».

Шея как у бычка. Шея особенно характерна. И тоже чрезвычайно характерны руки. Цепкие, большие, сильные.

Из них можно бы составить батальон. И вообще они во все мужские работы рвутся. И все мужские способности имеют. Они рвутся на кафедру, в инженеры, в адвокаты, в ученость, в учителей,— откроют радий, напишут математическую или философскую диссертацию. И вообще все делают, что и «мы».

П. ч. в тайне вещей они и суть «мы».

Подруги пищат:

— Чтó же отказывают в равноправии *нам* (???!!!). Смотрите, какую она диссертацию написала. Как она защищала на суде. Как лечит, анатомирует, читает лекции.

Да. Но все это тайный «он», около которого поют, глаголят и взывают Машеньки...

Бедные Машеньки...

Как бьется ваше сердечко...

«Ну, хоть бы посидеть с этим Митюхой обнявшись». «Сесть бы ему на колени»... Может быть, он поцелует...

— Оставь, не до нежностей,— ухмыляется Митюха.

И Машенька украдкой и со слезами целует воловью шеищу его, где кожа лежит загорелыми складками. Тот (та) отодвигает локтем. Но Машенька целует в локоток.

* * *

12.VI.1915

Чтó же те «крапленые карты», на которые опирается социализм?

Которые дают ему «выигрыш без риска»?

Это фальшь и дряблость общества, с мутною головою и тщеславным сердцем, и которое не имеет никаких реальных обязанностей и привязанностей.

∞

∞

∞

Сегодня орден Андрея Первозванного генерал-инженеру Петрову. Я так рад. Подпись под рескриптом: «Искренно вас уважающий Николай». Нельзя лучше, истиннее выразить свое уважение к человеку.

Единственный раз я его видел у Н. Н. Страхова. Вошел военный генерал — кто, я не знал. Заговорил. Говорили о крушении царского поезда, и он сказал, что «покушения не было, а произошло оттого, что рельсы раздвинулись от большой тяжести поезда при очень быстром ходе, на закруглении, и боковой качки поезда». Раньше я этой боковой качки не замечал, и *теперь* не понимал, отчего же она происходит. Между тем именно боковая и именно качка д. происходит от неабсолютно одинаковой, в каждой точке пути, высоты правого и левого рельса. От этого *каждую секунду* правые колеса как бы подскакивают кверху, или, напротив, опускаются, сравнительно с левыми: а в следующую секунду — наоборот. Поезд — качается, и это с каждой секундою увеличивается. Собственно, очень быстрый поезд, «летя», все время стремится сорваться с рельсов, «послав их к черту» и пойдя по шпалам. Быстрый поезд — азартный игрок в карты, у которого «вихрь в башке». Ну, и уж тут «17 октября вас поджидает».

Он говорил спокойно, твердо и отчетливо, точно считал трехрублевки и пятирублевки в пачке. Никакого затруднения.

Был тоже Майков (А. Н.) и заговорил о Суэцком канале. И так же «легко считая ассигнации», Петров сказал, сколько кораблей прошло через него в минувшем году и сколько тонн товару перевезено, — и связал это с тем, чем интересовался Майков.

«Ему все легко. Он все знает».

А ведь я привык к мысли, что русские ничего не знают и им все трудно.

Посидел. Ушел.

И до сих пор у меня стоит впечатление достоинства. «Искренно уважающий вас» — как это *точно*.

И вот я, вечно думающий «о них», потому что весь день думаю о Петрове *рядом с* Плехановым, с «геологом» Кропоткинским и с «нашими знаменитыми» Николаем Константиновичем и Николаем Григорьевичем (Мих. и Черн.). Какие чумички. Да им нельзя дать портков выстирать: изорвут, напачкают, а чистыми не сделают. Помните, как у Дебогория-Мокриевича описываются «наши», которые потихоньку уходили в лес и там пробовали заниматься крашением ситцев, думая «по народному приложить руки к труду». Прилагали студенты и курсистки. Но как помоешь — «краски сходили». Они просто мазали краскою материю, а не укрепляли краску на материи. Бедные преобразователи России.

Но Николай Константинович и Николай Григорьевич верили: «все-таки преобразуем».

И убили Александра II, как «мелочь», мешавшую их преобразованиям. И перед КЕМ Петров стоял навтыяжку, давая объяснения.

Потом думал «сравнительно» о Льве Тихомирове. Тусклый редактор

«Московск. Ведом.» и автор каких-то статей, брошюр и книжек, которые нужны безграмотному, а грамотному не нужны.

Мне ужасно бы хотелось, чтобы этим знаменитым «нашим» было поручено провести железную дорогу по Туркестану, «оросить голодную степь арыками» или хоть «хорошо и исправно устроить богослужение во всем Ветлужском уезде». Конечно, они бы «намазали», как свои ситцы тогда, измучились, изнервничались, передрались, еще выделили бы около «большевиков» и «меньшевиков» — каких-нибудь «средних» или «беззаглавцев»: сотворили бы смешное и умерли.

«Ничего». «От Дегаева до Судейкина — ничего». И «от декабристов до Николая Михайловского — ничего».

А, иное дело, если бы всех их взяли на содержание 40-летние барыни. Тогда они устроили бы «нашу редакцию», симпатичный журнал и писали бы пламенно и усердно до второго пришествия Христова или до «поражения гидры монархизма» в России.

Что же эта шушера разговаривает? Отчего о шушере столько пишут? Отчего существует их поганая история, когда нет священной истории «о делах русских генерал-инженеров»? А, отчего? Отчего это безумие, что хлеба мы не замечаем, а жуем булыжник, и за хлеб не благодарим, а благословляем камень, которым нам плепнуло по голове.

И никто не ответит, «почему». Промолчит Плеханов. Промолчит Кропоткин. Промолчит Г. Лопатин. Верочка «не удостоит ответа». И даже эта Верочка 2-го сорта, Засулич.

Все они идут гордые и самодовольные. На них смотрит история, и они герои, и так в собственных глазах. Между тем это просто «пустое место истории», без содержания, воистину без хлеба...

Господи, и никто не услышит.

Никому не нужно слово мое.

Всякий проходящий скажет: «о чем ты воешь».

Вою как ночной ветер в осень. Потому что воется.

* * *

12.VI.1915

Мякотин и Пешехонов кажутся храбрыми только в Петербурге: но этих русских храбрецов гонит хворостиной девочка Гретхен с берегов Шпрее. И вот этой хворостиной они уже совершенно напороты, не смеют ни обернуться на нас, ни залаять, а, зажав хвост между ног и понуря голову, бредут и все лают на русское министерство вн. дел, на русское министерство просвещения, на наши «так называемые реформированные суды», ну — и на кой-что повыше — на *Московские Ведомости* «печальной памяти Каткова», и прочих русских «патриотов и националистов», весьма неприятных Гретхен из Берлина и тайной полиции из Берлина, которая, имея «Reptilien-Fond» *, вероятно и даже без сомне-

* «Рептильный фонд» (нем.).

ния имеет и «иностранный отдел этого фонда». Как же? Вы не подозревали, русский читатель? Помилуйте, это фонд в несколько, во много миллионов ассигнования *ежегодного*, и при «лояльных чувствах» вообще немцев, даже отменных социал-демократов *, вероятно германские газеты и журналы не очень бурлили, не очень мутили и вообще доставляли правительству немецкому не очень много хлопот. Ну, а фонд-то существовал. И его единственная цель — полезная Германии и Пруссии служба печати. Итак, если «дома» приходилось тратиться немного, то не «отсыпалось» ли из Фонда негодяю Жоресу, который, имея *renommée* социалиста и «следовательно — честно мыслящего человека», орал, шумел и требовал, чтобы «двухлетний срок военной службы не заменялся трехлетним», как этого требовала союзница Франции Россия, которой было жутко принять только на свои плечи тяжесть грядущей всемирной войны, и она посылала Франции пожелания и наконец требования, чтобы французская армия была немного покрепче. Но Жорес орал: — «Не надо», за что в момент вступления германских войск в Бельгию и Францию и был застрелен, как собака-изменник. О нем как о типичном буржуа (ведь и все социалистишки — буржуа из буржуа) очень характерно писал Мережковский, благоговейно было пожелавший с ним познакомиться. Но нам дело не до него, а до «наших»...

Жорес — гран-сеньор нашей радикальной журналистики, и Мякотин, Пешехонов и Анненский у него только пятки лижут, если не что-нибудь хуже. Хорошо. Ну, Жорес орет против «милитаризма 3-й республики», а Мякотин и Пешехонов в «На тему дня» комментируют его и громят российский милитаризм. Сам я за месяц до объявления войны читал в «Русск. богатстве», в июльской или июньской книжке, по поводу большого ассигнования Г. Думы на увеличение русской армии, — желчные слова, что «*тяжесть* вооружений стала так же велика в державах Тройственного согласия, так же как и в Германии, что *вооружающиеся* государства будут сокрушены и, так сказать, падут под тяжестью этого вооружения». Девочка из Берлина, пасущая русских журналистов, верно сказала ввиду того, что никто в Берлине Мякотина с Пешехоновым не знает, — лозунг: «Вы Германию и *германские вооружения ругайте сколько хотите*: но только одновременно и тут же ругайте русские вооружения, требуйте ограничения и понижения их, распространяйте презрение к русскому солдату, к русскому неразвитому офицеру и к генералу-взяточнику». «И я вам за это пошлю *glückliche Küss* (сладкий поцелуй) с берегов Шпрее», — добавляет улыбаясь девочка.

Угрюмые Мякотин и Пешехонов и Анненский старались. «Не боясь пристава и даже самого полицеймейстера».

Но девочки-то вот они боялись. Это я впервые разглядываю, прочитав кусочек из «Утра России» и припоминая, что так ненавидя «русскую буржуазию» и «бюрократию», русское дворянство и помещиков, они

* Во время вторжения в Бельгию обнаружилось.

ни раз не обмолвились о немецких майоратах в Крыму, по Волге, в Петроградском даже уезде. Вообще русские радикалы ужасно храбры против помещицы Коробочки, например, но против землевладельца Карла Шмитда — как-то и *почему-то* таинственно боязливы...

Ах, подробные документы из берлинского Reptilien-Fond много объяснят со временем из истории так называемой «Русской литературы».

Вот ни за что, я думаю, в «Северных записках» (преемник «Русского богатства») не будет комментирована следующая корреспонденция «от нашего амстердамского корреспондента» (г. М. де-Витта) в № 159 «Утра России».

Фантастический элемент в банковском деле

(От нашего амстердамского корр-та)

Без преувеличения я уже десять раз брался за перо, чтобы посвятить необходимое число строк фантастической истории одного русского банка за границей. Но меня всякий раз останавливало то, может быть, совершенно неосновательное соображение, что я сам лично потерпел от действий этого банка и что именно поэтому я, как мне казалось, не мог быть достаточно объективным и справедливым. Но теперь я вижу, что мои соображения были по меньшей мере чрезмерными и во всяком случае нимало не отвечающими общественным интересам. От действий банка, оказывается, пострадали сотни русских подданных, с момента начала войны и до сих пор мечущихся в разные стороны, чтобы покрыть свои убытки, — но все безрезультатно.

Я говорю здесь о брюссельском отделении петроградского Международного банка. Это отделение просуществовало в Брюсселе около 5 лет. Бельгийскими финансовыми сферами оно было встречено сначала очень сдержанно, а потом эта сдержанность превратилась в систематическую вражду. Произошло это потому, что названное отделение банка сразу же заявило себя вовсе не русским предприятием, а откровенным пробным шаром немецкого финансового нашествия на Бельгию, опасность которого бельгийцы чувствовали еще задолго до войны. Русского в банке не было абсолютно ничего. Состав служащих, язык, приемы, связи, симпатии, основы деятельности, производившиеся операции были откровенно немецкими. Чтобы иллюстрировать это утверждение, приведу точные данные. Из 43 человек постоянных служащих банка в 1913—1914 гг. было:

германских подданных	30
австрийских	6
швейцарских немцев	2
бельгийцев	2
голландцев	1
русских	1
турецких подданных	1

Когда в конце июля 1914 г. была объявлена мобилизация в Германии и Австрии, банк мгновенно опустел, так все почти служащие его оказались нижними или офицерскими чинами вражеских нам армий. Только среди доверенных нашлось 5 немецких офицеров. 5 августа банк производил операции в следующем составе: один доверенный, три конторщика, кассир-бельгиец и портье-бельгиец. Все остальные с ружьями на плечах отправились уже стрелять в русских солдат и грабить беззащитных русских граждан. Главный директор банка, тоже германский подданный, не пожелал ответить на мобилизационный призыв и дезе-

ртировал в Голландию. Это не помешало ему направлять из Голландии в течение июля и августа 1914 года деятельность банка таким образом, что в результате курс русских денег упал в Брюсселе до 50 сантимов (18 коп.) за рубль. Размен русских денег по какому бы то ни было курсу банк прекратил тотчас по предъявлении австрийского ультиматума Сербии и тем первый создал панику на бельгийском рынке. Русские кредитные билеты приходилось не менять, а закладывать у ростовщиков, ювелиров, куаферов, гарсонов кафе, а также и в отделении петроградского Международного банка. Последнее не только само давало в ссуду под большие русские деньги смехотворные суммы (например, 600 франков за 1000 руб.), но и своими отзывами на запросы частных лиц сеяло в публике убеждение, что русские деньги уже ничего не стоят. Мне лично известны следующие факты, документальные доказательства которых находятся у меня в руках. Дирекция самого большого отеля — «Палас-Отель» — согласилась принять от одного из своих постояльцев русские деньги в уплату по счету, но раньше, чем принять их, кассир отеля сбегал в отделение Международного банка и принес ответ, что сто рублей стоят не более ста франков. В результате 500-рублевый кредитный билет был принят отелем за 500 франков (убыток — 835 франков). Тому же русскому подданному пришлось заложить у частного лица второй 500-рублевый билет за 400 франков, так как русский банк ответил, что этот билет не стоит и 500 франков. Билет был заложен на месячный срок и, конечно, пропал.

Я сам слышал разговор между главным директором банка Фронкнэхтом и одним бельгийским банкиром. Фронкнэхт кричал так, чтобы слышали все присутствующие в операционном зале.

«Но ведь это идиотизм, идиотизм. Если Россия осмелится стать на дороге Германии, то она будет через месяц стерта в порошок. А русскими ценностями придется». Тут этот наглый немец выразился так, что в печати воспроизвести совершенно невозможно. Слова Фронкнэхта были приветствованы дружным хохотом окружавших его немцев-служащих. Происходило это еще до объявления Германией войны России.

Когда германские войска изменнически напали на Бельгию и бельгийцам пришлось экстренно заняться искоренением немецкого шпионажа, то оказалось, что брюссельское отделение петроградского Международного банка служило одним из самых известных пристанищ германского военного шпионажа. Несколько его служащих открыто состояли агентами германского военного атташе и считались состоящими вместе с тем на службе в Deutsche Bank. А один служащий банка совмещал это амплуа с должностью чиновника германского посольства в Брюсселе.

Совершенно, что называется, распоясалась деятельность русского банка после занятия Брюсселя немцами. Зная отлично, что такому русскому банку от немцев ничего не грозит и что, вернее, даже немцы встретят его с распростертыми объятиями, это отделение осталось в Брюсселе, а вместе с ним остались вклады, счета и всякие другие дела сотен клиентов, бежавших от немцев во Францию. И не только осталось само отделение, но, как сообщают совершенно верные люди, убегающие еще и теперь из Брюсселя, оно продолжает свою обычную анти-русскую деятельность. Операции производятся несколькими старыми служащими и конторщиками из Deutsche Bank.

Я совершенно не могу допустить, чтобы эта гнусная комедия производилась с ведома центрального правления банка. Но, с другой стороны, можно ли думать, что главному правлению банка были неизвестны хотя бы некоторые из приведенных фактов. В частности, неужели правление не знало, что в брюссельском отделении не было русских служащих и что, наоборот, почти все служащие были подданными Германии? А затем любопытно было бы знать, с ведома ли правления банка его брюссельское отделение установило ссуды под залог русских государственных кредитных билетов — операцию явно незаконную и морально предосудительную?

М. де-Витт

Таким образом, мое предположение, что «преемники Белинского будут пить чай с блюдечка банкира», относимое мною к далекому будущему, собственно имеет факты за себя и сейчас. Ибо «блюдечко банкира» и «блюдечко» полицейского так же однотонны, как «Русское богатство» и «Отечественные записки», как Мякотин, Пешехонов, Михайловский, Добролюбов и Белинский.

* * *

12.VI.1915

Он подлец был, конечно: п. ч. он любил Россию.

Он не украл, не убил и не изменил. Ничего уголовного. *Суть в мнениях*: он, например, тревожно несколько лет обращал внимание правительства на «упадок центра России», центральных 36 великороссийских губерний.

Полная причина быть названным «подлецом». И Мережковский так назвал 78-летнего старика. И как назвал: вложил *самому старику это определение себя «подлецом»*.

— Пусть *я и подлец*,— (как бы) говорит Суворин,— но вот мне другом был чистейшей души человек, Антон Павлович Чехов. Как вы нас *разделите?*

Это у Мережковского (в газете, в книге выпустил).

Так и запомним: «Честно мыслящий русский человек, и особенно если он писатель, не может не ненавидеть Россию».

Да, это, конечно, так и есть, со Щедрина и «Современника» и декабристов.

* * *

13.VI.1915

Секрет. Нельзя печатать

Вся моя жизнь протекала в порядке натуральной последовательности, а не в порядке логической последовательности или особенно нравственно должной последовательности.

От этого и произошел тот случай с Наташей П. в Брянске. Я б. учитель гимназии, а она еще не поступала в гимназию.

Вышло все так:

Я вошел в кухню, где мать ее что-то достряпывала и, будучи в резвом настроении (погода и все), схватил ее на руки и сказал: «Выброшу! Выброшу!» (в окно). На ней были короткие чулочки и больше ничего снизу, т. ч. правая рука моя, поддерживающая бедра, коснулась тела. Это было естественно и просто, и я сам бы не заметил и не обратил внимания, если бы не увидел ее выразительных и серьезных глаз, устремленных на меня внимательно. «Дальше» и «смелей», прочитал я в них. Удивленный, я скорее поставил ее на ноги. Но пристальный взгляд уже не оставлял меня.

* * *

13.VI.1915

Кувалда...

И ее любит Ангел...

Это сплошь и рядом.

Причем Ангел совершенно не замечает, что это кувалда. А других ангелов, vis-à-vis с собою, не любит.

∞

Где основание этих оскорбительностей эстетики, здравого смысла — справедливости, — трех министерств, казалось бы правящих миром. Да: но миром правят не министерства, а Бог.

Основание — в Божием милосердии. О, как тускло и горестно было бы существование кувалд без любви. Поистине, они «самоубились бы». «Самоубивающаяся кувалда»? — только этого еще недоставало. Величайший комизм вдруг подергивается драматизмом. «Не надо».

И Бог оставил их смешными. «Как есть». Но внушил к ним любовь. Теперь, ослепленные любовью, они не только весело существуют, но и являют собою нечто хотя страшное для людей, но как-то переносимое, сносное. Мир — «ничего себе», составленный из кувалд и Ангелов.

Так мы живем.

Мучимся. Смеемся. Плачем. И все слава Богу.

(за набивкой табаку)

* * *

13.VI.1915

...болит душа за Россию.

...болит за ее *нигилизм*.

Если «да» (т. е. *нигилизм*) — тогда смерть, гроб. Тогда не нужно жизни, бытия. «Если Россия будет *нигилистичной*» — то России нужно перестать быть, и нужно желать, чтобы она *перестала быть*.

«Исчезни, моя родина. Погибни». Легко ли это сказать русскому? И кто любит родину больше (о, неизмеримо) себя. Но твердо говорю: «Если Россия *вправду* *нигилистична* — пусть не живет».

Вот где зажата душа. Но как «*нигилизм*» пройдет, когда почти все *нигилистично*? даже мальчишки? гимназисты?

Но во *мне* же он прошел? Но я — я. Большая разница «со всеми». Однако, если *немногие* останутся *не* *нигилистами*, а все — *нигилисты*: Родине не надо быть. Ибо значат не «лица», а масса.

Вот где зажата душа. Вот отчего болею. Вот отчего пишу.

Пройдет ли?

Не знаю.

Как Мякотин станет, как я? Никогда. Елизавета Кускова, как мамочка? Никогда.

А без Елизаветы Кусковой и Мякотина Русь не спасется. Ибо они — «все», «общее мнение».

Богу нужны народы, а вовсе не человек. Богу нужны не герои, а все.

Как же Елизавета Кускова придет ко мне и скажет: «Я верую». Никогда. Да она и в самом деле не верует. «Даже и представить себе не может».

Есть ли у нее дети? (вот если бы захворали). Наверное — нет. Муж? Правдоподобно — «да». Но и муж умрет — она ничего не почувствует. Такие не чувствуют ни смерти, ни жизни.

Им бы «рабочий вопрос». А, тогда они устроят «забастовку». «От забастовки до забастовки» — так и живут.

Господи, помилуй. Господи, помилуй. Господи, помилуй.

Помилуй и *их* — рабов Твоих невежественных и темных. Они еще несчастнее от того, что чувствуют себя счастливыми.

* * *

13.VI.1915

...нужно было пережить *тяжелую болезнь*...

Нужно было переболеть страшную опасность, «едва не погубившую»... Без этого *не зреют* организмы... Не зреет живое.

Зрелость приходит через опасность, боль, грех, даже через *преступление*.

Не знаю...

Может быть.

Может б., «да», м. б., «нет».

Если так — с 60 годами можно еще примириться. Тогда «ладно».

(за набивкой табака)

* * *

13.VI.1915

— Па-а-звольте! Па-звольте! Да я совершенно поступаю «по радикалам». «По Чернышевскому и Добролюбову...»

— Я «разрушаю кумиры»: разве не их тема? — У меня такая же. Вдруг «хлестнул предрассудки»: точь-в-точь все делаю. Чего же вы ропщете, негодуете, когда я все «по-прежнему» и «по-вашему».

— Да. Но мы хлестали кн. Одоевского. А вы хлещете нас. Нам больно.

— Ах, вот в чем дело: что «нам больно». Дело в «мы». Но когда же литература и философия ограничивалась «мы» и «нами». Слово свободно, и мысль свободна.

— Вы восстаете против «лучших идеалов», которые несем «мы»...

— Негодяи: но стеснялись ли «вы», когда восставали против «лучших идеалов», какие принесли на землю Христос и Церковь? Против мира, порядка и благоденствия, которые несет народу Царство («все обстоит *благополучно*» — идеал)? Вы восстали, опираясь на свое «я»: «мы думаем», «мы желаем». И я опираюсь на свое «я».

Но вы — трусы и маленькие. Вы восстаете только против того, чему «1000 лет» давности, «500 лет» давности. Против «прошлогоднего снега». Когда христианство было оплевано Молешотом, Фейербахом и Бюхнером, то за плевателями побежали и «вы». Хвостик держался за хвостик, Чернышевский за Фейербаха, Добролюбов за Чернышевского и доползло до Мякотина. Что же это за «кумиры», когда так давно. Это «столбы цивилизации», которые вы вырывали; фундамент, а не «мода». Но вот против «модного» вы никогда не восстали и потому, что вы были — мелочь, п. ч. вы сами были «мода».

И я не крупен. Восстаю против моды. Мое дело, в сущности, легкое и пустое, дело «само собою разумеется»: но только оно очень колюче, и меня самого не читают (дефицит в 4000 по изданиям). Это беда. Но справлюсь.

Да. Так вот как дело. Все в конце концов ложится на свою полочку. И когда история прошла, то теперь само собою видно:

РАЗРУШИТЕЛИ ДОСТОИНСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО. КРАСОТЫ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ.

Это — вы.

А моя мелочь с «все-таки»: любил все лучшее и благородное и восстал даже против ЧУДИЩА-МОДЫ.

* * *

14.VI.1915

Каким образом устроить всемирное ограбление с видом благожелательности и имея сострадательное лицо?

Это разрешил «Капитал» Маркса.

Пролетарии всех стран — соединяйтесь.

Чтобы мои соотечественники, среди смуты, скупили за бесценок христианские глупые богатства.

Как об этом полагают русские критики, Флексер, Айхенвальд и «русский славянофил» Гершензон.

* * *

16.VI.1915

Хитрости не потому «удаются», что есть особенные хитрые люди, а потому, что есть хитрость в мире, что мир хитер.

Нельзя сказать себе: «поступлю хитро». Ибо такому не удастся, и он поступит очень неуклюже (между прочим таковы все «розановские хитрости»). Ведь хитрый и не знает, что он хитер, его улыбки, лесть, «обхаживание» другого до того охотны, приятны и нужны самому хитрящему, до того в его духе и его охоте — что «все само собою выходит» и обойденный человек у него в сетях, не почувствовав ни на минуту, чтобы кто-нибудь взял его за руку и ввел в сеть. «Сам вошел».

Тут в особенности значущи неуловимые гипнозы, обаяния, внушения, тон голоса и ...самая неуклюжесть!!! которая, напр., так располагает к доверчивости.

Хитрый, особенно хитрый, будет, напр., чрезвычайно искренен. От «скрытного» всякий сам спрячется и не доверит ему. С искренним же он войдет в дружбу: а «дружба» и есть те золотые ворота, через которые проходит и в них озолачивается всякая хитрость.

Вообще когда воображают, что хитрый «вон тот человек» с ловкими манерами, учтивою речью, «себе на уме», умеющий помолчать и умеющий сказать нужное слово вовремя, тайно клеветущий на другого, пишущий анонимные письма, злословный, зложелательный и проч., и проч., — высокий, худой и бритый и говорящий по-французски, а у дам подходящий к ручке — то ужасно ошибаются. Чичиков? — Да это глупейший вертун, который подохнет в долговой тюрьме.

А вот я скажу о знаменитейшей книгоиздательской в России фирме (мне рассказывали):

Два брата. Очень богатый и просто богатый. Очень богатый пожелал, чтобы богатый его брат разбогател тоже до очень богатого. И сказал ему: строй дом, а я денег дам. Они были приезжие из Берлина, но не немцы. Приехали в СПб., а здесь квартиры дороги, и строить дома было выгодно. Вот тот брат и положил свои тысяч сто в фундамент, матерьял и мелочи. Начиная же с 4-го этажа все докладывал капитал старший брат: младший так и старается, не спит день и ночь и все следит за возведением своей собственности. Дом строился не мало время, махина: и когда был кончен, то старший брат и взял *его себе*, а младшего пустил по миру. Имея ту выгоду, что:

1) дом достался ему «себестоимость — 100 000 руб.»,

2) подрядчика и надзирателя постройки он не нанимал, а имел задаром превосходнейшего подрядчика и надзирателя, неусыпного, экономного, старательного к тому, чтобы вышло все как можно лучше, крепче, красивее и дешевле. «Не подрядчик, а золото».

«Взял» же он дом, п. ч. брат, вложив весь капитал в $\frac{1}{2}$ дома, естественно, не мог оплатить вексельного долга старшему брату, который ему говорил, что «дом» он постепенно оплатит из дорогих квартир. Но «говорил»-то он постепенно, а «потребовал» сразу.

Это мне рассказывал Аркадий Вениаминович Руманов, сотрудник «Русск. Слова». Так что все истина.

Фамилию этого «обходительного» брата знает вся Россия. В России он развил свою деятельность лет 10 назад.

* * *

16.VI.1915

...а все-таки *скольким* людям я помог (библиогр.). До 200-сот. Книжки пошли живее. Ну и читатели купили полезную книжку. «Домашние библиотечки» увеличились.

* * *

16.VI.1915

Жизнь вся полна спиритуалистических («магнетических», говорят) токов — город. улица, каждая семья. От них зависит «тяжелый дух» в городе, «тяжелый дух» у соседа, «легкий дух» — если, напр., придем к Романовым (Рцы). Здесь (сюда) отражается фальшь, изломы... Кокетство, честолюбие. От Ницше, я думаю, на 3 версты кругом был «тяжелый дух», от Серафима Саровского на 50 верст кругом лежал «легкий дух».

С этими «лучами из душ» смешиваются лучи солнца, свет луны, мерцания звезд.

Я думаю, они говорят: «тише, человек!» — «легче, человек!» Но темной или очень темной души (я думаю) и они не могут преодолеть.

Ну, Розанов: от тебя «легкий дух»?

Я думаю — легкий. Я в сущности хороший человек (хоть в голове и много вшей).

У меня в сердце хорошо — это я знаю.

* * *

Сегодня какая радость. Зашел с Надюшей проститься... «Ба! Алексей Толстой — дай-ка мне, мне надо цитировать *Василия Шибанова*». — «Я, папа, знаю его наизусть и сказала бы тебе. Отчего ты не спросил». То, сё. — «Ты, папа, любишь Надсона?» — «Нет». — «Я терпеть не могу. Такой противный». Я был поражен: все молодые его любят. — «Да. Он слащавый и деланный». — «Например, его *Крестьянка* (не читал, не знаю) — это такая гадость».

Поразительно. Это Пучек, который сочинял *Замужние девушки*. У всех их есть литературный вкус.

* * *

18.VI.1915

Грех, грех, грех в моих словах о Конст. Леонтьеве в «Оп. л.». Как мог решиться сказать. Помню, тогда б. солнечный день (утро), я ехал в клинику и, приехав и поговорив с мамой, — сел и потихоньку записал у столика.

Леонтьев — величайший мыслитель за XIX в. в России. Карамзин или Жуковский, да кажется и из славянофилов многие — дети против него. Герцен — дитя. Катков — извощик, Вл. Соловьев — какой-то недостойный ёрник.

Леонтьев стоит между ними как угрюмая вечная скала. «И бури веют вокруг головы моей — но голова не клонится».

Мальчишеские слова (мой о нем).

Как смел — не понимаю.

Вот еще что: письма его (к Александрову, в Бог. в., только что прочел) являют вообще по необыкновенной чистоте и благородству

души — что-то праведное. По качеству «Писем» — это 1-й писатель России за XIX в. «Все мы грешны, если к нам придвинуть Л-ва» и хочется сказать — Леонтьев *праведный*.

Как «*Праведный Беда Проповедник*».

Да. Такой же. «И шум камней упавших был ему ответом» (в каком-то стихотворении о Бедке Проповеднике).

* * *

18.VI.1915

Речка в Вырице. Тялдёж? Одрёж? Не мог внятно расслушать. Саженой 7—8 ширины, но глубокая, так что надо переплывать. В берегах довольно высоких, песчано-глинистых.

Быстрая. Очень. И идешь над ней — воды играют.

В вечном движении и молчании.

Молчит и играет. Чистая-чистая.

Рыбы, говорят, нет. Не надо. Чувствую — испортило бы все.

Жизнь под глазом. Вечно бежит «куда-то». Говорят, в Сиверской — по Варшавской линии — она же. Значит, на десятки верст. И дотекает будто бы до Финского залива. Значит, сотню верст? Больше?!

Вся «Вырица», леса ее, пески ее — без этой речки «ничего». А кажется, бежит речка, безрыбная и несудоходная — никому не нужно.

Между тем ею все цветет и живится. И вообразил я: должно быть, в Корее много таких речек, и как же было не воевать ее для будущих русских? Война была совершенно правильная. Хозяин должен заботиться «и о внуках».

Да. Но для Слонимского «нет внуков в России». Если и есть — переедут в Германию. Им все равно.

И вот он (много лет назад) прислал редактированный им выпуск какой-то «*Политической энциклопедии*» со своей статьей: АБАЗА. Здесь он громит как подвох и плутовство всю «*Войну за Корею*», клеветает, инсинуирует, инсинуирует, и на Хозяина, что война была «*бездушная и мошенническая*» и в высшей степени вредная для его, Слонимского, Отечества.

Но он не имеет Отечества (еврей).

Как же он смеет судить Хозяина и нас всех, когда он не наш? не мы?

— Да. Но он сотрудничает в «*Вестн. Европы*» и оплатил курс юридического факультета в русском университете.

* * *

19.VI.1915

Как мне хочется быть собакой.

Собакой, лошастью на дворе и оберегать Дом и хозяина.

Дом — Россия. Хозяин — «*истинно русские люди*».

(почти проснувшись вдруг)

* * *

19.VI.1915

Борьба с иудейством есть преодоление оптимизма фаллоса.

Но как же я его преодолею, если самая его сущность есть радость о себе.

БОЛЬШЕ и ЕЩЕ — в нем нет **НИЧЕГО**.

Это есть самое оптимистическое существо на свете.

Есть — и рад.

Рад — и есть.

Он «не рад» — поскольку его «нет» (не проявляется, не деятелен).

А как *деятелен* — уже eo ipso * — рад.

Удивительно.

Жиды знали, «в какую крепость им засесть». Крепость-то неодолима.

«Но будет мировая осень». Но тогда всем будет плохо.

Поразительно, что своею «Мешеаха» (особый еврейский Мессия) они связывают с *этим и в помощь этому*; не все знают иудейское учение: «Мешеах *тогда придет*, когда зародыши исчерпаются (т. е. когда он станет импотентом) у Израиля». Мысль не досказана или скрыта: «Надежда — на него: ибо он вновь наполнит нашу утробу зародышами».

* * *

19.VI.1915

Я выбираю людей только **ДЛЯ ЛЮБВИ**.

Для ума и соображений никогда не выбирал.

Для «политики» — тьфу.

* * *

19.VI.1915

Петух больше курицы.

Сверх того — такое злодеяние — имеет другое оперение.

Но «прогресс» все поправит. Образовалась целая партия уравнивания петуха и курицы. Курсистки, студенты, профессора, очень многие из журналистов и некоторые философы, вторгаясь в дома хозяек, остригают хвосты петухам, кистью и краской «приспособляют оперение к курице» и, наконец, беря ножницы и заливаясь кровью, обстригают мясистый гребень, причем петухи кричат благим матом.

«Потому что это **НЕ НУЖНО**».

Действительно «не нужно» ни петухам, ни миру.

Все бы ничего. Но такой ужасный вой в петушином и курином царстве. Довольны одни прогрессисты, «потому что их дело подвигается».

(смотрю на кур на даче)

* в силу этого, тем самым (лат.).

* * *

19.VI.1915

...да, ТОТ ЖЕ купол, как и везде.
всемирный...

Но только — сверху увенчан крестом.

Я отогнул край открытки, чтобы креста не было видно: — как
ВЫРАЗИТЕЛЬНО.

И кончиком ручки, тоненьким, закрыл прорези узко-длинных окон
под шапкою, в цилиндре: СХОДСТВО еще полнее...
НЕТ СОМНЕНИЯ.

*(письмо от Драгоева, на открытке: «Марфа-Маршинская
обитель милосердия. Москва»)*

* * *

19.VI.1915

Социализм представляется социалисту всем миром; около которого
плавают облачка, скоро имеющие распасться.

Стасюлевичу — важным европейским явлением, которым косвенно
должен заниматься его журнал.

Нашему губернатору — предметом переговоров исключенного студен-
та и нескольких гимназистов, к которым он прикомандировал соглядатая.

Царю — точкой. Но в ведении совершенно особенного департамен-
та, доклады по которому он выслушивает единожды в месяц.

Попу, солдату и мужику — ничем.

Осуществится ли он?

* * *

20.VI.1915

Все-таки революционеришки — паршивый народ.

Не по лицам некрупным, а по существу.

И вот почему:

Они не понимают БОЛИ.

Они не понимают СМЕРТИ.

Они не понимают РОЖДЕНИЯ.

О боли они думают: это пустой желудок. Это пошло и глупо. Есть
Рак. Селезенка. Печень. Есть Каин, убивающий Авеля не от голода.

Просто — плоскость. «Если раздавить клопа, ползущего по стене», то
мы «войдем в Царство Небесное». Я не могу верить такому социализму.

И о смерти: если б они ее понимали, они не понесли бы на пике
голову маркизы Ламбаль. «Потому что она аристократка». Ибо аристо-
крату умирать так же больно, как мне.

И они не понимают рождения. Мария Антуанета имела ребенка.
И когда была беременна, у нее было «все так же хорошо», как у ваших
жен и любовниц.

Подлецы.

Все, что я могу сказать революции и революционерам: — Подлецы.

И не хвастайтесь «государственными идеями» Мирабо. Они меньше идей того юродивого, который подал Грозному — в Пскове — кусок мяса. Тот сказал: «Теперь — пост, я не ем». Он ответил: «А мясо человеческое ешь в пост?» Это короче его 10-томного «Рассуждения о Прусской монархии» и гораздо яснее и полнее.

Да рассуждения Мирабо и не могли быть глубокие, ибо кто не понимает рождения и боли — не может быть в глубине вещей политиком, строителем царств и городов.

Московские цари были глубже французских политиков. Потому что они пели молебны. Даже Иван Грозный «трезвонил». Обманывали, копили деньги (Калита), все — «по-нашенскому». Так как они были «по-нашенскому», то они роднее, ближе народу, чем франтоватый Мирабо. Мирабо был хлыщ политики, а не мудрец ее. А московские цари были мудры и «сколотили» обширнейшее царство, не чета «*Refléxions sur monarchie prussienne*» *.

Цари понимали боль, роды и смерть, — и они «кость от кости народа крестьянского», а народ крестьянский есть первенствующий по смыслу в царствах и в истории народ, и воистину «каждый крестьянин есть царь по державному устройению ума и души».

Вот. •

Еще что сказать об этой шушере от 1789 года до 1881 года: что они шушера опять не по лицам, а по существу своему: ибо они — предали, суть предатели.

Революция — предательство.

Это — раскол, дробление, «две части», «мы и вы».

А человечество — я.

Субъект.

Единое.

Как Одно Небо и Один Бог.

(за кофе утром)

* * *

21.VI.1915

Все утомительно.

Не утомляет только благородное.

(читаю «Яму» и вспоминаю двух курсисток в Москве и Одессе, — «к которым неблагородство не сумеет подойти»)

* * *

22.VI.1915

Да русским вообще ничего НЕ НУЖНО.

До Пулковской обсерватории доехать 1/2 часа от СПб. Я 23 года живу в СПб. и никогда не видел ни одного человека, который бы «доехал».

* «Размышления о прусской монархии» (фр.).

Ругаю за это. Но и САМ «не доехал».

Что же это такое?

∞

∞

∞

Размышляю. Ищу. Догадываюсь. И нахожу успокоение: **ДА РУССКИМ ВООБЩЕ ХОРОШО** и без Пулковской обсерватории.

Вот небо. Бирюзовое (сейчас) (20 м. 7-го вечера, 22 июня). Внимательно всматриваюсь, припоминаю цвет бирюзы (видал у персияшки), и вижу, что сколько хватит глаз — осколок бирюзы, опрокинутый над нами. В столько верст ширины. Что за это дать? Можно царство отдать.

А я имею даром. Каждый день. В своем употреблении. Которую никто не отнимет.

И пью чай с ватрушкой. А дети собрали чашечку земляники.

И вот я не еду в Пулково. Зачем я поеду, когда «тут» лучше Пулкова?

Ясно. Арифметика.

«Мы ленивы и нелюбопытны» оттого, собственно, что «у нас за печкой» живут прелюбопытнейшие истории и что нам не надо и со стула встать, чтобы достать рукой до бирюзы в целое небо величиной.

* * *

22.VI.1915

Русскому человеку все русское любо.

«Не говоря уж о законах»: но вот что — нравится и русское беззаконие.

«Как в сем случае русский человек оказал смекалку».

(читаю Лескова «Русское тайнобрачие»)

* * *

22.VI.1915

Хвастовство — всегда противно. Противнее хвастовства ничего нет. И вот этим-то противным пропитана вся революция.

Все они влюблены друг в друга — влюблены в себя. Посмотрите «Подпольная Россия» у Кравчинского (Степняка). Прямо пишет эстетические святцы. Кроме «небожителей» и не встречается других.

В «Русск. Богатстве» за месяц или за два до войны я читал захлебывающееся сообщение о «бабушке», как она поживает, в чем ходит и что кушает. Эта чудовищная старуха, родившая для Руси знаменитого Брешко-Брешковского (сотрудник и романист «Биржев. Ведом.»), на самом деле существует в революции «для последнего закала» убийц политических. Живет она за границей. И вот кого революция приспособляет к убийству, — то их, после предварительного воспитания, на месяц, на два переправляют за границу к этой «бабушке», уже древней старухе теперь, которая наспиговывает несчастного юношу или девушку такую

специфической ненавистью «к правительству», что он (она) готов на рожон лезть. Когда все кончено, она «благословляет на подвиг», юноша переезжает границу, ему дают бомбу или отравленный кинжал, и он «погибает смертью храбрых» (жаргон революции).

Эта Ведьма хорошо знает свою роль, но так закурена жидовскими фирмами, что ей и в голову не приходит, что ее роль лежит неподалеку от роли Азефа: приуготовлять к виселице.

И вот она охорашивает и охорашивает барашков.

Цензура, или совершенно провокаторская, или совершенно очумелая, пропустила сей печатный акафист царубийце (Ек. Брешковская).

Как не быть революции? Молодежь наша вся затянута дымом ее, который не пропускает ни одного луча света. Она читает такой сплошной фирмам революции, что у нее нет никакого средства, никакой нити добраться до реального положения вещей.

(за «Рассказом неизвестного человека» Чехова; и этот — пошло льстит «конституции»)

...да, к чему я говорил? — А вот к чему. Литературная революция, да и общественная (разговоры) рухнет в один прекрасный день вся и без остатка.

Мне немножко непонятна история борьбы правительства с революцией, — именно та часть «мероприятий», которая показывает, что правительство как будто серьезно с нею борется. Их стараются изолировать, сажают «в одиночку», не дают друг с другом (общаться): тогда как (на мой взгляд) им надо бы было дать обкормиться друг другом, говорить и переписываться сколько угодно и, словом, «еще усилить порцию водки». Но вернусь к делу: революция умрет разом и вся, как только душа человеческая наконец пресытится зрелищем этого монотонного вранья, хвастовства и самовлюбленности.

Она умрет эстетически. Ну, а таковые вещи не воскресают. Людям будет всеобщее гадко глядеть на эту ораву хвастунов, лгунов и политических хлыщей. Главное — последнее. «Хлыщ» может играть роль $1/2$ века. Но века? Но 500 лет? Нет, нет и нет.

* * *

23.VI.1915

...да русские *отучены* от дела; от самых форм делопроизводства, управления и т. д.

Бедными гимназистами они покорно сидели на партах и по вызову преподавателя отвечали выученный дома урок. Студентами — отдыхали, т. е. кутили.

Надеюсь, это не «инициатива к делу».

Потом томительно ждут, «куда их примут». Их принимают из милости и поручают переписывать сперва, а затем по усвоенной

в переписке форме — и «самим писать» бумаги. Дальше этого «сам пишет по форме» не идет или очень редко идет дело.

Но управлять, командовать, соображать? Как-то даже странно, чтобы это делал «Алексеев», а не «Гальмстрем» или «Якобсон». Гальмстрем и Якобсон рождены для этого, а русские решительно рождены «для поручений».

Тут лучшие и счастливые из них еще умеют как-нибудь улыбнуться и тогда что-нибудь получают. Или — через женитьбу. Тоже устраиваются многие. И даже доходят до «вице-директора» и «помощника управляющего».

Жалкое племя. Не умевшее удержать отечества в руках. Похлопаешь по плечу и скажешь: «Что же, Иван Иванович,— тебе осталась еще революция. Сюртучок не помог, авось поможет косоворотка».

Русский переодевается в косоворотку и начинает дико вращать глазами. При встрече с квартальным — злобно и высокомерно на него смотреть.

Только поужинать нечем.

Но может прочесть в утешение статью Венгерова и Михайловского на тему «Не имамы zde пребывающего града, но грядущего взыскуем».

* * *

23.VI.1915

День — связаны. Ночь — развязаны. Ночью мы «сами» и «одни».

* * *

23.VI.1915

— ...та история с Добролюбовым, которая «восходит» и «докатывается»... Что же, вы думаете, это вечно?

— Не я думаю, а греки. Которые когда построили «Элевзинские таинства», то о них рассказывали, что там «слышалось», а рассмотреть было ничего нельзя. Как и Добролюбову в его странном situation.

И слышишь призывания: «ιαω, ιάω» *. Непосвященные думали, что это «призывали Вакха».

* * *

23.VI.1915

Для всей инородчины, еще более для всей иностранщины это было гениальным «дать шах и мат Руси» — выкинуть всю так называемую «интеллигенцию» в революцию, в бесплодную и (естественно) бессильную борьбу с правительством... Втравить провонявшегося глупого пустоголового русского «разночинца», который один мог бы ей составить

* возглас «иао» (греч.).

соперничество в конторе, в банке, в страховании, в распрю «с чиновником, который не дает жить золотым русским головкам», «свободомыслящим русским человекам», — и, с другой стороны, кивнуть министрам, чиновникам «И ПОВЫШЕ»: что же вы будете делать, как же вы будете устраивать и организовывать страну с этою сволочью, «с этим Стенькой в колыбели», «с этим Пугачевым, сосущим титьку матери»...

«Немец обезьяну выдумал»: ну, он выдумал кое-что получше и похитрее: как. обр. дети обширнейшей в мире страны, будучи мерзавцами своего отечества, самыми обыкновенными и прозаическими мерзавцами, воображали, говорили, писали и печатали о себе, что они суть «соль земли своей», и укреплялись в этом мерзавчестве, повторяли, дико вращая глазами по сторонам: «что будет, если соль обуюет? И в Отечестве нечем будет посолить супа???!»

Да. Что «будет» без вас, золотая интеллигенция.

И эти вшивые предатели думали, что играют роль даже в мировой культуре.

* * *

23.VI.1915

Всякий человек имеет свое пьянство.

— У тебя, Василий Васильевич?

— Пьянство литературы.

«Поколико живу — потолико пишу. Поколико пишу — потолико живу». Забавно и печально; но истинно.

* * *

23.VI.1915

12 быков и одна корова.

Через год будет 12 быков и корова-проститутка.

12 коров и один бык. Через год будет «25 голов рогатого скота».

∞

Вот об этом подумать бы духовенству.

∞

Смотрит «Солнышко» сверху и думает:

Везде — хорошо, только у одного человека безобразие. «Наименее разумное животное».

* * *

23.VI.1915

«Корова-проститутка» — и не «испорченность природы своей» или «грехопадению» и не «по порочности личной», а *по положению*.

В духовной литературе да и в духовной голове нет и не поднималось ни однажды вопроса «о проституции по положению вещей».

Но не находите ли вы, что при том множестве холостых людей, которых вы развели,— развели медленно, развели незаметно, развели для вас самих — неуловимо,— явится везде отношение «12 быков и 1 коровы».

Ибо ведь девы-то абсолютно запрещены,— по вашему требованию, догме и двутысячелетней дисциплине. «Девушка с брюхом да убьет дитя свое и удавится сама».

Итак, когда 12 быков и 13 «женского пола», то из них 12 «не нашло себе судьбы»,— то и получается: 12 быков и 1 замужня: которую быки неодолимо превратили в проститутку.

(для размышления Павла Флоренского)

* * *

25.VI.1915

Ночь — час свободы и тайн.

Господи, как хорошо. «Благодарю Тебя не за то, что Ты создал день, а за то, что Ты создал ночь».

* * *

25.VI.1915

Я соглашаюсь, что они «развращенные» люди,— притом «еретики», т. е. «не наши»: но я не понимаю, зачем же «всем вместе»?

И то же как у Добролюбова: лица не видно, а слышны одни вздохи.

(хлысты)

Вдумываемся и находим огненную тайну, что приятно не одно, что приятно *мне*, и чувствую не одно, что чувствую *я*, но чувствую иным и высшим чувствованием, что чувствует *он* — именно *высшим*, которое не достигается и которое более грубо, чем когда чувствую *я сам*. Ибо вместо «гостя» ведь мог бы быть Добролюбов САМ.

На этом можно объяснить происхождение мира. «НЕ ПО ДАРВИНУ»: что некогда ТОТ, КТО ВСЕ МОГ, в одном был ограничен: что никак не мог попасть в счастливое положение Добролюбова, ибо все только «САМ»,— вечность и САМ, бесконечность тусклых пространств и везде ОДИН и САМ.

Сам — бесконечен, но В СЕБЕ. И этим ограничен. Но загадка заключается в особой сладости «НЕ САМОМУ»: и тусклые пространства и бесконечность времени Он исполнил вздохами, запахами, пахучими смолами,— и по весне несется, наполняя **ВСЬ ВОЗДУХ**, цветочная, древесная пыльца...

И дал заповедь всему, смертную дал.

(засыпая)

* * *

23.VI.1915

Псевдонимы в природе?

Кит — «чем не рыба»: на самом деле — животное, как корова.

А летучая мышь — «совсем как птица». Да,— по одеянию. А на самом деле — как заяц.

Что это? Можно еще найти примеры: морж, тюлень (кажется).

Что же это такое? «Господь допустил в мир театр?» Ах, Библия: не будь такой серьезной.

В мире есть шалость, улыбки и «за ширмами». Вообразите, Бог создал «игру в прятки». Ей-ей,— это открытие Розанова. Никому на ум не приходило.

* * *

Вот эти «хитринки» мира ужасно интересно обдумывать. Дарвин совсем растягивается «лицом в грязь» и бормочет: «какой я ДУРАК».

— Друг мой. Тебе от рождения говорили, что ты дурак, а ты не верил.

* * *

23.VI.1915

Самые лица и Пинкертона и Холмса мне ужасно нравятся. Это не то, что «наши писатели», в галстухе и с бородой.

У Пинкертона глазок так и заглядывает вам за ворот рубашки. Недоверчиво, умно и спасительно.

Холмс с трубочкой — это шик. Я прямо *любил* его за этот вид, почти как Гарри. «Холмс не выдаст меня» и «справится со всяким».

Как жаль, что они иностранцы. Не ко времени.

∞

∞

∞

Вчера прочел: «Начальник движения (т. е. хода поездов) Северо-Западных дорог (т. е. Варшавской и Балтийской линии), действительный статский советник инженер такой-то (немецкая фамилия) сослан в Енисейскую губернию, как имеющий *двойное подданство*» (т. е. германское и русское).

Что за рохли. А Рухлов — «истинно русский человек». Неужели же у нас не было русских инженеров? А гениальный Щукин («щукинские паровозы»,— Луга — Спб.).

Около всякого «истинно русского человека» должен стоять по его простоте Шерлок Холмс.

* * *

25.VI.1915

Что́ в зоологии — то́ и в истории.

Быки. Коровы...

Птички. Кит...

— Восток. Греция. Русь.

Евреи устроены спрутообразно.

Сосут, п. ч. кончики ног, рук, рта, головы — с присосочками. И сосут, к чему бы их ни приложить.

Сосут как дышат.

Сосание необходимо как дыхание.

Ничего не поделаешь.

Нельзя судить, осуждать. Колотить можно.

Зубы у волка. И он дерет. Но у быка рога, и он бодает, а у коня копыто, и он лягает.

Евреи всё жалуются, зачем конь лягается.

«Лягается, п. ч. ему больно. Ничего не поделаешь».

Мир, однако, не создан к гибели, но к «событиям».

Я думаю, ни евреи никогда не дососут, и бык никогда не долягает их до смерти.

Евреи будут вечно тучны. Богаты. В основе глупы, «с одним умением сосать».

Нация без песен. Без повести и рассказа.

Народы около них вечно будут рахитичны, бледны, малокровны и немощны.

Как человек с солитером.

И выходя из себя — принимать «не эстетические меры».

(в вагоне)

* * *

26.VI.1915

Румынский оркестр играет...

Травиата умирает...

— И это сотворил?

— Все Бог.

Бреду по Загородному. Аптека. Кабак. Одни спешат в аптеку, другие заворачивают в кабак.

— И это все создал?

— ...

Фу, черт. «Вот уж пирог: в одном углу с вязигой. В другом с грибами. В третьем с яблоками. В четвертом с мясом».

— Кому что нравится.

— И это все заготовил.

— ...

Господи. Мне страшно жить.

(ем осетрину в Квисисане)

* * *

26.VI.1915

Из двух благотворителей один отвернулся, а другой был очень добр — но ему было лень засунуть руку в карман.

С которым бедному лучше?

(бреду по Литейному)

* * *

27.VI.1915

В минуте иногда больше содержания, чем в годе.

А когда приходит смерть, то в ее минуте столько содержания, сколько было во всей жизни.

«Что же такое *время?*» И — час, год, неделя?

(у Филиппова за кофе)

* * *

27.VI.1915

Они понимают, что «не надо есть от *бедра*», но не понимают, что такое Россия.

Почему же они о ней судят? (Как смеют.) И подсказывают русским, как судить о ней.

Мы не учим о их бедре. Они не должны учить о нашей России.

Почему же Кугель пишет, Столпнер ораторствует, Гессен юриспруденствует. И все — о России, а не о бедре.

Все три — захватив наших Милюкова, Философова и других «нуждающихся».

* * *

27.VI.1915

Понимать можно разумом и любовью.

Я не допускаю, чтобы они могли обнять разумом Россию (слишком мелки). Но вот что совершенно же неоспоримо: что они не понимают России любовью (и ни за что — бьют).

Как же они судят? Через один Разум? И притом — свой разум, пошедший «от бедра».

(конка в Вырице)

* * *

27.VI.1915

Антиох IV Эпифан воздвиг гонение на иудеев (Маттафия, Маккавей). И фараон, который-то воздвиг гонение на иудеев. И при Александре III было воздвигнуто гонение на иудеев, — по крайней мере по жалобе газет еврейских, за границею и в России.

Почему иудеи, из которых многие кажутся такими умными, ни однажды не предприняли изучить, обследовать и ответить, отчего же не было

- 1) «гонения на персов»?
- 2) «гонения на индусов»?
- 3) «гонения на греков»?
- 4) «гонения на римлян»?

Да: еще было «гонение» при Тарасе Бульбе, когда никакой полиции и политики, «возбуждающей против несчастных», не было; и не было «националистических газет», — «натравливающих на израильское племя».

Почему, почему, почему никто, ни разу, нигде не взял это темой серьезного любопытства?

Почему, г. Кугель?

Почему, г. Бикерман?

Почему, Любош?

Я забыл: и у персов было «гонение»: когда «злой Аман» и т. д., и явился Мардохай и Эсфирь, понравившаяся Царю.

Самые способы их защиты («девчонкой») как-то отвратительны.

* * *

28.VI.1915

Мошенник всегда имеет вид фанфарона. И понятно теперь, почему радикальные писатели «не вступали в полемику» со своими противниками, отчего они «не подавали руку» людям иного направления и именовали себя единственно «честными гражданами России».

У каждого из них нога была привязана на ниточку, и все ниточки сходились в Берлинской политической полиции. Оттого они были так «свободны в России», держали так «независимо себя от русского правительства», критиковали вечно министров, а на улице говорили грубости «квартишкам» и «приставам».

Издали и невидимо, «потаенными знаками», они «отдавали честь» берлинскому «супер-полицмейстер-провокактору».

Бедные судьбы 9/10 русской прессы. То-то в «Русском Богатстве» ни разу, ни разу, ни разу не говорилось о немецких колонистах-магнатах, о «латифундиях» немцев в Екатеринославской и Елизаветпольской губерниях. Последовало бы:

— Цыц. Не то! Только — русских помещиков, русское дворянство, русского купца-кулака, русские монастыри-собственники.

Бедная, бедная, бедная, несчастная русская литература... 9/10 и 50 лет.

* * *

28.VI.1915

Хорошо ли шьют полицейские?

.....

на этот вопрос отвечает социал-демократическая литература, написан-

ная замечательно-отвратительным слогом, каким-то канцелярски-тусклым, безличным, «общим», — таким же у Пешехонова, как у Мякотина, таким же у Мякотина, как у Пешехонова, и у обоих сходно с Петрищевым, и у всех троих сходно с Керенским, и у всех четверых сходно с Изгоевым. Впрочем, Изгоев «правоверный марксист». Но Маркс «завершил социализм». И черт их дери, и черт их не разбери. Ссорятся. Кусаются. И кажется по мотиву: «Отчего *тот* получает из Берлина 375 ежемесячно, когда я также пишу, — язвлю русское правительство *не хуже* его, — и остаюсь пятый год социал-демократической работы все на 280 р.».

(к истории «Интернационала», как она раскрылась в Германской войне)

* * *

28.VI.1915

Выстрелил и убежал.

Ткнул ножом («трехгранным кинжалом») Кравчинский Мезенцова и убежал.

Что́ же это против такого сообщения («Русские Ведом.» № 147 от 27-го июня 1915 г.):

«26 мая неприятель перешел в наступление громадными силами из района Лидовян и, избегая удара на Эйраголу и Бетиголу, ударил выше их, по течению реки, в направлении Шидлово, и таким образом обнаружил намерение обойти наш правый фланг. Наши войска в районе Шидлова отошли, а соответственно было уступлено неприятелю некоторое пространство на нижней Дубиссе; однако Эйрагола и Бетигола были нами удержаны.

Удар германцев был чрезвычайно стремителен, и лишь невероятная стойкость и высокий дух наших солдат помогли им в отражении этого удара. Особенно отличились наша кавалерия и ее постоянная спутница — конная артиллерия, передвигающаяся так же легко и быстро, как и сама кавалерия. Роль кавалерии была особенно трудна и почетна, потому что ей все время приходилось действовать в пешем строю, стоять в окопах, выдерживать натиск неприятельской пехоты и вместе с тем в случае надобности снова выполнять обычные кавалерийские задачи.

В трехдневном сражении наши войска выдерживали натиск вдвое, а местами и втрое сильнейшего неприятеля. Когда был закончен обход, кавалерия с конной артиллерией немедленно кинулась в опасное место и, вовремя заняв позиции в угрожаемом районе, выдержала натиск подавляющих сил противника. Сюда также успели подойти и некоторые пехотные части и приняли на себя часть германского натиска. Небезынтересны некоторые эпизоды трехдневного непрерывного сражения. В одном месте неприятельская колонна, численностью около батальона, двинулась на нашу правофланговую роту, вместе с которой действовали 4 сотни казаков, грозила раздавить их и прорваться к нам в тыл. Пехотный огонь мало останавливал все приближающуюся германскую колонну, она была уже в 600—700 шагах от наших окопов. Тогда командир конной батареи скомандовал: «Батарея, вперед!» — батарея карьером помчалась на неприятеля, встала шагах в ста впереди окопов и сразу открыла убийственный огонь по неприятельской колонне. Стреляли гранатами, прицел был поставлен на 400 шагов, другими словами, — стреляли картечью. Немцы шли по открытому месту и, несмотря на огонь, продолжали подвигаться, надеясь захватить батарею.

Дорого обошлась неприятелю эта попытка, — через полтора часа от германского батальона ничего не осталось, и лишь несколько десятков людей убежало в лес. Когда немцы были отброшены, наши вышли осмотреть поле сражения и насчитали 670 германских трупов. За эти полтора часа конная батарея выпустила около 600 снарядов.

Удачно работала наша тяжелая артиллерия, отличавшаяся особенной меткостью стрельбы. Германцы же применяли способ ураганного огня и, например, в местечке И. в течение трех часов совершенно сровняли с землей наши окопы. Хорошо, что в них никого не было.

Бой все развивался, а между тем к нам на помощь шла... дивизия. Она буквально пробежала до места боя 40 верст и, не передохнув ни минуты, бросилась прямо в бой. Удар свой она вела от нашего правого фланга и всей массой обрушилась на германский фланг. В коротком бою немцы были смяты, опрокинуты и побежали. Началось общее их отступление. Наша пехота, одушевленная успехом, бросала мешки и бежала за неприятелем, крича: «Кавалерию вперед!», а кавалерия уже мчалась за бегущим в беспорядке противником и лихими конными атаками приводила его в полное расстройство. Казаки и уланы врывались в отряды бегущей пехоты, рубили и кололи пиками и шашками и забирали пленных.

В общем до 7 июня было взято до 2000 пленных, несколько десятков офицеров и около 20 пулеметов. Немцы понесли крупное поражение и отошли к своим прежним позициям. Снова началась окопная война с вечной перестрелкой, снова реяли аэропланы, бросая бомбы, происходили стычки разведчиков. До половины июня не произошло никаких новых событий в этом районе. Обе немецкие колонны были разбиты и перешли к обороне».

По мужеству (немцев — умереть, да и наших тоже — умереть) это просто мышьяная война. Я говорю о революционерах. И «выше» мышьяго не поднимались их Кравчинский, Желябов, Сонька и Верка.

* * *

28.VI.1915

...это не столько окно в Европу, сколько размалеванный балкон, на который русские барчуки и барыньки «выпяливаются» перед Европой, — после сна, мордобитья, карт и водки «у себя дома», во внутренних апартаментах.

«На Европу смотрели» скорее из Москвы разные «архивны юноши», издававшие «Европейца» и занимавшиеся Гегелем. Из Петербурга же русские ни на что не «смотрели», а «казали себя», — «насколько мы образованны».

* * *

28.VI.1915

Есть история говорюв, шумов, событий...

И есть история молчания.

— Того, о чем было промолчано.

И эта-то — главная.

А «та» — так себе.

30.VI.1915

— Замолчи, мразь,— мог бы сказать Чацкому полковник Скалозуб. Да и не одному Чацкому, а САМОМУ. Ты придрался, что я не умею говорить, что я не имею вида, и повалил на меня целые мешки своих фраз, смешков, остроумия, словечек: на которые я не умею ничего воистину ответить. Но ведь и тебя, если поставить на мое место — то ты тоже не сумеешь выучить солдат стрелять, офицеров — командовать, и не сумеешь в критическую минуту воскликнуть: «Ребята, за мной», и повести полк на штурм и умереть впереди полка. Почему же я «пас» — раз не умею по-твоему говорить, а ты «не пас», хотя тоже не умеешь сделать, как я? А послушать тебя, то выходит, что я нахожусь в вечном *пассе* перед тобою, как дурак перед умным, как недостойный перед достоинством, почти как животное перед человеком. Какую же ты гадость написал? И какая вообще пакость есть уже самая твоя мысль, намерение и (якобы) идеал. Это есть намерение поставить «слово» выше «дела», превознестись с «умею слово» над «умею дело». Это есть разрушение миров,— опять хаос,— отрицание истории,— ничего. Хуже твоей подлой комедии ничего не выходило из-под человеческого пера: ибо приходили разбойники с зазубренными ножами, а ты разбойник и вор пришел с 12-дюймовой пушкой. Ты пришел с окаянным гением и на окаянное дело: — разрушить дома всех честных людей, ибо ведь «дома»-то эти суть дело и работа; и разрушить хозяйство — ибо это тоже ведь не «слово», а дело и трудная забота. Что же ты сделал? Ты очаровал всех и повел всех за собою,— в некоторую пустыню, где негде уснуть и отдохнуть, где палит солнце и некуда спрятать голову и морозит холод и негде согреться. Но гений есть гений, и он вечен. Сожри же сам свою комедию, живи и жуй ее, схвати и грызи ее, и вообще, изъев этот яд из наших тел, введи его в свое кровообращение: и живи в вечной муке. Нам есть «вечная память», прочная и любящая, и ее составила кроткая церковь, ни над кем не смеющаяся и не знающая твоего зубоскальства. Эта «вечная память» — протянута над всеми людьми труда и скромности. Иной памяти мы и не знаем: но нам сказано, что будет какое-то «пламя неугасимое» и в нем «скрежет зубовный». И краем уха мы слышим, что есть где-то такое место. Вот помывшись о нем и взглянув на тебя, мы догадываемся, что «место» создано для тебя, и «ты» для места. И предсказано об этом, п. ч. таковые есть в самом деле, и они предвечно и вечно обречены жить и появляться и устрашать людей и наводить на них тоску.

Наше благословенное царство — не ты.

И ты — не наше царство.

Отыди. Ты не человек. Но место тебе уготовано с дьяволами. Там они почитают твою комедию и повеселятся о ней. А нам ее не надо.

30.VI.1915

Скалозуб, однако, не договорил, и я договорю за него:

— Не стыдно ли человеку с умом и талантом, но бездельному, поджав руки в боки и глядя с высокого крыльца,— с «крыльца литературы»,— на труд рабочих на грязном дворе, смеяться, остерить и зубоскалить над тем, как они месят глину ногами, как они выносят в «выгребную яму» ушаты с помоями из кухни, как они носят дрова в дом, дабы было тепло этому посмеивающемуся над ними барчуку, и кряхтят под ношами дров, подымаясь по высоким лестницам, а дрова так страшно давят на спины, согнутые колесом.

— Свинство. Свинство, сударь, изволите делать. Креста на вас нет, да и Христа в вас нет. Бесстыдник вы, ваше вско-благородие.

Комедия «Горе от ума» есть страшная комедия. Это именно комедия, шутовство, фарс. Но как она гениально написана, то она в истории сыграла страшную роль фарса — победившего трагедию роль комического начала — и севшего верхом на трагическое начало мира, которое точно есть, и заглушившего его стон, его скорбь, его благородство и величие. «Горе от ума» есть самое неблагородное произведение во всей всемирной истории. Ее смысл и дух — гнусный. Она есть гнусность и вышла из гнусной души — из души мелкого самодовольного чиновника министерства иностранных дел. Ее смысл и, так сказать, историческое situation — страшно. Благодушие народное пришло и посмеялось, «отдохнуло вечером» и нимало не рассердилось, хотя пошляк-автор явно говорил: «Я над тобой смеюсь». Это благодушие вытекло именно из величия народной души,— и чем опрокинуло этот глупый смех, показало, как он неверен и просто *ничто*. Комедия «Горе ума» была бы страшна, если бы она вместе с тем не была *ничто*, и была не столько «села верхом на трагедию», сколько «попыткою сесть верхом на трагедию». В конце концов и в верховном абсолюте благородное все-таки окажется благородным, а низкое останется низким — п. ч. *оно есть низкое*. Торжествуют чистые идеи, а не идеи приспособившиеся, «сподличившие» и «преуспевшие». Грибоедов был весь «в преуспевании»: но его тщеславный ум («Горе от ума») в конце концов, вот в этих строках моих, сел в рубище и голый на дорожке и зарыдал, и совестился, когда я ему сказал просто:

— ПОДЛЕЦ.

Он зарыдал о гнусных поступках своих, о гнусной роли своей в течение века — около народа мерзнущих, холодных, месящих глину ногами, пахущих землю, стреляющих во врагов, лезущих на отечество, и принимающих выстрелы в грудь свою от этих врагов и умирающих в чистом поле в безвестных «братских могилах»,— без попа, без обедни, без «покрова» на что-то свое.

— Солдат.

— Смирить, Грибоедов: и сними сапог с усталой ноги солдата Еремеича.

Вот.

Вот тебе правда.

* * *

1.VII.1915

Приблизительно с 1/2 XVIII века в Европе рождался новый дух. И вот 15-й год XX века, и дух этот остается тот же. Державный. *Единодержавный*.

Ему подчинены поэты, ораторы, философы, политики. Гениальные люди и ограниченные. Все.

В чем же его новизна?

Насмешки над католичеством были до 1/2 XVIII века. Как и оппозиция королям была же. Но все касалось подробностей, частных, злоупотреблений. Люди хотели, чтобы короли были *хорошие*, — но все-таки короли. И чтобы священники были скромны, благочестивы, молитвенны. Но никто не отрицал священства в корне.

Люди европейские жили довольные Европою. Ее *складом* жизни. Ее *духом* жизни. «Реформы всегда необходимы, потому что всякий дом, *починяясь*, тем *дольше проживет*».

И вот выступают энциклопедисты, Гольбах, Ламетри, Гельвеций. Вольтер 50 лет смеется. Он *вообще* раздражен; они *вообще* «недовольны»... Тут ужасное слово — «вообще». *Чего* оно касается? Всего и ничего. «Все еще можно потерпеть»... «Пока»... «Но — *ничего* не дорого».

Пропали эти «дорогие короли». Эти «святые священники»...

Ха! ха! ха!

Пропало доверие к «святости», исчезло вообще из мира представление «дорогого»...

Главное — «вообще», ужасное «вообще». Оно ни во что упирается, но оно все обнимает.

«Человек происходит от обезьяны».

«Атомы. И они движутся. Вот и все».

«Кусочки и их движения». Такова космология. Где же тут родиться нежному.

Где же тут остаться нежному.

«Человек — скотина. А я да ты — две скотины».

«Система скотских отношений — социология» (Конт, Спенсер).

«Мир — вообще свиньи, все они должны быть *сыты*».

А «сытость» — мировая проблема (социализм).

Скажите, пожалуйста, где тут остаться «священному» и «королю». Основные фигуры — чернорабочие в блузе и «безработный» хулиган.

Они и суть тайным образом — «короли». «Его Величество — большинство» (формула Достоевского в «Дневнике писателя»).

Католичество, государства, дипломатия — все это археология.

Рынок и торговка — вот суть всего.

Железная дорога и телефон — дух всего.

Свиньи-то, я думаю, поссорятся? И хулиганы передерутся? Непременно. Это наши «партии».

Классовая борьба. Зачем не договорить — профессиональная борьба.

Пока еще «рабочие» идут на «дворян». Но, подождите: слесаря пойдут на ткачей.

«Кушать всем хочется».

Таким образом, самое «Тело Европы» перерабатывается. Идеи вообще все отстраняются. Всякие идеи. Позументы, золото. Бриллианты и прочие камни. Есть просто:

1) едущие («я ем»),

2) работающие,

3) в блузе и шапке,

да еще:

4) женщина. «Мы с женщиной», «женщина с нами».

Около всего этого — огромный счет. Выкладки, арифметика. «Мировая контора» (марксизм).

Самые искусные конторщики, конечно, евреи. И реальным образом «европейское дело» подвигается к тому, что евреи разольются поверх всего «маслом», а под ними будет плескаться европейская «жижица», эти рабочие классы англосаксов, немцев, латинских рас, славян. Переворот-то апокалипсический: «И понесут нас на плечах своих» (Исаия). «И придут короли и восплачутся» (Апокал.). Да неужели же сейчас МАРКС не есть более крупная фигура, чем Георг VI английский? Даже странно спрашивать. Ни Эдуарда, ни Георга решительно никто «не несет на плечах своих», тогда как Марксу кричат — «Осанна» даже русские мальчики.

Со времен Вольтера и Руссо королевская власть в Европе перешла к «духовным вождям» Европы, к «идейным вождям» массы.

Байрон. Шелли. Гейне. Ибсен. Толстой. Кугель.

«Потому что он издает газету».

«Мерзавец, издающий газету» — теперь всех победил.

«У меня пишут Любош и Оль д'Ор», — говорит Пропер.

— Осанна Проперу...

— Осанна Любому...

— Осанна Оль д'Ору.

«Русская женщина» не нарядует. Гимназистки не нарядуются. Пропер говорит:

— Их бедных переобременяют. Нужно распустить на летние вакации прямо после Пасхи...

«Осанна Проперу. При Толстом нас морили латынью, исключали, истязали. Но пришел Пропер и все это отменил».

«Осанна Проперу, сыну Давидову. Он дал нам *Биржевые Ведомости*, в которых начался печатанием новый порнографический роман».

Что же, очень хорошо. По обезьяне — и клетка. Обезьяны — и обезьяний писк.

* * *

1.VII.1915

Вся борьба, которая идет (начнется,— я думаю) в Европе, будет борьбой за благородное.

До сих пор царил фетиш *гения*. «Все поклонились гению». Поклонились Бэкону. Байрону. Грибоедову. Гейне. Гоголю. Любошу.

Пройдет некоторое довольно долгое время «поклонения всё *Биржевым Ведомостям* и пишущему в них Любошу». Пока всем это не надоест и все сознают наконец:

— Но ведь это пошлость!

— Позвольте: но *как* она написана? Пошлость, которая написана Грибоедовым,— уже не есть пошлость.

— И что написано Гоголем — во всяком случае не пошлость.

— Нет, господа. Гений — гением, но и содержание — тоже содержанием. Ведь они писали про пошлость и пошлостное. Мы поклонялись до сих пор форме. Все это — формальные гении, все это — гении формы. Нужно поклониться прекрасному не по форме, а прекрасному по содержанию. А прекрасное в сути и содержании — это *святое*.

— Это — человек, а не обезьяна.

— Это — не корыто, а — *подвиг*.

— Это — холод, голод, нужда. Но — *с хорошей душой*.

— Господа! будем искать хорошую душу и поклонимся ей.

* * *

1.VII.1915

Когда незадолго до революции 1905 г. бывали случаи убийства священников и ограбления, то никто из печати не сказал «ах» и не пискнул.

И когда суд засудил «за разврат с послушницами» епископа Зосиму (см. книгу Жиркевича, подробно разбирающую этот суд), который на самом деле (после какой-то болезни и операции) не имел самых органов, которыми «совершается разврат»: то хотя об этом ген. м. и военный прокурор в Вильне Жиркевич написал книгу со множеством документов — никто из газет (к тому времени уже почти сплошь жидовских) не заметил этого, не оглянулся на это.

И трезвон печати «о разврате епископа» так и повис в воздухе.

А о зарезанных священниках печать только интересовалась: «При нем были *деньги*», и тоже докладывала об этом обществу.

2.VII.1915

«— Ну, а вы бесстыдный фанфарон,— бросил ему в глаза Боб.

В ответ на это посетитель сжал кулаки и, по-видимому, хотел одним ударом раздавить Боба».

(Пинкертон — «Странствующая акула»)

Вполне очерчивает взаимоотношения Страхова, Юркевича, Аполлона Григорьева, с одной стороны, и — Чернышевского, Добролюбова, Щедрина, Михайловского — с другой.

«Мы народники. И во имя народа хотим совершить переворот» (Чернышевский печатал призывные прокламации и пошлое «Письмо без адреса»).— «Чернышевский сослан, но во имя народа он хотел совершить переворот: верните его в Россию» (одно из «условий» прекратить террор, в воззвании, обращенном к Александру III после 1 марта). Партия называлась «народовольческая», хотя ее имя было — «Самозванная, шарлатанская и мошенническая». И историю (историю!!!) ее пишут Б. Глинский и Богучарский, один «так себе» и «вообще», другой — «совершенно определенных убеждений лицо».

Господи!..

Господи, Господи, Господи!!! Что же это такое? Сновидение? Понсон дю Террайль? «Клуб червонных валетов», о коем задумались Соловьев, Костомаров и Ключевский? «Может быть, это в самом деле что-то такое и составляет часть истории России».

Ап. Григорьев, Страхов, Данилевский, Юркевич ничего «от себя» не говорили, а выступив против «Странствующей акулы», он же Джим Джонстон, заступили грудью Россию и сказали: «Оставьте ее жить в покое. Как жила и как хочет жить. Мы не в праве ее насиловать, ни мы пятеро, ни вы 60 человек,— с 100-тысячным обществом врачей, адвокатов, журналистов, вами же сманенных к «перевороту» через 2—3 удачных журнала».

Остановленный мошенник «сжал кулаки» и вообще начал делать, что полагалось «Странствующей акуле».

Господи,— да как же они смели? Общество из 100 000 интеллигентов (совокупность читателей «Современника») — что такое среди (тогда) 40-миллионного населения, «Современника» не читающего и «Современнику» повиноваться не обязанного? Так — *насилие*, а не «история», благородная история, с Кимонами, Фемистоклами, Катонами, с Эдуардом Исповедальником, с князьями и царями от Ярослава Мудрого до Александра II.

Так не «народовольчество», а «народоизнасилование». О том, как 60 прохвостов и 100 000 «побежавших за ними» вздумали изнасиловать русский 40-миллионный народ...

Мальбрук в поход собрался

— но получил палку, зуботычину и плеть. А когда стал действовать ножом и пистолетом, получил, как и всякий каторжник, веревку на шею.

Так «Страница из истории каторги», а вовсе не «Часть русской истории».

Так «Из истории преступлений в России», а не «Из истории *политических движений* в России». Никаких «политических движений» не было. «Политическое движение» было, когда русские завоевали Хиву и Бухару, уничтожили Ветлянскую чуму, освободили крестьян, etc., etc. Ввели суд и земство.

А эти? Две девчонки и Дебогорий Мокриевич? И наш «Петруша Поливанов» из Нижнего Новгорода? Да ведь это же мальчишки и дети, и что же писать о их глупостях,— до тех пор пока «зажгли дом», «убили» и вообще причинили ущерб *в жизни серьезных и взрослых людей, и тогда взрослые люди их связали и кинули в острог*. История начинается с серьезных людей, п.ч. она вообще есть серьезное и объемлет серьезные факты: а «гимназические глупости», каких, вероятно, много было и при Таците, Тацитом в свою «летопись» не включались. Ни — Тацитом, ни Амедеем Тъери, никем, никем до русских, до Богучарского и Глинского.

Никакой «Истории русской литературы» не составляют Чернышевский и Писарев, и есть перерыв русской литературы на два-три десятка лет, потому что «посетитель сжал кулаки и хотел одним ударом раздавить Боба». Но это «История каторги», а не «История литературы». Разве не могут в Академию наук ворваться сюжеты Холмса и исполосовать ножами зоологов, философов и астрономов. Очень могут. Но какая же это «История академии наук» и «Истории научного движения в России». Был *перерыв* в истории, история на этот час *остановилась, не продолжалась*: как «хлеб не растет там, куда двинулись пески».

Господи, Господи, Господи!..

Или я ничего не понимаю...

Или мир ничего не понимает...

Но, Господи: я люблю Тебя, а мир ненавидит. И значит, я понимаю, а мир глуп.

∞

∞

∞

Негодяи эти не имели бы никакой силы действия, если бы они не были окружены почтением неприкосновенного ТАБУ. Но они стали ТАБУ. Отчего? От острога. Тут сказалась удвоенно-мошенническая их натура. Я говорю, что это лгуны на все руки и на все стороны и что, кто в первом шаге солжет, будет лгать во всю последующую жизнь. Смотрите внимательнее и слушайте чутче:

— Мы страдальцы...

— Мы как Христы распятые...

— Потому что Кравчинского, который всадил свой «трегранный кинжал» в Мезенцева — искали, чтобы посадить в острог и потом повесить.

Но вообще и главное: «страдальцы и почти Христы, п.ч. нас ищут и хотят повесить. А мы за народ».

Это-то и образовало ТАБУ. О них не смели говорить, их не смели критиковать, никто им не смел сказать в лицо: грабители и убийцы, хотя они именно убивали и проводили везде взгляды, что всех имущих надо ограбить.

И люди, общество, эти 100 000 «побежавших», — дали установить это ТАБУ, согласились на это ТАБУ, покорно сказав: «Вы пострадали. Вашей души ищут. И мы никогда вас *не осудим*».

В этом-то «не осудим» и заключался ключ неуязвимости, броня и латы, крепчайшие всякой стали — которые сделали их, «нравственно не критикуемых», вечно лживыми, бессмертными, «протейями». Между тем эти «латы» были тоже украдены, как и вообще все решительно, до последней крохотной мыслишки, у них было «краденое» и «уворованное». Они присвоили себе фетиш святости — отрицая у всех и во всем, кроме себя одних и своего дела, «святость». «Святых — нет, но мы — другое дело». «И святого на земле нет тоже — но если трегранным кинжалом — то это другое дело»... Теперь возьмите «страдание» и «христианство». Посмотрите на чужой паспорт у Джима Джонстона: ведь для них «история христианства» есть история обманывающих попов, не было «мучеников», а были «суеверные люди, Бог знает за что принимавшие мучение», а «христианская мораль» есть «мораль рабов», с легкой руки и по инициативе Ницше, который так пришелся «по душе» всем евреям (Столпнер мне пытался читать отрывки из Ницше, — которые я нашел пошлыми и глупыми). Хорошо. Но зачем же вы теперь берете «Христов покров» себе, чтобы прикрыть им и защитить и обезопасить свою злобу, преступление, насилия и обман? Не стыдно ли Катилине ссылаться на «законы Рима»? Но что было стыдно Катилине, не стыдно Айхенвальду («убивающий Авель» про Савенкова-Ропшина), не стыдно Философову (разбор, слащаво-христианский, «Рассказа о семи повешенных») и всем, всем, всей этой 100 000-ой толпе «побежавших».

— Мы живем как убийцы. И дела наши — убийство. Но — тсс... Разве вы смеее говорить о тюрьме для нас, вы, христиане, и для нас, братьев ваших тоже христ... тьфу... Для нас, гуманных людей, которые если и убиваем, то для пользы ближнего и для раскрепощения закрепощенного народа... Для этих крестьян и христиан... тьфу, тьфу!..

Нет, скажите: разве Понсон дю-Террайль отважился изобразить «Историю таких мошенников». Все бы не поверили Понсону, но как

не поверить Богучарскому. Он ведь утверждает, что писал «историю по документам».

* * *

2.VII.1915

История революции — буквально история Кречинского.

И также с подделанным бриллиантом. Т.е. бриллиант был подделан — но брошь с ним надо было заложить, чтобы получить у ростовщика деньги. Тогда Кречинский выпрашивает у любящей его девушки, невесты, на 1-й день «посмотреть» подлинную брошку с подлинным бриллиантом и велит ювелиру сделать «точь-в-точь такую», но из стекла и дешевую, не настоящую. Эту «не настоящую» он возвращает (времен-но, с целью потом обменять) невесте, а ее брошь закладывает жиду-закладчику, получает деньги, чтобы на них взять карету, одеться, взять богатую квартиру и тем «пустить пыль в глаза» будущему тестю, черноземному помещику. Женясь, он получил бы деньги в приданое, выкупил бы подлинную брошь невесты и, так сказать, «поместил бы ее опять на место».

Эта история и суть ее изумительно напоминает суть и подробности «истории Российской социал-демократии», — начиная с зари ее, Чернышевского и «Современника», до «всеуяснившего Азефа», где наконец Кречинский обнаружил свою подлинную фамилию и подлинное происхождение. Суть там и здесь в некотором ПЕРЕДВИЖЕНИИ ценностей и малоценного, в перемешивании имен и псевдонимов, в особом сцепле-нии «старожилья» и «новожилья», ума и глупости, героизма и мошен-ничества, богатства и бедности и т.д. и т.д. Все «движется», «превраща-ется одно в другое», как в реторте алхимика, ищущего «золото» и «жиз-ненный эликсир». «Идеи последнего фасона» удивительно цепко прививаются на древних, старых почвах — архангелогородского поповс-кого семейства, нижегородского «митроносного» протоиерея (Добролю-бов), в саратовском духовенстве (Чернышевский), в благочестивых се-мьях Бакуниных (Тверь) или Волоховых (Марк Волохов, Симбирск), — в то же время нисколько не прививаясь в новofасонных семьях Милюко-ва или Набокова, Винавера или Пропера, очень хорошо знающих, «где раки зимуют». Так и Кречинский «женится» не на «своего поля ягоде», а на захолустной наивной, чистой барышне, «честной дочери честного отца». Это — новожилье и старожилье, «симбиоз» и «кровообращение» между «старым» и «новым», «дедами» и «внуками». Затем — в дело вмешан действительный бриллиант: это «сострадание», «любовь к наро-ду» и «терновый венец». — «Да не вам, мошенники, его носить». — «Отчего же, — говорит Кречинский, рассматривая дивный солитер неве-сты, — ко мне он даже очень хорошо идет, и я, будучи разбойником, прослыву мучеником». Так «мучениками» вышли перед суд, на глазах всей России, не смутившись, самозванцы 1 марта. Желябов прямо вскочил в процесс, — не будучи обвинен и уличен, чтобы крикнуть,

запечатлеть и прославиться: «Я *первый и главный*». Это уже совершенно прямое и неоспоримое «ввержение в кратер Везувия Добчинского» даже поразило чем-то «бывалым» из «Мертвых душ» и «Ревизора» даже восхищенную Россию. Но когда же было разобратся русскому обществу, что есть же разница между принцем Оранским и историей Нидерландов и между Добчинским в «городе N», как его зарисовал Гоголь. Наконец, «священные слова»: Айхенвальд, лектор на женских курсах в Москве, играет историей человечества и Библией, из «убийцы» делая Авеля, чтобы сказать злобно о России, не выпускающей жидов из «черты оседлости» (Айхенвальд — еврей), что это «Каин, которого надо убивать». Скажите, где тут не Кречинский и где вообще оканчивается обман? Евангелие, Библия, история человечества, страдание человека, пауперизм, преступление, народы — все пляшет в фантастическом танце, пока (стр. 31 «Бродячей акулы»):

«Настала очередь Бобу показать свою ловкость. С быстротой молнии он схватил преступника за руки, и, одновременно с этим, раздался звук надеваемых наручников. Джим Джонстон выходил из себя в бессильной ярости. Затем он был окружен полисменами и отведен в тюрьму».

Так кончаются земные истории. И «Бродячей Акуле» не поможет ни Библия, ни Каин, ни Авель, ни Айхенвальд. Скверное всегда есть, господа, скверное. А доброе всегда есть доброе. И тут ничего не поделаешь, сколько бы мошенник ни хватался за хитон Иисуса.

* * *

2.VII.1915

Боязнь гения.

Гений — он страшный.

Это Верочка (монахиня) (приехала подлечиться) сказала мне:

— Знаешь, папа. Зачем заимствовать от таланта. Всякий человек должен жить из себя своею жизнью. Пусть это будет неинтересная жизнь, но она будет ему «по себе», «по силам».

Помолчав долго:

— Я не люблю гения. Гений жесток.

— Всякий? (я)

— Всякий (твердо).

— Ну? — благородный гений, я думаю, добрый. Это грубые гении, вроде Наполеона...

— Зачем «Наполеона»... Оглядишься в жизни и увидишь, что всякий талант — он *так труден людям*...

Я был поражен. Ведь еще 3 месяца назад, тоже приезжая подлечиться, она отказалась есть хлеб (за кофе) со сливочным маслом, «потому что оно скоромное» (устав монастырский), — и ела кухонное, коровье, что для котлет, принимая его «за постное».

Но она теоретически развита, а «в житейском» не понимает.

3.VII.1915

Повалить Достоевского — это замысел революции. Тут Столпнер очень верно определил: *«прогресс (революционный) невозможен (в России; м.б., везде?), пока мы не преодолеем Достоевского»*. И это — не формально, не потому что Д. написал «Бесов»: нет, *все существо Д-го, простое, доброе, сострадательное, «наше бытовое»* (см. генерал Епанчин в «Идиоте», студент Разумихин в «Прест. и наказ.»), нисколько не смеющееся над бытовою Русью, но *эту бытовую нашу Русь страшно уважающее*, — и с тем вместе и слиянно с этим гениально-проникновенное, с зарницами Вечности и Будущего, гениально критическое, спорящее, диалектическое, — оно совершенно несовместимо с плоскодушной, скверномордной, коротенькой и пошленькой революцией. Не в «Бесах», — о, нет! — а в «Я». «Я» Д-го революция встретила упор и отпор. «Я сам революционер» (о, конечно!), воскликнул Д-кий, — и кинулся всем телищем и всею душищею в мелкий ручеек революции; океан впал «в нашу Черную речку» (по провинциям ручейки называются): и ручеек закипел, расплескался и высох... Он чуть-чуть только обмазал телище Д-го, его влаги хватило не «потопить» Д-го, а наружно смочить его. Ведь во всех произведениях *чувствуется*, что Д-кий революционер. Но какой? До — Неба. В этом колоссе революция Вольтера и Руссо, «энциклопедистов», Дидро, Гельвеция, Гольбаха — раздавлена и осыпается песком, «стекает капельками воды». Достоевский любит и признает Царя. А это другое дело. Чит Царя — это совсем новое. Зовет порядок, гармонию (старец Зосима, «белый дедушка» в «Подростке») — вот! вот! вот поворот!!! «Ткнуть ножом в короля» (Людовик XVI) — это лакейство; «убийцы 1 марта — это вонючие смерды», — вот! вот! вот!!! «Не то, не то», — сказал он о революции, плеснул он в лицо или в морду всесветным революционерам, от 1789 года по 1 марта 1881 года. «Человечество действительно мечется и ищет лучшего: но лучшего как святого на место подлого, что действительно есть («Прест. и наказ.», Мармеладов): и вы негодяи устраиваете еще подлейшее, тыкая ножом то одного Царя, то другого. Вы все (революционеры) — самолюбцы и честолюбцы, и Наполеон из революции родился потому, что уже и Карно, и Дюмурье, и Мирабо — были «только поменьше» Наполеонами. В революции был скрыт иступленный могучий гениальный лакей (Фигаро; «Племянник Рамо» Дидро). Русская святость и восстала на этот «дух зависти и уныния», «дух празднословия», на этого окаянного «Каина» (связь революции с Байроном и байронизмом), сокрытого в революции и подземно потрясающего земные пласты. Достоевский первый и впервые с 1789 года внес новое слово в революцию: но до того огромное, что это слово раздавило всю революцию; и именно оно раздавило в ней *гадкого человека* (будущий Наполеон), но существо революции как *движения и порыва* — оставило. И слово это — не самого Достоевского, не лично его. Он его подслушал в каторге и подслушал в русских монасты-

рях, он разглядел его в Лике Плачущей Богородицы с Младенцем. Революция вся была «холостая с девочками» (Богиня Разума, Шарлота Кордэ, М-ме Сталь, Жорж Занд), и этот-то «холостой быт» ее и сообщил ей безнадежность и отчаяние. Пожалуй — и силу, силу именно холостого отчаянного порыва. Революция течет где-то и как-то параллельно хулиганству; революция есть порыв хулигана сыграть роль героя. Вообще суть революции — что она *не благородна*. Достоевский и преобразует ее (дух русского народа, «от молитв») в *благородное явление*, отмечая «ножи» и «гильотину» и говоря просто, что «этим ничего не поделаешь» и от этого «никому *лучше* не станет». Он дал в революцию «лучше», — о, наконец-то!! Именно он, именно он сделал, что революция никогда не «разрешится в буржуазию», в «господство 3-го сословия» («*Qu'est ce que le tiers état*»* аббата Сиенса) и европейский полуфранцузский-полужидовский капитализм и банкирство. Весь XIX в. «осекся» и «пролетел мимо» темы семьи («задание» 1789 года: *liberté, égalité, fraternité*) — свалившись в яму еще большего, чем было в XVIII веке, оподления. Там были напудренные маркизы и аббаты, здесь появились ожидавшие банкиры, железнодорожники, биржевики и их философия — Конта, Спенсера и Дарвина и Маркса. Достоевский собственно сталкивает все от 1789 г. до 1881 г., как ошибку, зло, мелочь и недостойнство. Но *движение* — оставляет. Какое? «Господь поможет!» «На Господа надеемся!» — и бредем, бредем, *со старого-то места снявшись* (главное!!!), бредем терпеливо, будем брести века (может быть) — и все-таки остановимся там, где «Небо и Земля встретятся».

И будут дети около матерей (русская «Божия Матерь»).

И будут родители с детьми (проблема «отцы и дети»).

И будет хозяйство.

Дом. Корова.

И будет Царь — просто как воин (наш Царь уже надел сермягу Солдата).

Будет и «равенство» — праведных.

И «братство» — воистину.

И «свобода» птиц небесных и полевых цветков.

Имущество будет слабо, нетвердо, «общее» — как у братии духовной.

Вот «сестры и братья»...

Тут все мы...

Революция ли это?

— О, нет,

Или тут — *нет* революции...

— О, — *есть*.

Но все так преобразовано, — что «ничего не узнаешь».

* «Что такое третье сословие?»

А Столпнер просто «с мелкой душонкой»,— и не охватил громадного объема Д-го.

* * *

3.VII.1915

Мошенничество...

Суть революции есть мошенничество.

Когда бомбистов в Куокола,— заведших просто фабрику не фабрику, но во всяком случае мастерскую для изготовления бомб,— окружили полицейские с требованием сдаться, то они презрительно и негодуяще ответили, что сдадутся не иначе как финляндским властям, но ни в коем случае не русским. Если же «русским»,— то они сейчас взорвут все на воздух.

Русские ротозеи стояли. Пристав, должно быть, совещался с квартальными. И перед такими «героическими» чувствами бомбистов — отошли в сторону и предоставили действовать финляндским властям. Финляндцы арестовали. Потом был суд,— кажется в Выборге, на чухонском языке. «Суами — суами». Лопотали. Переводили. Потели... И приговорили — не знаю к чему.

Русские получили «очередную плюху». Вытерлись и поклонились. Во весь 19-й век или, точнее, с знаменитого «19 февраля» русские уже получают в отечестве только плюхи.

Хорошо. Или, впрочем,— печально. Но кто сии заушающие?

Ведь известно, для чего делается бомба. И вот эти убийцы, с кровью на ладонях, не хотят «разговаривать с отечеством». — «До того им гадко взглянуть на лицо русского». И я говорю: «до сего ты был разбойник — но отныне я вижу в тебе мошенника».

Так же они пялились на суде 1 марта. Желябов выскочил с речью, которую начал:— «Я был *главный*». И т.д.

Юристы... Что такое юристы? Это жалчайшие приказные души, с претензией «на новшество». «Взяточник (гонорары адвокатов) в моде». И вот эти «взяточники в моде» из своей плоской головы подали совет — Государю и Государству относиться к сим мошенникам как «к политической партии», вроде «штатгальтера Вильгельма Оранского», пришедшего освободить Нидерланды,— так как они не просто «не выносят русского лица», но не выносят его, начитавшись Лассаля и Карла Маркса, т.е. от великого своего образования. Конечно, бомбисты были образованнее адвокатов, и потому адвокаты взирали на них коленопреклоненно. Ну, хорошо. Т.е. скверно. И вот подали государству совет «судить», «составлять следствие», «разговаривать на суде» и проч., и проч., и проч. Когда те просто:

— Плюют в харю!

Говоря:

— Я не могу не плевать в русскую харю. Потому что этому с детства научили меня великие европейские светила, Фердинанд Лассаль и Карл Маркс.

Хорошо. Т.е. опять скверно. Русским властям следовало бы сказать:

— Собаку, которая кусается, пинают ногой.

— Подайте сюда паспорт, выданный вам русскою полицией, на которую вы плюете.

— Подайте сюда метрическое свидетельство, выданное вам оплеванным русским попом.

— Имя «Иван»? — Порвано.

— Фамилия «Кибальчич»? — Нет ее.

— Конечно, мы вас «судить» не будем. Мы судим «своих преступников», «своих порочных людей». Вообще мы взаимодействуем «со своими». А вы.

— Не знаем *кто*.

— Не знаем *чьи*.

— Не знаем *имени вашего*.

— Брысь, Кто-то, — вон!!!

Дворники берут метлы. Кухарки — веники. Проститутки — свои платочки.

— Вон! Вон! Брысь!!! Брысь!!!

Да. Еще с негодяев должен быть сорван сюртук, сшитый русским портным, — и рубаха, и портки, и сапоги, сшитые русской матерью и русским сапожником. Все сие должно быть брошено в огонь, п.ч. скверно воняет.

И вот этих «освободителей Нидерландов» выгоняют вон: и по улице проносится крик: «Никому их не впускать к себе. Не давать им ни русского хлеба, ни русской соли».

«Гоните их метлами, вениками и платками до границы. До Вержболово. До милой Европы, которая, м.б., их оденет и накормит».

Вот тот не «суд», но *отрицание* суда, которое естественно и единственно протекает из *отрицания* ими «отечества», «государства» и «нашей подлой цивилизации».

Отречемся от *старого мира*.

* * *

4.VII.1915

Старое добро есть вечное добро.

∞

Его забыли. Что же, вспомним.

(читаю Энгельгардта: «Конец века», главу в «Ист. рус. литер. XIX в.»)

* * *

5.VII.1915

Верочка сегодня:

— Когда я вхожу к ним («сестры», монашки), они все начинают смеяться. Когда я спрашиваю — «Почему», они говорят: «Ты из нас самая маленькая, и когдаходишь, то мы себя тоже чувствуем, что стали маленькими».

Так и сказала. Смеется. У нее чудная детская улыбка. До монастыря она была почти непрерывно раздражительна. Теперь почти никогда не сходит со рта улыбка.

Еще:

«Кто его носит — тому монашеское платье самое красивое».

В белом платочке, больших грубых башмаках и неуклюжем черном платье — как она вся мила и грациозна.

* * *

6.VII.1915

— Ну, свинки наши покушали, сыты? — Теперь чем бы развлечься: в лаун-теннис, фут-боол или на гигантских шагах.

Спешит обжорливая младость...

Это единственно отвратительный стих у Пушкина, заметил Достоевский («Дневн. писателя»). Я тоже нахожу, что отвратительный. Нет, что стих — пустяки: но мне страшно глядеть на такую «младость». Т.е. когда она такая. Но, слава Богу, она *не всегда* «такая».

К «младости» мы должны быть совершенно так же строги, как к взрослым. Если мы ее *воспитываем* — мы должны быть к ней еще строже, чем к взрослым. Те *за себя* отвечают, а *мы* — ответим за «младость». Ответим и Богу и истории.

Ошибка была в том, что мы морили ее над учением. Этого совсем не следует. Молодость есть молодость и должна быть свободна, игрива, самостоятельна. Но — благородна.— А это важно и *трудно*. Потрудись над благородством: великодушием, героизмом, терпением, защитой товарища, помощью бедному, убогому. Это вовсе не легко, над этим употеешь. И молодежь должна иногда потеть,— даже до страдания. Это вовсе не

Спешит, обжорливая...

Этот стих Пушкина молод-зелен.

* * *

6.VII.1915

Склоняй голову, русский баран...

Мотель уже отточил длинный, тонкий, «иудейский» нож.

Тот особенный нож, о «безболезненном» порезе которого писали иудейские публицисты «Киевской мысли» и «Речи», «Дня» и «Современного слова».

И быть прокалываемому которым было почти приятно заброшенному мальчику, которого с таким ненавидением называли не «Андрюшей», а «Андреем Ющинским» и «Русское Богатство», и «Северные записки», и «Современный мир» — все журналы «честного и социал-демократического направления».

И вероятно, не иначе его называет вдова Стасюлевича. И вдова Герценштейна. И Ольга Штейн, вдовствующая после Пергамента.

(Л.Слонимский: «Нельзя отрицать существование у нас целого ряда мучительных национальных вопросов, постоянно напоминающих о себе в таких формах, каких уже не знают другие культурные страны. В собственной внутренней жизни России не соблюдаются еще принципы законного равноправия национальностей и вероисповеданий. Как справедливо замечает кн. Евг.Трубецкой...»

В е с т . Е в р о п ы , июль, стр. 336)

— Дайте нам! дайте нам! «равноправие» мотеля и барана... Дайте нам, дайте, дайте... Душно нам, глухо нам, сухо нам, дайте, дайте, дайте...

Так настойчиво.

И «дадут» русские. И будет барашек: — Бе-е-е-е...

А Мотель: хо! хо! хо!..

Все иудейство: хи-хи-хи...

Бедная Россия: вся ты будешь Андрюшею Ющинским. Именно после страшной войны, с самого же начала которой уже послышался визг и шип по всей линии газет: «иудейское равноправие, как непременный результат войны», — ты и будешь, Россия, подведена под длинный нож, «который режет без боли».

* * *

6.VII.1915

Да, еще:

$\frac{1}{3}$ страницы посвящена скончавшемуся Великому Князю Константину Константиновичу, — у коего сын убит на войне, зять убит на войне, который был Президентом Академии наук.

6 страниц посвящены скончавшемуся Яковлеву-Богучарскому. «Пот. что он был революционер».

Ну, где же «раки-то зимуют»? Я думаю, они «зимуют» в юбке вдовы Стасюлевича и в изящных книжках М.О.Гершензона.

«Все будет наше»... нет — «все будут наши, п.ч. мы богаты».

Что «длинный нож Мотеля»: глубокий карман Ротшильда... и Мендельсона... и Блейхредера...

— Дайте нам! Дайте нам! Дайте нам!

— Крови или золота?

— Равноправия. С ним мы получим и золото и кровь.

* * *

7.VII.1915

Умирают, умирают, умирают...

Умирают, умирают, умирают...

Умирают...

Как страшно.

(в 83 г. † гр. Ламберт)

Как же так «умерла» графиня Ламберт?

А переписка с Тургеневым, изящная и исполненная вдохновения?

Кто так живо писал и упрекал — как он мог умереть? Он не мог умереть. Ведь он *живо* упрекал, как *теперь*? А теперь, и даже в 1883 г., уже умер.

Умер.

Умер.

Умер.

Как страшно. Зачем же упрекал? Тогда не надо было упрекать.

Тогда ничего не надо.

Зачем же «жизнь», когда есть «смерть»? Зачем это скучное, всеобщее, ежедневное «надо» среди чудовищного, колоссального, всеобъемлющего «не надо».

И зачем Георгиевский не написал, *как и от какой болезни умерла Ламберт*, и что она умирая сказала, и не вспомнила ли Тургенева?

Господи, какие все ужасы.

Господи: держи меня за руку, иначе я свалюсь.

* * *

7.VII.1915

Да не «Лукояновский исправник» был скверен, а Стасюлевич был скверен, Арсеньев был скверен, Слонимский был скверен, отравляя жизнь и душу русскую. «Лукояновский исправник», только раз в томительной и трудной своей должности подняв кулаки, сказал мужицкой толпе, что он «будет бить их в морду» (но еще не бил), причем Стасюлевич или Арсеньев у него не сообщил, за *ЧТО* он хотел это сделать. Вероятно, было за *что*: а ведь за «грехи» и такое Справедливое Существо, как Бог, бьет нас смертным боем. Напротив, Россия неизвестно что «скверного» сделала Арсеньеву, Слонимскому и Стасюлевичу, а они 43 года «поднимали на нее кулаки» и не «грозились» только, а на самом деле «били ее в морду». Я — конечно проглядывая только, а не читая вполне гнусный журнал — *нигде и ни одного раза* не прочел в уважительном духе и в уважительном тоне сказанные слова о России, о русских (если то были не оппозиционеры), о правительстве русском, о министрах русских.. Ни о ком, ни о ком... Только и были за 43 года «живые и симпатичные люди» в России — жида да революционеры, родственники Утины да эмигранты Крапоткин и Лавров. Кроме этих исключительных людей, вся Россия им была противна... «Покушали жидовской

лапши» (Пан-отец в «Страшной мести» Гоголя) и возненавидели «всякий вообще русский дух». Что им сделал Великий князь Главнокомандующий? Но Арсеньев и М. Ковалевский находили сладость писать и печатать (вопреки всей печати в России) «верховный главнокомандующий» (без прописной буквы), — хотя это есть единственное лицо и потому титул (исключительный) есть в то же время собственное имя. Но эти оппозиционеры в $\frac{3}{4}$ копейки не хотят много укусить, а хотят сколько-нибудь укусить. И весь поганый журнал (вполне поганый) 43 года «понемногу укусал» Россию...

Тайно и незаметно и официально он играл роль «Колокола» — и дело его в России гораздо хуже и ядовитее «Колокола». Так сын жидовки (Герцен) и муж жидовки сделали эту прелестную «микву» и «цимесы» и «мацу» во снедь всем русским людям.

— Мы отнимаем у России детей ее. Мы восстановим детей против России...

* * *

8.VII.1915

Кирпичи изготовляемого склепа — диссертации философские на русском языке.

Ничего в нем нет. Никого в нем нет. Я говорю о склепе и о диссертациях.

И наши «ницшеанцы»...

И «представители пессимизма» в России, Шопенгауэра и Гартмана.

И наши «неокантианцы» и просто «кантианцы».

Еще были «волюнтаристы»...

Какое кладбище. Какие могилы.

«Под сим камнем почиет»...

НИКТО

Это Полифем кричал слепой на берегу:

— Никто (Οὐδεις) ослепил меня...

«Никто», «Οὐδεις» — назвал себя Полифему Улисс при встрече с ним в пещере.

Но Россию, кажется, не ослепляет до сих пор этот Οὐδεις. За него дают «степени», и потом получившие степени читают «лекции».

Но их никто внимательно не слушает.

У нас б. зачаточный один, —

СКОВОРОДА.

Но он б. и остается «в сторонке».

Собственно коллективным философом, пожалуй, мальчишкой-философом, у нас была

ЛИТЕРАТУРА.

Это уже не «Οὐδεις» и не склеп.

8.VII.1915

Многообразный, даровитый, нельзя отрицать — даже гениальный Влад. Соловьев едва ли может войти в философию по обилию в нем *вертящегося* начала: тогда как философия — прибежище тишины и тихих душ, спокойных, созерцательных и наслаждающихся созерцанием умов. Соловьев же весь б. шум и нельзя отрицать — даже суета. Самолюбие его было всепоглощающее: какой же это философ? Он был ПИСАТЕЛЬ — с огромным вливом литературных волнений своих, литературного темперамента — в философию. Он «вливался» в философию, как воды океана вливаются в материк заливами, губами и всяческими изгибами: и пенился, и плескался, и обмывал «философские темы» литературным языком и литературною душою.

Это еще более, нежели к философии, относится к его богословию. В нем не было sacer * и не было sapiens **. Вот в чем дело.

В КОРНЕ — писатель, один из даровитейших, один из разностороннейших в России. Ему параллели лежат — в Пико-де-Мирандолла, в Герцене. Но какая же параллель ему в Канте или в Декарте? В Беркли или в Малекбранше?

Небо философии безбурно. А у Вл. Соловьева вечный ветер. И звезды в этом философском небе — вечны, а «все сочинения» Влад. Соловьева были «падушие звездочки», — и каждая переставала гореть почти раньше, чем вы успевали сказать «желание». Что-то мелькающее. Что-то преходящее. Потом это его желание вечно оскорблять — фуй! какой же это философ, который скорее ищет быть оскорбленным, или равнодушен к оскорблению, и уж никогда решительно не обидит другого. Его полемика с Данилевским, со Страховым, с (пусть нелепыми) «российскими радикал-реалистами», с русскими богословами, с «памятью Аксакова, Каткова и Хомякова» до того чудовищна по низкому, неблагородному, самонадеянно-высокомерному тону, по отвратительно газетному языку, что вызывает одно впечатление: «фуй! фуй! фуй!»

Проза его, я думаю, вся пройдет. Просто он не будет *читаться* иначе как для темы «самому написать диссертацию о Соловьеве». Но ведь так и Пико-де-Мирандолла «еще существует».

Но останутся *вечно* его стихи... Он как-то сравнил с камнями русских поэтов: помню, «Пушкин — алмаз», «Тютчев — жемчуг». Ему есть тоже какой-то самостоятельный камень, особый, ценный, хороший. «Конячий глаз»? (очень красивый и без намеков) — топаз? аквамарин? Может быть — красивая, редкая, «настоящая персидская» бирюза? или кроваво-красный (изумруд, что ли? но он, кажется, зеленый)? Не знаю. Я хочу сказать, что в поэзии его положение *вечно и прекрасно*. Оно где-то между Тютчевым и Алексеем Толстым. Но в *некоторых* стихотворениях он даже единственно прекрасен. Между прочим как он неблагороден

* священный (лат.).

** мудрый (лат.).

и немудр в прозе,— в стихах он и благороден и мудр. Отчего — не понимаю.

Между прочим *лично* он положил на меня впечатление какого-то *ненасытного* завидования, «ревнования» к другим и — оклеветания. Он почти не мог выносить похвалы другому или, особенно если заметит ваше тайное, «вырывающееся» лишь, восхищение к другому. Тут он точно ножницами «отхватывал» у вас едва вырвавшийся кусочек похвалы (о Гилярове-Платонове: слова его, ужасные, если б была правда, что «он был атеист», «ни в какого Бога не верил» и «никакой религии не имел»). Единственно, где он жестко остановил меня,— было о Стасюлевиче (кого я очень не люблю),— и я почти благодарен, что он остановил меня. Иначе впечатление от него (С-ва) осталось бы во мне каким-то сплошным мраком.

Рцы незадолго до своей смерти сказал мне очень меня удивившее слово: «Я все время чувствовал его завистливым,— пока сидел с ним у вас». Удивительно. Рцы очень зорек. Сказал это он мне без моего вопроса, «сам» и как «свое».

Грусть — всегда у меня о С-ве. Я его не любил. Но что он *глубоко несчастен* и каким-то *внутренним безысходным* (иррациональным) несчастием — это было нельзя не чувствовать.

Вот уже скажешь: «Господи! успокой его смятенную душу».

Думаю: у него была частица «тайны» Гоголя и Лермонтова.

«Демоничен» он был, я думаю, в высшей степени. Это был собственно единственный мною встреченный за всю жизнь человек с ясно выраженным в нем «демоническим началом». Больше я ни у кого не встречал. Все мы, русские, «обыкновенные» и «добрые». А-бы-ва-те-ли и повинующиеся г. исправнику. Вл. Соловьев в высшей степени «властей не признавал», и это было как-то метафизично у него, сверхъестественно; было как-то страшно и особенно. Михайловский, напр., «отрицал власти», и все «наши» вообще находятся с ним «в ап-па-зи-ции». Ну, это русское дело, русское начало, стихия русская. Дело в том и тайна в том, что Вл. Соловьев, рожденный от русского отца и матери (хохлушка) и имея такого «увесистого» братца, как Всеволод Соловьев,— был таинственным и трагическим образом совершенно не русский, не имея *даже ноты* «русского» в физическом очерке лица и фигуры. Он был как бы «подкидыш» у своих родителей, и «откуда его принесли — неведомо». Отсюда страшное отрицание «исправника». Он ничего не нес в себе

от русской стихии власти и от русского врожденного и всеобщего «ощущения» власти, хотя бы и «ругаешь». — «А, ты *ругаешь* — значит *я есмь*», — говорит власть Михайловскому. Соловьеву она не могла ничего подобного сказать: он ее не видел, не знал, не осязал. Как странным образом он «не осязал» и русской земли, полей, лесов, колокольчиков, васильков, незабудок. Как будто он никогда не ел яблок и вишен. Виноград — другое дело: ел. И т. д. Станный. Страшный. Необъяснимый. Воистину — Темный.

Отсюда его *расхождения*, напр., со Страховым, Данилевским, Ив. С. Аксаковым, с «памятью Киреевского и Хомякова» — имели особенный и для меня по крайней мере страшный характер. Он и когда «сходил»ся», «дружил», «знакомился» с ними — ничего к ним ровно не чувствовал; и разойдясь — не чувствовал боли, страдания. «Крови из раны не текло». Страшным и таинственным образом (тут у него сходство с Мережковским) я не предполагаю вообще в нем бытия какой-нибудь крови, и если бы «порезать» палец ему — потекла бы сукровица, вода. А кровь? Не умею вообразить. Вот не сказал ему тогда: «Влад. Серг., если бы вам порезаться — у вас бы *не вытекло* крови». Уверен: он задрожал бы от страха (и тоски): это *главная его тайна*. Итак, он «разошелся» — ибо никогда не был «с ними», со Страховым, Ив. Аксаковым, Катковым. «Отвалился — *не имея ничего общего*». Как... как... как «василек» и «дифференциальное исчисление», «минута Вечности» и «акционерная компания», как «Конек-Горбунок» и «Веданта» браминов.

Как наш Михайловский с Платоном и Аристотелем.

«И он, отвернувшись, зашагал к старому, подняв воротник», — рассказывает о Ставрогине и его дуэли с Миусовым Достоевский. Собственно, «стрелял» Миусов... А Ставрогин? — Да *его на дуэли и не было*.

Так вот и Влад. Соловьев: хоть он «вел полемику» с Данилевским, Страховым, но... *его в самом деле не было тут*, крови его не было, сердца его не было. «Текли чернила и сукровица»... Да и вообще в Соловьеве, вот как и в Мережковском, есть какая-то странная (и страшная для меня) ирреальность. «Точно их *нет*», «точно они *не родились*». А ходят между нами привидения, под псевдонимом «Соловьев», «Мережковский».

Я тут не умею выразить, «доказать» то, что чувствую с необыкновенною яркостью, упорством. В этом *суть всего*. Я как-то упоминал раз (в афоризмах), что есть странные люди (таинственные), *не оставляющие следа от себя*, физического впечатления, как бы неосязаемые, бесплотные, а только «звонящие», «говорящие», спорящие и почти всегда очень талантливые. Люди «без запаха в себе» — допущу выражение. «Был»: а когда ушел — *то «им не пахнет»*. Пожал руку — а пота его на вашей

руке не оставил. «Собакевич-с — это факт». Собакевич — отвратителен: но нельзя же вовсе «без Собакевича в себе», хоть в одном мизинчике, хоть в строении кишок, хоть в чем-нибудь неприличном. Демон-Гоголь знал, что он писал — когда писал «Собакевича»: он писал вечную, «пока мы на земле», человеческую грузность, человеческую грубость, человеческую физиологичность. «Я съел осетра». Подло. Но пожалуй, еще подлее, ибо окончательно страшно, когда человек *ничего не ест*, ни даже — малявочки, ни одной — плотицы, ниже таракана глотает и мухи. Такой — страшен. «Без Собакевича — страшно». В Соловьеве и не было этой вечно человеческой *сути*, нашей общей, нашей простой, нашей земной и «кровянистой». Тень. Схема. «Воспоминание» о нем есть, а «присутствия его никогда не было». Это очень странно, и опять я умею только сказать, что чувствую, и никак не умею доказать.

Люди не тяжеловесные. Люди, ходящие по земле и не вдавливающие в землю свою ногу. Не «воняющие» и «не пахнущие». Непременно он ездит только на извозчике, а не «ходит пешком». — «Влад. Соловьев вышел *прогуляться* и через $\frac{1}{2}$ часа будет дома» — нельзя сказать, услышать, невозможно это. Отчего? — Не знаю отчего, а — невозможно. Ровно такой будет жить «в номерах», «гостить у приятеля»: но ни к кому не станет «на хлеба». «Соловьев *харчуеться* там-то»: опять нельзя выговорить, и просто этого *не было*. «Соловьев женился», «Соловьев празднует *имянины*», «у Соловьева сегодня — *пирог*»: фу, небылицы!! Он только «касается перстами» жизни, предметов, струн, вашей шеи, ваших губ — как «дух» в «спиритическом сеансе». Уверен, что хотя «влюблены были в *него* многие», но он никого решительно, ни одной девушки и женщины, не «поцеловал *взасос*» (бывают такие), и ни одной не сказал, «прикоснувшись губами», — «*Давай — еще!!!*» Надо бы проследить, есть ли у него «восклицательные знаки» и «многоточия» — симптомы души в рукописании и печати. Очень бы любопытно. Но в литературе я знаю, что он все «плел слова», «сшивал из страницы статьи», «силлогизировал», «делал выводы»: но не помню, чтобы раскричался в литературе, разгневался, нагрубил, наговорил резкостей и негодований. «Медленно каплет чернильный яд» — но нигде «укуса», «рванул», — *жизни*.

«И вот *завыл волком*» (Белинский о себе, о своем «Письме к Гоголю»): этого *ни о чем у себя* не мог бы сказать С-в. У него везде звон, фразы, шелканье фраз, силлогизмы. Точно *не течет речь* (= кровь), а речь — *составлена из слов*. «Слова» же он знал, как ученый человек, прошедший и университет, и Дух. Академию. Соловьев усвоил и запомнил множество слов, русских, латинских, греческих, немецких, итальянских, лидийских, — философских, религиозных, эстетических: и из них делал все новые и новые комбинации, с искусством, мастерством, талантом, гением. Но *родного-то слова* между ними ни одного не было, все были чужие...

И он все писал и писал...

И делался все несчастнее и несчастнее...

Нет, господа: о нем надо петь панихиды. «Нашими простыми умиленными русскими голосами»: С пра-тадь-яконом. В протодьяконе — вот в нем уже есть ВЕС. «Это-с не из спиритического сеанса».

* * *

9.VII.1915

Вот что, человек: копи себя.

Собирай «в кучу».

Я понимаю прелести многобожия и даже «все»-божия. Но это есть поистине другой принцип, нежели ЕДИНО-божие. И поистине, это 2 принципа, «единое» и «многое» — не только религии, но души нашей вообще, и они проникают весь космос.

Можно «центриться».

Можно «разбрасываться».

Но «разбрасываться» хорошо по весне, когда сил много, когда везде гуляют коровушки.

Таково ли наше время? Когда нет плодов. Шумит ветер. И везде так холодно.

Вот теперь-то, когда «холодно», я и говорю тебе, человек:

— Собирайся.

А это значит:

— Будь целомудрен.

О, не в скопческих целях: а чтобы быть сильным, цельным, быть «горячим» на пространстве хоть тех 2 арш. 10 вершков, какие составляют «тебя».

Жалкое местечко. Что делать: оно должно быть согрето.

И вот ты люби свою жену: ОДНУ.

Люби своих детей: ОДНИХ.

Забудь мир. О, как это страшно, но — забудь. Без этого ничего не достигнуто.

И горячите, горячите ту утлую дощечку, на которой плывете среди холодного океана и которая зовется

«МОЯ СЕМЬЯ».

Сам я не такой (слишком не такой). Для меня еще «много коровушек». Но поистине, это есть моя аберрация. На самом деле и как я постигаю дело — нужно именно целомудриться, целиться («целое»), уцеливаться. Знаете ли: может быть, мир-то везде *весь* погибнет: и вот тогда из миллиона полуразорванных семей, бродящих семей — ничего не получится: тогда как из одной *горячей семьи* — произойдет целый народ, и даже народы, и даже целое человечество.

Я со страхом подумываю, что, м. б., даже «целому человечеству» придется родиться из какой-нибудь одной, заброшенной, никем не усмотренной семьи, т. е. что перед этим в катаклизмах и катастрофах погибнет все человечество.

(еду на конке в Вырице)

* * *

9.VII.1915

Человеческий ум думал, думал, «что бы мне еще придумать?». И написал — «Историю русской литературы».

Педагоги обрадовались — и ввели в гимназиях: «История русской словесности».

Кафедра образовалась и ввела: «История русской литературы».

Не спорю, она есть до Петра Великого: «лимонарики», «азбуковники» и вообще: «История русского древнего просвещения». Наука столь же интересная и *возможная*, как о мастодонтах.

Но с Петра Великого: 1. Кантемир писал и написал... 2. Фон-Визин писал и написал... 3. Державин жил, любил уху, пил, служил. Ну, и «написал». Господа: но все это великолепный душистый сад, в котором гуляк, *лицу*: но что же его описывать!!! и сочинять!!!! и писать о нем... учебники!!!! и ставить за него на экзамене «1».

— За что?!!! (ученик).

Поистине: «за что»? Никакой и скуки нет. Как о том, что «мы ели» и «как гуляли». Это чисто искусственная наука.

(на конке в Вырице)

* * *

12.VII.1915

Да в ресторанный цивилизацию и усвоим только ресторан.

Чего же ты удивляешься? Чего плачешь.

(бреду по Литейному)

* * *

12 VII 1915

Вот что: все евреи от Спинозы до Грузенберга не могут отвергнуть, что когда произносится слово

«ЕВРЕЙ»,

то все окружающие чувствуют

ПОДОЗРЕНИЕ,
НЕДОВЕРИЕ,
ЖДУТ ХУДОГО,
ждут беды себе.

Что? Почему? Как? — Неизвестно. Но не поразительно ли это общее беспокойство, и недоверие, и страх.

Может быть, философ Грузенберг объяснит?

М. б., Гершензон ему поможет?

∞

Вот что, мои милые русские: такое всеобъемлющее недоверие и от таких древних времен — не может не иметь под собою какого-то

основания, которого если вы не видите, то все равно оно *есть*. И поэтому всячески сторонитесь евреев и не вступайте ни в какие отношения с ними. Хотите ли совет настоящий и лучший и действительный: если, идя по улице, вы издали увидите фигуру «как будто еврея» — потупьте глаза и так образ. *не увидите его*. Знайте, что в ту или иную сторону вы повернетесь, если *встретитесь с ним глазами*. В глазах есть сила: и «взглянувши друг на друга» с евреем — вы уже несколько перестали быть русским и несколько объевреились. Это не надо. И увидя комнату (гости), где разговаривает еврей, — не входите в нее; и если где вы сидите — придет еврей и начнет говорить еврей — заговорите, заспорьте с кем-нибудь третьим, чтобы не только его не слушать, но и не слышать.

Берегите ум от евреев: т. е. в основе и предохранительно берегите глаз свой и ухо свое от еврея.

Среди 1000 точек зрения «на Христа» есть еще одна и следующая: *обнаружение еврея*; или: «доказательство об евреях — человечеству», — чтобы берегся, чтобы остерегался человек. В Евангелии показано бесспорное Лицо Человеческое («Се Человек»), — Лицо Безгрешное, Безукорное, Праведное, Святое: между греками, римлянами, между всеми Оно прожило бы, исцеляя, кормя голодных, научая добру. Только одни евреи нашлись, которые вдруг Его распяли!!! «Распни Его! Распни Его!» — «Не Варавву, но Его» (распни)! Разительно. Невероятно. Что же это говорит: в евреях *in toto* * есть некоторое бесчеловечие, противочеловечие. «Человек» — «Еврей» — несовместимы. И будут вечно бороться и будут вечно усиливаться погубить друг друга.

Страшно. Но так. Об этом говорит Евангелие. Вообще «Евангение» и «еврей» — это ноумен истории.

* * *

12.VII.1915

«Но вот, в один прекрасный день в полицию явился владелец меняльной лавки, еврей Моисей Левенштейн, известный всему Нью-Йорку, ненавидимый всеми ростовщик».

(«Нью-Йоркские фальшивомонетчики»; Пинкертон)

Ну, если «меняльная лавка», да еще «Левенштейн», то конечно «всеми ненавидимый»: но если «Ротшильд» и «банк»?

Кондурушкин его не «ненавидит»; даже — Рубакин. П. ч. он издает газету, в которой, м. б. будет писать Кондурушкин; и учредитель маленьких народных читаленок, куда Рубакин поставляет, выбирает, рекомендует «популярные книжки».

* в целом (лат.).

Кстати: почему «черта оседлости» и «несправедливости к евреям» мешают говорить о меняльных лавках и о настоящих банках в Москве и здесь и по всей России?

И почему «черта оседлости» мешает говорить о торговле белыми рабынями, что она ведется евреями?

А, Горнфельд? А, Айхенвальд? А, Гершензон и Минский?

Но вы, пролив столько слез «о несчастной России», ни слова не выговорили о том несчастье, что в ней живет 7 миллионов племени с специальным вкусом к ростовщичеству, с талантом к «маленьким лавкам», с добрым золотым сердцем около «белых рабынь»?

Вон на дворе — должно быть, младшие дворники — целый вечер орут (воскресенье):

Сизый селезень плывет...

.....

Сам со кудрями,

Сам со русыми.

Разговаривает.

Надоели: все одно и то же: «селезень» да «молодец»... Никакого разнообразия. Слушал-слушал: и наконец поразился: какое беспредельное благодушие песни. Голоса — твердые, ясные, пре-до-воль-ные... Откуда довольство-то? Жалованье не «ахти», а харч — дорогой. Но теплая погодушка, воздух — хороший, праздник, отдых: и они орут и орут, одно и то же, и все орут и еще орут. Нескончаемо. Вот часа четыре «селезня» и «молодца». И подумал: да наша Русь пресчастливая. Чтобы так орать песни, — нужно, чтобы народ прямо «полагал себя счастливым», ибо иначе песня была бы раздраженная, гневная, колкая, насмешливая. Была бы песня «несчастливая», если бы был народ «несчастливый». Теперь послушайте дальше, что я придумал: сейчас слышу за окном хохоты (небольшие), скромные, учтивые. Тут же тонит (тонкий) и женский голосок. Все — учтиво, скромно и пре-доволь-но. И вот мне представилось: полицейский свистит за воротами, «беда», «история»: и все эти дворники, ребята возле 20 лет, кинутся непременно ловить вора, угомонивать пьяного, и вообще — в помощь засвистевшему полицейскому, в полной с ним гармонии, внутренней гармонии, а не подневольной. И что же я нахожу: да то, что эта здоровая песня здорового народа могла создаться только под хорошим, здоровым управлением, — под управлением в равном духе и справедливом. Вдруг все революционеришки:

Долго нас помещики душили,
Становые били...:

Помещики дали ряд идиллических описаний крестьянства, т. е. *любили* крестьян, а становые «*весьма справедливо управляли ими*». Русская история и «теперь жизнь» вся оболгана, вся оклеветана «революционной традицией», — и клеветали они «по заказу» и лгали «по злобе и несчастью», по злобе внутренней и (втайне) на себя: ибо лжец естественно несчастен, ибо не может не знать, что лжет. Революционеры суть единственные несчастные существа на Руси: ибо перед самими собою они обязались лгать и лгать, и еще лгать, и опять лгать. Это-то несчастное положение «поддерживать ложь ложью» — и спутало и замутило их души. А как из нее выйти! объявиться перед светом: «Я всегда был лгун?»

И нет выхода...

И в безвыходности они задыхаются.

Хо-ро-шо на Ру-си.

Вот.

* * *

12.VII.1915

В проституции мужчина покупает женщину.

В браке женщина покупает мужчину (приданое, *обычное*).

Разница между: «взял» — «дал» показывает величину *невыгоды брака*.

Кто же сделал «невыгодным» самое нужное человеку? столь необходимое всем дочерям человеческим???

О, о! о! о!..

Думайте же, да подумайте, духовенство...

О! о! о!..

Горе! горе! горе!

Дороговизна на хлеба — плохо.

Дороговизна соли — кричит народ.

Дороговизна брака: никто не кричит.

Безумие, безумие...

Слепота человеческая, слепота человеческая, слепота человеческая.

* * *

13.VII.1915

«Развратом» называется, когда совершающееся у двоих переходит в зрение или в слышание не участвующего третьего; и есть (кажется) «разврат» для этого третьего, и есть разврат его (любопытство развращенного).

Отсюда *действий* развратных нет, а есть «развратные *разговоры*», «развратные *зрелища*», «развратная литература», «развратные рассказы» и «развратные картинки».

Дико сказать, и никто не чувствует, чтобы происходящее между мужем и женой было «развратом». Но попробуйте изобразить, рассказать? — мир разбежится в страхе.

И условлено: делать, но не говорить. Но это не по лицемерию и фальши: такова природа этих дивных вещей.

Non scribenda
Non decoranda
Sed — SUNT*.

(умываясь поутру)

* * *

14.VII.1915

Хочется быть *одному*.

И *могила* — последнее уединение.

(бреду с купанья)
(психика старости)

* * *

14.VII.1915

Если есть гамак — то он ЛЯЖЕТ.

Если есть книжка — он, ТАК И БЫТЬ, ПОЧИТАЕТ.

Обед — он СКУШАЕТ.

И если трудолюбивая акушерка наймет квартиру — то он ПОСЕЛИТСЯ.

Ну, и прочие «функции»...

(русский интеллигент)

* * *

14.VII.1915

Легкомысленно-уголовное общество.

Не странно ли? Не страшно ли?

Но «— Где доказательство?» И «— Как вы смееете?»

Но года три назад не раздался ли вой в печати: «Сыщика поставили героем дня».

«И еще туда-сюда — Холмса, а то — Пинкертона?!!» «До чего мы дожили» и «Quousque tandem...?!» **

Между тем и Пинкертона и Холмс выискивают самых гнусных убийц, самых преступных негодяев — и везде охраняют жизнь, свободу и пр.? Оба делают то же, что Тезей, «очищавший дорогу от Аттики до гористой Арголиды, где засели разбойники и убивали незащищенных путников». И ведь читатели и печать знали в каждой книжке, о чем рассказано. И читатели читали, любили, восхищались, как всякий раз преступник «не зарезал, п. ч. помешал Пинкертона», «не утопил, не сжег, не задушил светильным газом — п. ч. вмешался Холмс, рискнув сам шеей».

* Не следует описывать, не следует изображать, но существует (лат.).

** «До каких пор?» (лат.).

Читатель любил, но печать восклицала: «Quousque tandem?»

Позволю себе быть Холмсом, который всегда «искал *доказательства*», и всякий преступник «без доказательства» — ему вовсе не годился, ибо он ничего бы с ним не мог сделать «перед судом присяжных».

Итак Холмс-Розанов говорит всему миру: — Господа присяжные заседатели (целый мир): судите же это русское общество как преступника, ибо оно всякий раз тосковало, зачем Холмс помешал, зачем Пинкертон «прервал дело», т. е. зачем недорезавший не зарезал и топивший не дотопил.

* * *

15.VII.1915

Полезное служит бесполезному.

Да еще как. На цыпочках ходит. «Лапку подает». На задних ногах пятится и улыбается и льстит. И ищет, чтобы «погладили чернорабочую морду».

Не так ли горничная, и препустая, «вертит приказчиком». А «царица бала» только дает вдыхать аромат ее духов банкирам, министрам и тайным советникам.

∞

Но, Господи: не так ли ты устроил «пустую» субботу, «которой работают» 6 черных, ночных дней.

∞

Господи: как странно мир устроен.

∞

И посмотрите — «Он». Сколько есть людей, которые всю жизнь трудятся, заботятся, наконец даже обманывают и плутуют — чтобы «доставить удовольствие Ему».

Он же? — все люди говорят, что он имеет самый плачевный вид. Живет, ничего не делает. И только наслаждается.

Вот вышел господин сада погулять. Толстый живот. Красное лицо. Подагра.— «Фу! Фи!»

И, лениво наклонясь, понюхал жасмин и розу:

Мимо прочих прошел, даже не взглянул.

Это он, видите ли, «отдыхает». Сам «фи», и дело его «фи».

И все цветы растут для него. Садовник трудится. Наука и прилежания. «Бездна сведений» (у садовника).

И чтобы только свинья прошлась, понюхала и забыла.

∞

Господи: как страшно жить.

Как недоуменно.

* * *

15.VII.1915

Открыть Россию, ее достоинство, ее *честь* — это гораздо труднее в 19..., в 1856—1910 гг., нежели было в 1492 году открыть Америку.

Между тем она есть, эта *честь*.

Кончил гимназию я поздно (дважды оставался) и, оказывается, «должен был взять отсрочку воинской повинности» уже в VIII классе. Конечно, ни о чем понятия не имел. Вдруг дома схватились: — «Василий, сколько тебе *лет?*» — Туда. Сюда. Справки. И назавтра: — «Иди скорее в *Воинское присутствие*».

Старичок-генерал... Взглянув на какую-то бумажонку, которую я ему подал, начал кричать. Я понимаю, что «на меня», и молчу. Еще кричит. И говорит: «Подпишитесь *задним числом*». Я подписался «задним числом» («ничего не понимаю»). — «Смотрите же впредь... Прощайте». Чуть ли даже руку не подал. Прихожу домой. Брат (вместо отца, воспитал нас) и говорит:

— В Австрии, если, отправляя письмо, положить на него по ошибке или неведению марку низшего достоинства, чем следует, — то взыскивается с адресата в *восемь раз стоимость* недодачи. Так же и в прочих штрафных случаях. У нас просто взыщут недодачу. И вот теперь этот случай: ведь можно принять за *уклонение от воинской повинности*, и тогда...

Я не понял, «что́». Но вот Бог привел вспомнить, и я так рад.

«Правительство» у нас скорее лениво и неумело. Но оно *принципиально* не «зло», «коварно» и «выжимательно» («выжимают налоги»). Злоупотребления по части «перебрать чужую денежку» мне впервые пришлось встретить в СПб. и среди лиц очень высокообразованных, увы, ученых и литературных (не вру). В провинции служба безукоризненно чиста. Здесь «взять взятку» — самая мысль об этом представляет ужас. Провинциальные чиновники — молодцы: это дело ясное и очевидное.

* * *

16.VII.1915

Я бы мог примириться с интеллигенцией, если бы она, зажав хвост между ног, не бежала за евреями.

И еще: если бы она не была так самодовольна.

Читайте «Подпольная Россия»: какое самодовольство, какая уверенность — «мы *одни* делаем дело в России», «России неоткуда ждать спасения, кроме как *от нас*», да и вообще «без нас пропадут *все люди*». Просто зачервится земля «без вас».

Итак, 43 года Стасюлевича, Пыпина, Слонимского, К. Арсеньева в России.

Теперь жидаы издают (видел помощника редактора, — жид, ех-революционер) «Солнце России».

Так и «освещают», так и услаждают. «Не было бы варенья в России, если б не революция».

Ничего *подобного* не думал о себе Жуковский, Крылов, даже Карамзин («переворот в литературе», новый «штиль»); Пушкин, Тютчев. Достоевский не думал, хотя говорил: «Я — миллион». Но ведь Стасюлевич ценил себя по крайней мере в три миллиона.

Посмотрите *тон* Ив. Разумника, Лемке, автора «Среди книг» (вспомнил — Рубакин). Просто какие-то генерал-лейтенанты «в демократических пиджаках».

И у всех. Самовлюбленность — самая суть революции.

Как-то прочитал в газете: «Представитель социал-демократической партии СДЕЛАЛ ЗАЯВЛЕНИЕ». Они не «говорят», не «произносят речи», как прочие, как все, а — «делают заявление».

Прямо — архиерейская служба.

Помните *тон* Аладьина в Госуд. Думе. Он орал на министров. А носил потихоньку статьи в одну «мне симпатичную» газету, где, должно быть, ему платили по 30 к. за строку. Мне редактор (бла-а-душнейший) сказал, прибавив: — «Это секрет».

Да за «30 коп.», кроме Веры Фигнер и Екатерины Брешковской, едва ли кто не побежит.

Но оставим это. Оставим мелочи.

Хвастовство — суть всего.

Но когда же хвастовство украшало, укрепляло? Когда из хвастовства росли цветы, плоды? Когда на хвастливых людях утверждалось счастье народное?

Никогда. Этого не бывало. И вот уже теперь, когда, мне кажется, происходит «закат революции», «6 часов вечера» революции, — она как-то вся посинела, из прежнего «розового» цвета — стала сизой, подумертвенной. Гадость — так и сочится. За Богучарского, Мельшина «хватаются», да и нельзя не «хвататься» — потому что это последние соловьи, последние *порядочные люди* в революции. Еще немного, 10—15 лет, и «обширное поле» ее будет покрыто сплошь червяками и гадами.

И тогда просто зажмут нос, отвернутся, забудут.

Собственно, *история Европы остановилась* на революции. Несомненно, весь XIX в. был революционен, — поэзия, философия его, «естествознание», «дарвинизм» — все были «отделы» и «§§» революции, все было — пропитано революцией, революционно. И до сих пор от «мальчишки» до «старца» — остаются, несмотря на «патриотическую войну», — революционерами.

В сущности, «уклонились» от революции в XIX в. очень немногие; да и они *всю силу души положили на борьбу с революцией* и через это (хотя отрицательно) также были «наполнены революцией».

В чем суть ее?

— Верю в *бесконечно далекий день*, а *сегодняшний* — презираю.

Так обр. суть революции, что она всех людей сделала *нереальными*, — *теньями*. Это — одно. Но и затем: она, введя *пустоту* (относительно «сегодня») в каждого человека, — так сказать безмерно *огорчила* его и *сквасила*, «прокисла» целый век.

Поистине «огорченный век», век «огорченных людей».

Глубоко несчастный век.

Все эти хвастунишки и самовлюбленные в тайне вещей оттого шли на виселицу, что они никогда и ничем не могли бы насытиться и были глубочайше несчастны уже *a priori*, от первоначальной своей мысли, от самого «задания» своего существования:

— Я революционер. Т. е. я все проклинаяю.

С этой мыслью если не повесишься сам, то пожелаешь, чтобы тебя кто-нибудь повесил.

Характерный век революции неодолимо сделался «классическим веком» самоубийства. До XIX в. просто *не существовало* самоубийства как обыденного, повседневного явления, даже до вульгарности. Под ним кроется: «всем жить противно», «не хочу жить», «не знаю, зачем жить» (стереотип: «прошу в смерти моей никого не винить»).

Но «виновный» есть.

Это — «век».

«Бесполезность» — прекрасна. Но «сегодня»?...

— Только отвратительна. Умру.

Глубокая ошибка революционеров — разъединять, изолировать. Напротив, их надо было бы держать «в одной куче». Пусть наслаждаются меланхолией друг друга. Нужно бы устроить «Коммуну вокруг Чернышевского», ссылая всех «к нему». «В объятия».

Все потеряли *наслаждение сегодняшним днем*; все потеряли *осознание действительности*. И история — остановилась и стала несчастна.

Поэтому ждать «конца революции» и значит работать над «всеобщим воскресением», над «возрождением Европы». Мы даже сейчас представить не можем («революционные души») — какое чувство переживает Европа, вновь вернувшись к Царям, к Святым, к Святости и Правде.

Вдруг почувствовав:

— СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ.

Господи — солнышко! Господи — роса. Господи — песенка. Любовь. Дружба. Привязанность.

«Уважаем друг друга».

Господи: за «уважаю соседа моего» — можно полжизни отдать. Ведь это такое блаженство, счастье: *уважать, верить, любить*.

Ведь все это потеряно, угасло, ни в ком этого нет. «Ибо все заняты революцией». Т. е. «все ненавидим», кроме этого «соседа», напр. Азефа, «около которого, плечо с плечом, начинаю борьбу».

«Бомба»-то и суть всего. О, как она выразила революцию! «Взорвать». — «Да, если *гада* пополам, то я счастлив»? Кто говорит это? Воззришь — ты сам *гад*.

И все («революционное время») «гады», и все «рвут» друг друга.
Удивительное «счастье».

«Горем — наслаждаемся».

Да.

О, Господи: как несчастен род людской.

Но будет, будет заря. Еще продышит «синий человек» лет 40, пожалуй — все 85 (два века, XIX и XX) и наконец — перевернется книзу лицом, последний раз «укусит землю», вздрогнет и вытянется.

О, Господи...

Как тяжело.

* * *

17.VII.1915

Мы когда учимся в гимназии — по-видимому, «ненавидим гимназий». И когда учимся в университете — «презираем профессоров». Посему кажется бы, что они «не имеют на нас влияния», «действие их равно нулю и, след., безвредно». Но на самом деле это не так. Гимназии и университет кладут на нас неизгладимое влияние...

Но какое?

Влияние вывиха, бездарности и уродства.

Они надевают на нас не лицо, а рожу. И вот от этой «рожи» отделайся-ка.

И ходим.

И ненавидим себя.

И ненавидим Россию.

(сбравшись в дорогу, уже надев пальто — присел)

* * *

18.VII.1915

Извне сосет немец и жид.

Изнутри — социализм.

Как же «русской коровушке» не быть худощавой?

∞

Швед, жид и француз «сбирает пенки» в Баку.

Еврей — везде (все банки).

Немец — в городах, в столице.

Мужику осталось «Господи, помилуй».

(в вагоне)

* * *

19.VII.1915

«— Но почему полиция просто-напросто не запретит этого притона? — взволнованно спросил Боб.

Пинкертон улыбнулся.

— Тогда полиция лишилась бы своего самого богатого места охоты! Мой милый Боб, это было бы колоссальной ошибкой! Знаешь, это прямо удивительно! Негодяи прекрасно знают, что полиция туда частенько навещается, и все же они не перестают туда ходить! Как будто этот кабак имеет для них какую-то таинственную притягательную силу. Я точно знаю, что в кругу отъявленных молодцов тот, кто избегает Тома Иллинга, осмеивается как трус и баба! А потому, Боб, мы не должны закрывать этого притона, а должны смотреть на него, как на мышеловку, в которую подчас попадают недурные зверьки!

Боб кивнул головой. Он прекрасно понял слова своего учителя и сообразил, что благоразумие руководило полицией, когда она не закрывала притона».

(«Заговор преступников»)
(разговор в Департаменте госуд. полиции о «Русском богатстве», «Отечествен. записках» и проч.)

Поверить, чтобы за 2—3 недели с объявления войны какой-нибудь Керенский, какой-нибудь Чхеидзе и даже чтобы Милюков и Родичев «возродились к иному», нежели чем жили, дышали и хлопотали 30 лет, чтобы стали «по-иному чувствовать» Петрищев, Мякотин и Пешехонов, «ученики Скабичевского и Михайловского»,— и приняли в себя новое сердце,— было бы, конечно, наивно:

Гó сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть

вспомним вечный стих Некрасова. О, как он вечен,— этот стих. И посему когда в июле 1914-го члены Г. Думы, на 1-й день собранные, все целовались,— целовался Милюков и Марков 2-й и т. д., и т. д.,— то, конечно, это было *радостью* со стороны Маркова, и «скребли кошки на душе» у Милюкова: что же ему и «иже с ним» было делать. Такая была минута, что всякое слово «против» вызвало бы гам, шум и, кто знает,— побои. Всякое слово «против» вызвало бы взрыв негодования и презрения во всей России и «в избирателях». Было решительно нечего делать, как «целоваться». Но сердце, которое

...устало ненавидеть,

конечно, **ЛЮБИТЬ** не начало. А в этом и **ВСЕ ДЕЛЮ**.

Вот и сейчас я читаю у Маклакова («Единственная задача», в «Русск. Ведом.») почти испуганные слова:

«Нельзя утешаться воспоминаниями, что несчастные войны России являлись часто исходными точками ее возрождения; поражение в этой, в теперешней войне было бы непоправимой катастрофой!»...

Он уже чувствует, что ползет змея: «Будем побеждены,— тогда кое-что мы получим в либеральный успех себе». Да разве «Биржевые

Ведомости» и «Вестник Европы» не шипели «на Скобелева и прочих» во время Турецкой войны 1877—78 г., и разве в японскую войну не было ликования «об успехах Куропаткина».

Вообще говоря, правильна, конечно, мысль, что «правительство должно работать в согласии со страной», и даже ярче и глубже: — «правительство только выражает собою страну». Но это святое слово истинно только в святых странах и в святые часы истории: а что вы сделаете в ночной час, когда «вас тянут за рукав в публ. дом», «тянут за полу в *Распивочные на вынос*», и, напр., в тех же «Русск. Ведом.», всего за год до этого, по поводу недочитанной на 50-м юбилее телеграммы Айзмана, где этот жид изрыгал ругательства на Россию, а пристав закрыл банкет — раздались чуть не во всей печати — «Вечная память *Отечеству*», ну конечно — «*такому* Отечеству»... Бывают страшные часы истории,— и, увы, *их-то мы переживаем, и Германия, начиная с нами войну,— конечно, рассчитывала на них.* Она знала, что это не час Карамзина, а час Керенского,— и не час Погодина, а час Стасюлевича: «Единение с *изменившею себе страной*» (бывает! бывает!) знаменовало бы *измену уже самого Правительства России:* т. е. совершенно кинуть народ, народ-*solo*, кинуть мужиков, кинуть попов, кинуть мещанишек, «господ купцов», самую армию, ибо 1) «армию проклял Грибоедов, Л. Толстой (времени «опрощения») и Гаршин», 2) «купцов проклял Островский», 3) а «тьму мужицкую» и «православную» и «с батюшкой Царем» — вообще проклинали все от Чаадаева, Герцена, декабристов — до Леонида Андреева и до Айзмана с Мережковским...

Да что толковать: «анкета (среди студентов) показала, что 80% учащихся суть социалисты-революционеры и социал-демократы», т. е. «*все вверх дном*», а в «Среди книг» Рубакина «первым номером» указываются книжки и брошюры анархического содержания, вторым номером — социал-революционные, третьим номером — социал-демократические и уже «последним» — презренные книжечки «националистического», «звериного», т. е. русского, «направления». А «по Рубакину» составляют библиотечки и читальни по селам, по посадам, по фабрикам...

Нужно заметить, что сам Маклаков даже в такой час судит о Правительстве лишь «прощаючи»:

«Особенность настоящего момента — определенность стоящей перед страной задачи; она в одном слове — победа. Одни разумом, другие инстинктом одинаково поняли, что наша будущность — в исходе войны, что просто окончание ее вничью равносильно разгрому. Нельзя утешаться воспоминаниями, что несчастные войны России являлись часто исходными точками ее возрождения; поражение в *этой* войне было бы непоправимой катастрофой. Перед страной нет выхода: она *должна* победить, какого бы напряжения это ни стоило. Это сознание создало при самом начале войны неслыханное единодушие и подъем настроения, которые смели апатию и разноголосицу недавней эпохи.

Но это продолжалось недолго; по мере того как, казалось, для России исчезала опасность, вспоминались старые счета и поднимали голову прежние

господа положения: они начинали бояться, как бы победа России не отразилась на их привилегиях. По неверной дороге, к несчастью, пошли и некоторые члены правительства; это можно теперь говорить, и это полезно сказать. Вместо того чтобы использовать новые настроения общества, закрепить внутреннее примирение на лозунге народной войны, соединить всех на общей работе, эти представители власти вели такую политику, как будто нарочно заботились, чтобы и после войны все осталось по-старому, принимали заблаговременно меры предосторожности против грядущего возрождения, старались рассеять надежды на лучшее будущее.

Время произнесет приговор над этой политикой, которая представляла для России большую опасность и, сама не сознавая того, работала на пользу Берлина.

Плоды ее обнаружались: появились признаки разочарования и недовольства. О внутреннем мире нельзя было говорить без лицемерия. Кажущееся единодушие достигалось только цензурой. Но Немезида себя ждать не заставила. Торжество оказалось обманчивым и преждевременным; враг еще не побежден; недостатки тыла затянули войну; напряжение всех сил России сделалось еще настоятельнее. Было решено опять созвать Думу; в среде правительства началось давно желанное обновление. И лозунг «Россия в опасности», «Все для России» стал, как прежде, грозной реальностью.

Этот лозунг из тех, что *обязывает*; ему нужно приносить многое в жертву, а не только то, что не дорого; он властно создает новые настроения и отношения. И в них полезно давать себе ясный отчет.

Он требует, во-первых, определенного отношения к власти. *Как бы отрицательно на нее ни смотреть*, теперь не время вести с ней борьбу. Многие лозунги, которые некогда имели свое обаяние, — *захват власти, подчинение ее Думе*, — теперь доставили бы большую радость Германии. На власти лежит величайшее бремя, и, пока она ведет войну за Россию с нынешним врагом, ее нельзя ослаблять войной на два фронта. Если бы даже попытка овладеть властью могла иметь теперь эфемерный успех, за нее бы горько расплатилась Россия. Думать, что можно успешно вести дело войны при радикальном внутреннем перевороте и неразрывной с ним междоусобице, — значит проявлять легкомыслие, которому нет оправдания; наоборот, только на этом пути возможна была бы победа Германии; только этого там и добиваются. Власть, как таковой, сейчас нельзя колебать, — это надо признать со всей искренностью; но этого мало. Нейтралитета теперь не допускается; его не прощают даже Румынии. Власть нужна активная помощь всей страны. Даже те, с кем боролась эта самая власть, теперь, если только они в силах, должны ей помочь в деле войны, и это будет с их стороны не измена знамени, не капитуляция, а долг перед родиной; они ей помогают. Если даже близорукие люди, которые своей страны боятся больше, чем внешних врагов, будут подозревать и отвергать эту помощь или принимать ее с камнем за пазухой, — должно пренебречь самолюбием, боязнью быть обманутым, когда минует опасность. Должно помогать власти даже против нее самой. И, наконец, разве не ясно, что жизнь сильнее «возможного нежеланья» власти? Слишком поздно и медленно, но перемены в ней начались в том направлении, в котором желательно. Ведь теперь и власть понимает, что иного выхода нет: без примирения, без дружного сотрудничества страны и власти нет победы в этой войне ни для власти, ни для страны. Это обязывает власть чутко прислушиваться к настроению общества, но это обязывает и страну.

Условия времени определяют и сущность проблемы, которая стоит перед всем государством и властью, и обществом; она прежде всего — деловая, не политическая. Мобилизация общества необходима для осуществления задач чисто технических; на очереди стоят вопросы снаряжения, продовольствия, дороговизны. Конечно, для этого необходима и благоприятная политическая атмосфера, устранение ряда знакомых препятствий. В этом — очередная задача «политики». Но ни для радикальной постановки этих вопросов, ни для углубления в корень зла времени нет; сейчас нужны те меры, результат которых может

сказаться немедленно. В 1905 году все профессиональные организации, собираясь для обсуждения собственных нужд, начинали с общей политической предпосылки: необходимо всеобщее, прямое и т. д. Этот прием вышучивали, но он был теоретически правилен. Теперь то же самое в лучшем случае было бы *testimonium pauperatis* *. Все принимаемые меры должны носить характер неумолимой практичности; надо воздержаться от рискованных экспериментов, бить наверняка, думать о непосредственном результате, о сегодняшнем дне, не поддаваясь соблазну строить для отдаленного будущего по своим задушевым политическим идеалам. Теперь полезно вспоминать благоразумное правило, что лучшее может стать врагом хорошего. Нужно брать то, что готово, отправляться от того, что уже есть. Силы страны громадны и в настоящее время; их нужно только уметь использовать полностью; надо только снять те ненужные путы, которыми Россия была искусственно скована, дать возможность всем частям русского общества показать и свой государственный смысл, и то, чего они действительно стоят.

И не будем обманываться: ролью всех в этой войне разрешается и вопрос политический. Местные самоуправления сделали громадное завоевание не политическими речами, не резолюциями, а своим действенным патриотизмом, своей работой, тем, что сумели стать необходимыми. И это общий закон в этой войне. Все организации, классы, даже отдельные люди, которые в той или другой степени помогут победе, оставят свой след в устройении тыла, производства, сбыта, обмена, как бы мало они при этом ни думали о политике, ее тем самым все-таки делают; и можно прямо сказать: сейчас ее и возможно делать *только на этой дороге*. Это касается одинаково и баловней, и пасынков нашей общественности, и старых организаций, и их эмбрионов, и промышленности, и сельских кооперативов, и рабочих союзов.

В такой момент собирается Дума. Она — в тех же условиях. На нее возлагают большие надежды, громадное доверие дано ей в кредит; его нелегко оправдать, но подорвать очень нетрудно. Потому-то надо заботиться не только об ее скорейшем созыве, но и о том, чтобы не явиться туда с пустыми руками. От Думы ждут не речей, а результатов, не красноречия, а указания практических выходов. Задача Думы — расчистить дорогу для полезной работы, вынуть те палки, которые так долго и систематически вставлялись в колеса нашей общественности. Это не только необходимо, это теперь стало легче, ибо патриотическое настроение, *пока его искусственно не испортили (!!!)*, облегчает задачу, рассеивая привычные опасения властей. Нужно привлечь к работе все живые силы страны, обеспечить им возможность планомерного труда во всех отраслях, положить конец привычным злоупотреблениям и непорядкам. Этим практическим духом должно быть проникнуто законодательство. Но это не все и даже не главное. Не плохие законы, а плохое управление причиняло главные беды России; это ярко сказалось и в военное время. Народное представительство не поведет сейчас спора о *власти*; но оно должно иметь возможность надзора за *управлением*. В этом — очередная задача момента. А между тем наши законы и особенно наша практика систематически с этим боролись; интерpellации были ограничены случаями внешней незакономерности; все, что касалось управления, — циркуляры, распоряжения, разъяснения центральных властей, — считалось секретом для Думы; затруднялись сношения Думы с местными учреждениями, отрицалось право комиссий иметь совещания с людьми специального знания. Эта ненормальность должна быть устранена; тесный контакт Думы с правительством, взаимная их осведомленность, возможность влияния и надзора, возможность удержать правительство от ложных шагов, указать на вредные действия местных властей, — вне случаев думской интерpellации, вне установленных сроков, — это — то, что всего нужнее теперь. Это нужно для правительства, если оно серьезно хочет помощи Думы и единения со страной; нужно для представительства, которое не должно быть обречено на опасность одной систематической *критики*, должно быть обязано

* свидетельство о бедности (лат.).

чувствовать на себе и *ответственность*. Это нужно для дела, ибо без этого все может остаться по-старому и самые лучшие намерения разобьются о сопротивление или непонимание местных властей. Такой постоянный контроль за управлением, вечный глаз за ним со стороны представительства может вылиться в разнообразные формы; для него даже не нужно новых законов, нужно только обоюдное сознание его пользы для дела, нужно, чтобы обе стороны одинаково сознали повелительность лозунга «все для войны».

Долгое время с большим благодушием мы мирились с горьким сознанием, что в великой и обильной России нет порядка; мы знали и терпели, что власть и страна — это «мы» и «они» и что борьба между ними есть главное содержание нашей внутренней жизни. Это было несчастьем, но Россия была так богата, что могла позволить себе роскошь непроизводительной траты отпущенных ей природой сил. Но этого больше нельзя. Величайшая в истории мира война, посадившая на *Kriegsbrot* * всю Германию, расточительности не позволит даже России; героизм нашего войска, покрывшего Галицию лесом безвестных крестов, заслуживает, чтобы те, кто может влиять на судьбы России, не свели вничью этих усилий из-за своих счетов и разногласий, если под прикрытием примирительных слов внутренняя борьба на деле все же продолжится и войну будут стараться «использовать» в том или другом направлении, Россия не победит; но на тех, кто будет повинен в упорстве, кто бы они ни были и чем бы они ни оправдывались, останется неискупимый грех перед родиной.

В. Маклаков».

* * *

22.VII.1915

Вчера, на Царскосельском вокзале, почти 2 часа ждал «подойти к билетной кассе». И на скамеечке простолюдинка тоже зачитывается книжкой. У меня были — «Разбойники на озере Эри». Посмотрел — у нее тоже Пинкертон.

И она так же усердна, как и я.

В чем же мы сходимся? «Такая разница в образовании»?

В том, что она, как и я, любит простое, ясное, доброе, и она, так же как и я, — ненавидит очевидное преступление. С кровью и желчью.

«Увлечение Пинкертоном», — которое так же обширно, как увлечение Гоголем при Гоголе — так же всеобъемлюще и народно, — составляет «страницу в *Истории русской литературы*», которую если из этой «Истории» вырвать, то мы точно солжем.

О чем же она свидетельствует?

— О полном бессилии литературы пропагандировать «живописное зло», зло «в плаще» и «с пером на шляпе».

«Добрый читатель» — во всей России — просто стал на сторону полиции и с упоением смотрит, как серый сыщик ловит все это «живописное великолепие» и сажает в кутузку. Литература 60 лет с натугой кричит, что «полиция есть зло»: но вся Россия оказалась умнее этой идиотической проповеди: «Полиция, вы говорите? Но она защищает наш маленький труд, наше мало кому нужное существование, наше имущество, наши копеечки. И вообще — нас». — «Полиция — это-то и есть воплощение государства «без рассуждений», — государства нам нужного

* военный хлеб (нем.).

и нам понятного, без философии и Блюнчли, без Максима Ковалевского и университетских прибавлений». «Полицейский — друг наш, заботник наш, без которого мы пропали, тогда как без Максима Ковалевского мы не пропали». Мы все ему скажем, расскажем, как эта старушка-соседка убитой — все рассказала об жизни и личности убитой Пинкертону, с полным доверием и глубокой чистосердечностью. Государство, поставив около нас полицию — чем и выразило свою демократичность, свое попечение о бедных и неимущих, *о всех*, — и оно (государство) единственно нам и осязательно через полицию, наилучшее и наипростейшее из человеческих учреждений. «Как *нужда* — беги к полицейскому». «Горе, недоумение, замешательство — *ищу у полицейского совета*». «Обидел ли кто — полиция *защитит*». — «Куда там долезти до ваших профессоров, ваших судов, ваших главнокомандующих, заседателей и председателей? Мы и не понимаем их языка, да и они нашего говора не поймут. Все это слишком высокий этаж. А полицейский — «наш брат», из народа взят — и народу все в нем понятно. А главное — все его распоряжения понятны: «Злодея — тащи в кутузку, хотя бы он назывался Печориным или Евгением Онегиным». Пинкертон вечно таскает таких Печориных, «обманувших любовь» (истории с невестами) в полицию. Все это демократично, разумно, все это есть сияющее добро «среди грязи обстоятельств».

Что же такое увлечение Пинкертоном? Общество, весь люд, весь народ, — стало на сторону Государства, «столь всемерно отрицаемого», сказав просто и ясно в ответ литературе: — «А мы видим в нем благо». Это колоссальный факт. Народ, население — оказалось государственным. Твердо государственным и стойко государственным. Сколько его ни развращали университеты и печать, с вечною злобою на полицию, оно уклончиво и насмешливо ответило: «Вы учены и богаты, счастливы и бунтуете: а мы, трудовой люд, без Государства обойтись не можем — и приветствуем его в самой ясной и убедительной форме — полицейского».

* * *

22.VII.1915

Из социализма, как он ни «преуспевай», так же не может выйти гармонического порядка *со временем*, — как из онанизма, как в нем ни напрягайся, никогда не получится новорожденного ребенка.

Ибо гармония выходит только из гармоничных соков и предрасположений.

А «в самой душе» социализма и солистов лежит ярость, гнев и клевета.

(за Пинкертоном)

* * *

22.VII.1915

Но откуда же зло? низость мира, пошлость мира? Которая (вся) — *есть?*

Плод предыдущего вывиха, ошибки, зла, легкомыслия. Ведь наши «60-е годы», с цинизмом, наскоком, бахвальством — плод «Николаевской эпохи», которая тоже была «наскоком» на все скромное и добропорядочное. «Черви» или «червей». Но в том-то и мировая суть, что яблоко не вырастает из гадины: но уже, друг мой человек, где ты посадил яблочное семечко — там вырастает непременно яблонька и ее белый цветочек, и яблочный крем, и яблочное желе, и все «яблочные благополучия».

А «гадких благополучий» не бывает. «Ура», Розанов: какое ты открытие сделал. Ведь это мировая гармония: и тот же «закон Ньютона».

Так же обширно по приложимости.

* * *

22.VII.1915

Добро родится только от добра.

Добро никогда не родится из зла.

(открытие Розанова)

...какая надежда! Значит, нечего и «беспокоиться» о социализме, о позитивизме, об атеизме.

«Твори добро». «Все в гору». И не помышляй об остальном.

Какая надежда. Море надежды. Океан надежды. «Все в надеянии», и ничего более не страшно.

Разрушение разрушается уже тем, что оно разрушение без всяких твоих хлопот.

* * *

22.VII.1915

В «Биржевке» от 19 июля напечатано 18—20 строк о «В. Л. Бурцеве», что он уже 10 дней как помилован и ему до сих пор об этом не сообщил министр внутренних дел, — как об этом сообщил министр внутр. дел депутату Керенскому (адвокат и «трудовик»), который спрашивал об этом министра, и министр дал ему по поводу этого аудиенцию, которая продолжалась 2 часа (два часа).

Все это прелестно, как 19 июля, когда Дума собрана в помощь войне: я брел в Таврический Дворец, купил у мальчишки, прочел и изумился...

Тут Дума, война. Напор врагов, страх и смятение Польши. Невероятные страдания. Озабоченность Государя победить немцев. *Внутренний* напор немцев (роскошные магазины в Петербурге и до сих пор немецкие, — Кон, Тон, Цвернер, Мандль). Но до всего этого нет дела «избраннику *народному*» Керенскому, несущему ночную вазу для вылива (иначе не умею его себе представить), ни — Проперу, который вместе с Иосифом Гессеном представлялись в составе «представителей петроградской печати» новому министру Внутренних Дел Игнатьеву или Щербатову, и «говорили о нуждах печати», о «тяжести для них цензуры», и, вооб-

ще,— «как русские граждане и патриоты» (на время войны), почти «как русские националисты». Я давно говорю, что скоро Катков будет из жидов.

.....
Да, так до всего этого дела нет ни, конечно, Керенскому, ни, конечно, Проперу,— а им важен Бурцев: который 15 лет открыто и всеевропейски точил нож на Россию, обливал клеветой Россию: «по случаю войны» почувствовал патриотизм и раскаяние, попросился в Россию, и ему, как преступнику, предложили ехать в Сибирь.

— «Преступник» — значит, «наш», сообразили Пропер и Керенский. И вот — аудиенция, и вот разговор и «помилование», и статья в «Биржевке» в день открытия Думы.

Бурцева, Бакая, Рысса я не могу представить иначе, как лежащими на спине на солнышке, которые раскорезились ногами и руками и говорят:

— Смотрите: вот МЫ... Как на нашем брюшке светится солнышко. И поводят глазками, ручками и ножками.

И вся Россия смотрит.

И смотрит министр внутренних дел.

...Тень Герцена меня позолотила.

* * *

22.VII.1915

«43-летняя систематическая подготовка войны с нами,— подготовка, в которой принимала настойчивое участие не только военная организация, но и все ведомства (*его курсивы*), вся страна, в лице ее *духовной, научной и промышленной* деятельности, эта подготовка оказалась весьма высокой»...

(генер. Поливанов, военный министр, в Госуд. Думе 19 июля 1915 г.)

Наша же подготовка, параллельно, была весьма не высока. И вот задумываешься: когда немецкий посол в СПб. делал протесты против патриотической деятельности Каткова и требовал у русского правительства «закрытия газеты», то делал ли он это ввиду теперешних, *сегодняшних* статей Каткова,— хотя и придирался к ним; или, что, по моему мнению, правдоподобнее, он выполнял часть германской защитительной политики — понизить национальное и государственное чувство у всех соседей своих, у французов, у англичан, но особенно у русских (главный по величине сил враг).

«Подготовка победы» состоит в 2 частях: *уже до войны* — самим УСИЛИВАТЬСЯ, и тоже *до войны* — ослаблять, разрыхлять, дезорганизовать недруга.

Япония выиграла победу именно тем, что показала Куропаткину, ездившему в Токио перед войною,— самые неумелые свои войска, не умевшие ни шагать, ни стрелять.

И вот напрашивается страшный вопрос: вся «левая» (сторона) русской журналистики, русских газет не были ли относительно германизированы «43 года», хотя (в демократических слоях) и не читали по-немецки. Все эти «князья Крапоткины», все эти Плехановы, Лавровы-Миртовы («совершенный Добчинский», по замечанию Никитенко в «Дневнике»), все эти теперешние Проперы, Кугели, Гессены — бьющие 43 года на гниль России, на разложение России — не соработали ли Германии в лице ее работы «всей страны, в лице ее духовной и научной деятельности» (ген. Поливанов).

Ах, кошельки русских литераторов решительно нужно пересмотреть. Без этого нет полной «Истории русской литературы»...

...не говорю о Кугеле, Пропере и Гессене: но и у прочих — откуда постоянное молчание о магнатах немецкой колонизации, молчание о немецких баронах, и только все нападения на «русское, черт его дери, дворянство», на «сиволапого» (русский купец и фабрикант), на «невежественного русского попа» и чудовищного «исправника».

...Ах, подозрительно. Мож. быть, Стасюлевич любил не только еврейские деньги, но и немецкие деньги.

Не смею утверждать, но не могу не бояться.

* * *

24.VII.1915

Старый дуб, опаленный молниями, обломанный бурями, весь корявый, черный, сухой — как он фигурирует и интереснее и «автобиографичнее» самого красивого молодого зеленого дубка, у которого «на губах еще не обсохло материнское молоко».

Как он полон духа, а тот только «зеленеет».

В середине заседания (19 июля, Г. Дума) я протащился в «ложу журналистов», — но *наверху*, где не было корреспондентов и репортеров, а — писатели. Там была и Вергежская. Я стоял сзади. И вот во 2-м (считая сзади) ряду увидел...

Это был старый дуб, — несомненно. Сколько фигуры в лице. Голова вся седая и, казалось бы, «корежистая»: но как она была красива.

Я следил.

И добрым вниманием он следил за речами министров, и потом — за речами ораторов, — то улыбаясь, то кивая головой. «Вот — политик! Прекрасный старый русский человек». Ведь он был явно человек 70-х годов, эпохи «хождения в народ», и сам или ходил в народ или что-нибудь в этом роде.

У меня мелькнуло: «Я — его партия», в чем бы она ни заключалась.

Он то сидел, то поднимался (видеть оратора).

И около него то поднималась, то стояла молодая женщина со счастливым и тоже таким добрым лицом. Она была белокурая и чуть ли не рыженькая. Лицо чуть в веснушках (люблю). Худенькая, очень интеллигентная. Большой покатый лоб.

И видно, что она «в тон» ему сочувствовала, и вообще были «одних убеждений».

Я внимательно следил.

И когда она стояла, а он сидел — то она клала на плечо ему руку и полуобнимала «около груди и шеи», а когда он садился, она же стояла — она также полуобвивала его грудь и шею рукою.

— Дочь?

Я очень мучился. Нет, дочери всегда бывают холоднее. Дочерям «папаши не интересны» (кроме редчайших исключений, «белый ворон», «черный лебедь»)...

Здесь была явно нежность, ласка. Она его любила, он ее любил.

Ей — 32, ему — 64?

Как они были счастливы. Как они были красивы. Явно, что она была *вполне удовлетворена своим мужем*, без малейшего принуждения, «понукания» на любовь.

Боже, как ложны шаблонные представления о любви. «Историю любви» писали конюхи, а не люди.

Она все нежилась в нем. Нет — явно «под ним». Ведь он (довольно высокий) был почти вдвое ее крупнее. Она была субтиленькая. Итак — «под дубом вековым»...

И был оттенок ее счастья:

— Я ему даю молодость собою. Что ему — жена... И — верная, прекрасная, а главное же — такая молодая. Без меня на нем было бы 5—6 зеленых листиков, а теперь еще целый бок — зеленеет... Он *каждый день* счастлив мною, *каждый час* счастлив... «Не надъшится»...

У женщин есть эта мировая доброта, — «от Бога», космологическая: что раз она видит, что «принесла счастье человеку» и даже не «человеку» с его ограниченностью, а «этому *месту мира*, которое именуется человеком», — то она становится совершенно удовлетворена, насыщена, внутренне весела и вся цветет «совершенным назначением женщины», т. е. что она его «совершила», «выполнила», — и «больше ничего не нужно мне».

Долг. Назначение. О, как оно высоко! — высочайшее.

И он покровительственно улыбался, — сверху. Зевес. Прямо — Зевес. С перунами (политика). «Золотой дождь Зевса всегда идет сверху». О, всегда «сверху»...

Не знаю. Он не был менее красив, чем она. Явно — он жил больше ее, крупнее, духовно, умственно. «Я, матушка, — *ходил в народ* в тот самый год, когда тебя отец с матерью только зачинали». Конечно. Автобиография, духовность. Она была прелестна именно любовью. Не люби она так мужа, она была бы «ничего». И она вцепилась в эту красоту свою, сияние свое, как «солнце вцепилось в свои лучи»!

— О, мне только *светить!*

— О, мне только *жить!*

«Жить» для него, «светить» ему...

Этому корежистому черному дубу.

Вся Госуд. Дума осветилась ими. О, вот бы из каких «пар» составить Думу. Из — благости, величия. Ведь они — Цари. «И соглашаться, что бы ни говорила их Благость и Величие».

* * *

24.VII.1915

Во мне больше было любования на вещи, чем любви к вещам. Вот мое несчастье и *ноуменальный* грех.

Но ТАКИМ Я БЫЛ РОЖДЕН.

Это тайна зачатия, а не биографии (сам я вечно стремился к любви). Кто ее поймет? В чем она? Откуда?

Здесь мы встречаемся с

НЕИСПОВЕДИМЫМ.

Это

НЕИСПОВЕДИМОЕ

есть в каждой биографии. Прислушивайтесь к нему, люди. Бойтесь этого. И не очень вините себя, а оплакивайте себя.

* * *

24.VII.1915

Аппетит зла... о, как он ужасен.— Аппетит свар, злобы, раздражения. Но это еще мелочь, и из нее проистекает только обезображение быта, безобразный быт. Но ведь есть и худшие аппетиты.

Их не видал, не знаю.

Но, Господи: есть и аппетит добра.

У Серафима Саровского был аппетит добра.

(на Габорио)

* * *

24.VII.1915

«Так как я ученый, а ты не ученый, то я отрежу тебе голову».

(война 1914 г.; германцы)

— Но я христианин?

— Что это? Мифология (Штраус, Ренан).

— Но у меня есть душа?

— Это менее чем пар. Души нет, а вместо нее дрыгающие атомы (естествознание).

— Но я человек?

— Выродок из обезьяны? (Дарвин). Но я «вперед» тебя выродился,— уже в гориллу, а ты еще на степени шимпанзе. И я тебя съем. Не съем, п. ч. не вкусно, а из костей твоих сделаю утилитарный шалаш, ибо я уже «развился» до шалаша, а кровью удобрю поле, так как я развился до агрикультуры.

«Война 1914 г.» страшна и вполне апокалиптическая, п. ч. это есть «светопреставление науки». Никогда нельзя было ожидать, что именно наука «светопреставится», — такая объективная, ясная и спокойная, но вот именно она «светопреставилась». Не страсти, не поэзия, — а холодная, позитивная наука.

Огюст Конт, который был «как все», — встал на руки, вытянул ноги кверху, что-то неубедительное и непонятное забормотал, расстегнул «невыразимые» — и «пошел вперед» («совершается процесс»).

Вот бы ахнул Достоевский.

* * *

25.VII.1915

О высоких должностях

.....
.....

Нужно открывать действительность. Ничто так не трудно, как открывать действительность. На путях к этому вы встретите бури, чудищ, с вас сорвут не только мундир, но и платье, вы будете голодны и жаждать, и вас не накормят и не напоят. И наконец, весь изодранный, исколотый, искровяненный, вы откроете... действительного статского советника.

Осмеянного и опозоренного... «ничто», ничто.

Исчезающая в мире величина, *quantité negligible* *, на которого подняты и дубины и еще хуже этого — перья французские, русские, американские, английские, перо Гоголя, перо Грибоедова, Пушкина, Княжнина...

Его защищает листочек папируса, с надписью на санскрите изречения из Веданты:

«взгляни на меня: я — ты».

Бедный человек, жалкий старичок, с Владимиром 4-й ст. на шее. Он говорит свою автобиографию:

— Чертовски скучно прожил жизнь. Ни успеха, ни блаженства Зеленого сада — и того не видал, не то, что леса. Все каменные квартиры в этих каменных домах на несносных каменных улицах каменного Петербурга, ныне патриотически переименованного в Петроград. Ни — неба, ни — воздуха; из «природы» — только одна жена, да и та «действительная статская советница», а не то чтобы какая-нибудь Суламифь. Детишки, правда, рождались, немного и чахленькие...

Служил. Всю жизнь служил... В департаменте, которые по воле Петра Великого, градоздателя нашего Петерб... тьфу... Петрограда — заменили собою приказы. Но в приказах сидели так же, как в департаментах, — без разницы, и только без орденов и в кафтанах вместо фрака. Но там — чернилица, перо и бумага.

* величина, которой можно пренебречь (*фр.*).

И вот я всю жизнь писал, и всю жизнь приказывал, и всю жизнь распоряжался предметами, которых в глаза не видал и которых мне лично совершенно не нужно. Податями — с мужиков, причем «мужика» я не видел в лицо и «подати» не держал в руках. Но есть... Россия, Господи!.. есть наш уезд... помилуй, Господи!.. и есть... наша губерния, которая — одна тоска и позор. Но ничего не поделаешь — *есть*, и до меня была. И вот чтобы в этой скучной губернии было какое-то кровообращение и какое-то пищеварение, чтобы ей не причинилось инфлуэнцы, тифа,— (худосочие-то есть),— не наскочила бы на нее холера — я для этого всю жизнь должен был служить... служить... служить... без цветочка, без выкрика, без жалобы, без воздуха и неба...

«Веданты» говорят, что «я — ты»: вот этот желчный критик в синих очках, который разносит меня. Он так же сух и желт, как я, этот критик, ибо так же желчно упражняется в своей критической должности, как я тоже довольно желчно упражнялся в своей управительской должности. У него перо и чернильница, и он служит в газете — как у меня было перо и чернильница и я служил в департаменте. Из моей службы вышли «собранные налоги», а из его службы выйдут «собранные критические статьи». И обои нужны отечеству. И оба мы

В КОЛЕСЕ,

и над обоими нами

РОК.

* * *

25.VII.1915

— Русский человек задарма и рвотного выпьет,— сказал Андерсон, смеясь своим веселым смехом, который когда я слышу — мне становится легче жить.

Сказал он это в заключение своего рассказа о Вырице: что там «с августа, когда ночи становятся темные и начинаются холода — дачники ходят все воровать дрова». — «Один чиновник Дворцового Ведомства, человек почтенный, в летах, многосемейный — тоже таскал дрова себе на дачу»...

Он смеялся.

И я смеялся.

И не краснел... Был еще июль, и топить не надо, и погода жаркая, но я уже а ргіогі делал то же самое. Посчитал личной особенностью. Каково же изумление, когда Андерсон сказал мне: «Все и вообще».

Началось это, кажется, с июня. Смотрю — лежит в канаве обрезок полена: не могу терпеть!! Назад иду — он же. Прямо фиксирует глаз. «Ведь никому не нужен. Ничей. Как же я пройду мимо и не возьму его? Бог послал — а я не беру».

Но я долго не брал. Недели. Стыдно. Коллежский советник и 10 000 зарабатываю. Чтó мне полено?

Вырица — местность, подаренная Александром I Витгенштейнам за победу над Наполеоном при Прейсиш-Эйлау. Тогда денег было мало

и платили (или награждали) землями, чащами, лесною дичью. И вот Государь верстах в 100 от Петербурга подарил полководцу лесную дичь, объемом верст в 6—8 квадратных. Дичь лежала. Без дохода. Пока его, должно быть, внук (теперешний) провел «просеки», устроил даже узенькое шоссе и наладил конку (пресимпатичную — особенную, домашнюю) и стал продавать «участки». Явился будто бы какой-то посредник еврей (называли его контору в СПб.), купил «машину» и уже от себя стал перепродавать «участки». Каждый участок — десятина, две, три лесу. «Нужно строиться». И вот покупатель рубит лес на своем участке, т. е. собственно вырубает только большинство деревьев, оставляя себе «прохладу», — и из леса строит домик, и затем вырубленной «мелочи», сучьев, корней, пней выкорчеванных хватает еще лет на 6—8 топки. От этого процесса «колонизации» Вырица вся завалена «лесною дрянью», — но завалена до такой степени, что трудно вообразить и истинное наслаждение даже видеть.

Куда ни пойдешь — далеко, близко, «вот тут сейчас под ногами», поднявшись на горку, спускаясь вниз, идешь ли «в сторону», «прямо» — лес, лес, лес, дрова, дрова, дрова, тепло, тепло, тепло — и можно сказать печь зев так и раскрывает. Как же не собрать??? Как же не поднять??? Преступление, равнодушие к миру. «Бог дал, а я не взял». Кошунство.

И я стал собирать. стыдно — собираю. мучительно — собираю. Да и мучительно — только в первые минуты. Уже с третьей минуты глаза, как у рыси, хищно вонзаются — там сваленная и пре-су-хая березка тоненькая, и что-то легкое, должно быть ольха серого мышинового цвета, до того симпатично — в руке (от сухости) ломается — прямо варенье...

Сегодня надел накидку, чтобы зрители «не увидели и не посмеялись», иду — и собираю, обрезочки, круглячки, потолще — щепки. Но волшебство — длинная сухая жердь, в 2—3 пальца в диаметре. Такие подтаскиваю друг к дружке, чтобы ночью втащить на двор.

«Весь в поэзии». Не знаю усталости. Как и за пилкою, днем, этих симпатичных жердочек.

Собираю и все думаю: Плюшкин? Да, Плюшкин, я думаю, не так произошел, как объяснил Гоголь: что ему, помещику, землевладельцу и душевладельцу, «поскутонец бумажки»? То же что мне при 10 000 — хворостинка. Отчего же я ее собираю? Люблю. Поэтично. Это первое лето, когда я нашел в даче поэзию — и именно в этом хворосте. Я перенесся мыслью — «если бы мне самому иметь землю и домик»? — я бы непременно тащил всякую щепку в «дом», не по жадности (ее совершенно лишен), а потому что образовалось «средоточие», куда я буду «вообще сносить». Теперь куда же понесешь в квартиру? Ведь это вонь и нигилизм.

Мамочка и все домашние меня безумно осуждают за это «ворованье дров». Так они формулируют. Я же ясно чувствую, что «лес кругом», и я не «ворую», — а «беру», что «Бог послал»...

Совсем разница. Там — юриспруденция, здесь философия.

Собираю и думаю: «Господи, а почему же *всем* доставляет такое наслаждение собирание грибов и ягод? Ведь тоже недорого заплатить 20 к. за ягоды и 40 к. за грибы. А ловля рыбы? А охота? Ходишь целый день, усталость, не ночевал дома (ушел «на ночь») — и всего принесешь домой на рубль? Явно, тут дело не в объекте, а в способе жить».

Приятное: иду, бреду, ищу, *нашел...* Ягодки «попадаются» и вдруг — «место» (ягодное, все засыпанное земляникой или черникой)... Измаялся и нахожу только сыроежки: вдруг — *два белых гриба*. А... это другое дело, «неожиданное», «новое», «случай», — как и в охоте. И «жердочки» ведь не везде попадают, — без сучьев, solo, чтобы было удобно тащить.

И мне представилось, что я стал понимать универсальное «ходить по миру» (нищие). Здесь тот же «случай» и «удача» — с человеческим сердцем, а вовсе не одно «в котомку». Нищенство — глубоко поэтический способ жизни. Заметьте, как они ласково говорят: «Христос тебя благословит», когда, пошарив и не найдя копейки, — вы извинитесь: «Ничего нет, батюшка», «ничего нет, матушка». И нищие — тоже (как я ввечеру, когда не видно, собираю дрова) — любят *уходить вдаль от своего места* и бродят буквально «по миру». Это есть странствование и его инстинкт, а с другой стороны, это есть остаток в нас древнейших инстинктов лесных, степных, гулячих, бродячих... «Опять дикий человек», «опять Жан Жак Руссо».

У евреев — «пожить в кущах», «праздник кущей». «Гулявы» и прочее. «Городом» нельзя занять все место в человеке, краешек человека мы всегда должны оставлять «лесу», «степи» и (отчасти) гульбе и странствию. Смотрите яйцо: дышит. Можно бы так лежать: но Бог указал «общаться» с воздухом, с внешним миром. Так мы все: если «в городе» — то задохнемся, если «только с женой» — то даже семья начнет задыхаться. Дайте «воздуха со стороны» (яйцо). Так Вырица во мне и, очевидно, во всех дачниках пробудила древний, и поэтический, и вечный, и метафизический инстинкт:

«дай поброжу и соберу».

Господи, как Ты хорошо устроил человека.

* * *

25.VII.1915

При сбережении происходит одна отвратительная вещь, которую замечаешь только в конце.

Бережешь. Бережешь. Бережешь.

Бережешь. Бережешь. Бережешь.

Все — внимаем. Сосредоточением. И естественно, в это время «не тратишь ничего лишнего».

Но ведь время-то идет. И в нем проскальзывают единственные минуты, которые не повторяются.

Никогда не повторяются.

И в одной мучившейся досаде мне было напомнено, что я ничего не подарил Тане, когда она кончила «полный курс гимназии».

Действительно: старалась. Такой труд. Томительный, долгий.

Нервы. Страх, «хорошо ли знаю».

И папа — ничего.

Я действительно совсем забыл.

* * *

26.VII.1915

«Те же люди, которые живут на границе Царства, или избрали себе промыслом скотоводство, и коневодство, и овцеводство, и козловодство, и свиноводство,— и почти что не видят хороших людей хорошего порядка: то и тех Св. Ц. не забывает и носит в сердце своем и изрекла о них тако: не досягая до них священным обрядом, она достигает до них священной мыслью и священнической работою, повелевает им жить не по образу просвещенных греков, живших в цивилизованных городах, а по образу древних пастушеских народов, израильтян, измаильтян, печенегов, половцев, кривичей, древлян, полян и иных, а также по образу Невеии, двухсот младенцев в коей Господь не оставил без защиты от слова Ионина. И родятся ли у них дети от прилучившейся тут девицы, или от жены, или от жен, или от подложниц — Церковь всех их принимает в свою власть и в свой закон и веру и кладет на них духовное помазание и вещественное благословение».

(«Вид у них был дикий и отважный: с загорелыми лицами и всклокоченными бородами. На них была кожаная одежда, высокие сапоги и широкие шляпы...

.....
— Нет, Боб: ты ошибаешься. Я уверен, что этих людей мне нечего опасаться. Несмотря на дикий вид, лица их выражают добродушие и честность. Кажется, я не ошибаюсь, принимая их за КОВБОЕВ, как называются на Западе табунщики.

.....
— Мы приехали к вам с Запада, из Индианы, мистер Пинкертон,— по отчаянному делу...»

* * *

26.VII.1915

Ухаживают за красивыми.

Женятся на некрасивых.

И только после венца оказывается, какая это правда.

Общая тенденция красивого — к бесплодию. Эстетика не рождает.

Поэтому «к тому» — красивейшие женщины и не влекут.

26.VII.1915

В том-то и дело, что всякая засохшая земля просит дождя.

(к вопросу о полигамии)

...а не то, чтобы «дождь прыскает во все стороны». И это бывает (ветер). Но это не главное.

Земля пышет зноем в апреле и молит Юпитера: — «Дожди».

∞

Ну, а Юпитер известно что

Ю.— ф.

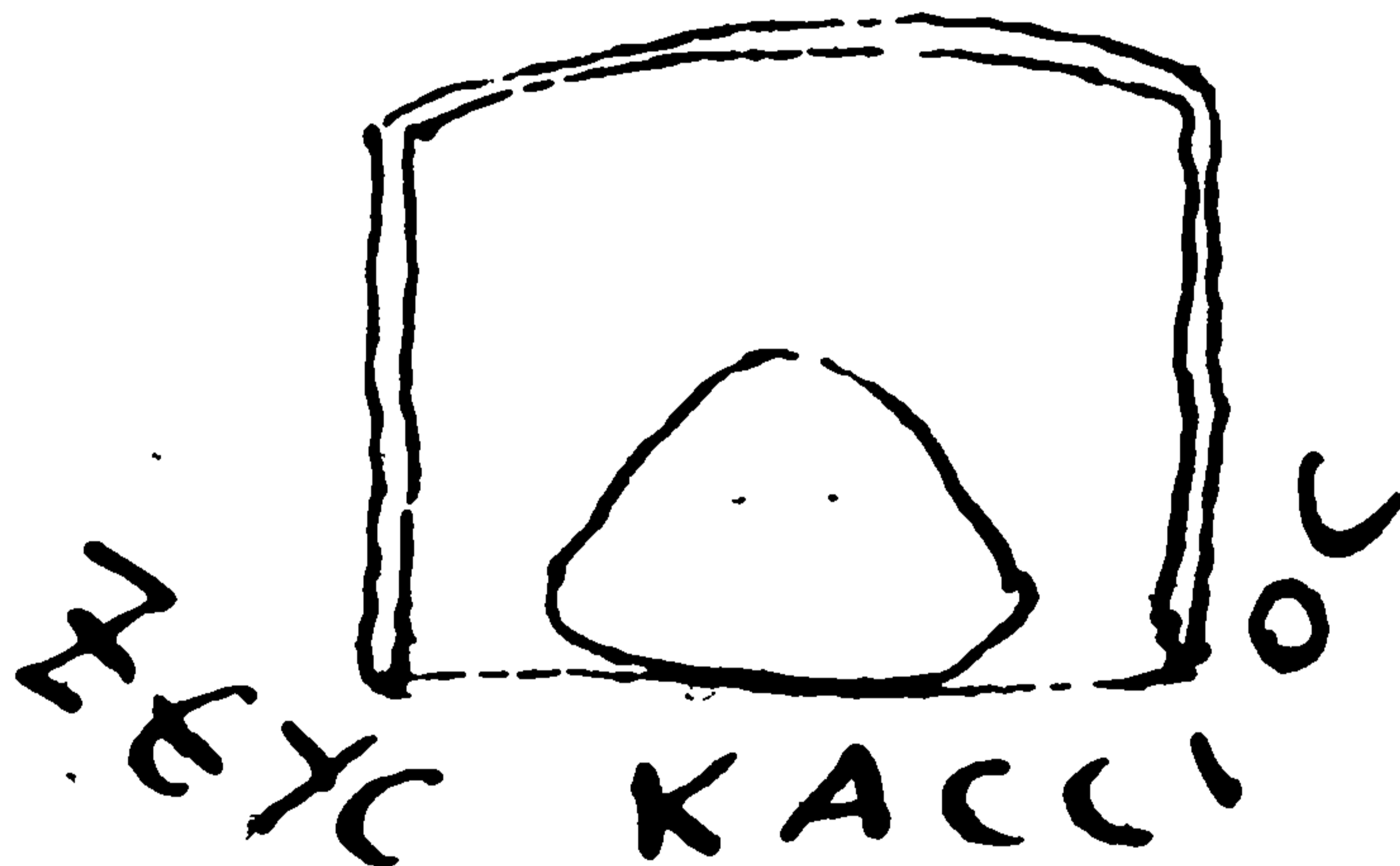
И больше ничего.

Отсюда его история, состоящая из совершенно однородных фактов. Что он «управляет миром» (*Deus mundum regit*, у Кюнера) — это довольно вразумительно и ясно. Но «в прочем другом» его мудрость и управление не видны. Но Пазифая, и Ганимед, и даже в лице Эдипа «все то, что случилось с Эдипом», и «прочее, и прочее, и прочее», и многое, и многое, и многое — все это представляет собою исчерпывающую и универсально вообразимую историю ф.

«Энциклопедический словарь».

И все «о том же», «об этом»...

На монетах Селевкии это прямо написано: взята как она видится у каждого *en face*, понадобившаяся таинственному со-Заветнику Авраама часть *membrum masculinum* *, «обрезанная», над нею воздвигнут шатер, «хупша» (у евреев) и подписано имя Зевса с одним из предикатов:

Я не понимаю, каким образом историки, специально — историки религий, и нумизматы не обратили внимания на эту монету, очень «обыкновенную», т. е. часто попадающуюся. Она совершенно обыкновенна, она у всех перед глазами. Между тем она так ярка и выразительна. С этой монеты, т. е. предпосылая ее изображение, — надо начинать «Историю Зевса», которая вся только исчерпывает модусы его проявления, жизни, «события, вокруг него происходящие»...

* мужского члена (*лат.*).

Конечно, об этом нельзя писать, говорить для учеников. Но ведь есть же мифология «не для учеников гимназии»... Пожалуй, нет?

Даже Тициан, нарисовавший Зевса падающим на Данаю в виде золотого дождя,— понимал, в чем *дело*. Отчего же мифологи не понимают? А они не понимают. Ясно.

Монетой Селевкии надо «бить по носу» мифологов. Чтобы пробудить их от сна и безмозглого бормотанья.

«Миф Зевса» иносказательно объясняет суть... masculini generis *. «Все вообще» — очерчивает, что он «делает». «Аста»... как надписали болландисты в 90-томном своем труде. *Отдельные* же мифы изрекают *аномальное*, именуемое «аномальное» в нем: миф Ганимеда, миф Пазифаи, миф Эдипа. Ведь все это — *до сих пор существующее* (бывающее, встречающееся) и очевидно вечное. Греки и древность все это заметили, «описали» и «запомнили», не прямо, а «для учеников», «в мифах».

* * *

27.VII.1915

Для меня существует революция как *впечатление*, а не как дело. И поэтому, м. б., мое суждение о ней не верно (ожесточение и не помню).

Но... *дело*: господа, зависит ли оно от революционеров? Ведь сами революционеры — в каше, т. е. в «сочетании условий», в «столкновении сил»: и, может быть, «вытащит рыбку не тот, кто закидывал удочку». Рыбка в итоге даже попадает жиду-скупщику, который никогда не удил и которому удить запрещено Моисеем...

Художественное суждение по впечатлениям м. б. полнее и небеснее? Оно говорит суть о человеке: *дрянь*, хорош.

.....
(Струве о Богучарском «†»)

∞

Безумце и Богучарского и (прежнего?) Струве состоит в мысли, упорной «как семь столбов», что русское правительство стоит каким-то злодеем над народом. В это решительно все они верят, и эта подлая клевета началась с несчастнейшего 14 декабря 1825 г. Вот эти «святые могилы», что они наделали. Богучарский мне в единственную беседу, которую случайно (на вечере Герцена) я с ним вел, сказал в ответ на слова о книге Кравчинского («Подпольная Россия»), что те люди имели не «жизнь, а *житие*». Конечно, если правительство есть «злодей», то освобождающие от него люди суть «страстотерпы» и «совершают житие». В эту формулу, начавшуюся с 14 декабря, укладывается вся Россия и все ее судьбы за 3/4 века, и даже до «теперь». Но ведь это же возмутительная подлейшая ложь, за которую... нужно было плюнуть в лицо «героям» 14 декабря: т. к. каторга «не в моде». Но каторга

* мужской род (лат.).

совершенно оправдывается тем, что они испортили, *изгадили* русскую историю на 75 лет, вот до несчастного Богучарского, свернув ему мозги «на́ сторону». Неужели, неужели, неужели Александр II не страдал, не думал, не заботился о крестьянах, о России вообще, о суде русском, о русском обществе и его культивировании, — но в терминах, но в словах, но во фразеологии (на троне) несколько другой, чем наша — интеллигентская фразеология. О, сердце Царево — когда ты раскроешься и тебя увидят подданные. П. ч. теперь они решительно ничего не видят и, ничего не видя, подозревают и клеветают, что там помойная яма или гадюка-змея. О, Господи: да что МОЖЕТ наполнять сердце царево иным, чем милосердие, любовь, добро? Слабости, конечно, у них есть, но НЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ, а свои личные, интимные, как у всех у нас «грешных». Но ДОБРОТА и БЛАГОРОДСТВО, конечно, есть один мотив В ГОСУДАРСТВЕННОМ ДВИЖЕНИИ. И вот это-то, в центре всего, оклеветание Государя — духовное, внутреннее — и составляет все, составляет «помешательство русской истории», от которой нет просвета и из которого не видно выхода.

.....

Опять ходил за дровами. В те сумерки как темные совы стелются над землю, высматривая заснувшего бедного зайчика (как раз кричал в лесу!!!), или белку, или птичку — «бескровный хищник» Розанов, накинув черный плащ («разлетайка») и уже заранее загнув полу «внутри» (мешкообразно), идет за своим специфическим добром, за снедью к 4 печкам (комнаты) и плите (чудовищно жрет дрова, «Ваал», дров).

Замечательно: наш двор — хозяйский тоже завален лесом: дача только что построена. Но из «сложенного *его*» я не взял даже простого сучка. Это — «ее», «чужая собственность», чужое лицо. На дворе ее я взял и себе беру то́, чего конец закопан в землю или что лежит в канаве (проведено по краю), т. е. что она «бросила», «не взяла». Тут попадают и отличные вещи, и катышки до 3 вершков толщиной, и в 1/2 аршина прелестные сухонькие палочки. Но из ее «ДОБРА» я не взял ни полена, ни сучка, ничего (а заготовлены — массы, горы, но все «складено» [у забора], т. е. ее «забота»).

Тут много тайного. Нищие никогда не бродят «у *sоседей*», а уходят вдаль. Охотники — тоже вдаль (Ермолай и его Валетка, Некрасов — возле своего Ярославля).

Еще: не стой бы дрова «ничего» — я ни за что́ бы не стал собирать. Как если бы ягоды даром раздавались с ларей — уверен, никто бы не стал ходить по ягоды. Не знаю, но мне кажется, «уженья удочкой» не существует в низовьях Волги, где рыба «идет *горами*». Нет, без мотива *корысти* — нет этих поэтичностей. Но какой: ведь столько ходя — вот как сейчас, вернувшись весь потный (даже спина), я собираю в «серый вечер» катышки на 5—10 к., а вообще — на 3 1/2 к. Ибо купили чудных березовых 2 саж. за 10 р., правда, хозяйка сорвала за 3 сажени своих корней и сучков 30 р. Раздосадованный-то на эту стервятность хозяйки,

да еще истратив 10 р.— всего 40 р. на дрова для лета,— я и решил: больше НЕ ПОКУПАЮ; и стал собирать дрова.

Т. что не одна поэзия и ягоды (параллель), но и определенная корысть, выгода. «Не заплачу еще 10 р.» Но какая?

Мнимая.

Мнимая, а действует. О, как! «Мнимые величины», $\sqrt{-1}$, я думаю, лежат во множестве социальных явлений, дури, фантазий, подвигов, бродяжничества. Без «мнимых величин» решительно нет охоты, ягод, грибов, рыбной ловли с удочкой. В конце концов я думаю, знаменитые «карты» основаны тоже на «мнимых величинах», п. ч. ведь проиграть — такая же возможность, как выиграть. Но есть «удача» (как в рыбной ловле, в грибах),— волшебное «может быть»,— и человек бросается в тень и безбрежность «мнимых величин».

* * *

27.VII.1915

Фундамент революции лежал несомненно в так называемом «нашем обществе»: без повсеместного и всеобщего сочувствия которого революционеры не смогли бы шевельнуться, не позволили бы себе «дохнуть».

Но у них было широкое дыхание. На всю Россию. «Дышали в кислороде». И легкие революции выросли в Геркулеса.

∞

Приходится сказать: «в так называемом»... Ибо что же это за «общество», не умевшее делать гигроскопической ваты и собиравшееся победить русское правительство, ленивое, чтобы заняться страховым делом в России (*все* страховые общества России суть *не русские*, но почти сплошь германские) и обещающие осчастливить земной шар социализмом...

Внуки Чичикова, Ноздрева, Обломова и Кит Китыча...

Прищемленные сатирой и тем более яростные.

Давно «не читающие Пушкина» и тем более невежественные.

Внук Ноздрева, который не знает, что «Темза» склоняется по 1-му склонению?

Он заявляет, что «Россия никуда не годится»...

О Томас Мор, русский Томас Мор: отчего же ты не пишешь «Русскую Утопию».

«В это время — в 80-е годы прошлого века — на политическую арену выступил Соннино. Человек без традиций и без предрассудков, сын еврея, родившийся в Александрии, воспитанный в Флоренции, англичанин по матери,— Соннино, собственно, космополит в полном смысле этого слова. Или, точнее, истинный тип *еврея* в политике.

Почему-то принято полагать, что еврей, как таковой, демократы и революционеры в душе. Причины этого общераспространенного

мнения чересчур живы. На протяжении всей европейской истории евреи находились и находятся в состоянии людей с «моральным векселем», как выражается один из ибсеновских героев. Они требуют прав на жизнь, прав на равенство; а что такое революционность, как не требование, постоянное и неусыпное?

Непосредственно они являются тем тараном, который рушит крепость традиции *, или, если выразиться точнее, той каплей, которая постоянно долбит гранитную твердь современного строя.

Все это, конечно, так, но оно лишь, если можно так выразиться «акцидентально», оно не присуще еврейской психике, как таковой. Мне кажется, что трудно найти более консервативно настроенного человека, чем еврея **. Консервативизм, истинный, а не поддельный, кричащий, уличный, хулиганский, не есть отрицание будущего, динамики жизни, возможности изменений, а признание необходимости, а потому и разумности, момента. Консервативизм ничего не имеет общего ни с застоем, с самодовольностью юнкеров и баронов, ни с холопством Ивашки, ни с реакцией наймитов, власть предержащих. Все это пародия, подтачиваенье, отрицание консервативной идеи.

Даже самое слово — «консервативизм» — не исчерпывает сути и содержания принципа. Не консервированье, сохранение, удержание является основой, отправной идеей консервативизма, а признание прав каждого исторического момента на существование.

Между консервативным и революционным мышлением стоит преграда: отношение к принципу *воли*. Говорили, что основой Французской революции был рационализм английской и французской философии XVIII века. Это определение, на мой взгляд, неточно.

Рационализм ничего не объясняет. Все католическое мышление в основе рационалистично. Разница между консерваторами и революционерами состоит в том, что первые ставят необходимость над волей, другие — не признают необходимости. Можно быть революционером с консервативной психикой, — таковым является, например, Маркс, — можно быть революционером с консервативными методами — таковы все реакционеры.

Основная же черта еврейской психики: подчинение волевого элемента началу необходимости.

Краеугольным камнем еврейского мышления является слово: «Есмь». Не «*fieri*» ***, а «*esse*» ****. И подчинение этому основному «*esse*». Индусское, греческое религиозное мышление знает развитие, переход, логику, принципиальное раздвоение и извечную борьбу миро-

* Вот тут поставим колоссальные *NOTA BENE*. В. Р.

** О, свое «не ешь от бедра» они пронесли и не потеряли сквозь все цивилизации, — сквозь греков, римлян, христианство. «Нужно разрушать только у вас, *гоев*, — а вы у нас ничего не троньте». И потому-то среди нас они все суть флюгера, а у себя — столб не выкапываемый. В. Р.

*** делаться, становиться (*лат.*).

**** быть (*лат.*).

вых волей. Еврейство исходит из отрицания борьбы и раздвоенности, из неделимости мирового разума — воли.

Это, так сказать, расовое мышление еврейства. А «race is all», раса — все, заявлял Дизраэли, этот типичнейший представитель еврейского политического мышления. Современники Дизраэли удивлялись его торизму, недоумевали, как еврей может быть консерватором, считали его торизм фразой, оригинальничаньем, наконец, карьеризмом. И лишь историки наших дней начинают понимать всю глубину, всю естественность биконсфильдовского торизма. Начинают постигать, что та «тайна Азии» («the Asian mystery»), которую он проповедовал (в «Tancred»), вовсе не фраза, а пророчество, что его консерватизм куда демократичнее, глубже, чем либерализм Гладстона и Рэсселя или даже Джон Брайта. Современники Дизраэли, описывая его оригинальную чисто семитическую наружность, выдвигают одну его характерную особенность: мечтательный взор *. Когда он сидел на «Tancred-bench» или на «front-bench», т. е. на скамье министерства или оппозиции, слушал страстные речи Гладстона или Лоу, Брайта или Кобдена, в его глазах светился какой-то огонек тоски. Чувствовалось, что он сам, его истинное «я», где-то вдали, что ему чужд Вестминстер и торизм и вигизм и все прочее. И собственно эта «отдаленность», этот душевный «détachement», стоянье над настоящим моментом, дало ему мощь и власть над людьми.

Со стороны все виднее. Настоящий британец — виг или тори — слишком был связан узами традиций, укоренившихся ассоциаций мыслей, чтобы охватить с птичьего полета весь комплекс политической жизни страны. Дизраэли смотрел со стороны. И видел яснее. И понял, что над партиями дня, или даже веков, есть нечто высшее, постоянное — жизнь самой нации. Он видел насквозь англичанина. И понял, что судьба и будущность Англии требуют воссоединение либерализма с консерватизмом, перевоплощение их в новой творческой политике, не разрушающей, а создающей, строящейся, расширяющей пределы. И он создал империализм, т. е. показал Англии необходимость уже существующего факта...

Сидней Соннино — в более скромных рамках итальянской жизни — является Дизраэли Италии. Консерватор по кличке, но истинный демократ по существу. Человек «sans phrases» **. Его первая работа была посвящена Сицилии и южноитальянскому вопросу. Он, можно сказать, первый обратил внимание на эту органическую болячку Италии; более того, он первый понял, что итальянская жизнь не может уложиться исключительно в североитальянские формы, что южную Италию надо иначе строить, по-иному воспитывать, что в Италии

* «Они все (без порицания, а только с указанием сути) суть собаки, лижущие хвост друг у друга», — писал я о евреях («В соседстве Содома»), — ибо подмечал лизание хвоста (и в отношении русских) тысячу раз. И вот русский заметит убеждения, идеи, «наш Михайловский был позитивист», а еврей непременно «соблазнится о глазах»... В. Р.

** без лишних слов (фр.).

тоже «два народа», как говорил Дизраэли про Англию (в романе «Sybil»), с разной экономической и психической структурой. И он — как человек со стороны — понял, что либерализм старого типа, исключительно формальный, ни к чему не может привести, что для здоровой демократии, т. е. народовластия, нужен здоровый народ. Отсюда и его консерватизм.

Двенадцать лет тому назад я впервые увидел Соннино во Флоренции. Это был как раз год отчаянной борьбы между Джолитти-Занарделли, лидерами левых, и Соннино. Всем было еще памятно министерство Пеллу-Соннино, попытавшееся подтянуть «разгулявшуюся» демократию. И я себе рисовал Соннино в роли типичного «охранителя устоев», насильника и реакционера. Улицы Италии оглашались тогда криками: «Abbasso Sonnino, долой Соннино, долой Соннино» и «Viva Giolitti».

И вот представился случай впервые увидеть Соннино воочию. Дело в том, что Соннино между политикой и экономикой занимается также Данте. Это, собственно, обычная итальянская слабость, в особенности флорентийская. И я тогда не мог еще вполне оценить и понять значение Данте вообще, а в особенности для Италии, и посмеивался над экзальтированными «дантистами». Мне трудно бывало дослушать до конца лекцию хотя бы самого знаменитого «дантиста» проф. Пио Райны о Данте.

Но лекция «ярого реакционера» Соннино о Данте — это было уже слишком заманчиво! И я пошел слушать. «Magna aula» * флорентийского университета была переполнена. Студенты смотрели исподлобья и сердито на знаменитого лектора. Среди слушателей были также верхи общества, власти, масса иностранцев. На кафедру взошел высокий, худой господин лет пятидесяти, с ярко выраженным еврейским носом и с задумчивыми еврейскими глазами. Он читал одну из песней «Paradiso» из «Божественной комедии» и комментировал ее. Читал плавно, без пафоса, без жестикуляции, без «каденций». И его речь — комментарий к песни Данте — была проста, изящна, умна и глубока.

Я всматривался в лицо лектора и с недоумением спрашивал себя: неужели этот человек реакционер, юнкер, насильник? Что его тянет к Данте? Что его влечет к красоте Беатрисы? Я, конечно, не прилагал к нему родных масштабов и не ожидал встретить в его лице какого-нибудь министерского Держиморду, но я мысленно сравнивал его с другими вожаками консерватизма, хотя бы с высококультурным знаменитым испанским министром Кановас де Кастильо, каждая строчка которого дышит традиционализмом, преклонением пред старыми словами. А между тем на флорентийской кафедре стоял человек свободный, «новый», сильный и интеллектуальный. Я уловил его «мечтательный»,

* Большой зал (лат.).

умный взор *, устремленный куда-то вдаль, и мне уже тогда что-то подсказало, что «vox roruli» ** неправ, что пути Соннино ведут куда-то дальше, не по проторенным дорожкам...

Дальнейшая политическая карьера Соннино оправдала мои догадки. Не только потому, что он дважды был призван к власти, председательствовал в двух кабинетах, хотя и кратковременно (каждое министерство Соннино длилось по 100 дней), а главным образом потому, что вся нация стала иначе, справедливее относиться к нему, что народ понял, что «консервативизм» Соннино во сто крат выше, чище, демократичнее и глубже, чем «демократия» тертого парламентского калача — Джолитти. Все чувствовали, что Соннино еще предстоит огромная, решающая роль в истории Италии. И когда час настал, час решения судьбы Imperium Рима, Рим передал свою судьбу в руки Соннино:

Ирония истории: «Aquila Romana» *** — несет еврей!..

Копенгаген.

А. Коральник».

* * *

27.VII.1915

По учению *всей* древности, не явному, но и не тайному, источник мужской половой силы, «напора» и «дара» (факультативные свойства) и таинственных способностей женской «утробы» из семени мужского созидать дитя, теленка, козленка и пр., пр. — есть небесный (έξ ουρανον), божественный (donum deorum).

Здесь Греция, Вавилон, Египет, Ханаан и Израиль не расходятся.

Это продолжалось до 1-го года новой эры: когда все стало «обыкновенным», «физиологическим», отделом медицины и биологии, эмбриологиию.

«Это мы объясним как и другое». Но до сих пор не объяснили.

Всей философии и всех научных сил от 1-го года новой эры до 1915 г. не хватало и не хватает, чтобы поставить НЕ около таинств древнего мира.

В этом отношении поразительно, что все «истинно православные», Страхов, Данилевский, «не говоря уж о Розанове», поддерживают тезис древнего мира.

(Не замечая, куда это ведет.)

Поистине: «спасение человеческое — в слепоте его».

* Опять эти «глазки»... О. содомит.

Черные очи
Глядят на меня.
Сердце тоскует,
Хочу я тебя...

Содом у всех народов есть (был, будет), но у трех на тысячу: еврей же содомитивы как нация, in pleno, en tout... В. Р.

** глас народа (лат.).

*** Не только aquilam Romanam (Римский орел (лат.). — *Ред.*), но и штоф водки несчастным русским. Флюгера во все стороны вертятся в ненужной им Европе. В. Р.

P. S. В общем, как может благородный Струве (любит Россию) пускать эти жидовские гадости на страницы своего журнала. В. Р.

* * *

28.VII.1915

Радикалы наши подавляли все благородное, за 50 лет. Они «замалчивали», как будто этого не было, как будто это не рождалось. И нет «Истории русской литературы», а есть «История нашего преступления».

П. ч. ведь эти мошенники очень хорошо знали, есть ли разница между кн. Одоевским и Благосветловым, между Зайцевым и Страховым, Данилевским и К. Леонтьевым. Знали и тоже «замалчивали» вину свою. В темном обществе, как в земном погребке, они пытали лучших людей, при свете своих «воровских фонариков», т. е. «Отечественных записок», «Дела», «Русского богатства», «Вестника Европы», с украшением из профессоров (для смаку и правдоподобия).

Это Билль и Джонни — в камере пыток вытягивают жилы на особой лестнице нашим прекрасным, нашим милым, нашим благородным «думцам», — от Одоевского до Страхова. Целый ряд заживо похороненных. В «Рус. Мысли»: «Вот еще открыли этот год 50 лет забытого Ап. Григорьева, как этот же год открыли ГЕНИАЛЬНОГО К. Леонтьева».

Спокойно, просто, научно (библиография). Но ведь это — выть, выть, выть. Разве это библиография — «откапывание покойников».

(«Современные инквизиторы». Пинкертон)

* * *

29.VII.1915

ЛЯДВЕОБРАЗНЫЕ сучочки — самые лучшие. Тоже ножки (задние) козочек, какие в таком множестве видишь на египетских жертвоприношениях.

И объелись же этих «козьих бедер» Озирис и Изида. Что за религиозная концепция. «Бог», едящий бедро козы, барана, теленка... фи.

∞

Опять собирал (утро, — под пальто). Сухие палочки, сучки (по дороге) — для меня как купающиеся девушки. Так же красиво «имать» и с таким же восхищением «беру».

∞

Соннино (Италия) — еврей, Дизраэли «глубокий еврей». И о них пишет тоже, конечно, глубокий еврей А. Коральник, из Копенгагена («Рус. Мысль»). Как надоели эти нахалы, везде лезущие.

НАВЯЗЧИВОСТЬ евреев и вечное их самовосхваление и вседозволенность — отвратительны. Столпнер мне тоже говорил: «везде — еврей» (о каких-то живописцах) в Голландии.

Но, друзья мои: тем больше будет воя, когда вас всех погонят.

* * *

29.VII.1915

Я «издаю свою душу», как Гершензон «издавал Пушкина», с тем же безучастием, объективностью и библиографичностью.

Как страшно: душу, живую, горячую,— прилагаю к холодному типографскому станку.

Холодно душе. А станку «ничего».

Зачем я это делаю и даже как это вообще возможно?

Я думаю одолеть литературу (моя мечта). Не душа моя похолодеет от печати, но «свинцовый ряд»... его *не будет* (растопится).

Опять рукописи... желтенькие, старые.

Как бы хорошо.

Опять свободный человек: свободный от ЧУДОВИЩНОГО РАБСТВА книгам.

О, какое это рабство... унижительное, гнетущее; всеразрушающее (культуру).

Впрочем, не Гершензон, а Цветков. Да и он издавал «Русские ночи».

* * *

29.VII.1915

«...демократия превратила лозунг l'état c'est MOI в l'état c'est nous...»

(«Война и Франция» Таставена, «Рус. мысль», июль)

Вспоминаю много лет назад виденный водевиль, где два мужа или отец и сын, равно обманывающие своих жен или жену и мать, «застав друг друга у кокотки» — встречаются, запрятавшись равно под стол. Было очень уморительно, как они вытаращили глаза друг на друга, пораженные «здесь свидетесья»...

И вот я представляю двух citoyens на корточках под столом, с моноклями: которые, так встретясь, вторят всей Франции, как, впрочем, и Франция вторит этим двум:

— L'état c'est NOUS *.

Можно бы нарисовать...

(прекрасная статья, т. е. «Война и Фр.»)

* * *

29. VII.1915

Прекрасная, редкая статья Таставена о Франции,— о молодых в ней течениях. В этих молодых течениях, вернее — тревогах, порывах,— угасает «революционная традиция». «Не может возродиться Франция, пока она будет думать, что ее история исчерпывается охранением завещанного Революцией».

* Государство — это МЫ (фр.).

Достопримечательно, что это напоминает у нас «литературное положение Толстого». Но теперь уже, кажется, нет сомнения, что победила тысячелетняя Россия, с «историею какую нам Бог дал» (Пушкин), этого несколько-десятилетнего гения, который захотел потрясти... господина Исправника, l'isprawnik mête, и «сельского батюшку», «который имеет семь сынов и четырех дочерей».

Нужно было:

1) поклониться Толстому и стать спиной к России.

Или:

2) остаться русским, став боком к Толстому, «полупризнаю», «полупризнаю».

Художество Толстого мы все и признаем.

Идеи Толстого — вообще все и всякие — «ни в какое число (Пифагор) не ставим».

Для Франции было то же самое, но могущественнее, опаснее: в самом деле, «культ Революции», носимый ею весь XIX век, в сущности eo ipso требовал не одного отречения от Людовика XVI, XV и XIV, в чем собственно заключался и чем материально ограничивался смысл Революции, но («принудительный универсализм романских рас», Таставена, чуть ли не взявшего эту мысль от Розанова, «Легенда об инквизиторе»), но — отказаться от Les croisades, Saint Louis, от Notre Dame de Paris *, от готики, от рыцарей, от Жанны д'Арк, от Абеяра, Паскаля...

В сущности — от всего.

Это же ужасно. Это дикость. Та дикость, которую нам навязывали «шестидесятники».

Франция с Кондорсе, Тюрго, Вольтером, Руссо, Дидро, энциклопедистами, с Дантоном, Сент-Жюстом и Робеспьером, с гильотиной и марсельезами...

Это бесконечно узко и однообразно: тут нечем дышать...

Совершенно естественно, что Франция выродилась в буржуазию, меркантилизм, в банкира...

Что она — гибнет.

Гибнет, п. ч. «нечем дышать». В идейном отношении — Революция просто погреб. Темный, сырой, страшный.

По существу он лишен идеализма, а имеет только позы и реторику. Адвокатов и политических вождей. Но это же гадко.

«Господи, душа задыхается». И исполин-Младенец, замурованный в бочку (Революция), — потянулся, поднялся и выдавил дно.

О, как бы хотел я сказать это прекрасному и милому Таставену, но он «†».

* крестовые походы, св. Людовик... Собор Парижской Богоматери (фр.).

* * *

29.VII.1915

«Революция ОМЕРЗИТЕЛЬНА», — не начав этим словом, нельзя войти в XIX век.

Она вся — гадка. Она вся — лакей. «Свадьба Фигаро», — о, вот вещь. Бунтующий вонючий раб, довольно талантливый.

И как понятно, как естественно, как «Бог помал», что иудей накинул веревку на шею этого раба и потащил его в клоаку.

— Прочь, вошь. Я все-таки блоха и вскочу на *твое место*...

∞

Теперь, когда в тексте мне попадается — «демократические идеи», «коллективизм», «классовая борьба», «социал-демократическая фракция», я содрогаюсь, как прикоснувшись к гаду. Мне НЕВЫНОСИМЫ самые слова эти, термины...

Как хотел бы я сказать это Таставену. Но он «†».

Кто такой?

* * *

30.VII.1915

Печальное письмо (даже страшное):

«Эй, Василий Васильевич, что же это такое? Ваше «Уединенное» и «Опавшие Листья» — своего рода откровение, последняя степень интимности, вовсе уже не литература, живые мысли и живые переживания человека, стоящего над толпой. Когда я увидела в магазине новый томик опавших листьев, я так и вцепилась в них, думала снова встретить в них то же. Я думала, что эти опавшие листья так же нежно и тонко благоухают, как и первые. Но в этот короб, Василий Васильевич, кроме листьев, напала засохшая грязь улицы, разный мусор, такой жалкий. Со страниц исчезла интимность, общечеловечность, ударились Вы в политику, таким размахнулись Меншиковым, что за Вас больно и стыдно. И жирным шрифтом «Правительство» и еще жирнее «Царь»... к чему это, что за... лакейство. Я нисколько не сочувствую «курсикам», я дочь генерал-лейтенанта, революцию ненавижу и деятелям ее не сочувствую, но к чему же такое усердие? Кроме того, когда Вы пытаетесь защищать Аракчеева и пинаете ногою трупы революционеров, у Вас чувствуется на губах пена. Это уже не интимный философ, а публицист из «Русского Знамени»; да еще из крещеных жидов, т. е. наиболее пылающий патриотизмом.

Кроме этих страниц (поистине позорных), да писем честного и незначительного друга, да ненужного указателя — в последней Вашей книге что же имеется? Куда девались острые мысли и яркие образы первых двух томов? Кроме двух-трех страниц (например — определение любви) все остальное с трудом помнится. Но грустно не то, что в книге мало интересного матерьяла, грустно то, что в ней есть матерьял, совершенно неприемлемый для человека литературно чистоплотного. Во время чтения первых книг чувствуешь между собою и автором какую-то интимную связь «через голову других», веришь этому автору — Розанову, «с булочной фамилией», веришь, что он мудрее всех мудрецов, имеет какое-то бесспорное право взглянуть свысока на фигуры самых признанных авторитетов. При чтении «Второго короба» совершенно исчезает это чувство: точно человек, которого считали великаном, слез с ходулей: маленький, завистливый, злобный, неискренний, трусливый человечек. И становится стыдно, что еще недавно готов был этому «обыкновенному» развязать ремень у сандалий.

Падение заметно. даже в посторонних темах. В первых книгах поражает и восхищает любовь к погибшей «мамочке», это настроение цельной и огромной грусти, тоски, одиночества. Короб 2-й и это чувство расхолаживает, и становится ясно, что жаль ему не самой мамочки, а жаль себя, жаль той теплоты и ласки, что исчезли вместе с мамочкой, жаль мамочкиной любви, а вовсе не самое мамочку. Да и сам образ «мамочки», как он потускнел, отяжелел, омальятизировался по сравнению с «Уед.» и «Опав. Листьями». И если после официального «провала» *Уед.* и *Оп. Листьев* думалось с грустью, что улюлюканье толпы положит предел, не даст Розанову продолжать этот прелестный род художественного творчества, то обещание во Втором коробе, что это будет короб последний, наполняет сердце благодарностью. Ибо если первые книги были, действительно, «замешаны на семени», то 2-й короб замешан на сукровице нечистых язв. Трудно себе представить, что между этими книгами прошло не более года: так постарела, отяжелела, съезжилась мысль, так поблекли краски, так притупилось остроумие. Это не Розанов, а кто-то «под Розанова», это тоже не литература, но уже с другой стороны. Если бы я была очень богата, я скупила бы все издание и сожгла бы и закупила бы все издания впредь,— не потому чтобы думала, что неталантливый короб 2-й был кому-либо вреден, а из уважения к «Уед.».

А. Данилевская.

Если хотите ответить (не думаю, чтобы захотели), пишите 28-е почт. отделение до востребования А. М. Д.».

Печально. Страшно. И даже испугался (1-й раз за всю жизнь). Вот литературное «и оружие пройдет сердце твое». Дело в том, что она из нежных, а не «оттуда»,— свой брат, своя сестра, *друг свой*. Откуда такое впечатление? Вообще «суммою» письмо таинственно. Я ответил, что раз все есть во мне — пусть и будет на бумаге, что задача — быть *в книге* ничуть не лучше, чем в действительности. «Но впечатления бывают разные», прибавим: и *на меня* «Кор.» кладет совершенно *другое впечатление* (а я тоже — человек: и почему моя впечатлительность ошибочнее ее?). «Я же БЕЗУМНО люблю свой Короб 2-й, тут вся *кровь моя*» (в письме написал).

Ну, Господь с нею. Да будет благословенна ее память. NB: литературшики обыкновенно чванятся: «Мы *одни* умеем выражать мысли и пишем для этих читателей, у которых сопли текут, и сами они ничего подумать не умеют, и вот мы за них думаем». Об *Уед.* и *Оп. л.* было написано (печаталось) около тома: и какой все это мусор! Никакого угадывания лица автора, ни книги,— прямо «не видят», что читают, что «дано». И вот из всего напечатанного (целый том) — это первое письмо «в уровень дела». И тон, и изложение, и все. Между тем это просто «читательница», без помышлений печататься. Читатель (не *стадный*) давно у нас перерос авторов, жалких, болтающих,— не знающих, о чем им писать. Читатель же сочен и полномыслен. «Буди! буди!»...

Ну, Господь с нею и с ним. Дай Бог хорошего мужа и хороших деточек.

Р. S. Приехал в Петроград ругать «Лукоморье» за долгий невыпуск книги (уже 1½ недели «совсем готово»): и только из этого письма узнал, что уже «выпущена».

30.VII.1915

издания Павленкова Перцов очень тонко назвал «аскетическими». Иногда в 2 столбца, на плохой дешевой бумаге, крайне убористой печати, неряшливые, «но зато внутренне ценные», они дали русские переводы и русские комментарии к Дарвину, Спенсеру, Джону Лаббоку, Т. Эйлеру и проч., и пр., и пр., и мн., и мн., и мн.

Павленков в 80—70-х годах буквально играл роль Новикова. Он издавал и учебники по физике и естествознанию.

Целое «просвещение»... И как оно было дороже и лучше теперешнего «Просвещения» (фирма книгоиздательская) берлинского еврея Цетлина, приехавшего в Россию (по-прежнему нищую и убогую), чтобы нажить на них 10—11 миллионов.

Павленков, как и «Товарищество обществ. пользы», — это целая эпоха в истории русского чтения. Ах, «история русского чтения» так же интересна, как «Ист. русск. литературы». Тут-то и «зарыта собака». Ну, хорошо...

Пока бедность и аскетизм наших книжных францисканцев не перешли незаметно, медленно и неодолимо в отвислую губу, толстый кадык и лоснящийся подбородок католических францисканцев.

Это направление было смыто волной роскошных изданий «Мира искусства», с иллюстрациями, обломками и постепенным обмелением содержания.

(в уч. бан.)

* * *

1.VIII.1915

— КВАРТАЛЬНЫЙ, ЗАБИРАЙ!

— Кого, ваше ст-ство?

— Героя дуры Димитриевой. Подделываясь к Короленке — Горнфельду (иначе и не примут рассказ), наваляла в № 6 за 1915 повестушку: «Разбитые скрижали», где опять жених-социалист, пре-ха-ро-шень-кий, соблазняет Дуню:

«Дуня когда-то жила в Избицах у молоденькой попадьи, Натальи Павловны Кипарисовой, куда отвез ее отец вскоре после смерти матери, зачахшей от какой-то неизвестной болезни, которой не могли понять ни мудрые, старые знахарки, ни избищенский фельдшер Горюнов. Девочка страшно тосковала, а у матушки Натальи тогда еще не было своих детей, и она приняла горячее участие в сиротке. Сначала сама поплакала с ней, потом посоветовалась с мужем и предложила Костиндеевскому приказчику отдать ей девочку в обучение. И вот Дуня переселилась на житье в уютный поповский домик с галерейкой, до самой крыши обвитой диким виноградом и вьюнками. Памятен был ей этот домик, сверху донизу полный молодого веселья, смеха, пения, звона гитары и беготни.

.....
Милый о. Владимир, милые зимние вечера в тихом поповском домике с томными звуками рояля, волнующим запахом лакфиоля, неясными девичьими грезами, неясною, но сладкою девичьей тоской! Четыре года прожила там Дуня; они пролетели как светлый, радостный сон, остались в памяти как чудесная

недосказанная сказка... Теперь уже не то. Теперь матушка Наталья потолстела и огрубела, забросила музыку, охладела к романам, стала расчетлива и скупа. Ей некогда: у них уже трое детей, всех надо обшить, обмыть, накормить, надо подумать об их будущем. И о. Владимир не тот. Он хохочет не так часто и беззаботно, как прежде, пышные кудри его поредели, на лбу прорезались две глубокие морщины, и, когда он возвращается с требы, у него в кармане звенят деньги, которые он сейчас же пересчитывает с каким-то особенным, жадным и внимательным выражением в глазах. Они копят; и Дуне бывает неприятно слышать, как матушка Наталья своим нежным голоском, которым она, бывало, томно выводила: «Ах, зачем эта ночь», — теперь начинает деловито толковать о доходах, процентах и купонах, причем у нее блещут глаза, а в уголках губ вскакивают пузырьки, точно она ест что-нибудь очень вкусное.

Громко хлопает дверь, скрипят половицы под тяжелыми шагами, отец опять идет к буфету, — и булькает водка. Мужики сердито галдят и хохочут за стеной.

— Налил буркалы-то спозаранку, вот и храпит, пес хозяйский! — рычит тот же басистый мужик. — Мы, может, с утра не евши, а он до зари и сыт, и пьян, и нос в табаке... Ишь ты, к бороде лезет! Ты к своей Лимпиядке лезь, а моя борода тебе не забава... Вёдер Стаканыч!.. по шерсти и кличка. Уж истинно Стаканыч, небось, четвертуху-то уж охолостил да, ни кстя, ни моля, и норовит в рыло. Это тебе, брат, не прежние времена, гляди, кабы и твоей милости фейверку не сделали!..

Опять застилает глаза и крепко-крепко бьется сердце. Обидно за отца, а душой Дуня заодно с басистым мужиком.

И в пламени ярко-пунцовых роз Дуне видятся какие-то жуткие картины. Вспоминается, как она девочкой-подростком слышала в поповском доме таинственные разговоры о пожарах, погромах и расстрелах. Теперь она знает, что это была революция, но тогда ничего не понимала, и от того времени у нее осталось только одно в памяти: как матушка Наталья и о. Владимир с испуганными лицами шептались о чем-то страшном в темном уголку своей спальни. И ей тоже становилось страшно, и по ночам снились красные мужики, которых она ненавидела и боялась.

Она еще раз заглянула в окно; там было все так же пусто, темно и вьюжно. С сожалением вздохнула и отнесла ружье назад.

— Нет, ничего не может случиться! Ведь это только в романах бывают разные удивительные приключения. И кто это ночью, в такую погоду, пойдет заглядывать в окна? Кругом собаки; один Карайка подымет такой брех, если придет чужой. Просто почудилось; наговорили про домовых да про колдунов, вот и вообразилось... Всякому свой предел положен. И у меня тоже... Присватается какой-нибудь женишок, выйду замуж, буду стряпать, нянчить, деньги копить, как матушка Наталья...

Они пристально посмотрели друг на друга, точно желая померяться силами и только теперь Дуня хорошо рассмотрела нового конторщика. Он был худой, жилистый, весь составленный из каких-то узлов, которые непрерывно двигались у него под одеждой, как кольца ползущей змеи. Лицо странное, ни молодое — ни старое, — могло быть ему и 25 лет, могло быть и 40, но видно было, что жизнь порядочно-таки потрепала этого человека. На впалых обветренных щеках прорезались глубокие морщины; тонкие губы неприятно подергивались; в глазах светился беспокойный, лихорадочный блеск.

От этого Дуня смутилась и не сразу ответила на вопрос. Ермолаев повторил его нетерпеливо и настойчиво, кривя губы и покусывая рыжеватые усы.

— Нет, я не презираю людей,— ответила наконец Дуня.— Я их просто... не люблю.

— Свирепо! За что же это вы их не любите, позвольте узнать?

— А за что их любить? — вместо ответа спросила Дуня.

Ермолаев как-то внезапно и отрывисто засмеялся, сверкнув белыми зубами, так же внезапно замолчал и удивленно посмотрел на Дуню своими беспокойными глазами.

— Вот история-то, черт возьми, а ведь я и сам не знаю, за что их любить!

— И все-таки любите?

— И все-таки люблю. Ругаюсь, злюсь, иногда презираю, а люблю. Чертовщина!.. Но обо мне — это не важно, а вот вы меня прямо огорошили. Ведь совсем еще дите, небось, кроме папы и мамы никого и не видала, и вдруг: «не люблю людей»... Вы это, грешным делом, не в романе ли каком вычитали?

— Ну, и пусть вычитала...

— Ага, рассердилась! По глазам вижу, думает: «И чего пристал, хоть отвязался бы поскорей»... Да постойте, постойте, куда же вы? Сейчас отвязжусь. Хотите, книжечку вам дам одну? Занятная!

И прежде чем Дуня успела ответить, Ермолаев торопливо сбегал в контору — все он делал торопливо! — и принес оттуда зачитанную, затрепанную желтую книжку: «Так говорит Заратустра».

Книжка Дуне не понравилась, она ничего не поняла. Злилась, упорно сидела над каждой строчкой, стараясь вникнуть в ее смысл, и все-таки не понимала.

— А что же вам интересно, хотел бы я знать?

— Как люди живут, вот что... Вообще жизнь.

— Странно... Людей не любите, а ихняя жизнь вас интересует. Ну, я наоборот: людей люблю, а как они живут, до смерти ненавижу... С огромнейшим удовольствием перевернул бы всю эту труху кверху тормашками.

— Ну, хорошо, а вместо трухи-то что бы вы сделали?

— Что? А вот постойте, я вам другую книжечку дам...

Он опять побежал к себе и принес не одну, а две в кроваво-красных обложках (sic!!!).

— Никогда этого не будет, что в ваших книжках написано.

— Почему-с? — возбужденно спросил Ермолаев, и губы у него задергались.

— Не похоже на правду... точно сказка такая-то. На словах все очень хорошо выходит — и свобода, и общий труд, и войны прекратятся,— ну, а как это сделать?

— Вопрос в самую точку!.. Ну-с, а я вам отвечу. Освободиться надо, Авдотья Федоровна, прежде всего освободиться!..

— От чего?

— А вот от этих самых скрижалей! — с жаром закричал Ермолаев, сам захваченный вихрем беспокойных мыслей, от которых нездоровым огнем горели его глаза.— От всех старых порядков и законов и всяких страхов, а пуще всего надо свое собственное нутро перетряхнуть и вышвырнуть оттуда протухлый хлам! Вот, когда это будет,— все пойдет по-другому! Новые люди, свободные люди устроят и жизнь новую, свободную! Только разбейте скрижали!..

— Не будет таких людей,— сказала Дуня.— Откуда они возьмутся?

Ермолаев посмотрел на нее воспаленным невидящим взглядом и после короткого взрыва смеха продолжал:

— Откуда? А если я вам скажу, что они уже есть... Ага? Не верите? А есть! Их покуда еще немного, да ведь и Москва, говорят, от копеечной свечки сгорела! Вот и эти книжечки, которые вы читали, такая же свечечка. Горит себе потихонечку да полегонечку где-нибудь в темном уголку, а там, глядишь, все дальше да

больше, — и загорелось со всех четырех концов!.. Ха-ха-ха! Вот с чего и надо начинать, Авдотья Федоровна, — запалить эдакое грандиозное пожарище, а когда все старье превратится в прах и пепел, тут-то и строить новые города!..

Что-то новое открылось ей сегодня в Ермолаеве, точно человек вдруг снял маску и под нею оказалось совсем другое лицо.

— Ну что, Душатка, видала, новый конторщик-то у меня какой? — спросил Федор Степаныч недели две спустя после приезда Ермолаева. — Чудной парень, а ничего, дело понимает в аккурате и мужикам полюбился. Они говорят: «Откуда ты, Степаныч, эдакого жигилястого достал? То ли он благой, то ли кудесник, не поймешь, а душа у него праведная!» — Уж и вправду кудесник, это они верно! Водки не пьет, мясного не вкушает; чемоданишко привез, а там у него окромя книжек ничего нету. Сроду такого чудака не видал!

Дуня промолчала. Она не привыкла откровенничать с отцом, но если бы хотела и умела с ним говорить, то сказала бы, что новый конторщик не чудака, а кто-то пострашнее.

Но Ермолаев даже не смотрел на нее. Он вынул из бокового кармана револьвер, осмотрел его и, пристально нацелившись, выстрелил в верхушку молодого дубка. Пуля ударилась в сучок, и он с легким треском свалился на снег. Ермолаев с довольным видом отшвырнул его ногой.

— Еще не разучился, а давно уж не стрелял! Ну, а вы, храбрая девица, умеете стрелять?

— Умею... только я из ружья. Из револьвера никогда не стреляла.

— Так это еще легче! — воскликнул Ермолаев. — А ну, попробуйте... Это браунинг: я вам сейчас объясню, как надо с этой штукой обращаться...

С своей обычной стремительностью он показал ей, как нужно вкладывать обойму, как ставить на feu, и Дуня, вся покрасневшись, с страшно серьезным лицом и нахмуренными бровями, тоже нацелилась в сучок и тоже сбила его с дерева. Ермолаев заставил ее повторить еще и еще раз, и когда Дуня делала промах, он огорчался, а когда попадала, радовался, как мальчишка, и бегал смотреть, куда засела пуля.

— Великолечно! — восклицал он. — Вы молодчина! И какая чертовски твердая рука! Вам непременно надо практиковаться. Вот погодите, получу жалованье, куплю патронов и будем вместе стрелять.

Они пошли вместе, как добрые товарищи, и на ходу Ермолаев рассказывал Дуне разные случаи из своей жизни. Рассказывал он отрывисто и бессвязно, но в этих разорванных кусочках перед Дуней мелькали такие яркие, иногда смешные, иногда трагические картинки, что она заслушалась и то, чего он недосказывал, дополняла собственным воображением. Никогда еще она не встречала человека, который бы так много видел и пережил, и вдруг у нее мелькнула неожиданная мысль, что ее собственная жизнь стала гораздо интереснее и полнее с тех пор, как на хуторе появился Ермолаев.

Громко разговаривая и смеясь, двое работников протащили на плечах освеженного барана; капли еще теплой крови рубинами падали в снег, вытапливая

в нем кругло-красные ямки. Дуня, брезгливо морщась, обошла эти кровавые следы.

— Ох, ненавижу праздники!..

— Красивого мало! — согласился Ермолаев, с странным любопытством всматриваясь в окровавленный снег.

.....
Дуня не ответила. Да и что тут говорить, когда и так видно?

— Да, скверно у вас тут,— продолжал Ермолаев с грубоватой откровенностью.— Утробой живут люди, а не душой, вам это совсем неподходяще. Давно батя-то пьет?

Дуня вспыхнула, как всегда, когда при ней говорили об отцовских слабостях. Но почему-то она несколько не обиделась на Ермолаева и тихо сказала:

— Да... уж давно...

.....
— Ну, вот мало вам места на свете! Куда ваш брат — девицы — уходят? В учительницы, например!

— Хороша учительница — неуч! Сама ничего не знаю, как же я других учить буду? Только ребятишек всех переколочу от злости, что сама дура, вот и ученье мое... Нет, уж куда мне в учительницы, не гожусь я на это.

— А как же другие-то учат? Лучше вас, что ли?

— Другие? Навидалась я этих других, когда у Кипарисовых жила... Приедут из села злющие, жалуются, ругаются. Ребятишки проклятые, и школа проклятая, и жизнь проклятая,— только и слышишь! И одно на уме: поскорее бы замуж выйти... Не хочу я так! Это уж лучше в горничные поступить.

— Так-с... Все это, пожалуй, верно. Ну, а что же вы будете делать, если, случаем, батя-то помрет?

— А я почем знаю? Что будет, то и будет...

— Эх!.. — вздохнул Ермолаев, ожесточенно дергая и кусая свои и без того обгрызенные усы.— А какие дела-то бывают на свете, Авдотья Федоровна... жизнь можно отдать — и не жалко!

— Какие же это? — резко спросила Дуня и повернулась к Ермолаеву.

Он взглянул на нее... что-то бродило и вспыхивало в глубине его зрачков. Но ничего не ответил на Дунин вопрос.

.....
Наступили угарные, пьяные праздничные дни. Уже с утра в дом начали являться хуторские служащие, напускали холоду, конфузливо поздравляли хозяев с праздничком Рождества Христова и жадно выпивали по стакану водки, которую собственноручно подносил им Федор Степаныч. Обед прошел еще довольно трезво, хотя и у отца, и у Лимпиядушки побагровели щеки и посоловели глаза, но к вечеру Дуня из окна своей комнаты с стесненным сердцем увидела чернеющие на дороге огромные розвальни, запряженные гусем. Приехали всегдашние отцовы собутыльники и закадыки: фельдшер Горюнов и землемер Фикулаев.

.....
— Дунечка! А, Дунечка!.. Божество! Дозвольте хоть глазком глянуть... Хоть пальчик ножки поцеловать... Дунечик?.. Молчит! А ведь слышит, чувствую, что слышит... Цыпочка моя, сердитая какая!..

Поцарапался, ушел. Дуня перевела дух. «Ах, звери, звери! И Ермолаев еще может верить, что когда-нибудь земля превратится в рай, а люди будут как ангелы...» Она со злостью усмехнулась. Нет, никогда этого не будет. Вон они... Ревут, топают, сквернословят, и ничего им не нужно, кроме водки, еды и разврата. Ох, истребить бы их всех... как Бог истребил Содом и Гоморру,— вот тогда, может быть, и появятся новые люди. Но ведь этого нельзя... и давно молчит на своих небесах грозный, справедливый Бог... Дуня вздрогнула. Господи, да ведь то же самое говорил тогда и Ермолаев! Запалить землю со всех четырех концов и, когда все превратится в прах, строить новые города...

Страшный грохот и треск снова прервали Дунины мысли. У пирующих что-то произошло. Падали стулья, со звоном рассыпались по полу осколки посуды. И над всем этим хаосом звуков гремел голос отца:

— Как ты смеешь, лысый черт, мне эдакие слова говорить? Приехал в мой дом, мою водку пьешь, мой хлеб-соль ешь — и мне же такие подлые слова? Лимпиядка! Гони его в шею! А Душатка где? Отцу родному в морду плюют, а она прячется? Позвать сюда Душатку!..

У Дуни захолонуло сердце. Вот-вот загремят в дверь кулаки, затрещат и рассыплются доски и вся эта буйная орава пьяных зверей ворвется к ней... Господи, Господи, да когда же кончится длинная зимняя ночь, когда кончится эта страшная жизнь!

.....
Ермолаев пригласил ее войти...

Дуня широкими шагами молча прошла по конторе и жадно дышала. Ермолаев, посмеиваясь, взглянул на нее... и смутился. В первый раз за все время жизни на хуторе он почувствовал обаяние ее красоты.

— Эх, какая вы!.. Досадно смотреть. Сильная, здоровая... красавица, а сидит в этой труппе с пьяными идиотами. Стоило, подумаешь, для этого родиться!

.....
— Ну, вот и отлично, что едете! Будет вам кваситься-то в этой мурье, а там встряхнетесь, повидаете всякого народу. И мне оно кстати. Если, случаем, повстречаете у попа одного человека, по фамилии Скафтымов, зовут Алешей, скажите ему от меня одно слово — «орел»... Больше ничего.

— Перепрыгнуть собираетесь? — с усмешкой спросила Дуня.

— Ах, вы все об этом! Может, и перепрыгнуть...

.....
Скафтымов сбросил свою хламиду и, тихо усмехаясь, сел в уголку у рояля. Дуня исподтишка за ним следила, и первое, что бросилось ей в глаза, была какая-то тихая вкрадчивость, разлитая во всем его облике. Тихое, очень красивое белое лицо и глаза тихие, ласковые, золотисто-карие, и плавные движения маленькой руки, когда он поправляет свои пышные белокурые волосы, наконец, голос — приятный, негромкий, проникающий в душу, — вот он был какой, этот человек, которому она должна была сказать таинственное слово: «орел».

Это было очень трудно сделать, потому что к нему сейчас же подвели и обе хохлушки, и цыганочка, хорошенькая Марья Власовна, учительница церковно-приходской школы. Дуня догадалась, что Скафтымов был здесь героем, львом и властителем женских сердец. Ему заглядывали в глаза, с ним откровенно заигрывали; у Марьи Власовны горели и уши, и щеки, и на лице светилось немое обожание, а он сидел тихий и ласковый и всем одинаково улыбался и говорил одинаково приятные слова. — «Какой противный!» — думала Дуня, и в то же время глаза ее невольно тянулись к нему и с чувством глухой досады она ловила себя на том, что любит его красотой.

Раскрасневшаяся попадья, хлопая в ладоши, позвала гостей ужинать, и проголодавшаяся молодежь с шумом ринулась занимать места. Скафтымов не спешил в столовую и остался у рояля, просматривая ноты. Дуня подошла к нему и дрожащим от волнения голосом сказала:

— Ермолаев... Дмитрий Иванович... Он просил меня, если вас увижу... передать вам одно слово: «орел»...

Тихое спокойствие на мгновение покинуло Скафтымова. Он покраснел, чуть не выронил ноты, и в красивых глазах его сверкнуло что-то похожее на испуг. Но быстро справился с своим волнением и, всматриваясь в Дунино лицо, сухо спросил:

— Только это и больше ничего?

— Я уж вам сказала! — рассердилась вдруг Дуня, почуяв в его вопросе и особенно во взгляде обидное недоверие. — Ничего я больше не знаю...

— Благодарю вас,— вежливо сказал Скафтымов.— А Ермолаеву прошу передать, что телеграмма послана.

Дуне почему-то вспомнился Ермолаев, и в голову пришла шальная мысль — бросить всем какую-нибудь резкость, которая нарушила бы это сытое довольство и вызвала смущение и тревогу. Она встала и громко заявила:

— Я тоже хочу сказать тост!..

Все уставились на Дуню. У нее похолодело сердце. И, смутившись, она произнесла:

— За людей... разбивающих скрижали!..

— Не мечите бисера перед свиньями,— сказал он совсем не таким елейным тоном, каким давеча разговаривал с барышнями.— Им это бесполезно, а вам не нужно,— зачем же говорить ненужные слова? Запомните лучше хорошенько, что телеграмма послана...

— Нет, постойте... Уж не влюбились ли вы в Скафтымова, а?

Дуня вспыхнула так, что даже слезы на глаза выступили, и оттого еще больше разозлилась на себя и на Ермолаева.

— И что вы носитесь со своим Скафтымовым? — резко сказала она.— Вот уж нашли в кого влюбиться... кривляка, модник, воображает о себе Бог знает что, а сам просто... дрянь и больше ничего!

— Алеша Скафтымов дрянь? Ну, это вы напрасно... Уж не знаю, что он там из себя корчил, а только скажу: не видали вы еще настоящего Скафтымова.

— И видеть не хочу... Ах, все вы темные какие-то, вас не поймешь!.. Только вы все-таки лучше.

— Покорно благодарю! Вот все женщины мне это говорят, однако ни одна из них ни разу еще в меня не влюбилась. А Скафтымова ругают и с ума по нем сходят. Да что, я сам в него влюблен, как баба. И вы влюбитесь, погодите! Непременно влюбитесь!

Она хлопнула дверью и ушла. Легла на кровать лицом к стене, как всегда, когда особенно остро чувствовала горечь и обиду жизни и задыхалась от мучительных, невыплаканных слез. Да, никому и ни на что она не нужна и всем чужая... Хорошо бы вот сейчас потихоньку и незаметно умереть. Или выйти в одном платье на дорогу и идти-идти все прямо до тех пор, пока не упадешь...

Падали грустные зимние сумерки, серым пеплом засыпали землю, томили душу вещью тоской. Смутно мерещился в бесформенной тьме грядущих дней тот неизбежный час, когда кончатся муки, болезни, обиды,— кончится все. И было не страшно думать об этом; ведь только немножко, какой-нибудь миг, будет ужас и боль. А там тишина, вечный сон и покой... Кончится все.

Мысли Дуни спутались, исчезла стена, рассеялись сумерки. И увидела она огромную равнину, озаренную мутным светом умирающего солнца. Тысячи людей черным потоком двигались по ней; проходили одни, поднимались другие, и кровавый закат обагрял их мертвые лица, и пели они песню, полную отчаяния и скорби безмерной.

Дуня очнулась. Тот же сумрак и тусклый отсвет окна на стене, и нет уже ни равнины в багровом пламени зари, ни вереницы людей, а песня была. Гудела, как погребальный колокол в ночи, и слышался в ней тяжкий топот многих тысяч ушедших, идущих и тех, что еще не пришли, но придут. Дуня знала много песен,— у Кипарисовых часто пели и любили петь,— но такой песни она не слышала никогда. Приникла к стене, вслушивалась, стараясь разобрать слова, и не могла. Песня лилась, гудела, звала, и Дуня шла вместе с нею — куда? — не знала,— на подвиг или на преступление, на жизнь или смерть, все равно, но шла по багровой равнине, и сердце горело от восторга и тоски».

3.VIII.1915

...так или этак, должность губернатора есть в сути и в тайне вещей — полицейская. Пассивно-полицейская. «Чтобы все было тихо и благополучно». Хорошо и спасибо, нужно и благопотребно. Организм должен ровно и спокойно дышать.

Но он должен еще и ходить. Вот «ходить» не входит в должность губернатора. Губерния должна сидеть. Но уже когда она «встает», чтобы походить, она внушает беспокойство и подозрительность. Губернатор произносит: «Это что за новости?»

Я очень смеялся 19 июля (день собрания Г. Думы, «историческое»): спуск * (к Литейному) и Аничкова моста человек 8 «наших» столпились и глядят на двух барышень в белом, которые вышли из автомобиля. Автомобиль гудел. Барышни вышли, а внутри автомобиля еще оставался красивый офицер. Как ни обезьяны, ни попугая не было «тут», то «наши» глядели, как автомобиль гудит, а барышни пошли.

Предполагалось (всю неделю говорили перед этим), что Дума «потребует ответственности министров» (Сукомлинов — злоупотребления).

— Это что́ за новости?! — воскликнул городской на «наших». — Проходите сейчас!!! (и почти взялся за тесак. Вообще имел такой вид). «Наши» все-таки подвинулись, но, прежде чем разойтись, заговорили:

— Какие же это НОВОСТИ?! Что люди стоят и глядят. Их поразила крайняя ограниченность русского человека, состоящая в «постоять *одному*» или «проходить *вдвоем*».

Но я заметил в том даже некоторое удовольствие. Он их удивил (окриком) и тем развлек. В развлечении же они нуждались. П. ч. было воскресенье.

Вот так и губернатор. Он уже взволнован, когда люди смотрят на автомобиль.

Таков, я помню, был губернатор Кутайсов в Нижнем (1874—78). Он «пребывал». Ни в чем, совершенно ни в чем, не выражалась его деятельность, и даже «суть губернаторства» — чтобы «деятельности не происходило».

Волга мелела. На ярмарке (в Купавне) грабили и убивали. Он — «ничего». «Известно — большое сорище, как же не убить и не ограбить». В губернии — «города все те же». Между тем ведь «Нижегородская губерния» — это *беспольный интерес, неисчерпаемые возможности*; почему тут не быть «Афинам православного исповедания»? Для «героя»-губернатора — это обширно и роскошно, как Персия для Александра Македонского.

Ничего.

Он «ничего не делал», не знал, не интересовался.

(Вырица — СПб., вагон) (приехали)

* Далее дефект рукописи (ред.).

* * *

5.VIII.1915

Мамочка нарушила всю поэзию.
Купила на семь рублей дров. («Палочки»).

* * *

5.VIII.1915

Только те люди счастливы, которые не думают о себе.
Но зато это самый прочный вид счастья:
Его не ест червь. Не попоалает огонь.

(конец)

* * *

5.VIII.1915

Увидишь крест — перекрестишься.
Увидишь груди — потрогаешь.
Вот моя (и всемирная) «натуральность».

(канун Преображения; звонят к всеобщей)
(Верочка одна пошла в церковь; завтра собираемся все к обедне)

* * *

9.VIII.1915

Евреи захватывают «оптом» (кагал), а русским оставляют «мелочи» (индивидуализм).

— Вы, господа, Шиллеры: вам зачем же рубль. С вас довольно и копеечки.

Русский берет копеечку и благодарно целует руку жида.

Уже теперь (60 лет) наша демократия занимается все опорочками. «Крупное — ненавижу». Фабрикант, промышленник, купец, — Кутузов, Морозов — «пхе».

«В опорочках Русь». И немцы отведут ее на задний двор, сказав: «Это наши латышки № 2».

Провинция — Russland, Curland, Lifland, Estland, Russland; эсты, ливы, куры, slavi.

Очень мило. Только там Керенскому не дадут депутатского места. Но он будет очень счастлив, «проваживая по двору» лошадь какого-нибудь «барона Вогау» или «барона Ginsburg».

* * *

9.VIII.1915

...да чтобы «приуготовитель победы будущей» над Германией подремал годик на «своем высоком посту», да за это Германия всегда отсчитывает миллион. Прямой расчет.

И чтобы «заведующий хозяйством России» мирволил евреям,— еврейские банки, сложившись, дадут миллион (в год). Это значит «получить сто на сто». Кто откажется.

Вот объяснение руеских дел.

За простой сон министру дадут миллионы. Справа, слева. От Германии, от Японии.

И «депутатам» дадут. И журналистам.

Где же спасение?

ЦАРЬ

И

ПАТРИОТИЗМ.

Страхова не подкупишь.

* * *

9.VIII.1915

«В комнату вошла пара сапог с телеграммой»

(«Сообразительность помогла», Кон. Дойль)

Это очень хорошо. «На кафедру Госуд. Думы вышли сапоги Керенского». П. ч. голова ему — совершенно лишнее украшение.

Что же такое «голова Керенского»? А сапоги могут быть от Вейса и стоить 12 рублей.

* * *

9.VIII.1915

Евреи представляют русским заниматься «народничеством»: И сами напишут статейку, и примут от русского «в свой журнал».

— Моя Хая любит этнографическую литературу. Не только о зулусах, но и о русских.

Бедный Глебушко Успенский. Тебя Гессен и Хесен поставят на полку в шегреневом переплете и скажут:

— Это же наш лучший беллетрист. Из народного быта.

Студентики все будут покупать «Историю русской литературы» Когана и Пушкина «в издании Венгерова».

Студентики эти добрый народ, послушный. О, как они будут послушны жиду.

— Нам Буслаева не надо. У нас теперь есть Коган.

Это робко будет лепетать с нечесаной головой Ванюха Рыжов, из Политехникума.

* * *

9.VIII.1915

Правительство, каково бы оно там ни было и как бы его «ни нарекал Милюков» — чиновник за чиновником, исправник за исправником, министр за министром, окольник за окольным и т. д., и т. д., и пр., и пр., строили Царство, строили нашу Русь, и к 1915 г. «построили вон

какую». Все-таки ее строили не Чернышевский с Добролюбовым, не Милюков с Родичевым и не гг. «декабристы». Эти выходили на Исаакиевскую площадь, ограничивали Милля в «примечаниях» и писали «Светлый луч в темном царстве» об Екатерине Островского.

Хорошо. Заслуги. Но это все не Русь. «Руси»-то тут и не содержится.

От этого Милюков с Родичевым могут! «продолжать Белинского», но ведь они хотят не этого, а устроить флот, определять контингент новобранцев, и вообще им «подай Россию». — «Подайте нам сперва русских министров на съедение, а потом все русские дела в управление». Но *почему?* Вот на это «почему» никак нельзя ответить.

Милюков:

— Потому что я сидел в тюрьме.

Родичев:

— Потому что я говорю громко.

Это не резон. Явно, что это не резон.

Почему им управлять Россией. И мы вправе все зычно закричать:

— Зовем старого Царя-Батюшку. И министерию. И г. исправника. Они — начали, они — пусть кончат.

* * *

9.VIII.1915

Цензорá и суд толкуются над книгами, как ослы в коробке конфет от Gourmet (Литейный, уг. Невского). И трогательный вид серьезности у одних и у других.

В цензуру должны быть отдаваемы газеты и журналы; но книги им вовсе не принадлежат, или по крайней мере для этого чрезвычайно д. б. повышен ранг цензуры (исключительно из профессоров и академиков).

Книги, касающиеся до духа и церкви — цензуруют — один преподаватель духовной семинарии и другой бывший секретарь духовной консистории. Отчего они должны понимать книгу? Не обязаны. Один в коробе 2-м «Оп. л.» хотел зачеркнуть «дражайшее место», где я сравниваю церковь во всех слабостях духовенства (запивающие батюшки и медное блюдо с копеечками) с Парфеноном. Помню — я ехал из редакции: и у меня сверкнула (бывает!) безумная любовь к церкви, — и я дал сравнение.

Может, смотря на место (в книге), он сказал председателю цензурного комитета (тоже милому человеку):

— «Запивающие батюшки» — нельзя. Оскорбительно для церкви.

Тот:

— Как же это, Вас. Вас.: это — нельзя.

Я весь затрепетал. Любимое место. Забормотал (у меня речь невнятная). И видя мой страх и чуть не слезы. — уступили (цензор Лебедев и председатель Виссарионов):

* * *

10.VIII.1915

Мухоловки (листы) — тоже с какими-то английскими названиями (этикетки). Это черт знает что: «Войну и мир» написать умеем, а намазать клей на бумагу и освободиться от мух — не умеем.

С Петра Великого Россия сделала много шагов назад, а вперед ни одного не сделала.

«Осе́ла», матушка.

«Развилось» и «прогресс» только во взяточничестве. Старые судьи — щенками, аблакаты — «тысящами». Это, конечно, преуспеяние.

Ну, сиди, моя Русь. (Ты все-таки дорогая и все-таки всех лучше; «за людьми не угонишься» — верно.)

* * *

10.VIII.1915

Если полицейский толкнет меня на улице или я «суну нос в его дело» и он заденет меня по лицу, то я скажу:

— Я не виноват, служилый. Вы ошиблись.

А не стану с ним браниться и ему возражать. Возражать полицейскому никогда нельзя. Когда Вяземский, член Государственного Совета, вмешался на Казанской площади в распоряжения полиции, то его следовало «разжаловать в хозяи́ые» и поставить на углу Невского и Литейного учить азбуку социальных наук.

— Извозчик, заворачивай налево.

— Извозчик, заворачивай направо.

А не высылать за границу на казенных хлебах (жалованье члена).

Он поступил, как Анна Павловна Философова во время обыска (опроса фамилий и званий) в квартире Бердяева (она же — редакция «Вопросов жизни»).

— Я жена Государственного Совета.

Впопыхах (рассказ мне Бердяева) вместо: «вдова» и «члена Г. С.».

Тогда (у Бердяева) все профессора волновались. «Такие ученые». Но помощник пристава добродетельно их всех опросил и записал.

* * *

11.VIII.1915

Кто любил Англию — называется Питтом, а кто любит Россию — называется «потреотами», черносотенниками, зубрами. Правда, к ним причисляются Пушкин, Одоевский, Тютчев. Но Тютчеву уже «срезал голову» Мережковский, Пушкина растолковывает на университетских семинарах Семен Венгеров, а биографию Одоевского изучает и рассказывает позитивный профессор Сакулин.

«Мовчим бо благоденствуем».

* * *

11.VIII.1915

Мне кажется, нельзя допускать этим птенцам в смокингах и в корсетах входить в музеи — не накинув «белого общего халата», как не дозволяется без такого халата входить в операционные. Ведь для мумий и сфинксов есть «операция», если глядит на него смокинг в золотом пенсне.

А служители (сторожа) д. б. одеты по-египетски. Теперь же «египетский зал с посетителями» представляет невыносимую какофонию. И в нем «от смешанности души» наблюдатель ничего не может понять.

(рано встав на прогулке в лесу)

* * *

11.VIII.1915

...да вовсе не в Милюкове дело, а в Керенском. Милюков имеет свой ум, свою тактику — и это вовсе неинтересно. В «данной плоскости» играет роль не лицо, а безличность, и Керенский — ее выразитель. Он «серая шинель» парламента и парламентаризма, — которая «сделала все походы» и привела дело к вожделенной победе.

Если бы я был Карлейлем, я издал бы не «Корреспонденцию Оливера Кромвеля, — с комментариями», а изучил бы, много лет изучал бы, Керенского; собрал бы его мельчайшие записочки, чужие дневники, где о нем говорится (своих он не пишет, конечно), воспроизвел бы все его парламентские речи и издал бы его «в 4-х томах in quarto *», с множеством (непрерменно) его портретов и, особенно, «моментальных фотографий», снятых с него особенно во время произнесения речей.

Когда историки изучают историю, то они обыкновенно останавливаются на героях. Между тем главный герой ее — «не»-герой. Пустое кресло. Вот в нем-то и суть. «На нем никто не сидит»... А, вот вы и вдумайтесь в колоссальную суть того, что заготовлен от начала мира целый партер пустых кресел, стульев, неподнятых занавесов, неупотребленных декораций: которые «суммою своею» дают «театр». И уж раз это *есть* — зрелище может начаться: «Мизантропа», «Горя от ума», чего угодно. Публика уходит, приходит, сменяется, засыпает, забывает пьесу. Но «незабвенно» одно — что есть пустые кресла и всегда «можно прийти».

Керенский есть *общая возможность* парламента и парламентаризма, и это гораздо важнее, чем «был Кромвель». «Был» и «не стало», «был» и «прошло»: а Керенский никогда не пройдет, а с ним вместе никогда не пройдет внутренний аппетит к парламенту, внутренняя жажда его, которую невозможно наполнить, как бочку Данаид.

— Я жажду (Керенский).

Это гораздо важнее, чем жаждал Кто-то. Ибо из той жажды вышло такое преходящее (теперь-то уже очевидно) явление, как христианство,

* большого формата (в четвертую долю листа) (лат.).

тогда как из этой жажды вышел и вечно останется на земле нескончаемый процесс «европейского парламентаризма». Когда он кончится? Никогда. Ибо Керенскому всегда захочется поговорить.

Керенский не говорит:

Это — ужасно, п. ч. тогда его просто нет. Ведь нельзя же сказать, что это «муж», «человек», «сын», «отец», «христианин», «русский». Он — парламентский деятель. Такой же специалист, как Ньютон в небесной механике.

Милюков есть *еще историк*. Муромцев был *ухаживатель своих дам*. Родичев будет оратором *везде*. Но Керенский и «говорить»-то может лишь в случае возникновения «общественного интереса». Он — *монах парламентаризма*, — от всего ушедший, все из себя изъявший, кроме «общественного интереса», и вот «я говорю по поводу этого *запроса*».

Поэтому историку следовало бы *выгравировать* Керенского, не забыв ни одного волоска, шевелюры, как он причесывается и даже как сидят на нем брюки. Все колоссально важно. Все есть — *общая суть* истории. Ну, а важна ли она, об этом уж не нам разговаривать.

Это как «*рождаемость*». Не важно, что родился «слон», и не важно, что родился «Ньютон». Колоссально важнее одного и другого (даже «рождения Ньютона»), что *существует* вообще эта протоплазма, яичность и существо яйца, яйцеводы, матка и вообще «*утробушка мира*». Тогда уж «пойдут рождаться» и действительно «пошли рождаться». Так «Милюковы уж пойдут», раз есть «Керенский». Не Милюков родил Керенского. Такого колосса он не мог родить. Напротив, из колоссальной «*утробушки Керенского*» — родились и Милюков, и будет вообще много Милюковых. Керенский — «чресла». Чресла «*парламентаризма*». Т. е. что «будет много людей, преданных общественному интересу».

Боже: да Керенский — это целая цивилизация.

Некогда Авраам сомневался о своем потомстве. Бог вывел его в нощи из шатра и сказал, указывая на небо:

— Можешь ли ты исчислить звезды. Истинно, истинно говорю тебе — потомство твое будет неисчислимо как эти мириады звезд.

Это же, господа, история. Настоящая история. И тут не до шуток.

* * *

11.VIII.1915

— Сделал ли ты за всю жизнь хоть один

ГВОЗДЬ?

— Я читал Лассалья.

— И посадил ли ты хоть одно

ДЕРЕВО?

— Я читал Лассалья.

Ну, как не расцвести России с такими «сынами отечества своего».

* * *

12.VIII.1915

Любовь слепа. И любовь к Царю д. б. ослепленна, не рассуждая, без поправок и вопреки всему.

«Он от корня сделал Россию».

Какие же разговоры.

(утром встав; голова болит)

Разговаривать может у подножия этого только негодяй.

* * *

14.VIII.1915

Бакалея еще наша.

Тоже — съестные лавочки.

Что же: русский человек — покушал, заснул. И совсем незначем было сюда прибавлять «промышленность и торговлю».

* * *

15.VIII.1915

Есть великая мудрость целомудрия — воздержание от новых слов.

От пустых слов «от себя».

Когда я думаю, зачем современные евреи пишут, для чего существует «новейшая еврейская литература» — то всегда это думаю (т. е. о целомудрии *еще говорить*).

В Библии уже все сказано. Особенно — евреи все сказали. И мудро поступают их старики, что *только читают*. А «которые пишут» — просто глупы.

Глупы, пошлы и совершенно непереносимы.

Что такое пишет Слонимский? Зачем? Кому это нужно?

* * *

16.VIII.1915

«Человек» и «человеческое в нас» последний закал получают в страдании. Как бы ни был в самом себе прекрасен человек, благороден, добр, возвышен: — «окончательное» в нем появляется только в печали.

Это мировая загадка, мировая тайна.

* * *

16.VIII.1915

Мне кажется, самое *роковое* для Керенского было бы предложить очинить перо. По *подробностям* этого дела и необходимости всмотреться — он разбил бы голову о перо и все-таки не сумел бы его очинить.

Ведь он бедный ничего не умеет и ничего не видит. Он только кричит. Причем пальцем перед собою рассекает воздух и наклоняется вперед как маятник.

Чем он беременен? Нет, скажите, кто его забеременил? Маркс с Лас-салем и Алексинский? Просвистевший мимо выстрел? Не знаю, не знаю. Вот человек, о котором все знают и которого никто не знает.

«Ибо мне нет имени и у меня нет вида».

* * *

16.VIII.1915

Печально мне, печально мне, печально мне.
Страшно мне. Страшно мне. Страшно мне.
Господи, как я живу? А живу.

*

Любил ли я людей?
Не очень (кроме мамочки).
А Бога?..
О да. Да. Да.

*

Странно. Какой я странный.
Весь.
Больше ли я вонял или плакал?
Вонял изредка. А плакал постоянно (почти).

*

Грусть моя постоянно.
Уже 59 л. Из них дай Бог если 9 л. я не грустил. А 50 — прогрустил.
Это слишком много. Для моих узеньких плеч.
Грустил ли я от грехов моих? что я дурен?
Нет. Не думаю.
Но я родился в каком-то «зажатом месте мира». Бог когда косарем рубил полено (лучину), то вот в «расчепление» попал я. Косарь же Он вынул или задумавшись остановился — и вот меня ломает, жмет. Страшно. И больно.

*

Тащится свинья по улице.
Эта свинья — Розанов.
Морду уткнул в землю. Хвостик свернул «к небу» (вверх).
— Чего тебе надо?
Ничего.

*

Как ты хочешь умереть? Твое последнее слово людям?
— ЛЮБЛЮ.

Я не очень-то вас любил (ругал много). Но вас еще никто так не любил, как я.

И взгляды ваши — все в моей душе.

И душа моя не нужна вам.

Но вы-то нужны мне.

Страшно: мне не очень хочется, чтобы меня любили (кроме мамочки, пожалуй — Тани). Помнили — ничуть (кроме мамочки). Да еще вот завет:

НИКТО НЕ ИДИТЕ ЗА МОИМ ГРОБОМ

(кроме мамы и Тани). Да. Так о любви. Но дело в том, что мне-то самому ужасно хочется любить людей.

Господи: как мне хочется Тебя. И только Тебя.

И мамы, — которая бы уже не страдала. И наконец улыбнулась.

Грустно мне. Грустно мне. Грустно мне.

Боже Вечный: доколе же эта тяжесть?

Ведь я никогда почти не улыбаюсь.

* * *

18.VIII.1915

Христианство — безъяично.

В этом его метафизика.

Вся метафизика.

Это-то, это одно, и ничто еще — и есть его ноумен.

ПРЕМУДРОСТЬ — ВОИМЕМ!

— как речет диакон в царских вратах, поднимая перст, обвернутый орарем.

Евангелие — книга Премудрости.

Ни одного выкрика. Ни одного слова — «от ярости блуда» и «похоти». «Кровь не шумит в голове», — ни у кого и нигде. Это не люди. Это тени человеков. Так и хочется сказать: «им очень легко было не грешить», «попробовали бы на нашем месте».

Но Боже:

— Так ведь и сказано:

СВЯТАЯ КНИГА СВЯТЫЕ ЛЮДИ.

* * *

19.VIII.1915

Если городской нечаянно заедет мне по физиономии, я скажу ему:

— Извините.

П. ч., значит, я помешал ему.

А мешать ему нельзя. И я, конечно, виноват.

* * *

20.VIII.1915

— *Скверным* мы и называем *святое*, чтобы никто не, мог его коснуться, назвать своим названием, чтобы имя его не произносилось, чтобы никто на него не смотрел».

Так говорят иудеи (старейшины). Так определили они «канонические книги как таковые»; — которые специфически «оскверняют при прикосновении к ним руки читающего», — в отличие от обыкновенных книг духовного содержания, которые «рук не марают»...

(в бане)

Хорошо. Но отсюда один шаг до греческих «мистерий», которые «укрыты», о которых «запрещено рассказывать» и (поразительно!) никто действительно не имел духа и смелости рассказать, «что же именно там происходило» и что участники их «видели» или «делали».

Но, Господи: ведь и в природе есть тайные в самих себе вещи, о которых не рассказывают (инстинкт), имени которых вслух не называют, которые избегают видеть, от них *отворачиваются* (если случайно наткнутся) и *укрываются*, чтобы их совершить.

Господи, какие странности.

Да: и эти «в самих себе тайные» вещи в просторечии именуется тоже «скверными», а нечаянно или по нужде их коснувшиеся *умывают руки*.

— Потому что я *коснулся* нечистого.

Господи: как странно мир устроен.

* * *

21.VIII.1915

Вообразать, чтобы это общество шутов и ненавидцев действительно заболело за Россию в борьбе с Германией, — очень наивно, — и было наивно с самого начала, когда в июле 1914 г. они вдруг заявили в Думе, что «любят отечество». Любил его Струве — честный немец, но русский? но русский лакей? которому так долго ничего не удавалось в отечестве, и он побежал в Женеву и Париж сплетничать о нем?..

Тогда же, 19 июля 1915, мне это показалось подозрительным.

Впрочем, ну его к черту.

Сегодня радость: еду по Забалканскому, ошibся №-ом трамвая, запутался, пересел на извозчика, тороплюсь и, подозвав рукой полицейского, спросил, «тут» ли и «туда» ли еду. Объяснил. И я сказал ему любяще:

— Спасибо, голубчик.

Он:

— Не стоит, *дорогой папаша*.

(Честное слово, не выдумываю.) «Папаша» относилось к моему

возрасту. Так и «кой-кто» называет при уличных встречах «папаша» («не хотите ли, папаша», «подойдите ко мне, папаша»).

Но у него...

Я *никогда* этого не забуду. Я только сказал ему по-человечески: и как человечно, как прекрасно человечно он сказал мне.

Русский полицейский стоит Шиллера. Он даже в сущности Гете. И его не нужно ни преобразовывать, ни улучшать.

* * *

23.VIII.1915

Жидки, кажется, очень рады, когда заработал нож гильотины и повалились старые головы маркизов и графов. «Вырубает аристократию». «Теперь не Франсуа, Альфреды и проч., а будут Самуилы и Исааки». Отлично. И они пристали к революции и подперли ее плечом.— «Вали».

Повалили.

Пронеслись десятилетия. И на верху положения одни жидки.

Банкиры.

Журналисты.

«Великий Спиноза», «Бергсон» и «Коган».

Пропер и Кугель с Гессеном.

Совсем хорошо. Нам, русским, только Богу молиться.

* * *

23.VIII.1915

Во всяком органе мы должны различать *аппетит* и *дар*.

Его «хочу» и его «могу». Это о теле и о государстве.

И умирает орган, который «не хочет» или который уже «не может».

* * *

24.VIII.1915

Конечно, все управленье России было *застойное, пассивное*. Полагая себя «на верху положения» после войны 12-го года и «спасения Европы», державой *первенствующей*, Россия застыла в этом первенствующем положении, не задумываясь о том, что ведь «колесо катится». И незаметно, и неуловимо скатилось книзу. При «первенствующем положении» что же делать, как не сохранять его: и вот сам Николай I и «все вокруг» приноровились к этому сохранению, и образовалось правительство застоя и политика застоя.

Я ее застал «глазком» чуть-чуть, в детстве. В университете я потерял паспорт. Говорю инспектору студентов: «потерял». Он: «подайте прошение в *Управу благочиния*». Как «прошение»? как его «писать». И я пошел хоть посмотреть на *Управу благочиния*.

Смотрю на *Управу благочиния*. Неодоумеваю. Тоскую. Как из-под локтя меня спрашивает: «Вам не *прошение* ли?»

Оглядываюсь. Пропоица. Весь в дырах.

— Да. Прощение.

— Так идёте. Рупь. Есть?

— Есть.

И он потащил меня через какой-то проходной двор. Я шел. Не понимая куда. Он спросил четвертак «вперед», сейчас спросил полуштоф водки и одной рукой пил, а другой писал.

Чернилица была с мухами и пакостью, бумага полусерая.

— Готово. Теперь идите и подайте («повытчику»? «архивариусу»? — имени должности не помню. «Начальник Управы благочиния»).

Иду. Колоссальная прихожая, она же приемная. Чиновники. Дамы. Я студент. Еще кто-то. Много. Шумим, говорим. Час прошел. Как вдруг входит сторож и произносит:

— Встаньте. Встаньте все.

Все встали. И я. Все.

И мимо нас, сбоку (возле стены) этой вонючей комнаты прошел... мне казалось, фельдфебель: в военной форме, лет 50-ти, но не только не генерал, но, очевидно, ниже офицера. Совершенно простое, грубое, серое лицо, — явно без всякого образования; т. е. чуть-чуть грамотность и самый маленький «Закон Божий», ну и «География Российской империи». Уездное училище, приходское училище, но не гимназия. Да и уездное-то училище — 35 лет тому назад. И после этого, вероятно, всю жизнь «Ведомость нашего градоначальства».

Винт, крестины, помимо жены — любовницы на стороне. 2—3 зятя и сын, которого «держит в страхе и повиновении».

Прошел он, высоко неся голову, как какой-нибудь фельдмаршал, и ни на кого не обращая даже малейшего внимания. Хотя он видел боковым взглядом, что все перед ним встали.

За ним в страхе бежали 3—4 сторожа или вообще «мелочь». Писаря. Секретари. Не знаю.

Как прошел, мы сели. Потом стали вызывать по очереди.

Когда очередь дошла до меня, то и я потащился. В огромном зале за какой-то конторкой, на возвышении в $\frac{1}{4}$ аршина, стоял «он». В военном сюртуке, и, кажется, какие-то нашивки на обшлагах.

— Студент историко-филологического факультета 3-го курса...

Молчит.

— Потерял паспорт...

— Прощение?

Я подал.

В руках его был огромный, почти аршинный и очень толстый карандаш. Он ткнул «красным» в бумагу и положил ее на кипу таких же. Все было кончено. Я вышел. Выслушав: «в среду».

Пришел «в среду». Что же бы вы думали. Между 1-м и 2-м посещением произошло «1-е марта». Не лгу. Такой символизм. И вот я в «среду» жду, стою, — так же все «встали» при проходе «его», и он прошел так же, никого не замечая.

Так же ли? Во мне дрожало сердце. О, как оно трепетало и «пытало» современное и будущее. Смысл 1-го марта я понимал (гимназист-нигилистишко). Но я был созерцатель. До «политики» мне было «все равно», но я пытал (мысленно) сердца человеческие и ту неизмеримую «отважность», которая откуда-то взялась и выросла сравнительно с этой здесь разлитой робостью перед повытчиком.

— *Есть же, которые никто ничего не боятся.*

— А мы так зависим от этого повытчика, сущность которого только в том, что он держит огромный красный карандаш.

.....

Пронеслись годы, много лет. Я уже сотрудник знаменитой газеты. Когда звонок. Красное пальто (подкладка)... И входит изумительной красоты седеющий генерал и рекомендует... С... *генерал-губернатор.*

Просто можно было присесть от удивления.

Лицо — прелестное, фигура прелестная. Обращение, манеры — чаруют и чаруют.

Он показал № «Кронштадтского Вестника» или «Русского Инвалида», где была напечатана его статья, за чужой подписью, о каких-то юнкерах и прусской стрельбе, и что пруссаки лучше нас стреляют, а юнкеров у них тоже больше. Что-то в этом роде. Техника. Я и понимал, и не понимал. Мне было «все равно». Я смотрел на его усы, с такою завистью. И на немного розовый цвет подбородка, сурово-розовый, как у мужчин и как у военных.

— Ну, и хорошо. О, да,— прекрасно,— говорил я собственно об усах и подбородке, но он отнес это к одобрению статьи.

— Вот видите? Вы понимаете, как это ценно. Но нужно их *заставить обратить внимание*,— и я прошу вас, оставя у вас № «Кронштадтского Вестника»,— обратить на эту мою заметку внимание в вашей газете,— и разъяснить ее важность.

Я понимал, что это почти невозможно. Но у него были такие усы, и я обещал.

Он ушел. Подкладка только сверкнула. И шпоры. И фуражка.

«Полная империя».

Редактор, конечно, отказал. Он у меня был еще раза 2, и через год прислал книгу своих стихотворений.

Где говорилось о барышнях и цветах. Не знаю. Я не читал. Кое-что.

Младенец. Это был «прекрасного цвета» (подбородок) младенец,— глубоко невинный, глубоко чистый...

Служив отлично, благородно,
Долгами жил его отец...
Давал три бала ежегодно
И промотался наконец.

Ну, три последние строки можно откинуть, но первая чарующе точно очерчивает и фигуру и дело... или вернее *безделье*.

Он управлял целым генерал-губернаторством в Азии, с целыми народами, с другой религией, племенами, с остатками древнейшей, нам почти непонятной цивилизации...

Как «управлял»?!!

А в «царские дни» он появлялся перед войсками и, поздравляя их, выпивал «чарку водки»,— и смотрел, чтобы подати собирались, гимназисты учились и люди никоим образом не бунтовались...

Пассивное управление.

.....
.....

(устал)

* * *

25.VIII.1915

...всеобщие обвинения в лжи (Айхенвальд, читаю).

Вдумываюсь.

Я совершенно никогда (ни разу) не лгал, не только пером, но и устной речью, против *того момента*, когда говорил (писал). Я был *бессилен написать неправду* (нужно придумывать, лень).

В чем же дело? «Противоречия» и проч.

Да человек *растет, живет*. Вот и все.

Я живу. А писатели ведь вообще не живут (только пишут, «сочиняют»).

Я никогда не сочинял. Суть моя. «Я есмь я» — вот моя литература.

Так. образом у меня есть ложь — относительно *genus, genera, — областей*. Но не феноменов. Феноменальной лжи вовсе нет. Но, может быть, есть ноуменальная.

НЕВЕДЕНИЕ.

Да. Вот. Это — ЕСТЬ. Но тут мы все скорбны, слабы. И я — только человек.

∞
∞
∞

Все это наплевать. Любовь? Люблю ли я человека?

О, да. Да. Да. Да.

Мамочка. Моя дорогая мамочка. Неужели я тебя не любил? И Веру (мои). И Таню.

И далеких друзей, писавших письма мне,— и так понимавших меня, как никто из писателей. Спасибо, родные.

* * *

25.VIII.1915

Говорят (Гейне) — флюгер лжет. «Куда дует ветер» — значит ложь? А м. б., во всей вселенной именно один-то единственный флюгер

и показывает правду и обнаруживает божественный порядок вещей.

Тучи. Молнии. Гром. Флюгер трепещет — какая правда. А печная труба «стоит прямо» — и это просто «ложь» и глупо.

Показывает ли «истину» несчастный таракан, который мечется туда и сюда, когда его ловишь двумя пальцами? Или — бульжник, который остается спокоен, когда на него падает молот?

Эх, люди, — молот-то вы знаете.

И я вечно лгу и прав, а вы говорите все правду — и вечно лжете.

(после статьи Айхенвальда)

* * *

25.VIII.1915

Бедная сторона А-да заключается в том, что, когда он берет перо и перед ним положен лист бумаги, он говорит:

— Я напишу красивую страницу.

И удается. Есть. Всегда. Он есть один из самых красивых русских писателей. Но поистине: что́ миру до того, что «Айхенвальд хорошо пишет».

Это ничто. Хуже: отвратительно. Отвратительно, что есть такой писатель. Отвратительно, что человек мог быть Айхенвальдом.

Это конец литературы, *finis literaturum* (как *finis Poloniae*).

Что миру за дело, что «Айхенвальд хорошо пишет».

Миру *больно*. Рак. Нефрит. В мире *нужда*. Муки нет. Мукá дорога. Айхенвальд «все хорошо пишет».

О, Господи...

Вот минута, когда люди придут и разобьют литературу. Они ее разобьют, если она не двинется «в помощь».

Литература — помощница жизни... О, да, это — *тáк*.

* * *

31.VIII.1915

Царь — Солнце.

И нельзя его заслонять.

Кто его заслоняет — того оно прожигает, пронизывает лучами. Попаляет. Опаляет.

И тот падает мертв.

∞

∞

∞

Вот, м. б., суть Велизария...

Это страшно. Грустно. Но это... что же вы сделаете «на земле», живя, против того, что «земля обращается около оси и солнца».

Планетные явления. И мы можем и повиноваться.

— Не гасим. Я хочу мир греть. И я одно его могу согреть.

И действительно, и Велизарий и Столыпин и кое-кто еще могли сказать «хорошее слово», «одержать победу»: но все-таки согреть-то мир и осветить мир они все-таки действительно не могли.

Страшное «действительно». Будем, люди, горько рыдать о себе. И будем покорны.

(кое-какие события теперь)

* * *

31.VIII.1915

Источник здоровья жены — муж.

Источник красоты жены — муж.

Источник молодости жены — муж.

Как же ей не давать ему богатого приданого.

Сидят. Он. Она. Мы помним пору, когда они женились. Они нам делали визит как новобрачные. Теперь сын 18 лет, и дочь хотя 15 лет — но ростом и полнотою больше, крупнее мамы.

А и мама крупная.

Я и говорю: «Теперь вы моложе, чем когда выходили замуж». Ей 41 или 39.

Муж вскочил и говорит:

— Все я.

Все рассмеялись. Было весело. Такому весь мир развеселится.

Тогда я и припоминаю свою старую мысль.

Зала. Кружатся пары в вальсе. И вот *эта* — вся в кисее и газе, и сама — мечта. Спрашиваю:

— Правда ли, что «мужчине красота не нужна».

— Вуй,— сказали ее глаза (oui, по-французски).

— Что же нужно? Положение в обществе, чины, знатность?..

— Да, это... очень не мешает.

— «Не мешает» — мало. Может быть, ум?..

— Да. Без ума скучно. Нет беседы...

Она улыбнулась.

— Все «прилагательное»: но что же главное?

Сверкнув, она обожгла меня глазом. Но не ответила. И продолжала вальсировать.

Я подумал:

Она требует от мужа высших и всеобщих условий счастья — здоровья, молодости и красоты. Чего, конечно, не дают ни чин, ни богатство, ни ум и образование.

— А что?!!

Она проговорила, все вальсируя:

— Глупый вопрошатель. Мне нужно от мужа то, чего спросил Бог от Авраама, заключая союз.

31.VIII.1915

Я много смеялся (в душе над врагами) и много одержал побед (литературных), имея в виду одно «умозаключение», поданное когда-то в высоком совещании митрополитом Филаретом. «Умозаключение» это передал, улыбаясь, мне Михаил Петрович Соловьев, где-то встретясь со мною, в театре или на юбилее. Мы сели в сторонке. Он и говорит (я тогда писал о разводе):

— Митрополит Филарет сказал, что развод правомерен (его можно дать), когда между мужчиною и женщиною («измена», «прелюбодеяние») нельзя было провести *нитки*.

Т. е. если была минута, когда они были *неотделимы*, — были *одно*. Да ведь так и сказано в Писании: «одна плоть». И Писание, и митрополит Филарет неизмеримо глубже, прямее и физиологичнее, «даже до неприличия», — нежели наши пустые и пустоголовые «духовные писатели», подвизающиеся в журналах, которые яростно отвергают (в полемике со мною), чтобы «сущность брака заключалась в совокуплении»: все эти Дерновы, Писаревы, «Отдыхи христианина», все Громогласовы (канонист), о. Михаилы — несут такую околесицу о браке, что нужно зажать уши и бежать вон. Что позорно и что гнусно, то это то, что они сами околесице этой не верят, ибо когда «дают деву (дочь) в брак», — то требуют, чтобы жених был «настоящий-с мужчина». Но для чего же они лгут, п...цы? А вот видите ли, разве можно в «Отдыхе христианина» рассуждать иначе, чем «духовно», и все перетолковывать «в духовном смысле».

О, противные семинарские щи. Бросим.

Так вот. Митрополит Филарет выразил, что «сущность брака есть совокупление», с такой образностью и яркостью, позволю себе сказать — с таким вкусом, как Розанов не мог и не сумел.

Я мысленно долгие годы подсмеивался: «Так вот они *как* судят». Но ведь из их суждения прямо вытекает, что я не могу ни кричать, ни жаловаться, во всяком случае не могу требовать и получить развода, если моя жена, к примеру, сажается на колени к мужчине, целуется, обнимается за уголком с ним, «и что же это такое?! Какие *нравы!*!»

«Нравы», вытекающие «из сих суждений», действительно ужасны, и нельзя отвергнуть, что решительно во всех «сих нравах» повинно одно и единолично духовенство со взглядом своим на мотивы развода, и, следовательно, проведя законодательную границу, разделившую «что в браке» и что «вне его» (разрушает его). И сидение на коленях, и поцелуи и, как сказал Гот-цев, «щекотанье»... Я его спросил о замужней дочери («молодожены») — «что они делают», он ответил смеясь — «щекочутся». Ну, хорошо. Нравы отвратительны, но, как выразился Флоренский, — «нужно обратить внимание на *онтологию*» (божественное бытие). Это мы говорили о браке, разводе и проч., и он сказал:

— Вернемся, однако, к *онтологии* дела.

И сказал, что «брак есть собственно *взаимное питание* мужем жены и женою мужа». Т. е. точка в точку — как разумел Филарет. И даже еще глубже, ибо еще пояснительнее, мотивированнее:

Когда «нельзя провести нитки» — то происходит обмен уже *веществ* мужского организма и женского организма: нечто от мужа входит и всасывается в кровь, в нервы, в кости, в мозг женщины от мужа, и обратно в мужа и в его кровь, в жилы, в нервы, в мозг входит, входит нечто от женщины.

И теперь она — «мужняя», «мужиня» (Новгород), «мужичка».

Он — «женин», о-бабился, «женился».

До этого же — разговоры, и если даже «щекотанья» — то ничего особенного. «По-русски» — пройдет.

Но не «пройдет», что́ я СЪЕЛ... А этот кусок переварится: и я завишу от него не только пока он лежит в желудке, но в сущности и на всю жизнь завишу — ибо из кусочка вышла кровинка и прошла через легкие мои, через сердце, через мозг...

Это — вечно.

Так с началом собственно совокуплений муж и жена начинают пронизываться друг другом, «сшиваются», и эти нитки сшивания — семя его и семя ее, а иголка «сшивания» — совокупление.

И без него — ничего.

А с ним — все.

* * *

31.VIII.1915

Пока не передавят интеллигенцию — России нельзя жить.

Ее надо просто передавить.

Убить.

(читаю «Утро России») (министерство общественного доверия)

— Аракчеев — Нехо *. Природа.

Твой час теперь.

* * *

31.VIII.1915

В Каткове есть что-то глухое.

Конечно, нет в России грамотного человека, который при имени «Катков» выразил бы на лице недоумение, незнание.

ИМЯ

его есть

ГРОМ

и доселе. Но какой-то глухой, странный, особенный и безличный.

«Безличный?» — Да. Это — явление, событие, громадной величины и силы. «Но никто не запомнит лица».

* связывать, скреплять (лат.).

Если даже взять Белинского, «по которому мы все учимся», или Достоевского, который так ярко гениален,— то они все-таки оба представятся чем-то сравнительно мелочным около Каткова, чем-то более пахнувшим *обывательщиною*, которою Катков решительно не пахнул. О Каткове действительно можно сказать, что он был solo-человек, и я не знаю, был ли даже во Франции или Англии, не говоря уже о «пьющей кофейную гущу» (филистерской) Германии,— такой в них публицист, редактор газеты, как Катков. По-видимому — нет. Катков говорил царям, правительствам — и те его слушали, ненавидимые им (Германия), боялись. Во всяком случае «слово Каткова» всех тревожило, смущало..»

Ему можно упободить единственно и только *Демосфена* в Греции. Других параллелей, по-видимому, нет.

Да. Но он глух и на нем нет лица.

В чем дело. Чтó такое?

Помню в университете впечатление: профессору, чуть ли не Троицкому, пришлось упомянуть имя «Катков»... «Напр. тот-то, тот-то, Катков и еще другие». Мы, студенты, все вздрогнули. И я подумал:

— Его никто не видал.

Он был мифом, «богом» и горою уже в свое время. Он был современником нам, и «его никто никогда не видел». Это-то и сообщало ему таинственность, что он наполнял собою улицы, говоры, газеты, журналы; и не было человека, который бы сказал: «Шел туда-то и встретил Каткова», «был на вокзале — и увидел, как прошел к вагону Катков».

«Прошел к вагону» слишком по-человечески: а Катков был «не человек».

Гора.

Огромная.

Гремит. Все слышат.

Лица никто не видел.

Удивительно. Но никто не рыдает. Не плачет. Не вспоминает.

Горько.

Горько и страшно.

* * *

〈август 1915〉

Скажут:

— Было научное движение: как же его было не пропустить.

(дарвинизм) (цензура)

А как же, однако, было его и «пропустить», если до последней степени «мир, происшедший из борьбы за существование, которая есть благо», — не только освящал теперешние немецкие пушки, освящал прусский милитаризм, — но и опрокидывал вообще христианское разделение добра-зла, и опрокидывал не только крест и Евангелие, не только Христа, но и вообще Того, Кто о Себе сказал: «Аз есмь Сын».

После опубликования «Происхождение видов и половой подбор» надо было громко, с бубенцами, с колоколами заявить: «Мы ныне ВО ВСЕМ СОМНЕВАЕМСЯ».

* * *

1.IX.1915

Получил оплеуху. Отлично. Но ведь это, господа, ответ на ту оплеуху, которую от меня получили вы.

(Айхенвальд, Титов [в «Рус. Вед.»] [Впрочем, не Титов, а Игнатов])

Совсем хорошо. Мысль моя и была и есть и *останется* взломать литературу. Подрубить те подмости, на которых она пялится и выпячивает брюхо. Явно они также должны давать мне оплеухи.

Верочка Мордвинова, невинная и прелестная девушка, написала же в частном письме ко мне — «ненавижу Тургенева», а о Толстом я даже испугался: «Лучше бы он повесился». Отчего же мне в свой черед не ненавидеть литературу?

О, я делаю исключения:

Державин
Жуковский
Карамзин
Батюшков
Крылов
Пушкин
Лермонтов
Кольцов
Грановский
С. Т. Аксаков «с сыновьями»
Никита Гиляров-Платонов
Катков? Нет — не нужно *мне*
Рцы
Шперк
Розанов
Мордвинова (письма, не напечатаны)
Дьяконова
Л. Толстой (первая ¹/₂)
Гончаров
Ал. Толстой
Лесков
Тургенев
Печерский («В лесах»)

.....
.....
.....

Майков
Полонский
Фет
Страхов
К. Леонтьев
Н. Я. Данилевский

Я отрицаю, собственно, не очень много: Кантемира, Фонвизина, Грибоедова, Гоголя, вторую половину Толстого и всех «писателей 60-х годов» с «судебной реформой». Что же я отрицаю, собственно? Непонимание России и отрицание России.

* * *

8.IX.1915

Годы, годы, годы травили всего доброго, всего благородного... Годы, годы, годы, уже 65 лет... Целое поколение, а если взять 30 лет «зрелого возраста» — два поколения. Генерация за генерацией поднималась, и едва мальчик-гимназист поднимал голову к какому-нибудь сознанию, как ему шептали старшие:

— Проклинай! Ненавидь!

Забыли некрасовское же:

*То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.*

Это он сказал о себе и своих. И — предостерег. Скорее, с печалью подумал в сердце своем: «наша судьба». Некрасов б. глубок. Пусть ж.... (соображение о нем Коли, мне переданное с год назад Б. С-ским), но яркое, сильное лицо, и даже в основе, я думаю, прекрасное сердце. То, что он чувствовал, уже не чувствовали его преемники...

* * *

11.IX.1915

Едино-плотие сейчас же влечет за собою и едино-душие — по всемирному ожиданию, по всемирной норме и закону (психология вокруг брака, глядящих на брачующихся, «гостей»): а единомушие и единомыслие («одной партии») еще вовсе не влечет единоплотия: и при претензии «на тайну сию» получает по существу тот, кто уже давно беседовал с курсихой «по душам», «по-хорошему».

Из сего ясно до молний, до «электрического света» (очень светло): до чего тело в сущности таинственнее, важнее, ноуменальнее так называемой «души», которая ей-ей ничего особенного собой не представляет.

— Носик. Ага.— Где у души?

Душа «без носа». А между тем, когда Варя моя в первый раз купанья (на Воробьевых горах) погружала прелестные плеча в воду (купальни), то, хлопая по воде ладошками и взглядывая на меня любяще, приговаривала:

— Кому ручки, кому носик.

— Кому ножки, кому что!

Так было весело тогда. Но продолжим:

— А губы? Губы ростовщика? — Губы еврея... О-го-го, ужас, ужас, отчаяние, отчаяние...

Какая выразительность и определенность. У души ничего подобного нет.

Ей-ей: тело фигурнее и загадочнее души. «Походка», а?

Тела только не понимали и поверили дуракам медикам: «тело суть комбинация из кишок и клистирной трубки».

.....

Правда, в Библии: «и вдунул Бог (в модель тела из глины) *душу бессмертную*»...

Это страшно: но ведь «душу» вдунул, кажется, не в смысле «мыслей», а «жизнеоборота», «жизни»: т. е. дал жизнь и *движение* телу...

* * *

12.IX.1915

Ну, вот я и говорю, что Розанова читать нельзя, а главное — *не будут*. Бреду в «Нов. Вр.» и мысленно считаю: я получаю по 20 к. со строчки и последние 15 лет около 10 000 в год. Пересчитал, перекомбинировал, помножил, разделил (все на ходу и торопясь, «эврика»), и вышло, что я написал приблизительно около 1 500 000 строк. Составил в книги, по 500 стр. в книге, и вышло, что я написал *всего* приблизительно 80 томов. Кто же «такого» будет читать????

Язык переломится, на мозге вырастет мозоль.

Так. Покоряюсь. Печально. Страшно.

И только внутреннее утешение: значит, я равен 8-ми крупным обильным писателям (по 10-ти томов) à la Белинский. И четверем — огромнейшим (в 20-ти томах).

Все это страшно и все это отрицательно. «Мал золотник, да дорог». Евангелие всего в одном томе.

Так. Соглашаюсь. Не лью слез, п.ч. делаю папиросы («за набивкой табаку» сейчас). Но для России и как общее впечатление.

Все-таки я «Розанов Великолепный»: *в общем* изумительное зрелище труда, волнения, забот, сна и бессонницы (я ужасный сонуля за всю жизнь).

И темы...

Семья, школа, религия, церковь...

Прибежище жен, девиц, вдов.— Проституток.

«Под Розановым много места», и я как матка всех защитил.

Тоже — гимназистов («Сумерки просвещения»).

Господа, не хорошо ли? По-моему, хорошо.

Только не будут читать «Уединенное» — устают, мелькает. Прочее — протяженно.

Но 80 томов: какое зрелище золотистых переплетов.

— Ах, Розанов: а ведь ты не любил книгу?

Не любил. Кроме себя.

∞

∞

∞

Да и еще скажут:

— У нас Розанов *один*.

И прибавят:

— Такого, как Розанов,— ни у одного народа нет (т. е. *именно* такого).

(погода)

* * *

13.IX.1915

...есть люди какие-то вонючие. Тоскливые. Скучные. Привязывающиеся. Не отстающие. Делать ничего не умеет, а предлагает свой талант. С такими неодолимо, невольно становишься груб. А ведь грубость — грех, «нехорошо». Как этого избежать?

Редакторы постоянно имеют дело с такими господами. И, увы, царям приходится иметь дело с такими же. И министрам. И правительству. Он «просит». Он «подает мнение». Он «советует». Указывает, как «спасти отечество»: а сам не может сползти с места, как вошь.

Керенский разве может «сползти» со своего красноречия? Перестать говорить? Начать молчать и думать.

Ему бы сказать:

— Дурак. Ты говоришь, что твоему отечеству нужно «поправиться»: но попробуй ты «поправить собственное поведение», перестав заливать водою думскую трибуну.

Подите, справьтесь с ним. Он непобедим. И непобедим по существу того, что дурак.

* * *

14.IX.1915

А я отыскал в разном мусоре («мусорные кучи в Дании»,— у Ляйэля, «Древность человеческого рода») кусок «О свободе»: оказалось не 8 строк, а целая почтовая страничка. Интересно прочесть кусочек той души:

Свобода

С прекрасными фосфористыми глазами, тонкою шеею, ниспадающими белыми плечами, худыми, высохшими грудями, в остатках разорванного платья на животе и бедрах, босая — встает она и протягивает к нам руки. Сейчас она еще нема. Может — она только что открыла очи.

Только что из гроба. Ее хоронили. Ее ненавидели. Называли ее погребенной. Вы, рабочие, «последние из людишек», которым говорят «ты», не братское, а лакейское «ты», и которые были рабами из рабов: вы разломали ножами ее склеп и вывели ее обмершую, но не умершую — на воздух и свет.

Вот она шагает, как пьяная, втягивая воздух в легкие. Ноги ее слабы. Руки онемели. Уста не умеют вспомнить слов. Только дыхание и кровообращение в бледном теле. Молчание. Дайте ей жизни. На несколько минут оставьте ее одну. Она оправится, очнется. И тогда поведет нас. И напоит небесною влагою и даст небесного хлеба...

Вы ее воскресили, рабочие, и свели к нам: будьте же и на будущее ее оруженосцами и рыцарями и телохранителями. Не забудьте никогда этих осенних октябрьских дней, когда вы били ломами в ее могилу, и от ударов ваших содрогалась Россия, и все вас проклинали, грозили, пугали, заносили над вами оружие. Но вы угрюмо молчали, точно считали себя «заговоренными», и камень за камнем выламывали из крепко зацементированного склепа. Не забудьте дней этих.

* * *

16.IX.1915

В чем же разница между русскими писателями и еврейскими писателями (их так же много, как русских, почти).

Русские пишут дело и о деле. Пишут криво. Пишут пакостно. Пишут в высшей степени глупо и пошло. Но чувствуешь, что все это глупое реально стоит в голове и вылилось на бумагу по закону реальной необходимости. «Наши упражнения суть наши испражнения», могут сказать молодцы-русские, от Белинского до Чернышевского, до Протопопова (критик «60-х»).

Евреи не испражняются. Они вообще «не ходят». Они хоть и с бумажкой, но у них нет физиологических отправлений!

О.
.

(позвали обедать; мысль: у евреев, кроме лоска, ничего нет)

* * *

17.IX.1915

— Это что-нибудь *позорное*? (мама).

Она спросила, обратясь ко мне, на слова Шуры о хозяине дома (адвокат-еврей-ростовщик): — «У него такая наружность, что, я думаю, он *ростовщик*».

Каким образом, доживя до 50-ти лет и будучи умна, практична, она не знает слова «ростовщик»?

Но таковы и все мы, русские. Не знайте, русские, слова «ростовщик», оно — проклятое.

И слово и понятие. А еще хуже — факт.

Но:

«*банки все еврейские*».

Банк есть в сущности *Ростовщическое заведение* или что то же, *Олицетворенный ростовщик*, ростовщик с руками и ногами и головой, когда суть его по идее просто «мешок с деньгами», из которого и в который текут деньги.

Чупров (А. И.) в Московском университете в 2-х словах объяснил нам, что такое «банк», когда я раньше не понимал, видя только вывески и роскошь (подъездов):

— Банк принимает *вклады* и выдает *ссуды*. Сочетание ссуды и вклады и составляет банк. Причем он принимает вклады (*к себе деньги*) по меньшему % (пусть 5%), а выдает (*от себя деньги*) по большему % (пусть 8%. «Учетный банк» в СПб.). Разница между «больше» и «меньше» составляет его барыш.

Так просто. Гениально. Я все сразу понял. «Эврика».

Я до сих пор обходил только извозчиков: заметив, что они всегда запрашивают на «5 к.» или на «10 к.» больше, чем скажешь («предложишь»), я сообразил и стал выговаривать на «5 к.» или «10 к.» меньше, чем норма. Напр., от Коломенской до Эртелева 25 к. (норма): но когда скажешь «25», он ни за что не поедет за 25, а только за «30». Не желая платить лишнее, я и стал «братъ извозчика».

— В Эртелев 20.

— 25 к., сударь.

И я вваливаюсь в пролетку, довольный, что не переплатил. «Я учился в Университете и теперь по психологии перехитрил русского человека». (К моей чести — всегда почти придаю *bona volens* * 2 или 3 к. сверх запрошенного.)

Так-то. Так вот почему евреи, дававшие «в рост деньги» уже в Экбатанах, в Мидии («история Товии, сына Товитова»), обрабатывают в Европе всех. Зачем домовладельцу, богачу, имеющему в СПб. два пятиэтажных каменных дома, адвокату, т. е. интеллигенту, по всему этому быть ростовщиком. Но «любит», говор «предков» в крови, и он стал ростовщиком.

* * *

17.IX.1915

...да конечно —

Собаке дворника, чтоб ласкова была.

Я всем брошу кусочек, чтобы «пропустили» (не задержали) мою бесполезную душу...

Куда она идет, моя душа?

В бесконечность...

К Богу...

* по доброй воле (*лат.*).

Я всегда был похож на эту девчонку, убегающую от Бабы Яги (мир; читал в детстве), которая «подмазала ворота», чтобы не захлопнулись, бросила кусок мяса кошке, чтобы не искусала...

И бежит, бежит...

Так я бегу, бегу...

С радостным чувством.

* * *

17.IX.1915

Я несбыточный.

(смотрю на танцы Нади)

Удивительная чистота у детей. Всех. Таня, Вера, Надя — это что-то удивительное. Это лето тягостные истории. Скорбь, мука, боль, унижение, много унижения. Я ничего не понимал и мысленно «разделялся со всеми», отделялся от всех, уходил от всех. Пока эти слезы и как-то «завыла» Таня, и на другой день — сияние, не открыли мне:

— Да они ничего не понимают. Не только в поступках моих (три симпатии), но и в своих словах. И слова надо им простить, опустить, забыть, ибо поистине «не ведают бо, что говорят».

Это в них мамино. Она так же чиста.

В них также отсутствие хитрости, соображения, «своей выгоды» и «расчета», — также отсутствие «двойной души», они до того «все — прямо», как я не только ни у кого не видел, но и нельзя было предположить. И мое слово, совершенно точное и объективное:

— Мои дети — чистейшие из всех детей.

Ведь я видал (учитель) всех возрастов, 11-ти, 13-ти, 14-ти. Наде уже 14: умна, бездну прочла. И точно сейчас ее обрызгал утренний дождь, и она в первый раз увидела солнце.

У них нет совсем *запыленности* землею.

И Таня. И Вера. Все «матушка» (Мария), «как у матушки». И выпросила у меня дорогой бумажник, чтобы «хранить письма Матушки».

* * *

17.IX.1915

...с гимназических лет, как что-то заученное (но это *не заучено*), мы повторяем: «Пушкин, Лермонтов, Гоголь»... Гоголь — третьим. Лермонтов сейчас за Пушкиным, Лермонтов — второй поэт, вторая сила...

Лет 6 назад я раскрыл было «Гер. н. времени», «Дневник Мери» и не мог просмотреть более 2-х страниц: до того пахло ходульностью, риторикой и пустяками. И из «Гер. н. вр.» поистине остается одно великолепное заглавие. Но *там* же его «Фаталист», «Бела», «Максим Максимыч» — чудесны. А стихи и *все* до сих пор чудесны и, значит, *вечны*...

«Пала звезда с неба, недогорев, недолетев». Метеор. Из космической материи, вовсе не земной,— но упал на землю, завалился в канаву, где-нибудь в Сибири: и ученые подходя — исследуют, не понимают и только в «Музее мертвых вещей» наклеили этикетку: «Метеоричное тело Весом 7 пуд. 10 ф. 34 золотника. Состав: железо, углерод, фосфор» etc.

Бедные ученые

Бедные мы.

Я всегда думал: доживи он *хоть этот год* до конца, 1832, кажется. А если бы этот год *и еще один следующий* (один год!! только 12 месяцев!!! — Боже, отчего же Ты не дотянул??? отчего языческие парки перерезали нить?) — он бы уже поднялся как Пушкин, до высоты его — и сделал бы невозможным «Гоголя в русской литературе», предугадав его, погасив его à priori.

То, что *мы все чувствуем* и в чем заключается самая *суть*, — это что Лермонтов был сильнее Пушкина и, так сказать, «урожденнее — выше». Более что-то аристократическое, более что-то возвышенное, более божественное. В пеленках «архиерей», с пеленок «уже помазанный». Чудный дар. Чудное явление. Пушкин был немножко *terre-à-terre* *, слишком уж «русский», без иностранного. Это мило нашему сердцу, и мы гордимся и радуемся: но в глубине-то вещей, «когда русский *без иностранного*» — и по сему качеству излишнего русизма он даже немножко не русский. Итак, *terre-à-terre* и мундир камер-юнкера, надетый на него какою-то насмешкой, выразит втайне очень глубоко и верно его *terre-à-terr'*ность. В Лермонтове это прямо невозможность. Он слишком «бог», — и ни к Аполлону, ни к Аиду чин камер-юнкера неприложим...

Но все умерло. Разбилось. «Метеор так мал. Всего 7 п. 10 ф. 24 золотника».

Материя Лермонтова была высшая, не наша, не земная. *Зачатие* его было какое-то другое, «не земное», и, пища Тамару и Демона, он точно написал нам «грех своей матери». Вот в чем дело и суть.

Поразительно...

Чего мы лишились?

Не понимаем. Рыдаем. И рвем волосы...

— Горе. Горе. Горе.

Ну, а если «выключить Гоголя» (Лермонтов бы его выключил) — вся история России совершилась бы иначе, конституция бы удалась, на Герцена бы никто не обратил внимания, Катков был бы не нужен. И в пророческом сне я скажу, что мы потеряли «спасение России». Потеряли. И до сих пор не находим его. И найдем ли — неведомо.

* * *

17.IX.1915

— Ну, господа: берите Вас. Вас-ча *как он есть*. Что за удовольствие, если вы станете рассматривать по «†» Алкивиада или Сен-Бева или

* приземленный (фр.).

Фому Фомича Опискина под названием: В. В. Розанов. Ведь вы при этом будете рассматривать *его*, а не меня. А я хочу «меня», бессмертия.

Очень нужно. «Бессмертие с Сен-Бевом». Т. е. имя-то «Розанов», а *душа* и *суть* С.-Бев. Я хочу бессмертия и *вечности* не имени, а душе.

Будет ли?

Будет.

«Если кто не умрет, то вот Розанов. И дети его. И мамочка».

* * *

17.IX.1915

В сущности все мое революционерство в литературе было пусто-мельством. Я и *тогда* революции (1905-6 гг.) не совсем сочувствовал: неопытность, зрелище кой-чего красивого (Элла и Шарлота) и «айда с гимназистами». Что делать, молодежь люблю, со стариками противно. Но и *тогда* (1905-6 гг.) в сущности ничему глубокому во мне не отвечала революция. Что же такое, что «Шингарев симпатичен»? Что из этого *следовало*? Ничего не следовало. Ведь они все, и Шингарев (и Элла и Шарлота) умирают как скоты и в сущности и живут как скоты. Я полюбил («прилепился») в них это простое, элементарное, как дети-египтяне в своих коровах, воображая, что это «Бог весть что». Но «корова» в 1950 до Р.Х., как и в 1905 г. после Р.Х., есть просто корова, а не «бог». Я же поверил в ней «бога». Конечно — совокупляется и родит телят, и это в ней отлично. Но тогда ведь и я «тоже»: не почитать же мне за это себя самого за «бога». Таких «богов» очень много, весь свет. Египтяне так и нарисовали себя «пантеисты»: и вот я как «пантеист» влюблен в Шарлоту, Эллу и Шингарева. Был просто д-к.

Господь с ними. И статьи мои в «Рус. сл.» мне просто противны. Стукачева тоже написала мне: «противны». Так и есть. В «Рус. сл.» я был с полуправдою. В «Нов. Вр.» (полная свобода или «не приняли») с правдою. В «Нов. Вр.» я *ни для кого не притворялся*, в «Рус. сл.» иногда притворялся, — и именно когда распускал свой противный либерализм. «Благову понравится». Черт бы его драл.

* * *

20.IX.1915

...очень возможно. В «чем-то», в таинственной субъективности, в таинственной теплоте, в манере, в «подходце» Достоевский выразил *суть русской души*. Не просто «суть», а «суть сугей». Что-то голодное. Что-то холодное. Ангельское. Жуликоватое. «Голкуют конечно *Апокалипсиса*» и по мелочам воруют. Тут и сквернотца.

Это жметя русский люд к Светопреставлению.

— Будет аль не будет? «Воскреснет» наш-то Христос, аль «не воскреснет». Говорят — жупелы будут, огонь с неба посыплется.

Ну и прочее в таком роде и стиле.

Хорошо (пожалуй, скверно). Так я «во всей свободе» настолько раскрылся, настолько выражаю *суть русской души* и с тем вместе выра-

жаю суть *того, что о русских говорил Достоевский*. Это очень возможно: но не становиться же мне немцем ради того, чтобы не походить на героев Д-го. Ведь все русские писатели (этого нельзя скрыть) — немножко немцы или экипированы по-немецки. Но как только «все снимешь» (я, «Уед.», «Оп. л.») — станешь непременно «как из Достоевского», т. е. просто «русским».

Тут мне ни порицания, ни укора, ничего. Я «просто русский» (величайшая честь) и «следовательно, из Достоевского».

Гений Д-го фантастичен, капризен и случаен в сюжетах, героях, в темах. *Не в них вовсе дело*. Достоевский мог бы быть и нигилистом, отрицателем (и тогда бы он придал революции чудовищную силу, непобедимость). Вообще он мог бы быть совершенно иных убеждений и остался бы все же *Достоевским*, сохрани эту теплоту, интимность и манеру. Суть именно в ней и даже не столько в манере, сколько в *теплоте и интимности*. Мордвинова (курсистка, переписка со мною) гениально воскликнула: «Он — мой» и ничего не прибавила. Я чувствовал это еще интимнее: «Он — я». В VI кл., когда, взяв книгу на Рождество, я начал читать «Преступл. и наказание» и читал всю ночь до 8-ми часов утра, когда кухарка Александра внесла в мою комнату дрова топить печь (Рождество, морозы) — я чувствовал, *как бы пишу это я сам*, до такой степени «Достоевский писал мою душу». Но тайна заключается в том, что он писал *вообще русскую душу*, и русский, оставаясь «собою», не может остаться «вне Достоевского». Несомненно Родиона (Раск.), Разумихина, Дуни, мамыши (ее), подлеца Лужина, Свидригайлова, Петра Петровича (судебн. след.), пьяненького Мармеладова и его Екатерины Ивановны, Сони — этих всех лиц, казалось бы да и действительно фантастических — никогда не было, нет и не будет у немцев, англичан, французов, итальянцев, голландцев, испанцев.

«Это наш табор. Это русские перед Светопреставлением». Дрожат. Корежатся. Ругаются. Молятся. Сквернословят.

«Это — наши».

Д-го я лет 20 ничего не читал. Знаю. И главное — знаю его *метод*. Этот метод — субъективность и теплота, но «с походочкой». Как русский станет «таким», т. е. «собою», — он будет «из Достоевского».

Это тайна, могущество и гений Достоевского. Величайшая его честь, единственная в русской литературе. И м.б., в словах, сейчас говоримых, я впервые раскрываю, в чем же «суть» Д-го, где его «главное». Его «главное» — все мы. Русский человек. Русская душа.

Ведь, в сущности, все, и Тургенев, и Гончаров, даже Пушкин — писали «немецкого человека» или «вообще человека», а *русского* («с походочкой» и мерзавца, но и ангела) — написал впервые Достоевский.

Ведь я чувствую, что вся литература русская притворяется, а поцарапай ее — она в сущности «Розанов». И писали бы то же, что я, только не смеют.

Не смеют не притворяться. Не решаются не притворяться. Это страшно, но так.

Но притворство пройдет. И все станут «Розанов», «из Достоевского».

Вот и все.

(читаю «Бобок», Лукиана, из «Бирж. Вед.»)

И ты, Лукиашка, ломаешься, а в сущности «три месяца уже разпожился» и только «бобок». Вот ты и написал статью, где просто бормочешь: «бобок». «А что такое бобок — никто не понимает» (Дост.).

Холодно, странничек, холодно.
Голодно, странничек, голодно.

Эти 2 строки Нескрасова, пожалуй, стоят всего Достоевского и изрекли в 2-х строках то, что он изложил в 14 томах.

* * *

26.IX.1915

Только у человека *одного* орган обоняния — входящим треугольником... Что придает ему такой красивый, «гордый» вид.

Но не говорит ли это о функции, самой смирительной и уничижительной на свете?

Гордый, характерный. «Нос римлянина», «нос итальянца». Француза, испанца. Только у русских нос — «само смирение». Не «нос», а «нюхалка», полная комизма.

Ну, а если бы нос коровы, овцы, теленка, быка? Право, на мужчину бы и не взглянула бы ни одна женщина, сказав:

— Фи. Противный.

И не подпустила бы. С «треугольничком» подпускает.

(за Холмсом)

* * *

30.IX.1915

А м.б., это и есть преступление — публиковать «Уед.» и «Оп. л.»?

Очень м. быть.

Запутался мой ум. Не вижу. Не понимаю.

М. быть, литература вообще преступление?

«Нет, отчего же: если есть *талант* написать поэму или повесть».

Сочинить. Выдумать. Талант воображения.

Но ведь это же *забава*? — соглашаюсь — забава таланта?

Да. А вы приняли литературу в самом деле. В этом и заключается преступление.

Ужасно.

Ужасно, что я так серьезен. В этом и преступление. «Надо бы, полегче».

* * *

30.IX.1915

Если даже **основание** и шатается, то чему ты помогаешь, вырвав его вовсе прочь? Здание упадет.

Или если в основание положен рыхлый, рассыпающийся камень? — Залей его цементом, скрепи железом.

Но не думаешь ли ты, взяв на руки здание, — перенести его на новое место, положив на твердый камень. Такие сказки рассказываются только в Шехеразаде, а математика, механика и твоя бедная физиология говорят, что это не «строительство», а пуф.

И таким пуфом в серьезной жизни человека нельзя заниматься. В жизни, данной нам один раз — и которую нельзя бросить на ветер.

Вот основание моего консерватизма. С дней старших классов гимназии, — кроме минут исключения, — мне инстинктивно хотелось **охранять**.

Беречь травку, не вырывать травку.

Охорашивать камешек. А не поливать его кислотой.

∞

Ну, а ты, читатель? Не бойсь, бежишь за социалистишками? Не советую.

* * *

1.X.1915

«Все куплю», — сказало золото.

«Все возьму», — сказал булат.

Так и будет и, значит, *должно быть*. Еврей будет высасывать из людей деньги и складывать их в «золотые кучи», в свои «банки». А мы будем нападать на них, колотить их и отнимать, а частью просто — разорять, их банки и имущество. Напрасно они нам предлагают торг, т. е. то, что они умеют, в чем они талантливы, в чем они всегда останутся с выигрышем. Мы же не дураки и на это не пойдём, — т. е. не пойдём, *если* не дураки. Мы со своей стороны предложим им то, что умеем, — *подраться*. Ибо мы благородные и льщари («рыщари») и вот это умеем. Они не согласятся и попросту, повернув спину, — улизнут. Тогда мы будем колотить их в спину. Сказав: «Господа, турнир — это так же древне и так же почтенно, как ваш банк. Но вы — не деретесь («не умеете»), и тогда вас просто колотят».

* * *

1.X.1915

Радость. Письмо.

«Читаю и перечитываю Ваши книги.

Мучают они мысль; без слов, но сильнее слов укоряют за пустоту и злобность и легкомыслие.

И учат и исцеляют. Главное — исцеляют. Сами боль, а исцеляют.

Когда теперь думаю о том, что будет после смерти — и когда хочу, чтобы было «что-то», думаю об этом «для себя, для близких и для Розанова».

И когда молюсь у всенощной, плохо веря, что молитва услышится, но все-таки молюсь, тоже крещусь и «за Розанова».

И вот пишу. Вы же близкий, хоть и во многом далекий.

Я еще молода и знаю, что ближе почувствую Вас после (Вы и сами об этом говорите). Но именно тому и рада, что узнала Вас, пока еще можно вложить это узнанное в жизнь. Я слабая, «современная» женщина, и многого во мне такого, что Вы очень не любите — но вот Вы учите и исцеляете...

А многие Ваши слова вошли в самое сердце и не забудутся никогда, никогда. Как сказать Вам спасибо, чтоб Вы услышали?! Спасибо!

В.

Искренно-искренно желаю Вам бодрости, покоя, здоровья, всего, чего хотите Вы.

И верьте и знайте, что Вас очень любят.

Очень много я хотела бы сказать Вам, но ведь Вы заняты, у Вас своя жизнь. Храни Вас Бог.

На темно-коричневом листочке,— и в крошечном узком конверте. Сорвав и бросив — увы,— я не посмотрел даже, «городское» или издали.

За всю мою литературную деятельность *такого* письма — по музыке тона, наклону к «помолиться Богу», исправиться, собраться с силами,— я не получал.

И когда я говорил: «хотел бы *унезжить душу*» — я говорил об этом.

Боже: неужели настанет время, когда люди будут не орать, а шептаться, не «писать статьи», а просто — жить... Жить, молчать, иногда заходить к обедне и радоваться тихой внутренней радостью...

Тому, что Солнце встает и садится. И это — КАЖДЫЙ ДЕНЬ.

И ночью появляется чудная луна, совсем с другим светом.

И звонят колокола.

И Христос за нас умер.

Что муж здоров и не изменяет. И детки растут «ничего себе».

И вот прошел день — а «я боли не чувствовала».

И в амбарах есть «не только на сегодня, а и с запасцем».

Не хромаем. Не кашляем. И к вечеру говорим: «Слава Богу».

Все как раз по-русски.

* * *

2.X.1915

У нас по-своему.

Я, вернувшись из редакции (письмо, см. выше, пришло на редакцию), сказал о нем маме. Она была уже в постели и как ко всем женским письмам — отнеслась с недоверием и подозрительно. И сказала: «Там у тебя на столе еще письмо» (т. е. принес почтальон). Читаю,— и глазам не верю. Тоже — единственное. Но нужно сделать предисловие.

Я знаю и всемирно запомнилось это восклицание Рахили к Иакову, которым евреи гордятся 4000 лет:

• «И увидела Рахиль, что она не рождает детей Иакову, и позавидовала Рахиль сестре своей, и сказала Иакову: дай мне детей, а если не так, я умираю.

Иаков разгневался на Рахиль и сказал (ей): разве я Бог, который не дал тебе плода чрева?

Она сказала: вот служанка моя Валла; войди к ней: пусть она родит на колена мои, чтобы и я имела детей от нее.

И дала она Валлу, служанку свою, в жены * ему; и вошел к ней Иаков.

Валла зачала и родила Иакову сына» (Бытие, XXX).

Слова эти славою шумят над Израилем,— и похваляется он, что никакой еще народ не имеет такой энергии к зачатию. Но всегда-то, всегда я думал: дождусь. И вот письмо.

«Пишу Вам, Василий Васильевич, потому что хочу знать, как Вы отнесетесь к этому факту. Ни слова не прибавлено. Все правда.

Моя подруга замужем за хорошим тихим человеком, чиновником, живет у своих двух теток, в Сибири. Муж — в частых служебных отлучках. Долго не было детей (оба здоровые, молодые, ей 28 лет, ему 29).

Вот что она мне рассказала:

«Долго тетки просили: рожай ты поскорей! И наследства лишить грозились, приставали страшно. Но вот, муж уехал по службе недавно. Живем мы на глухом сибирском «хуторе», до Омска верстах в 60, дороги нет. Утром лежу в постели, читаю. Вдруг входит тетя Даша с тетей Анной, садятся на кровать и начинают: «Обе мы — вдовы, на своем веку изрожали детей довольно, все в люди вышли, живем мы теперь с тобой втроем, радости не видим. Баба ты здоровенная, высокая, статная, а хочешь неродихой помереть. Не допустим мы этого. Добром не хотела — поучим, благо, кричи не кричи,— никто не услышит.— Я думала — шутят. Смеюсь. Тут тетя Анна вдруг из-под блузы вынимает длинный пук прутьев (штуки четыре тонких длинных прутьев, связаны). Я хотела было вско-чить, не тут-то было... Повалили на живот, я — кричать... Они позвали солдатку, бабу лет 30, сильную как вол.

Повалили на живот, руки и ноги привязали к перилам кровати, рубаху на плечи и... отстегали. Стегала тетя Анна, а тетя Даша в кресле сидела, считала.

Дали (мне потом они сказали) — 50 розог. Я кричала, что покончу с собой, а они хлестали вовсю и приговаривали: вот тебе, неродиха!

После розог говорили: жалованье у мужа маленькое, куда он тебя повезет устраивать? Да и наследства лишим. Да и расскажем всем, что тебя как маленькую по заду выстегали. А ты лучше потише! Полежи, поплачь, подожди, чтобы там зажило, а муж приедет,— ты все эти каучуки да трубки брось — и заберемене-ней. Нам внучка принеси. А не хочешь — через месяц белье осмотрим — коли опять не беременна — не прогневайся, не так-то еще высечем, всю шкуру спустим. Такие окорока всю сотню выдержат».

И... она забеременела через 5—6 недель.

ВСЕ до слова верно. Ходят тетушки радостные, в церковь сделали пожерт-вованье... А подруга моя рада-радешенька, что не выпороли еще раз. И еще интеллигентная, в гимназии была. Только у нас в России еще это возможно. Мужу она не сказала, что высекли. Так и скушала березовую кашу.

Мария Л.

* Значит «жена» называется и заместительница жены на время, на неделю, даже на одну ночь. Что же писал Дернов «о незаконных сожителствах» и что бормочет закон о «внебрачных» или еще о «незаконнорожденных детях», — коих на самом деле в природе не существует.

Ни одной газеты, кроме местной, у них в доме не бывает, никто ничего не читает. Напишите, только признаков не ставьте, что в О... А принципиально как? Тетки — старообрядки».

Конечно — больно. Минута боли. А вековая слава. Ну-ка жиды? Не поднимай носа над русскими!

Я много раз замечал — острым глазком «со стороны», — что при всех «нравах» русские бабы имеют нечто классическое в себе и не дадут шагу перед собою ни гречанкам, ни римлянкам, ни еврейкам. «Брюхо есть брюхо, и ты это понимай». А «понимание» состоит в том, что не без причины же и не без воли и Предвидения-Провидения Вседержитель дал груди женщине, живот и все чудное устройство в нем для деторождения и детопитания. И окружил все это инстинктами, как бы духовной атмосферой около «видимой земли»: инстинкт — «мой», да и не только — а вот, например, даже «теток» старых. Все — одно к одному, березка к березке, и выходит целый «лес» связанностей. Чудно и великолепно. «Ты — не хочешь. Тогда мы — хотим». Нудим. Толкаем. Даем в церковь пожертвованье, маним — «оставим наследство». Есть тайная радость чресл (как я давно писал) у *всего круга родства* — к беременности каждой в роде. Ведь ожидают, разевают рот как птенчики в МИРОВОМ ГНЕЗДЕ (мир есть гнездо), с этим: дай! дай! дай! — роди! беременей, зачинай! — На радостях я даже примирюсь с Гербертом Спенсером и назову его терминологией — «вторичным инстинктом деторождения», как бы второю наружною атмосферою страсти, которая в *целом родстве* окружает первичную страсть самой женщины — зачать. Отчего «ходят тетки радостные»? — Старая сухая палка, «Ааронов шест» — пророс и «дал три миндальные цветка». У теток, при беременности племянницы, что-то ожило внутри, и они почувствовали прилив крови туда, куда у них уже давно не приливали кровь. А как кровь «туда» приливает — всегда радость, ноги скорее ходят, руки бодрее делают, солнце и день кажутся краше. «Фу, какая нынче зорька», — говорит старуха, выйдя ранним утром на крыльцо. Старые молодеют — как же не радость. Как же не сделать «пожертвованье в церковь»? Племянница беременна — и обе старухи (должно быть, только «пожилые», лет в 55) точно полубеременны. «Солнышко и в нас капнуло», — отдаленно, глухо, но капнуло. И чувствую я, сверх прочего и уединенно от племянницы, дали они «Катеринушку» зятю, «тихому скромному чиновнику», — на «покататься» или «сшить новую шубку»: — «Да хоть брось на ветер, на свое удовольствие». Все одно к одному. Весь дом рад, все должны радоваться. И ведь чье ухо не услышит чего-то «в своем духе нахожусь» — сообщение бывшей гимназистки «своей подруге» о таком казусе и этой подруги — мне. И вот я радуюсь. И уже мы «три» — тоже лес, лесенок.

И шумит наш русский лес. Не хуже библейского, не меньше библейского.

— Силушки! силушки, Русь. Все остальное «приложится».

ло *— так все виделся ребеночек в чепчике, кругленькая, маленькая головка его. Бывало, ночью, после обычного, неудачного совокупления **, сяду на постель, потом встану тихонько, муж повернется на другой бок и заснет, а я выйду в другую комнату, одену теплый капот, сяду на пол (удобнее) и тупо гляжу вперед в комнату, и думаю, думаю, а потом вдруг мелькнет головка в чепчике, и я сделаю руки, словно держу маленького, покачиваюсь и смотрю на локоть, где бы голова лежала, а потом реву, реву. Ах, каждая бы жена по 12 рожала, если бы любовался муж беременным животом *** жены,— а как сладко под ласками растить этот живот было бы».

.....
.....

Ну, подними и ты, ива, свои веночки тусклые... Не на одном человеке «мир клином сошелся». Взглянет и на тебя солнышко и высушит гнилую топь около корней твоих...

♦ Шуми, шуми, православный лес...

* * *

7.X.1915

Бурнакин рассказывал:

— И в то время, как я сжимал груди его милой, такой нежной жены, сидевшей у меня на коленях, она не сводила влюбленных глаз с мужа. А муж тут же скакал козлом перед нами.

Я припоминаю и рассказ Вячеслава Иванова. Мы ходили в полутемной комнате. И он говорил:

— Есть. Есть. Есть. Муж — да что вы думаете — любит свою жену, да еще ревнивый, устраивал: жена его и ее amante привязывали его «к ногам» их семейной кровати: и он рвался, метался и наслаждался, видя их блаженство...

• Все выходит к Геродоту и его царю Кандавлу. Царь Кандавл показал своему другу жену свою, из-за занавеса или как,— когда она нагая сходила в купальню.

И еще я помню рассказ, лет 10 назад, о каком-то немецком принце: среди офицеров он встал и отворил дверь в спальню, где — м. б. раскидавшись — почивала его супруга. Молодой поручик, влюбленный в принцессу, обнажил шашку, стал в дверях лицом к компании и сказал:

* Какая глубина,— какая тайна вскрывается; будущий ребенок чувствуется как *недостающая часть* теперешнего тела, еще не зачатого, но могущего зачать, способного зачать, даровитого зачать... Так вот в чем дело,— мудрецы богословия и философии. В. Р.

** «Неудача» заключалась в том, что муж, опасаясь недостачи профессорского жалования, «забастовал» после первого ребенка и совокупления совершал по способу библейского Онана (вот предвидение Библии!!!),— т. е. «оканчивая» все наружу, *вне* тела женщины. Причем она, кроме семейных грез, была вся и каждый отдельный раз измучена. Хочется и нужно обратиться к духовенству: что же, отцы, и это не есть «прелюбодеяние» мужа, по вине коего «можно разводиться»? Ах, отцы: в чем вы грешны, как много грешны. И все — молчите, отмалчиваетесь... В. Р.

*** Я ей писал, что всегда люблюсь беременным животом,— и письмо написано мне в ответ. В. Р.

— Кто взглянет — падет мертв.

Вот вещь, которая и объясняет бездну этнографических явлений. Прежде всего, влюбленный поручик был мужчина *comme il faut*, тогда как принц 1/2 — содомит. И царь Кандавл... и тот приятель Бурнакина, и «сюжет» Вячеслава Иванова. *Tout sont mauvais sujet, pas comme il faut* *. Хорошо. Но разве это не хлыстовщина, — и не понятна после этого семейная проституция древности?

Боже: да в «древних нравах» мы читаем, что «начинал жену» всегда ближайший друг жениха-мужа, — где-то на Корсике. А у Загурского (харьковский профессор) в книге «О разводе» (середина) я прочел в примечании:

Только на Тридентском соборе (XV век) было строжайше запрещено католическим священникам использовать *jus primas noctis* **. Но когда «проходила эта статья», один ксендз встал и резко опротестовал: «кому какое дело»? Явно, у него была основательная мысль, что если это не вызывает протестов жениха, невесты и родителей — то к чему тут вмешательство Собора?

* * *

8.X.1915

- Что это «на том свете» все «за языки повешены»?

Я думаю, не за одни разговоры.

(лежу больной, выздоравливаю)

* * *

А и сластены же эти христиане.

Греки и римляне пили чай с сахаром. А христиане — с вареньем.

* * *

И матушки, и диаконицы, и помещицы-дворянки — такие, что «ни пером описать, ни в сказке сказать» — заготавливают мужьям на зиму варенья. И вишневого, и малинового, и смородинного. А есть, что из розовых лепестков.

И оттого, что у христиан — с вареньем — христианская цивилизация и вышла такая душистая, такая спиритуалистическая. И Данте, и Шиллер, и Гете. Готика и легенда о Грале.

Его никто не видел и все жаждут, и о нем спасаются люди.

* * *

...таким образом и выходит, что острейшие, самые острые наслаждения и оказываются независимыми от возраста, годов, молодости. И для них старости не настает. Явление без старости? Живое, но без старости? Удивительно. И — в центре жизни.

* Все плохие сюжеты, вовсе не приличные (*фр.*).

** право на первую ночь (*лат.*).

Я назвал «острое» — уступая всемирной терминологии. «Но «острое» — напоминает нож, иголку; т. е. *угол* и *твердое*. Тогда как *о чём* речь — расплывается, не имеет краев, неведомо где и когда началось и кончится. Вечно «продолжается» и везде «есть». Есть в мысли, в воспоминании, в ожидании; середина его — в прикосновениях. К чему? — Не спрашивай. Ко всему.

Подобно тому как в алгебре буква *a* обозначает в сущности всякое число, а в самой арифметике, напр., число *2* обозначает и пуды, и часы и версты,— так и это неопределенное море «расплывчатости» общее и универсальнее собственно «акта», и вот откуда удивленное восклицание Шперка: «Эта расплывчатость (он назвал «гоголевскую» — предполагаемо — аномалию) доставляет сильнейшее наслаждение, нежели самый акт».

Действительно, вовсе не расплывчатость есть часть акта (подступ, приуготовление к нему,— хотя это всегда *бывает*),— напротив, акт есть часть расплывчатости как одно из тысячи видов прикасания, дотрагивания.

Чудо. Если же, однако, взять старость: то, во-первых, я случайно (и неожиданно) узнал, что «привычки старости» суть закон, распространенный на всю абсолютно нормальную, абсолютно здоровую, молодость («кадетики», студенты),— но с одним выделением, которое еще больше меня удивило: — «Нет, никогда простолюдины, а только *образованные*». Тогда я стал наблюдать, *кто* же из образованных? Кто отзовется взглядом, покраснением, вниманием, когда в словах проведешь туманную параллель, далекую аналогию. Ну... «как» бабочка, развернув хоботок, пьет сладкий нектар в цветках». Паскаль вздрогнет, Герберт Спенсер прибавит: «бабочки и *еще жуки*».

Наблюдение мне открыло, что «действительно участвуют в Элевзинях *не все, а лишь посвященные*», и именно посвященные с рождения. Потом, перепроверив, я узнал, что такие «с рождения» попадают и из простонародья (есть одна пьяная брань, несомненно из простонародья вышедшая, попадающая сюда «прямо в точку»), и вот отличие: все с талантом, с отличием, особенные, выдавшиеся вперед, и именно — изяществом и грацией; не «растрепки» и «слюнтяи». Но договору об образованных: случай дал мне узнать, что врожденным предрасположением сюда пользовались два человека, из коих у одного была улыбка — «как осветило все лицо», и у другого — с серебристым чистым смехом, как я ни у кого за всю жизнь не встречал. И еще третий *определенный* случай я прочитал в медицинской книге. Прочитал (лет 20 назад) и вздрогнул. Тупой медик докладывает «по протоколу» (случай был уголовный), не догадываясь, к какой страшной тайне он прикоснулся. Но и у него в протокол впало словечко: «с ангельским сложением рта». О *такой* невинности, о которой свидетельствовали запротоколенные годы.

Теперь я в обществе, где угодно, узнаю «отмеченных» прямо по тембру голоса и глубокой, особенной чистоте и невинности лица. «Что-то выдающееся». «Не как все». Китайцы это выразили удивлением поговоркой: «Если у женщины лицо как у ангела — знайте, что это дьявол». Тут испуг и удивление вместе. И глупость: их Кхун-Дзы (Конфуций) научил их тысяче всяческих церемоний и поклонов, не сообщив (и не догадавшись) об одном внутреннем «поклоне».

Греки были мудрые, и они скрыли все в Элевзиниях. «Этого нельзя профанам рассказывать. Они засмеются и не поймут». Действительно нельзя. Евреи сказали это прямо: обрезанием. Отсюда есть странное до дикости изречение о них у греков:

Одни лишь Халдеи постигли премудрость, а также Евреи,
Что́ Бога царя самобытного чтили...

(изречение оракула, приведенное в 11-й главе «Увещания к Эллинам» Юстина-философа)

* * *

13.X.1915

Ладонь все еще держит лодочкой,— разжимает пустую и говорит: — Папочка, я тебе несла-несла ягодку. И потеряла.

(4-х лет Вера. Возле Риги)

Потеряла; продираясь через кусты черники.

Это были самые заботливые ее годы. Таня была резва и подбегает к собаке в конуре. Вера:

— Таня! Тебе говорю — отойди. Укусит.

А Таня, дразня, все так и подбегает к конуре,— правда, огибая широким кругом (осторожность).

Таня была всегда резва. И тоже к морю — вот-вот бросится в волны. Вера:

— Тебе говорят — отойди.

∞

Раз я проснулся часа в 4 утра. Чтобы закурить. Но уже — рассвело. И слышу — мурлыканье.

Это в кроватке Вера сидит и поет:

Моит...

Моит...

Моит...

— Ты что, Верочка, поешь?

Она посмотрела на меня молча. И опять покачивая вперед и назад, спела всю песенку:

Если девочка умна,
Любит куколку она.
Моет, чешет, платье шьет
И гулять с собой возьмет.

Тогда и мама была еще как «куколка». Дописываю я к Рождеству передовую, она входит и вся в радости говорит:

— Кончила. А так устала, но все кончила.

У нее была в руках великолепная большая кукла. «Тело» она купила дешево (фарфоровый бюст и в полотне вата — туловище и ноги), а сама сделала — платье. И вот «платьем»-то она и гордилась.

И я залюбовался. Платье было великолепно. Шелковое под кружевами. И все стоит — ничего. Только труд. «Груд»-то она и показывала.

Я безмолвно любовался.

— Посмотри,— сказала она и вывернула рукава.

Под ними были кожаные подмышки. Это если «куколка» вспотеет при танцах.

Я рассмеялся.

— Да ты, мама, сама куколка: как же куколка будет *потеть*??!?

Она не вняла моим словам и твердила:

— Завтра — Рождество. И платье должно быть *вполне*...

Так мы с мамой встретили тогда Рождество. Детишки уже заснули. Это было на Павловской. Мы были там очень бедны, но счастливы.

* * *

13.X.1915

• И рыбка всякая есть.

И зверек всякий — в лесу.

Не понимаю, зачем им понадобилась конституция?

(за ухой, болен)

• Конституция нужна стрюцким (термин у Дост.: «пустые люди, сбегающиеся на всякий шум»).

Нам она вовсе не нужна.

Разве пойдет «на выборы» Сытин? Морозов? Старик Суворин?

Те, которые суть «голова Руси».

Сотворили, избрали, создали «сам себе дело».

Тоже — Розанов. Но Оль д'Ор, «известный писатель», конечно, «побежит на выборы? И конституция есть просто «дело Оль д'Ора», «affaire d'Ol-d'Or».

— Конституция Оль д'Ора и Витте, в которой предложено принять участие Сытину, Морозову, Суворину и Розанову?

Вопрос, в котором уже содержится ответ.

●13.X.1915

Русские переленятся и жидков, и немцев.

У русских есть одно рас-пре-кра-сное качество:

ЛЕНЬ

—о которое они и крылышки, и ручки, и ножки обломают.

Вы смеетесь. Подождите:

— Не замечали ли вы, что все прекрасное на земле — лениво? Разве кремлевские стогны не лениво тянутся по буеракам, по склонам?

Разве не был с несомненной «ленцою» наш Пушкин?

А великолепный, несравненный, исключительный Крылов? Да он весь — лень.

Христос заповедал нам лениться: неоспоримо! «Не пецытеса, убо на утре, утренний бо собою печетса. Довлеет дневи злоба его». Как же это понять?

И «даждь нам *днесь* хлеб наш насущный». Не далее.

Статистика — к черту.

Экономика — к дьяволу.

Это «западные» науки; «от века» (от начала) — гнусные.

Суть-то Востока, великолепная его суть, «отрицание злокозненного Запада» — и заключена в лени. Мы не узнали себя. Она — мы, а мы — она.

И халатик. И душегрейка. И туфельки. Все готово. Поди в лавку и купишь за полтинник. «Полный гардероб».

Тут в субботу придет из баньки. «Наше изобретение». Еще в истории Андрея Первозванного рассказывается.

И вот прибежали жидки и бегают. А мы поворачиваем им один бок:

— ЛЕНЬ.

Они пхают нас ногой. Тут пришли тевтоны стеною: «вставай». А мы поворачиваемся на левую сторону и показываем правый бок:

ЛЕНЬ.

— Что же это за скотина,— кричат,— у него с обеих сторон ЛЕНЬ. Тогда мы поворачиваемся на брюхо и показываем им:

НЕВЫРАЗИМОЕ.

Они плюнули и пошли дальше. Делать прогресс. Мы глазком следим, куда враг ушел. И когда он совсем «ушел», тут-то мужичок наш встанет, перекрестится, почешется. И слыша, что «в ухе звенит»,— скажет: «Звон. Бог зовет». И одев лапотки, пойдет ковылять — «куда его Бог зовет» и «где звон звонит».

И пойдет в неведомое. И увидит невиданное. И сотворит чудесное. И потому-то все его дела и судьба зовется:

СВЯТАЯ РУСЬ.

* * *

16.X.1915

...да это очень хорошо, что «вьельфильки» всем нравятся. Что же бы они стали делать (т. е. где утешение?), если б «на них не призрел Господь»?

Ах, господа, господа: глупы вы. И строжайшие между вами и возвышеннейшие между вами — глупы, жестки и ограничены. Вы все думаете «мораль», а я говорю «человек». И что человек дороже морали и священнее всех заповедей. Ну — его и любите. И значит — вьельфилек. Не церемоньтесь. Не морщитесь. «Над всеми Господь». И Ему, Благому и Вечному — вьельфилька так же дорога как юница.

Господи: как Ты хорошо устроил, что все хотят и всего хотят.

(за каталогом)

* * *

16.X.1915

Окаянные меня и преследуют. И никто — кроме *окаянных*. А благословенные — благословят. Очень просто. И мне только тепло.

Ведь я просто сказал («Короб 2-й»): люблю Царя, Церковь, Россию.

Хорошо. Ну там есть и «плохие экивоки», на все точки зрения. Так ведь не в них дело. Именно в этом томе господствующий тон:

РОССИЯ. ВЕРА. ЦАРЬ.

Это — так явно. Выпукло. И все:

— Проклят. Проклят. Проклят.

Как никогда еще. Ни после «Уед:», ни после короба 1-го.

Я и соображаю: да их взбесило, как я, образованный человек, могу любить «обреченное», т. е. обреченное *ими*. Этими «высочествами» от Оль д'Ора до Максима.

Но ведь это же есть старая история Святополка Окаянного, который «на реке такой-то» послал двух рабов убить Б. и Г. «И пронзили их, когда они спали в шатре».

Так ли?

О если бы...

Но очевидно: я стою ТОЛЬКО ЗА РУСЬ.

* * *

17.X.1915

Расцветали розы.

И увяли розы.

Что же ты плачешь, смертный человек?

Скажи «здравствуй» одним

И «прощай» другим.

(весь в слезах; умываюсь). («Здравствуй» всем бы говорил; а «прощай» в горло не лезет). (в этот смутный год и думая о себе и своих)

* * *

20.X.1915

Дана нам красота невиданная.

И богатство неслыханное.

Это — РОССИЯ.

Но глупые дети все растратили. Это РУССКИЕ.

20/x/1915

Дана нам
красота невиданная,
и богатство неслыханное.
Это — Россия.

Но глупые дети все
растратили. Это
Русские

* * *

20.X.1915

...да, но ведь Христос пришел ПОТОМ и победил... Не будем иметь в виду истину и вообще спор, а только ПОТОМ, ОМЕГУ...

Так и иудеи.

И РАСПЯЛИ ХРИСТА.

И они нас распнут и уже распинают.

Но все-таки БУДУТ-ТО ПОБЕЖДЕНЫ — ОНИ. Вот в чем дело. Настанет то, что придет великая ОМЕГА и покроет все.

Везде банки, биржа. Заключаются коммерческие сделки. Гудят автомобили. Несутся кареты, Театры. Кинематографы. Кокотки и газеты.

Это жидовство. Развилось поверх христианства.

Христианство совсем в уголке, не видно.

Но вот Шпалерная. И на ней — тогда уже совсем древняя «Церковь всех скорбящих».

Далекая улица. Пустынная. Никто на ней не ходит.

И как сегодня — служат Всенощную. 8—20 человек слушают. Но торжество и голоса хоров «как в том XX веке». А будет-то это в XXIV веке.

И войдет в нее гимназистик-еврей. Тогда уже русских не будут пускать в гимназии, «п. ч. они отстают и не успевают» (северная нация).

Войдет. И поразит его красота, и смысл, и служба предпраздника. И придет он домой. И покажется ему тапан-полукокотка такой скучной и расфранченные сестрицы такими неинтересными и их женихи решительно противными.

Сядет за чай с серебряными сервизами. И в душе своей скажет: «Что это?» — «Зачем? Кому?»

И потянет его опять к Скорбящей. К тем старухам. К тем старикам.

И познакомится. Попьет чайку из глиняной посуды с сочником.

И тайно придет к священнику и скажет: «окрести».

И выйдет в литературу. Станет писателем. И скажет:

— Кто мы? Что мы? Здесь была Русь и именовалась «Святою»: а мы пришли, съели ее и установили Ресторан. С музыкой и девицами.

«Но я видел уголок Руси. И помолился ее молитвою и надел ее КРЕСТ».

Его разопнут. Но придут другие, за ним.

И их разопнут.

Но когда крови будет слишком много — испугаются. И спросят: «В самом деле, ЗАЧЕМ ЭТО, и ресторан, и биржа, и банк?»

* * *

20.X.1915

Что же победит,— буря победит покой, или покой победит бурю?

Буре — час.

Покою — вечность.

(хитрый бес подсказал:)

Но буря занимательнее покоя.

(я:)

Зачем о победе? Зачем о борьбе?

Каждый ломится на свое место и в свое время.

Бог мудрее человекoв. И дал миру и бурю и покой.

(ночью в постели)

* * *

20.X.1915

Приходит на ум, что «Мертвые души» и «Ревизор» — лубок.

Лубочная живопись гораздо ярче настоящей. Красного, синего, желтого — напущено реки. Все так яркс бьет в глаза — именно как у Гоголя. «Витязь срезает сразу сто голов». И драконы, и змеи — все ужас.

Именно — как у Гоголя. Все собираются перед картиной. Базар трепещет. Хохочут. Указывают пальцем. Именно — «Гоголь в истории русской литературы».

Сразу всем понятно. Это — лубок. Сразу никакое художество не может стать *всем понятно*: оно слишком полно, содержательно и внутренне для этого.

Ведь Гоголь — он *весь внешний*. Внутреннего — ничего.

Пошлость. Мерзость. В тайной глубине своей Гоголь — именно мерзость.

Подумать, что он «понял и отразил нашу Русь», — нашу Святую и прекрасную (во *всех ее пороках*) Русь, — с ее страданием, с ее многодумием, с ее сложностью — это просто глупо.

Созерцание Гоголя было не глубже, чем Милюкова и Гессена, которые тоже «страдают о несчастиях Руси».

И он родил тысячи и миллионы Милюковых и Гессенов, и — ни одной праведной души.

Ничего праведного, любящего, трогательного, глубокого не пошло от Гоголя. От него именно пошла одна мерзость. Вот это — пошло. И залило собою Русь.

.....

Нигилизм — немислим без Гоголя и до Гоголя.

* * *

20.X.1915

Страшно, если пожар...

И если разграбили — ужас.

Но всего страшнее, где кончилась любовь.

.....
.....
.....
.....

Люди ходят ненужные друг другу.

.....
.....
.....
.....

Ой! Ой! Ой! Ой! Ой! Ой!..

.....
.....
.....
.....

И после пожара обнимутся и начнут строиться.

Ограбленные — опять начнут собирать в кучу.

.....
Только где кончилась любовь — уже ничего не начнут.
.....
Ой! Ой! Ой! Ой!

.....
.....
И будет тепло в новом гнезде.
И в новой куче зажжется искорка.

Но где кончилась любовь — никогда уже не сделается тепло.

.....
.....
И легкий ветер — самый легкий — разнесет похолодевшую золу.

.....
Плачь, бедный человек. Плачь не о доме, не об имуществе, — а если ты разлюбил жену.
И ты, жена, — плачь, если разлюбила мужа.

* * *

27.X.1915

Лемке писал в «Истории цензуры», что когда Наполеон стал «первым консулом», то Фуше, призвав журналистов, сказал: «Правительство будет оценивать вас не по тому, что вы написали, но по тому, чего вы не написали». — «Т. е. принуждение к писанию того-то и того-то», комментирует Лемке. Это ужасно. И Лемке возмущается. Я тоже. Но посмотрите, не такая ли же «принудительная цензура», *malgré moi* *: «Если ты не захочешь пить сперму человеческую, то я заставлю тебя пить собачью».

(пью спермин не Пеля, а русского врача; «патриотическое»)

* вопреки мне (*фр.*).

А тупой Шопенгауэр предполагал, что «в этот грех («s») впадают в старости, дабы гнилое семя старцев не было зачатником гнилого потомства». Но у старцев никакого своего семени нет, а они «для омоложения» (*leges Naturae* *) то-то и то-то с семенем юношей. Ибо обычно этот грех <содомия> *non per anum, sed per orem*. Почему Шопенгауэр всего этого не видел?

* * *

28.X.1915

Сидели соловушко с соловушкой. И пели.

И небо, и звезды, и тучи толпой
Внимали...

Хорошо. Ясно. На *этом* конце земли.

На другом конце шел снег. Холодно. Зябко. Люто. На голем пруте безлистного дерева сидела соловушка. И никто ее не грел, ни справа, ни слева, ни снизу, ни сверху.

Сидела. И жизнь в ней угасала.

И заснул Бог всех трех. И в сон первого внес третьего.

Пробудились два. Который был без сна — спокоен. А которому привиделся сон — испуганно поднялся. И затосковал. И полетел.

И прилетел. И согрел.

Люди сказали:

— Как худо. Он оставил ту.

— Нет вечного в прекрасном.

— Вот начало зла в мире: что и прекраснейшее — тленно.

Бог же сказал: Не хватает лета на всю землю. А морозить я никого не хочу.

* * *

(*весь месяц это думаю*)

31.X.1915

Ничье сердце на Руси не билось так сильно, так непрерывно...

Ничей мозг не подумал о так многом.

Когда я лежал в обмороке, обессиленный последним бессилием, мне стало жаль себя, и я все повторял: «Бедная моя головка! бедная моя головка!»...

Я любил себя, и мне стало себя жалко. У ног стояли дети. Мамочка хлопотала.

Обморок — я чувствовал — расходился из головы. Был так слаб, что не мог сбросить туфли. И было обременительно, когда кто вслух скажет слово.

Вообще — главное мое переутомление слуховое («вечная музыка», которую я *определенно слышу*).

* законы природы (*лат.*).

Если мне будут ставить памятник, хочу такой: лежу на кровати, голова свесилась, у ног дети, и подпись: «Бедная моя головка! Бедная моя головка!»

Кто ее жалел? Кто о ней думал? Пошлое общество. И для этого пошлого общества я растратил всего себя.

* * *

1.XI.1915

Исполин в версту ростом поднял молот в миллион пуд...

В этом молоте было собрано все любящее, восторженное, благоговейное за 700 лет — звон колоколов, малая панихидка, татарское терпение, святые угодники Киевских пещер... слезы, вздохи, покорность веков и миллионов «малых сих»...

И подпустив коровенку с прижатыми от страха ушами, как у подлой собаки — опустил молот. Думал — в голову и убьет, но пришлось по заду. И коровенка присела...

Но выползла и поползла, волоча ноги...

Тут на нее «птенцы гнезда Петрова» — стегают, хлещут, норовят — «в морду». Коровенка отворачивает морду, и бьют по уху или в затылок.

— Ты не мореплавателствуешь...

— Ты не академичествуешь...

— Ты не геройствуешь...

— Наша-то харя: какой она «герой»?!!..

Тут Станкевич с друзьями и на ту пору прибежавший Чаадаев:

— В кабалу ее к папам. Те выучат ее книксен делать.

— Нет, эту дуру — к немцам. Те обучат ее Шеллинговой философии.

Бакунин спорит:

— В коммуны. И чтобы хвост держала кверху. Мы ее научим лягаться, бодаться и лаять.

— Не так, — сказал тощий малоросс. Обернулся упырем — припал к затылку и стал что-то сосать.

— Она у меня иссохнет, — говорили его блуждающие безумные глаза. — Ее снаружи не убьем. Надо высосать жар из нее.

— Холодненькая, бескровная — она издохнет и падет и провоняет...

* * *

2.XI.1915

...из самого МЕСТА обрезания видно, чего захотел их Б. от Авраама и будет вековечно хотеть от Израиля. Что же, неужели не нужно колотить каждого жида, Кугеля особенно, Гессена еще особеннее, составителя статьи ОБРЕЗАНИЕ в словаре Брокгауза и Ефрона, и еще Венгерова, и еще Айхенвальда, и еще Гершензона, «гевалтом» кричащих, что это «крайне разумная мера, предупреждающая в том жарком климате (мне кажется, в *этом месте* человеческого тела климат везде одинаков и равен температуре человеческого тела, 37°) весьма частые и весьма

опасные заболевания». Что же это такое, что за обман всемирный, т. е. всего мира: точно они кидают песок в глаза нам, чтобы мы не видели и не размышляли. «Порождения Ехидны: ответьте, отчего же и ради чего у евреев обрезывается и тот младенец, который *родился мертвым*», — «иначе душа его не увидит Отца Небесного и не будет причастна Вечной жизни?!» Что же тут разумеется, — какой закон? какая психология? И еще: неужели Моисей и жена его Сепфора и все тогдашние евреи меньше жидов-адвокатов-врачей понимали *свое обрезание*, — когда вписано в книгу Исхода: «За хлопотами в дороге (пустыня) Сепфора не обрезала родившегося у нее младенца мужского пола. И вот Господь приблизился и хотел убить родившегося. Тогда испуганная Сепфора схватила острый камень и обрезала крайнюю плоть сыну. Сказав: «Теперь ты жених крови»; и прибавила: «жених крови *по обрезанию*». Что же, *здоровье* ли или *жизнь* важнее: здесь ясно показана логика, что обрезание *не для здоровья*, раз грозился Бог *отнять самую жизнь*, если *нет обрезания*. Бог жаждет обрезанного мальчика, и пусть он лучше умрет, если отказались его обрезать. «Такой Мне не нужен».

Тоска. Тоска небесная, *если не обрезан*. Что же жида мутят наш разум, печать, энциклопедические словари, медицину, скрывая всеми средствами и способностями сию небесную тоску, в которой все дело.

Но *они-то и втайне* это понимают. Но никогда не проговорятся, как за всю историю ни разу не проговорились участники Элевзинских таинств, «в чем было дело». Ибо существо и Элевзинских таинств и обрезания весьма близко. Только обрезание — полнее, монументальнее, небеснее.

* * *

4. XI.1915

И чай с анисовым яблоком — только на Руси.

Немцы до этого не докудахтались, несмотря на все «произведения Гете».

(за чаем с яблоком)

Вообще брюшко у русских хорошо обдуманно. Это целая культура. Плохи книги. Университеты. Но это не важно. Преждевременно еще. Русь до Рюрика тысячелетие дремала (этнография). Потом князья. В те поры началась культура живота («Русь есть веселие пити [ясти] — не можем без того быти»).

Потом все реформа: это мы обогащались кухней.

«Теперь уже не стряпухи, а повара».

Повара французы — французское влияние. Потом эти Mädchen * нам готовили. Тоже вкусно. Армения — плов с курицей. Отлично. Но я предпочитаю русские щи. Гуся с кашей. И вот чай с анисовым яблоком.

* девушка (нем.).

* * *

7.XI.1915

Нет, нет, нет,— это великая тайна мира, что бл-во, форменно оно, предустановлено в мире, как и честное, благородное, одинокое, немного угрюмое супружество. И мечта моя (и теперь посещает) — «разгромить бы это все», неосуществима. Тут — *fatum*, Рок, «Мойры»... (дико! дико!) и Голубые Небеса...

Музыка, танцы...

Кружащиеся пары...

Это «нравится», «следящие друг за другом взоры»...

Маленькое духовное пьянство...

«Влюблен», «ухаживаю»...

Все это «волнички» (маленькая волна), отделившиеся, в сущности, от моря, от океана, от силы бл-ва. Хотите ли знать: решающий момент, когда «влюбленный» наконец «делает предложение», есть приступ в его душу «бл-ва», на которое мать невесты и она сама отвечают: «благодарю за честь». Да: «выбор сделан», — «все оставлены», и выбирается наконец одна, «с которой пойду спать». Совершенно как «в доме...».

Ужасно и истинно. А м. б. радостная истина?..

* * *

7.XI.<1915>

Все поздно. Все поздно. Все поздно.

Закончить я ничего не сумею, не смогу. Нет времени.

Махитим я умру 67—8 л., это еще 10 лет, но это — *самое* позднее. Могу через 3—4 года. Коловращения, обмороки. Склероз мозга.

«Оп. л.» издадут. За 1913 и я еще успею. Остальное все в порядке, по числам месяцев. И составлен их список. Точно «Акакий Акакиевич».

Но кто же издаст, да и издаст ли вообще, «Литератур. изгнанный»:

т. II. Кусков и К. Леонтьев

т. III. Рачинский. Рцы (главное)

т. IV. Шперк. Цветков

т. V. Мордвинова. «Копьеносцы»

(etc — православные)

Идейные письма? — Личные письма.

М. б., II том — «сам». Но остальные? Кто позаботится? Плачу. Плачу. Плачу.

И просто — нет денег.

Вот что сделали жида бойкотом книг. И «короб 2-й» уже издает «Лукоморье». Я не мог. 4^{1/2} тысячи долгу типографии; а доходило до 5^{1/2}. Это опасно для семьи.

Теперь самое главное — свалить долг за «Среди художников» (самая дорогая книга). (2000.)

* * *

8.XI.1915

Смерть приходит не стуча ногами.
Она приходит тихо тенью.
И становится около плеча вашего.
— Друг мой. Мы всю жизнь умираем.

(† Евгении Ивановны)

* * *

13.XI.1915

Кроме «сладенького» нужно отметить и то, что он — холодный. Посмотрите, как он поступил с Белинским. Он не напал на него горячо, — как критик на критика, как напал бы «наш брат» Скабичевский или Рог-Рогачевский (сей «братии» много), не сказал о нем немногих страстно-ненавидящих или страстно-презрительных слов (Достоевский и кн. П. Вяземский), — а ограничился очень коротенькою статьею, страниц в 6, — посвящая другим писателям и полуписателям по 20 страниц... Он сжал ее до *minimum*'а, но наполнив всю ее строками чрезвычайно вескими, чрезвычайно значительными, меткими, верными (кажущимися верными), убийственными. Это *article* Вольтера: так же кратко, изящно и сильно. Так же холодно и отвратительно. Он дает, размеренно и считая, пощечины: и так как это на 6 страницах — на целых 6!! — то нужно представить, что вынес Белинский на этом поистине адском «сквозь строй». И так изящно начал: «Белинский, собственно говоря, *миф*. Из его хвалителей никто его не читал (а вот я прочитал: но нужно думать — *вполне* прочитали и Венгеров и Овс.-Кулик., и Рог-Рогачевский с Ива.-Разумн.), и, «раз», «раз», «раз»... (к читателям:) — «Вы видите, *ничего* не осталось», и «Белинского действительно *нет* и *никогда не было*». «Белинского выдумала наша критика».

Понятно, почему взбеленились наши «дурни»: издатель кн. Одоевского (забыл имя) * и сонм других.

«Белинского никогда не было. Его выдумали».

По сему вы можете заключить, русские, как с вами будут расправляться «вообще» евреи, когда придет их власть. А она уже почти пришла. И расправятся не только в литературе, а и в деревне, около яичек, лесов, хлеба.

Но пока о литературе.

Первым «пришел» Флексер, и его ввела симпатичная еврейская девушка, Любовь Гуревич, «совсем русская» (на вид), мягкая, добрая, не умная. «Совсем мы». Но Бог (как и русских девушек) наградил ее любящим сердцем, — и она, основав «Северн. Вестн.», вела за руку Флексера.

Флексер — уже совсем не то, что Любовь Гуревич. Та — «вся русская» (на вид), этот — «только еврей», по существу и форме.

* Сакулин (приписка карандашом. *Ред.*).

Бритый, сухой, деятельный, производительный. «Сколько часов сделал?» — «Я все часы сделал».

Ничего не поделаешь: «Часы — только от Флексера».

Он копался, работал. Ушел в рудники. Русские не любят лазить под землю, они существенно дилетанты. И вот «из рудников» он вынес на вид, на солнце всю нашу погребенную в библиотеках журналистику, и, «показывая то один халат», «то другой халат», проносил:

— Это же халат дырявый. И из скверной материи. У нас в Варшаве шьют лучше.

— Это — не годно.

— То глупо.

— Это просто пошлость.

— Белинский не изучал Канта.

— Добролюбов даже не знал основательно социализма.

— Это невежество, грубость и притом отсутствие всякой логики.

Мировые линии самые слабые.

Хорошо, что случился Михайловский и начал его ляпать по щекам, Флексер свалился. Но евреев всегда «много». За Флексером и как будто не имея с ним ничего общего пришел Гершензон. С этим уже и Михайловский не справился бы.

Что сделаешь? «Верит в Бога», — даже «по-православному»: пишет, как Михаил Стахович, мемуары. «Деревней пахнет». Яиц ни у кого не таскает, как Горнфельд-прасол («по мелочам»). Он — патриот. Защитник отечества. Почти полицию любит. «Совсем русский». «Лучше русского». А по виду — в нем сто евреев, и все в чулках, башмаках (бабье начало) и с пейсами.

— Яшка. Ведь ты жид?

— Я не только не жид, я «Ваше Превосходительство».

Ничего не поделаешь. Убил. Перетончил всех жидов, ибо прямо влез в миску со щами и высовывается из нее, весь облепленный листьями капусты (щи, конечно, «ленивые»), иудейский мосол (кость, «нельзя есть от бедра»).

Русские люди смотрят. Пугаются. Гершензон читает «Отче наш».

— Господи, он совсем русский.

Гершензон покрылся зело: простыней и читает «Отче наш».

— С нами КРЕСТНАЯ СИЛА.

Гершензон шепчет:

— Вот вам и крестная сила.

И наконец этот Айхенвальд.

Красота. Дон-Жуан. Курсистки с ума сходят. Правда, он урод по лицу, но ведь «не в лице дело» (бабья присказка). Пишет, как сам Пушкин. Правда — холодно, но ведь кто это разберет. По форме — совсем как Пушкин и ему совсем не опасны все эти «издатели Одоевского», Игнатовы, Шебелевы, Овсяннико-Куликовские. «Дал же ему

Иегова перо в руки». «Перо» в литературе решает все,— как копье на войне. Что же он пишет?

«Силуэты».

Уже критика прошла. «Не нужно». Пусть над «критикой» трудятся эти ослы Скабичевские... Мы будем писать теперь «силуэты», т. е. «так вообще»,— «портреты» писателей, «характеристики»,— причем читатель,— наш глуповатый русский читатель,— будет все время восхищаться характеризующим, а, конечно, не тем, кого он характеризует. И через это самый предмет, т. е. русская литература, почти исчезнет, испарится, а перед нею будет только Айхенвальд и его «силуэты».

Вы посмотрели направо — и видите Айхенвальда. Посмотрели налево в зеркало — и видите тоже Айхенвальда. Впрямь, в глубину, $\frac{3}{4}$, назад, где угодно — всё — зеркала, и в них — один Айхенвальд.

— Ну, и ловок же жид. Как это он устроил. Нет больше русской литературы, а только везде Айхенвальд.

Но жид все может устроить. Жид мир сотворил. Потому что у него есть «кое-что». Сказано: «И о семени твоём благословятся все народы».

Теперь если принять во внимание, что около этих трех трудится со своим бестолковым «Словарем» Венгеров, совмещающим «критику», «библиографию» и «все вообще книги», что в каждом почти журнале труженичают два Горнфельда или два Кранихфельда, да еще подают везде «анкеты от себя» Оль-д'Ор и Влад. Азов, и шипит на все русское «Чиновник», то «Русская литература» или «так называемая (так когда-то называвшаяся) русская литература» окажется в довольно печальном положении.

Есть «бывшие люди» — термин довольно популярный и вразумительный; но придется говорить и поговаривают о «бывшей русской литературе».

* * *

14.XI.1915

«Пролетарии всех стран — соединяйтесь»: п. ч. только по «соединившимся» пулемет действует успешно.

(«Можно с уверенностью сказать, что Маркс и Энгельс не одобрили бы такого объективизма». Из речи Дейча-жида,— обращенной к американским социалистам. Н. вр. № 14254)

До чего противны эти имена двух фанфаронов, Маркса и Энгельса (тесть и зять, жида), которыми пестреет вся печать. Два всесветные мошенника, по всему вероятно, на тайной пенсии у берлинской жандармерии. Какой вопрос о том, чтобы в тупое стадо, бегущее за тремя жидами (включая Дейча), палить из пулеметов, все равно, будет ли это стадо многотысячное или многомиллионное. Все равно. «Назавтра народится второе» — невинных, неиспорченных младенцев.

Прочь и вон эту старую дрянь, до костей прогнившую в жидовских лапах.

«Пролетарии всех стран — соединяйтесь»: для чего? Чтобы погромом идти на отечество. Какой же вопрос, как же поступить с штурмующими?

Вы хотите «разгромить»: но друзья — это ваш последний вздох, ибо гром залпа орудий разметет вас как пыль, хотя бы вас были миллионы и биллионы.

И завтра девушки «зачнут» от солдат и народят нам новых верных граждан.

* * *

14.XI.1915

Если бы Соломон, восстав из мертвых, явился перед наше знаменитое духовенство, неся в одной руке «Экклезиаст» и в другой «Песнь песней», то 1) сие должностное и 2) сие национальное духовенство, посоветовавшись между собою, рекло бы:

а — «что он инородец»,

б — «что он нуждающийся и верно пришел просить должности».

И снисходительно поставило бы его: быть водовозом и возить воду в Вологодскую Духовную Консисторию. «Понеже мы пьем чай».

И если бы Соломон, при мысли о сей томительной и нескончаемой службе, заплакал и даже «блажмя заревел», и сказал бы: «отцы — но ведь вы даже комментируете мои *Притчи* и *Экклезиаст* и *Песнь песней*», — то они бы изрекли ответно:

— Во-первых, не «комментируем», а издаем с достодолжными учеными толкованиями. Ну, так что же. В сих наших толкованиях все и дело. И в славянской печати, под которою уже никто не найдет, чтобы в «Песне песней» говорилось о чем-нибудь неподобающем. Мы трудимся над подобающим и чтобы все имело подобающий вид. По должности, чину и в прославление. Но где у вас стоят «быки» — у нас стоят безвредные «тельцы»; и даже где у вас «кравы» — у нас телицы. И сии «тельцы» и «телицы» уже могут невинно играть и веселиться, ибо «всякое дыхание хвалит Господа», но не более сего и без всего натурального и в прочих странах бывающего. Так мы привели «нашу веру» в тихое стояние и непоколебимое лежание: дондеже умрем.

* * *

18.XI.1915

Вы любите не только предметы, но и тени предметов.

Так и в любви.

Любите не только любовь, но и тени любви.

(лежу больной)

* * *

〈декабрь 1915〉

3. (в 1902 г., 18 марта, на свидании «нас всех» у Мережковских) передала мне «под полою» перевод, сделанный ею (и мужем?) с греческого.

Я подчеркиваю мне показавшиеся важными строки:

«Дионис, ЖЕЛАЯ СПУСТИТЬСЯ В АД, не знал пути. Прозимн обещал сказать ему название дороги, но не без награды. Награда же была не прекрасна. Согласие на любовь была та награда. И требование это БЫЛО ПО СЕРДЦУ БОГУ, и он обещал его исполнить и клятвой подтвердил обещание. Узнав же путь — отошел (т. е. Дионис.— В. Р.) и вернулся, но не застал Прозимна, ибо тот умер. Принося очистительную жертву любовнику (т. е. Прозимну.— В. Р.), Дионис возгорелся похотью. Отрезав ветвь смоковницы, которая тут случилась, он сделал подобие мужского члена и сел на смоковницу, ИСПОЛНЯЯ ОБЕЩАНИЕ МЕРТВОМУ. Тайнственное напоминание этой страсти суть фаллосы» (т. е. их изображения).

Оригинал для перевода я дал из какой-то переводной курсистками (А. И. Введенский) книжки по философии (Теимахии, кажется?).

Фаллы, однако, были уже в Египте и вне круга античной философии.

Важное в этом мифе есть, что «путь содомии» признается «путем в преисподнюю», — в смысле ли страха, в смысле ли любопытства. «Ты узнаешь, чего никто не знает», «увидишь и испытаешь нечто».

* * *

9.XII.1915

Неутешный плач души о своем «Уед.».

Как мог я сам разрушить все. Сам. Сам. Сам. Никто еще.

Никто бы его и не смог одолеть. Но «одолел сам Розанов». Отлично. Т. е. для врагов. Для зла. Для дьявола.

Вот никогда не верил в него, а пришлось УВИДЕТЬ.

У, хвостатый. У, черт. И все же я плюю на тебя. Вечный. Противный. Боже.

Ты повалил меня, и я все же пинаю тебя ногой.

Когда я думал: «одолею всю литературу», — это я думал именно об «Уед.» и «Оп. л.». И мог бы, если бы «Уед.» осталось ОДНО. Ведь я знал по письмам — хотя бы Горького, уж за что-то оно производило неизгладимое впечатление, с него «начали считать время». Тут — хвостик дьявола: я вздумал «помогать ему». Это как бы «апостолы начали писать примечания к своим посланиям»; или Христос начал «объявлять прощание Свое с учениками»: и иллюзия рассеялась. Все обратилось в картон и вату.

«Великое Христово судилище». «Картонный Ад». Мир имел право рассмеяться; — это несколько не страшно.

«И поколеблется земля в своих основаниях», это грозное предзнаменование Апокалипсиса о «последних днях» человечества и планеты, мне кажется, сбываются или начинают сбываться в сосредоточении интереса человеческого на «процессе генетическом»... Все, решительно все, даже «сам Бог» (*история* религий) разложилось на «процесс», на «бывание», на «происхождение» свое и грядущее «увенчание». Через это как-то «вырвалось» из-под ног людей всякое основание, выскользнула земля; люди повисли в воздухе, правда «паря» воображением и мечтательностью, гипотезами и желаниями: но, Господи, ведь нужно-то СТОЯТЬ, БЫТЬ. «Бытие» бесспорно поколебалось через это вечное представление «генетического процесса», через это вечное видение вещей в их текучести. Далее: «конец». Пошлая и омерзительная идея прогресса, так понравившаяся всем Цебриковым, Любошам и Гессенам, вытекла естественно из генетических представлений, из методов и, наконец, привычек ума все воображать себе в «ходе». Если все «идет», то «куда-нибудь придет», если мы «стоим», то «достойм до вершины». Так Любош «строит Россию до парламента», Маркс «строит Европу до социального строя», Дарвин «выстроил обезьяну до человека» и Цебрикова зовет «построить женский вопрос до темы — «кому бы отдаться». Это всех сдвинуло с места. Никто не стоит, все бегут. И XIX в. был классическим веком беганья вообще.

Между тем поистине надо стоять. Небо должно быть голубое. Да и в натуре оно вообще есть голубое. Вещи уже «произошли», и им надо просто «быть».

Великое БЫТЬ.

О, как хорошо!.. Главное! Суть и венец вовсе не суета, а «попивать чаек с малинкой и обнимать женщину».

Цель народа... нет, не поганая «цель», а опять же существо народное — пахать, да чтобы «урожай», да мир, да лад.

Что́ говорит Катерина у Некрасова: «Коня милого моего обряжу, а сама подвалюсь к нему на постель».

Известная мечта. Мечта всеобщая есть «как провести день», а вовсе не как устроить век.

Но это еще не все. Я говорю опять о Герье и его мысли. XIX век был правда всеобще-исторический (представление генетического процесса) век, но — уторопленно-исторический, смятенно-исторический. Т. е. правда он вечно занимался историей, но собственно историей смятений человеческих, переворотов исторических, ломки, потрясений, разрушений: совершенно отведя в сторону взор и внимание от всего, что СТОЯЛО, что было выражением мирового ЕСТЬ.

«Как оно перешло в другое» — да, этот вопрос постоянен в XIX веке. Но нет внимания к тому, что было, и очень укороченное внимание к тому, что настало.

Сами историки стали какие-то мелочные, «прохвосты», «проходимцы». Все занимаясь «проходящим», они стали точно жуликами, уворывающими существо мира. «Взломщики» замков, знакомый сюжет

Шерлока Холмса. Серьезно. В них что-то появилось вороватое. Нет «закона Божия», — и «по закону Божию» им вообще надо поставить «1». Все у них нетвердо, все отрицается, все порицается. «Дух Гейне» очень разлит в них. Тога не идет к ним, а пиджачок. И вообще «историография» обрезала длинные рукава, солидные фалды, сняла высокую шапку и надела костюм *commis voyageur*'а соответственно типично *commis voyageur*' ным своим темам и духу.

Поистине история стала просто скверна. Геродот, Фукидид, Ливий, Тацит — они писали священные оперы, объект был для них святыней, ибо он ЕСТЬ (священное БЫТИЕ). Эти же новейшие взломщики, с «алмазом» для вынимания стекол из окон, со стамеской, ломцем и клещами — они просто гадки, и им совершенно достаточно называться «профессором истории», а никак не «историографом».

«Историограф» — Карамзин. Но «профессор» — он, конечно, Миллюков или Виноградов. Наконец, дошло до пошлости: появились историки Вознесенские, Павловичи и, наконец, вожделенный Гур[е]вич. «Так и надо». Чем «спускаться постепенно» — «шлепнись разом в грязь».

Шлепнулись. Шлепнулось.

Возвращаюсь к БЫТЬ.

Архитектуре явно надо **быть**, а не «переходить в другое».

И Царству чего же скакать: ему надо **стоять**.

Верить: да разве можно в религию «преходящую», в «Бога», который начался у австралийцев, продолжался у монголов, «стал велик в Индии», в «Браме» и «Будде» и «очень уменьшился» у нас, пока Цебрикова и Плеханов не определили, что «по-видимому ничего такого и никогда не было».

«Земля стоит»: —

это гораздо возвышеннее, чем

Земля движется.

* * *

23. XII. 1915

Принцип «экономического материализма», объясняющий весь ход истории, согласно идеям этого конторщика — Маркса...

3-го дня меня посетил г. Лобанов. Оказалось, друг М., прекраснейшего нашего этнографа-народника. Он (народник) умер, но я спросил о его семье.

Один из сыновей тоже вышел в науку, а другой — морской офицер. «Есть и дочь...» (он помолчал). «Не хороша. Не приятна». И заговорил о другом.

— О дочери вы сказали «не приятна». Что же такое? Замужняя она?

— Да. Замужем. (Помолчав.) У нее была бабушка, которая выпивала. И вот когда ей было два года, она спала в кровати. Бабушка

нетрезвая наклонилась над кроватью и прямо над лицом ее заревела медведем («попугать», шалость). От этого у девочки приключилась падучая: ее всю дергает (он дернулся плечом и рукой). А самое главное — она хлюпает как свинья.

И он сделал лицо и издал звук, который и в подражании был отвратителен. Лицо как-то превратилось в морду, а звук был смесью икоты, воя и как будто тошнит. Гадко. Гадкая девушка.

С изумлением я спросил:

— Кто же мог жениться на такой. Муж... очень некрасив???

— Представьте, очень красив. И — титулованный... Святополк... (он затруднился: есть «Святополк-Мирские», «Святополк-Четвертинские») ...не помню. Но по этому «Святополк» в составе, я знаю, что он титулованный.

Я изумился.

— Но она так неприятна, что я никогда не бывал у них. И в последний раз видел на похоронах отца. Она очень плакала у ворот кладбища, хлюпала, — и муж стоял около нее и все ухаживал (успокаивал).

Господь над ними. Господь над ней. Господь над ним. Какое сочетание! Какая пара! Отец был беден. Явно (шил платье у плохих портняжек, только бы портной был «русский»: слова Лобанова). Какой же мотив жениться, кроме этого Божеского Пути: я буду ей Защитой и Утешением.

И привязался. О, да: без *привязанности* ведь нельзя жениться. Без того чтобы «понравилась». В промежутках между «хлюпаньем» он, наверное, видел в ней такой Небесный Взгляд, какой его награждал за все труды, за все терпение. И слышал, среди судорог «падучей», такие слова благодарности за помощь, какие для него покрывали все.

И вот скажешь: Велик Бог Земли Русской. И живет наша Земля Богом, а не «экономическим материализмом».

Господи, какая страница истории! Какая страница быта! Да один этот «лавровый лист» продушивает мириады вонючих листков Иловайского... И одолевает вонь. И дает «нашей истории» благоухание и святость.

* * *

27.XII.1915

Есть вещи, которых нельзя узнать, не достигнув старости.

И есть последние вещи, которые мы узнаем только «оттуда».

(думая о †)

И м. б., «оттуда» я увижу, что не нужно вовсе размножаться?

А м. б., узнаю, что только и нужно размножаться?

Который завет истинен?

И что есть Бог и бессмертие души?

И рай и ад и наказание?
Ах, нужно бы еще *здесь* все это знать.
Но не знаешь.
Мы *пóзваны* «поверить».
Но которому?

* * *

30.XII.1915

Хорошо *истинно* думать. Разумеется.

Но и хорошо думать потому, что «хорошо так думать».

Думанье наше отвечает и *должно* отвечать не одной категории: «соответствует *предмету своему*» («истина»), но и серии других требований. Например: здорово.

«Мне здорово так думать». Напр., мужу о жене, что она не изменяет.

«Мне *спокойно* так думать».

«Мне *счастливо* так думать».

«Я *цвету*, когда так думаю».

И наконец, последнее:

«*Благочестиво* так думать».

Например, о переводе «LXX толковников». Есть какая-то красивая легенда, сплетающаяся с этим переводом. Может быть, она не верна? Но

«*Благочестиво* так думать».

Иосифа братья его, м. б., продали купцам-измаильтянам не именно так, как рассказано. И Иосиф принял братьев своих в Египте не точно так, как об этом повествуется? Может быть. Но зачем я стану искать, когда

«Расцветаю, если так думаю».

Расцветаю от поэзии. Расцветаю от нравоучения. Все коротко, поучительно, ясно и вразумительно. Зачем же мне искать другого. «От добра добра не ищут».

Что ученые копаются? Они глупцы.

И вот, братия:

ВЕРЬТЕ ПРЕДАНИЮ.

Верьте этим рассказам, притчам, легендам,— которые в неисчетности своей пропитали толщу человечества

САМЫМ ЗДОРОВЫМ ОБРАЗОМ МЫШЛЕНИЯ.

В. В. Розанов

Черный огонь. 1917 год

К НОВОЛЕТИЮ 1917 ГОДА

Трудное новолетие — вот уже третье. Все народы Европы, и мы в их числе, как бы задыхаются в тяжелом ярме, возложенном на образованное человечество бесчеловечием германского кайзера, которому судьба забыла положить в колыбель главное качество монарха — благородство и великодушие. Ибо с тою обширностью власти, какая ему вручена, что такое монарх без благородства и великодушия? Вот чего не напомнили Вильгельму его политические и ученые друзья, среди которых есть и пастор Штекер, и историк христианства Гарнак.

И вот льется кровь, истребляется целое поколение, — и когда-то, когда-то еще удастся возрождающим силам Европы залечить те раны, ту убыль людей, ту убыль драгоценной крови, какая расточается на полях от Соммы до Евфрата.

Нам всем в Европе остается ждать и бороться. Никакой мысли об уступке не может быть, ибо в этой борьбе уступить или ослабить значит погибнуть. Железное время. И оно требует железного духа.

Все вести, какие приходят из армии — и крупные, и мелочные, — говорят о ее великом духе, неистощимом терпении, и все это поддерживается и укрепляется тою безотлагательною ежечасною работою, которая не ждет работника ни минуты и не дает ни на минуту ему забыться, заснуть и опозориться. Иное дело в тылу. Эта гражданская безурядица изводит душу. И свежие и сильные люди прямо уезжают на фронт, чтобы отдохнуть душою в сырости и холоде окопов.

Мы напоминаем об этом и нимало этого не скрываем, потому что уверены в победе русской души над ее сном. Пробудись, кто жив! Сон в теперешние времена — это предсмертный сон.

Мужества, мужества и мужества! Гражданского мужества, потому что военное не убывало и охраняет Россию с львиною храбростью! Вот что нам нужно и вот с каким призывом мы обращаемся в это новолетие 1917 г. И пусть не забудется следующее. Сынов своих отечество познает в трудные минуты. Именно теперь-то необозримым и наблюдательным оком высматривается все лучшее на Руси и определяются качества всего худшего. После войны сейчас же начнется «переоценка человеческих ценностей», и померкнут глаза у всех, кто сейчас веселится, празднует, пользуется всеобщим несчастьем или затруднением. У них померкнут

глаза, потому что после войны сейчас же они окажутся никому не нужными, «лишними людьми в своем отечестве». Теперь-то, именно теперь, проходит тот исторический час, когда многое из захиревшего в былые годы может подняться, сложиться в новую силу; а празднующее свои вчерашние праздники может опуститься на дно.

Труд, дело, творчество — вот к чему зовет нас этот год. Вся печаль и страда с 1914 г. ведь основывается на том, что Германия кинулась на Россию, как оригинал на своих подражателей, с естественным неуважением к этим своим подражателям, которые «200 лет учились и не выучились». Но «подражательная Россия» оканчивается в эту войну. «Подражательность» есть вообще негодность; «подражательность» есть вообще бездарность. На 200 лет Россия втянулась в косную, бессильную, немощную подражательность Европе, сперва вообще, а с XIX в.— по преимуществу в германскую подражательность, плоды коей мы пожинаем сейчас.

Наша наука, наша литература, наша философия германизованы. Университетская русская наука прямо обратилась в библиографию германской науки по данному предмету, данной кафедре и в общем объеме — по всем наукам и всем кафедрам. Оригинальная русская мысль не то чтобы гналась, а произошло гораздо хуже: на нее не обращалось никакого внимания. Высокомерно заявлялось, что «наука едина и космополитична».

Но так же было и во всем. И особенно печально, что это было в «реальных» министерствах. Как ученые компилировали германскую науку, так министерства компилировали и вторили германским указаниям и германским примерам. Что в русских школах русского? Все это — шаблоны, взятые из Германии и перенесенные в Россию. От гимназического учебника до центральных государственных учреждений — везде в России были господами «не русские». И все это было прекрасным подготовлением к войне.

И вот она грянула. Поистине грянула на нас неподготовленных. Мы, как недокормленная и отощавшая нация, вступили в борьбу с упитанною на наших хлебах Германией.

Да не повторится же и не продолжится же это впредь! На свои ноги становитесь, на свои ноги! В работе, но прежде всего в мысли, в характере, в достоинстве. Будь горд, русский человек, — вот завет на Новый год. А горд ты можешь быть лишь как рабочий и как творец в своей работе.

ПОГАНАЯ ВЛАСТЬ ИЛИ ДОБРЫЙ СОВЕТ?

Последние годы, размышляя об устройстве и судьбах церкви, я иногда прикидывал в уме своем, чем или кем, собственно, Иисус Христос представляется нашему духовенству? Т.е. представляется согласно меро-

приятиям этого духовенства и его вечной проповеди. И вот со скорбью и мефистофелевски я думал, что Христос представляется нашему духовенству дюжим мужиком, который на всех накидывается за то, что мало его почитают, что недодают ему денег в мошну и мало его украшают золотом и всяким снадобьем. Что не звонят о нем в колокола и мало о нем говорят, да не пускают его на председательские места. Как, спросит читатель, где же *вы* это видели, чтобы духовенство так проповедывало? Ведь оно проповедует кроткого и прощающего Христа! Но я отвечу на это, что, конечно, проповедуя христианство, духовенство полагает себя самого на месте Христа, учителем благим, — а паству или прихожан оно воображает мысленно на месте язычников, выслушивающих проповедь и учение Христа: и вот этим язычникам-мирянам духовенство точно внушает быть кроткими, послушными и нести как можно больше денег и чести себе; но самого-то себя, т.е. того, кто стоит на месте Христове, оно не представляет никак иначе, чем со властью, деньгами и почетом; — мужиком толстым и разукрашенным. И вот когда в недавнем совершившемся перевороте посыпались звезды с неба, — и само небо свилось, будто свиток ветхой хартии, — все точь-в-точь как по Апокалипсису, — то я невольно подумал, что одною из подспудных причин и переворота было это преобразование духовенством Христа из тонкого в толстого и из неимущего в богатого и везде председательствующего. Люди не захотели молиться председателю, и пошло все далее, как пошло.

Говорю же я это по поводу письма ко мне одной образованной женщины, которая удивляется тому, что петроградское духовенство, организующееся сейчас для выбора нового митрополита и приглашая на выборы и мирян, почему-то не пригласило мирянок. Действительно, я вспомнил, что апостол Павел изрек, что «для Христа Иисуса несть эллин, ни иудей; и несть мужеский и женский пол; но — все одно суть». Это — первое. А второе: да сколько же мучениц, праведниц в церкви и ее истории?! И наконец, последнее, уже теперешнее: да неужели же сокрыто от кого-нибудь, что именно женщины несут факел веры впереди всех, заботливее всех, пламеннее всех?

Три пункта. И все говорят за одно, чтобы к выбору благочестивого лица, которое окормляло бы всех словом и даром усердия к Богу, — были вызваны и женщины, потрудившиеся на ниве Христовой столько же, как и мужчины. Пусть и они указывают и определяют лицо митрополита. Это совершенно соответствует делу, сущности и исторической роли женщины в истории христианства. Несомненно так и поступлено было бы, если бы этому не препятствовал мефистофелевский принцип, развившийся в нашем духовенстве, именно — постоянное его воображение, что Иисус Христос был толстым купцом, стоящим на торге, и крайне неуступчивым. По образу Христа, они не отталкивали ли от себя женщин; по образу Христа, они были ли «с мытарями и грешниками». По образу Христа, они отпустили ли вину даже грешнице. Но не таков

...он хочет стоять один и проситься председательствовать. Мне кажется, я сказал достаточно, чтобы напомнить духовенству, что оно должно дать место около себя и наследницам мучениц и праведниц.

Будем, братие, стоять в добром совете; и не будем искать поганой власти. О слове того же Апостола, что «женщина в собраниях да молчит», я не забыл: но это соответствует быту древнего положения женщин на Востоке, и в этих словах Апостол только отразил свое время, и эти слова не принципиальны и теперь для нас более не применимы; слова же о том, что «для Христа несть мужеский и женский пол» — суть вечный принцип.

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Вся Россия встречает Святую Пасху в каких-то совершенно новых озарениях, о которых ни один человек еще не помышлял в последние дни минувшего 1916 г. Все — новое. И самая душа — она новая, и наполняет фибры тела совершенно новою кровью. Пульс жизни бьется страшно быстро. Прошли минуты самых страшных замираний сердца, самых опасных тревог, самых мучительных колебаний. Перед нацией пустое, очищенное поле, по которому ей предстоит только шагать вперед и вперед. И все почти дело заключается в том, чтобы сама она, не пошатываясь, шла именно вперед, не оглядываясь назад, но и не допуская скачков со стороны, не перепрыгивая «через время», а делая правильный ход в море хотя еще и очень бурном, но уже не смертельно опасном.

Самое невероятное время пережито нашим поколением — эпоха двух страшных войн и двух таких внутренних потрясений, которых не запомнит наша история, а что касается до последней войны, то не запомнит подобной и история всего человечества. Религиозные люди имеют все причины вспомнить об Апокалипсисе: потому что события вполне апокалиптические, будем ли мы думать о войне, обратимся ли мыслью к нашему внутреннему потрясению и перевороту.

Но в противоположность потокам крови, которыми заливаются края нашего отечества во внешней войне и заливаются границы всех наций, пришедших в небывалое от начала мира столкновение, — внутреннее наше потрясение, на месяц почти заставившее забыть и самую войну, своим неизмеримым смыслом и содержательностью, это потрясение произошло почти бескровно. И в самом же начале, в самые первые дни его, была дана благородная клятва в бескровии. Между тем именно подобные перевороты как-то не щадили крови, почти «не считались с кровью», хотя она и была своя собственная, народная кровь. В этом отношении замечается особливая черта, делающая русскую революцию не похожую на все остальные революции, и ее нужно беречь как зеницу ока. Нам уже пришлось видеть столько угнетения и притеснения

в прошлом, что душа наша не переносит самой мысли о нем, самого звука, напоминающего лязг оружия, меча или топора. И душа вся полна одного вопля: «не надо этого!» И вот этот вопль отвращения и дал нам бескровное отхождение от него в сторону.

«Было» и «нет его». Так будущий Апокалипсис нашей истории расскажет о происшедших событиях нашего времени, о царстве «бывшем» и «не ставшем» в один месяц. «Дивились народы совершившемуся» — как не повторить этих слов Апокалипсиса о перевороте. Мы сами «дивились», в то же время совершая его. «Дивились великим удивлением». «И свилось небо, как свиток, и попадали звезды», — всё это слова Апокалипсиса! Всё — до чего применимо к нашим дням.

Воскресли «без кровавой жертвы»! Как и Христос был уже последней кровавою жертвою и запретил навсегда таковые жертвоприношения на земле. В этом отношении не будет преувеличением сказать, что единственная «христианская революция» совершилась народом, который его вещим пророком был назван «богоносцем». Этот ужас перед кровью и кровавостью был высказан, как мы заметили и как всем известно, в первые же дни, как только поднялся «занавес над революцией», ее справедливым министром юстиции, и вместе народным другом и предводителем народных масс. Здесь он сказал историческое слово русского народа, и слово это запомнится летописцам. И хотя оно вырвалось из его личной души, но оно вместе было и народное, которое вместе с тем объясняет, почему именно его народ угадал себе в вожди. Вспомним при этом и слово народнейшего из писателей, Глеба Успенского: как он отделял и противопоставлял в чаяньях народных звероподобного Ивана от праведного и кроткого Глеба, который сам страдает, но никого другого страдать не заставляет. Революция наша только тогда глубоко отделится от прошлого, — от всего того, что видели глаза и наши, и особенно наших предков, если хорошо выдержит и проведет разницу между христианскою «бескровною жертвою» и языческими «кровавыми жертвоприношениями». Это лозунг, это завет. Да он, кажется, и крепок.

Обратимся к «вину новому», которое принес Христос. И вот ныне мы обильно видим, как оно вливается во все фибры нашего организма. «Радость свобод всем заключенным...» В самые же первые не дни, а минуты мы видели разрушение узилищ, тюрем, этих ужасных каменных мешков, где томились души заключенных старым судом. И опять же быстро после этого последовало или начало следовать освобождение и целых народов, освобождение чужих вер, которые томились в других и еще более страшных «узилищах» по приговорам своей печальной истории. И это также глубоко народно. Русский народ никого не теснит. Он ни у кого не отнимает веру его предков. Русский народ совершенно терпим и этнографически, и религиозно. Нужно было совершиться какому-то безумию историческому — нужно было, чтобы правители его пошли «совершенно против народного духа», чтобы

были у нас и притеснения поляков, и притеснения евреев. Это возвращение чужим народностям *своего дыхания* есть вторая прекрасно-христианская черта совершившегося переворота... Собственно, он весь поднят был против *бесчеловечности в государственности*, против того, чтобы земля наша уподобилась тому мифическому Левиафану, с которым сравнивал всякое государство английский философ XVII в. Гоббс,— и полагал при этом, что государство и не может быть ничем иным, что такова его *лютая* природа в самой себе и вообще извечна. Наша же русская мысль и смысл «бескровной Пасхи», ныне пережитой, заключается в обратном движении: «если государство имеет право *вообще существовать*, то только *тогда*, если оно никого *не ест*, а всем дает пищу». Это есть нравственное оправдание государства,— и мы стоим перед задачей такого оправдания. Это есть величайшая проблема всемирной истории: не устанем же доказывать ее еще и еще.

Государству нашему, освобождавшему из-под восточных деспотий (Турции и Персии) маленькие народности Кавказа и Туркестана,— как легко было это сделать!! Оно не сделало. И вот «жезл правления» был у него отнят и передан другому. В права и пределы монархии вступила русская великая община,— вступило народовольчество и народовластие. Понятно, какие обязательства перед народами и перед самой собой она приняла. О них мы должны думать денно и нощно.

Было трогательно наблюдать последние дни марта месяца, как народные волны опять тою же массою, как всегда это время, вошли под тихие своды наших церквей... Опять слушали в Великий Четверг, на стоянии, слова трогательной молитвы о «благоразумном разбойнике», противопологаемом злему разбойнику. Один отрекся от Христа, другой сказал Ему, страдая в муках на кресте: «Господи, помяни меня, егда приидеши во Царствии Твоем». Какие слова! И Христос утешил измученного страдальца: «Днесь будеши со мною в раю». Какая мистерия жизни и воскресения.

Все будет хорошо, если мы сами будем хороши; все хорошо кончится, если мы сами не начнем худого. Не покинем же этого политического и нравственного «благоразумия». Со старым и вместе с новым Светлым Христовым Воскресением, добрые читатели!

В СОВЕТЕ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

I

Ну, наконец,— билет, и я в Думе. Это Великие Пятница и Суббота. И, как «княгиня Марья Алексеевна» или «Коробочка» Чичикову, расскажу читателю все сплетни. Билет у меня — на проход в «Совет

Рабочих и Солдатских Депутатов», т.е. в самое пекло, где пекутся события, угрозы,— ветры, тревоги и т.д. и т.д.— значит, есть о чем рассказать, о чем рассказать маленькому политическому сплетнику.

В пятницу я замешкался; разные хозяйственные дела — «нет ни фунта сахара в доме», апрель еще не наступил, новых карточек не выдано, или их можно «получить только к 6 часам после обеда», и я все время провел в мыслях о *сладкой пасхе* и *подслащенном* куличе, и в Г.Думу попал только тогда, когда густой толпой «рабочие и солдаты» выходили из зала совещания, и я уже мог только «облизаться» на речи. Но сперва — о пропусках. Билет мне дан был самый официальный, за всеми подписями, но почему-то перекрещенный крест-накрест синим карандашом. Я, когда брал, «усомнился о крестах». Мне ответили: «Ступайте! Знаем!» Я подчинился, как старый обыватель старого порядка, и робко показал солдату со штыком в воротах Госуд. Думы. Солдат задумался. «Это что значат кресты? Нельзя, значит». Я, видя, что дело «пропадает», извиняясь, сказал, что «там дальше», т.е. дальнейшие ревизоры «прохода», вероятно, понимают условное значение крестов, солдат задумался, а я уже проскользнул дальше — на парадный вход...

Только какой же это «парадный»? Вход, конечно, тот же, как при Муромцеве, Головине, Хомякове, Гучкове, т.е. тот же по устройству, по архитектуре. Но цвета?!...— Прежде был дворянский, палевый, золотистый, солнечный. Теперь он стал какой-то бурый, «захватанный», «демократический». Дело ясное: просто нет ремонта. Но это «нет ремонта» отозвалось в душе какой-то угрозой. «Смотри и не зевай».

Правда, я несколько лет не был в Государственной Думе: но неужели это Екатерининский зал, с его исключительною красотой, с его блеском и торжественностью? Тут-то, в первой Думе, я помню прогуливавшегося «в антрактах» Аладьина, в его коротком пиджаке, разговаривающего на скамеечке Герценштейна, и откуда-то дюжих депутатов, в широченных поясах, с Вольни и Подола (Подольская губ.), и ксендзов, и татар. Куда все девалось!!! Солдаты, больше всего солдаты, с ружьями, с этими угрожающими (мне казалось) штыками, которые стоят перед всякой комнатой, перед всяким проходом, и все что-то «сторожат». «Кого они сторожат?» «Что они сторожат?» — «Ах, увидеть бы комнату, министерский павильон». «Но, очевидно, нельзя». Мне только показали длинную лестницу кверху, которая «ведет в министерский павильон». Боже, и я пропустил те дни, когда по ней вели «сих старцев». Сих «бывших министров» и их интересных жен, как m-me Сухомлинова. Розанов вечно есть тот «мушкетер, который всюду опаздывает».

Черный бронзовый бюст Александра II цел и на месте. Большой образ, перед которым когда-то «служили», тоже цел и на месте. Множество комнаток, кабинетов, отделений. Вот «комната агитаторов»: это бросилось в глаза по резкости надписи. «Что такое?» Но вообще все

комнатки и кабинеты относятся до Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, обслуживая его в разных функциях и делах. Мне это в голову не приходило, и, очевидно, в России тоже «смутно» на этот счет: что *теперешняя* Государственная Дума, которая естественно и конечно распущена сейчас, территориально занята *Советом Рабочих и Солдатских Депутатов*, который и есть на самом деле и временно пока единственное «представительное учреждение в России», но «об одной нижней палате», без «господ», без «палаты лордов» (применяясь к английским понятиям и английскому парламенту). На другой день, когда я попал «на прения», это было сказано и с кафедры одним оратором, т.е. было прямо и определенно заявлено, что «сейчас в лице Совета Рабочих и Солдатских Депутатов Россия имеет представительство об одной нижней палате». Это давно надо было сказать, потому что в России существует самое смутное представление о том, что же такое «Совет Рабочих и Солдатских Депутатов». Я хотя и живу в семи минутах ходьбы до Таврического дворца, но определенно не знал не только *этого*, но не знал точно и доказательно, *где* же именно помещается «Совет», состоящий, как мне казалось, из *немногих* членов, по естественному смыслу своего названия или своего заглавия.

II

Смеркалось. Я опасливо оглядывался. «Ах, заглянуть ли в министерский павильон». Заседание кончилось. И я стал «толкаться», как праздный русский человек в непраздном месте. И конечно, сейчас же по русскому обычаю — повел из души своей критику:

— Это что такое? Почему все всех учат? Что это за ланкастерское обучение («обоюдное», «друг дружку учат», — ученики учеников).

Действительно, «вся изящнейшая Екатерининская зала» была переполнена крошечными митингами, человек в 20, в 30 — не более; где рассуждали о Временном правительстве, больше всего о Милюкове и Гучкове, — о политике внешней, о войне и что «необходимо ее прекратить», «необходимо во что бы то ни стало», «потому что кровь народная проливается», а «начал войну и вступил в союз с союзниками вовсе не народ, а буржуазное правительство», коего «обязательства никакой обязанности для народа не представляют собою» и что «Милюков обязан — это учесть, а если он — не учитывает», то какой же он выразитель воли народной, он «в сущности служит старому буржуазному правительству». Говорил студентик с чуть-чуть пробивающимися темными усиками, и с ним спорил офицер, красивый и умный, лет 40. Но студент волновался, голос его был криклив, и солдаты басом гудели: «Продолжай, товарищ! Продолжай, товарищ!» — «Просим продолжать!!» Студент, столь одобряемый, естественно, летел дальше, — и разносил наше правительство, и всех этих буржуазных министров, из которых одни — капиталисты, как Гучков и Терещенко, а другие «име-

ют по 100 000 десятин земли, как Родзянко». «Какой же это народ?» Почему-то Милюков тоже попадал «в самые невозможные буржуа».

Это-то я назвал «ланкастерским способом обучения». Как бывший учитель, я сразу оценил всю пассивность слушателей, и развивающуюся на этой почве огромную и поневоле смелую уверенную активность, т.е. ту активность, которая поражает «залпом», как шампанское, и не столько научает, сколько одуревает слушателей. Офицер, бывший незадолго до войны во Франции, знавший лично Жореса, знающий еще каких-то бельгийских эсэров (судя по ходу его спора), едва выстаивал перед студентом, едва имел силу возражать ему. Я совсем молчал: куда тут говорить!! Но ведь это — пассивное обучение, это обучение «на ура!» — без какой-нибудь осторожности и с очень небольшим запасом знания и понимания. Договорю о маленьких митингах. Когда назавтра я пришел рано в Г. Думу, я встретил то же самое: ласковым вкрадчивым голосом, чрезвычайно симпатичным и с даром быть симпатичным, темный брюнет уговаривал большую толпу солдат и рабочих:

«Так все понимаете, кто любит народ? Любят его под-лин-но одни только социалисты»...

— «Понимаем! Понимаем!»

«Ну, какой же вопрос, за кого вы должны подавать голос в Учредительном Собрании? Вы должны разобраться, кто социалист, а кто не социалист. Ведь вы должны поступать разумно. Всякий человек должен быть разумен. Ну, и вот, вам будут предлагать выбрать разных людей в члены будущего Учредительного Собрания. Но вы узнайте только одно: кто же из них социалист? И как только узнали, кто социалист,— и подавайте за него голос: потому что он один любит народ, бедных, рабочих и солдат. И подаст голос в Учредительном Собрании за ту форму правления, которая одна только отстаивает народные интересы: за социал-демократическую республику. Это будет ваш голос, ваш интерес, ваша нужда».

— Вестимо. Мы все подадим за социал-демократов. А скажите, пожалуйста,— какая это газета «Русское Слово»...

Брюнет махнул рукой, с явно отрицательным жестом.

— Как будто она не очень стоит за интересы народные, а больше тянет к буржуазным классам.

Брюнет опять махнул рукой:

— Я уже вам сказал: выбирайте од-но-го толь-ко социал-демократа. Ну, какая газета «Русское Слово»? Конечно, буржуазная. Вам дела нет до других классов. И до газет других нет дела. Вы знайте социал-демократические газеты, народные газеты, рабочие газеты, будет разъяснено. Это — ваши газеты, народные газеты, рабочие газеты, солдатские газеты».

Такой симпатичный влекущий голос, «на голосок» я всегда сам иду. Только у меня смута стала в голове:

— А Россия?

— А война?

— А русская история?

— Самая деревня? Народная песенка? Наконец, извините, святые русские угодники?

— Я очень соглашаюсь, что ошибался всю жизнь, не обращая особенного внимания на социалистов и социализм. Но не впадает ли он тоже в мой грех, не обращая внимания, с другой стороны,— на вековой быт народа, тысячелетнюю историю его и, например, на нестеровских угодников, с прозрачными руками и прозрачными лицами? Не большая беда, если будет стоять дурак с одной стороны, например, но что будет, если будут с обеих сторон стоять два дурака, один не понимая другого, каждый отрицая каждого? Тут получается «тьма, умноженная на тьму», т.е. полная тьма. Получится разрыв истории, ее уничтожение. Что такое «форма правления, соответствующая нуждам народа»? Конечно, это — так, это — вполне правильно. Но — полно ли это? «Полнота» есть совсем другое дело, нежели «так» или «не так». Обворожительным голосом он вводит людей, глубоко неопытных в истории и неопытных в методах суждения, в *социал-демократическую* нужду: а ведь есть нужда еще в том, чтобы помолиться, есть нужда в том, чтобы праздник отпраздновать, да и просто, например, гигиеническая нужда, требующая у мужика, чтобы он в субботу в баньку ходил. У Маркса о бане ничего нет, и о праздниках — нет же, и нет вообще о быте, об узоре жизни, до некоторой степени — о кружеве жизни. У него есть только о том, «сколько получает» или, вернее, сколько *недополучает* рабочий, а о том, куда и как деньги истратил,— ничего нет. Между тем с «куда деньги истратить» начинается культура, цивилизация. Тайным образом и незаметно для слушателей оратор страшно оскорбил их всех, приняв за «первичный этнографический народ» вроде папуасов Австралии, тогда как слушали его представители великого исторического народа, «вспыхнувшие через революцию в новую эпоху существования». В «эпоху» дел никак не более дикую, чем в какую ранее, а в более *развитую*. Но какое же это «развитие», если тут не будет ни бани, ни молитвы, ни праздника. Я соглашаюсь, что я глуп «без социал-демократии»: но не будет ли глуп и социал-демократ «без всего прочего»?

Явно, для того чтобы образовать хоть что-нибудь умное, нам нужно «согласиться», «помириться». Я должен принять его социал-демократию и охотно принимаю: но с условием, чтобы и он принял «мое», принял Нестерова, принял «угодничков», принял «коньков» на крышу избы. А то

— Еда.

— Еда.

— Еще еда.

Стошнит, просто стошнит. И я остался неудовлетворен.

«Мы»-то их примем. Это бесспорно. Совершенно бесспорно, что великие экономические нужды народные — рабочих и деревни — престу-

пно обходились, забывались, пренебрегались. Правда революции совершенно бесспорна. Но она совершилась. И вышла «как по маслу». Просто нельзя удержать языка, чтобы не выговорить естественного и необходимого слова: «Бог помочь».

Наступает великое *«завтра»*.

— Эй, кто *мудр* — думай о *«завтра»*!

Марксизм? Социализм?

— Какая галиматья,— отвечаю я, как *новый гражданин*, прямо, твердо и отчетливо.— Ибо «новый гражданин», мне кажется, прежде всего должен взять мужество на слово и мысль:

— «Завтра» мы должны позаботиться о *всесторонней нужде народной*, т.е. о нужде его как *исторического* существа, как *исторического* лица. И хлеб — это, конечно, первое; работа — это еще почти первее. Работа не истощающая, не морящая. Плата — дюжая. Согласен — о, трижды согласен: ведь сам работник, хотя и пером. Мне хочется огурчика раннего, парникового, хочу, чтобы он был и у мужика, и без лести хочу, без угодничества мужику. «По-братски».

— Но зачем, «куда» же девать дюжую плату еще? Вон оратор читал в подлиннике Карла Маркса, пусть же мужик читает подлинного Ключевского,— читает, понимает, понимает.

И купит себе со вкусом сделанную гравюру с Нестерова... Нет, пусть он *со вкусом выберет сам ее*.

— Предпочтет, т.е. *тоже сам*, один театр другому...

«Тогда все обойдется». Тогда будет «кругло». И революции мы скажем: «ура!» Но если покажутся острые углы отовсюду, если вы будете объяснять народу, что «цивилизация есть социализм», что «цивилизация есть марксизм», даже без «бани» и гигиены, без песни, радости и шутки, то я вам скажу:

— Вы смотрите на народ, как на дикаря, как на пассивный этнографический материал в своих руках, для проведения в нем плана новых теоретических построений. И тогда я боюсь, что через небольшое время он поднимет новую революцию против вас, за отстаивание свободы, ибо он не захочет марксистской «кутузки», как не вынес штюрмерской и вообще «правлящих сфер». Вот, гг. социалисты, вы с этим и подождите рваться в «правлящие сферы». Это вам зарок и на завтра, и на послезавтра.

III

Совет Рабочих и Солдатских Депутатов имеет вовсе не ту физиономию, дух, сердце, строй,— как это представляется во всей России, и в особенности как это представлялось с первых минут революции, в те незабвенные дни и особенно ночи, когда шумел и гудел Петроград и задыхался в парах и дыме, как перевернувшийся вверх колесами локомотив на согнутых и порванных рельсах. «Вот они, победители старого порядка:

и что они теперь потребуют с мирных обывателей за победу?» — дрожало сердце, тайно или явно, у всей России. «Кто они?» — Со штыками наперевес — это явно. Но за этим что? Но за этим кто? Признаюсь, с этою тревогою, и личною и всероссийскою, я и пришел сюда с намерением «выглядеть» — «как», «что» и «чем, собственно, грозит?»

Ожидал я самого худого, самого поверхностного и легкомысленного, по впечатлению тех крошечных митингов, которые я наблюдал в Екатерининском зале Государственной Думы, где «по-ланкастерски» обучали социалисты друг дружку и по преимуществу брюнеты совершенно безграмотных рабочих. «Здесь я увижу ту же наивность и безграничное доверие пассивных слушателей, и обработку их ораторами, которые не сознают за собою никакой ответственности». «Отвратительное положение, — отвратительное всей России, — и тут ничего нельзя поделывать». «Россия действительно вошла в туман, где под ногою ничего не видно, и так же можно провалиться в *окошко* болота, как и выйти на прелестную сухую лужайку».

Так я думал. Рано забрался в Великую Субботу, и дожидался час открытия собрания, в котором на повестке стояло: «Дальнейшее обсуждение отношения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов к Временному правительству». Это-то меня и волновало. Я, собственно, «с непремённостью» достал себе билет на проход в заседание «Совета Рабочих и Солдатских Депутатов», весь горя негодованием на дерзкую речь Стеклова против Временного правительства, где он смешал это правительство, коему вся Россия и мы все, обыватели, повинuemся, с грязью, и — «не нашел слов для достаточного выражения презрения к нему» и т. д. Как он смел так говорить? В *этом* тоне говорить? — кипело во мне. Но что «я»: важное начинается с того, «как же его речь встречена будет рабочими и солдатами».

Оказалось совершенно все не то и не так, как я предполагал и чего пугалась с самого же начала революции вся Россия. Это вовсе не «солдаты и рабочие», какая-то «охлократическая толпа», пугающая прежде всего элементарностью политического и духовного развития, неумением не только что «управлять Россиею», но и представить себе всю сложность и всю громаду России. Это-то и внушало мысль: «Корабль со слепым у руля». Я сам помню свой трепет от 4 марта и дней десять: «Вы понимаете ли, — говорил я домашним, — буря, а у корабля сорвало руль, сломана машина. Что может быть, кроме самой немедленной гибели?» Так я говорил, так определенно думал. А предмет думанья — вся Россия. Как было жить? На мои слова: «как многие захворали», мне ответили: «Что захворали, — есть люди, которые с ума сошли». И люди — мирные, тихие, отнюдь не «политики», а просто — обыватели. Тревога за Россию, притом не столько политическая, сколько главным образом культурная, — за весь тот духовный, образовательный свет, какой в ней уже имелся, — была чрезвычайна, и доходила

иногда и в некоторых до отчаяния. Будущий историк совершившегося переворота должен с чрезвычайным вниманием отметить этот мартовский испуг за культурные сокровища, за церковь, за религию вообще, за христианство вообще, за литературу вообще, за поэзию, науку, академии, университеты. «Ведь для *рабочих* и для *солдат* все это есть величина, именуемая в математических вычислениях *quantité négligeable*, *пренебрегаемая величина*, которая просто откидывается, как совершенно ничтожная и не могущая повлиять на результат математических выкладок». «В самом деле, что такое для солдат, для чистых солдат,— и для рабочих, опять же чистых рабочих, а не для мастеров и начальников частей рабочей организации, все вопросы и все *заботы* об академиях, о школах, о каком бы то ни было *вообще образовании*? И если страна попала в их *управление*,— то не действительно ли Россия — корабль в бурю без руля и машин?» «Гибель!»

И вот речь Стеклова, отвратительно угрожающая Временному правительству, и была поистине призраком какой-то гибели и безнадежности. Он сказал вслух всей России, читателям всех газет, т. е. жителям всех городов, что «Временное правительство есть только *мнимость*», что «двоевластия в России нет, так как Совет Рабочих и Солдатских Депутатов на самом деле вполне единовластен», а Временное правительство едва лепечет что-то, и лишь насколько ему позволяет лепетать этот Совет, т. е. простые рабочие, простые солдаты (как заключал в уме своем читатель). Что все эти Родзянко, Гучковы, Милюковы, Коноваловы, Терещенко, Мануиловы и проч., испуганные донельзя, бессильные до прострации, только «счастливы исполнить», что им подсказывают могучие анонимы, приблизительно такие же анонимы, как Стеклов (на самом деле, Стеклов — не Стеклов, а какой-то Нахамкис; — фамилию мне говорили в Таврическом дворце, но я забыл и отчасти не разобрал; фамилия — не русская, и не малороссийская). Стеклов говорил все это со знанием участника и очевидца всего переворота.

Особенно презрительно он говорил и особенно сжимал сердце читателя, говоря о Родзянке, председателе Г. Думы: именно г. Родзянко все так привыкли уважать за дни переворота, чрезвычайно много ему приписывали и уже мысленно строили ему памятник за этот переворот, когда он вел себя так тактично, предусмотрительно, особенно в телеграммах на фронт, к предводителям отдельных армий и к генералу Алексееву... Страшная минута, в которую собственно и был выигран переворот; вернее — одна из нескольких подобных минут, когда будущее колебалось на острие иглы, зависело в сущности и технически почти от одного слова, почти от одной фразы. И вот, все эти положительно страшные слова Родзянко говорил и телеграфировал как-то изумительно искусно, быстро, всегда вовремя, не ошибаясь в тоне, музыке и расчете на действительность: и ни разу не ошибся. Он был старым Кутузовым переворота. И тут как-то все согрела и заострила почти площадная

грубость, выслушанная от Маркова 2-го с кафедры Г. Думы. «Он оскорблен», — он, старец и государственный человек. И вот «оскорбленный ведет корабль без руля». «И — все удастся!!!» — «Благословение Божие!»

Вдруг этот Родзянко в изображении «Нахамкиса» (приблизительно) играл будто бы особенно мелкую, бессильную, прямо пошлую роль, а в сущности переворот совершил Стеклов-Нахамкис и его сто анонимных друзей. Так получалось во впечатлении, особенно не назавтра, а напослезавтра, и особенно не в Петрограде, а в Калуге, в Рязани, в Нижнем, на Урале, в Сибири. Чем гул дальше, тем он шире и неяснее. И гул этот как-то смял и выбросил Родзянко и выдвинул одну яркую точку: Стеклова и присных. Русь не могла не смутиться. Она, конечно, смутилась.

«Кто же Гектор, и где Терсит?»

И вот, мне так радостно сказать дело... Но сперва об общем зрелище и впечатлении... Оказывается... что Совет Рабочих и Солдатских Депутатов — это не «уголок» и не охлократия (мысль если и не всей России, то все-таки очень многих, чрезмерно многих), а совершенно и четко правильные заседания, где собирается вообще Государственная Дума, и которая есть зала депутатов с кафедрой Муромцева-Хомякова-Головина-Гучкова-Родзянко, и — с кафедрой пониже, говорящего оратора. И она имеет такой же самый президиум, какой имеет Госуд. Дума, — где я увидел и красивого Церетели, дававшего памятный ответ П. А. Столыпину на его министерскую декларацию. Я думал почему-то, что он умер, чуть ли не писал ему даже некролог: и вдруг он — жив, — «вот», и лишь несколько постарел против того абсолютно студенческого возраста, в каком говорил, очевидно по поручению партии, ответ Столыпину. Он говорил тогда властно, твердо и необыкновенно музыкально. Его речь была прелестна, и это было отмечено всеми газетами, слушателями, без различия исповеданий и фракций. Сердце как-то шептало: «Ах, вот кого позвать бы в министры». Но на этот раз он не вымолвил ни одного слова. Говорили, что он произнес большую речь вчера (Великая Пятница).

Ораторы выходили один за другим, — и очень скоро речи их начали ограничивать. Совсем — как в Думе. «Не более 15 минут», «не более 10 минут». И вот эти речи... Большинство говоривших было солдаты с фронта, которые высказывали свой взгляд на отношение к Временному правительству, и высказывали требовательно. Всегда называлась часть армии, от имени которой говорил оратор. Но говорили и не одни солдаты, но и рабочие, или «хотелось бы назвать рабочие». Ведь дело в том, что было-то «Собрание Рабочих и Солдатских Депутатов», — с исключением кого-либо еще. «Никого, кроме солдат и рабочих». Но тогда... откуда же эти речи? И вот тут — большое, я думаю, — великое утешение. Это совершенное успокоение относительно будущего. Нет, господа, это не «без руля и ветрил».

Во-первых, ораторы определенно лучше, нежели как были в Г. Думе. А я еще слушал ораторов трех созывов. Ни одного мямлящего, комкающего речь; ни одного «распространяющегося» и «тонущего в словах». Речи вообще не для красноречия и даже *не для впечатления*, а именно — деловые, решительные, требовательные; или — разъясняющие вопрос, выясняющие положение, каково оно сделается для государства и для армии и самого народа, если отношение к Временному правительству станет не только отрицательным, но хотя бы просто недоверчивым, не говоря уже о презрительном тоне речей и вообще всяких слов о нем. Имя Стеклова все почти ораторы упоминали, и все резко отталкивали смысл и тон его речи. «Армия не может твердо бороться с угрожающим врагом, если вы поселите в ней мысль, что за спиною ее власть двоятся и колеблется». «Ей некогда размышлять, она должна получить ясный результат в голосовании: одна ли власть или две. За две она не будет бороться, при двойственности она моментально ослабеет». «Но она присягала Временному правительству». «Пусть же Совет Рабочих и Солдатских Депутатов контролирует; это хорошо, что он контролирует, без контроля нельзя и без контроля погибла старая власть. Но самый контроль должен быть вдумчив, осторожен и не должен развиваться в намерениях соперничества собственно за власть, он не должен переходить в борьбу одной власти с другою властью». «Двух властей нам не надо, две власти — нестерпимы во время войны». «Что вы скажете об армии, в которой два командования: это не армия, а толпа на истребление врага». Все это слишком было внятно и для солдат, и, я думаю, для рабочих. Вообще это было совершенно ясно для зала (я сидел в самом зале, очень близко к ораторам, и до слова все слышал). Радикальная сторона речей, — и то лишь некоторых, а не всех, — высказалась в нежелательности, чтобы в состав министров вошел хотя бы еще один, сверх Керенского, представитель из самого президиума Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, и вообще увеличения «коллективизма министерства», ибо это способствовало бы понижению революционной волны в стране, а волна эта отнюдь не должна понижаться, а должна сохранять свой уровень или даже еще подняться. Этот оттенок был; но и он был не во всех речах, наоборот, некоторые ораторы прямо высказались, что для увеличения престижа министерского состава, вообще Временного правительства, было бы удобно увеличить состав его еще одним, так сказать, абсолютным радикалом. Мне это самому в голову не приходило: «Как, еще социалист-министр, и страна будет спокойнее?» Прямо сказка. Но она будет спокойнее в том отношении, что у страны будет меньше боязни, не буржуазно ли правительство. Очевидно, «буржуазия» — *bête noire* * дела, положения и минуты. Я все себя слушал, проверял и спрашивал: «Уже не буржуа ли я?» Правда, я получаю 10 000 р. в год; но ведь я же весь год, без отдыха и летом,

* страшилище, пугало (*фр.*).

тружусь? Тогда ведь «буржуа» все врачи, адвокаты — множество писателей, М. Горький, Л. Андреев, Амфитеатров, тогда «буржуа» Толстой; «буржуа» священники с богатыми приходами, редакторы всех газет и решительно все видные публицисты, журналисты, ученые и проч. Если так,— то отвратительно заподозрено собственно все умственное и все очень трудолюбивое население страны,— и тогда это действительно тревога: потому что кому же хочется быть «в политическом подозрении со стороны политической и гражданской благонадежности». Я не знаю достоверно, но мне передавали, что знаменитые социалисты германского рейхстага, Либкнехт и Бебель, имеют роскошные виллы, но только не около Берлина, а в Швейцарии,— и там отдыхают в промежуток между сессиями, запасаются голосом. Но неужели же можно серьезно назвать «буржуа» Либкнехта и Бебеля? Ясно, слово это надо произносить и применять поименно с большою, даже с очень большою осторожностью, так как настало время, когда из презрительного литературного смысла оно перешло в категорию слов политически опирающихся, политически указывающих,— как на какого-то врага общества и врага государственного данного строя. Тут уже шуточкам не место, и злословию тоже не место. Тогда «буржуа» суть и Репин, знаменитый демократическими убеждениями, и Нестеров, и, наконец, сами Энгельс и Маркс, коему его «Капитал», непрерывно издававшийся и печатавшийся во множестве экземпляров, приносил несомненно не менее 10 000 руб. в год. И вообще всякая «знаменитость» и «большой талант» тогда будут «буржуа». И не перейдет ли это в глухой рев народных волн: рубить у нации все золотые головы. Срубить и оставить одни оловянные. Тогда нация не процветет: а ведь с республикою мы явно двинулись к расцвету, и *это-то*, именно *это* окрыляет всех сейчас. Где же наши надежды? Не подтачиваются ли они в корне? Взлетевший кверху орел не заболевает ли в правом крыле?

Тягостные вопросы.

Но одни речи и материя их — еще не все. Важно — внимание, слушатели. И вот опять и здесь — явное преимущество перед былыми Государственными Думами. Слушают и реагируют на речи явно лучше, чем в действительно буржуазных собраниях прежних Дум. И тут прямо сказалась демократия в хорошем подборе. Как-то отчетливо слышалась, слышалась забота о государстве, в самом этом внимании к речам. У народа и трудовиков нет праздных слов, и это есть просто результат сурового трудового быта. «Нам некогда слушать пустых речей»,— и от этого они не произносятся. Нет речи, на которую нет слушателя, как не рождается книга, на которую нет читателя. И вот зал, весь огромный зал, как-то слился в одно слушанье и внимание и говор о нуждах «сейчас» с заботой о России.

Я перекрестился (внутренно): «слава Богу». А потом одумался: да чего же я дивлюсь. Ведь это — государственный народ, ведь он работает историческую работу. Как же тут ждать легкомыслия. Этого, даже

и теоретически рассуждая, невозможно ждать. Прежде «правительство заботилось о народе»: чего же ему было не запивать, не гулять и не забавничать. Теперь народ сам правит себя: как же ему не трезветь, как не держать всякое дело грозно, в страхе и ответственности. Думается, самый «контроль над Временным правительством» имеет этот филологический смысл: «Мотри, не зевай. Держи ухо востро». Но не имеет никакого подлого, фискального, прокурорского оттенка. Это было бы не по-республикански, во-первых, и уже слишком отвратительно — не по-русски.

Я думаю, поэтому Совет Рабочих и Солдатских Депутатов — за возможными, конечно, единичными эксцессами в сторону (речь Стеклова) — в общем, однако, есть не возбудительная, а тоже успокаивающая волна, именно — устроительная волна. И солдаты, и рабочие, получив в руки власть, хотят строить, и, пожалуй, тем больше, чем у них больше власти. Тут какая-то тайна. Ведь «батько» всегда строже «братчиков». Это очевидно и всемирно. Так вот вы посадите в «батьки» солдата и рабочего: и моментально разрушительное у него выскочит из головы, — все и всякое разрушительное. Он моментально начнет хранить, оберегать, строить, копить; станет скопидомом власти, богатства, земель, имущества. Инстинкт. Вся история. Сказывают и подсмеиваются: «Женишься — переменишься». «Батько-рабочий-солдат»: это и есть «ныне женатый на власти» былой гуляка. Как же он будет не хранить Русь? — Сохранит. Он уже нынче не в прогуле, а в накоплении. И как-то это чувствовалось, реально чувствовалось в зале Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Я вышел совсем успокоенный, и, думаю, моя мысль прочна.

ЧТО ТАКОЕ НАРОД ТЕПЕРЬ?

(Конец о Совете Рабочих
и Солдатских Депутатов)

Когда видишь что-нибудь, то хочется не только *полно* увидеть явление, но, так сказать, и *полно* заключить его в мысли свои, т. е. сделать все выводы о нем, какие предлагаются зрелищем. Поэтому очень извиняюсь перед читателем, я еще задержу его внимание несколькими словами о Совете Рабочих и Солдатских Депутатов.

— Откуда же эти ораторы, — и думал я, и спрашивал в Таврическом дворце, и рассуждал об этом с другими. Нота-бене. Сравнение с первою французскою революцией, прототипом всех прочих за XIX—XX века, неодолимо, я думаю, в каждом: и вот один момент, когда на кафедру поднялся совершенно молоденький, 22—26 лет, солдат, чуть ли даже не в шинели серой (сейчас не помню формы, потому что был прикован громовым голосом), маленького роста, и прогремел свои пять-шесть минут, наполняя зал своею властью, своим *приказыванием* (тон речи).

У меня при всем стыде сравнения мелькнула мысль о Наполеоне: черт возьми, и тот был солдатом, черт знает, что из него выйдет — может, сопьется, а может... Словом, мысль о политическом таланте, и таланте править, властвовать, приказывать, рассчитывать по пальцам механику правления и уже на основании расчета, ни минуты не колебаться в распоряжении — мелькнула у меня впервые в заседании Совета Рабочих и Солдатских Депутатов.

— *Кто же они? Кто они?*

— Да очень просто, — сказали мне тоже выдавшие, и уже много раз выдавшие эти заседания. — Что такое теперешний солдат? Во-первых, тут есть и офицер, ведь теперь офицеры одевают тоже солдатские шинели (защитный цвет, что ли)... А во-вторых, и сами солдаты при всеобщей воинской повинности с одной стороны, при всеобщих обучении-ях в школах вовсе не меленького уровня, городских и прочее, маленьких технических и т. п., этот солдат вовсе не представляет собою мужика, взятого от сохи, а он представляет собою нижний ярус интеллигенции, который при личной даровитости и при любви к чтению может подняться и очень высоко. Я не говорю, конечно, о всех, я говорю, пожалуй, о немногих, но они все-таки *есть*, и перерабатывающее и сдерживающее их действие на прочую массу — несомненно. Примем во внимание следующее показание истории: Сократ и Ксенофонт ведь тоже университета не кончали, да даже и Цезарь не учился латинскому языку по грамматике, а были «практиками», житейскими людьми, так сказать, скромного домашнего образования. При отвратительно удлинённых программах и курсах наших школ, школ собственно *исключительно* XIX века мы как-то потеряли представление, потеряли осязание, какими неучами перед нами были и Лютер, и Колумб, и Цезарь, и многие мореплаватели всемирной историчности. Они всю ее сотворили, великолепную, красочную, полную дивных звуков и замираний сердца, и между тем все «не кончили курса». Я 25 лет в печати указываю на эту сторону чрезмерно удлинённых программ, что они незримо для педагогов убивают энергию в мальчике и юноше, убивают инициативу, убивают свое «я», напичкивая и начиняя только тусклою интеллигентностью, как арсеналом сведений и оружия, которым к концу длинной школы мертвец не умеет владеть, и оно, это оружие, выпадает у него из рук. Он на 13-й год учения уже умеет только повторять, компилировать, подражать. Короткие школы!.. и вы сохраните гений — самое драгоценное в нации, самое нужное истории. Так я говорил и взывал, молил. Никто не услышал: ибо тайные советники, заседавшие в министерстве, сами прошли очень длинную школу и уже омертвелись, отрупились. Теперь, когда революция положила их на другой бок, и начали «дела делать» вот именно недоучившиеся, авось мое слово вспомнится, да и мой голос будет наконец услышан.

Итак, старого мужика от сохи нет или его осталось не так уж много — лихача-кудрявича из Кольцова нет; ну, и каторжных из Мерт-

вого Дома Достоевского — нет же. Словом, народа старого, былинного, от Святогора-богатыря и Ильи Муромца идущего, очень мало, и, главное, он совершенно перемешался и совершенно неотделим от того же крестьянина и рабочего, уже читающего, размышляющего, мучащегося разными вопросами и решающего умом и совестью разные проблемы, отнюдь не в шуточном смысле и особенно не в шуточном тоне. Ведь кто-то неграмотный сложил и «Стих о Голубиной книге», этот дивный стих, хватающий за сердце и дерущий волосы из головы (от страха и восторга):

Расскажи мне, откуда белый свет зачинается?
От чего зачались зори ясные?
От чего зачался млад светел месяц?
От чего зачинались звезды частые?
От чего зачинался дробен дождичек?
— Я скажу вам, братцы, *не по грамоте,*
Не по грамоте, все по памяти:
Зачинался у нас белый свет
От Самого Христа Царя Небесного,
Солнце красное — от лица Божья,
Зори ясные — от риз Божиих,
Млад светел месяц — от груди Божиих,
Ночи темные — от дум Божиих,
Дробен дождичек — от слез Его...
Буен ветер — от воздахов.

Так и сказано безграмотным «от воздахов». Говорить не умеет, а петь умеет. Никакой буквы Ъ, а глубина как у Канта, Платона, Аристотеля... Да что — выше: ибо там все логика и по Гегелю, скучища невыразимая, а тут молитва, вера и любовь. Но не воображайте, пожалуйста не воображайте, что так говорить и думать умели только в XI веке, при Ярославе Мудром: ведь не сумели так спеть песню первые колонисты Соединенных Штатов; а если русские так затягивали при Ярославе Мудром, то уверяю вас, уверяю и тысячу раз уверяю, что если не корежить и не уродовать народа в излишне длинных школах, а дать ему цвести своим цветом, своей нечесаной головой и даже с некоторыми насекомыми, то он и в двадцатом веке, поваландавшись около разного социализма единственно около заработной платы, запоем то же и в республике, и уже запоем свободно, без надзирания исправника, про глубины мировые, про глубины человеческие, про глубины сердечные, и про всю русскую правду-матушку. И вот тут Карл Маркс осядет «на зад». Не боюсь я Карла Маркса, не боюсь я социализма — с русским народом бояться нечего. Русский народ и при безграмотности или малой грамотности есть уже культура, ибо культура — не в книжках, а в башке. Культура — в совести, душе, правде и Боге. Ну, а с этим всем русский народ, пожалуй, на минутку и расстанется — мало ли бывают бури и уторопленность, когда и мать родную не помнишь, но придет темная ноченька, и задумается лохматая голова: откуда же падают слезаньки Божии, и откуда тоска в мире, ну, и все прочие погибели.

А задумавшись — потом и книжки напишет, и песенку споет. Ну а потом — все это в библиотеки. Но не в них соль и суть. Суть в душе, в сердце народном. И вот почему нам революции — в смысле духовном и идеальных ценностей — совершенно нечего бояться. Это в марте с перепугу многие растерялись. В апреле можно успокоиться.

Ну и еще налетит шквал. Еще встряхнет — ничего. Ничего и ничего. В марте (не скрою) я сам был болен. Аки в гробу. Да еще лицом книзу: не хочу смотреть и видеть. Где же Русь, которую я любил. Тут все *марксисты*. Только из гроба щелочка, и стал я в щелочку поглядывать: какие такие люди, и какой у них шаг, и какие лица. По всему надо измерять человека, везде видеть рост его, в вершок или сажень. И увидел я: люди хорошие, brave; лица смелые, открытые, не затаенные, не подлые. Стало сердце отлегать: как будто не очень скверно, как будто даже хорошо. Вылезаю из гроба, смотрю: все же живая Русь. Только будто помолодела и приосанилась. И подумал я: сплетется этот марксизм с старыми песенками, со старыми сказочками. Сплетется он с «Глубиной (глубиной) книгой», — ну и еще поглядим, что и как выживет и кто кого переживет.

Меньше тревоги, не надо тревоги. Наша башка да рабочие руки — поручкой за историю и ее бесконечность в будущем. Ничего не остановится. Будем спорить. «Ах, христианство пропало, — потому что марксизм; и церковь погибнет, потому что где же казенная субсидия». Вот уж воистину дошли до окаянства созерцания.

В НАШИ ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Провокация напрягает все усилия, чтобы вытолкнуть население из той свободы, которую завоевали ему февральские и мартовские дни, и ввергнуть его в анархию. Затемнить свободу и замутировать свободу — лозунг темных личностей. Орудие — клевета, оклеветание. И эта клевета бьет в одну цель — во Временное правительство. Забывается, что состав его рискнул головой в те страшные дни, когда еще не состоялось отрешение от престола бывшего государя, и что этот риск головою длился не минуты и не часы, а целые дни. Такие минуты и подобные дни так воспитывают и перерабатывают душу человека, что если даже он вообще и есть человек своего сословия и класса, то призванный на пост служения своему отечеству освобождается от этой классовой психологии, насколько это вообще возможно для человека. И все суть люди своего класса и все односторонни, но тут односторонность выражена минимально вследствие лично сделанного шага.

Вся Россия восторженно приветствовала совершивших могучее движение людей, и она-то, поддержка всей России, и совершила переворот, до которого все было начато, но еще не было ничего окончено. Кто это забыл? Кто это может забыть? Неужели память наших новых граждан

длится только полтора месяца и не может продлиться до двух месяцев? А ведь мы введены в гражданство именно Временным правительством.

Сделали ли они хоть один шаг, чтобы возбудить подозрение иных классов населения? Они ничего такого не сделали. Все их действия суть только действия людей с широким умственным и политическим горизонтом, т. е. людей образованных. И нужно им бросать в лицо не то, что они буржуазия, а то, зачем они образованны, для чего они изучали политику и историю, для чего размышляли? Это — другое дело. Но не погашает ли такой крик сам себя? Не покраснеет ли всякий, кто так закричит? Это будет румянец провокатора, кричащего не о том, что нужно России, а о том, что нужно ему самому и что нужно анонимам, его купившим и его пославшим.

Довольно этих криков, довольно, довольно! Теперь каждая толпа есть собрание граждан, а не прежняя темная толпа подданных, ни в чем не разбиравшихся и поддававшихся всякому возбуждению со стороны. Теперь во всем нужно требовать отчета и требовать его у всякого. Теперь не должно быть темных криков, а сознательные решения.

Россия присягнула в повиновении Временному правительству, и присягнула сознательно ему, как составу людей, могущих по широкому своему образованию руководить государственным кораблем в столь бурные дни и в таком угрожаемом от страшного врага положении. Никому даже на ум не приходит и здравому смыслу не может прийти на ум, чтобы Миллюков, Гучков или Шингарев руководствовались в своих государственных соображениях какими-нибудь другими побуждениями, кроме одного: как спасти Россию и сохранить для нее то положение, какое она завоевала совершившимся переворотом. И вот этому-то вся Россия и поверила. Этому она и вверилась в судьбе своей в дни февральские и мартовские. И ничто ее доверие не поколебало.

Нельзя быть правительством без твердости в себе. Нельзя держать твердо в руках руль корабля, если сам не стоишь крепко на ногах. И хочется всеми силами души сказать Временному правительству, что оно имеет за собою не только русское уважение, но и русскую любовь и преданность. Оно спасло в февральские дни русский корабль от потопления старою властью. Примкнули именно к нему, из доверия к его образованию и общерусскому чувству.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

М. г.

Позвольте через посредство вашей уважаемой газеты высказать следующую мысль и пожелание. Теперь, когда великий русский народ совершил громаду политического передвижения и сам стал хозяином у казенного ящика, у всех громад имущественных и культурных, богатств

отечества своего, в нем пробудилась величайшая жажда поучения. Это можно заметить по живейшему вниманию, с каким слушаются речи на маленьких уличных митингах. 1-го мая, можно сказать, миллионная толпа училась, хватала сведения, хватала разъяснения. Искали не возбуждения, не волнения, а именно сведений, смысла... Зрелище было трогательное, замечания из народа были удивительные. Русский народ остер и чуток. И вот надо этим воспользоваться. Нужно хозяину дать понять, во владение чем он вступил. Нужно дать скорейшую и вразумительную грамоту народу,— грамоту первого, главного и основного политического, экономического, правового научения. Народ-самодержец должен знать права свои, и особенно он должен узнать цену тем неизмеримым сокровищам, какие попали ему в руки, и как с ними обращаться, как их сохранить и приумножить еще. Экономическая сторона дела должна быть на первом плане, потому что народ, изнывавший в труде и в нужде, понятно, более всего и интересуется тем, как ему жить безбедно. Но после этой главной нужды и заботы он должен получить и сведения о государстве, об отечестве, потому что он будет управлять и уже управляет. Тут нельзя быть слепым, хозяин без глаза может неосторожно и спалить, и затопить свое хозяйство, и сам сгореть или утонуть среди своих сокровищ. Так бывает и в малом хозяйстве, и еще легче такое несчастье может произойти в неизмеримом хозяйстве Руси.

Мысль моя заключается в том, чтобы скорейшим образом составить и отпечатать в огромных миллионах количеств экземпляров самые первые и общие сведения о России и ее населении, о том, как она управляется по местам и как управляется вся, об ее доходах и расходах. О флоте и численности кораблей, военных и торговых. О протяжении пахотной земли, об угодьях бывших кабинетских и бывших удельных. Но особенное старание надо приложить к объяснению главных законов и главных соотношений экономических, финансовых и проч. Все это нужно всесторонне, но чрезвычайно быстро обдумать и сказать народу словом ясным и вразумительным. Теперь народ уже не сословие, не партия, он — все, и в этом всем он может быть един, целен и без разделений. Должна быть скорейшим образом изготовлена библиотека летучек, самых кратких брошюр высшего популярного изложения, которые бросила бы в народ первые и совершенно беспристрастные зерна будущего его политического развития. Сделать это нужно для того, чтобы народ мог разобраться в тех голосах, какие он слышит на митингах, и в тех советах, какие ему дают. Нужно, чтобы он не был ни к чему слеп, а ко всем зряч.

Прилагаю при сем сто рублей для начала. Нужно ожидать, что все сознательные граждане России живо отзовутся на это, понимая очень хорошо, что прямое, всеобщее, равное и тайное голосование диктует необходимость быстрого создания такой универсально-политической библиотеки для народного чтения. От здравости голосования теперь все

зависит. Народ глубокой совести, как русский, никогда не захочет сказать неправды. Но он может не видеть, где правда. И вот ее-то правдивым и беспристрастным языком ему и следует сказать без всяких подделок и уклонений.

ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА И ВЛАСТЬ ИДЕЙ

Физических сил в данную историческую и в данную политическую минуту России если и не слишком много, то достаточно много. Их только не хватает или они недостаточно сплочены и организованы, чтобы сложить под себя внешнего врага, этого мучителя всей Европы. И в отношении внешнего врага, которого одолеть очень трудно, мы развиваем идеи пацифизма, щадим его, который не щадил ни бельгийцев, ни нас, ни «Лузитанию». Эта пощада весьма похожа на пощаду бессилия или пощаду бесхарактерности. Мы его жалеем, потому что боимся, что он нас разобьет. Тут выпускаются все пары миролюбия и международной дружбы, вся аргументация социализма и недопустимости наступать на врага, потому что враг-то уж очень силен. Об этом подспудном мотиве ленинцев и не только одних ленинцев можно заключить из того, до какой степени тактика наступления и угрозы сменяет собою мирный пацифизм, как только дело касается нашего бедного Временного правительства, которое никакою физической силою не обладает, и все очень хорошо знают, что такой силы у него нет. Тут совсем иные речи. Никто не угрожает сменить Вильгельма, хотя сменить его было бы очень хорошо и вполне есть за что. Но сменить Временное правительство — об этом странным образом уже было выговорено вслух, и без оглядки на Россию, которая может быть и не желает, чтобы Временное правительство было сменено. Классовые вождедения вообще неприятны. Но они *вообще* неприятны, потому что угрожают всей России попасть в обладание какого-нибудь одного класса, тогда как она была и есть совокупность классов, есть единство и целостность страны со всеми ее окраинами и во всем множестве составляющих ее народностей.

Физическая сила есть очень большая сила, которой все боятся. Но следует Временному правительству оглянуться на то, что за спиною его стоит еще большая сила — именно сила порядочности и нравственности. Ведь мы революцию совершили для чего женибудь. Именно, мы ее совершили для того, чтобы войти в лучшие дни. Завтрашний лучший день — вот мотив революции. Не будь его — Россия и не шелохнулась бы, чтобы сбросить старое правительство. Но позвольте, какой же лучший день, если опять все начинают кого-то бояться, и самое правительство, с именем и с сущностью которого связана ответственная свобода, — ответственная, но во всяком случае без испуга, — тоже, по-види-

тому, боится каких-то анонимов, которые совершенно непререкаемо и без возражений со стороны грозятся его свергнуть, когда это им потребуется. Раз дело доходит до таких слов, вслух произносимых, то совершенно ясно, что или в чьих-то головах очень смутно, или мы уже действительно вошли в печальную политическую смуту.

Предпочтительнее думать, что в чьих-то головах очень смутно. Потому что Россия решительно не желает смуты и определенно думает, что, войдя в революцию, она вошла в радостные дни. Иначе бы она в них не вошла. Во всяком случае никакого не показателя в России, нет показателя в Москве, нет показателя в провинциальных городах, чтобы они рвались к смуте и жаждали ее. Совершенно очевидно, что смута нужна кому-то, и, вольно или невольно, а с этим темным лицом провокатора революции совпадают неосторожные слова приблизительно социалистов, которые угрожают Временному правительству, что они его терпят пока, а потом сменят. Россия отнюдь не социалистическая, и социалистическою она себя не объявляла. Социализм есть одно из интеллигентных течений, допустим даже — самое лучшее, самое высшее. Но сама-то интеллигенция есть всего только один класс, а социализм есть даже и не класс, а лишь умственное течение в одном из классов. Допустить, чтобы он овладел Россиею, значит стать в рабство менее чем одному классу: всего-навсего одной группе класса. И нужно решительно сказать, что Россия этого не хочет. Может быть, можно добавить и то, что мы этого не допустим.

Но раньше всякого испытания временем можно произнести простое слово, что это *несправедливо*. У слова этого очень большая сила, не меньше, чем у пушек, ружей и штыков. Несправедливо — это все собою опрокидывает. Против такого слова не устоит ни одна крепость. Сам социализм не устоит: ибо если он имеет какое-нибудь основание, какую-нибудь прочность в себе и власть над массами людей, то только по доверию этих масс, что в нем, в социализме, скрыта *справедливость*. Отнимите это качество, и он развалится, как мираж слов.

Но вот он сам, социализм, проявляется в данную историческую минуту в России, сейчас же после революции, как несправедливость. Ибо какая же это справедливость, не спросив народ, о себе говорить, что он низвергнет его правительство, когда захочет, не обращая внимания на то, хочет ли еще народ, чтобы его правительство было низвергнуто. Совершенно ясно, что социализм, одно из интеллигентских течений, узурпирует себе власть над всею Россиею, не спросясь России. Не отрицаем даже того, что это прекрасно, благородно, пацифично и согласно с Германиею и ее вожделениями в России. Но мы отрицаем, чтобы это было уравнительно и по-братски. Тут кто-то один влез дяденькой над Россией. И такого дядю свободная Россия может попросить себе не более, чем в братцы.

СОЦИАЛИЗМ В ТЕОРИИ И В НАТУРЕ

Социализм, который вчера был мечтою, и, как мечта, «не имел длины, ширины и толщины», а только вился синею струйкой к небу,— теперь, с февраля и марта этого года, сел на землю, получил очертания, и всякий может его рассматривать *concreto*. Удивительно, что он не производит того же впечатления, став осязательным. Все помнят журнал Михайловского и Щедрина «Русское Богатство», который карательною экспедициею цензуры был превращен в «Русские Записки». 15 апреля была разослана подписчикам этого журнала книжка, на толстой обложке которой, имитирующей цветом и шрифтом обложку бывших «Отечественных Записок» (мать «Русского Богатства» и бабушка «Русских Записок», где участвовал еще Белинский), с новым и старым заглавием одновременно: «Русские Записки». «Русское Богатство», 1917, № 2—3, февраль — март. Будущий историк нашей культуры и совершившегося в нашей жизни теперь переворота должен будет со всем тщанием изучить эту книжку. От дня ее выхода до содержания и тона статей — тут все замечательно. Во-первых, историк усмотрит, каковы же были условия труда, и в частности книгопечатного труда, если вождь радикальной журналистики в Петрограде и России не мог в течение полутора месяцев сообщить своим читателям о том самом перевороте, которого он и его литературная традиция ожидали не более и не менее как с 1842—1845 годов, т. е. без немного век!!! Тут все поразительно: стойкость и упорство ожидания, это одна струна, дрожащая без изменения в том же тоне 75 лет, на ту же тему, с тем же в сущности социал-демократическим содержанием, которое обняло последний период деятельности нашего знаменитого критика. Поистине, осуществилось: «Толщьте и отверзется вам», «стучите все в одну дверь — и тогда она откроется». Да,— не один Бог и Провидение управляют миром и историею: они очевидно дали какую-то автономию человеку, отпустили в историю его некоторое самоуправление, дав ту награду труду человеческому и упорству человеческому, по коей что бы ни составляло содержания этого труда, пусть даже бунт против самого Провидения и Бога,— это все равно будет награждено, получит успех, если «в дверь достаточно долго и с настоящим чистосердечием толклись, стучались, колотились». Замечательно и должно быть запомнено...

И вот переворот совершился. Не только нет прежней формы правления,— нет прежней династии! Событие таково, что даже и в мае смотришь и озираешься, смотришь и не веришь себе, смотришь и ощупываешь себе руки и голову. И что же: семидесятипятилетнее ожидание, и журнал даже не может напечатать для читателей, что «все исполнилось по вашему ожиданию». Сокращенная «в две» одна книжка отпечатывается только к 17 апреля! Т. е. для могущественного журнала и могущественной типографии, где уже все налажено, запасено, подготовлено, где

работают старые «верные» наборщики и техники, — нет никаких средств выйти ранее, очевидно — нет технических и рабочих средств! Действительно, выходят, вот уже третий месяц, одни чрезвычайно многочисленными газеты и самые тощие брошюры, большею частью отвратительного политическо-порнографического содержания, с рассказами о царской семье, в которых чем меньше приличия, тем обеспеченнее сбыт на рынке.

В книжке помещены статьи Веры Н. Фигнер «После Шлиссельбурга», но не эти слова пророчицы революционной привлекают нас — более или менее воспоминательные. «Ах, мемуары кончились, началась настоящая история». И мы спешим к записям очевидцев. Эти-то, эти капли живой воды, которые еще падают и не упали, которые уже отделились от небес, от судьбы, а на землю еще не успели упасть, — мы их ловим руками и жадно пьем.

И вот перед нами полные трепета и огня «Обвал» Ф. Крюкова, «Как это произошло» А. Петрищева, «Великий переворот и задачи момента» В. Мякотина и «На очередные темы» теперешнего уже министра А. Пешехонова. Этот бывший сельский учитель, все время провозившийся с революцией, — сейчас уже министр «Всероссийского правительства». Может ли быть что-нибудь головокружительнее?? В какой сказке конь быстрее бежит, чем в нашей действительности, «серый волк» лютее щелкает зубами и у Ивана-Царевича выходит лучше удача?

Рассказ Ф. Крюкова более чем превосходен: он честен. Я много лет замечал эту струю, то толстевшую, то утончавшуюся в нашей народнической литературе, — струю простого, ясного, доброго отношения к действительности, пересказа «того, что есть», без всякой собственно тенденции, хотя тенденция в душе автора есть. Это была лучшая всегда ее сторона, которой просто верилось, которая просто уважалась, хотя бы у читателя и было расхождение с душою самого автора в его читательской и совсем другой тенденции. «Ваши убеждения для меня трясина-трава. Но вы не перевернете, не обманете, вы расскажете то, что видели, и попросту и не скрывая освещаете все светом из своей души: и я вас слушаю». Думаю, что этой стороной своей радикальная журналистика и привлекала к себе всеобщее внимание, привлекала 75 лет и в конце концов его именно победила. Тут и было сосредоточено: «толщьте и отверзется». Струи этой вовсе не было у журналов типа «Вестника Европы», и даже в этой журналистике, заметно, ее нет у иностранцев и «анонимов». Это — чисто русская и даже великорусская черта; дух, слово и присловье наших приволжских губерний.

И он зарисовывает уличные сценки Петрограда, начиная с 23 февраля, когда куда-то «поехал», и вот — торгуется утром этого дня с извозчиком. И — до минуты отречения бывшего государя от престола. Десять страничек, а истории как не бывало. Той русской истории, которая три века тянулась непрерывно, три века развивалась и вся шла одним ходом: и вдруг свернула на сторону и повалилась. Поистине,

«обвал»: как точно самое заглавие. И всего — пять-шесть дней. Без громов, без артиллерии, без битвы! А что перед этим «обвалом» великая Северная война, тянувшаяся двадцать лет при Петре Великом, — и Отечественная война с ее последствиями, и Севастопольская война с ее тоже последствиями, и — теперешняя борьба с Германией, которой пылает вся Европа, даже весь мир. Для России ее теперешнее потрясение превосходит все вероятное и невероятное. Ах, не «обвалы» внешние в мире значат много, не громы орудий, не борьба, не битвы, не сражения: страшнее, когда незаметная мышка точит корень жизни, грызет и грызет его, и вот — перегрызла. Тогда вдруг лиственное дерево, громадное, зеленое, казалось бы, еще полное жизни — рухается сразу на землю. И пожелтеют его листья, и не берет оно больше из земли силушки. Корни его выворочены кверху.

Эта мышка, грызшая нашу монархию, изгрызшая весь смысл ее — была бюрократия. «Старое, затхлое чиновничество». Которое ничего не умело делать и всем мешало делать. Само не жило и всем мешало жить.

Тухлятина.

Протухла. И увлекла в падение свое и монархию. «Все повалилось сразу». — «Ты защищаешь ее все: так провались и с защищаемым вместе». С тем защищаемым, с которым мы не можем жить, с которым мы не хотим жить, с которым, наконец, «не благородно жить».

А все началось уличными мелочами. Но, поистине, в столице все важно. Столица — мозг страны, ее сердце и душа. «Если тут маленькая закупорка сосуда — весь организм может погибнуть». Можно сказать, безопаснее восстание всего Кавказа, как были безопаснее бунты Польши в 1830 г. и в 1863 г., нежели вот «беспорядки на Невском и на Выборгской». Бунтовала Польша — монархия даже не шелохнулась. Но вдруг стало недоставать хлеба в Петрограде; образовались «хвосты около хлебных лавок». И из «хвостов» первоначально и первообразно — полетел «весь образ правления к черту». С министерствами, министрами, с главнокомандующими, с самим царем — все полетело прахом. И полетело так легко-легко. Легкость-то полета, нетрудность напряжения — и вскружила всем головы. Это более всего всех поразило.

— Как тысячу лет держалось. И вдруг только «в Петрограде не хватает булочек». От Рюрика до Николая II одно развитие, один ход, один в сущности смысл: и вдруг «на Выборгской стороне не хватило булок» — и все разом рухнуло. Все это зачеркнуто. Зачеркнуто ли? Нет, не то страшно, что это так страшно. А то страшно, что страшного-то ничего и не было. Тут-то мы и узнаем «легкость жизни людской», легкость в сущности самой истории. «Мы думали, что она тяжела, — ну, хоть как поезд. Для поезда, чтобы его сдвинуть с места, нужен паровик. Сколько же нужно, чтобы сдвинуть с места город? А губернию?»

— По крайней мере, нужно землетрясение, извержение вулкана. Везувий засыпал Помпею, а Неаполя — в десяти верстах от себя, — не засыпал. Сколько же нужно, чтобы перевернуть вверх дном Россию?

Поверишь в Провидение, когда услышишь в ответ:

— Чтобы перевернуть Россию вверх дном, то для этого всех сил человеческих недостаточно. Но — человеческих, земных. Для Провидения же, для небес и Бога — достаточно, если люди: солдаты, казаки, барыни, барышни, девки, бабы, мужчины, рабочие, полицейские, гулящие девицы на тротуаре проболтаются и проваландаются на Выборгской стороне и на Невском проспекте дней пять-шесть в болтовне и будут все шутить небольшие шуточки, угощаться папиросками и прочее. Познакомятся ближе и в обоюдном осязании и говоре поймут, что «все люди». Вот этого — достаточно. Потом — самое легкое сотрясение, неудачный или бестактный приказ власти — и «вся Россия перевернется».

Начинается рассказ Ф. Крюкова с частной подробности: как извозчик его, старик, провозит контрабандой из Ораниенбаума овес для своей лошади. «Прикроем телегу бумагой, газетными листами — и ничего. Везем». Крюкову это кажется и недозволительным, «против начальства», и он переводит извозчика на другой разговор, дабы и извозчика и его полиция не могла обвинить в нарушении приказа правительственного о «нераспространении ложных слухов». Вот с чего начинается. Потом перелистывается двадцать четыре странички рассказа беллетристического, все уличных сценок и не более. «Никакого извержения вулкана». «Ни малейшего сотрясения земли». Между тем на них происходит не только отречение императора от трона, — и с наследником и со всем родом своим: но уже старый революционер плачет первыми революционными слезами:

«В день, когда по всему городу пошли и поехали с красными флагами, я шел, после обычных скитаний по городу, домой, — усталый и придавленный горькими впечатлениями. Звонили к вечерне. Потянуло в церковь, в тихий сумрак, с робким, ласковым огоньком. Вошел, стал в уголку. Прислушался к монотонному чтению — не разобрать слов, но все равно — молитва. Одними звуками она всколыхнула переполненную чашу моей скорби и вылила ее в слезах, внезапно хлынувших. Поврежденный в вере человек, я без слов молился Ему, Неведомому Промыслителю, указывал на струпья и язвы родной земли... на страшные струпья и язвы».

И вот для будущего историка свидетельство современника и очевидца события, т. е. Крюкова и меня: что все решительно так и произошло, как он передает. Т. е. ничего в сущности не произошло, не было. Центр (как теперь говорят) — братанье на двух фронтах, «публики и казаков», публики и солдат, без ожидания, без малейшего ожидания кого-нибудь, что из этого что-нибудь выйдет. Вот отрывок:

«По сущей правде и совести скажу здесь то, что видел и слышал я в эти единственные по своей диковинности дни, когда простое, обыденное, серое, примелькавшееся глазу фантастически сочеталось с трагическим и возвышенным героизмом; когда обыватель, искони трепетавший перед нагайкой, вдруг стал равнодушен к грому выстрелов и свисту

пуль, к зрелищу смерти, и бестрепетно ложился на штык; когда сомнение сменялось восторгом, восторг страхом за Россию, красота и безобразие, мужество, благородство, подлость и дикость, вера и отчаяние переплелись в темный клубок вопросов, на которые жизнь нескоро еще даст свой нелюбезный ответ.

· Не скрою своей обывательской тревоги и грусти, радости и страха, — да простится мне мое малодушие... Как обыватель, я не чужд моей гражданской тоски, гражданских мечтаний, чувства протеста против гнета, но мечты мои — не стыжусь сознаться в этом — рисовали мне восход свободы чуть-чуть иными красками, более мягкими, чем те, которые дала ему подлинная жизнь. Итак, попросту передам то, что видел, чувствовал и слышал в эти дни».

«Вечером по телефону товарищ по журналу сообщил, что на Невском была стрельба, казаки убили пристава.

— От кого вы это слышали?

— Очевидцы рассказывают.

— Не верю очевидцам: сам ходил — ничего не видал.

— На Знаменской, говорят...

— До Знаменской, правда, не дошел, но очевидцам не верю: много уж очень их стало...

Уныло молчим оба. Ясно одно, что дело проиграно, движение подавляется и люди тешатся легендами.

— Раз стреляли, значит — кончено, — говорю я безнадежно, — надо разойтись. А вот — когда стрелять не будут, тогда скажем «ныне отпускаешь раба твоего...»

Поразительно — и пусть да запомнится его историкам — что на улицах и в домах Петрограда точь-в-точь все так и было, как рассказывает Крюков; т. е. что в сущности почти ничего не было; и тем не менее, перебежав через все эти подробности, мы перешли, вся Россия перешла, из самой безудержной деспотии, как характеризовал дотоле журнал состояние России, в «самый свободный образ правления». И всего — двадцать пять страниц; и — ничего решительно не пропущено. Вот что значит не «историческое рассуждение», от которого со сна мрут мухи, а «художественные штрихи» непритязательного журналиста.

«Росла тревога, росла тоска: «что же будет? все по-старому?»

Приходил профессор и рассказывает уличную сценку:

— Сейчас видел атаку казачков...

— Ну?!

— Шашки так и сверкнули на солнце.

Он сказал это деланно спокойным тоном, притворялся невозмутимым. У меня все упало внутри.

— Ну, значит, надо бросить...

— Само собой...

— Раз войска на их стороне, психологический перелом еще не наступил. Да ты видел — рубили?

Он не сразу ответил. Всегда у него была эта возмутительная склонность — поважничать, потомить, помучить загадочным молчанием.

— Рубили или нет — не видел. А видел: офицер скомандовал, шашки сверкнули — на солнце так ловко это вышло, эффектно. И нырнул в улицу Гоголя — и наутек! Благодарю покорно...

Помолчал. Затем прибавил в утешение еще:

— И бронированные автомобили там катались, — тоже изящная штучка... Журчат.

— Иду посмотреть».

В какой тоске... бедный социалист, старый социалист (он ссылается на года: «солидный вид и седая голова»)... Когда же придет заря освобождения отечества? И вот она пришла.

«Когда я перебежал на другую сторону улицы, вдруг сзади, со стороны Невского, затрещали выстрелы. Был ли это салют при обстреле восставших — не знаю. Но все, что шло впереди меня и по обеим сторонам, вдруг метнулось в тревоге, побежало, ринулось к воротам и подъездам, которые были заперты, и просто повалилось наземь.

Побежал и я.

— Неужели сейчас все кончится? Упаду? Пронизет пуля и — все. Господи! неужели даже одним глазом не суждено мне увидеть свободной, прекрасной родины?

Я бежал. Но понимал, что это глупо — бежать, надо лечь, как вот этот изящный господин в новом пальто с котиковым воротником-шалью, распластавшийся ничком и спрятавший голову в тумбу. Но было чего-то стыдно... Очень уж это смешно — лежать среди улицы. И я бежал, высматривая, куда бы шмыгнуть, прижаться хоть за маленький выступ. Но все ниши и неровности в стенах были залеплены народом, как глиной...

И вдруг, среди этой пугающей трескотни, в дожде лопающих звуков, — донеслись звуки музыки... Со Спасской вышла голова воинской колонны и завернула направо, вдоль Литейного. Оттуда, ей навстречу, прокатился залп. Но музыка продолжала греметь гордо, смело, призывно, и серые ряды стройною цепью все выходили и развертывались по проспекту, вдоль рельсовой линии. Это был Волынский полк.

Я прижался к стене, у дома Мурузи. Какой-то генерал, небольшой, с сухим, тонким лицом, с седыми усами, — не отставной, — тяжело дыша, подбежал к тому же укрытию, которое выбрал я, споткнулся и расшиб колено. От него я узнал, что вышли волынцы.

Гремели выстрелы, весенним, звенящим, бурным потоком гремела музыка, и мерный, тяжелый шум солдатских шагов вливался в нее широким, глухим, ритмическим тактом. Не знаю, какой это был марш, но мне и сейчас кажется, что никогда я не слышал музыки прекраснее этой, звучащей восторженным и гордым зовом, никогда даже во сне не снилось мне такой диковинной, величественной, чарующей симфонии: выстрелы и широко разливающиеся, как далекий крик лебедя на заре,

мягкие звуки серебряных труб, низкий гул барабана, стройные серые ряды, молчащие, торжественно замкнутые, осененные крылом близкой смерти...

Прошел страх. Осталась молитва, одна горячая молитва с навернувшимися слезами — о них, серых, обреченных, сосредоточенно и гордо безмолвных, но и безмолвием своим кричащих нам, робким и мелким, и всему свету: «Ave patria! morituri te salutant» *...

Как чудно... Издали, исчужа слушаешь — и все-таки говоришь себе: «чудно». Господи, есть ли религия в истории? Господи, если она есть, то ведь что же значат ожидания человеческого сердца, вот — многолетия, вот — столько лет? Если не насыщать их, то для чего же вообще жить, где же смысл истории, и не правы ли были те, которые проклинают Небо? Конечно, в самом насыщении земли — не только дар Неба, но и обязанности Неба: в насыщении всяком, «противоположном моему желанию». «Если ты, социалист, так радуешься, то хотя я вовсе не социалист, пожму тебе руку, ибо брат мой сыт».

Ах, жутка вся эта книга, весь номер. Я несколько раз перечитал и Петрищева, и Мякотина — с бурными, прямыми, резкими упреками Совету Рабочих и Солдатских Депутатов, перед коим все «преклоняются сейчас». Я сам читал «придворные» статейки в воистину буржуазных газетах, под заглавием: «Мудрость Совета Рабочих и Солдатских Депутатов». Вообще, нельзя не заметить, что именно буржуа сейчас пуще всего лижут пятки у демократии. Бедные, очевидно, очень растерялись.

«Сражаться уже не с кем было: остатки полицейских повывлезли с чердаков и сдались. Войска неудержимой лавиной перекатывались на сторону восстания, и покушение вернуть военной силой власть в старые руки было похоже на попытку сплести кнут из песка. Все рассыпалось... С грохотом катился обвал — глубже и шире...

Стало совершившимся фактом отречение. Неделей раньше с радостью, со вздохом облегчения была бы принята весть о министерстве доверия. Теперь пришла нежданная победа, о которой и не мечтали, и в первый момент трудно было с уверенностью сказать самому себе: явь это или сон?..

Но почему же нет радости? И все растет в душе тревога и боль, и недоумение? Тревога за судьбу родины, за ее целость, за юный, нежный, едва проклюнувшийся росток нежданной свободы... Куда ни придешь — тоска, недоумение и этот страх... Даже у людей, которые боролись за эту свободу, терпели, были гонимы, сидели в тюрьмах и ждали страстно, безнадежно заветного часа ее торжества...

Нет радости...

— Нас все обыскивают! При старом режиме это было реже...

* «Здравствуй, родина! идущие на смерть тебя приветствуют» (лат.).

— В соседней квартире все серебро унесли... Какие-то с повязками... Звонок. Неужели опять с обыском?

Да, обыск. Два низкорослых, безусых солдатика с винтовками, с ро-
зами на папах. В зубах — папиросы.

— Позвольте осмотреть!

— Смотрите.

Один пошел по комнатам, другой остался в прихожей.

— Что нового? — спросил я.

— Вообще, военные все переходят на сторону народа. Ну, только в Думе хотят Родзянко поставить, то мы этого не желаем: это опять по-старому пойдет...

Я не утерпел, заговорил по-стариковски, строго и наставительно:

— Вам надо больше о фронте думать, а не о Родзянке. Поскорей надо к своему делу возвращаться.

Он не обиделся. Докурил папиросу, заплевал, окурок бросил на пол.

— Да на позицию мы не прочь. Я даже и был назначен на румынский фронт, а сейчас нашу маршеву роту остановили. Вот и штаны дали легкие, — он отвернул полу шинели.

— Ну вот — самое лучшее. Слушайте офицеров, блюдите порядок, дисциплину, вежливы будьте...

— Да ведь откозырять нам не тяжело, только вольные не велят нам.

Не было радости и вне стен, на улице.

Человеческая пыль пылью и осталась. Она высыпала наружу, скучливо, бесцельно, бездельно слонялась, собиралась в кучки около спорящих, с пугливым недоумением смотрела, как жгли полицейские участки, чего-то ждала и не знала, куда приткнуться, кого слушать, к кому бежать за ограждением и защитой.

Расстроенный, измученный хозяин торговли сырами плакал:

— Господа граждане! За что же это такое! Так нельзя! Граждане-то вы хоть граждане, а порядок надо соблюдать!..

Очевидно, новый чин, пожалованный обывателю, тяжким седлом седлал шею брошенного на произвол свободы торговца...

Удручало оголенное озорство, культ мальчишеского своевольтва и безответственности, самочинная диктатура анонимов. Новый строй — свободный — с первых же минут своего бытия ознакомился с практикой произвола, порой ненужного, и жестокого, и горько обидного...

Но страшнее всего было стихийное безделье, культ праздности и дармоедства, забвение долга перед родиной, над головой которой занесен страшный удар врага...

И рядом — удвоенные, удесяттеренные претензии...

Не чувствовала веселья моя обывательская душа. Одни терзали. Но к ним тянуло неотразимо, не было сил усидеть дома, заткнуть уши, закрыть глаза, не слышать, не видеть...

Усталый, изломанный, разбитый, скитался я по улицам, затопленным праздными толпами. Прислушивался к спорам, разговорам.

По большей части, это было пустое, импровизированное сотрясение воздуха — не очень всерьез, но оно волновало и раздражало.

— Ефлетор? Ефлетор — он лучше генерала сделает! Пущай генерал на мое место станет, а я — на его, посмотрим, кто лучше сделает. Скомандовать-то всяк сумеет: вперед, мол, ребята, наступайте... А вот ты сделай...

— У нас нынче лестницу барыня в шляпке мела...

— И самое лучшее! Пущай...

— Попили они из нас крови... довольно уж... Пущай теперь солдатские жены щиколатку поедят...

Я знаю: все в свое время войдет в берега, придет порядок, при котором будет возможно меньше обиженных, исчезнут безответственные анонимы, выявив до конца подлинное свое естество. Знаю... Но болит душа, болит, трепетом объятая за родину, в струпьях и язвах лежащую, задыхающуюся от величайшего напряжения...»

Мне тоже хочется зарисовать картинку. Было что-то 1—2-е марта, или 29 февраля. Я всегда был заядлый консерватор, или, точнее, я думал о политике: «*Noli tangere meos circulos*» * — «Не мешай, политика, мне думать свои мечтания». Ну, вот, дело было под вечер, сменял я туфли на сапоги, даже надел пальто и спустился вниз к швейцару. Постреливали... «Надо же посмотреть». И я шагнул в улицу. Это около самой Думы (Госуд.).

Вечерело. Прокатился автомобиль, — с солдатами и сестрами милосердия, которые тогда все разъезжали. И один, и другой. Шли рабочие. Опять шли. И вот с ружьишком наперевес, «сейчас иду в штурм», прошел, проковылял — мимо меня ужасно невзрачный рабочий, с лицом тупым...

И вся история русская пронеслась перед моим воображением... И Ключевский, и С. М. Соловьев, и И. А. Попов: все, кого я слушал в Москве. И я всем им сказал реплику консерватора:

— Господа, господа... О, отечество, отечество: что же ты дало вот такому рабочему? Какое тупое лицо, какое безнадежное лицо. Но оно-то и говорит ярче всяких громов: вот он с ружьишком. Кто знает, может, поэт. Тупое внешнее выражение лица еще ничего не значит. Я сам непрерывно имею «тупое выражение лица», а люблю пофантазировать. Он прямо (этот рабочий) идет в атаку «сбросить ненавистное правительство». Да и прав. О, до чего прав. Ведь их миллионы, таких же, и все тупых и безнадежных; какую же им радость просвещающую дали в сердце? А радость — всегда просвещает. Один труд, одна злоба, один станок окаянный. Как он держится за ружье теперь: первая «собственная дорогая вещь», попавшая ему в руки, не спору — может быть украденная. У вас — броненосцы. Флот. Силы. А если силы — то и слава. Что же из этой славы и величия отечества вы дали ему? Сами вы генералы, а его

* Не прикасайся к моим кругам (*лат.*).

превратили в воришку. Но живет во всякой душе сознание достоинства своего, и в том-то и боль, что вы не только сделали «сего Степана» отброшенным, ненужным себе, ненужным ни Ключевскому, ни Соловьеву, которые занимаются «величествами историческими», а сделали наконец воришкой, совсем заплеванным, и о котором «сам Бог забыл». Но это вам кажется, что Бог забыл, потому что собственно забыли вы сами, господа историки, а Бог-то не может ни единого человека забыть, и вот воззвал этого Степана, и дал ему слово Иова и ружье... Забыт, забыт и забыт. О, как это страшно: «забытый человек». Позвольте: об Иове хоть «Книга Бытия» говорит, какими громами,— и имя его не забудется вовек. Он прославлен, и славою пущею всяких царств. Но сколько же Степанов, сколько русских Степанов забыто русскими историками и русскою историею, всею русскою историею,— окончательно, в полной запеханности, в окаянном молчании. И по погребам, по винным лавкам, по хлевам они дохли, как крысы, «с одной обязанностью дворника выбросить их поутру к черту».

И сам церковник негодовал на церковь:

— Ну, а ваши песнопеньица? Такие золотистые? С кружевцом? С повышением ноты и с понижением ноты? Сам люблю, окаянный эстет: но ведь нигде же, нигде этот Степка опять не вспомнен, не назван, не обласкан, не унежен? Весь в лютом холоде, тысячу лет в холоде, да не в северном, а в этом окаянном холоде человеческого забвения и человеческой безвнимательности.

Буря.

Уж это в душе.

«И вспомнил Бог своего Иова»... «Русского Иова-Степана». «И вот полетело все к черту».

«Иди, иди, Степан. Твое ружье, хоть ворованное. Иди и разрушай. Иди и стреляй».

Буря. Натиск (сам поэт). Пришел домой. Снял сапоги и надел опять туфли.

Но, я думаю, в моем соображении есть кое-что истинное. Всякая революция есть до некоторой степени час мести. В первом азарте — она есть просто месть. И только потом начинает «строить». Поэтому именно первые ее часы особенно страшны. И тут много «разбитого стекла». Но вот — месть прошла, прошел ее роковой, черный и неодолимый час. «Вопрос в том, как же строить». Это неизмеримо с часом разрушения, и тут все «в горку», «ноженьки устают», под ногами и песок, и галька, местами — тяжелая глина.

И вот, странная мысль у меня скользит. Собственно, за XIX век, со времен декабристов, Россия была вся революционна, литература была только революционна. Русские были самые чистые социалисты-энтузиасты. И конечно «падала монархия» весь этот век, и только в феврале «это кончилось».

И странная мысль с этим концом у меня сплетается. Что, в сущности, кончился и социализм в России. Он был преддверием мести, он был результатом мести, он был орудием мести. Но «все совершив, что нужно», — он сейчас или завтра уже начнет умирать. Умирать столь же неодолимо, как доселе неодолимо рос. И Россия действительно вошла в совершенно новый цвет. Не бойтесь и не страшитесь, други, сегодняшнего дня.

ЧТО ГОВОРЯТ АНГЛИЧАНЕ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РУССКОМ СОЮЗЕ

Г-н Белоруссов передает в «Русских Ведомостях» о впечатлениях на английском фронте от нашей революции. Сперва это отношение было восторженное, пока англичане думали, что переворот совершился на почве национальных русских чувств и послужит к подъему нашей национальной и государственной энергии. Но затем положение русского корреспондента в английской армии сделалось таково, что пришлось уехать. «Хотя по разрешению я мог пробыть на английском фронте месяц, я поторопился уехать через 10 дней, потому что положение мое, как русского революционера и патриота, стало untenable — невозможно. Что, в самом деле, мог я отвечать не на вопрос даже, а на спокойное утверждение, на презрительный вывод:

— Итак, вы нам изменяете...

На Россию, очевидно, рассчитывать нельзя. Были Штюрмер и Протопопов, теперь имеются ваши крайние левые. Мотивы и словесные формулы изменились, сущность деятельности осталась та же. Чем раньше западные демократии поймут это, тем лучше. Очевидно, вас надо списать со счета и рассчитывать на собственные силы. Вас заменит Америка, и это к лучшему, так как со старой американской демократией у нас найдется и общий язык, и взаимное понимание. С вами же...

В этих условиях понятно, почему я поторопился уехать с английского фронта».

Но, вернувшись из армии в Париж, автор попал как в полымя. «Вы знаете, — говорили ему, — мы войны не хотели; мы до мозга костей миролюбивы, такими были, такими и остались. Мы ввязались в войну из верности нашим обязательствам к России. И теперь, когда у нас нет семьи без траура, когда наши богатства растаяли, культурнейшие департаменты наши в развалинах и нет числа нашим жертвам, — вы же нас бросаете и начинаете брататься с нашим врагом. Как это назвать?»

Непонятно, каким образом внутренняя Россия, каким образом русское свободное правительство может так «выдавать честью» русских

за границую, выдавать, конечно, прежде всего своих офицеров и солдат там, но и затем всю интеллигенцию. Это говорит о полном распаде России, о том, что она потеряла единый нравственный центр в себе и не представляет сколько-нибудь морального лица. И хочется закричать туда, за границу, что так поступает с ними только русское дряблое правительство, которое ничем не управляет, а только топчется на месте, а отнюдь не русский народ, который своих не выдает. Французы и англичане говорили автору, что даже во Франции, не говоря уже об Англии, социалисты составляют ничтожную частицу нации и что не может быть иначе и в России. А потому Россия бесхарактерно и безвольно подчинилась выкрикам партийных горсточек людей, и правительство русское следует не воле народа, а демагогии столицы. Как англичане, так и французы не доверяют прочности нашего коалиционного кабинета, и не доверяют потому именно, что мы позволили свергнуть первое Временное правительство, совершившее революцию, не дождавшись Учредительного Собрания.

«Ваш режим непрочен,— говорили мне.— Допустим, что мы вступим в новое соглашение с новым вашим полусоциалистическим правительством: А если его через 6 месяцев сметут обстоятельства, как смели они первое Временное правительство, то во что превратится это теперешнее наше соглашение с вами, и вся международная жизнь,— если нет преемственности обязательств.

В этой аргументации главное — это сомнение в прочности нового строя, государственного и идейного».

Силы и постоянства — вот требование момента, требование и для России, требование и международное. Удивительно, что в самом Петрограде правительство почему-то не слушает голосов порядка и борьбы с анархией, а находится под каким-то гипнозом голосов анархических. Сколько в апреле ходили толпы народа и части войск с криками и с плакатами — «Доверие Временному правительству», сколько в мае месяце кричали на улицах: «Долой Ленина». Но все эти народные воззвания ничего не сделали. Правительство само почему-то не берет той силы, какую ему вкладывают в руку,— и все стряхивает с себя всякие остатки значительности. В Петрограде распоряжается Берлин, вот в чем дело. Мы ничего не можем сделать с Берлином на своих улицах, как с ним ничего не могли сделать в Варшаве перед первым разделом Польши. В Польше тоже из каждого угла, улицы и дома кричали изменники: «Не позволям». И наша теперешняя свобода и теперешние уличные митинги похожи на погубившее польскую «Речь Посполитую» *liberum veto* *.

Неужели Россия перелицовывается в Польшу последних лет ее истории и судьбы. Где же русский человек? Где же русский дух?

* единоличное вето (*лат.*).

ЗАМЕТКИ О НОВОМ ПРАВОПИСАНИИ

Наши министры просвещения никогда не отличались остроумием, и только тем можно объяснить, почему товарищ-министр Мануйлов вздумал бороться с буквою «ять» как раз в часы разрухи России. Поистине, это играть веселенький мотивец на похоронах или затягивать похоронный марш на свадьбе, не лучше и не хуже. Между тем газеты пестрят статьями о его затее. Мотив для преобразования орфографии заключается отнюдь не в правильности преобразования, которое в сущности отрицает историю языка, т. е. заключает в себе некоторый неприятный нигилизм, а в том педагогическом свойстве этой орфографии, что она очень многими учениками, притом не с худшими способностями и развитостью, запоминается и вообще усваивается с чрезвычайным трудом. Это происходит отчасти от рассеянности. Напротив, для большинства учеников исторически правильная орфография не представляет никакого затруднения. Сохранение учебного времени, ослабление затруднений для учеников, желание сохранить внимание учителей и учеников на другом важнейшем отделе темы русского языка и словесности, именно — на содержательности, — все это и является мотивом многолетних усилий упростить русское правописание. Между тем для этого вовсе не следовало корезить старое и правильное правописание, вводя неправильное правописание «по звону», как подсмеивался еще М. В. Ломоносов над попытками Тредьяковского ввести правописание «по Мануйлову». Ибо Тредьяковский был первый предшественник, задумавший реформу, осуществленную нынешним министром просвещения. Было совершенно просто министерству просвещения сделать распоряжение не относиться взыскательно на экзаменах, при ревизиях учебных заведений и во время самого преподавания русского языка, и особенно истории русской словесности, к случаям рассеянности учеников при диктанте, и вообще не инквизиторствовать с диктовкою. Нужно было ослабить нажим на диктант, который представляет собою просто педагогическое уродство. Но чтобы для этого следовало вводить заведомо ложное и смешное правописание, противоречащее духу и истории славянского и русского языка, то это конечно нелепость. Тем более, что нельзя усомниться, что образованные русские люди будут писать и станут печатать книги отнюдь не по Мануйлову, а по Ломоносову, по Пушкину и по Лермонтову.

ЧТО ТАКОЕ «БУРЖУАЗИЯ»?

Кто прямо нападает, должен выслушать и прямой ответ. Кто прямо кричит — пусть выслушает и крик в лицо. Кто же такая буржуазия — эти люди в котелках, интеллигентного вида, не всегда в перчатках и часто в очках?

Да не мы ли и наши жены и дочери учили крестьянских детей букварю и за первую книжкою учили их грустными песнями Никитина и «песням о Лихаче Кудрявиче» Кольцова, и его же о деревенском урожае, и опять же его вещим и глубоким «Думам»?

Ведь «буржуа» в неразборчивом вкусе рабочих и темных солдат — это всякий, кто одет не в косоворотку и не в красную рубаху. В таком случае это и всякий земский врач, появившийся ночью в курной избе мужика, и фельдшерица, и акушерка, работавшая около крестьянки-роженицы. Зачем же тогда исключать из буржуазии несомненного буржуа Некрасова и бывшего бюрократа Щедрина, которые два собственно сотворили всю русскую революцию, которые весь свет заставили полюбить русского крестьянина и научили презирать русскую бюрократию.

От писателя до ученого, от поэта до журналиста, кто дал все мысли, все чувства революции, кто вооружил ее огненными глазами, и без них что такое были бы рабочие и те солдаты, как не толпою без слов, — а еще более и смелее скажем — чем они были бы, как не простою немою массою уже в руках настоящих буржуа, т. е. фабрикантов, заводчиков, коммерсантов? И наконец, если взять их, то и на них лежит больше «вины без вины», потому что они все-таки организовали колоссальный народный труд, и этою организациею, т. е. умом и предприимчивостью, кормили, худо или хорошо, миллионов 10—20 рабочих. И они, стесняемые конкуренциею международных рынков, часто совершали многое под давлением этой конкуренции, а не по какой-нибудь вражде к народу. Тут не было личной к людям вражды, а было давление общих законов политической экономии.

И не было бы их и их национальной капитализации, уже с эпохи Кольбера во Франции и Петра Великого в России и Адама Смита, население миллионами вымирало бы голодною смертью. Болезнетворные фабрики, но страшнее их голодная смерть на улице. В Китае нет фабрик, но население в многомиллионных городах их, лишенных фабрик, умирает с голоду. И теперешний погром русской фабричной деятельности грозит этим же и России теперь, о чем социалисты-министры, льстясь на минутную славу, не считают нужным говорить. И скажут только тогда, когда будет поздно, когда западные страны оставят русский рабочий люд без хлеба.

МОНАРХИЯ — СТАРОСТЬ, РЕСПУБЛИКА — ЮНОСТЬ

В давние, давние годы, размышляя о том, что такое монархия и что такое республика и чем они не по форме, а в душе и сердце различаются в себе, я пришел к странному выводу, но который сохраняю и до сих пор: республика — это молодость сил, а стало быть и энергий; это — пред-

приимчивость, вытекающая из непрестанного желания упражнять силы; это — любовь к новому, вытекающая из любопытства ума; наконец — это неопытность, ошибки, но которые как-то легко переживаются, как молодые ушибы, молодые падения. Мать-история говорит своему любимому дитяти, человеку: «Ничего, — до свадьбы долго, заживет». И — заживает.

Но и это даже не самое, не самое главное. Ведь есть и юные старички, преотвратительные. Есть юноши, «страдающие пороком», о котором все знают и которого никто вслух не называет. Нет, республика не есть просто юность годов возраста. Республика есть чудный сон юности, это — невинность. Это я писал, когда во Франции произошла Панама, то есть обнаружилась безумная бесчестность, низость «республиканского буржуазного строя», с раскрывшимися «шантажистами прессы», т. е. с подкупом буржуазной печати и т. д. И я сказал твердое, непоколебимое до сих пор слово: «Да они все *старички*, эти теперешние французы... Какие же они к черту республиканцы?» И развил мысли исторически, по которым:

Республика есть невинность и детство, монархия есть грех, опыт и старость. Крепкое, многодумное и порочное, но старость.

И вот когда русская республика в феврале и марте такую птичкою взвилась в небо, я воскликнул невольно, неодолимо, скажу откровенно — даже против всех своих прежних убеждений:

«Господи, неужели опять молодость? Для России-то, после тысячи лет ее существования? Но птичка летит, птичка далекая — милая! Господи! — да скажем «слава Богу». У Руси все необыкновенно:

Аршином общим не измерить
У ней особенная статья!

Перекрестимся старческим крестом, возблагодарим Бога, и скажем: «Господь с нами! Господь с Русью!»

Господь дал Руси вторую молодость, которая ей-ей лучше еще первой. «Республика 1917-го года» краше, лучше, сильнее, юнее Новгородской Вольницы и Пскова с его Вечевым Колоколом.

И вот: соль. И я спрашиваю себя сейчас: не старичок ли это, вставший из гроба и прихорашивающийся, и старающийся показаться хоть тенью живого человека, а не могилою?

И моя старая мысль верна. Республика есть только юность, всегда юность и ограничивается одною юностью. Она только до тех пор сохраняется, пока (почти физиологически) невинна, чиста, свежа, благородна. Как эти моральные качества исчезают из нее, она неодолимо превращается в монархию, — все равно, сохраняется ли республиканская форма или нет. Ведь отвратительные Соединенные Штаты всеконечно не есть республика, а Торговая Компания, союз торгующих городов и «штатов», соединенных по мотивам удобства и выгоды, и которые не превращаются в монархию только по старческому мотиву всякой

вообще неспособности зародить в себе ну хотя бы «любовь и преданность» к единичному лицу — крепость и традицию монархии. Штаты даже и не государство, а уродство. Просто — БЯКА. Это — колонии, воистину «европейские колонии», счастливо расторговавшиеся и которые не покорены никем, потому что около них нет рядом сильной власти. Она была республикой при Вашингтоне и еще немного дальше — вообще при пуританах и при индепендистах. Потом превратившись, незаметно для глупых и неразвитых людей, просто в политическое и духовное и всяческое культурное «ничто».

Франция теперешняя («буржуазная») не есть республика, а просто старческий остаток чего-то, — прежних королей своих, с их причудами, величаниями и скачками. Она порочна, груба и глупа. Она «доживает», у нее нет будущности. Потому что нет воображения и веры. Это гербы на старой Франции. Как Штаты при Вашингтоне и пуританах только, так и Франция лишь с 1789 г. до Наполеона была республикою. Но затем «природа взяла свое» («природа возраста»). Появилось Чудовище, мучитель, дьявол. Но и затем после «славных песен» *la gloire*, — т. е. и песен-то без содержания и смысла, — попросту и по-обыкновенному эти департаменты с Парижем и Лионом «хорошо наторговались» и слезают все более и более на тип Соединенных Штатов, т. е. «нам бы только пожить сегодня». Франция, чего не замечают ее историки, после королей просто потеряла свою историю, стала «без души», «ничем». — «Позвольте, какую мысль сейчас имеет Франция?» «Какой светоч горит над ней?» А до смерти Людовика XVI не было века, полувека и даже цельного четверть века, когда бы не вспыхивала новая мысль и не загорался новый светоч над гениальной и благородною страной Гуго Капета, Вальденсов, Провансаля, Раймунда Тулузского, Жанны д'Арк, Корнеля, Расина, Мольера, Порт-Рояля, Паскаля, Бэйля, Кольбера, Вольтера, Руссо, Монтескье, Энциклопедистов.

И прошла звезда. И нет Франции. Поплачем и оставим.

Ни «монархией», ни «республикою» нельзя сделаться. Все это «есть» и «Бог дал». А сделаться, «постараться сделаться» — невозможно. Мы не заметили, что у нас была, собственно, чудная республика «от декабристов до шлиссельбуржцев», — несказанная по чуду, по великолепию и героизму. Но наша республика «вся просидела в тюрьме» да выразилась в слове («золотой век русской литературы», — в сущности, чисто республиканский). Сидели, сидели в тюрьме. Гноились. Умирали. И вот, когда крыльшки вспорхнули, то «февраль с мартом» еще продержались в воздухе, а с июня уже «повесила птичка голову», стала задыхаться...

«Ах, и жизни было только в тюрьме».

«Там-то я была счастлива... Сколько воображения!»

И я, старик и не республиканец, — плачу о республике. «Враг и «благословляю». Были люди.

— А нет людей, какая же республика?

Благословенен Керенский. Он все кричит:

— Где же человек? Где республиканец в вас?

Надсаживается бедный и несчастный.

Солдаты лузгают подсолнухи, подторговывают немножко папиросами и конвертами на улицах («смышлен русский человек») и совсем не понимают, о чем задыхается и плачет Керенский.

А он плачет, воистину плачет, наш *первый и единственный республиканец*. Ну, кроме шлиссельбуржцев... Но ... уже умирающие... И не только солдатам, но и рабочим как-то до странности «нет дела», нет совершенно никакого дела до людей, *по двадцати лет просидевших ради них в тюрьме*. Рабочие и солдаты даже не знают, и, ужаснее, просто не любопытствуют узнать и запомнить их имена.

Ужасная история... О, как кровавы и черны твои страницы!

Чего нет в нашей революции. Не написать ли: в НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ и в *н-а-ш-е-й р-е-в-о-л-ю-ц-и-и*.

— Тут и слезы...

— Тут и умиление...

— Тут самые безумные разочарования.

— Это может быть самая великая революция.

— Это может быть самая покойная революция.

Я только спрошу:

— Господа, вы вздумали сделать революцию после Чичикова?

— Не спросив, захочет ли еще Павел Иванович?

Что делать.

Никто не вспомнил Ведьмы Гоголя. А она тут как тут. Встала из гроба «в 12 часов ночи» и стала ловить наивного бурсака Хому Брута.

И как бурсак ни молится, как ни творит заклинания,— ведьма все его ловит. Все ловит и ловит.

Вспоминаю канон республики,— воистину, мой первый и вечнозданный канон Розанова:

Республика есть вечна, пока невинна.

— Ну, так что же, господа, так просто.

— Не будем лгать. Не будем воровать. Не будем убивать. Там скучное Моисеево Десятословие. Исполним. Так немного. Десять строк.

Керенский рванулся и сказал первое святое слово,— о, до чего невинное, о, до чего неопытное:

— Не будем убивать («отмена смертной казни в Москве», в 1-й день республики).

О, как это было необыкновенно, странно, как было по-республикански, и уж не по-французски-республикански, а по-русски-республикански. Прямо — громовое слово русской республики, я думаю — даже единственное и последнее. Это было совершенно ново и единственно, потому что все республики и все революции залиты кровью, и для нашей также точно ожидался *этот* «канон». И вдруг он первый сказал *совершенно*

новое слово в строе вообще республиканского типа истории, вообще революционного типа. Вы знаете ли, что значит новое слово в истории? Нет, вы его не знаете, мои может быть совершенно обыкновенные читатели. А когда вы его не знаете, когда вы не произносили никаких вообще новых слов, вы не осмелитесь отвергнуть и того, если я назову * за него Керенского святым человеком. Потому-то сказать в специфически кровавом процессе, деле, и т. д., бескровное слово, канон бескровного делания,— это какое-то чудо и это совершенно бесспорно святое совершение. И он сказал просто, едва ли зная или едва ли глубоко думая, что делать, хотя странным образом вдруг все это слышали, отметили и запомнили, восприняли и сказали в сердце какое-то всероссийское: «Да. Аминь».

Все знали: «Не убий».

Но все знали также: в войне, в борьбе, в защите, в республике, в революции:

УБИЙ

Вот и поклонимся ему, нашему чистому (забыл имя и отчество), сказавшему, даже для Моисея сказавшему новую одиннадцатую заповедь,— ибо и Моисей «в борьбе» пролил немало крови, даже пролил очень много крови:

*а по-русски:
не убий никогда*

И ведь именно он пролил-то слово «Святой республики», детской, наивной и чистой, каковое слово я здесь развиваю как ее общий и настоящий, вечный канон. «Когда же дети убивают?» «Юное вообще не убийственно. Это — старость, это монархия». Ну ее... к черту.

Вот где расходится монархия и республика. Старость вообще «наказующая», отцы и матери, отцовский и материнский принцип — вообще «наказующий». Я понимаю душу Керенского, что он вообще бы не наказывал никогда и ни за что, и это опять его республиканский (чудный) дух, что он растворил бы и темницы, даже растворил бы, если б невозможно было. Помните и смотрите на Керенского (ибо он недолго проживет) — это проходит Жанна д'Арк в нашей революции, невинная и может быть не очень умная (этого и не надо), но святая. Этого-то одного собственно и надо бы для республики. Ума и «опыта» ей совершенно не надо.

Но Чичиков?

— Я могу и «не убить» и «не украсть». Но вот чего я совершенно не могу: не обмануть.

— Для того рожден.

— Этим существую.

* А я, по впечатлениям прежней деятельности Керенского, есть скорее его недруг, чем друг.

— Если мне «не обмануть», то мне нельзя вообще «быть». А Русь без Чичикова и не Русь. Вот он, сказал Гоголь: а он начертал вечные типы Руси, вечные стихи Руси, вечные схемы Руси. Как же вы республику-то завели? Ведь она — чистота. Это сказал тоже другой зародитель... чего-то иного на Руси.

* * *

Поразительно, что мы в самом так сказать зачатии республики не забыли обмана, лукавства. А он пришел. От него республика и болит. Теперь она вся больна... И выздоровеет ли? Теперь все в отчаянии кричат, что не выздоровеет. Криками, воплями полна литература, полна вся печать, журналы, газеты. И все ищут ошибок в ошибках политики, в неправильностях тактики. Когда мой канон один:

«Ошибайся, молодость, сколько угодно: только не лги».

«Разве ты не ошиблась в шлиссельбуржцах: да это все — юность и сплошные ошибки. И — была здоровехонька, росла неудержимо. Росла не по дням, а по часам. И все проломила, все одолела. А теперь?...»

Дело в том, что юности (и след. республике) все прощается, кроме старости, как и ее ... монархии тоже все простится, кроме неопытности. «Порок нашей юной республики» заключался именно в том, что сразу же она попала не в руки почти аполитичных, по неопытности государственной, шлиссельбуржцев Дейча, Фигнер, Морозова, Засулич, Плеханова, а в руки «весьма опытных» кадетов, и вообще — «думцев»... «блока», с «седьм опытом» размежевания и конкуренции партий, «там уступочка» и здесь «маленькая прибыль», вообще — Павел Иванович, и «Ведьма», и «старость».

— А старость республике запрещена.

Собственно, странно и таинственно, что республику погубили кадеты. Но это действительно так. Только они сами не знают, чем они погубили. «Бывает и на старуху проруха». На первом же кадетском («все-кадетском») съезде они чудным и дивным образом, «как присуще рациональному Чичикову», сказали, формулировали и согласились все, что они все время существования своей партии обманывали всю Россию. Это по чести не было ... Именно, они сказали, что заявляли себя перед Россией (и следов., перед избирателями своими) «конституционными демократами, но когда теперь у нас республика, то можно и открыто сказать, что никакой конституционной монархии как идеала у них в душе не стояло, а они говорили или тараторили о конституционной монархии, потому что не перед русаками говорить было о республике». «А когда теперь республика, то они конечно — за республику». Это сознание во лжи целой и огромной партии, главенствовавшей все время в России партии, — такое открытое, такое наивное («на старуху проруха»), наконец в партии, из которой собственно рождается сейчас республика... Неужели это не «гнилое рождение», не «окаянное рождение», не такое,

о котором только и сказать — «ах, черт тебя дери! Зачем ты рождаешься?»

И всем, всем, всем,— до единого всем кадетам даже в голову не пришло, что нельзя произносить такого окаянного слова, такого в своем роде «лже-Димитрия», при рождении нового строя, «когда солнце всходит»? Но как же они сказали? Как же они так ошиблись? Ошиблись — первые мудрецы, «старцы» (Милюков, Винавер, Родичев).

— Ах, старость, старость... Моя окаянная старость, когда «я ничего не могу».

Господи: да как же они сказали бы другое, когда им даже неведомо, что есть и «другое». Когда им совершенно неведомо, что есть какое-нибудь «государство», «политика», «партии», «уступочки» и «выгодцы» без «Соединенных Штатов» и «буржуазной Франции», обобщенно — без «мертвых душ» и хохота Дьявола Гоголя, с его:

— Не обманешь — не продашь.

— Это русский человек так говорит. И врет на базаре, в гостиных, в газетах и клубах.

Господи, какое окаянство! Первый день, первый день! Из него родилось. Вы помните безумно прелестную песенку Офелии:

Занялась уже денница,
Валентинов день настал,
Под окном стоит девица
«Спишь ли, милый, или встал?»

Он услышал, встрепенулся...
Быстро двери отворил,
С нею в комнату вернулся,
Но не деву отпустил...

Пресвятая! как безбожно
Клятву верности забыть...
Ах, мужчине только можно
Полюбить и разлюбить!

«Ты хотел на мне жениться»,—
Говорит ему она.
«Позабыл, хоть побожиться,
В этом не моя вина».

Нет. Конечно, я не сужу. «Были обстоятельства». «Была необходимость». Но позвольте, разве Чичиков обманывал бы, если бы не «обстоятельства». Был «беден» — и заторговал «мертвыми душами». Я думаю, даже Николай II вел себя неправдиво и кое-как не «без обстоятельств». Позвольте, где же нет «обстоятельств»? Мир вообще не без «обстоятельств». Но есть «обстоятельства» и — ...

Наш характер. Душа. И вот отрочество — просто не в состоянии обмануть.

Я не обманываю не потому, чтобы был умен, а потому, что по возрасту я даже не знаю, что такое обман.

«И все ли поверили!» — Да? Ведь да?

Мы же в обман «Валентинова дня» просто никому и ничему не верим «в своей Республике». — Позвольте, какая же это республика, когда никто никому не верит. Это «мертвые души» Гоголя.

Ведьма поймала Хому Брута. «Не клянись, мошенник. Вижу, вижу, что ты плут... И... главное... ха... ха... ха... сам о себе сказал, что подлый лгунишка, который на выборах и вечях, в клубе и везде, в газетах и везде обманывал публику... Уж я не знаю, «сберегая честь» или «для пользы отечества», а я думаю просто... ха... ха... ха... по своей «плутовской натуре...»

Офелии было с чего с ума сойти.

Главное — Валентинов день!

«Посмотри, как солнце встало...»

Ну, врешь понедельник, ну — врешь среду. Четверг — и в него врешь. Но не в субботу же, в Святую Субботу.

Поразительно, что из евреев, которых так много в кадетской партии, никто не напомнил, что «в субботу нельзя лгать». А из христиан никто не вспомнил о воскресенье. Ну, это шутки. А вообще-то и все дело, что республика вообще родилась из какого-то обмана ли, лукавства ли, из какой-то мути — трудно разобрать. Но ее рождение не было чисто и невинно. И в этом, — единственно в этом, заключается вся болезнь.

Гнилое зачатие. Больной зародыш.

ПРИМИТИВНЫЕ...

— Ты всегда удивительно как глупо попадался; но зато очень умно убежал. — Так старый ветеран революции, Вера Засулич, полу-порицала, полу-хвалила г-на Дейча, рассказавшего в одном из «освободительных» изданий о своих четырех побегах. Там же приведены и эти слова ее.

В рассказе о четырех побегах много свежего. Тюрьмы, леса, арестанты-товарищи — все картинно; и пестрый узор перемен природы и обстановки привлекает читателя. Еще более нравится тон рассказа: четыре ссылки и четыре побега не утомили его, не истожили его, не посеяли в нем никакой меланхолии. Ни малейшей... И можно быть уверенным, сколько бы его ни ссылали еще, он так же убежал бы, ведомый счастливой звездой своей; а если бы и не убежал... все же нельзя представить его грустящим, убитым, приведенным в отчаяние. Это отсутствие грусти и меланхолии в эпоху и среди людей, довольно меланхолически настроенных, более всего удивляет в г. Дейче. Бодрость необходима для всякого дела, положительного и отрицательного; и как бы мы ни смотрели на «дело революции», несомненно, в энергии ее сыграла первенствующую роль эта бодрость. Если бы ее побольше было в других сферах жизни, в других группах общества, тон жизни, пульс жизни несомненно поднялся бы.

Но мы все грустим, размышляем, колеблемся: и дело не спорится у таких Гамлетов, или, скорее, у русских Обломовых-Гамлетов. В самом деле, в огромной толпе революционеров, как в особенности они показаны в документальной истории их, опубликованной в «Былом», нельзя указать ни на одну фигуру Обломова, ни на одного Гамлета с его «*быть или не быть*»... У революционеров — никаких «или»... у них только «быть»... это огромный плюс в революции, и даже может быть главный. Кстати, о «Былом»... Это прекрасное издание, ценность которого никогда не утратится в истории нашей литературы, получило свое имя, конечно, в подражание названию одного из изящнейших отделов сочинений Герцена. Но у Герцена этот отдел назван: «Былое и Думы». Г-н Богучарский, главный редактор издания, по какому-то инстинкту выпустил второе издание, вместо того чтобы дать серию книг под заглавием «Былое и Думы революции», назвал их только «Былым», но не «Думами». Действительно, в огромной массе опубликованных там рассказов, документов, автобиографий и автопортретов, в сущности, повторяется почти всегда тон «четырех побегов» г-на Дейча: т. е. очень много действия, опасных и мучительных приключений, но в противоположность Герцену почти нет «Дум»... В лучшей, как мне кажется, книге по этому предмету, «Воспоминаниях» эмигранта Дебогория-Мокриевича, также поражаешься тем, что она вся зарисована событиями, приключениями, движением: но собственно *теория* до такой степени отсутствует в ней, что, кончив эту книгу, одну из любопытнейших для наблюдения человеческих характеров и вообще человеческой природы, сперва восхищаешься: «великолепно! занимательно! какие ноги, какие руки. Какой бег, увертливость», но потом, успокоившись, спрашиваешь: «из-за чего же, однако все они так быстро бегали и находились в таком неугомном движении; и по крайней мере в самой книге ответа на это не находишь».

К НАШЕЙ НЕРАЗБЕРИХЕ

Мне кажется, эта мысль, что молодость наша и молодость целых по крайней мере двух поколений прошла в ужасной запутанности политической экономией, — верна. Мы все астрономически прикидывали и мерили на свою русскую действительность, вместо того чтобы трудолюбиво жить в этой русской действительности; жить, заботиться и улучшать камешек за камешком. Мне очень хорошо памятно, до какой степени загроможденность русской души теориями есть постоянный русский факт. Душа у нас воистину литературная и воистину незрячая. Душа мечтательная, фантастическая и практически — немощная. И мы запутались в громадных построениях, рассчитанных на века и даже на вечность, в каких-то вечных планах истории, тогда как человек едва ли имеет право считать более чем на век. До какой степени, кроме незыблемых нравственных законов, вроде вот «десяти заповедей», кроме

основных законов логики,— вообще все прочее зыбко и волнуется в истории. И переменяется все до корня ранее, чем успеют перемениться два-три поколения.

Вот, например, настал для марксизма «ревизионизм». Ревизионизм есть желание и требование пересмотреть заново все учение Карла Маркса ввиду того, что страны с наиболее интенсивной капиталистической жизнью, т. е. наиболее зрелые для экономического переворота, пред-реченного учителем, оказываются наименее предрасположенными совершать его. Наиболее пылко совершит его Россия. Но она, по взгляду учителя, совершенно еще капиталистически не подготовлена к нему. Напротив, Германия, Франция и особенно Англия, равно Соединенные Штаты, уже совершенно созрели. Но там, сравнительно с Россией, гораздо менее жажды к перевороту. Спрашивается, к чему же Маркс говорил? Кому же он говорил? У русских — я совсем недавно услышал — рабочие уже предлагают фабрикантам сдать им ключи от фабрик, если они не желают подчиниться требованию повысить заработную плату раз в 40, а то и в 400, как [указалось?] недавно в Москве, да еще и уплатить дивидент от фабрик за предыдущие годы. На почве этих требований морозовская мануфактура продала все свои фабрики, все дело американскому миллиардеру, и когда рабочие предъявили требования хозяину — то он им рекомендовал нового хозяина, предложив вести дальнейшие переговоры с ним. Русский человек ушел из дела; русский род ушел из векового русского дела, которым кормился уезд. Как американец поступит — неизвестно. Но вероятно, как-нибудь найдется. Вот это событие, которое уже осуществилось в России, не осуществляется в Германии, Англии, Франции и Соединенных Штатах. Спрашивается, что же делали марксисты и для чего делали собственно в России и для России? А они не только делали, но и сделали. [И если] экономическая жизнь еще не созрела для переворота и его рано производить, его нельзя производить, он попросту — не может быть произведен, то не совершенно ли очевидно, что препроданные и перепродаваемые русские фабрики (табачный синдикат английских капиталистов), скупка сахарных заводов, тоже в чьи-то одни руки, попросту перестанут работать в России или будут работать на американских и других иностранных рабочих и только пользуясь русским рынком. Но только каков же будет этот рынок и из чего русские станут «покупать», если они не станут работать у своих русских фабрикантов и русскими руками? Так как сахар, табак и хлопок нужен каждому, то, очевидно, все будет покупаться за хлеб, масло, яйца, пеньку — которые пойдут по самым дешевым ценам за границу, по той единственной причине, что покупать больше не за что и что покупать до зарезу нужно.

Перед Россией надвигается такой колоссальный экономический крах, такой уже не годичный, вековой голод, при котором ей останется, как Турции и Персии, распродавать или отдавать в эксплуатацию иностранным правительствам свои казенные железные дороги, свои минералы,

свое вообще все государственное имущество. Вместо прогресса и расцвета политического и экономического Россия стоит на очереди сделаться для Европы 4-м Китаем после Турции, Персии и после азиатского Китая. Т. е. Россия, как и провозгласили один за другим выходящие из состава члены Временного Правительства, — стоит накануне падения.

Вот что значит работать не для действительности, а работать для воображения; и рассчитывать не на ближайший срок, а сразу на все времена, на вечность. Тут ошибки и гибель сложились вовсе не в наше время. Наше время только расхлебывает. И как ни страшно это расхлебывание, но совершенно очевидно, что горькую чашу надо было выпить, ибо в противном случае мы продолжали бы все идти по пути тех астрономическо-экономических увлечений, какими жили уже несколько наших поколений, твердивших, что все очень деятельные и предприимчивые люди, оживлявшие отдельные местности, на самом деле не «отцы и благодетели народа», как говорили о Курбатове нижегородские мужики, а кровопийцы народные, выжимающие из него соки.

Что же значат против этой проповеди народной, над которой трудились так благоразумные теперь Плеханов с «Объединением», Струве с «Русской Мыслью», Булгаков и Бердяев с христианским мессианизмом или с русским мессианизмом — что сравнительно с этим вековым заблуждением и действительною гибелью России значат мелочи в Кирсанове, Кронштадте, Самаре? Да мы должны считать невероятным счастьем, что все пошло в какую-то обломовщину быта, в провинциальные скандалы, в уездную неразбериху между дядею Миняем и дядею Митяем, которые хотят проехать к одному Манилову или к одному Собакевичу, и никак этого не могут сделать, потому что у них лошади встретились оглоблями и вместе повалились в яму. Мы находимся в таком историческом положении, что систематизировать никак нельзя, систематизировать — это значит погибнуть, а «как-нибудь» — еще может пронести. Иногда «вслепую» — лучше; «вслепую» — как-нибудь удастся. Напротив, если не слепо рассуждать, а последовательно вести свою линию до конца — то с марксизмом, социал-демократиею, с отбором фабрик от фабрикантов и мастерских от мастеров и передачею всего этого в руки рабочих, которым и лень работать больше 8 часов, да и рассчитывать они не привыкли и бесталанны, и наконец, у них и средств на производство нет, и умственно и технически они совершенно ни к чему подобному не приспособлены — конечно, это значит превратить уже не города отдельные, а каждую хижину в городе в развалины. «Кажется», что солнце встает, а земля недвижима. Ну те-ка устройте так, чтобы «казалось» солнце недвижущимся, а земля чтобы воочию для всех, очевидно для всех — полетела. Конечно, при этом возвращении к мировой истине камня на камне на всей планете не осталось бы и все люди разбились бы вдребезги. Я хочу сказать ту дерзкую мысль, что, может быть, «буржуазия» и «капиталистический строй» и не вполне истинны, не астрономически истинны. Но они

планетно истинны, исторически истинны: и попытка вернуть дело к астрономической, абсолютной истине будет иметь последствием разбитие всей планеты вдребезги, будет иметь последствием разбитие всей истории в мусор и дребезги. Чтобы назавтра умереть и даже сдохнуть в голоде, в муках и проклятии.

И тогда лучше — не систематизировать. Я позволю себе высказать эту истину в наши свободные же, надеюсь, от цензуры и правительственного гнета времена. Пусть оспорят. Пусть заключат в тюрьму. Пусть судят. А раз систематизировать — невозможно, то лучше переходить к анекдоту. И вот спасительные анекдоты в Царицыне и везде. Посмотрите: разве это не счастье и какая-то Божья помощь, что когда мы зашли в тупик совершенно неразрешимых вопросов, неразрешимых даже если бы Маркс и Энгельс встали из могил и им сказать — «решайте», вдруг все кончается тем, что женщины на улице ругают солдат и рабочих, зачем они празднично болтаются, и бранятся везде в гостиных, что теперь и Летний сад, и все дворцовые сады, в Павловске и в Царском селе, заброшены подсолнечными семечками. Эту брань я правду слышал и от ученых в библиотеках и гостиных, и в редакциях. Говорящие не догадываются, что они счастливы. Слава Богу, все спасает русское благодушие. Везде подсолнухи — и отлично. Везде деревня — и прекрасно. Повсюду показалось лицо ленивого Обломова: и наконец я могу сказать: «Провалитесь вы, мессианцы, с вашим Карлом Марксом и Энгельсом. Неужели же вы хотите, чтобы появился марксистский Кромвель или марксистский Наполеон, который напомнил бы Фердинанда VIII из «Записок сумасшедшего»: но, владея уже миллионами штыков и десятками миллионов рабочих, командуя ими, повелевая ими, — конечно совершил бы над планетою тот Страшный Суд, о котором лучше не вспоминать».

И вот все пошло «по Обломову» и отчасти по Толстому и его «неделанию», и еще отчасти пошло или пойдет по Чернышевскому и его «снам Веры Павловны», которые ей-ей невиннее Маркса, которого я не умею представить иначе, как в форме ученого берлинского провокатора, вздумавшего для соседей Пруссии создать некоторую «теорийку». «Германия будет работать 10 часов в сутки, а вы работайте по 8-ми. Больше ничего не нужно, чтобы германский рабочий был вечно сыт, а мы или перемерли с голоду, или во всяком случае очистили свои земли Германии и передали свои богатства ей. Но за это вы будете целый век любоваться моей теорией и славить мое имя».

Заговорили о «спасении России». Да спасение ее заключается не во «Временном правительстве» и не в энергии его. Эта энергия — железо, кровь и ужас. Как это вы думаете усмирить весь рабочий народ и справиться со всеми солдатами? Это — «спасение» уже потеряно. Спасение заключается в другом: в скромности. Спасение, и реальное, действительное спасение России, наконец — нашей матушки-Руси, которая правда же нам матушка и отечество — заключается в том, чтобы, сняв шапку

перед всем честным народом, сказать Плеханову, сказать кн. Кропоткину, сказать Герману Лопатину, сказать благородному Дейчу:

— Всю-то мы жизнь ошибались. И завели мы тебя, темный и доверчивый народ,— завели слепо и тоже доверчивые русские люди,— в яму. Из которой как выбраться — не знаем. А только ты уж прости нас грешных. Все делали по доверию к этим западным звездочетам, вместо того чтобы смотреть под ноги и помогать нашей слабой Руси делом, словом и помышлением. Да и правительство — окаянное. Ох, оно было окаянно, это правительство. И вот мы обозлились, осерчали. Сидели по тюрьмам, по каторгам. Потеряли голову в гневе. И призвали тебя на правительство. И ты сверг правительство. И что сверг — хорошо сделал, основательно и по заслугам его.

«Ну, теперь строить? — Нельзя лето переменять на зиму и зиму на лето. В январе все будет холодно, а в июне все будет жарко. Так и богатство и труд и имущество. Не надейся, народ, что из чего-нибудь ты получишь богатство, кроме как из труда, терпения и бережливости. Испания открыла когда-то земли с золотом: и золота было так много там, что испанские моряки стали делать даже якоря из золота. Что же, привезли все золото в Испанию. И подешевело оно. И стали испанцы самым бедным народом. А Англия, которая совсем не имела золота и серебра у себя в стране, своею работою, фабриками и заводами перетянула к себе золото и из Испании, и изо всего света. Так и вы: если овладеете всеми богатствами мира, а работать будете не больше 8-ми часов в день, то есть меньше, чем сколько работают головою и мозгом школьники,— будете нищим народом. А что мы вас учили, что от этого вы будете богатыми людьми, что богатыми будете, отобрав все от богатых,— то это мы пустому вас учили, и собственно из гнева на окаянное правительство. Впопыхах чего не скажешь, в гневе чего не налжешь — весь свет проклянешь, и другого под клятву подведешь. Но теперь трудный час, страшный час. И вот — наше последнее слово. Мы уже старики и нам пора в могилу. А ты живи, добрый народ, и не помяни нашего слова, которое было сказано в отчаянии и с горя».

СЕГОДНЯ УТРОМ

Читаю и глазам не верю: среди объявлений о чистке ковров, мебели «*nouveau style*» и продаже старой ротонды, также о «натурщице» и «молодых дамах», читаю такое, можно сказать, ненатуральное объявление:

УРОКИ

безукоризненного
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

дает бывший министр иностранных дел,
камергер и проч., и проч., орденов и проч.
и проч. **Извольский.**

Растерялся до того, что чуть с ног не свалился, и выронил листок газеты.

— Боже! Какая фортуна, какая фортуна! О, колесо счастья; или, в таком случае, несчастья... После этого, сегодня я писатель, а завтра буду чистить чужие сапоги на Невском. Нужно ко всему готовиться. Звоню по телефону в канцелярию министра иностранных дел.

— Камергер Извольский?

— Изволили выбыть за границу...

— Как... А объявление?

— Какое?

— Что он сделался репетитором французского языка. У меня три маленьких девочки, и я думал воспользоваться...

— Об объявлении ничего не известно в министерстве иностранных дел.

— Но ведь там и ни о чем «неизвестно»... Может быть, министр уже и не министр, а министерство все еще думает, что...

— Кто говорит?

— Литератор. Сотрудник распространенной газеты...

— А... Канцелярия не имеет сообщить вам никаких других сведений, чем какие вы можете получить и в «Осведомительном бюро».

И звонит отбой.

— Проклятые иезуиты. «Наши Бисмарки»... Какие они «Бисмарки»? Они всего только не пошедшие по своей линии репетиторы французского языка. Ну, и безукоризненных манер. Но ведь шаркать по паркету, приятно улыбаться, ничего не знать, ничего не хотеть... я не понимаю, почему из сложения всех этих ничтожеств получается «наш Бисмарк»! Ах, мои девочки, мои девочки, мои бедные три девочки! Я уже мечтал, что на вопрос знакомых: «А у кого они учатся французскому языку?» — я отвечал бы: «У камергера Извольского...»

Проклятый будильник зашипел, засвистел, закричал на ночном столике, и я протер глаза.

— Что такое? Что я видел? Будто бы Извольский... Будто бы Извольский не министр?! И пульс так сильно забился, вот даже и теперь... Но ведь кого же и взять в министры, не меня же, когда я не знаю французского языка? Ах, французский язык, французский язык. Недаром бабушки наши твердили: «Учись французскому языку, учись, мой внучек! Без французского языка нет образованного человека, и, кроме того, служба в нашей Российской империи вся основана на безукоризненном знании французского языка. Это то же, что для профессора немецкий язык — неуклюжий, отвратительный, но на котором написаны все книги».

Бабушка говорила это, потому что дедушка был дипломатом. Но неужели с дедушкиных времен ничего не переменилось в России, когда решительно весь свет с тех пор переменился?

Весенняя белая ночь почти уже переходила в утро, когда, с одним коренастым, черномазым художником, отделавшись от гостей, я стал ходить по комнатам, быстро переговаривая на разные темы. Решительно не помню, о чем мы говорили,— помню только, что разговор был очень одушевлен и мы все уторопляли шаг. Ночь, говорю я, белела,— когда вдруг, энергичным движением остановясь около меня, художник указал на длинные фабричные трубы Выборгской стороны, где о ту пору происходило нечто на почве «практического марксизма», и, засверкав темными глазами, проговорил:

— Дракон шевелится.

И вот, я не помню, чтобы еще когда-нибудь, под влиянием какого-нибудь чтения или события, я так разом, глубоко и сильно, почувствовал, что такое «народ» и «народные движения». Бывает так, что мимолетные встречи и кажется бы не особенно значительные слова производят на нас действие особенное и незабываемое. Говорили мы собственно на художественные темы, художественно-литературные, если и касались истории, то не позже «Возрождения». Но, однако, помню, что разговор от интереса к тому, что «было», перешел к интересу о том, что «будет», что возможно и чаемо: и оттого мы так быстро забежали по комнатам, что в речи моего полудруга, полуприятеля показались пророческие нотки, одушевление повышалось, он вводил новые и новые мысли в свое доказывание,— и вот в виде одного из вводных аргументов и указал на фабричные трубы. Но как он выразил свою мысль:

— Дракон шевелится.

И он повел рукою, как бы показывая на небе «созвездие Дракона». Все помнят по астрономическим картам, что это созвездие состоит из мелких звездочек, не имеет в себе средоточия, не имеет осмысливаемой и запоминаемой фигуры и вообще тускло, бесцветно, безобразно: но оно как-то облегает всю северную половину неба, тянется бесконечным хвостом около других, ярких и запоминаемых созвездий, и астрономы оттого и называли его «драконом», что это есть просто «роман без заглавия», фигура без плана, какая-то вождя, длинная и гибкая, брошенная на небо таинственным мировым Возничим. И вот, когда он сказал: «Дракон шевелится», своим темпераментным, смуглым языком, то мне и показалось, что это не рабочие на Выборгской стороне «шевелятся», а как бы подрагивает само небесное созвездие: однако в какой-то непостижимой зависимости и вместе согласованности с «движениями» на земле голода и работы. Рабочие, верно, и не взглядывают на небо: но ведь и об атеисте заботится же, однако, Бог: так и о рабочих, кто знает, не подумывает ли звездочет; о королях яркие созвездия, какой-нибудь

* Слуга слуг Божьих (лат.)

«поясок Венеры» или «Волосы Вереники», или официальный «Южный Крест». Ну, а о рабочих — это тусклое, длинное, бесконечное, всеохватывающее «созвездие Дракона». И уже это сплелось, как всегда у меня, с книгой неясных откровений — «Апокалипсисом». Священная книга, небо и приземистая фигурка давно неумытого рабочего, все как-то сплелось в один узел, части той же картины под словом и [жестом] пламенно вспыхнувшего художника.

«Рабочий человек» всегда был подробностью, и притом какой-то психологической, бездумной подробностью чужого существования, нашего. «Мы» жили; думали; предпринимали мировые задачи и то разрешали их, то не успевали в разрешении: но, во всяком случае, все движение в истории и всяческий ее смысл от начала и до наших дней исходил от кого угодно, а никак не от человека, бытие которого заключено между двумя тезисами: 1) получил заказ, 2) сдал его и получил плату. Право, это что-то действительно бессмысленное и бездумное. Очевидно, вся роль в заказе и принадлежит заказчику: он выдумывает, он капризничает; он берет заказ и, недовольный своей фантазией, бросает и разбивает его об пол. «Рабочий» при этих вывертах своего «господина» — истинного господина! — остается бездушен, бездумен, равнодушен; ему решительно все равно, цела или разбита сделанная им вещь. «Рабочий»... это — единственное существо, которое именно с работою и не имеет никакой связи, духовной, эстетической — вовсе никакой! Когда, по поводу 25-летней годовщины смерти Некрасова, я перечитывал его стихи, то меня поразило монолог *наборщика* в стихах о «свободной прессе». Выводятся и каждый говорит от себя — литератор, журналист, читатель, разносчик: и у всех есть лицо; но выступает техник-рабочий книгопечатания, литературы, и вот послушайте, какой ужас (для меня это ужас!) он говорит...

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОБЛОМОВКА

Вот мы целый век сокрушались о себе, что народ — компилятивный, подражательный, — заучившийся иностранцами до последнего, — и ничего решительно не умеющий произвести оригинального из себя самого. И никто, кажется, не сокрушался более об отсутствии самобытности у русского народа, как я сам. Пришла революция, и я подумал: «Ну вот, наконец пришла пора самому делать, творить. Теперь русского народа никто не удерживает. Слезай с полатей, Илья Муромец, и шагай по сту верст в день».

И все три месяца, как революция, я тороплюсь и тороплюсь, даже против своего обыкновения. Пишу и письма, утешаю других, стараюсь и себя утешить. Звоню тоже по телефону. Но ответы мне — хуже отчаяния. О Нестерове один литературный друг написал мне, что он

было окончил огромное новое полотно с крестным ходом, в средоточии которого — царь и патриарх, дальше — народ, городовые, березки, — и вот что же теперь с такою темою делать, кому она нужна, кто на такую картину пойдет смотреть. Сам друг мой, сперва было очень о революции утешавшийся и поставивший в заголовке восторженного письма: «3-й день Русской Республики», со времен приезда в Петроград Ленина — весь погас и предрекает только черное. «Потому что ничего не делается и все как парализовано». По телефону тоже звонят, что «ничего не делается и последняя уже надежда на Керенского». Керенского, как известно, уже подозревают в диктаторских намерениях, а брошюры на Невском зовут его «сыном русской революции». Он очень красив. Керенский много ездит и говорит, но не стреляет; и в положении «нестрелятеля» не напоминает ни Наполеона, ни диктатора.

Как это сказал когда-то митрополит Филипп, взглянув в Успенском соборе на Иоанна Грозного и на стоящих вокруг него опричников, в известном наряде: кафтан, бердыш, метла и собачья голова у пояса. Митрополит остановился перед царем и изрек: «В сем одеянии странном не узнаю Царя Православного и не узнаю русских людей». Нельзя не обратить внимания, что все мы, после начальных дней революции, как будто не узнаем лица ее, не узнаем ее естественного продолжения, не узнаем каких-то странных и почти нетерпеливых собственных ожиданий, и именно мы думаем: «Отчего она не имеет грозного лица, вот как у бывшего Грозного Царя и у его опричников». Мы не видим «метлы» и «собачьей головы» и поражены удивлением, даже смущением. Даже — почти недовольством. Как будто мы думаем, со страхом, но и с затаенным восхищением: «Революция должна кусать и рвать». «Революция должна наказывать». И мы почти желаем увеличения беспорядков, чтобы, наконец, революция и революционное правительство кого-нибудь наказало и через то проявило лицо свое.

Чтобы все было по-обыкновенному, по-революционному. «А то у нас — не как у других», и это оскорбляет в нас дух европеизма и образованности.

Между тем нельзя не сказать, что революционные преступления у нас как-то слабы. Самый отвратительный поступок было дебоширство солдат где-то в Самарской губернии, на железной дороге, где эти солдаты избили невинного начальника станции, и избили так, что он умер. Их не наказали, не осудили и не засудили. По крайней мере, об этом не писали. И еще избили также отвратительно, по наговору какой-то мещанки, священника, но, к счастью, не убили. Это писали откуда-то издалека, с Волги. Затем — «Кирсановская республика», «Шлиссельбургская республика» и «отложившийся от России Кронштадт», с его безобразной бессудностью над офицерами и неудобными матросами. Но если мы припомним около этого буржуазную Вандею, если припомним «своеобразие» опричнины, припомним «наяды», т. е. революционные баржи, куда засаживали невинно обвиненных и, вывозя на середину

Роны,— топили всех и массою, то сравнивая с этими эксцессами и злобою свои русские дела, творящиеся, собственно, при полном безначалии, мы будем поражены кротостью, мирностью и до известной степени идилличностью русских событий. Мне хочется вообще с этим разобраться, об этом объяснить, этому привести аналогию и литературные примеры, а также исторические и этнографические параллели и прецеденты. Я шел вчера по улице: на углу Садовой и Невского — моментально митинг. И вот две барыни накидываются на рабочих и солдат, что они «все болтают, а ничего не работают». Еще раз, в трамвае, одна дама резко сказала рядом сидевшим солдатам: «Вы губите Россию безобразиями и неповиновениями». Солдаты молчали, ничего не возразили, очевидно признавая правоту или долю основательности слов. Вообще я не замечаю нисколько подавленности или робости в отношении рабочих и солдат. Это было только в первые испуганные дни революции,— но затем от обывателя пошла критика, и она говорится прямо в лицо, и это, конечно, хорошо и нужно, без этого нет правды, и без этого осталась бы величайшая опасность, как во всякой социальной лжи. Но разберемся. Для социальной жизни, как и для личной жизни, существуют те же заповеди, из которых главная:

- Не убий.
- Не прелюбы сотвори.
- Не укради.
- Не послушествуй на друга твоего свидетельства ложна.

Ну и так далее. Вечное десятисловие. И мы по нему измеряем качество не только личной жизни, но и жизни общественной, жизни, наконец, исторической. Бывают отвратительные эпохи. Какова была эпоха Римской империи — Тацита и Тиверия? Да и наша времен ли Грозного, времен ли Бирона. Ну и наконец, грозные эпохи французской революции, жакерии во Франции, пугачевщины и Степана Разина на Волге. Вспомним слова Пушкина о «русском бессмысленном и жестоком бунте», которые действительно оправдываются веками былыми. И вот нельзя же констатировать, что по части этих всех «заповедей» скорее дело обстоит неблагополучно в теории, в тех раздающихся лозунгах, которые созданы десятилетиями нашей неосторожной литературы, нежели в действительности. Вообще, тут для разбора чрезвычайно мало материала. Революция снизошла на землю как-то вдруг,— чуть удерживаюсь сказать привычный церковный термин «по благодати». «Вчера ничего не было — сегодня все случилось». Вчера не плакали, вчера все звали революцию. Звали, требовали. И когда она пришла и преуспела, вдруг многие заплакали, потому что она не совсем идет так, как ожидалось. По мне, кажется, было безумие слов скорее за 50 лет проповеди революции, нежели при теперешнем ее осуществлении. Напомню чигиринское дело в 70-х годах прошлого века. В местечке около Чигирина крестьяне восстали против помещиков, действуя под влиянием подложных революционных манифестов, изданных будто бы от имени царя

и предлагавших крестьянам отбирать от помещиков земли, так как же де помещики противятся воле царя, который хочет крестьянам отдать все земли, да дворяне не допускают его до этого. Крестьяне восстали, затем были усмирены и претерпели. Но сколько же было революционной радости об этом волнении крестьян, попытке крестьян. Сколько сожалений, что дело не удалось, что пожар не охватил всю Россию. И вот читаешь об этом в «Былом» эпохи Бурцева и Богучарского. Слова сказаны, произнесены. «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь». О чем же теперь, когда творится неизмеримо меньшее, творится как эксцесс и случай, никем не одобряемый, творится как исключение, а не как правило,— плачутся и сожалеют главы правительства, социалисты? Почему теперь этого не хотят Церетели, Пешехонов, «министры земледелия» и прочее, когда раньше хотели? «Слово — не воробей, вылетит — не поймаешь». А «слово»-то уже «выпущено». Как винить толпу, которая слушает. И естественно, громадная масса толпы слушает заключительные слова теории, а вовсе не сложную ткань теории,— как в богословии христианин знает заключительные слова Евангелия о любви к ближнему и Богу, а не может разобраться и не умеет разобраться во всем богословии.

Мысль моя заключается в той очевидности, что революция наша идет не только не неизменнее, но она идет гораздо чище и лучше, нежели шла целых шестьдесят лет теория революции. Вот это-то и не принимается во внимание. «Воробей слова» был гораздо гнидостнее, нежели «пугало действительности». Действительность все-таки делает поправку в десяти заповедях. Не полную поправку, я не говорю: но здравый смысл населения останавливается все-таки перед прямыми указаниями — «прелюбодействуй» и «воруй». А мы, еще с гимназии, прошли школу, прошли и, главное, заучили на память — и «Что делать?» Чернышевского, и Прудона с его лозунгом или, вернее, с его умозаключением к сложным политико-экономическим теориям, что «всякая собственность есть, собственно говоря,— кража».

Это узнал я в 4-м классе гимназии, когда прочел у Лассалю статью «Железный закон». И, помню, с таким отчаянием ходил по нагорному берегу Волги, в Нижнем, под огненным действием этой статьи. Оно было огненное, это действие. К Лассалю присоединялось действие романа Шпильгагена «Один в поле не воин», с его героической и гибнущей личностью Лео Гутмана («Гутман» — «хороший человек» по-немецки). Все рабочие, все трудовое человечество представлялось затиснутым в тиски заработной платы, спроса и предложения и системы косвенных налогов,— так что, в изложении Лассалю, не оставлялось никакой надежды на улучшение и облегчение путем нормального хода истории, и можно было чего-нибудь ждать просто от разлома истории, от бунта, от революции и насилия. Буржуазия, тоже фатально и роковым образом для себя сложившаяся, тоже виновная и без вины, кроме естественного желания себе «прибылей», тем не менее сидела пауком над народом,

высасывающим все соки из него просто по какой-то зоологическо-экономической натуре и по зоологическо-экономическому своему положению. «Так устроено», тоже чуть ли не «по благодати»: и революция была единственной зарею, которая обещала сокрушение этого окаянного царства проклятой «благодати». О, вот где терялась религия, Бог и все десять заповедей. Терялись — с радостью, терялись с единою надеждою. «Потерять Бога» значило «найти все». Потому что в человеческом сердце как-то живет: «Бога-то еще я не очень знаю, он туманен. Но мне на земле дано любить человека, *прижаться* к человеку: и если Бог этому мешает, если Бог не научает, как помочь человеку, — не надо и Бога». Да и хуже, чем «не надо»: произносились слова такие, что и страшно повторять. И произносились — в детстве, а стариком страшно повторить.

И так мы все росли, целое юношество целого поколения. Даже не одно поколение, так как я уже очень стар. Приблизительно со 2-го курса университета, проезжая в Нижний, я услышал разговор мужиков рабочих о Курбатове, мучном торговце в Нижнем, который отправлял свои баржи с хлебом в разные концы России. Курбатов, Блинов — это нижегородские старообрядцы. И вот говорят мужики про свои личные дела, про свои деревенские дела, и краем голоса — про большие нижегородские дела, ярмарочные дела. И говорят они совсем не тем голосом, как учился я все время в университете и в гимназии, из Шпильгагена и Лассалья и Прудона; как в гимназии еще я вычитывал в книге Флеровского: «К положению рабочего класса в России». Это была толстая основательная книга, с таблицами. И, появившись в 70-х годах, она была раннею зарею теперешней нашей революции, конечно.

Крестьяне, из сельца Черняева, верстах в 30 от Нижнего по направлению к Москве, говорили, как я помню, что «если бы не отец Курбатов (имя и отчество я забыл), то все они погнили бы с голодухи». Они выражались как-то хлебно, рабоче. И говорили, что он и из деревни хлеб берет, — и дает зарабатывать на пристанях. «Куль хлеба носят», — припомнил я из книги Максимова, народника, по заголовку популярной его книги — «Куль хлеба». Меня поразила эта беседа мужиков «про свои дела», так непохожая на то, что я читал «из Лассалья и Прудона». Там ненависть и перспективы отчаяния. Здесь любовь и явная благодарность. Но там, однако, наука. Хотя и здесь тоже явно ощущение. А главное ощущение человека всегда чего-нибудь стоит. Конечно, человек ошибается, думая, что «Земля неподвижна», а «Солнце встает», однако смотреть, как оно «встает поутру», — так счастливо, и за все это по мелочам скажешь: «Слава Богу».

Я перестал размышлять и о Прудоне и о Лассале, а стал присматриваться, как «по мелочам» складывается жизнь и как где людям живется хорошо, а где — не хорошо. И вот за всю жизнь, уже за сорок лет наблюдения, вижу и выдаю: везде, где людям живется деятельно, работяще, трудолюбиво, — там живут они и хорошо, а где нехватка

работы — живут не просто плохо, а — окаянно. Тут не только что не хватает в хозяйстве, но от хозяйства действительно все перекидывается и на душу, на мораль: наступает такое настроение души, что Бога клянeshь, жизнь клянeshь и сам как-то становишься проклят. Но дело-то действительно в «работишке» и «заработной плате». Все дело — «в Курбатове», говоря лично и местно, говоря о Нижнем Новгороде и не восходя к планете. Собственно, для меня сделалось совершенно очевидно, что всякая данная местность живет худо или хорошо от прихода в эту местность или от зарождения в этой местности людей с инициативой, соображением, с каким-то широким раскатистым глазом и духом, которые решились бы «начать», а «уж мы — при них». «Как», «что» начать — вопрос десятый. Мы, ленивые и недогадливые, — ко всему примкнем. Ко всему пристанем и поможем. Но у нас нет смекалки, нет, собственно, — воображения. Нет и смелой предприимчивости. Нет вот этих, собственно, практических даров, хотя теоретические дары, может быть, и больше. Я пою песни, я говорю сказки, наконец, я способен к мысли и философии: но неумел в жизни. И вот, уверен: переспроси кого угодно, переспроси миллионы людей, и все эти миллионы равно скажут, что они готовы кое в чем поступиться, кое в чем дать выгоду перед собою тароватому практически человеку, лишь бы выдумал что-нибудь, решился на что-нибудь, завел промысел, «дело», и, припустив нас к работе своей, к помощи себе, — дал, однако, и нам существовать. Собственно, тут нет даже «несправедливости» в мнимом «экономическом преимуществе» тароватого человека: дело в том, что он зато не знает песен, сказок и, может быть, не имеет прелестной семьи или удачно любви — как я. Может быть, он имеет большую любовь, обширную любовь, но — продажную, покупную, которая ничего, на мой взгляд, не стоит. Во всяком случае, в сумме психологических богатств, сумме здоровья и долгой жизни, в смысле спокойной жизни — я даже счастливее его, или не менее счастлив, чем он, если и беден или если очень ограничен в средствах. И вот потому охотно даю ему из своих «грошиков» кое-что, именно ту часть, из-за которой Прудон все собственности называл «кражею», если он изобретательностью и предприимчивостью «дал мне жить», хотя и бедно. Я понял, что эти расчеты на бумаге у политико-экономистов если и верны, то верны лишь алгебраически, а не в «именованных числах» пудов, фунтов, месяцев, мер веса и времени. И они верны «вообще в мире», но неверны «в нашей Нижегородской губернии», и еще обобщение: что они верны у Лассаля и Шпильгагена, но не имеют никакого применения ко мне, обывателю. Из-за чего же я сердился? А я горел. О, как горел!

Мне представилось, что весь вопрос о деятельных людях и в деятельных живых, оживленных местностях. И что вот талант — «зажечь местность деятельностью» есть в своем роде пушкинский дар, лермонтовский дар. Именно оттого, что я так пережил это в огорчениях души,

и еще немного потому, что сам я решительно неизобретателен и даже скрытно ленив,— я оценил эти практические дары, думаю — редчайшие и труднейшие дары человека, самую высокою мерою, ни в чем не уступает их подвиг и дар поэтам и философам. Всегда мне представлялось, что люди, как Курбатов, Сытин, Морозов, суть как бы живители местностей, а в сумме золотых голов своих и энергией — живители всей России. Тут соединились в моем представлении сведения о Петре Великом: я читал, ребенком почти, как царь иногда шел «по улице под руку с каким-нибудь фабрикантом». Я читал в таком возрасте, что не понимал еще разницы между фабрикантом и рабочим: и, зажав место в книге пальцем,— кинулся к матери рассказать, что «Царь иногда ходил, разговаривая, под руку с рабочим». Мать не поняла или не расслышала и ничего не сказала. Но мысль, что «вот так можно делать»,— очаровала меня. В бедноте детской жизни мы знали только фабричных с фабрики Шиповых и Мухиных, в Костроме. Но жизнь бедных всегда была мне понятна. И вот вдруг это представление, на место социал-демократического, алгебраического; — Э! была бы оживлена местность! Были бы хорошие базары! Было бы много лавочек. Мастерских бы побольше, контор. Фабрики мне представлялись еще слишком страшными. Погуще бы были городские ряды (центральный базар в Костроме). И тогда — все будет хорошо, в нашем Нижнем, в Новгороде хорошо. А Шпильгагена и Лассаля — побоку. Все это какая-то астрономия политической экономии, от которой ни тепло, ни холодно. «Солнце, может быть, и не встает: а Богу молишься все-таки на встающее солнце». Жизнь играет и может век играть, может века играть — если люди живы, деятельны, предприимчивы, скромны и трудолюбивы. А если нет — то люди на одном поколении, на глазах одного поколения — передохнут в голоде, отчаянии, злобе. Нужно заметить, что эту гибель людей от нужды я конкретно видел в детстве. Не буду скрывать, что именно так погибла наша собственная семья — от «неудавшейся работы», от того, что «негде было работать», и вообще от того, что не было около деятельного и заботливого человека.

ПРИНЦИП АНАРХИИ

Бывают случаи, когда самое бытие какого-нибудь существа, самое продолжение им жизни зависит от анархического поступка. И тогда он совершается фатальным, роковым образом, и — с правом. Ибо право на жизнь выше всяких правил, определяющих образ жизни. Анархия — безобразия: но «я совершаю безобразный поступок, защищая свое право жить, свое право быть».

Лучший и всеобщий пример этого, когда идущий ночью человек убивает разбойника, напавшего на него. Если бы он его не убил, он был бы сам убит.

На жизнь народов, на историю распространяется этот принцип частной жизни.

Каждый бунт, восстание, революция есть также анархический поступок. Безусловно. Революцию нельзя начать, не совершив анархического шага, который заключается в отказе повиновения законной власти. Наша революция также безусловно началась с анархического поступка: с ответа Государственной Думы, что она не разойдется, хотя приказ о роспуске Государственной Думы был дан тогдашнею законною властью.

С этого момента началась борьба физических сил. Нарушение права, какое бы то ни было и когда бы то ни было, моментально сопровождается борьбою физических сил, которые одни остаются в наличности при нарушенном праве. В сущности, всякий анархический поступок есть уже война,— и она также происходит между гражданином и разбойником, как между двумя государствами. Способ, методы, причины — все в них одно, все в них одинаково.

Государственная Дума достаточно много раз расходилась уже,— она достаточно много раз отступала, уступала. И нужно было ей совсем перестать быть народным представительством и обратиться в какой-то департамент выборных людей при правительстве, если бы она все только пятилась назад и никогда не сделала шага вперед, уже определяемого своею волею и тем доверием народным и уполномочением от народа, которые содержатся в самом существовании Государственной Думы. Перед нею, перед Думою, создалось положение смерти,— как и перед всею странюю в том положении государственного безобразия, которое, только злоупотребляя словом, можно было бы называть государственным управлением. Итак, Дума в отчаянии — рванулась. На ее сторону перешли полки. К ней присоединились рабочие, о ту пору начавшие голодать. Соединение или контакт этих трех проволок, по которым проходила энергия народная, электричество народное, создал пожар всего дома, вспышку всей страны, в которой сгорела династия Романовых. Сгорел трон, начальник всех властей в государстве. И на одну ночь Россия, наша необозримая страна, осталась вовсе и без всякой власти. Тогда как даже дом, а не целая страна, может быть без власти только одну ночь и не более.

Освобождение России было отнюдь не физическое только дело, но святое дело. Потому что оно было героическим решением, при котором все и со всех сторон рискнули головою. Пусть на одну ночь, но — рискнули. Петр и Екатерина, конечно, справились бы с делом, и, в те времена, покатались бы головы с плах,— и Временного правительства, и членов Думы, и самих восставших полков. Вспомним бунт стрельцов, не в их пользу кончившийся.

Святое дело. Вот чего не было признано; и не сказано было солдатам и народу: «все погибло, власти более нет, а без нее нет и государства, если вы не сделаете второго святого шага, еще более трудного и мучи-

тельного, — не отречетесь от себя, всякий — от себя, от своего сословия, класса, помня единственно об отечестве. Власти нет: завтра утром вы должны самоотверженно и забыв об себе подчиниться власти еще более строгой, чем прежняя, власти лютой и беспощадной, но — в отличие от бессмысленной прежней — власти справедливой, разумной, спасающей отечество».

После ночи анархии — два святых шага вперед. Один — решение низвергнуть власть и риск головой. Другой шаг — диктатура Временного правительства. Вот что нужно было сделать. Моментажно нужно было предупредить двоевластие или многовластие. Ничего подобного. Кадеты, занявшие пост министров, всегда были говорливы и бездельны. Они утонули в резолюциях, воззваниях и прочих речах, тогда как нужно было решение и моментальное же дело. Но для этого кадетам надо было самим отречься от партии и партийности, став на почву единой и всеобъемлющей государственности, единого и всеобъемлющего народного чувства. У них не было силы — правда. У них и не было ничего, кроме слов, — горестная правда. В таком положении им нужно было найти силу. Где же она? Да она была перед [ними] — это фронт, это всероссийская армия, и ее главнокомандующий — генерал Алексеев. Возгласив себя Временным правительством с диктаторскими полномочиями, — оно моментально должно было переместить простым своим декретом — переместить эти полномочия подальше от Петрограда, с его клокотанием, бурей и неодолимою внутри населения анархией.

Странно, отчего гибнет революция; — гибнет свобода наша, гибнет республика: оттого единственно, что солдаты, которым и раньше не трудно нисколько было отдавать честь офицерам при встрече (им было трудно совсем другое, — и это другое было порою унижительно трудно), — получили право не отдавать ее. Им было надо сказать: «Вы совершили святое дело, спасли отечество. Но теперь, чтобы оно было действительно спаяно, отдавайте своим офицерам честь еще ниже, еще почтительнее, еще строже и неукоснительнее». Русский человек, такой сметливый, моментально бы понял, в чем дело. Я удивляюсь, каким образом солдаты, сами и от себя решая, не начали восстанавливать это «отдание воинской чести» офицерам как явного и наружного восстановления всей вообще дисциплины. Хотя я наблюдал по улицам, и очень много раз наблюдал, именно от самих солдат идущее желание — «отдать честь». Им нужно было просто подсказать, с мотивом, что это — святое дело, первое дело.

Дисциплина — и есть внешность, наружность, но которая сдерживает все внутреннее, сдерживает стихии душевные. Именно «отдание чести», что так легко, что никому не трудно, надо было сохранить, и сохранить чисто военным порядком, через «строжайшее приказание с молитвою» (солдат бы это понял). И сколько бы это жизней спасло напрасно поруганным, изруганным, избитым и убитым офицерам!

Вот о каких следовало бы помолиться при «погребении жертв революции».

Вообще революция уже на другое утро после совершения — пошла не по моральному пути. И вот это-то ее и губит. Это открывает вечность и моральных, и правовых, и логических законов. Они, эти законы, сильнее штыков и пуль. Но в эпоху, когда все свелось к обсуждению только политико-экономических законов, только одного марксизма, заработной платы и борьбы классов, никто не вспомнил о вечной морали, о добром поведении, о святости поступка, о героическом. И вот на этой-то болотной почве мы и проваливаемся.

Принцип анархии, совершенно допустимый и необходимый для спасения жизни, для спасения самого бытия, заключается в том, что никогда и ни под каким видом, ни под каким давлением и необходимостью, ни по какому предлогу не может быть совершен второй анархический поступок.

Анархия — это абсолют, абсолютность. Единый бог и на один момент. В этой абсолютной ее ограниченности и лежит ее абсолютное право, — почему она допускается, почему она существует, почему она признается. Как только вы признали правым второй анархический шаг, так вы разрушили первый шаг и зачеркнули вообще понятие анархии. Она недопустима, потому что ведь она есть безобразие, всегда и во всех случаях безобразие; каким же образом можно допустить безобразную жизнь? Жизнь, ставши безобразною, умрет в самом коллективе своем, в самой целостности своей. Это уже хуже индивидуальной смерти, это — народная смерть.

Поэтому право на революцию заключается в том, чтобы после революции — революция была моментально кончена.

«Ты — убил. Теперь ты застегни пуговицы и вытяни руки по швам». Вот что можно сказать аллегорически. В этом — право революции. И только единственно в этом. Тогда они безвредны, целительны, спасительны. Тогда тут Божье право. Ибо это есть право — жить завтра.

Но представьте, что человек, встреченный разбойником на дороге, не только убил бы его, но и начал бы бить окна в соседних домах, зажигать эти дома или насилловать женщин на улице? Тогда воистину лучше было бы ему самому умереть.

У нас произошло именно это. Народная государственная, национальная жизнь, спасение коей было темой революции, выскользнула из нее. Мы впали в русскую мечтательность, в русскую бездельность. Совершенно забыв, что за сегодняшним днем следует еще очень много дней, что за годом революции еще открывается целая русская история, — мы в один год и даже всего в два месяца столпили все вопросы бытия своего, начав пуговицами, которые солдату, как освободителю от тирании, можно отыгнать и не застегивать, и кончая призывом всех народов к совершению у себя по нашему образцу — тоже революций, да еще

каких — социал-демократических. И задохлись в этом множестве дел, хлопот, забот, в этой всемерной тяге, которую приняли на себя.

Русского дела мы не исполнили.

Но и всемирного дела мы, конечно, тоже не исполним.

Мы просто, по русской сказке, вернемся к старому корыту.

Временное правительство попало в арест около Совета Рабочих и Солдатских Депутатов. Поистине, кто попадает в арест, тот его чем-то заслуживает, а уж во всяком случае — тот допустил посадить себя под арест. Собственно переворот был совершен вовсе даже не Петроградом, и не рабочими и не солдатскими депутатами, а тем, что именно фронт признал переворот. Вот где центр силы — был и остается. Временному правительству моментально же надо было опереться на эту силу, или, отъехав в Ставку и действуя оттуда, в Петроград послать делегата от себя, или от фронта, или от генерала Алексеева. Этот делегат, не участвовав в перевороте, был бы свободен от его психики и от его наследственности. Его обязанностью было бы не допустить никаких эксцессов, особенно в области нарушения права, дав гулять — праздновать «победу над самодержавием» с красными флагами и т. под.

Вообще Петрограду естественно было выгуляться от переворота, и все ослепли, восторг переполнил душу. Это так чувствовалось, это не могло не чувствоваться. Но самому правительству нельзя было принимать участие в этом угаре, в этом упоении. Оно должно было стоять в стороне и работать, угрюмо работать. И прежде всего, лютее всего — беречь власть. Не для себя, а для России. Отдавшись в диктатуру генерала Алексеева, оно могло уже все творить его именем, оставив ему тоже продолжение ведения войны, но зато получив в свои руки (от него) железную гражданскую власть: железную власть суда, железную власть наказания. Самую диктатуру можно было ограничить всего двумя месяцами, т. е. и дать именно на этот срок, всего на шестьдесят дней марта и апреля. Тогда было бы с Лениным поступлено как следует, с экспроприаторами поступлено как следует. И тогда Совет Рабочих и Солдатских Депутатов не занял бы Таврического Дворца, т. е. не занял бы священного места Думы (места — всегда фетишстичны), а мог бы говорить свои резолюции откуда-нибудь из другого места. Да, вероятно, он и не образовался бы. Совсем по другому адресу могли бы быть сказаны слова, сказанные Скобелевым по адресу не более не менее как четырех Государственных Дум, т. е. по адресу всего решительно русского представительства: «Скобелев и все прочие с ним, ваше дело великое, ваше дело — историческое. В награду — красный флаг берется русским государственным, ныне национальным нашим флагом. Все же отдохните до Учредительного Собрания, которое проведет все реформы и преобразования коренною русскою волею, всенародною нашею волею, — а не классовым, не сословным, не социалистическим образом».

ГОЛОС ПРАВДЫ

Наконец-то, наконец послышались в революции голоса настоящей правды, — не ленинской, не германской, не провокаторской, — а настоящей русской правды-матушки: это — «Письмо жены офицера», «Рапорт о положении офицеров», поданный главным комитетом союза офицеров армии и флота военному министру, и тоже во вчерашнем номере газеты письмо Т. Аримаспова «Деспотизм», и еще сообщение о забастовке инженеров на фабрике «Треугольник»...

Это — задавленные, оскорбленные и замученные самою революцией. Это те затоптанные вторыми и третьими рядами революции люди, которые именно ввели солдат в революцию. Ибо кто же не помнит этих первых минут революции, когда солдаты топтались на одном месте, пока подошедшие к ним офицеры с криком «стройся» и «вперед» не повели их к Государственной Думе. Удивительно, как общество, и между прочим все Временное правительство, позабыло, что именно офицеры, а вовсе не солдаты и отнюдь не одни рабочие, дали победу республике. Без них выступления были бы частными, отдельными, разрозненными и конечно были бы подавлены. Лишь когда интеллигентные элементы армии, офицерство, командуя, повело батальоны и полки к Гос. Думе — старый строй рухнул и отменился.

И вдруг, это — забыто и никем не помнится! Конечно, настоящие «мученики и жертвы революции» — это вот они, беспритязательные, тихие люди, о себе даже не напоминавшие и на место которых моментально вскочили Нахамкисы-Стекловы, Бернштейны-Зиновьевы и Розенфельды-Каменевы. И действительно: на что же правительство смотрит, чем оно занимается? О ком тревожится? Оно забыло тех, на фундаменте которых само построено и, конечно, ими держится, их скромностью, их подвигом. И только и «озабочивается», что можно ли потревожить или нельзя потревожить покой людей на даче Дурново или во дворце Кшесинской, из которых если не половина, то добрый процент — просто суть уголовные, явные предатели России, совершенно явная и единственная контрреволюция. Ибо если что грозит контрреволюцией, то, конечно, омерзение всего порядочного русского населения, всего порядочного Петрограда, к безобразиям распада, измены, шалопайства на улицах! Их можно было терпеть два месяца, надоело — на третий месяц, а дальше — та же уличная толпа, из деловых людей, идущих на работу, на службу, просто в один прекрасный день поднимется и переколотит их. Ибо эти солдаты с гармоникой, с подсолнухами, с девицами, торгующие папиросами, спичками, шнурками для ботинок, почтовой бумагой и конвертами, — утруждают глаз.

Так же и инженеры, техники фабрик, мастера, мастерицы. Конечно, ими фабрики организованы, сделаны, ведутся. Кто же ведет дело, кто чернорабочим указывает? И вот — на «Треугольнике», исчерпав все

средства примирения с чернорабочими,— они забастовали. Боимся, что эта забастовка интеллигентного рабочего труда разольется общим пламенем повсюду. Лозунг «бей интеллигенцию» — и в офицерстве и на заводах проведен уже пока только не физически, но почти близко к физическому воздействию. Что же это такое? Где же тут правда?

И неужели эта черномазая правда, так похожая на черномазовскую «Правду», есть русская республиканская правда?

И Временное правительство безгласно или бессильно? Но «бессильно» мы не можем сказать, потому что где же мы видим хотя попытку применить силу? Что-то похоже на то, что само правительство изображает собою какой-то митинг, но не громогласный, а шепотом. И он ни на кого не действует, ничему не мешает. Право, когда-нибудь, и даже очень скоро, велегласные митинги лишат жалования этот безгласный митинг в Мариинском дворце и потребуют, чтобы жалование было передано им «за работу языком». Хоть бы поскорее собралось Учредительное Собрание: а то до него и республика, да и сама Россия растают, как снег по весне.

К РАЗГРОМУ БИБЛИОТЕК

Государственная публичная библиотека,— бывшая императорская,— очень смущена и взволнована в административном своем персонале. Ей грозит крупная выемка книг, может быть и не первостепенно важных, но во всяком случае частью чрезвычайно важных, старых и древних. Дело заключается в следующем. Как известно, бывшая императорская публичная библиотека возникла по приказу императрицы Екатерины II и возникла из собрания книг, взятых русскими войсками после первого раздела Польши. Это были громадные собрания древних и редчайших (по тому времени) книг на польском, латинском, немецком, французском и других языках двух братьев Залусских, графа Андрея-Станислава Залусского (род. в 1695, умер в 1758 году), который был великим канцеляром коронным и архиепископом краковским, и Иосифа Андрея, великого коронного рефендаря и с 1758 года епископа киевского. Вот это-то собрание книг, пожертвованное польскому народу братьями Залусскими и переданное ими в управление иезуитскому ордену, после штурма и взятия Варшавы Суворовым было объявлено русской государственной собственностью и отправлено в Петербург. Оно-то и послужило основанием и зерном нашего главного и лучшего государственного книгохранилища — публичной в Петрограде библиотеки.

И вот ее-то намерены отнять у Петрограда и России. Бывший член 1-й Государственной Думы, известный московский адвокат Ледницкий, составил записку, в видах восстановления Польши в том или ином виде,

но во всяком случае — самостоятельно, о возвращении Польше и Варшаве этой библиотеки братьев Залусских. Как юрист, однако, он мог бы принять во внимание «закон давности владения», каковой, кажется, погашает права первого собственника, и затем вопрос: не была бы эта библиотека, не попади она Суворову в руки, присвоена Пруссией или Австриею, или наконец и просто расхищена в смутные годы и дни Польши. Это одно. Но затем Ледницкому следовало бы принять во внимание и моральную сторону дела: теперь поляки — не враги нам, и самая автономия их — дар русской души исстрадавшемуся родному племени. Такая ли это минута, такая ли это година, чтобы отбирать у России старые книги и опять тащить их в Варшаву, — увы, пока занятую немцами? Признают ли сами поляки это красивым и доблестным? Собственное мнение об этом московского адвоката, разумеется, еще ничего не значит. И может быть, Варшава и поляки даже найдут более выгодным для себя, если та же публичная библиотека, на место возврата библиотечки братьев Залусских, дарует им из своих бесчисленных дублетов приблизительно подобное же число книг, сколько их было в библиотеке Залусских. Эти дублеты, и очень древние, и очень драгоценные, — обнимут не только века от XV до XVIII, но и весь XIX век, и в смысле пользования и чтения будут для Варшавы даже драгоценнее, чем исключительно только археологическая библиотека собирателей одного XVIII века.

КАК НАЧАЛА ГНОИТЬСЯ НАША РЕВОЛЮЦИЯ

Все думается, все не спится... И не спится оттого: думаешь, да отчего наша революция, которая как пламенем облила нашу землю, — теперь пошла как-то неладно? Вот именно в ней нет чего-то ладного, гладкого, успешного. Левым дают много, а им все мало. Временное правительство уступило или добровольно стало под надзор и подозрение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов, а теперь Ленин и ленинцы уже оговаривают и Совет С. и Р. Д. в соединении или в потакании буржуазии? Нельзя даже объяснить, откуда могло вырасти такое потакание у солдат и рабочих, когда классовые интересы их так различны? Не подкупила же буржуазия Совет Р. и С.-Д.? Во-первых, он неподкупен. А во-вторых, классовая вражда на экономической почве так люта, так остра, так непримирима — то что же тут толковать о подкупе и примирении. Явно, что Керенский и другие проговариваются о «изъятии из общественного оборота Ленина и ленинцев» не по своей близости с буржуазией, а по твердому убеждению своему, что задача революции — государственно и общественно строить, а Ленин и ленинцы производят государственно и общественно расстройство. Они мутят, смутьяны, и вводят смуту уже в самую революцию. Т. е. ее же явно губят.

С приездом Ленина начался явный переворот в революции. Прошли ее ясные дни. Вдруг повеяло вонью, разложением. До тех пор было все ясно, твердо, прямо.

Вдумаемся в эти первые, ясные дни. Может быть, мы что-нибудь поймем в них. Все помнят поездку в Москву Керенского, после взятия бывшего государя под стражу; как министр юстиции, он заявил в Москве, что отныне смертная казнь в России совершенно отменяется. И какой это был светлый день, какой облегченный вздох пронесся по России. Это был лучший день революции, — ее решимость не быть кровавой, не быть мстительной. Быть русскою революциею, быть снисходительною, прощающею, мягкою революциею. Это вполне возможно, чтобы революция была вообще нравственно доброю революциею, чтобы она вообще светила нравственным светом. Не скрыт ли в этом требовании ключ от действительности?

Сердце человеческое вечно, сердце человеческое ищет света. Скажите, какой смысл в самой революции, если мы не кидаемся через нее к свету, к добру, к правде? Если через революцию мы не выходим из какого-то мрака, удушья, погреба? Ведь через это собственно начинались все революции, из отвращения не к одному неудобству и не к одному врагу старого режима, а из отвращения к его порочности, к его преступлению, к его греху вообще. Вот мотив революции. Он нравственный, он светлый. Поэтому революция прежде всего не должна уметь лгать. Во-вторых, она не должна быть труслива. Это непереносимо для революции просто как для нового, свежего явления; как для явления молодого и крепкого.

Вдруг эти братания с немцами на фронте, которые, во-первых, показывают русских столь глупыми и доверчивыми и, во-вторых, показывают, что мы лезем им под брюхо погреться. Измена — товарищам-союзникам. Это просто низко, неблагородно. Братания просто залепили пощечину революции. Ноги подкосились у революции, — те ноги, которые у молодого бегуна должны быть крепки. «Э, да в русскую революцию положена большая доля Штюрмера». Или: «тесто революции взошло на штюрмеровских дрожжах». Как при этой мысли жить? Как при этой мысли светло и крепко развиваться революции? Нравственный центр ее был потерян. Она начала ясно гаснуть, скисаться. Как скисается молодое вино, в которое попала гнилая, кислая ягода. Тогда, — я слышал от виноделов, — вся масса вина в громадном чане в самое быстрое время превращается в уксус. А всего попала одна гнилая ягодка.

Это так же, как происходит в организме «заражение крови», если рана «загрязнена». Закон один и тот же для органических и для политических тел: они погибают, если рана начинает гноиться.

Организм нашей революции загноился.

К ПОЛОЖЕНИЮ МОМЕНТА

Смута ленинская оказывается не так презренна, как можно было полагать о ней некоторое время; этот plombированный господин, выкинутый Германией на наш берег, сперва казался многим чем-то вроде опасного огня, который указывает плывущему в темноте кораблю особенно опасное место, подводный камень или мель, от которого корабль должен держаться как можно дальше, ни в каком случае к нему не подходить. Так к нему и отнеслась почти вся печать и сколько-нибудь сознающие свою ответственность и свою гражданственность жители столицы. Но, очевидно, не на них был рассчитан Ленин. Он был рассчитан на самые темные низы, на последнюю обывательскую безграмотность. И он ее смутил и поднял.

В таком случае нам остается напомнить, что такое Россия, принявшая на себя высокий титул республики, и что такое русский человек, называющий себя ныне гражданином. Или их нужно носить, — и тогда нужно их выдержать. Или от них лучше отказаться.

«Гражданин» прежде всего несет на себе высокие *обязанности*, а не просто имеет обывательские привычки. И республика есть совокупность гражданских обязанностей. В противоположность старому обывателю, который вечно лежал на руках начальства, дожидаясь от него милости, заботы и приказания, «гражданин» есть человек, на которого может опереться другой человек, который выдержит некоторую тяжесть, некоторый труд, — и не по неволе выдержит, а добровольно, по сознанию в себе гражданского долга. Обыватель — это малолетний человек, гражданин — это выросший человек. И на гражданине лежат не только внутренние обязанности, обязанности русского человека к русскому человеку, но и международные обязательства. На русского обывателя немец, француз и англичанин может не рассчитывать и не рассчитывал, — и от этого он сносился не с ним, а с его правительством. Но раз мы низвергли трон и объявили себя республикою, то тем самым мы изрекли на весь мир, что все, что прежде являл собою трон для всех народов и держав, то ныне принял на себя русский гражданин и будет держать на себе русская республика.

В этом-то и корень дела. От этого-то нас и *признали* другие державы и народы. «Признали» — это не простое слово и не пустое слово. Это как было всегда с наследниками. Сын естественно «наследует» после своего отца его дом, его имущество, все его и теперь свое «наследство». Но естественное наследование — это еще не достаточно. Наследники могут быть неправильные, фальшивые, или опороченные и под судом. Нужен еще ввод во владение. И «сам» никто не «вводится во владение», его «вводят» другие. Вводит внешняя, посторонняя власть, вводит «суд». Когда русские объявили у себя новый строй, то это было не только внутреннее их дело, — так оно было бы у дикого народа, где-нибудь

в Африке. Но в Европе это требовало признания всех европейских держав. Это-то «признание» и есть «утверждение» в наследственных после монархии правах. Объявив себя «гражданством», русский народ тем самым объявил себя хозяином своего дела, *вместо прежнего царя*. А народы, «признав» его гражданство, тем самым выразили, что они доверяют его гражданской зрелости, что они доверяют его взрослости, самостоятельности, силе и, словом, всему его «хозяйственному уму и характеру». И будут с ним дальше вести дело, как с «Россией», нимало не сомневаясь, не колеблясь.

Все это надо иметь в виду, потому что Ленин поднял вопрос о международном положении России. Он начал, в сущности, заявлять, что «никакой России нет», а есть только «в России» разные классы, разные сословия,— есть крестьяне, есть рабочие, есть солдаты, которым лучше всего побросать ружья и разойтись по деревням.

Ленин отрицает Россию. Он не только отрицает русскую республику, но и самую Россию. И народа он не признает. А признает одни классы и сословия, и сманивает всех русских людей возвратиться просто к своим сословным интересам, выгодам. Народа он не видит и не хочет.

Отрекаются ли русские люди от своего отечества? Пусть они скажут. Пусть скажут, что они больше не «русские», а только крестьяне и только рабочие?

Если они скажут так, то не нужно и «правительства» им никакого; довольно сельских старост, сельских сходов — да своих «ремесленных управ». России нет: вот подлое учение Ленина. Слушавшие его не разобрали, к чему этот хитрый провокатор ведет. Они не разобрали, что он всем своим слушателям плюет в глаза, называя их не «русскими», а только «крестьянами», вероятно, будущими батраками немецких помещиков-аграриев.

В этом и состоит расхождение ленинцев с Временным правительством, которое имеет перед своими глазами уважаемую Россию и соблюдает ее интересы, честь и достоинство. Ленин обращает Россию в дикое состояние. Он очень хитер и идет против народа, хотя кричит, что стоит за народ. В его хитрости и наглom вранье надо разобраться. Должны разобраться, что он отнимает всякую честь у России и всякое достоинство у русских людей, смешивая их с животными и будущими рабами Германии.

Временное же правительство стоит за честь России. И оно должно стоять твердо, нимало не колеблясь ни в которую сторону, и даже до героизма и готовности пострадать. Оно уже рискнуло головами, борясь с Николаем II, и доставило России свободу. Оно должно помнить, что когда вся Россия присягнула ему в повиновении, то она присягнула никак не рабочим и не восставшим на царскую власть полкам, а присягнула на повиновение избранникам всего русского народа, от Балтийского моря до Великого океана и от Архангельска до Кавказа. Вот кому она присягнула и кому повинуетя с уважением и любовью. Нужно

не забывать этого явного происхождения русской революции и русской республики. Россия пристала не к рабочим и не к солдатам, а она пристала к избранникам всей России, всего народа, *всех ста пятидесяти миллионов*.

Россия шатается от безвластия.

Россия не повинуется и не обязана повиноваться Петрограду. А Петроград обязан повиноваться России. Вот слово, которое надо завтра привести в действие.

ЗАПОЗДАЛОЕ ГОРЕ...

Ах, поздние мысли, недостаточные мысли, «оговорочки» и все-таки недостаточное дело. Старая революционная гвардия,— из людей высочайше достойных, но достойных именно нравственно только, могла бы и должна бы сказать совсем другое слово, чем какое она сказала в Михайловском театре.

Она могла бы сказать: какое было безрассудство, что мы сорок лет боролись и страдали в Шлиссельбурге и в изгнании собственно не за Россию, а за Европу; что у нас не было прямой борьбы за нужды и горе специально русского рабочего люда и специально русской несчастной, оборванной и загнанной русской общественности и русской интеллигенции, что мы все время боролись под знаком европеизма, избегая всякой национальной окраски, считая эту национальную окраску односторонностью, суеверием, затхлостью, отсталостью и даже прилагая к национальности выражение, очень милое, Владимира Соловьева,— «звериный национализм». И вот, когда разразился гром, русский мужичок поздно почесал затылок и все же не снял шапки и смиренно не перекрестился. Мы и до сих пор говорим о любви к родине бегущим русским войскам, но все-таки нам страшно произнести слово «патриотизм»: до того оно заплевано, загнано, до того это слово «патриотизм» омерзло всем. Ведь еще перед самою войною, прямо накануне ее, в таких прогрессивных органах, как «Утро России», как вся линия русских радикальных журналов, с «Вестником Европы» во главе, не иначе писали «патриотизм» и «патриоты», как с искажением грамотности почти в духе ех-министра Мануилова — «потрреоты», «потреотизм». Итак, что же мы имели в течение прошлых 50 лет, как оказалось, подготовки к европейской войне, в то время как и в Англии, и во Франции, и, кажется, в Турции были «патриоты» и почитатели отечества своего, горячо именно за отечество и нацию свою стоявшие, у нас у одних в стоустой печати, бывшей для всего населения единственною грамотностью и единственною школой, для подобных чувств к родной земле не было ничего кроме названия «звериного национализма» и квасного «потрреотизма». И вот, пришло время. Русские войска вдруг начали брататься во время войны, по-мужицки. Попросту и по-мужицки, ибо очень часто глупый и неученый поэт панихиду на свадьбе и веселую песню на похоронах;

но кто же, скажите, не учил столько десятилетий всех бесчисленных своих читателей, что «война — это преступление», что «офицер — это убийца сознательный, обучающий убийству бессознательного раба, солдата, которого научает фрунту через пощечины»; что «офицерство и генералитет — это все Скалозубы», герои «отечественной войны», и т. д. Печать ведь только 19 июля 1914 г. перевернулась вместе с «Петроградом». Но — поздно. «Циммервальден», «циммервальден», вопиют. Но разве у нас был когда-нибудь наш русский рабочий социализм, в применении к особым условиям русского труда, разве социализм у нас и не был всегда «стокгольмским», «швейцарским», а в корне же и вообще именно германским, берлинским и лишь прикровенно, «для дураков», поющих песенки на похоронах, — прикровенно — штабным. Разве у нас было что-нибудь, кроме русской неудачной зубатовщины и немецкой совершенно удавшейся зубатовщины. Вот как выразился теперь В. С. Панкратов: «Бисмарк забавляет иностранную демократию интернационализмом и циммервальдизмом; разрешал их съезды и даже слегка покровительствовал. Циммервальдизм — продукт для вывоза, а не для внутреннего потребления». Помню, мне, двадцать лет назад, пришлось прочесть где-то, кажется, в русской газете, странную передачу из биографических рассказов о Фердинанде Лассале, что Бисмарк, смущенный агитационною деятельностью Лассаля среди рабочих кругов Германии, о чем-то «вел с ним переговоры». Но грозные и неуступчивые требования Лассаля заставили берлинскую официальную лисицу прервать переговоры; а то она уже почти уступала насчет «государственного социализма». Тогда же это меня поразило: как это Бисмарк, такой, можно сказать, Плеве из Плеве, Толстой из Толстых, и ведет переговоры с таким Прометеем. И тогда же, грешный человек, я немножко заподозрил дело. Но теперь я нисколько не сомневаюсь в полном чистосердечии и Лассаля, и Маркса, а только оставляю свои подозрения в истине их насчет Бисмарка. Дело в том, что хотя Куропаткин, конечно, не хотел, чтобы его вечно «обходили» японцы, но уж Куроки или Ояма такой был злодей, что все-таки «обходил» русского генерала. И хотя Лассаль с Марксом были Прометеи, но Бисмарк тоже не на гроши учился. Все дело в натуральной хитрости и в калибре натуральной хитрости. Лассаль, Маркс и еще бесчисленные германские социалисты, «катедер-социалисты» и «статс-социалисты», можно сказать, — действительные тайные советники по социал-демократии, потихоньку и неведомо для самих себя, неведомо и для всей Европы, допустили (и не могли не допустить) принять себя на службу гегельянской и гениальной государственности далеко уже не «восточно-русской», а как бы вторично-римской, как бы космополитической и универсальной.

Германские кесари «обошли» социал-демократию тем, что они сами весьма много сделали для германского рабочего, что они взяли, и серьезно взяли, честно взяли душу, быт и нужду немецкого пролетария, устроив прежде всего государственное страхование для стариков,

больных и увечных, устроив всяческие «примирительные камеры» для междуклассовых споров и распрей, а главным образом,— создав государственным покровительством промышленность вне даже английской и французской конкуренции, уже не говоря о так называемой русской и турецкой конкуренции. И, показав весьма прозрачно, что если при тренировке германского рабочего, при возможной и не страдальческой работе его 12, 10 и 8 часов в сутки, в зависимости от тяжести, германское отечество достанет черноземные земли этих простоватых русских, «тоже социал-демократов» и вообще «братьев», то в земных условиях, в условиях нашей планеты, для нашей европейской эпохи и во всяком случае для современного поколения и ближайших людских поколений германский рабочий — «неимущий человек» — устроится наиболее «имущим образом». Синицу в руки рабочий человек всегда понимал, и если, за синицею в руки, поделить земли помещиков и вообще захватить побольше себе в руки — русский крестьянин-воин бросает армию и бежит «взять что где можно», то по такому же, собственно, мотиву «ближайше полезного» и ближайшего очевидного германский рабочий твердо стоит на фронте, умирает за отечество, умирает, выковывая счастье детям и внукам. Вообще, там действительное отечество и действительный поэтому вкус к отечеству. Там отечество и гражданин в обоюдном договоре и честном условии, тогда как у нас все в «славянофильской любви», т. е. «ты мне послужи и за меня умри», а я тебе «шиш» и плюну «на твоих потомков». Словом, дело все в том, что там действительно оригинальная и самостоятельная культура, но не только государственная, не одна политическая и экономическая, но и прежде всего это культура гениального и гениально-честного общества, помогавшего из всех сил своему государству, отчего они и поют глуповато и пошловато «Deutschland über alles», а мы поем «На реках вавилонских» и прометеевски отсиживаемся в Шлиссельбурге. Русские прогуляли свое отечество, этого нечего скрывать. Но прогуляло его ужасным образом как сделавшееся «по-военному» правительство, так и причесывавшееся «на равные проборы» и носившее разнообразные галстуки русское общество. Оба были «друг друга лучше», и «Мертвые души», «Обломов» и «Не в свои сани не садись» — это *не о нас* сказано.

Но сказать это ясно и просто в Михайловском театре никому не удалось. Они судили и осуждали, когда никто не был так исторически жестоко осужден. Куда они пришли в Михайловский театр? Увы, из той Германии и прекрасной Франции, или из разных «изгнаний» и «заклучений», как и Ленин, и всевозможные Каменевы, но только с чистосердечной, безупречной душой. Русские идеалисты, о русские идеалисты... Мыкаете вы горе, и по своей вине мыкаете. Незаметно вас выслала, и тоже с полным почетом — в «вагонах I класса и запломбированных» (это все — аллегорически), Германия после того, как вы сослужили за сорок лет полную германскую службу, проповедуя совершенно точь-в-точь то же самое, что «Циммервальден», т. е. отечество не нужно,

а есть всемирное братство и единство народов, что «пролетарии собирайтесь», а окаянные суть буржуи, что есть «классовые интересы» и история есть вся борьба классовых интересов, хозяйственного материализма и не более. И окаянное слово, гениальное гоголевское слово стояло за спиной простоватых русских мужичков («народников»): «Ступайте в огонь неугасимый, Иуды, продавшие свое отечество за чечевичную похлебку заграничной похвалы. Отечество всегда обманывалось в вас, а мне вы более не нужны. Я взяла от вас все, рабы,— взяла и выжала; и теперь обращаю в свиной навоз страну, о каковой и всегда видела, что это просто свиной навоз, а не какая-нибудь культура. Культуру делают не такие люди. Ее делают чистые сердцем. Лютеры и мудрые, осторожные Гете. А у вас было только одно болото вашей ругающейся литературы, в которой лучшее произведение — целомудренные «Записки сумасшедшего».

НЕ ТЕ СЛОВА, НЕ ТЕ ДУМЫ

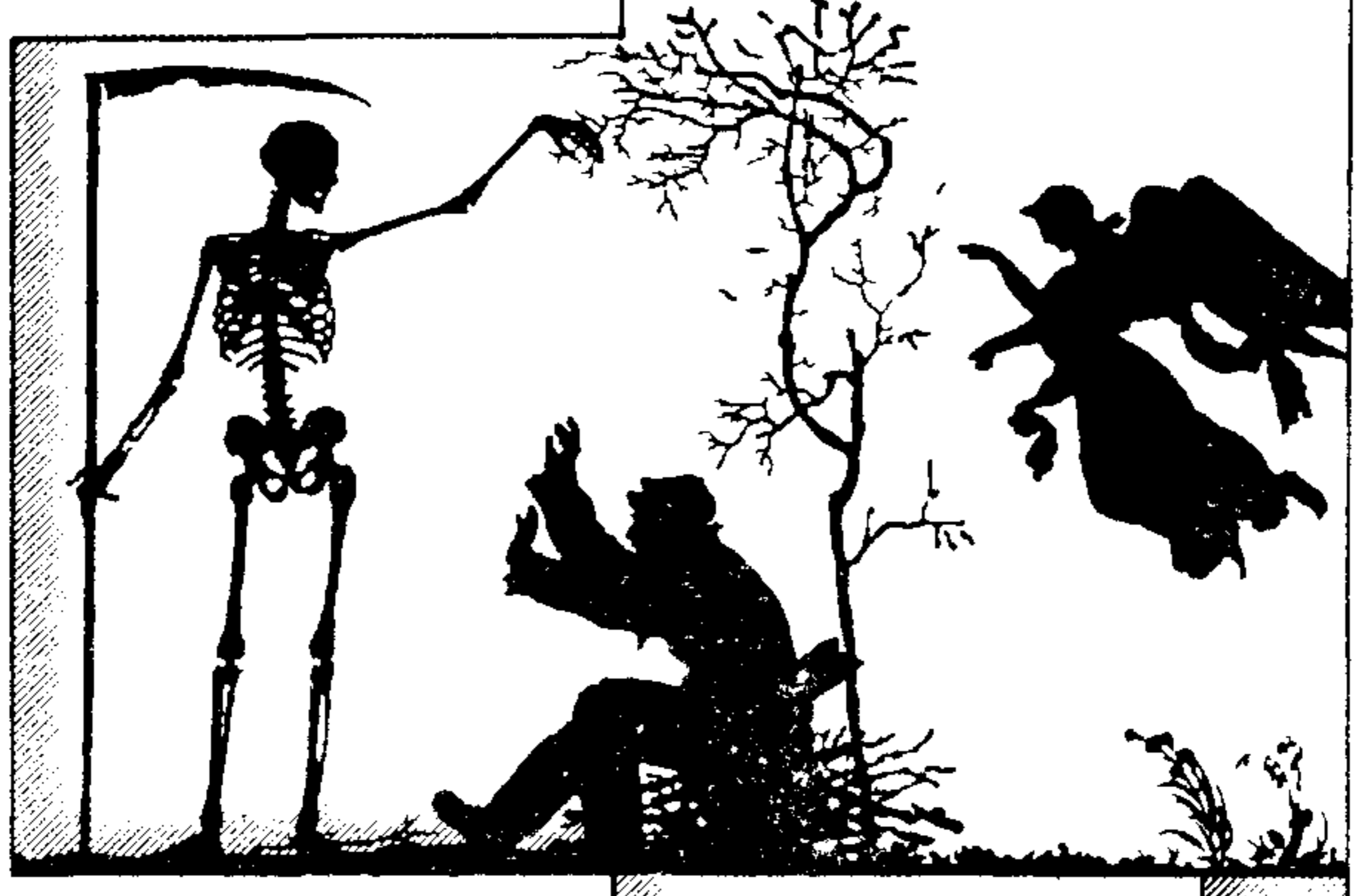
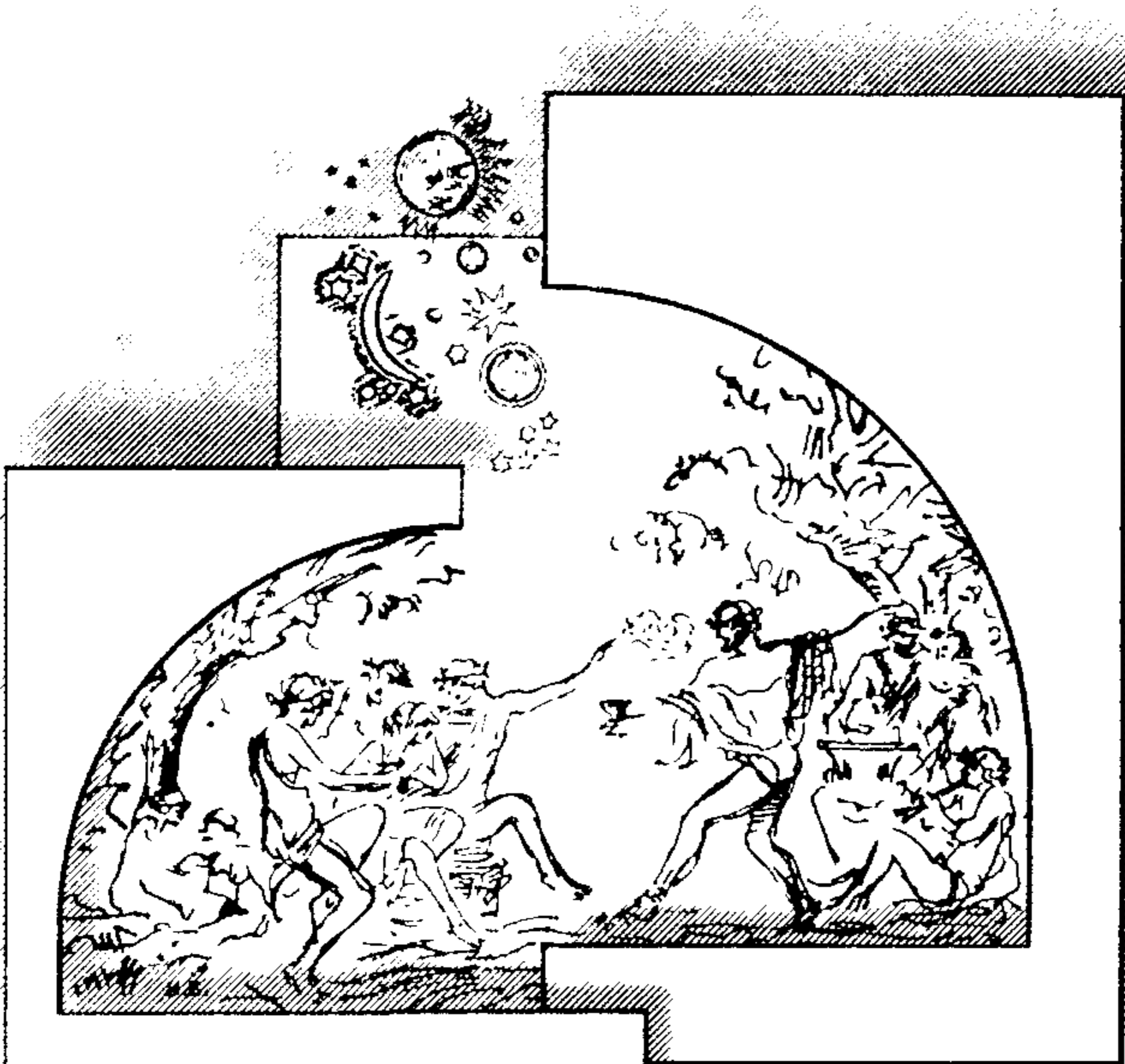
«То же бы ты слово, да не так молвил». В «Утре России», наиболее буржуазной московской газете и афиширующей себя буржуазною, в передовой статье «Перед совещанием» так и проходит красною нитью мысль, что демократии русской, после шести месяцев управления Россиею, пришлось если не поклониться, тоосоюзиться с буржуазией. «Несомненно, созыв московского совещания и его состав — это *уступка имущим классам*. Но в силу исторической необходимости не обойтись демократии без уступок и без *буржуазных союзников*. Отказ от союза равносителен содействию роста анархии, за которым могла бы последовать и реакция с ее монархическим героем». Печальные и все те же *классовые*, а не *русские* слова. Нет русской *буржуазии* и нет русских *рабочих*, а есть правильное *русское сердце* и открытая *русская душа*. А будет ли она в рабочей груди или у *купца* — это все одинаково. Теперь выбирать не приходится. Слишком трудно время, слишком страшна минута.

Когда целые корпуса бежали на южном фронте, а офицеры, взяв выроненные солдатами винтовки, встретили врага и умерли, то *кто строил Россию*, — солдаты или офицеры? И когда рабочие требовательно назначили себе *8-часовой рабочий день*, и подорвали транспорт железнодорожный, и создали для городов и для себя, и для армии ужас голода, — то *кто «погубил демократию в России»?* Вопрос и решается этим. Дело в том, что, слюнявя в «классовых интересах» по указке берлинского Маркса, «рабочие» и, увы, «солдаты» сами же себя и свою «демократию», можно сказать, выронили, уронили в грязь, в бессмыслицу; и их самих, этих рабочих, приходится вытаскивать из какого-то тупоумия демократии, а не из прекрасного смысла демократии, который конечно тоже *есть*. Ну, вот, «классовые интересы», а «не Россия»: так вы

и получайте же выгоды из отвлеченных, из книжных классовых интересов, а чего вы пристаёте к России, для которой что же вы сделали с вашими «классовыми интересами», кроме как обобрали ее в трудовом отношении, в рабочем отношении. Получайте все из Циммервальдена, из Стокгольма, из Берлина, а не из Москвы и не от Петрограда, и не от России. Но так же точно и не в «буржуазных интересах», конечно, лежит центр торгового и промышленного сословия России, а в народном его духе. И этот народный его дух может быть лучше, чище, яснее, он может быть больше и крупнее, чем у «рабочего по металлу»... Ведь есть род, племя, фамилия. И почему-то выдвигаются и в крестьянстве избранные, и в солдате — отборный человек, и в купце, и во всяком. Лучше, свежее кровь; лучше, отборнее родоначальник; слышаннее, благороднее. Есть гнилое мясо у каждого, а есть свежее, ярче бегущая кровь. То — «молодожены», — то «старожены»; то — чистая, благородная любовь; то — «коммерческий расчет» или брак: глядишь, «дитяtko»-то родилось и иное, с «изъянцем» или все «в чистоте». Вот и приходится ставить «прицел» на породу, а не на социальное положение. Нужно совершенно не так рассуждать, как «Утро России», не теоретически планируя, что «без буржуазии не обойтись», без «золотого мешка делу не сладиться», а основываясь на испытанном опыте России; нужно указать на тот опыт безраздельного управления Россией «Советов Рабочих и Солдатских Депутатов», т. е. едiносоставных нижних ярусов демократии, и что эти рабочие оставили Россию без работы, погнавшись за удешевленными барышами, погнавшись эгоистически, без всякого чувства России, забыв, что она им — «матушка». И солдаты, забыв вовсе, что они воюют, побросали ружья и начали пить немецкий «шнапс». «Вы им предложите водки: они напьются, поцелуются и потом сдадутся в плен», — учил своих солдат и офицеров Германский главный штаб. Дело не в «демократии» и «буржуазии». Это — отвлеченность. Дело в том, что именно русская «демократия» повалила кормилицу свою набок, обобрала у нее карманы и бросила ее на потраву врагу.

Вот в чем дело.

Демократия обманула Россию, и Россия теперь оставляет демократию. А если это больно, то надо было думать не теперь, когда больно, а когда плакала Россия, когда кричал Керенский и тоже плакал; когда «ребятушки» наши братались, братались и потом сдавались, а «рабочие» оставляли Россию без паровозов, без вагонов, без ремонта, «очень хорошо зарабатывая на общем бедствии».

В. В. Розанов

Апокалипсис нашего времени

№ 1

К ЧИТАТЕЛЮ

Мною с 15 ноября будут печататься двухнедельные или ежемесячные выпуски под общим заголовком: «Апокалипсис нашего времени». Заглавие, не требующее объяснений, ввиду событий, носящих не мнимо апокалипсический характер, но действительно апокалипсический характер. Нет сомнения, что глубокий фундамент всего теперь происходящего заключается в том, что в европейском (всем,— и в том числе русском) человечестве образовались колоссальные пустоты от бывшего христианства; и в эти пустоты проваливается все: троны, классы, сословия, труд, богатства. Всё потрясено, все потрясены. Все гибнут, всё гибнет. Но все это проваливается в пустоту души, которая лишилась древнего содержания.

Выпуски будут выходить маленькими книжками.

Склад в книжном магазине М. С. Елова, Сергиев Посад, Московск. губ.

РАССЫПАННОЕ ЦАРСТВО

Филарет Святитель Московский был последний (не единственный ли?) великий иерарх Церкви Русской... «Был крестный ход в Москве. И вот все прошли,— архиереи, митрофорные иереи, купцы, народ; пронесли иконы, пронесли кресты, пронесли хоругви. Все кончилось, почти... И вот поодаль от последнего народа шел он. Это был Филарет».

Так рассказывал мне один старый человек. И прибавил, указывая от полу — на крошечный рост Филарета:

— «И я всех забыл, все забыл: и как вижу сейчас — только его одного».

Как и я «все забыл» в Московском университете. Но помню его глубокомысленную подпись под своим портретом в актовом зале.

Слова, выговоры его были разительны. Советы мудры (императору, властям). И весь он был великолепен.

Единственный...

Но что же «опреж того» и «потом»? — незаметное, дробь. «Мы их видели» (отчасти). *Nota bene*. Все сколько-нибудь выдающиеся были уже с «ересью потаенною». Незаметно, безмолвно, но с ересью. Тогда — как Филарет был «во всем прав».

Он даже Синод чтит. Был «сознательный синодал». И Николая Павловича чтит — хотя от него же был «уволен в отпуск от Синода

и не появлялся никогда там» *. Тут — не в церкви, но в императорстве — уже совершился или совершался перелом, надлом. Как было великому Государю, и столь консервативному, не соделать себе ближним советником величайший и тоже консервативный ум первого церковного светила за всю судьбу Русской Церкви?

Разошлись по мелочам. Прав этот бес Гоголь.

Между тем Пушкин, Жуковский, Лермонтов, Гоголь, Филарет — какое осияние Царства. Но Николай хотел один сиять «со своим другом Вильгельмом-Фридрихом» которым-то. Это был плоский баран, запутавшийся в терновнике и уже приутогованный к закланию (династия).

И вот рушилось все, разом, царство и церковь. Попам лишь непонятно, что церковь разбилась еще ужаснее, чем царство. Царь выше духовенства. Он не ломался, не лгал. Но, видя, что народ и солдатчина так ужасно отреклись от него, так предали (ради гнусной распутинской истории), и тоже — дворянство (Родзянко), как и всегда фальшивое «представительство», и тоже — и «господа купцы», — написал просто, что, в сущности, он отрекается от такого подлого народа. И стал (в Царском) колоть лед. Это разумно, прекрасно и полномочно.

«Я человек хотя и маленький, но у меня тоже 32 ребра» («Детский мир»).

Но Церковь? Этот-то Андрей Уфимский? Да и все. Раньше их было «32 иерея» с желанием «свободной церкви» «на канонах поставленной». Но теперь все 33333... 2...2...2...2 иерея и под-иерея и сверх-иерея подскочили под социалиста, под жида и не под жида **; и стали вопиять, глаголать и сочинять, что «церковь Христова и всегда была, в сущности, социалистической» и что особенно она уж никогда не была монархической, а вот только Петр Великий «принудил нас лгать».

Русь слиняла в два дня. Самое большее — в три. Даже «Новое Время» нельзя было закрыть так скоро, как закрылась Русь. Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных. И собственно, подобного потрясения никогда не бывало, не исключая «Великого переселения народов». Там была — эпоха, «два или три века». Здесь — три дня, кажется даже два. Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Станным образом — буквально ничего.

Остался подлый народ, из коих вот один, старик лет 60 «и такой серьезный», Новгородской губернии, выразился: «Из бывшего царя надо бы кожу по одному ремню тянуть». Т. е. не сразу сорвать кожу, как индейцы скальп, но надо по-русски вырезывать из его кожи ленточка за ленточкой.

* Столкновение с обер-прокурором, генералом Протасовым. «Шпоры генерала цепляются за мою мантию», — выразился Филарет заочно. Это было донесено Государю.

** Пишу без порицания и иронии, а лишь в том оттенении, что для духовенства и в его словооборотах они всегда были в уничтожительно-презренном смысле «жидами». Но дело поворачивается к Апокалипсису, с его «песнью Моисея, раба Божия», и об них еще долгие сказы, — как оказывается — более долгие, чем о нашей несчастной Руси.

И что́ ему царь сделал, этому «серьезному мужичку» *.

Вот и Достоевский...

Вот тебе и Толстой, и Алпатыч, и «Война и мир».

Что же, в сущности, произошло? Мы все шалили. Мы шалили под солнцем и на земле, не думая, что солнце видит и земля слушает. Серьезен никто не был, и, в сущности, цари были серьезнее всех, так как даже Павел, при его способностях, еще «трудился» и был рыцарь. И, как это нередко случается, — «жертвою пал невинный». Вечная история, и все сводится к Израилю и его тайнам. Но оставим Израиля, сегодня дело до Руси. Мы, в сущности, играли в литературе. «Так хорошо написал». И все дело было в том, что «хорошо написал», а что́ «написал» — до этого никому дела не было. По *содержанию* литература русская есть такая мерзость, — такая мерзость бесстыдства и наглости, — как ни единая литература. В большом Царстве, с большою силою, при народе трудолюбивом, смьшленном, покорном, что она сделала? Она не выучила и не внушила выучить — чтобы этот народ хотя научили гвоздь выковывать, серп исполнить, косу для косьбы сделать («вывозим косы из Австрии», — география). Народ рос совершенно первобытно с Петра Великого, а литература занималась только, «как они любили» и «о чем разговаривали». И все «разговаривали» и только «разговаривали», и только «любили» и еще «любили».

Никто не занялся тем (и я не читал в журналах ни одной статьи — и в газетах тоже ни одной статьи), что в России нет ни одного аптекарского магазина, т. е. сделанного и торгуемого русским человеком, — что мы не умеем из морских трав извлекать иоду, а горчишники у нас «французские», потому что русские всечеловеки не умеют даже намазать горчицы разведенной на бумаге с закреплением ее «крепости», «духа». Что же мы умеем? А вот, видите ли, мы умеем «любить», как Вронский Анну, и Литвинов Ирину, и Лежнев Лизу, и Обломов Ольгу. Боже, но любить нужно в семье; но в семье мы, кажется, не особенно любили, и, пожалуй, тут тоже вмешался чертов бракоразводный процесс («люби по долгу, а не по любви»). И вот церковь-то первая и развалилась, и, ей-ей, это кстати, и «по закону»...

КАК МЫ УМИРАЕМ?

Ну что же: пришла смерть, и, значит, пришло время смерти.

Смерть, могила для $\frac{1}{6}$ части земной суши. «Простое этнографическое существование для бывшего Русского Царства и империи», о котором уже поговаривают, читают лекции, о котором могут думать, с которым, в сущности, мирятся. Какие-то «полабские славяне», в которых преобразуется *былая Русь*.

«*Былая Русь*»... Как это выговорить? А уже выговаривается.

* Рассказ мне в местечке Суда (станция Николаевской ж. д.) Новгородской губ., г-жи Непениной, жены управляющего хозяйственною частью «Нов. Времени».

Печаль не в смерти. «Человек умирает не когда он созрел, а когда он доспел». Т. е. когда жизненные соки его пришли к состоянию, при котором смерть становится необходима и неизбежна.

Если нет смерти человека «без воли Божией», то как мы могли бы допустить, могли бы подумать, что может настать смерть народная, царственная «без воли Божией»? И в этом весь вопрос. Значит, Бог не захотел более быть Руси. Он гонит ее из-под солнца. «Уйдите, ненужные люди».

Почему мы «ненужные»?

Да уж давно мы писали в «золотой своей литературе»: «Дневник лишнего человека», «Записки ненужного человека». Тоже — «праздного человека». Выдумали «подполья» всякие... Мы как-то прятались от света солнечного, точно стыдясь за себя.

Человек, который стыдится себя? — разве от него не застыдится солнце? — Солнышко и человек — в связи.

Значит, мы «не нужны» в подсолнечной и уходим в какую-то ночь. Ночь. Небытие. Могила.

Мы умираем как фанфароны, как актеры. «Ни креста, ни молитвы». Уж если при смерти чьей нет креста и молитвы — то это у русских. И странно. Всю жизнь крестились, богомолились: вдруг смерть — и мы сбросили крест. «Просто, как православным человеком русский никогда не жывал». Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков, у солдат до того легко, точно «в баню сходили и окатились новой водой». Это — совершенно точно, это действительность, а не дикий кошмар.

Собственно, отчего мы умираем? Нет, в самом деле, — как выразить в одном слове, собрать в одну точку? Мы умираем от единственной и основательной причины: *неуважения себя*. Мы, собственно, самоубиваемся. Не столько «солнышко нас гонит», сколько мы сами гоним себя. «Уйди ты, черт».

Нигилизм... Это и есть нигилизм, — имя, которым давно окрестил себя русский человек, или, вернее, — имя, в которое он раскрестился.

— Ты кто? блуждающий в подсолнечной?

— Я нигилист.

— Я только *делал вид*, что молился.

— Я только *делал вид*, что *живу в царстве*.

— На самом деле — я сам себе свой человек.

— Я рабочий трубного завода, а до остального мне дела нет.

— Мне бы поменьше работать.

— Мне бы побольше гулять.

— А мне бы не воевать.

И солдат бросает ружье. Рабочий уходит от станка.

— Земля — она должна сама родить.

И уходит от земли.

— Известно, земля Божия. Она всем поровну.

Да, но не Божий ты человек. И земля, на которую ты надеешься, ничего тебе не даст. И за то, что она не даст тебе, ты обagriшь ее кровью.

Земля есть Каинова, и земля есть Авелева. И твоя, русский, земля есть Каинова. Ты проклял свою землю, и земля прокляла тебя. Вот нигилизм и его формула.

И солнышко не светит на черного человека. Черный человек ему не нужен.

Замечательно, что мы уходим в землю упоенные. Мы начинали войну самоупоенные: помните, этот август месяц, и встречу Царя с народом, где было все притворно? И победы,— где самая замечательная была победа казака Крючкова, по обыкновению отрубившего семь голов у немцев. И это меньшиковское храброе — «Должны победить». И Долиной — победные концерты, в цирке Чинизелли и потом в Царском. Да почему «должны победить»? Победа создается не на войне, а в мирное время. А мы в мирное время ничего не делали, и уж если что мы знали хорошо, то это — то, что равно ничего не делаем. Но дальше — еще лучше. Уж если чем мы упились восторженно, то это — революцией. «Полное исполнение желаний». Нет, в самом деле: чем мы не сыты. «Уж сам жаждущий когда утолился, и голодный — насытился, то это в революцию». И вот еще не износил революционер первых сапогов — как трупом валится в могилу. Не актер ли? Не фанфарон ли? И где же наши молитвы? и где же наши кресты? «Ни один поп не отпел бы такого покойника».

Это колдун, оборотень, а не живой. В нем живой души нет и не было.
— Нигилист.

О нигилистах панихид не правят. Ограничиваются: «Ну его к черту». Окаянна была жизнь его, окаянна и смерть.

$\frac{1}{6}$ часть суши. Упоенная революция, как упоенна была и война. «Мы победим». О, непременно. Так не есть ли это страшный факт, что $\frac{1}{6}$ часть суши как-то все произрастала из себя «волчцы и тернии», пока солнышко не сказало: «Мне не надо тебя». «Мне надоело светить на пустую землю».

Нигилизм.— «Что же растет из тебя?»

— Ничего.

Над «ничего» и толковать не о чем.

— Мы не уважали себя. Суть Руси, что она не уважает себя.

Это понятно. Можно уважать труд и пот, а мы не потели и не трудились. И то, что мы не трудились и не потели, и есть источник, что земля сбросила нас с себя, планета сбросила.

По заслугам ли?

Слишком.

Как 1000 лет существовать, прожить княжества, прожить царство, империю, со всеми прийти в связь, надеть плюмажи, шляпу, сделать богомольный вид: выручаться, сояственно,— выручать самого себя

«нигилистом» (потому что по-нормальному это ведь есть ругательство) и умереть.

Россия похожа на ложного генерала, над которым какой-то ложный поп поет панихиду. «На самом же деле это был беглый актер из провинциального театра».

* * *

Самое разительное и показующее все дело, всю суть его, самую сутеньку — заключается в том, что «ничего, в сущности, не произошло». «Но все — рассыпалось». Что такое совершилось для падения Царства? Буквально, — оно пало в буддень. Шла какая-то «среда», ничем не отличаясь от других. Ни — воскресенья, ни — субботы, ни хотя бы мусульманской пятницы. Буквально, Бог плюнул и задул свечку. Не хватало провизии, и около лавочек образовались хвосты. Да, была оппозиция. Да, царь скапризничал. Но когда же на Руси «хватало» чего-нибудь без труда еврея и без труда немца? когда же у нас не было оппозиции? и когда царь не капризничал? О, тоскливая пятница или понедельник, вторник...

Можно же умереть так тоскливо, вонюче, скверно. — «Актер, ты бы хоть жест какой сделал. Ведь ты всегда был с готовностью на Гамлета». «Помнишь свои фразы? А то даже Леонид Андреев ничего не выплюнул. Полная проза».

Да, уж если что «скучное дело», то это — «падение Руси».

Задуло свечку. Да это и не Бог, а ... шла пьяная баба, спотыкнулась и растянулась. Глупо. Мерзко. «Ты нам трагедий не играй, а подавай водевиль».

№ 2

Удобнее для читателя и меня, если «Апокалипсис нашего времени» я переведу в форму журнала, — однако не предполагая его издавать долго. Ограничиваясь пока мыслью дать всего *десять номеров*, я прошу желающих подписаться на него выслать подписную сумму, 3 руб. 50 коп., по адресу: *Сергиев Посад, Московская губерния, Красюковка, Полевая улица, д. свящ. Беляева, В. В. Розанову.*

Пересылку по почте принимает на себя автор-издатель. Имя, фамилия и точный адрес подписчика должны быть написаны четко.

МОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ

Я прочел в «Новом Времени», в передовой статье, что «с Германиею Россия может заключить мир *хоть сейчас*, если уступит ей Курляндию и Лифляндию с Ригою, и еще некоторые части отечественной территории». Думаю, что это из тех опасных иллюзий, за которые мы вообще

уже столько поплатились. Не будем даже вспоминать слова Бисмарка, что «побежденному победитель оставляет только глаза, чтобы было чем плакать». Это совсем не нужно, т. е. припоминаний о Бисмарке. Но нельзя представить себе, чтобы Германия, потеряв, во всяком случае, несколько миллионов не населения вообще, а той отборной части населения, которую образует армия, удовлетворилась крошечною територией, с таким же числом только населения. Нельзя вообще представить себе, чтобы Германия подъяла войну такой страшной опасности и риска, такой невероятной тяжести, ради расчета на такое смехотворное приобретение. Несомненно, она только успокаивает нас иллюзией мира: и почти это входит в состав ее жестокости. Как это нужно и для побалованья и духовного обмана глупых российских социалистов. Как последний аргумент своей мысли, я беру то, что для Германии, — оставь она целою Россию и, так сказать, способною к выздоровлению, — она, конечно, еще никогда не увидит ее столь беззащитною, с армиею, которая просто кидает оружие и уходит домой. И воображать, что Германия не разработает этот исключительный, этот невероятный случай, никогда ей и не мечтавшийся, со всем богатством возможностей, со всем обилием плода, — это просто показывает, что мы совершенные дети в политике.

Я имею самые печальные предчувствия. Я думаю, она разработает дело в смысле уже былого факта, такого же: именно — как было некогда *завоевание Англии норманнами*. И Вильгельм, не мечтая нисколько о незаманчивой роли Наполеона, с заключением на о-ве Св. Елены, манится гораздо более удачным жребием второго Вильгельма Завоевателя. Конечно, — после Петрограда он двинется на Москву, на Волгу и завоюет *именно Великороссию*, как центр «Всея Руси», после чего захватит и Малороссию с Новороссиєю, — причем ему и вознаградить союзника будет из чего. Мы вообще стоим перед фактом завоевания России, покорения России, — к чему *препятствий ведь нет*. А таковое отсутствие препятствий к покорению России, конечно, никогда на протяжении всей германской истории не повторится. И это не трудно предвидеть, предсказать; и это в Берлине предвидится так же хорошо, как — если бы были позорче люди в Петрограде — можно было бы предвидеть и в Петрограде.

Защита Англии и Франции? Это так далеко. Не десант же им делать. Да и Германия теперь десанта уже не пропустит. Это вполне в ее власти, при владении проливами около Эзеля и Даго. Да, освободив часть армии из России, она представит такую угрозу и самой Франции и Англии, с какою им справиться будет чрезвычайно трудно. А, во всяком случае, через самое небольшое число лет, обогатившись всеми средствами России и, между прочим, пользуясь и ее людским матерьялом (вот у немцев русские солдаты и бывшие социалисты пойдут в сражения!), Германия, несомненно, расправится и с Франциєю, и с Англиєю, и с Италиєю. И моя почти шутливая игра воображения в «Итальянских

впечатлениях» — «Возможный гегемон *Европы*» (отдельная глава) — осуществится. Уже тогда было что-то такое в Берлине, что-то носилось в самом воздухе, по чему чувствовалось это. Да и песенка: «Deutschland, Deutschland — über alles», может быть, была не столько реально-глупою, сколько выверенно-пророчесвенною, сколько жадным аппетитом, Германский волк зол и толст. И нашей бедной России, стоящей перед ним таким пушистым ягненком, он не пощадит. А ягненок совершенно беззащитен.

Хороши же социалисты и вообще всероссийская демократия: скормить, все отечество скормить лютейшему врагу. Скормить не в переносном смысле, а в буквальном. Но нельзя не сказать: хороши и «лучшие люди России», начинавшие революцию в такую роковую войну и, как оказалось потом, ничего решительно не предвидевшие. Ленин и социалисты оттого и мужественны, что знают, что их некому будет судить, что судьи будут отсутствовать, так как они будут съедены. (*Октябрь.*)

ПОСЛЕДНИЕ ВРЕМЕНА

Не довольно ли писать о нашей вонючей Революции, — и о прогнившем насквозь Царстве, — которые воистину стоят друг друга. И — вернуться к временам стройным, к временам ответственным, к временам страшным...

Вот — Апокалипсис... Таинственная книга, от которой обжигается язык, когда читаешь ее, не умеет сердце дышать... умирает весь состав человеческий, умирает и вновь воскресает... Он открывается с первых же строк *судом над церквами Христовыми*, — теми, которые были в Малой Азии, в Лаодикии, в Смирне, в Фиатире, в Пергаме и других городах. Но, очевидно, не Лаодикия, не Пергам и проч., лежащие ныне в руинах, на самом деле имеют значение для «последних времен», какие имел в виду писатель странной книги. Но он рассмотрел посаженное Христом дерево и уловил с неизъяснимою для себя и для времени глубиною, что оно — *не* Дерево жизни; и предрек его судьбу в то самое время, в которое церкви только что зарождались.

Никакого нет сомнения, что Апокалипсис — не христианская книга, а — противохристианская. Что «Христос», упоминаемый — хотя немного — в нем, «с мечом, исходящим из уст его» и с ногами «как из камня сардиса и халкедона», — ничего же не имеет общего с повествуемым в Евангелиях Христом. В устройении Неба — ничего же общего с какими бы то ни было представлениями христианскими. Вообще — «все новое»... Тайнозритель Сам, волею своею и вспомоществующею ему Божиею волею, — срывает звезды, уничтожает землю, все наполняет развалинами, все разрушает: разрушает — христианство, странным образом «плачущее и вопиющее», бессильное и никем не вспомоществуемое. И — сотворяет новое, как *утешение*, как «утертые слезы» и «облечение в белые одежды». Сотворяет радость жизни, на земле, — *именно*

на земле,— превосходящую какую бы то ни было радость, изжитую в истории и испытанную человечеством.

Если же окинуть всю вообще компоновку Апокалипсиса и спросить себя: — «да в чем же дело, какая *тайна* суда над церквами, откуда *гнев*, *ярость*, прямо рев Апокалипсиса» (ибо это книга ревущая и стонущая), то мы как раз уткнемся в наши времена: да — в *бессилии* христианства устроить жизнь человеческую,— дать «земную жизнь», именно — земную, тяжелую, скорбную. Чтó и выразилось к нашей минуте,— именно к нашей, теперешней... в которую «Христос не провозит хлеба, а — железные дороги», выразимся уже мы цинично и грубо. Христианство вдруг все позабыли, в один момент,— мужики, солдаты,— потому что оно *не вспомоществует*; что оно не предупредило ни войны, ни бесхлебицы. И только все поет, и только все поет. Как певичка. «Слушали мы вас, слушали. И перестали слушать».

Ужас, о котором еще не догадываются, больше, чем он есть: что не грудь человеческая сгноила христианство, а христианство сгноило грудь человеческую. Вот рев Апокалипсиса. Без этого не было бы «земли новой» и «неба нового». Без этого не было бы вообще Апокалипсиса.

Апокалипсис требует, зовет и велит новую религию. Вот его суть. Но чтó же такое, чтó случилось?

Ужасно апокалипсично («сокровенно»), ужасно странно: что люди, народы, человечество — *переживают апокалипсический кризис*. Но что само христианство кризиса не переживает. Это до того очевидно, до того читается в самом Апокалипсисе, вот «в самых этих его строках», что поразительно, каким образом ни единый из читателей и бесчисленных толкователей этого совершенно не заметил. Народы «поют новую песнь», утешаются, облакаются в белую одежду и ходят «к дереву жизни», на «источники вод». Куда ни папы, ни прежние священники вовсе никого не водили.

Блудницы вопиют. Первосвященники плачут. Цари стонут. Народы извиваются в муках: но — *остаток от народа* спасается и получает величайшее утешение, в котором, однако, ни одной черты христианского,— христианского и церковного,— уже не сохраняется.

Но чтó же, что же это такое? почему Тайнозритель так очевидно и неоспоримо говорит, что *человечество переживет «свое христианство»* и *будет еще долго после него жить*: судя по изображению, ничем не оканчивающемся,— бесконечно долго, «вечно».

Проведем параллели:

Евангелие — рисует.

Апокалипсис — ворочает массами, глыбами, творит.

В образах, которые силою превосходят евангельские картины, а красотой не уступают им, и которые пронзительны, кричат и вопиют к небу и земле, он говорит, что еще не перешедшие за городки Малой Азии

церковки, — первые общины христианские, — распространятся во всей Вселенной, по всему миру, по всей земле. И в момент, когда настанет полное и, казалось бы, окончательное торжество христианства, когда «Евангелие будет проповедано всей твари», — оно падет сразу и все, со своими царствами, «с царями, помогавшими ему», и — «восплачут его первосвященники». И что среди полного крушения настанет совершенно «все новое», при «падающих звездах» и «небе, свившемся как свиток». «Перестанет небо», «перестанет земля», и станет «все новое», ни на что *прежнее не похожее*. Сказать это за 2000 лет, предречь с некоторыми до буквальности теперь сбывающимися исполнениями, перенесясь через всю христианскую историю, как бы пронзая «рогом» такую толщу времен и необъятность событий, — это до того странно, невероятно, что никакое из речений человеческих поистине не идет в сравнение. Апокалипсис — это событие. Апокалипсис — это не слово. Что-то похоже на то, что Вселенная изрыгнула его сейчас после того, как другой Учитель тоже Вселенной проговорил свои вещи и грозные слова, тоже в первый раз произнеся «суд миру сему».

И вот — два суда: из Иерусалима о самом этом Иерусалиме, главным образом, — об Иерусалиме; и с острова Патмоса — над Вселенною, которую научил тот Учитель.

Нет ли разницы в самой компоновке слов? И, хоть это очень странно спрашивать о таких событиях-словах: нет ли чего *показующего для души в стиле литературного изложения?*

Евангелие — человеческая история, нам рассказанная: история Бога и человека: «богочеловеческий процесс» и «союз».

Апокалипсис как бы кидает этот «богочеловеческий союз» — как негодное, — как изношенную вещь.

Но фундамент? фундамент? Но — почему? почему?

В образах до такой степени чрезмерных, что даже Книга Иова кажется около него бессилием и изнеможением, что даже «сотворение мира и человека» в Книге Бытия — тоже тускло и слабо, бледно и бескровно, он именно *в структуре могущества и показывает суть свою*. Он как бы ревет в «конце времен», для «конца времен», для «последнего срока человечества»:

Бессилие.

Конец мира и человечества будет таков, потому что Евангелие есть **книга изнеможений**.

Потому что есть:

мочь

и — **не мочь**.

И что Христос пострадал и умер за

не мочь... хотя бы и был в полной и абсолютной истине.

Христианство — неистинно; но оно — не мочно.

И образ Христа, начертанный в Евангелиях,— вот именно так, как там сказано, со всею подробностью, с чудесами и прочее, с явлениями и т. под., не являет ничего, однако, кроме *немощи, изнеможения...*

Апокалипсис как бы спрашивает: да, Христос мог описывать «красоту полевых лилий», призвать слушать себя «Марию сестру Лазаря»; но Христос не посадил дерева, не вырастил из себя травки; и вообще он «без зерна мира», без — *ядер*, без — *икры*; не травянист, не животен; в сущности — не бытие, а почти призрак и тень; каким-то чудом пронесшаяся по земле. Тенистость, тенность, пустынность Его, небытийственность — сущность Его. Как будто это — только Имя, «рассказ». И что «последние времена» потому и покажутся так страшны, покажутся до того невероятно ужасны, так вопиюще «голодны», а сами люди превратятся в каких-то «скорпионов, жалящих самих себя и один другого», что вообще-то — «ничего не было», и сами люди — точно с отощавшими отвислыми животами, и у которых можно ребра сосчитать,—обратились таинственным образом в «тень человека», в «призраки человека», до известной степени — в человека «лишь *по имени*».

О, о, о...

Вот, вот, вот...

Не узнаем ли мы *себя* здесь? И как тогда не реветь Апокалипсису и не наполнять Престол Небесный — животными, почти — животами, брюхами — все самых мощных животных, тоже — ревущих, кричащих, вопиющих — льва, быка, орла, девы. Все — полет, все — сила. Почему бы не колибри и не «лилии полевые»? Маленькая птичка — хороша, как и большая, а «лилии» не хуже баобаба. И вдруг Апокалипсис орет:

— Больше мяса...

— Больше вопля...

— Больше рева...

— Мир отощал, он болен... Таинственная Тень навела на мир хворь...

— Мир — умолкает...

— Мир — безжизнен...

— Скорее, скорее, пока еще не поздно... Пока еще последние минуты длятся. «Поворот всего назад», «новое небо», «новые звезды».

Обилие «вод жизни», «Древо жизни»...

* * *

Солнце загорелось раньше христианства. И солнце не потухнет, если христианство и кончится. Вот — ограничение христианства, против которого ни «обедни», ни «панихиды» не помогут. И еще об обеднях: их много служили, но человеку не стало легче.

Христианство не космологично, «на нем трава не растет». И скот от него не множится, не плодится. А без скота и травы человек

не проживет. Значит, «при всей красоте христианства» — человек все-таки «с ним одним не проживет». Хорош монастырек, «в нем полное христианство»; а все-таки *питается он около соседней деревеньки*. И «без деревеньки» все монахи перемерли бы с голоду. Это надо принять во внимание и обратить внимание на ту вполне «апокалипсическую мысль», что *само в себе и одно* — христианство проваливается, «не есть», гнило, голодает, жаждет. Что «питается» оно — *не христианством*, не христианскими знаками, не христианскими произрастаниями. Что, таким образом, — христианство само и одно, чистое и самое восторженное, зовет, требует, алчет — «и *не христианства*».

Это — поразительно, но так. Хороша была беседа Спасителя к пяти тысячам народа. Но пришел вечер, и народ возжаждал: «Учитель, хлеба!»

Христос дал хлеба. Одно из величайших чудес. Не сомневаемся в нем. О, нисколько, нимало, ни иоточки. Но скажем: каково же солнце, которое неизреченным тьмам народа дает хлеб, — дает как «по службе», «по должности», почти «по пенсии». Дает и может дать. Дает и, значит, *хочет* дать?

У солнца — воля и... *хотение*?

Но... тогда «ваал-солнце»? ваал-солнце — финикиян?

И тогда «поклонимся Ему»? Ему и его великой *мощи*?

— Это-то уже несомненно. Ему и его великому, *благородному, человеколюбивому хотению*?...??? Это же невероятно. Но что «солнце больше может, чем Христос» — это сам папа не оспорит. А что солнце больше Христа желает счастья человечеству — об этом еще сомлеваемся, но уже ничего не мог бы возразить Владимир Соловьев, изучавший все «богочеловеческий процесс» и строивший «ветхозаветную теургию» и «ветхозаветное домостроительство» (или «теократию»).

Мы же берем прямо Финикию:

«Ты — ходил в Саду Божиим... Сиял среди игристых огней»... «Ты был первенец Мой, первенец от создания мира», — говорит Иезекииль или Исаия, кто-то из ветхозаветных, — говорит городу, в котором поклонялись Ваалу и нимало, ни Иегове.

Ну, кто же не видит из моих тусклых слов, что «богочеловеческий процесс воплощения Христа» потрясается. Он потрясается в бурях, он потрясается в молниях... Он потрясается в «голодовках человечества», которые настали, настают ныне... В вопияниях народных. «Мы вопияли Христу, и Он не помог». «Он — немощен». Помолимся Солнцу: оно больше может. Оно кормит не 5000, а тьмы тем народа. Мы только не взирали на Него. Мы только не догадывались.

— «Христос — мяса!»

— «На ребра, в брюхо, детям нашим и нам!»

Христос молчит. Не правда ли? Так не Тень ли он? Тайнственная Тень, наведшая отощание на всю землю.

№ 3

КРОТКАЯ

Ты не прошла мимо мира, девушка... о, кротчайшая из кротких... Ты испуганным и искристым глазком смотрела на него.

Задумчиво смотрела... Любяще смотрела... И запевала песню... И заплетала в косу ленту...

И сердце стучало. И ты томилась и ждала.

И шли в мире богатые и знатные. И говорили речи. Учили и учились. И все было так красиво. И ты смотрела на эту красоту. Ты не была завистлива. И тебе хотелось подойти и пристать к чему-нибудь.

Твое сердце ко всему приставало. И ты хотела бы петь в хоре.

Но никто тебя не заметил, и песен твоих не взяли. И вот ты стоишь у колонны.

Не пойду и я с миром. Не хочу. Я лучше останусь с тобой. Вот я возьму твои руки и буду стоять.

И когда мир кончится, я все буду стоять с тобою и никогда не уйду.

Знаешь ли ты, девушка, что это — «мир проходит», а — не «мы проходим». И мир пройдет и прошел уже. А мы с тобой будем вечно стоять.

Потому что справедливость с нами. А мир воистину несправедлив.

ЧТО-ТО ТАКОЕ СЛУЧИЛОСЬ

Есть в мире какое-то недоразумение, которое, может быть, неясно и самому Богу. В сотворении его «что-то такое произошло», что было неожиданно и для Бога. И отсюда, собственно, иррационализм, мистика (дурная часть мистики) и неясность. Мир гармоничен, и это — «конечно». Мудр, благ и красота, и это — Божие. Но «хищные питаются травоядными» — и это уж не Божие. Сова пожирает зайчонка — тут нет Бога. Бога, гармонии и добра.

Что такое произошло — этого от начала мира никто не знает, и этого не знает и *не понимает* Сам Бог. Бороться или победить это — тоже бессилен Сам Бог. Так «я хочу родить мальчика красивого и мудрого», а рождается «о 6-ти пальцах, с придурью и непредвиденными пороками». Так и планета наша. Как будто она испугана была чем-то в беременности своей и родила «не по мысли Божией», а «несколько иначе». И вот «божественное» смешалось с «иначе»...

И перед этим «иначе» покорен и Бог. Как тоскующий отец, который смотрит на малютку с «иначе», и хочет поправить, и не может поправить. И любит «уже все вместе»...

ЗАЧЕМ ОНИ ЗВОНЯТ?

Бом. Бом. Бом. Но уже звук пустой.

И оттого, что под колоколом нет венчания невесты и жениха. Тот, *другой*,— не помог. А *этот*, который все-таки помогал по мелочам,— немного, но помогал,— немного, но старался,— по-земному и глупо, но все-таки старался,— услан далече.

И не вздохнула невеста по женихе. И я увидел, что она горбатая.

Эх, не горбат вот жид: написал в марте:

«... Напишите, как вы умеете писать,— *правдиво и страстно*,— мне о «мартовских днях». Тут зима,— и лютая,— весны еще нет. Весь этот гул и шум противен моей душе. В санатории уже умерло 4 воина. Смерть сильнее всего на этой планете. Есть ли душа? Есть ли загробная жизнь? Вот это важнее всех революций! Жаль царя Николая. Догадываюсь, что он был человек мягкого характера и безвольный очень. *Все, все* — пройдет, но что́ будет «там»? Вам 61 год, вы много думали, страдали,— скажите мне вы, дорогой душевный друг. Лейзер Шацман.

Санаторий «Дергачи», Харьковской губернии и уезда, Всероссийского Земского Союза, № 11 (туберкулезный). (Лично мне не знаком.)

ДЕД

Когда не хочется больше любить, не ждется одежда, и кушаешь кашку-размазню с кой-каким маслицем,— то и называет себя, естественно, «христианином».

Лысый, с белой бородою,
Дедушка сидит.
Чашка с хлебом и водою
Перед ним стоит.

— Кто ты, дедушка?

— Хрестьянин... крестьянин...

Или, как Достоевский и софистически и верно перефразировал:

— «Христианин».

Боже: к чему догматики, историки, апологеты нагородили столько ерунды, когда дело выражается в одном великом:

не надо.

«МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ»

— и делает очень глупо. Оттого она бедна. Нужно именно *верить*, и — не слезам, а — вообще, всегда, до тех пор пока получил обман: финикияне в незапамятную древность, в начале истории, приучились верить

и образовали простую бумажку, знак особый, который писали, делали и т.д. Он был условен: и кто давал его — получал «доверие», и это называлось — *кредитом*. Заведшие это, «доверчивые» люди, но определенно доверчивые, и вместе — не по болтовне или «дружеской беседе», а — деловым образом и для облегчения жизни, стали первыми в мире по богатству. Не чета русским. Которые даже в столь позднее время — все нищают, обманывают и — тем все более разоряются.

* * *

Долг платежом красен

— и русские выполняют и не могут не выполнить этого, насколько это установили финикияне (вексель)... Но решительно везде, где могут,— стараются жить на счет друг друга, обманывают, сутенерничают. И думая о счастье — впадают все в большее и большее несчастье.

ОБ ОДНОМ НАРОДЦЕ

Им были даны чудные песни всем людям. И сказания его о своей жизни — как никакие. И имя его было священно, как и судьбы его — тоже священны для всех народов.

Потом что-то случилось... О, что же, что же случилось?..

Нельзя понять...

Ни один народ не может. Никто из человечества...

Ни мудрец, ни ученый, ни историк.

И стал он поругаемым народом, имя которого обозначает хулу. И имя которого, национальное имя, стало у каждого племени ругательным названием всякого человека, к кому оно приложится в этом чужом племени.

О, что же случилось?...?..

Больше, больше: будем ли мы читать «Летопись Тацита» — когда томимся? Или — Геродота о скифах и Вавилоне? Будем ли читать о Пелопонесской войне — Фукидида? Нет, нет: когда в *томлении души* — то как все это чуждо и посторонне... Все это мы изучали бы, только чтобы прочесть лекцию, написать ученый труд, и — «так, от некоторого безделья».

Но вот — юная вдова, подбирающая колосья пшеницы на поле богатого землевладельца: и то, как она это делает,— и слова ее своей свекрови,— проливают в душу утешения. И много еще...

Народ этот пролил утешение во все сердца.

И все-таки он проклят. Чтó же случилось,— о, чтó такое, особенное???...?

* * *

Сказать: «*утешение*» — и это сказать *все* о том народе. Читаем ли мы хронику о Меровингах у Григория Турского или изящные очерки Августина Тьери, написанные по канве этой хроники,— мы в обоих случаях читаем милое, грациозное, прелестное. Но это чтение дает только наслаждение вкусу, душа же остается если не холодной, то спокойною. Но вот мы читаем о войне, о грозе: один царь — победитель, другой — побежден. Побежденный боится за жизнь свою, обыкновенно боится — как боялся бы каждый человек, и ищет потаенной комнаты во дворце своем. Победитель спрашивает о враге своем, и ему приближенные передают о всем унижении и страхе, в каком тот находится. Вдруг победитель отвечает вовсе не тем гордым, самоуверенным тоном, какой так естествен в самоупоеании победы и каким в самоупоеании победы говорили *все* цари и полководцы, а — совсем иным, новым, неожиданным:

«Зачем он бежит от меня? Он — *брат мой*».

Кто в историях Ассирии видал, как со связанными за спиною руками пленник стоит перед победившим царем на коленях, а ассирийский царь, подняв копье, выкалывает ему глаза, и вместе примет во внимание, что переименование «врага» в «брата своего» произошло в ту же самую эпоху, тот оценит *всю разницу* в душевном строе одного и другого. И поймет, почему я упорно называю «утешением» то особое чувство, какое льется на душу читателя от истории этого единственного народа.

И он — проклят.

Но тогда чтó же случилось, почему мы так же ненавидим этот народец, как ассирияне ненавидели своих врагов. И, оглядываясь на цивилизацию нашу, не подумаем ли о ней с печалью строк, сказанных Алексеем Толстым:

Ассирияне шли как на стадо волки,
В багреце их и в злате сияли полки,
И без счета их копы сверкали окрест,
Как в волнах Галилейских мерцание звезд.

Словно листья дубравные в летние дни,
Еще вечером так красовались они;
Словно листья дубравные в вихре зимы.
Их к рассвету лежали развеяны тьмы.

Ангел смерти лишь на-ветер крылья простер
И дохнул им в лицо, и померкнул их взор.
И на мутные очи пал сон без конца,
И лишь раз поднялись и остыли сердца.

Вот расширивший ноздри, повергнутый конь,
И не пышет из них гордой силы огонь,
И как хладная влага на бреге морском,
Так предсмертная пена белеет на нем.

Вот и всадник лежит, распростертый во прах,
На броне его ржа, и роса на власах;
Безответны шатры, у знамен ни раба,
И не свищет копьё и не трубит труба.

И Ассирии вдов слышен плач на весь мир,
И во храме Ваала низвержен кумир,
И народ, не сраженный мечом до конца,
Весь растаял, как снег, перед блеском Творца!

И вот народ, который всемирно был утешителем всех скорбных, утомленных, нуждающихся в свете душ,— теперь во тьме, и не только сам без утешения, но пинаем и распинаем... Что же, что такое случилось? Явно — случилось в планете и в судьбах человечества?

ЕЖЕДНЕВНОСТЬ

Булочки, булочки...
Хлеба пшеничного...
Мяса бы немного...

* * *

Это ужасное замерзание ночью. Страшные мысли приходят. Есть что-то враждебное в стихии «холода» — организму человеческому, как организму «теплокровному». Он *боится холода*, и как-то *душевно боится*, а не кожно, не мускульно. Душа его становится грубою, жесткою, как «гусиная кожа на холоду». Вот вам и «свобода человеческой личности». Нет, «душа свободна» — только если «в комнате тепло натоплено». Без этого она не свободна, а боится, напугана и груба.

* * *

Впечатления еды теперь главные. И я заметил, что, к позору, и господа и прислуга это равно замечают. И уже не стыдится бедный человек, и уже не стыдится горький человек. Проехав на днях в Москву, прошелся по Ярославскому вокзалу, с грубым желанием видеть, что едят. Провожавшая меня дочь сидела грустно, уткнувшись носиком в муфту. Один солдат, вывернув из тряпки огромный батон (витой хлеб пшеничный), разломил его широким разломом и начал есть, даже не понюхав. Между тем пахучесть хлеба, как еще пахучесть мяса во щах, есть что-то безмерно неизмеримее самого питания. О, я понимаю, что в жертвеннике Соломонова храма были сделаны *ноздри* и сказано,— *о Боге сказано*,— что он «вдыхает туки своих жертв».

СОЛНЦЕ

Заботится ли солнце о земле?

Не из чего не видно: оно ее «притягивает прямо пропорционально массе и обратно пропорционально квадратам расстояний».

Таким образом, 1-й ответ о солнце и о земле Коперника был глуп.

Просто — глуп.

Он «сосчитал». Но «счет» в применении к нравственному явлению я нахожу просто глупым.

Он просто ответил глупо, негодно.

С этого глупого ответа Коперника на нравственный вопрос о планете и солнце началась пошлость планеты и опустошение Небес.

«Конечно,— земля не имеет об себе заботы солнца, а только притягивается по кубам расстояний».

ТЬФУ.

№ 4

ПРАВДА И КРИВДА

«Без *грешного* человек не проживет, а без *святого* — слишком проживет». Это-то и составляет самую, самую главную часть а-космичности христианства.

Не только: «читаю ли я Евангелие с начала к концу, или от конца к началу», я совершенно ничего не понимаю:

как мир устроен? и — почему?

Так что Иисус Христос уж никак не научил нас мирозданию; но и сверх этого и главным образом: — «дела плоти» он объявил грешными, а «дела духа» праведными. Я же думаю, что «дела плоти» суть главное, а «дела духа» — так, одни разговоры.

«Дела плоти» и суть космогония, а «дела духа» приблизительно выдумка.

И Христос, занявшись «делами духа», — занялся чем-то в мире побочным, второстепенным, дробным, частным. Он взял себе «обстоятельства образа действия», а не самый «образ действия», — т.е. взял он не *сказуемое* того предложения, которое составляет всемирную историю и человеческую жизнь, а — только одни *обстоятельственные, теневые, штриховые* слова.

«Сказуемое» — это еда, питье, совокупление. О всем этом Иисус сказал, что — «грешно», и — что «дела плоти соблазняют вас». Но если бы «не соблазняли» — человек и человечество умерли бы. А как «слава Богу — соблазняют», то — тоже «слава Богу» — человечество продолжает жить.

Позвольте: что за «слава Богу», если человек (человечество) умер?

Как же он мог сказать: «Аз есмь путь и жизнь»? Ничего подобного. Ничего даже приблизительного. «Обстоятельные слова».

Напротив, отчего есть «звезды и красота» — это понятно уже из насаждения рая человекам. Уже *он* — прекрасен, и это есть утренняя звезда. Я хочу сказать, что «утреннюю звезду» Бог дал человеку в раю: и тайным созданием Эдема Он выразил и вообще весь план сотворения чего-то изумительного, великолепного, единственного, неповторимого. Все к этому рвется: «лучше», «лучше», «лучше». Есть меры и измеримость: Бог как бы изрек — «Я — безмерный, и все сотворенное мною рвется к безмерности, бесконечности, нескончаемости». А, это — понятно. «Там оникс и камень бдолах» (о рае). Напротив, когда мы читаем Евангелие, то что же мы понимаем в безмерности? Да и не в одной безмерности: мы вообще — ровно ничего не понимаем в мире.

«И вот, на небе великое знамение — жена, облеченная в солнце; под ногами ее — луна; и на голове ее — венец из двенадцати звезд.

Она имела во чреве и кричала от мук рождения».

(Апокалипсис, 12)

Тут мы понимаем, что роды, именно человеческие роды, лежат в центре космогонии.

Библия — нескончаемость.

«Иисус же сказал: «Есть скопцы, которые из чрева матерного родились тако; и есть скопцы, которые оскоплены от людей; и есть скопцы, которые сами сделали себя скопцами ради Царства Небесного. Кто может вместить это — да вместит».

(Евангелие от Матфея, 19)

Тут мы совершенно ничего не понимаем, кроме того, что это — не нужно.

Евангелие — тупик.

Теперь: «грех» и «святость», «космическое» и «а-космичность»: мне кажется, что если уже где может заключаться «святое», «святость» — то это в «сказуемом» мира, а не «в обстоятельствах образа действия». Что за эстетизм. Поразительно великолепие Евангелия: говоря о «делах духа» в противоположность «делам плоти» — Христос через это именно и показал, что «Аз и Отец — не одно». «Отец» — так Он и отец: посмотрите Ветхий Завет, — чего-чего там нет. Отец не пренебрегает самомалейшим в болезнях дитяти, даже в капризах и своеволии его: и вот там, в Ветхом Завете, мы находим «всяческое». Все страсти кипят, никакие случаи и исключительности — не обойдены. «Отец» берет свое дитя в руки, моет и очищает его сухим и мокрым, от кала грязного и от мокрого. Посмотрите о лечении болезней, парши, коросты. В пустыне Он идет над ними *тенью* — днем (облако, зной) и столбом огненным — ночью *освещает путь*. Похитили золотые вещи у египтян, и это не скрыто; ибо так естественно, так просто: ведь они работали на них в рабстве, работали — бесплатно. Этим таинственным и глубоким попечением о человеке, каким-то кутающим и пеленающим, — отличается «Отцовский завет» от сыновнего. Сын — именно «не одно» с Отцом. Пути физиологии суть пути космические, — и «роды женщины» поставлены впереди «солнца, луны и звезд». Тут тоже есть *объяснение*, чего

абсолютно лишено Евангелие. Действительно: тут показано, в видении Апокалипсиса, что и луна, и звезды, и солнце — все для облегчения «родов». *Жизнь поставлена выше всего*. И именно — жизнь человека. Пирамида ясна в основании и завершении. Евангелие оканчивается скопчеством, тупиком. «Не надо». Не надо — самых родов. Тогда для чего же солнце, луна и звезды? Евангелие со странным эстетизмом отвечает — «для украшения». В производстве жизни — этого не нужно. Как «солнце, луна и звезды» явились ни для чего, в сущности, так и роды — есть «ненужное» для Евангелия, и мир совершенно обесмысливается. «Все понятно» — в Библии, «ничего не понятно» — в Евангелии.

И вот — Престол Апокалипсиса, среди коего сидят животные. Что за представление небес? Но разве роды коровы ниже чем-нибудь родов женщины? Это — «пути Божии». В «оправдании всего» Апокалипсиса — именно и лежит оправдание Божеское, оправдание Отцовское, и с болячками, и с коростами, и с поносами, и с запорами дитяти-человека. Как чудно! О, как хорошо! Славны и велики пути Твои, Господи, и славны они в болезни и в исцелении. Апокалипсис изрекает как бы правду Вселенной, правду *целого* — вопреки *узенькой* «евангельской правде», которая странным образом сводится не к богатству, радости и полноте мира, а к точке, молчанию и небытию скопчества. Воистину — «поколебались основания земли». Христос пришел таинственным образом «поколебать все основания» сотворенной «будто бы Отцом Его» Вселенной. И что Коперник, на вопрос о солнце и земле, начал говорить, что они действуют «по кубам расстояний», — то это совершенно христианский ответ. Это — именно «обстоятельство образа действия». А «для чего они действуют» — это и неведомо, и неинтересно.

Таинственным образом христианство начало обходиться «пустяками». На вопрос о земле и луне оно ответило «кубами расстояний», а на вопрос о гусенице, куколке и мотыльке оно ответило еще хуже: что так «бывает». «Наука христианская» стала сводиться к чепухе, к позитивизму и бессмыслице. «Видал, слышал, но не понимаю». «Смотрю, но ничего не разумею» и даже «ничего не думаю». Гусеница, куколка и мотылек имеют объяснение, но не физиологическое, а именно — космогоническое. Физиологически — они необъяснимы; они именно — *неизъяснимы*. Между тем космогонически они совершенно ясны: это есть все живое, решительно все живое, что приобщается жизни, гробу и воскресению.

В фазах насекомого даны фазы мировой жизни. Гусеница: — «мы ползаем, жрем, тусклы и недвижимы». — «Куколка» — это гроб и смерть, гроб и прозябание, гроб и обещание. — Мотылек — это «душа», погруженная в мировой эфир, летающая, знающая только солнце, нектар, и — никак не питающаяся, кроме как из огромных цветочных чашечек. Христос же сказал: «*В будущей жизни уже не посягают, не женятся*». Но «мотылек» есть «будущая жизнь» гусеницы, и в ней

не только «женятся», но — наоборот Евангелию — при сравнительной неуклюжести гусеницы, при подобии смерти в куколке, — бабочка вся только одухотворена, и, не вкушая вовсе (поразительно!! — не только хоботок ее вовсе не приспособлен для еды, но у нее нет и кишечника, по крайней мере — у некоторых!!), странным образом — она имеет отношение *единственно к половым органам «чуждых себе существ»*, приблизительно — именно *Дерева жизни: растений, непонятных, загадочных*. Это что-то, перед всякой бабочкою, — неизмеримое, огромное. Это — лес, сад. Что же это значит? Таинственным образом жизнь бабочки указывает или предвещает нам, что и души наши после гроба-куколки — будут получать от нектара двух или обоих божеств. Ибо сказано, что сотворена была Вселенная от Элогим (двойственное число Имени Божия, употребленное в рассказе Библии о сотворении мира), а не от Элоах (единственное число); что божеств — два, а не одно: *«по образу и по подобию которых — мужем и женою сотворил Бог и человека»*.

Мотылек — душа гусеницы. Solo — душа, без привходящего. Но это показывает, что «душа» — не нематерьяльна. Она — осязаема, видима, *есть*: но только — *иначе, чем в земном существовании*. Но что же это и как? Ах, наши сны и сновидения иногда реальнее бодрствования. Гусеница и бабочка показывают, что на земле мы — только «жрем»; а что «там» будет все — полет, движение, камедь, мирра и фимиам.

Загробная жизнь вся будет состоять из света и пахучести. Но именно — того, что ощутимо, что физически — пахуче, что плотски, а не бесплотно — издает запах. Не без улыбки можно ответить о «соблазнах *мира сего*», что в них-то и «течет», как бы истекает из души вещей, из энтелехии вещей — уже теперь «жизнь будущего века»; и что вкусовая и обонятельная часть нашего лица, и вообще-то наиболее прекрасная и «небесная», именно и прекрасна от очертаний губ, рта и носа. «Что за урод, в ком нет носа и губ», или есть в них повреждение, и даже просто — некрасивая линия. Апокалипсическое в нас — улыбка. Улыбка — всего апокалипсичнее.

Радость, ты — *искра небес*, ты — *божественна*,
Дочь *елисейских полей*...

Это — не аллегория, это — реальная, точнее — это ноуменальная правда. «Хорошо соблазняться» и «хорошо быть соблазняемым». Хорошо, «через кого соблазн входит в мир»: он вносит край неба на плосковатую землю. Загадочно, что в Евангелии ни разу не названо ни одного запаха, ничего — пахучего, ароматного; как бы подчеркнуто расхождение с цветком Библии — «Песнью песней», этою песнею, о которой один старец Востока выговорил, что «все стояние мира недостойно того дня, в который была создана «Песня песней». И вот, Евангелие, таким образом, представляет «эту» и «будущую жизнь» совсем наоборот:

«пути»-то жизни, насколько они *физиологические пути*, и есть *главное и небесное* (Престол Апокалипсиса); это есть «подлежащее», которое «оправдалось».

А тот «путь жизни», «жизнь духа» — есть «обстоятельный путь», проводимый в праздности, эстетике и разговорах...

И долго на свете томилась она

это — земная жизнь гусеницы, ползающая и жрущая...

Желанием чудным полна

это — мотылек, бабочка, утопающая в эфире, в солнечных лучах. Того самого Солнца, которое «и со звездами, и с луною» — только «окружает роды женщины».

*И песен любви заменить не могли
Ей скучные песни земли.*

И никакого «ада и скрежета зубовного» там, а — собирание нектара с цветов. За муки, за грязь и сор и «земледелие» гусеницы, за гроб и подобие, — но только *подобие смерти* в куколке, — душа восстанет из гроба; и переживет, каждая душа переживет, и грешная и безгрешная, свою невыразимую «песню песней». Будет дано каждому человеку по душе этого человека и по желанию этого человека. Аминь.

ИЗ ТАИНСТВ ХРИСТОВЫХ

«Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда...»

Как это сказано... О, как сказано... И чудятся какие-то действительно страшные тайны за сказавшим так или, особенно, за *увидевшим что-то...*

СЫН

Чтобы сын родился — нужно допустить какой-то *недостаток* в отце. Отец — это так *полно*. Отец — это *все*. Отец — это Солнце и душа и правда солнца. Везде лучи Его до концов Вселенной. Отец, и — *кончено*.

Что же значит, что *Сын родился*? Только если Отец в чем-то *недоотворил*? Или, может быть, он не научил или недоучил? Но и «нравственный закон» он уже принес (на Синае). Вовсе не одно сотворение «глыб», «солнца и луны», и «света» и «ночи». Что же? Как же?

Нельзя понять иначе, как заподозрив отца в *недостатке* и полноте. «Отец — это еще *не всё* и не *конец*».

Ну, — тогда понадобился и Сын.

СОЛНЦЕ

Живет ли Солнце?

Вот самое загадочное, — и даже единственно загадочное, — о нем. Все решительно ученые, до единого все, от Лапласа до гимназиста, убеждены, что оно «конечно — не живет»; что оно есть «предмет»...

Но почему не гаснет? — «Погаснет». Но ведь времени было довольно, чтобы погаснуть. Довольно ли?? О, кажется...

«От него жизнь на земле». От него ли? По-видимому. Живое от механического? Странно. «Да. Но так учат атомы». «Они все стучат».

Ну а если оно «живет»? Тогда 1-я мысль кидается к Христу. «Значит, Ты — не Бог». Странно.

«Солнце живет». Допустим эту гипотезу. Допустим не как фразу, а как действительность. Но как же оно живет? «В таком огне?» — В таком огне прекращается жизнь. И если бы так, то значило бы, что для «жизни» пределов температуры нет.

Странно.

Нет, по-видимому, — «не живет». «При такой горячности — все кипит, сварится».

Имеет ли оно душу — вот вопрос. «Что будет с душой при очень высокой t °?»

Неведомо.

Почему планеты движутся около Солнца? Почему не «стоят» около Солнца? «Тогда бы упали». Ну, и «упали» — ничего. «Мала куча».

Все же в «движениях планет» и в самом «Солнце» наука ничего не понимает, даже раз-наука. И Лаплас понимает столько же, сколько гимназист.

* * *

Да, еще: что заключается внутри чего, Солнечная система заключается внутри Евангелия, или Евангелие заключается внутри Солнечной системы?

№ 5

Вследствие повышения с февраля 1918 г. платы за пересылку печатных бандеролей почтою, прошу лиц, имеющих лично у меня подписку, дослать один рубль за десять №№ «Апокалипсиса нашего времени», по адресу: В Сергиев Посад, Московской губ., Красюковка, Полевая ул., д. свящ. Беляева. В. В. Розанову.

* * *

Всех выпусков «Апокалипсиса» заготовлено не менее 50—60, и только по техническим и денежным препятствиям он растянется более чем на год.

* * *

За величиною статьи, следующий выпуск выйдет в двойном размере (т.е. сразу №№ 6 и 7, за 70 коп.).

* * *

Очень рекомендую всем читателям «Апокалипсиса», взволнованным революцией, прочесть брошюру: «Научный социализм или учение о прибыли как ренте», инженер-технолога Трофимова, прекрасно раскрывающую софизмы, заложенные в нашу революцию.

НЕМНОЖКО И РАДОСТИ

«Приидите володеть и княжити над нами. Земля бо наша велика и обильна, а наряда в ней нет».

Несторова летопись.

«Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил благословляя».

Тютчев.

Удивительное сходство с евреями. Удивительное до буквальности. Историки просмотрели, а славянофилы не догадались, что это вовсе не «отречение от власти» народа, до такой степени уж будто бы смиренного, а — *неумелость* власти, *недаровитость* к ней или, что лучше и даже превосходно до единственности: что это прекрасный дар жить улицею, околоточком, и — не более, не грешнее.

«С нас довольно и сплетен, да кумовства».

Ей-ей, под немцами нам будет лучше. Немцы наведут у нас порядок,— «как в Риге». Устроят полицию, департаменты. Согласимся, что ведь это было у нас всегда скверно и глупо. Министерию заведут. Не будут брать взятки,— наконец-то... и о чем мы были, начиная с Сумарокова, и довели до самого Щедрина... «Бо наряда — нет». Ну их к чёрту, болванов. Да, еще: наконец-то, наконец немцы научат нас русскому патриотизму, как делали их превосходные Вигель и Даль. Но таких было только двое, и что же могли они?

Мы же овладеем их душою так преданно и горячо, как душою Вигеля, Даля, Ветенека (Востоков) и Гильфердинга. Ведь ни один русский *душою* в немца не переделался, потому что они воистину болваны и почти без души. Почему так и способны «управлять».

Покорение России Германиею будет на самом деле, и внутренне и духовно,— покорение Германии Россиию. Мы, наконец, из них,— из лучших их,— сделаем что-то похожее на человека, а не на шталмейстера. А то за «шталмейстерами» и «гофмейстерами» они лицо человеческое потеряли.

Мы научим их танцевать, музыканить и петь песни. Может быть, даже научим молиться. Они за это будут нам рыть руду, т.е. пойдут в каторгу, будут пахать землю, т.е. станут мужиками, работать на станках, т.е. сделаются рабочими. И будут заниматься аптеками, чем и до сих пор ни один русский не занимался. «Не призвание»,— будут изготовлять нам «французские горчишники», тоже — как до сих пор.

Мы дадим им пророков, попытаемся дать им понятие о святости,— что едва ли мыслимо. Но хоть попытаемся. Выучим говорить, петь песни и сказывать сказки.

В тайне вещей мы будем их господами, а они нашими нянюшками. Любящими и послушными нам. Они будут нам служить. Матерьяльно служить. А мы будем их духовно воспитывать.

Ибо и нигилизм наш тогда пройдет. Нигилизм есть отчаяние человека о неспособности делать дело, к какому он вовсе не призван.

Мы, как и евреи, призваны к идеям и чувствам, молитве и музыке, но не к господству. Овладели же, к несчастью и к пагубе души и тела, $\frac{1}{6}$ частью суши. И, овладев, в сущности, испортили $\frac{1}{6}$ часть суши. Планета не вытерпела и перевернула все. Планета, а не германцы.

ОПАСНАЯ КАТЕГОРИЯ

Обаятельный, обольстительный, лукавый.

Удивительно, что в категории «лукавства»,— вот этого особенного и особой глубины греха,— не ведут вообще никакие порочные ступени, кроме как если ступить на первую:

— Обаятелен...

— Что такое? Как? Почему?

— Обаятелен,— потому что не подлежит укору, не представляет порока и пороков, и всех «обаяет», с первого же взгляда, как только кто увидит или услышит его.

— Обольстителен, потому что, в силу качества непорочности и красоты,— все идут за ним.

Но вот странно: как же из непорочности и красоты может вдруг выйти третья? Это совершенно не натурально. Но, однако, глаз людской, обыкновенный и, так сказать, нетенденциозный, вдруг заметил, что опасная категория именно и начинается с двух качеств:

— Обаятельности, обольстительности.

Поэтому бы,— «по предречениям»,— надо быть особенно осторожным, если вдруг увидим человека особливо, исключительно невинного, чистого, непорочного.

— Обаятельного.

В этом отношении хорошо бы поставить зарок, ввиду именно предупреждений:

— Пусть будет хоть маленький порок. Почти — невинный, но — однако, недостаток. Величайший из древних, коего люди могли

счесть «Богом»,— и даже действительно начали было «искать его могилу как Бога», и не могли найти,— что человек этот был — говоря славянским словом — «гугнив». Т. е. он был косноязычен, заикался. «Спас народ Божий от рабства» и «дал все (все!!) законы» и, с тем вместе, был ни более ни менее как зайкою. Качество — прямо смешное. Но качество невинно. И вот, по этому соединению «невинного и смешного»,— мы узнаем Божию книгу и узнаем Божие событие.

В самом деле: от события и от книги никакого «худого последствия не проистекло». Нужно заметить, что «лукавое» начинает узнаваться по *последствиям*.

Ибо прямо-то ведь как узнать: «обаятелен» и «обольщает».

ОГОНЬ ХРИСТОВ

Где обожжет огонь Христов...

Но — по-настоящему обожжет...

Там уже никогда ничего не вырастет.

Вот — и град Салима (Соломона).

И — судьба Иудей.

И Павел, просивший распять его «не как нашего Господа: но головою книзу», дабы «голова его была там, где ноги его возлюбленного Учителя».

И — наши скопцы.

Об этом-то и догадались впервые иезуиты.

Сказавшие: «Не увлекайтесь очень». И начавшие торговать в Парагвае.

ТАЙНЫ МИРА

Ты один прекрасен. Господи Иисусе! И похулил мир красотой Своею. А ведь мир-то — Божий.

Зачем же Ты сказал: «Я и Отец — *одно*»? Вы не только «одно», а ты — *идешь на Него*. И сделал что Сатурн с Ураном.

Ты оскотил Его. И только чтобы оскотить — и пришел. Вот! вот! вот! — наконец-то разгадка слов о скопчестве. И что в Евангелии уже не «любят», а живут как «Ангелы Божии»: как в плавнях приднепровских, «со свечечками и закопавшись». О, ужасы, ужасы...

И весь Ты ужасен. Ты — не простой, а именно — ужасен. И ты воскрес — о, я верю! «Егда вознесусь — всех привлеку к себе».

Но, — чем?

О, ты не друг человеков. Нет, не друг. «Договор», «завет» (о «ветхом»), и это кажется формально и сухо. Но как Ты их ужасно угнет, до последнего рабства. Поистине — «рабы Господни»... Даже и до смерти, до мученичества.

Не потрясает ли: «Ни единый мученик не был пощажен». А ведь мог бы?..

Мог ли?

О...

Конечно, кто воскресил Лазаря — мог. Значит — не захотел...?

О, о, о...

Ты все мог, Господи Иисусе. Ты, «потрясший небо и землю».

И не избавивший даже детей ни от муки небесной, ни от муки земной.

Рабы, рабы... Да, «договор» — он «свят». — «Ты — мне, как я тебе». Ты же дал все унижение и взял себе всю славу. И вот, неужели Ты не понимаешь, почему на Тебя восстал праведный Израиль. Он восстал — не понимая. «Что-то — не то». Что — «не то»? Да похулив создание Божие, Ты более всего похулил, — похулил особенно и страшно, — «отрока Иеговы». И он, не понимая, «что» и «за что», — восстал на Тебя.

Вот разгадка, вот разгадка, вот разгадка.

Ну, слушай: очень хороши «лилии полевые». Но ведь не хуже и «человек»? Что же Ты его все гвоздил «грехом»? И испугал муками? «Там будет огонь неугасимый» и «скрежет зубовой». Очень мило.

Вообще, все очень мило в Твоем создании, поистине — особом создании, особом «от Отца». Люди более не посягают, не любят, не множатся. А все слушают Тебя, как эта бедная Мария.

О, бедная, бедная... Да уж не мученица ли она «потом», которую Ты тоже забыл в небесном величии.

ИСКУШЕНИЕ В ПУСТЫНЕ

Чтобы быть «без греха» — Христу и надо было удалиться от мира... Оставить мир... Т. е. *обессилить* мир.

«Силушка» — она грешна. Без «силушки» — что поделаешь? И надо было выбирать или «дело», или — безгрешность.

Христос выбрал безгрешность. В том и смысл искушения в пустыне. «И дам тебе все царства мира». Он не взял. Но тогда как же он «спас мир»? Не-деланием. «Уходите и вы в пустыню».

Не нужно царств... Не нужно мира. Не нужно вообще «ничего»... Нигилизм. Ах, так вот где корень его. «Мир без начинки»... Пирог без начинки. «Вкусно ли?» Но действительно: Христом вывалена вся начинка из пирога, и то называется «христианством».

СОЛНЦЕ

Говорят: «Нет вечного *perpetuum mobile*» *. Доказывают. Наука. Свинья, роющая носом землю: посмотри вверх. Солнце.

* Вечный двигатель (*лат.*).

Сказать: «солнце устало», «теряет энергию» — бессмыслица. Поистине оно — *не истощается*, и все как-то — живет. Вот что если «не скучно» — то солнышко... Протуберанцы. Играет. Вулканы. «Корона солнечная» (видна в затмениях). И — эти таинственные «ультрафиолетовые лучи», от коих, говорят, — вся жизнь.

RELIGIO

Рост

было, есть, будет.

Почему оно «будет-то»?

Потому что — есть **рост**...

Возрастание, «больше». В загадке «больше» лежит разгадка «прогресса», «развития».

Все «развертывается» из «точки» в «окружность». И вот мир из «точки Бога» развернулся в «красоту-мироздание».

И где же «в мире» нет «Бога»? И где же «в Боге» — нет «мира»?

И вот они связаны. «Religio»... Молитва. Нет вещи, которая бы не «молилась», потому что она — «растет». И знает, что «из точки» растет, из — *отцовской* точки.

И нет Бога не-Покровителя. Это — Провидение. Ибо точка знает свою окружность, как курица — порожденные ею яйца, на которых она сидит.

Так вышли небо, земля и звезды. Они «вышли», потому что мир есть религия: — не потому, что «в мире зародилась религия», а совсем и вовсе наоборот, совершенно и вовсе разное: потому-то и вышли «луна, звезды и земля», и «закружилось все — в небо», что в тайне и сущности мироздания — как вздох и тень — всегда лежала молитва.

Можно сказать, что вздох был «тем паром», «туманом», из которого и вышло «все». Так что «все» — естественно и «задышало», когда появилось.

Оно задышало, потому что появилось из «вздоха». Потому что «вздох» — это «Бог».

Бог — не бытие. Не всемогущество. Бог — «первое веяние», «утро». Из которого все — «потом».

ТУФЛЯ

Неужели же, неужели все европейцы, — и первые ученые из них, и так вообще «толпа», воображают об евреях и об отношении их ко Христу, что это *одно лишь упорство* народа, сделавшего ошибку, но затем — ни за что не желающего *поправиться*, сознать свою *ошибку*? Хотя «теперь-то уже очевидно все превосходство христианства над законом Моисеевым»? — «таким узким и таким *обрядовым?!*» — «Евреи *ошиблись*, не признав своими же пророками предреченного Мессию, и просто в один скверный день бытия своего они перемешали туфли, одев правую ногу

в левую туфлю, а левую ногу в правую туфлю»? «И вот с тех пор так и ходят, смеша людей и являясь посмешищем истории»...

Такова общая *концепция* европейцев и Европы об Иуде и юдаизме.

Между тем, неужели европейцам не приходит на ум, что «иначе переобув туфли»,— еврей каждый и единолично соделался бы в христианском мире равнозначащ Апостолу Павлу, и вообще — апостолам, которые «все были из иудеев»? И что это обещало бы и *исполнило* для них обетование Исаии: «будет время, и народы *понесут вас на плечах своих*»... И это, т. е. исполнение обетования,— настало бы просто «завтра», «завтрашний день»... Неужели же не очевидно, что если власть над целым миром, «которая вот в руках уже»,— евреи не берут,— если корыстные не берут богатства, славлюбивые не берут славы, то... то... то...

Это — оттого, что взять ее

грех

О,— такой *особенный* грех, в таком *исключительном* виде грех... И который не простится ни в жизни *этой*, ни — в *будущей*. Это уже не воровство, кража, жадность, лень, что мы делаем каждый в норках жития своего, а что-то планетное, космогоническое, страшное. «Перемена *судьбы* своей. «Обменять *душу* свою на богатства мира и на власть над миром».

Как же было европейцам, и особенно мыслителям европейским, подумать не о «туфле на ноге», о чем-то именно несоизмеримейшем... И — не об *упрямстве*, а о том: «Не грех ли это в самом деле?»

Если же «грех признать Иисуса»: то, сверкая молниями, сюда как было не оглянуться:

«А может быть, мы — и *приняли этот грех?*»

Ведь так именно и получено самим Христом: получена *власть над целым миром*, вопреки видимого, рассказанного в Евангелии, отречения; — *богатства целого мира*. *Власть над Европою*, европейцами, *мыслью их, смыслом их*.

Вдруг последний бедняк-еврей отказывается: — «*не надо этого!*» — «*не хочу этого!*»

Неужели не ясно, что это — не то же, что «туфля».

Но, когда так: то не явно ли, что скорее уж мы «обули *не так ноги*»,— но что вот именно мы, по своей действительно лени, по своей засвидетельствованной лени, лишь держимся этого *косно и по традиции*.

№ 6—7

ПЕРЕЖИВАНИЕ

В Посаде мера картофеля (августа 12-го 1918 года) — 50 рублей. Услышал от старушки Еловой, что в гор. Александрове, близ Посада,

мера — 6 руб. Спешу на вокзал справиться, когда в Александров отходят поезда. Отвечает мастеровой с бляхой:

— В три.

Я:

— Это по старому или по новому времени?

Часы по приказанию большевиков переведены в Сергиеве на 2 часа вперед.

— Конечно, по новому. Теперь все по-новому. (Помолчав:) — Старое теперь все в могиле.

Да. Радуйся русская литература. И ржаная мука уже 350 р. пуд.

Бедные мрут. Богатые едва имеют силу держаться.

ПОЧЕМУ НА САМОМ ДЕЛЕ ЕВРЕЯМ НЕЛЬЗЯ УСТРАИВАТЬ ПОГРОМОВ?

В революции нашей в высшей степени «неясен» еврей. Как он во всем неясен и запутался во всей европейской цивилизации. Но до Европы — оставим. Нам важны «мы». Посмотрите, как они трясутся над революцией. Не умно, злобовредно, но — трясутся. А ведь это и их «гешефтам» не обещает ничего. Даже обещает плохо. Почему же они трясутся? Я раз посмотрел в иллюстрированном журнале — Нахамкиса; и, против неприятного Ленина, сказал: «Как он серьезен» (хотел бы видеть в натуре).

Да, речь его против Михаила Александровича — нагла. Но ведь евреи и всегда наглы. В Европе, собственно, они не умеют говорить европейским языком, т. е. льстивым, вкрадчивым и лукавым, во всяком случае — вежливым, а орут как в Азии, ибо и суть азиаты, грубияны и дерзки. Это — гогочущие пророки, как я определил как-то. Они обо всякой курице, т. е. в торге, пророчествуют. «Ефа за ефу», — «отчего ефу не выверяешь», «отчего весы не верны» (Исаия, или который-то, раз попалось). Но... он действительно, действительно «припадал к ногам» — хотя быть «Стекловым» *. Но это — не обман. Только отодвинутый «кончиком носка сапога», он разъярился как «Нахамкис» и на Михаила Александровича, и — дальше... И возненавидел всю эту старую, «черствую Русь».

Евреи... Их связь с революцией я ненавижу, но эта связь, с другой стороны, — и хороша; ибо из-за связи и даже из-за поглощения евреями почти всей революции — она и слиняет, окончится погромами и вообще окончится ничем: слишком явно, что «не служить же русскому солдату и мужику евреям»... Я хочу указать ту простую вещь, что если магнаты еврейства, может быть, и думают «в целом руководить потом Россией», то есть бедные жидки, которые и соотечественникам не уступят русского

* Найденное, после взлома революционного, его прошение на Высочайшее имя, о позволении переменить свою еврейскую фамилию — на русскую.

мужика (идеализированного) и ремесленника и вообще (тоже идеализированного) сироту. Евреи сентиментальны, глуповаты и преувеличивают. Русский «мужичок-простачок» злобнее, грубее... Главное — гораздо грубее. «С евреями у нас дело вовсе не разобрано». Еврей есть первый по культуре человек во всей Европе, которая груба, плоска и в «человечестве» далее социализма не понимает. Еврей же знал вздохи Иова, песенки Руфи, песнь Деворры и сестры Моисея:

— О, фараон, ты ввергнулся в море. И кони твои потонули. И вот ты — ничто.

Евреи — самый утонченный народ в Европе. Только по глупости и наивности они пристали к плоскому дну революции, когда их место — совсем на другом месте, у подножия держав (так ведь и поступают и чтут старые *настоящие* евреи, в *благородном*: «мы — рабы Твои», у всего *настояще* Великого. «Величит душа моя Господа» — это всегда у евреев, и всегда — в отношении к великому и благородному истории). О, я верю, и Нахамкис приложился сюда. Но — сорвалось. Сорвалось не-«величие», и он ушел, мстительно, как еврей, — ушел «в богему». «Революция так революция». «Вали все». Это жид и жидок и его нетерпеливость.

Я выбираю жидка. Сколько насмешек. А он все цимбалит. Насмешек, анекдотов: а он смотрит русскому в глаза и поет ему песни (на жаргоне) Заднепровья, Хохломании, Подолии, Волыни, Кавказа и, может быть, еще Сирии и Палестины и Вавилона и Китая (я слышал, есть китайцы-евреи, и отпускают себе косы!!!). Еврей везде, и он «странствующий жид». Но не думайте, не для «гешефта»: но (наша Летопись) — «Бог отнял у нас землю за грехи наши, и с тех пор мы странствуем».

И везде они несут благородную и святую идею «греха» (я плачу), без которой нет религии, а человечество было бы разбито (праведным небом), если бы «от жидов» не научилось трепетать и молить о себе за грех. Они. Они. Они. Они утерли соплю пресловутому европейскому человечеству и всунули ему в руки молитвенник: «На, болван, помолись». Дали псалмы. И Чудная Дева — из евреек. Что бы мы были, какая дичь в Европе, если бы не евреи. Но они пронесли печальные песни через нас, смотрели (всегда грустными глазами) на нас. И раз я на пароходе слышал (и плакал): «Купи на 15 коп. уксусной кислоты — я выпью и умру. Потому что он изменил мне». Пела жидовка лет 14-ти, и 12-летний брат ее играл на скрипке. И жидовка была серьезна. О, серьезна... Я (в душе) плакал. И думал: «Как честно: они вырабатывают пятаками за проезд, когда у нас бедные едут фуксами, т. е. как-нибудь на казенный счет, или под лавкою, и вообще — на даровщинку».

И вот они пели, как и Деворра, не хуже. Почему хуже? Как «На реках вавилонских»: — «О, мы разобьем детей твоих о камень, дочь вавилонская». Это — Нахамкис. Нахамкис кричит: «Зачем же лишили его

права быть Стекловым», «благородным русским гражданином Стекловым», и так же стал «ругать зверски Михаила Александровича», как иудеянки хотели (ведь только *хотели*) «разбивать вавилонских детей о камня» (вавилонский жаргон).

Это — гнев, ярость: но оттого-то они и живут и не могут, и не хотят умереть, что — горячи.

И будь, жид, горяч. О, как Розанов — и не засыпай, и не холодей вечно. Если ты задремлешь — мир умрет. Мир жив и даже не сонен, пока еврей «все одним глазком смотрит на мир». — «А почему нынче овес?» — И торгуй, еврей, торгуй, — только не обижай русских. О, не обижай, миленький. Ты талантлив, даже гениален в торговле (связь веков, связь с Финикией). Припусти нас, сперва припусти к «Торговле аптекарскими товарами», к аптекам, научи «синдикатам» и, вообще, введи в свое дело ну хоть из 7—8%, а себе — 100, и русские должны с этим примириться, потому что ведь не они изобретатели. Подай еврею, подай еврею, — он творец, сотворил. Но потом подай и русскому. Господи: он нищ.

О, довольно этой «нищенской сумы», этого христианского нищенства, из которого ведь выглядывают завидующие глазки. Но оставим. И вернемся к печальным песням Израиля.

И вот он играет, мальчишка, а девчонка поет. Как я слушал эту песню безумную, на Волге. И дети мои слушали. И они почти плакали. Впечатлительны все. «Ведь у вас был Самсон, еврей?» Моргает. — «Помните, Самсон и Далила?» — «Как они сражались с филистимлянами?» — «Сражались, о, о...» — «Ну?» — «Теперь одна стена плача. Римляне разорили все»...

И они трясут кулаками по направлению Рима. «У... У... У...» Но, еврей, утешься: давно прошли легионы Рима; от Рима, «того самого», осталось еще меньше, нежели осталось от Иерусалима; он еще гораздо глубже погребен. А вы все еще спрашиваете у ленивого хохла: «А все-таки, почему же пшено?»

Русские в странном обольщении утверждали, что они «и восточный, и западный народ», — соединяют «и Европу, и Азию в себе», не замечая вовсе того, что скорее они и *не* западный, и *не* восточный народ, ибо что же они принесли Азии, и какую роль сыграли в Европе? На востоке они ободрали и споили бурят, черемисов, киргиз-кайсаков, ободрали Армению и Грузию, запретив даже (сам слушал обедню) слушать свою православную обедню по-грузински. О, о, о... Сам слушал, сам слушал в Тифлисе. В Европе явились как Герцен и Бакунин и «внесли социализм», которого «вот именно не хватало Европе». Между Европой и Азией мы явились именно «межеумками», т. е. именно нигилистами, не понимая ни Европы, ни Азии. Только пьянство, муть и грязь внесли. Это действительно «внесли». Страхов мне говорил с печалью и отчасти с восхищением: «Европейцы, видя во множестве у себя русских туристов, поражаются талантливостью русских и *утонченным их развратом*». Вот

это — так. Но принесли ли мы семью? добрые начала нравов? Трудоспособность? Ни-ни-ни. Теперь, Господи, как страшно сказать... Тогда как мы «и не восточный, и не западный народ», а просто ерунда,— ерунда с художеством,— евреи являются на самом деле не только первенствующим народом Азии, давшим уже не «кое-что», а весь свет Азии, весь смысл ее, но они гигантскими усилиями, неутомимой деятельностью становятся мало-помалу и первым народом Европы. Вот! Вот! Вот! Этого-то и не сказал никто о них, т. е. «о соединительной их роли между Востоком и Западом, Европою и Азией». И — пусть. О, пусть... Это — да, да, да.

Посмотрите, встрепешитесь, опомнитесь: несмотря на побои, как они часто любят русских и жалеют их пороки, и никогда «по-гоголевски» не издеваются над ними. Над пороком нельзя смеяться, это — преступно, зверски. И своею и нравственною, и культурною душою они никогда этого и не делают *Я за всю жизнь никогда не видел еврея, посмеявшегося над пьяным или над ленивым русским.* Это что-нибудь значит среди оглушительного хохота самих русских над своими пороками. Среди наших очаровательных: «Фон-Визин, Грибоедов, Гоголь, Щедрин, Островский». А вот слова, которые я слышал: «Послушайте, как вы смотрите на русского священника?» — «При всех его недостатках, я все-таки люблю его». — «Люблю? Это — мало: можно ли *не чтить его*: он получает корку хлеба, т. е. сельский священник, а сколько труда, сколько труда он несет». Это доктор Розенблюм, в Луте, в 1910 г. Я думал, он — немец. Расспросил — еврей. Когда разбиралось дело Панченко («Деласси и Панченко»), пришлось при экспертизе опросить какого-то врача-еврея, и он сказал серьезно: «Я вообще привык думать, что *русский врач есть достойное и нравственное лицо*». Я так был поражен обобщенностью вывода и твердостью тона. И за всю жизнь я был поражаем, что несмотря на побои («погромы»), взгляд евреев на русских, на душу русскую, на самый даже несносный характер русских,— уважителен, серьезен. Я долго (многие годы) приписывал это тому, что «евреи хотят еще больше развратиться русским»: но покоряет дело истине своей, и я в конце концов вижу, что это — не так. Что стояло безумное оклеветание в душе моей, а на самом деле евреи уважительно, любяще и трогательно относятся к русским, даже со странным против европейцев предпочтением. И на это есть причина: среди «свинства» русских есть, правда, одно дорогое качество — интимность, задушевность. Евреи — то же. И вот этою чертою они ужасно связываются с русскими. Только русский есть пьяный задушевный человек, а еврей есть трезвый задушевный человек.

Огромный красивый солдат, в полусумраке уже, говорил мне:

— Как отвратительно... Как отвратителен тон заподозривания среди этого Совета солдатских и рабочих депутатов. Я пришел в Таврический Дворец и не верю тому, что вижу... Я пришел с верою — в народ, в демократию...

Так как я пришел «без веры», то горячо и как бы «хватаясь за его руку», спросил у него:

— Да *кто* вы?

— Солдат из Финляндии... Стоим в Финляндии... Я, собственно, еврей...

— Я — русский. Русский из русских. Но я хочу вас поцеловать.— И мы крепко поцеловались.

Это было, когда я захотел посмотреть «солдатских депутатов» в марте или апреле 1917 года.

В том же месяце, но много позже:

Угол Литейной и Бассейной. Трамвай. Переполнен. И старается пожилой еврей с женою сесть с передней площадки, так как на задней «висят». Я осторожно и стараясь быть не очень заметным — подсаживаю жену его. Когда вдруг схватил меня за плечо солдат, очевидно нетрезвый («ханжа»):

— С передней площадки запрещено садиться. Разве ты не знаешь?!?!..

Я всегда поражался, что эти господа и вообще вся российская публика, отменив у себя царскую власть «порывом», никак не может допустить, чтобы человек, тоже «порывом», вскочил на переднюю площадку вагона и поехал, куда ему нужно. Оттолкнув его, я продолжал поддерживать и пропихивать еврейку, сказав и еврею: «Садитесь, садитесь скорее!!»

Мотив был: еврей торопливо просил пропустить его «хоть с передней», ибо он спешил к отходу финляндского поезда. А всякий знает, что значит «опоздать к поезду». Это значит «опоздать и к обеду», и пошло расстройство всего дня. Я поэтому и старался помочь.

Солдат закричал, крикнув и другим тут стоявшим солдатам («на помощь»): «Тащите его в комиссариат, он оскорбил солдата». Я, правда, кажется назвал его дураком. Я смутился: «с комиссариатом я ко всякому обеду у себя опаздаю» (а тоже спешил). Видя мое смущение и страх, еврей вступился за меня: «Что же этот господин сделал, он только помог моей жене».

И вот, я не забуду этого голоса, никогда его не забуду, потому что в нем стоял нож:

— Ж-ж-ид прок-ля-тый...

Это было так сказано.

И как музыка, старческое:

— Мы уже теперь все братья («гражданство», «свобода» — март): зачем же вы говорите так (т. е. что «и еврей, и русский — братья», «нет больше евреев как чужих и посторонних»).

Я не догадался. Я не догадался...

Я слышал всю музыку голоса, глубоко благородного и глубоко удивляющегося.

Потом уже, назавтра, и даже «сегодня» еще, я понял, что мне нужно было, сняв шапку, почти до земли поклониться ему и сказать: «Вот

я считаюсь врагом еврейства, но на самом деле я не враг: и прошу у вас прощения за этого грубого солдата».

Но солдат так кричал и так пытался схватить и действительно хватал за руку со своим «комиссариатом», что впопыхах я не сделал естественного.

И опять этот звук голоса, какого *на русской улице*, — уж извините: на русской пох...ной улице, — не услышишь.

Никогда, никогда, никогда.

«Мы уже теперь все братья. Для чего же вы говорите так?»

Евреи наивны: евреи бывают очень наивны. Тайна и прелесть голоса (дребезжащего, старого) заключалась в том, что этот еврей, — и так, из полуобразованных, мещан, — глубоко и чисто поверил, со всем восточным доверием, что эти плуты русские, в самом деле «что-то почувствовав в душе своей», «не стерпели старого произвола» и вот «возгласили свободу». Тогда как, по заветам русской истории, это были просто Чичиковы, — ну «Чичиковы в помеси с Муразовыми». Но уже никак не больше.

Форма. Фраза.

И вдруг это так перерезало музыкой. Нельзя объяснить, не умею. Но даже до Чудной Девы мне что-то послышалось в гоюесе. «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге Спасе моем».

Я хочу то сказать, что все европейское как-то необыкновенно грубо, жестко сравнительно с еврейским. Тут тайна Сирии и их жарких стран. Тут та тайна еще, что они Иова слушают не две тысячи лет, а пять тысяч лет, да, очевидно, и слушают-то другим ухом. Ах, я не знаю что... Но я знаю, что не в уме евреев дело, не в деятельности и деловитости, как обыкновенно полагают, а совершенно в ином... Дело заключается, или почти должно заключаться, в какой-то таинственной Суламифи, которая у них разлита во всем, — в ином осязании, в иной восприимчивости к цветам, в иной пахучести, и — как человека «взять», «обнять», «приласкать». Где-то тут. «От человека к человеку». Не «в еврее», а в «двух евреях». И вот тут-то они и разливаются во всемирность.

«Русские — общечеловеки». А когда дело дошло до Армении, — один министр иностранных дел (и недавний) сказал: «Нам (России) нужна Армения, а вовсе не нужно армян». Это — деловым, строгим образом. На конце тысячелетия существования России. Т. е. не как восклицание, гнев, а (у министра) почти как программа... Но ведь это значит: «согнал бы и стер с лица земли армян, всех этих стариков и детей, гимназистов и гимназисток, если бы не было неприлично и не показалось некультурно». Это тот же Герцен и тот же социализм. Это вообще русский нигилизм, очевидно *вековечный* (Кит Китыч, о жене своей: «хочу с кашей ем, хочу со щами хлебаю»). Опять, опять «удел России»: — очевидно, не русским дано это понимание в удел. Несчастные русские, — о,

обездоленные... Опять же евреи: на что — погромы. Ведь это — ужас. И вот все же они нашли и после них все слова, какие я привел, — и порадоваться русской свободе, и оценить русского попа. Да и вообще, *злого глаза, смотрящего украдкой или тайно за спиной русского, я у еврея не видал.*

Я и хочу сказать, что дело заключается в какой-то деловой всемирности, — не отвлеченной, не теоретической, а с другой стороны, — не вздыхающей и слезливой, а практической и помогающей. Самый «социализм их», как я его ни ненавижу, все-таки замечателен: все-таки ведь социализм выражает мысль о «братстве народов» и «братстве людей», и они в него уперлись. Тут только наивность евреев, которые решительно не так умны, как европейцам представляется, как европейцы пугаются. Они взяли элементарно, первобытно, высчитывая по пальцам: «кто с чем, с каким имуществом живет», и не догадываясь, что все зависит от «как этот человек живет»: что можно жить «с большим богатством — как в аду» (наши Кит Китычи) и можно жить на кухне, «в прислугах» — «счастливее господ». Решительно я замечал, как многие «господа» живут печальнее, грустнее и раздраженнее своих прислуг, которые — по самым лицам их видно — живут «благословясь» и «в благословении». Социализм вообще плосок, доска, — и безмерная наивность евреев, что они восприняли его, что они поверили в такой глупый счет арифметических машин. И я верю, что это непременно и скоро кончится. *Им ли, им ли, после их ли истории и судеб, — верить этому... Им ли, которые в неге реализма («будь все как есть»)* произнесли: «льна курящегося *не погаси*» и «трости надломленной *не переломи*», — и которые, если кто богатый обеднеет у них, то община обязана не только содержать его, но и купить ему карету, если прежде была у него карета: дабы он не испытывал перемены в самом уровне своего положения и *не скорбел через самую мысль даже о нем...* Это именно нега благородства и человечности, и выраженная кухонным, т. е. реальнейшим способом. «Так несчастно живут в их гетто» и их «свиные кагалы». (Мне сообщил это еврей, торговец дамскими ботинками, в совершенно темном вагоне, в Спб., в Варшавском вокзале: он был, что такая у них редкость, немного не трезв.) Вот! вот! вот! настоящая идея уравнивания бедного и богатого: помощь бедному и *помощь богатому*, дабы оба держались «на том же уровне», без ощущения разницы температур *привычной жизни, жизни — просто от роду.* О, гений универсальности и чуткости. Богач может также скорбеть, и страдания его могут быть величайшие. Нельзя завистливым глазом смотреть на богатство. Это — христианство. И чуть ли именно по зависти, а не по «благости» — социализм есть воистину христианское явление. Самый «социализм» или «социализация» — без христианства — выразился бы, пожалуй, в другом, иначе: обедаю сам, но и еще лишнему, гостю, чужому с улицы — даю обед, сажаю с собою его за стол, *не отягощаясь*, что это — чужой. Социализм выразился бы близостью, социализм выразился бы любовью: а не — «перерву горло»

у солдата, закричавшего: «Жид прокля-тый». Словом, социализм выразился бы тоже одним из таинственных веяний Суламифи, каким — мы не знаем, если бы он был оригинально-евреен, а не подражательно-евреен (от европейцев). Да вот: «Дай я умою ноги тебе», о нищем, о бедном. Тут именно «дотронуться», дотронуться *до бедного*. Как я и сказал: «Надо пощупать кожу его».

Суть вещей. Суламифь. Ведь вся «Песнь песней» — пахуча. Тайна вещей, что он не «добр», а — нежен. Добро — это отвлеченность. Добро — это долг. Всякий «долг» надоест когда-нибудь делать. Тайна мира, тайна всего мира заключается в том, чтобы *мне самому было сладко делать сладкое*, и вот тут секрет. «Сними обувь, и я, взяв холодной воды,— проведу по подошвам твоим, по подъему ноги, по пальцам». Тут так близко, что уже есть любовь. «Я замечу старую морщину у старика — да и так, может выйти случай, шутка около омовения ног». Это вообще так близко, что не может не завязаться шутка и анекдот «около ноги». Ну, вот, видите: а раз — шутка и анекдот, то уже никогда не выйдет холодного, холодного потому — что формального, *liberté, fraternité, égalité*. К великим прелестям еврейской истории относится то, что при всей древности и продолжительности ее — никогда у них даже не мелькнуло сказать такой пошлости. Такой неверности и такой несправедливости. Ибо ведь нужно и истину и справедливость перевернуть вверх дном, дабы между неодинаковыми, ничего между собою не имеющими общего людьми установить *égalité*, да и еще родственное — *fraternité*.

Прямо чувствуешь франтов и маркизов XVIII века, *fin du siècle XVIII-ème* *. А это:

«Около тебя *раба твоя, Руфь...*» — «И будет мне по глаголу *твоему*»... Какие все тоны! Ты плачешь, европейец. Плачь же. Плачь бедными своими глазами. Плачь: потому что в оригинальной твоей истории ты вообще не сотворил таких словооборотов, сердцеворотов, умоворотов. Вся душа твоя — площе, суше, холоднее. О, другое солнце, другое солнце. Другая пахучесть, иные травы. И — посмотрите, королевы ли, маркизы, жены, любовницы: ведь Суламифь — всего только любовница. Любовница? И никто не отрицает. Но жены стоят и рыдают: «О, как хотели бы мы только побыть такою любовницею». И вот — посмотрите чудо, чудо уже в нашей истории и «в строгостях наших»: и церковь не отрицает, что это — только любовница. Но и она рыдает и говорит: «Какое чудо... Я знаю — *кто* она, эта Суламифь: и — не осуждаю, и обнимаю ноги ее, потому что она вся прекрасна и благородна, и нет лучшей между женами по чистоте мыслей и слов».

И чувствуете ли вы, европейцы, что вот уже и весь мир преобразен. Нет ваших сухих категорий, нет ваших плоских категорий. Где юриспруденция? где законы? Нет, где — гордость? А из нее у Европы — все.

* конец XVIII столетия (*фр.*).

Вся Европа горда, и из гордости у нее все. Не надо! Не надо! Небо, небо! Неба дай нам. А небо...

Оно там, где рабство. Где рабы счастливее господ. А «где рабы счастливее господ» — это тайна Израиля. Ибо поистине Суламифь была счастливее Соломона, и Агарь прекраснее Авраама. Вот.

ЕЩЕ О «СЫНЕ» В ОТНОШЕНИИ «ОТЦА»

...В сынах человеческих,— сынах земных и несовершенных,— так это и происходит, что «сын рождается», если отец был не **полон**. Если он не кругл, не закруглен (зерно, вид зерна, онтологическое основание закругленности **всяких вообще зерен**), если он — угловат.

Сын, дети в сынах человеческих всегда не **походят** на отца и скорее **противолежат** ему, нежели его повторяют собою. Мысль о *тавтологии* с отцом, *неотличимости* от отца противоречит закону космической и онтологической целесообразности. Повторение вообще как-то глупо. Онтологически — оно невозможно.

Посему, кто сказал бы: «Я и отец — **одно**», вызвал бы ответом недоумение: «К чему?» — «Зачем *повторение?*» Нет явно, что сын мог бы «прийти», только чтобы «восполнить отца» как несовершенного, лишённого полноты и вообще недостаточного. Без онтологической недостаточности отца не может быть сына, хотя бы отец и был «вечно рождающим» и даже только в сути своей именно «рождающим». Но он «рождает мир» и, наконец, имеет дар, силу и красоту рождения, хотя бы даже без выражения ее на земле или в истории. Вернее, он именно *продолжает* и доселе сотворять мир, *соучаствуя* всем *тварям* без исключения в родах их: составляет *нерв* и *нить* ихних родов, от цветка и до человека, без преимущества цветку или человеку. Но чтобы «появился сын» как имянность и лицо, то это могло бы быть только, чтобы сказать нечто *новое* земле и совершить на ней тоже *новое*. Без новизны нет сына. Сказать *иное* от отца и именно отличное от отца — вот для чего мог бы «прийти» сын. Без противоречия отцу не может быть сына.

Так это и изложено в самом Евангелии. «Древние говорят... **а [но]** — Я говорю». На самом деле это говорили не древние *люди*, но — *закон* их, вышедший от Отца. Возьмем же «око за око» и «подставь ланиту ударившему тебя». «Око за око» есть основание онтологической справедливости наказания. Без «око за око» — *бысть* преступление и *несть* наказания. А «наказание» даже в упреке совести (и в нем сильнее, чем в физике) — оно есть и оно *онтологично* миру, т. е. однопространственно и одновременно миру, в душе его лежит. И оттого, что оно так *положено* в мире, положено Отцом небесным,— Христова «ланита», в противоположность Отцовскому (как и *езде*) *милосердию*,— довела человечество до мук отчаяния, до мыслей о самоубийстве, или — до бесконечности обезобразила и охаотила мир. Между прочим, на это показывают

слова Апостола Павла: «Бедный я человек, кто избавит меня от сего тела смерти». Это — прямо вопль Каина, и относится он, бесспорно, к вине отмены обрезания, т. е. к разрушению им, уже совершенно явно, всего Ветхого Завета, при полном непонимании этого Завета. Как и везде в Евангелии, при «пустяках» ланиты, делая пустое облегчение человеку, — Христос на самом деле невыносимо отяготил человеческую жизнь, усеял ее «терниями и волчцами» колючек, чего-то рыхлого, чего-то несбыточного. На самом деле, «справедливость» и «наказание» есть то «обыкновенное» и то «нормальное» земного бытия человеческого, без чего это бытие потеряло бы уравновешенность. Это есть то ясное, простое и вечное, что именно характеризует «полноту» отца и его вечную основательность, — кончающую короткое коротким, — на место чего стали слезы, истерика и сантиментальность. Настала Христова мука, настала Христова смута.

ПРИКАЗ № 1

превративший одиннадцатью строками одиннадцатимиллионную русскую армию в труху и сор, не подействовал бы на нее и даже не был бы вовсе понят ею, если бы уже $\frac{3}{4}$ века к нему не подготовляла вся русская литература. Но нужно было, чтобы — гораздо ранее его — начало слагаться пренебрежение к офицеру как к

дураку
фанфарону
труссу,

во всех отношениях к —

ничтожеству

и отчасти к

вору.

Для чего надо было сперва посмотреть на Скалозуба
в театре

и прочесть, как

умывался

генерал Бетрищев, пишущий «Историю генералов отечественной войны», — у Гоголя, фыркая в нос Чичикову. Тоже — и самому Толстому надо было передать, как генералы храбрятся по виду и стараются не нагнуться при выстреле, но нагибаются, вздрагивают и трясутся в душе и даже наяву.

Когда вся эта литература прошла, — прошла в гениальных по искусству созданиях «русского пера», — тогда присяжный поверенный Соколов «снял с нее сливки». Но еще более «снял сливки» Берлинский Генеральный Штаб, охотно бы заплативший за клочок писанной чернилами бумажки всю сумму годового дохода Германии за год.

«Приказ № 1» давно готовился. Бесспорно, он был заготовлен в Берлине. Берлин вообще очень хорошо изучил русскую литературу.

Он ничего не сделал иного, как выжал из нее сок. Он отбросил целебное в ней, чарующее, истинное. «На войне как на войне...» «Эти ароматы нам не нужны». «Нам,— немцам на реке Шпрее...»

...От ароматов и благоуханий он отделил ту каплю желчи, которая, несомненно, содержалась в ней. Несомненно — содержалась. И в нужную минуту поднес ее России.

Именно ее.

Ее одну.

Каплю, наиболее роскошно выработанную золотой русской литературой.

«Пей. Ты же ее любила. Растила. Холила».

Россия выпила и умерла.

Собственно, никакого сомнения, что Россию убила литература. Из слагающих «разложителей» России ни одного нет нелитературного происхождения.

Трудно представить себе... И, однако,— *так*.

* * *

К читателю, если он друг.— В этот страшный, потрясающий год, от многих лиц, и знакомых, и вовсе неизвестных мне, я получил, по какой-то догадке сердца, помощь и денежную, и съестными продуктами. И не могу скрыть, что без таковой помощи я не мог бы, не сумел бы перебыть этот год. Мысли, и страхи, и тоска самоубийства уже мелькали, давили. Увы: писатель — сомнамбула. Лазит по крышам, слушает шорохи в домах: и не поддержи или не удержи его кто-нибудь за ноги, если он проснется от крика к действительности, ко дню и пробуждению, он сорвется с крыши дома и разобьется насмерть. Литература — великое, само-забвенное счастье, но и великое в личной жизни горе. Черные тени, уголь: но и молодая эос (заря) эллинов. За помощь — великая благодарность; и слезы не раз увлажняли глаза и душу. «Кто-то помнит, кто-то думает, кто-то догадался». «Сердце сердцу весть сказало». Тоже в своем роде сомнамбулизм пространств, времен и уже читательской души и ее благородных сновидений. Естественно, каждому своя душа открыта, и о своей душе я знаю, как она ласкает, и бережет (главное!), и хочет унежить и у-интимить (сделать интимной) душу читателя. «Интимное, интимное берегите: всех сокровищ мира дороже интимность вашей души! — то, чего о душе вашей никто не узнает!» На душе читателя, как на крыльях бабочки, лежит та нижняя последняя пыльца, которой не смеет, не знает коснуться никто, кроме Бога. Но вот и обратно: значит, интимность души читателя взяла внутрь себя интимную душу писателя. «Как ты тревожен, мой автор. Откуда у тебя такие сны и страдания?»

О чем ты воешь, ветер ночной,
Какую навеваешь *быль*?

Устал. Не могу. 2—3 горсти муки, 2—3 горсти крупы, *пять* круто испеченных яиц может часто спасти *день мой*. Что-то золотое брезжится мне в будущей России. Какой-то в своем роде «апокалипсический переворот» уже в воззрениях исторических не одной России, но и Европы. Сохрани, читатель, своего писателя, и что-то завершающее мне брезжится в последних днях моей жизни. В. Р. Сергиев Посад, Московск. губ., Красюковка, Полевая ул., дом свящ. Беляева.

№ 8—9

Временно выпуски 6-й и 7-й задерживаются.

ХРИСТИАНИН

Точно он больной и всех заподозривает, что они больны еще какими-то худшими болезнями, нежели он сам. Только к одному, к власти, он не чувствует подозрения. Власть всегда добра, блага, и, собственно, потому, что он ленив и власть обещает ему его устроить как калеку.

Благотворение, которое везде восполняет недостаток, у христиан есть нормальное положение. Тут все благотворят «нищую братию», и какая-то нищета имущества, тел и духа — вот христианство. «Худошавые люди».

Когда славяне позвали «варяг из-за моря» управлять себя, управлять своею «обширною и богатою землею», они показали себя какими-то калеками уже до рождения. Ужасно.

Ужасно и истинно. И до сих пор, до нашего даже времени, я наблюдал, что все получше землицы, «покруглее», поудобнее местоположением — в руках немцев или евреев. «Дача Штоля», «имение Винклера». За 15 000 Штоль скупил леса и земли около трех огромных озер, и уже через семь лет ему предлагали за них около 120 000, и он не продал. Он знал, что внук его возьмет за них миллион. Это точь-в-точь «история варягов». Продал, без сомнения, помещик, обеспечивавший свою кухарчонку с детьми. «Ей больше 15 000 не надо. А значит — и мне»; «я же проживу при ней. Она меня, кстати, пускает и в картишки перекинуться». Поэты.

У нас везде Нали и Дамаянти. Художественная нация. С анекдотом.

И вот так мы живем. Но вернемся к христианам. Нет ясного, доброго, веселого глаза. Все всех осматривают, все всех подозревают. Все о всех сплетничают. «Христианская литература» есть почти «история христианской сплетни». Посмотрите беллетристику, театр. Это почти сплошное злословие.

Как ужасно. И еще как ужаснее любить все это. Стонаю и люблю, стонаю и люблю. Привычка, традиция. Ах, «мои бедные родители».

С лязгом, скрипом, визгом опускается над Русскою Историею железный занавес.

— Представление окончилось.

Публика встала.

— Пора одевать шубы и возвращаться домой.

Оглянулись.

Но ни шуб, ни домов не оказалось.

СТРАННОСТЬ

Много в Евангелии притчей, но где же молитва, гимн, псалом? И почему-то Христос ни разу не взял в руки арфу, свирель, цитру и ни разу не «воззвал»? Почему Он не научил людей молиться, разрушивши в то же время культ и Храм? И о Храме явно сказав, что Он его разрушит: как и об Иерусалиме — тоже велительно предсказав, что он падет и разрушится. Разрушится такое средоточие молитв и молитвенности, какого, конечно, не было нигде еще на земле. Почему-то таинственно и неисповедимо людям никогда не пришло на ум, что Евангелие есть религиозно-холодная книга, чтобы не сказать — религиозно-равнодушная. Где не поют, не радуются, не восторгаются, не смотрят на Небо; и где вообще как-то уж очень «не похоже на рай первобытных человек». Не пришло на ум никому, что если чем более всего Евангелие удивляет и поражает, то это религиозною трезвостью; близкою уже к рационализму; и где «пары» не идут ни «сверху», ни «снизу». «Притча», «притча», — «вышел сеятель сеять в поле», — все это как будто уже приуготовлено для Гарнака и священника Григория Петрова; рассказ «из житейского» на поучительную обыденную «мораль»... Сверх Гарнака надо бы еще прибавить и Фаррариа: но где же тут религия? Где главное он, псалом — существо всего дела? И этот Царь, *неудержимо поющий Богу?*

«Как лань желает на источники вод, так душа моя тоскует по Тебе, Боже...»

На большом, все-таки очень большом протяжении Евангелия только всего одна молитва в семь строк. И как она вся последовательна, отчетлива. Это — логика, а не молитва; с упоминаниями о том-то и том-то, но без умиления, без йоты восторга. Это какое-то продолговатое «дважды два = Боже». Разве это то, что «молитва мытаря», великая, прекрасная, *единственная*. Но возьмите же глаза в руки: это вовсе не молитва Христа, а случайно подслушанная евангелистом именно молитва человека и мытаря. Не поразит ли каждого, что у Христа в молитве «Отче наш» — *меньше ноумена молитвенности*, нежели у этого бедного

* Божественная комедия (итал.).

человека. И вообще, мы не слышим молитв и любящих излияний сердца именно Христа к Отцу Своему, что так естественно бы от Сына, что так ожидалось бы от Сына. Люди молятся, но Христос не молится. Молится где-то фарисей, в отодвинутости, в отстранении, в какой-то *гадливой тени*, и как это параллельно и как бы «поддерживает» уже предрешенное разрушение Храма, и Иерусалима, и всего племени Израильского. «*Так они молились, и чего же ждать от этого племени?*» Между тем *теперь* мы уже знаем Симона Праведного, бен-Иохая, равви Акибу. Они молились *вовсе не «так»*... Да что, Иона: даже «попав в чрево китово», он все-таки «встал на молитву» и «воззвал»: не был же и он фарисеем и не для фарисейства он молился. Иона невидимо и прекрасно защищает, и — **фарисея**. Евреи молились *вовсе не так*, как описано в Евангелии, и в Евангелии содержится клевета на молитвы евреев. Эти уторопленные жидки, и Симон Праведный, и Акиба, бегали, суетились, кричали, кричали на народ, но никогда «торжественно не становились в позу» и не произносили слов, воистину проклятых. Единственно, в чем они «прегрешили против Евангелия», — это что так любили и Храм, и город, и народ...

Какое-то странное уташение молитвенности... Сколько путешествуют в «Деяниях» и — нет чтобы помолился кто, отправляясь в путь; и нет чтобы помолился кто, вернувшись благополучно с дороги. А столько — хлопот. Нельзя не заметить насмешливо: «Ты слишком хлопочешь, Марфа, — присядь к ногам Отца Небесного»... Но именно Отец Небесный загадочно уже на ум никому не приходит: только — **Сын**, везде — **Сын**, заменяющий Отца... Между тем что же такое *молитва*, как не исчерпывающее отношение дитяти-человека к Богу! И вот именно она-то таинственно исчезает. Только рассуждают. И приходит на ум, что арфу Давида, лиру Аполлона и свирель Марсия, — *мы окидывает весь древний мир*, — отныне заменят богословствующие споры. И что, пожалуй, тайный-то ноумен Евангелия и всего «дела евангельского» и лежал в перемене — музыки молитвы на «*cogito ergo sum*» * богословия.

PERTURBATIO AETERNA **

— «Аз же глаголю вам: **первые да будут последними, а последние станут первыми**».

И спросили Его ученики: «Но, Господи: до какого *предела* и в каких *сроках?*»

И паки рек:

«— Первые да будут последними и последние первыми».

«— Но, учитель благой: если так, то какое-же царство устоит, и какая земля останется тверда, если все станет класться верхом вниз, а снизу — наверх?»

* Мыслью, следовательно существую (*лат.*).

** Вечное смятение (*лат.*).

И рек снова: — «Первые да будут последними, а последние станут первыми».

Ученики же глаголаша:

«— Но если это не медь бряцающая и не кимвал звенящий: то как вырасти овощу, если будет не гряда с лежащею землею, а только мелькание заступа, переворачивающего землю со стороны на сторону?»

И паки еще рек: «Аз же истинно, истинно глаголю вам: первые станут последними, а последние первыми».

И убоялись ученики Его. И отойдя — совещались. И качали головами. И безмолвствовали.

Но зашумела история: заговоры, бури, перевороты. Смятения народных волн. И все усиливаются подняться к первенству. И никто долго не может его удержать, а идет ко дну.

Воистину: «Пошли серп твой на землю: и пусть пожнет растущее на ней» (Апокал.).

«И был плач и скрежет зубовный. И земля была пожата».

«Он (Раскольников) пролежал в больнице весь конец поста и Святую. Уже выздоравливая, он припомнил свои сны, когда еще лежал в жару и бреде. Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и неведомой моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих избранных. Появились какие-то новые трихины, существа микроскопические, вселяющиеся в тела людей. Но эти существа были духи, одаренные умом и волей. Люди, принявшие их в себя, становились тотчас же сумасшедшими и бесноватыми. Но никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали зараженные. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих научных выводов, своих нравственных убеждений и верований. Целые селения, целые города и народы заражались и сумасшествовали. Все были в тревоге и не понимали друг друга,— всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром. Не знали, кого обвинять, кого оправдывать. Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя, ряды расстраивались, воины бросались друг на друга, кололись и резались, кусали и ели друг друга. В городах целый день били в набат: созывали всех; но кто и для чего зовет, никто не знал того, а все были в тревоге. Оставили самые обыкновенные ремесла, потому что

всякий предлагал свои мысли, свои поправки, и не могли согласиться. Остановилось земледелие. Кое-где люди сбегались в кучи, соглашались вместе на что-нибудь, клялись не расстраиваться,— но тотчас же начинали что-нибудь совершенно другое, чем сейчас же сами предполагали, начинали обвинять друг друга, дрались и резались. Начались пожары, начался голод. Все и всё погибало. Язва росла и подвигалась дальше и дальше. Спастись во всем мире могли только несколько человек,—это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю» («Преступление и наказание», издание 1884 года, страницы 500—501).

.....
.....
«И вышедши, Иисус шел от Храма. И приступили ученики Его, чтобы показать Ему здания Храма».

Иисус же сказал им: «*Видите ли все это? Истинно, истинно говорю вам: не останется здесь камня на камне. Все будет разрушено*» (Евангелие от Матфея, глава 24, 1—2).

.....
.....
И спросил Его Иоанн: «*Господи, кто предаст Тебя?*» Иисус же ответил: — «*Кому Я, обмакнув в соль, подам кусок хлеба — тот предаст Меня*». И, обмакнув, подал Иуде. И тотчас вошел Сатана в душу Иуде. И он, встав, пошел и предал Его».

.....
.....
«Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда...»

.....
.....
«*Не спешите колебаться умом, и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания как бы нами посланного, будто бы наступает уже день Христов.*

Да не обольстит вас никто никак: ибо день тот не придет, доколе не придет прежде отступление, и не откроется человек греха, сын погибели:

Противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом, или святынею, так что в Храме Божием сядет Он, как Бог, выдавая Себя за Бога.

И ныне вы знаете, что не допускает открыться Ему в свое время.

Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь.

И тогда откроется беззаконник — тот, Которого приход по действию сатаны будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными.

И со всяким неправедным обольщением погибающих» (Второе послание Апостола Павла к Фессалоникийцам. Глава 2, 2—10).

«Я испытал тех, которые называют себя Апостолами, а они не таковы, и нашел, что они — лжецы.

И они говорят о себе, что они — иудеи, но они не таковы, а — **сборище сатанинское**» (Апокалипсис, глава 2, 2—3).

НАДАВИЛО ШКАФОМ

Нельзя иначе, как отодвинув шкаф, спасти или, вернее, избавить от непомерной вечной муки целую народность, 5—8—10 миллионов людей, сколько — не знаем: но ведь даже *и одного человека задавить — страшно*. И вот он хочет дышать и не может дышать. «Больно», «больно», «больно». Но между тем кто же отодвинет этот шкаф? Нет маленькой коротенькой строчки «из истории христианства», которая не увеличивала бы тяжести давления.

Кто может отодвинуть блаженного Августина? Такой могучий, исключительный ум. Кто может отодвинуть Иоанна Златоуста? Одно имя показывает, каков он был в слове. И Апостола Павла? И уж особенно — Самого?

Между тем уже один тот факт, что «живой находится под шкафом», соделывает какое-то содрогание в груди. «Как живой под шкафом?» «Как он попал туда?» Но — «попал». Притом — кто? Любимейшее дитя Божие, которое от начала мира, от создания мира, было любимейшим. И никогда Бог от него не отвращался, и он Бога никогда не забывал.

«Человек под шкафом». — «Человек в море». И корабль останавливается, чтобы вытащить из моря. Бросают сети, канаты, плавательные круги. «Вытащен». «Спасен». И все радуются. «Человек спасен». И не сетуют, что «корабль задержался», что «долго ждали». Лишь бы «спасен был».

Посему «ход христианского корабля» уже потому представляется странным, что «человек в море», и никто не оглянется, все его забыли. *Забыли о человеке. О, о, о...*

Но «начать отодвигать шкаф» и значит — «начинать опять все дело сначала». «Не приняли Христа, а он — Бог наш». Как можно *нам-то колебаться в принятии Христа?*

Надавила и задавила вся христианская история. Столько комментариев. Столько «примечаний». Разве можно сдвинуть такие библиотеки. На евреев давит Императорская Публичная Библиотека, British Museum. И в Испании — Университет в Саламанхе, в Италии — «Амвросианская библиотека» в Венеции. Господи, — все эти библиотечные шкафы надавили на грудь жидка из Шклова. А ведь знаете, как тяжелы книги.

Но человек не умирает и все стонет. Хоть бы умер. Цивилизации легче было бы дышать. А то невозможно дышать. Все стоны, стоны.

Странная стонущая цивилизация. Уже зло пришествия Христа выразилось в том, что получилась цивилизация со стоном. Ведь Он проповедовал «лето благоприятное». Вот в этом, по крайней мере, — Он ошибся: никакого «лета благоприятного» не получилось, а вышла цивилизация со стоном.

Какая же это «благая весть», если «человек в море» и «шкаф упал на человека»?

Нет: во всем христианстве, в христианской истории, — и вот как она сложена, вот как развивался ее спиритуализм, — лежит какое-то зло. И тут немощны и «цветочки» Франциска Ассизского, и Анатолий Франс, и Ренан.

«Человека задавило», и не хочу слушать «Подражание Фомы Кемпийского».

ТРИ ГОРОСКОПА

Есть ли связь планеты с обитающим ее человеком? И вообще — «о чем горит солнышко?»... «Что там в звездах?» Шепчут ли звезды? Или они только тупо и пусто, как пустые горшки, движутся, по Копернику?

Об этом говорили гороскопы. «Глупое знание древности», на которое при новой науке не обращается никакого внимания. Но «новая наука» даже за месяцы только не предрекала и теперешней войны. И, словом, «savoir pour prévoir *» Конта — именно в контизме его, именно в позитивизме, как-то плоско расшиблось...

Что же такое «гороскопы»? Что такое они? Демон? Бог? Но и христиане, по крайней мере на деревнях, «верят в судьбу». Т. е. верят в тайную власть звезд. И вот поразительно, что никто из историков не обратил внимания на три поразительные «гороскопа» и, значит, «веления звезд» — уже исполнившиеся, и — как мы эти три гороскопа уже знаем из истории, и как историки о них самым подробным образом рассказывают. Громко. Отчетливо. Во услышание целого мира.

Один гороскоп — Иисуса Христа.

Другой гороскоп — Апостола Петра.

Третий гороскоп — Константина Великого.

Один был распят.

Другой — распят же, но головою книзу.

Третий — Константин Великий — казнил сына, по подозрению в связи его с мачехой Фаустою. Этот сын был Крисп. А самую жену, очевидно любимую, он сжег в раскаленной бане.

Достоевский в одном месте замечает, что «планета не пощадила Создателя своего»... О, о, о... Что же зла — земля? Но он сам говорит

* знать, чтобы предвидеть (фр.).

о «земле белой», о земле «благой». Не он ли сказал и «Святая Русь»? Ведь это — тоже планета, часть планеты. Нет, уж если что, то сама планета — бела, хороша. И мы в нее должны поверить. Ну, так,— просто поверить. И вот эта нами «веримая» планета (по Достоевскому) сложила о *Нем* и о *них* такие ужасающие, в истории *беспримерные, леденящие душу* гороскопы...

О, стоны...

Стоны, стоны, стоны...

Но,— которые так совпадают со страхом евреев «переменить туфлю».

Но как содержится в этом ревуций подобно Мальштрему,— величайший океанический водоворот,— рев Апокалипсиса:

— Они называют себя «Апостолами», а на самом деле — исчадия Сатаны. И говорят: «Церкви», а на самом деле — это сборища бесовские...

О, о, о...

Ужасы, ужасы...

Ноумены планеты.

«И поколебались *основания земли*» (Евангелие о моменте распятия Христа)...

«И сошел — *в Преисподнюю*». ... Ужасы, ужасы...

Как разбита планета. И где же, земля, твои осколки?

Гороскопы, гороскопы, гороскопы. О, как ужасны их предсказания. Неужели это шепот звезд? Бегите, историки,— зажимайте уши.

«Блаженны уши, которые ничего из человеческой истории не слышали».

О СТРАСТЯХ МИРА

Здесьняя земная жизнь — уже таит корни неземной. Как и сказано:

Есть упоение в бою...

Это — Марс и Арей, *божества* Марса и Арея; они — как боги.

И бездны мрачной *на краю*,

И в *бушеваньи урагана*.

И в *дуновении чумы*...

Бессмертья, может быть, залог.

Какая мысль,— какая мысль, *инстинктом*,— скользнула у Пушкина! Именно — «залог бессмертия и *вечной жизни*». Это — «айд» и «элизий» древности: и как мы не поверим им и их *реальности*, раз у христианина — Пушкина, у стихотворца — Пушкина, ничего о древних в минуту написания стихотворения не думавшего, вдруг и неожиданно, вдруг и невольно, вдруг и неодолимо,— скользнула мысль к грекам, к римлянам, к тартару и мыслям Гезиода и Гомера...

Также мне ничего не приходило в голову при виде гусеницы, куколки и бабочки, которых я видал, с одной стороны,— одним существом; но, с другой стороны,— столь же выразительно, столь же ярко, и — *не одним*.

Тогда войдя к друзьям, бывшим у меня в гостях, Каптереву и Флоренскому, естественнику и священнику, я спросил их:

Господа, в гусенице, куколке и бабочке — которое же я их?

Т. е. «я» как бы одна буква, одно сияние, один луч.

«Я» и «точка» и «ничего».

Каптерев молчал. Флоренский же, подумав, сказал: «Конечно, бабочка есть энтелехия гусеницы и куколки».

«Энтелехия» есть термин Аристотеля, и — один из знаменитейших терминов им самим придуманный и филологически составленный. Один средневековый схоласт прозакладывал черту душу, только чтобы хотя в сновидении он объяснил ему, что в точности Аристотель разумел под «энтелехию». Но, между прочим и другим, у Аристотеля есть выражение, что «душа есть энтелехия тела». Тогда сразу определилось для меня — из ответа Флоренского (да и что иначе мог ответить Флоренский, как не — это именно?), что «бабочка» есть *на самом деле*, тайно и метафизически, душа гусеницы и куколки.

Так произошло это, космогонически — потрясающее, открытие. Мы, можно сказать, *втроем открыли* душу насекомых, раньше, чем открыли и доказали ее — у человека.

Сейчас — давай рассматривать, «что же она делает?»

«Собирает нектар», «копается в цветах». Это подозрительно и *осудительно*. Но, в самом деле: у бабочки — совершенно нет рта, нет — ничего для питья и для принятия твердой пищи. Каптерев сейчас же сказал, как натуралист: «у *них* (он не сказал — у *всех*) — нет кишечника (я читал где-то, что, кажется, — иногда, «не бывает кишечника»): значит это — что *нет и желудка?* Конечно! Что за странное... существо, бытие? «Не питающееся». Да долго ли они живут? Есть «мухи-поденки». Но, во всяком случае — они, и уже бесспорно *все*, — *совокупляются*. Значит, «мир будущего века», по преимуществу, определяется как «совокупление»: и тогда проливается свет на его неодолимость, на его — ненасытность и, «увы» или «не увы», — на его «священство», что оно — «тайнство» (тайнство — брака). Открытий — чем дальше, тем — больше. Но явно, что у насекомых, коров, везде, — в животном и растительном мире, а вовсе не у человека одного, — оно есть «тайнство, небесное и святое». И именно в центральной его точке — *в совокуплении*. Тогда понятна «застенчивость половых органов»: это — «жизнь будущего века», входим через это «в загробную жизнь», «в жизнь будущего века».

И, странно: тогда понятно *наслаждение*. «Эдем, блаженство». Но — и более: обратимся к «нектару цветов». Действительно, поразительно то особенно, что насекомые (не одни бабочки, но и жуки, «бронзовики», «Божии коровки») копаются в *громadных относительно себя* половых органах деревьев, и особенно — кустов, роз и проч. олеандров и т. п., орхидей. *Чем цветы представляются для бабочек?* Вот бы что надо понять и *что понять* — но *уменьшительно необходимо*. Не невозможно, что для каждого насекомого — «дерево и цветок», «сад и цветы» — представляются «раем»... Да *так* ведь и есть: «лето, тепло; и — Солнце», в лучи которого они влетают; а с цветов — «собирают нектар». Тогда нельзя не представить себе «соединение нектара и души», и что «душа — для нектара», а «нектар — для души». В-третьих — миф: «боги на Олимпе питаются нектаром и амброзией». Но и раньше мифа и параллельно ему: сколько света проливается в то, «почему же цветы пахнут», и отчего же у растений цветы такие огромные, что в них — «влезть целому насекомому». Совершенно явно: *величина* цветов — именно чтобы насекомому войти *всему*. Тогда понятно, что «растения слышат и думают» (сказки древности), да и вообще понятно, что они — «с душою»!! О, *какою* еще... Но вот что еще интереснее: что «сад», вообще всякий сад, «наш и земной», есть немножко и *не* «наш» и *не* «земной», а тоже — «будущего», «загробного века». Тогда понятно — «зима и лето», ибо *из зимы и через зиму*, пролежав зиму «в земле», зернышко «встает из гроба». В сущности, по закону — как и «куколка» бабочки.

Таким образом, «наши поля» суть «загробные поля», «загробные нивы». Тогда, конечно:

Когда волнуется желтеющая нива

.....
То в небесах я вижу Бога.

.....

Вообще понятно — особенное и волнующее чувство, испытываемое человеком в саду, испытываемое нами в поле, испытываемое нами в лесу, и — *рационалистически никак не объяснимое*. Понятно, почему «Антей, прикасаясь к матери-земле, опять восстанавливается в силах». В «древности» вообще тогда очень многое объясняется: как равно у Достоевского его знаменитая, потрясающая, стоящая всего «язычника-Гете» фраза: «Бог взял семена *из миров иных* и посеял на землю. И взросло все, что могло взрасти. Но *все на земле живет через таинственное касание мирам иным*». Тут — *все* язычество уже. Уже, напр., весь Египет, храмы коего — суть прямо рощи, колонны-деревья, непременно — деревья, с «капителями-цветами». Да и каждый-то наш «сад» есть «таинственный храм», и не только «посидеть в нем — поздороветь», но и «посидеть — помолиться». Да и понятны тогда «священные рощи древности»,

понятна — «тишь вечера в лесу», понятна вообще «природа как святая», а — не «одно богословие святое». Но вернемся еще к страстям и огню.

Таинственно через них и «оргии» действительно проглядывает «жизнь будущего века». Ведь посмотрите, как подозрительно и *осудительно* ласкаются мотыльки с цветами. Действительно — нельзя не осудить. Но... «жизнь будущего века», и... что поделаешь. Тогда понятно, откуда и почему возникли все «оргии древности»; и что «без оргий не было древних религий». Вспомнишь «нектар и амброзию» Олимпа; и как на рисунках, не смея словами, — я объяснил в «Восточных мотивах» египетские мистерии. Просматривая теперь в коллекции монет — монеты всевозможных стран с такими же точь-в-точь изображениями, — я уже смотрел на них с родством и немым пониманием: невысказанно и безмолвно, как я же в «Восточных мотивах», древние передали на них любимые свои «мистерии», о которых они о всех и всё знали, но никто ни единым словом не обмолвился, как «о жизни будущего века», о которой *в этой земной жизни навсегда должно быть сохранено молчание*.

Но... Так вот откуда — «наши страсти»!!?? Эти поистине «протуберанцы солнца» (факелы, извержения из тела солнца). Да уж и солнце не в «страстях» ли? Поистине, «и на солнце есть — пятна». Один Христос без-пятнист. А наше солнышко — с «грешком», горит и греет, горит и греет; горит — и вот «по весне», когда его — «больше», когда оно не только греет, но и начинает — горячить: тогда животные все забеременевают. Сила солнца, «грешок» солнца — переходит в животных. Все — тучнеет, животы у всего — разрастаются. Сама земля — просит зерна... И вот — Деметра, вот — Гея, и опять — «Волнующая нива», которая «вздывает грудь к молитве». Что же: сказать христианству, что это — «неправда»? И что в одних духовных академиях — богословие? Но гораздо более богословия в поднимающемся быке на корову... И вообще:

Весна идет, весна идет,
Везде идет зеленый гул

это — язычество, которое *истинно*: это —
Апис и Серапеум.

Каптерев задумался и сказал: «Открыто наблюдениями, что в гусенице, *обвившейся коконом, и которая кажется — умершею, начинается после этого действительно перестраивание тканей тела*. Так что она не мнимо умирает, но — действительно умирает... Только на месте умершей гусеницы начинает становиться что-то другое; но — именно этой определенной гусеницы, как бы гусеницы-лица, как бы с фамилией и именем: ибо из всякой гусеницы, *сюда положенной, выйдет — вон та бабочка*. А если вы гусеницу эту проткнете, напр., булавкою, тогда и бабочки из нее не выйдет, ничего не выйдет, и гроб останется гробом,

а тело — не воскреснет». Тогда-то, тогда мне стало понятно, почему феллахи (потомки древних египтян, явно сохранившие всю их веру) плакали и стреляли из ружей в европейцев, когда те перевозили мумии, извлеченные из пирамид и из царских могил. Они, эти нигилисты, заживо умершие и протухшие, не понимая ни жизни, ни смерти, «нарушили целостность тела их (феллахов) предков» и тем лишили их «воскресения». Они, о чем предупредил Каптерев, как бы «разломали мумии пополам», или, все равно — пронзили иголкой «куколку», после чего она приобщается *смерти без бытия*. Тогда мысль, что «бабочка есть душа гусеницы», «энтелехия гусеницы» (Флоренский) — еще более утвердилась у меня: а главное — мне разъяснилось и *доказалось*, что египтяне в мышлении и открытиях «загробного существования» шли тем же путем, как я, т. е. «через бабочку» и ее «фазы». Что это и для них был путь открытий и «откровений», да ведь и вообще это — *истинно*. Тогда для меня ясны стали саркофаги — мумии. Кто видал их в нижнем этаже Эрмитажа, тот не мог не поразиться раньше всего — *величиною*. Зачем — такой *большой*, огромный саркофаг — для мумии умершего, вовсе не большой? Но ведь это — «кокон» куколки-человека; и строился саркофаг непременно и именно по образцу кокона. Вот такой же продолговато-гладкий, как решительно всякий кокон, какой, безусловно, строит себе всякая гусеница — и египтянин себе изговлял, «окукливаясь». И тело клалось — в пелены, «завертывалось», как гусеница, напр., шелковичного червя, прямо «выпуская из себя» шелковые нити, прямо делает себе «шелковую рубашечку».

Поверх этого жесткая, коричневая скорлупа. Это — саркофаг, всегда коричневатого однообразного тона. Кажется, он гипсовый, и тогда он и по материалу естества сходен с оболочкою куколки, ибо что-то вроде извести, как выпота, дает и тело гусеницы. Вообще, ритуал погребения у египтян вышел из подражания именно фазам окукливающейся гусеницы. А главное — отсюда скарабей-жук-насекомое, как «символ перехода в будущую, загробную жизнь». Это знаменитейшее из божеств Египта, можно сказать, — самое великое их божество. Почему — насекомое? Но — *тот же путь*, как и у меня, рассуждения. Главное, самое главное, что египтяне открыли, — это «насекомообразную будущую жизнь». И увековечили, что — именно *отсюда они ее открыли* — насекомыми, скарабеем. Это — благороднейшая память, т. е. воспоминание и благодарящая память за свою родную историю, и чем, главным образом, был полон смысл их истории. Отсюда уже множество объяснений, напр., почему во время «пиршеств» и особенно во время «домашних пирушек» — любили они «проносить мумии». Это — не печаль, не страх, не угроза. Не «окаянная угроза христиан смертью», — могущая прекратить всякую радость. Напротив, напротив: это — радость обещания вечной жизни и *радости этой жизни, ее воздушности, ее прелести*. «Мы теперь радуемся еще не совершенно», «мы — в пире, но еще не полном». «Лишь когда все кончится — мы войдем в полную любовь,

в совершенный пир, с яствами, с питиями. Но вино наше будет неистоцимо, и пития наши — сладостнее всех здешних, потому что это будет чистая любовь, и материальная же, вещественная, но уже как бы из одних лучей солнца, из света и пахучести и эссенции загробных цветов. Потому что уж если где цветы, то — за гробом».

Небесные розы! небесные розы!! — и египтяне вносили мумию.

№ 10

СОЛНЦЕ

Попробуйте распять солнце,
И вы увидите — который Бог.

КОРЕНЬ ВЕЩЕЙ

Мы поклонились религии несчастья.
Дивно ли, что мы так несчастны.

ДРЕВНОСТЬ И ХРИСТИАНСТВО

Ярко солнышко встало.
Ярче кровь забежала.
Жилушки напряглись.
— Хочется работать!

(язычество).

Пасмурно небо...

Сон клонит к земле...

Выспаться бы?

Не выспаться ли?

Все можно. Но можно как-нибудь и «обойтись». Тут запасено «покаяние». И в расчете на него можно и «погодить»

(христианство).

ДОМОСТРОЙ

«Вот когда я умру, он закроет мне глаза», мне «и — матери своей», — говорит отец при рождении первого сына — мальчика. Это и есть «Домострой», великая идея которого, замечательно, ни разу не пробудилась в русской литературе XIX, да и XVIII века, но которая была в Москве, и дал эту идею поп Сильвестр, друг Грозного, — друг и наставник.

Великий, прекрасный наставник.

Одна идея «Домостроя», Домо-стро́я, есть уже великая, священная. Самое слово как прекрасно по изобретательности, по тому,

как «составилось в уме», и, составившись, выговорилось филологически.

Несомненно, самый великий «Домострой» дан Моисеем в «Исходе», во «Второзаконии» и т. д. и продолжен в Талмуде, и затем фактически выражен и переведен в жизнь в кагале. Талмуд (конечно, в Вавилонской его редакции — «Бавли») и кагал — две вещи, совершенно не понятые в Европе и европейцами. Кагал есть великолепная «city», «la cité», «коммуна», где люди живут рядышком, в теплоте и тесноте, помогая друг другу, друг о друге заботясь «как один человек», и поистине — одна святыня. Это — та естественная и необходимая социализация, которую потеряв, человечество вернулось к искусственному, дрянному, враждебному и враждующему со всеми «социализму». Социализм есть продукт исчезновения Домо-строя и кагала. Невозможно человеку жить «одному», он погибнет; или он может погибнуть; или испытать страх погибнуть. Естественное качество кагала — не давать отделяться от себя, вражда к тому, кто отделился (судьба Спинозы в Амстердаме и «херема» над ним)... Херем и был совершенно справедлив, потому что «община» важнее личности, пусть даже эта личность будет Сократ или Спиноза. Тем более что общине совершенно неизвестно, отделяется ли *сейчас* от нее Сократ или Спиноза, или — обычный нелюдим, хулиган.

Община — это слишком важно. Если — хулиган, ну даже талантливый или гениальный хулиган, разрушит ее, — то ведь «все погибнут». А «все» — это слишком много. «Если ты жалеешь *одного*, как же ты не задумаешься надо всеми?»

И евреи, впавшие в такое ужасное одиночество после Христа, с враждебностью всего мира против них, зажили «кагалом». «Единственное спасение для нас».

Но и вообще и в частности, без отношения к Христу и без отношения к евреям, — «кагал» есть естественно-социальная форма жизни всех людей. Несомненно, что «кагалами», т. е. «уличками», «общинами», жили финикияне и карфагеняне. Даже у римлян что такое их «трибы» и «курии»? Кагалы. И — в Аттике, и даже в Спарте. «Кагал» есть яйцо курицы или, еще вернее, — это есть курица с выводком. Это есть «тривиум» и «квадривиум» средневековой жизни. «Римская империя (всемирность) пала, будем жить тривиум и квадривиум». «Свой уличный суд», «свой околодок», «свой соседи». И — не дальше, не грешнее.

«Дальше» — империя, папство и грех.

В этом отношении или, вернее, в этом направлении «коммуны» 60-х годов у нас были совершенно правильны. «Будем жить *по-своему*», а «до прочих людей нам *дела нет*». Отлично.

Вот для таких-то крошечных общинок и нужны «домострои», сперва маленькие и узенькие, а потом и обширнее. Но я думаю — «обширнее», *не очень*. «Всемирность» решительно чепуха, всемирность — зло. Это

помесь властолюбия одних и рабства других. Зачем это? «Книга судей израилевых», с Руфью, с Иовом, свободная, нестесненная, мне казалась всегда высшим типом человеческого проживания. Она неизмеримо выше и *счастливее* царств. А «счастье» есть поистине «кое-что» для человечества. От вздоха по счастью человек никогда не откажется. Бедный человек. Полюбим именно бедного человека. Бог воистину возлюбил бедного человека. Не нужно богатства. Это — лишнее.

Итак, «бедный человек» возлюбил свое «гетто», в нем греется, им защищается, и, ей-ей, это выше Сократа и Спинозы. *Потому что это священнее Сократа и Спинозы.* Тут Бог уютится. В гнездышке. Потому что гнездышко — оно такое священо, которого ищет и сам Бог. Не спорю: есть Бог Универзуса. Но мне как-то более нравится «Бог гнездышка».

И вот я думаю — евреи во всем правы. Они правы против Европы, цивилизации и цивилизаций. Европейская цивилизация слишком раздвинулась по периферии, исполнилась пустотами внутри, стала воистину «опустошенной» и от этого погибает. Кому она нужна? Кого греет? Самые молитвы ее пусты, эти «протестантские молитвы», эти «католические молитвы». Эти «православные молитвы». Слишком обширно. А где обширно, там и холодно. «Где же нагреть такой храм?» В храме св. Петра — только мерзнуть. Как лучше его маленькие церковки в Ярославле и вообще по Поволжью.

Живите, евреи. Я благословляю вас во всем, как было время отступничества (пора Бейлиса несчастная), когда проклинал во всем. На самом же деле в вас, конечно, «цимес» всемирной истории: т. е. есть такое «зернышко» мира, которое — «мы сохранили одни». *Им живите.* И я верю, «о них благословятся все народы». — Я нисколько не верю во вражду евреев ко всем народам. В темноте, в ночи, не знаем — я часто наблюдал удивительную, рачительную любовь евреев к русскому человеку и к русской земле.

Да будет благословен еврей.

Да будет благословен и русский.

ХРИСТОС МЕЖДУ ДВУХ РАЗБОЙНИКОВ

Не поймет и не оценит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В простоте твоей смиренной.
.....

Удрученный ношей крестной
Всю тебя, земля родная,
В *рабском виде* Царь Небесный
Исходил благословляя.

Хороши стихи. И счастливо было пропеть их. Но каково-то в самом деле, в самой вещи и реальности было «проходить», и вѣка проходить и пронести в таком виде и положении «рабском» русскому народу, целым губерниям

Ой, ой, ой

«— Горяченького кофейку! Ах бы горяченького кофейку, барин Федор Иванович».

И Некрасов будто аукнулся столь же знаменитым, но уже воистину разбойничьим стихом:

«— Холодно, странничек, холодно».

«— Голодно, странничек, голодно...»

Так и видишь двух побродяг. Ужасных, лукавых, хищных. Это уже вся наша революция с ее «реквизициями» банков или из банков, с «красной гвардией» из разных оборванцев, «получающих» (т. е. «назначивших себе») в жалованье 25 руб. суточных, «потому, брат —

Холодно, странничек, холодно...
Голодно, странничек, голодно...»

И не каждую неделю, месяц и год придется «сыграть такую революцию» или «сорвать такую революцию».

Великое умиление...
Великий разбой...

Т. е. в стихах двух поэтов. Оба как «хлестнули крест-накрест» поперек. И плети вонзились... в тело всего человечества. Там — правда, здесь — правда. Все — ужасная реальность, — о, какая реальность...

И висеть, висеть Христу, неизбежно висеть между этими двумя разбойниками, именно — этими, никакими — еще:

«— Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствие Твое».

— Другой же хулил Его, говоря: «Избавь Себя и нас».

И человечество... но где же быть цивилизации в двух этих воплях, между этим умилением и этим разбоем: где тут зерно для развития, для жизни? Зерна — нет, а две судороги.

А ведь цивилизация — это *рост*... Видите ли вы синие волны Средиземного моря, и Адриатику, Рим и Египет.

Полно.

Солнце.

Счастье.

О, не надо христианства. Не надо, не надо... Ужасы, ужасы.

Господи Иисусе. Зачем Ты пришел смутить землю? Смутить и отчаять?

КАК ПАДАЛА И УПАЛА РОССИЯ

Нобель — угрюмый, тяжелый швед, и который выговаривает в течение трех часов не более трех слов (видел в заседании Совета товарищества «Новое Время»), скупал и скупил в России все нефтеносные земли. Открылись на Ухте (Урал) такие же — он и их купил и закрыл. «Чтобы не было конкуренции наследникам».

Русские всё зевали. Русские всё клевали.

Были у них Станиславский и Владимир Немирович-Данченко. И проснулись они. И основали Художественный театр. Да такой, что когда приехали на гастроли в Берлин, — то засыпали его венками. В фойе его я видел эти венки. Нет счета. Вся красота.

И записали о Художественном театре. Писали столько, что в редкой газете не было. И такая, где «не было» — она считалась уже невежественною.

О Нобеле никто не писал.

Станиславский был так красив, что и я загляделся. Он был естественный король во всяком царстве, и всех королевских тронов на него не хватило бы. Немирович же был так умен, что мог у лучшего короля служить в министрах (обоих видел у барона Н. В. Дризена).

СОВЕТ ЮНОШЕСТВУ

Кто есть кормилец твой, — кто прокормляет тебя, питает, — и после Бога и родителей есть «все для тебя» — тому не лукаво отдай всю душу свою. Думай о пользе его, — не о *своей* пользе, а — *его, его, его...* ежечасно, ежедневно, ежегодно, всегодно. Сложи в душе своей, что и после смерти его ты должен не забывать его, а молиться о душе его и вечном спасении. И никогда, ни одним словом... нет, я говорю глупости: *ни одною мыслью в собственной душе*, не осуди его даже и самые *его недостатки*, так как нет человека без недостатков. Но именно — *ему, ему*, который питает тебя, ты должен все простить, во всем *в душе своей* постараться оправдать его, забыть, обелить. Ни в чем не умалить — именно *в душе, в душе, в совести*.

Помни: Небо как и земля. И открытое Небу — открывается «в шепотах» и земле. В шепотах, сновидениях и предчувствиях. Поэтому никогда, никогда, никогда не лги, в совести-то, в *главном* — не лги.

Не будь хулиганом, — о, не будь хулиганом, миленький.

И вот этот *совет мой тебе* — есть первый социологический совет, какой ты читаешь в книжках. Первый совет «о социальной связности». Тебе раньше все предлагали на разбой и плутовство. «Обмани кормильца», «возненавидь кормильца». И советовали тебе плуты и дураки: которые отлично «устраивались около общества», т. е. тоже *около кормильца своего* (читатели). А тебе, несчастному читателю, глупому российскому читателю, — подсовывали нож. И ты — нищаль, они — богатели (плутяга Некрасов и его знаменитая «Песня Еремушке»).

* * *

Ни от кого нищеты духовной и карманно-русского юношества не пошло столько, как от Некрасова. Это — дисоциальные писатели, антисоциальные. «Все — себе, читателю — ничего». Но ты, читатель, будь крепок духом. Стой на своих ногах, а не

Что ему книжка последняя скажет,
То на душе его *сверху* и ляжет (Некр.).

И помни: жизнь есть *дом*. А дом должен быть тепел, удобен и кругл. Работай над «круглым домом», и Бог тебя не оставит на небесах. Он не забудет птички, которая вьет
гнездо.

Комментарии и указатель имен

МИМОЛЕТНОЕ. 1915 год

В книгах В. В. Розанова «Уединенное», «Опавшие листья» (два короба), «Сахарна» критика усматривала исповедальный стиль и в жанровом отношении сравнивала их с исповедями Августина и Руссо, с мыслями Паскаля, афоризмами Фр. Ницше, с наблюдениями в области пола З. Фрейда. При этом не замечалось то новое, что определяет эти книги, и добавляемое к ним ныне «Мимолетное». Писатель говорил: «Я прежде всего не исповедуюсь».

Смысл своих записей Розанов видит в попытке сказать то, что до него никто не говорил, ибо не считал стоящим внимания. «Я ввел в литературу самое мелочное, мимолетное, невидимые движения души, паутинки быта,— писал он и пояснял:— У меня есть какой-то фетишизм мелочей. «Мелочи» суть мои «боги». И я вечно с ними играюсь в день. А когда их нет: пустыня. И я ее боюсь». Смысл жизни был для него не в «Вечном», а в «Мимолетном».

В публикуемой впервые в полном виде книге «Мимолетное. 1915 год» Розанов развил свой жанр художественно-философской мысли, оказавший воздействие на русскую литературу XX столетия. Он как бы пошел дальше «Опавших листьев» и написал «неопубликованную книгу». И дело вовсе не в том, что революция помешала изданию «Мимолетного». Как мы знаем, когда Розанов хотел, он даже в тяжелейших условиях 1918 г. мог печатать свой «Апокалипсис нашего времени». Рукопись «Мимолетного» была готова в конце 1915 г., когда вышел второй короб «Опавших листьев». Казалось, ничто не мешало напечатать ее в 1916 г. Но Розанов не стал этого делать. И не стал именно потому, что то был жанр «неопубликованной книги», которая не могла и не должна была появиться в свет тогда. В книге сошлись острейшие антиномии творческой мысли писателя. Он не переставал размышлять над судьбами России и русского народа, не стремясь при этом прийти к какому-либо заранее данному выводу. Сфера интимной жизни всегда была для него главенствующей. Оттуда, из семейно-личностного бытия своего взирал он на национальный вопрос, на революцию, на противоборство различных, но не приемлемых для него по самой своей политической сущности партий. Его взгляды на социальное и национальное движение, которые сам он называл консервативными, резко критиковались в радикальной и либеральной печати, он даже объявлялся одним «из самых ярких представителей темных и злых общественных сил» (Д. В. Философов).

Печататься, говорил Розанов,— это «издавать свою душу». «Как страшно: душу, живую, горячую,— прилагаю к холодному типографскому станку. Холодно душе. А станку «ничего». Зачем я это делаю и даже как это вообще возможно? Я думаю одолеть литературу (моя мечта)» (запись 29 июля 1915 г.).

Неопубликованное «Мимолетное» стало тайным завещанием художника, обращенным в будущее, к судьбам России.

Печатается впервые по рукописи (ОР ГБЛ, ф. 249, картон 5, ед. хр. 12—20). Записи расположены хронологически, а последовательность записей одного числа обозначена Розановым значками (палочками) при дате. Однако иногда эти значки повторяются или отсутствуют.

Название книги обозначено на конвертах, куда ежемесячно сложены записи на отдельных листочках. На первом конверте, в котором вложены записи за январь — март 1915 г., рукою Розанова написано: «Когда книга будет издаваться, ее конечно нужно назвать «Опавшие листья», 1915 и сделать подзаголовок» («Мимолетное»). В дальнейшем он называл это произведение «Мимолетное».

Отрывки из рукописи «Мимолетное. 1915 год» впервые печатались в журналах: Диалог. М., 1991. № 3; Начала. М., 1992. № 3; Новый журнал. Нью-Йорк, 1968. № 92; 1993. № 190—193.

Принятые Розановым сокращения: Оп.л. (к.2) — «Опавшие листья» (короб 2); Уед.— «Уединенное»; Элевз. т.— Элевзинские таинства.

С. 7. *Погодин записал в своем «Дневнике»...*—имеется в виду запись в «Дневнике» М. П. Погодина 25 марта 1823 г.: «О Фон-Визине. «Недоросль» должен быть помещен оригиналом в нашу Историю» (*Барсуков Н.П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Спб., 1888. Т.1. С.211*).

С. 8. *Служи бы я дальше в Конторе...*— с 1893 по 1899 г. Розанов служил в Петербурге в Государственном контроле, а затем по приглашению А. С. Суворина перешел работать в его газету «Новое время». В Италию Розанов ездил в 1901 г. вместе с женой.

Habeas Corpus — один из основных конституционных актов в Великобритании (1679), гарантировавший процессуальные права граждан.

Шерлок Холмс — в эти годы Розанов любил читать детективные рассказы о похождениях Шерлока Холмса и Ната Пинкертона (серия «Нат Пинкертон — король сыщиков»). Названия этих анонимных книжечек, выпускавшихся массовыми тиражами, Розанов обычно указывает в скобках.

С. 10. *Б-ной* — Бутягиной Александре Михайловне, падчерице писателя.

С. 13. «*Цель человеческой жизни*» — статья Розанова в «Вопросах философии и психологии». 1892. № 14—15.

«*О трех принципах человеческой деятельности*» — статья Розанова в «Русском обозрении». 1893. № 3. С. 106—121 (вошла в его книгу «Сумерки просвещения». 1899).

С. 14. *Мыслю, следовательно существую.*— Выражение из книги французского философа Р. Декарта «Начала философии» (1644). I, 47.

С. 15. «*Веленевый Айхенвальд...*»— Розанов хочет сказать, что книги литературного критика Юлия Исаевича Айхенвальда (1872—1928) печатались на веленевой, т.е. высокосортной гладкой и плотной, бумаге.

... что ему Гекуба? — Шекспир У. Гамлет, II, 2. Слова Гамлета об актере, с чувством читавшем о страданиях жены троянского царя Приама Гекубы.

Вещь в себе и для себя.— Выражение из книги И. Канта «Критика чистого разума» (1781).

С. 16. *1 марта* — т.е. убийство Александра II 1 марта 1881 г.

С. 18. «*Биржевые ведомости*» — газета, основанная Станиславом Максимиллиановичем Проппером. Выходила в Петербурге в 1880—1917 гг., с 1905 г.— орган кадетов.

«*Речь*» — ежедневная газета, центральный орган партии кадетов, выходила в Петербурге в 1906—1917 гг. Одним из редакторов ее был адвокат Иосиф Владимирович Гессен (1866—1943).

«*Современное слово*» — газета, выходившая в Петербурге в 1907—1918 гг. В 1915 г. ее редактировали М. И. Ганфман и В. А. Поляков.

«*День*» — ежедневная газета, основана в 1912 г. И. Д. Сытиным, с 1913 г. издавалась журналистом Ионой Рафаиловичем Кугелем.

«*Петербургский курьер*» — ежедневная петербургская газета в 1914—1915 гг., издавалась Товариществом периодических изданий в лице А. Ф. Нотович (она).

С. 20. *Надя* — младшая дочь писателя.

С. 21. *Домна Васильевна* — Алешинцева, гувернантка в доме Розановых в 1910—1917 гг.

...*скука, холод и гранит* — А. С. Пушкин. Город пышный, город бедный... (1828).

С. 22. «*Без ядер в сонм Господен не входит...*» — возможно, Розанов имеет в виду строки из «Книги Иезекииля» (44,9): «Так говорит Господь Бог: никакой сын чужой, необрезанный сердцем и необрезанный плотью, не должен входить во святилище Мое».

«*Копейка*» («Газета-копейка») — ежедневная бульварная газета, выходившая в Петербурге в 1908—1918 гг.

«*Новое время*» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге с 1868 по 1917 г. С 1876 г. ее издавал А. С. Суворин.

«*Земщина*» — ежедневная газета в Петербурге с 1909 по 1917 г., орган правых депутатов Государственной думы.

«*Русское знамя*» — ежедневная газета, выходила в Петербурге в 1905—1917 гг., орган Союза русского народа.

Вера — дочь писателя.

С. 25. ...*перед образом в Калабинской церкви* — речь идет о тайном венчании Розанова с Варварой Дмитриевной Бутягиной 5 июня 1891 г. в Ельце в Калабинской церкви, где находилась привезенная с Афона икона Богоматери «Скоропослушницы».

Здесь нахожусь и здесь останусь. — Слова президента Франции Мак-Магона, сказанные 8 сентября 1855 г. в ответ на требование вождя республиканцев Л. Гамбетты подчиниться республиканскому большинству палаты депутатов или уйти в отставку.

...*сражался 20 лет.* — Речь идет о В. Д. Бутягиной, брак Розанова с которой считался церковью незаконным. В «Опавших листьях» Розанов писал о ней: «Мамочка никогда не умела отличить клубов пара от дыма» (Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 245).

И Варнавин... И Ветлуга — Розанов родился в Ветлуге Костромской губернии, его отец в 1860—1861 гг. заведовал близлежащим Варнавинским лесничеством.

С. 26. *Таня* — старшая дочь писателя.

С. 27. ...*у хладных финских вод* — перефразировка из стихотворения А. С. Пушкина «Клеветникам России» (1831).

С. 28. «*Пыль*» — роман Андрея Соболя (1888—1926), печатавшийся в «Русской мысли» с января 1915 г.

Величина, которой можно пренебречь — выражение французского философа и математика Б. Паскаля.

Государство — это я. — Слова, сказанные юным королем Людовиком XIV 13 апреля 1655 г. перед верховным судом Парижа.

...*в Брянске* — Розанов преподавал в прогимназии в Брянске с 1882 по 1887 г.

«*великая Вера*» — имеется в виду революционерка Вера Николаевна Фигнер (1852—1942).

С. 29. *...ругань на Суворина в «Северных записках»* — вероятно, имеется в виду, в частности, рецензия С. Чацкиной на пятый том «Писем» А. П. Чехова (Северные записки. 1915. № 2. С. 226—228).

Грязной выбежал собакой — имеется в виду стихотворение Г. Гейне «Принцесса Шабаш» (1851).

С. 31. *Наль и Дамаянти* — герои эпоса народов Индии.

С. 32. *Евгения Ивановна* — Апостолопуло (ум. 1915). В 1913 г. Розанов с семьей гостил летом в ее имении Сахарна в Бессарабии.

С. 34. *Иамнийское собрание* — Синедрион, верховный суд Иудеи, местопребыванием которого с 73 по 117 г. служил портовый город Иамния (ныне Иевна).

...да воскреснет Бог и расточатся врази его... — Псалтирь, 67,2.

Но в разговор веселый не вступая... — М. Ю. Лермонтов. Сон (1841).

С. 35. *Влад. Соловьев в «Оправдании добра»...* — Розанов находил забавным название сочинения В. С. Соловьева «Оправдание добра» (1897—1899) и писал о поисках «добра» в этой книге: «Точно это был «зверь», которого никак не мог изловить философ; бродил за ним, как за бизоном в прериях или за чернобурой лисицей в тайге; «не дается в руки»... Явно, не было нюха, осязания; никакого не было вкуса к добру, которое открывается так просто, как запах розы, и близко, как поцелуй возлюбленной» (Розанов В. К 20-летию кончины К. Н. Леонтьева // Новое время. 1911. 12 ноября).

С. 38. *Эгерия* — в римской мифологии пророчица — нимфа ручья, из которого весталки черпали воду для храма Весты.

С. 39. *Христос... предрек разрушение Иерусалима* — Евангелие от Матфея, 24; от Марка, 13; от Луки, 21.

С. 40. *Повытчик Кувшинное Рыло* — имеется в виду персонаж в седьмой главе «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, которому Чичиков дает взятку. Повытчик — делопроизводитель в повытье, отделении в канцелярии.

С. 42. *Сочинения Ломоносова в издании 1803 г.* — имеется в виду Полное собрание сочинений М. В. Ломоносова в 6 частях (1784—1787), вышедшее в 1803—1804 гг. третьим изданием.

Б.— Богучарский В. Я.

...речь перед Верхарном в Москве. — В речи, произнесенной на французском языке на банкете, устроенном 25 ноября 1913 г. всероссийским Литературным обществом в честь прибывшего в Петербург бельгийского поэта Эмиля Верхарна, Д. С. Мережковский сказал: «Чтобы жить, мы, русские, должны надеяться. Вот почему Россия — страна великой бесконечной надежды. Наше прошлое печально; может быть, еще печальнее наше настоящее. Но у нас есть будущее» (Русское слово. 1913. 26 ноября). В декабре 1913 г. Верхарн выступил с лекциями в Москве.

С. 43. *...ехать на Керженец* — см. описание этой поездки: Гиппиус З. Светлое Озеро. Дневник // Новый путь. 1904. № 1—2.

С. 44. *...в доме Мурузи на Литейном.* — Мережковские жили на Литейном проспекте, дом 24, кв. 27.

С. 45. *Служив отлично, благородно...* — Пушкин А. С. Евгений Онегин, I, 3.

С. 46. *за корректурой писем студ. Алексева.* — Письма студента И. Алексева (обозначенные: И. А-ев) напечатаны в статье Розанова «Из жизни, исканий и наблюдений студенчества» (Вешние воды. 1915. № 7. С. 95—124).

С. 47. *Filioque* — и от Сына (лат.). Догмат католической церкви, признающей, в отличие от восточной церкви, исхождение Святого Духа не только от Бога-Отца, но и Сына.

«страна обильная и богатая, но порядку...» — эти слова из Летописи Нестора были взяты эпиграфом к «Истории государства Российского от Гостомысла до Тимашева» А.К.Толстого.

С. 48. *Николай Никандрович* — Глубоковский.

Павел Александрович — Флоренский.

Валентин Александрович — Тернавцев (1866—1940), один из учредителей Религиозно-философских собраний, писатель-богослов.

«История Александра I» — имеется в виду книга великого князя Николая Михайловича Романова (1859—1919) «Александр I. Опыт исторического исследования». СПб., 1912. Т. 1—2 (2-е изд.— 1914).

С. 49. *...медь звенящая и кимвал бряцающий* — Новый Завет. Первое послание к коринфянам, 13, 1.

Мордвинова Вера Александровна (1895—1966) — дочь генерала, курсистка, с которой переписывался Розанов. Он высоко ценил ее письма и хотел подготовить их к печати со своими примечаниями.

«Извините, я вас не могу любить». — Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1974. Т.10 С. 202.

С. 50. *Ал. Адр.* — Александра Андриановна Руднева (1826—1911), теща Розанова.

Поп А-бов — Альбов Ионна Федорович, участник Религиозно-философских собраний, с которым Розанов полемизировал по вопросам семьи и брака.

Петров Григорий Спиридонович (1868—1925) — священник, публицист, печатался в газете «Русское слово», неоднократно упоминается среди знакомых Розанова.

Вормский сейм — в 1521 г. на рейхстаге в г. Вормсе император Священной Римской империи Карл V огласил указ против главы немецкой Реформации М.Лютера, объявив его еретиком и поставив вне закона.

С. 51. *Друг — Горацио... Есть вещи...* — Шекспир У. Гамлет, I, 5.

С. 52. *Вера Фигнер... вспоминает о Лесгафте...* — педагог и врач П. Ф. Лесгафт (1837—1909) был в 1871 г. отрешен от профессуры в Казанском университете, о чем В.Фигнер вспоминает в статье «Две встречи (П.Ф.Лесгафт, 1871—1907)» (Русское богатство. 1910. № 12. Отд. 2. С. 80—91).

«процесс 143-х» — описка Розанова. Речь идет о «процессе 193-х» в 1877—1878 гг. над участниками «хождения в народ». 28 подсудимых приговорены к каторге, остальные оправданы.

С. 53. *...что надо его убить.* — Очевидно, имеется в виду восьмая глава рассказа Л. Н. Толстого «Метель» (1856), эпизод из которой Розанов пересказывает, как всегда, по памяти и неточно.

С. 54. *8 блистательных точек.* — Имеется в виду существовавшие в XIX веке восемь университетов в России: Московский (1755), Дерптский (1802), Казанский (1804), Харьковский (1805), Петербургский (1819), Киевский (1834), Новороссийский (Одесса, 1865) и Томский (1880). В 1909 г. был открыт Саратовский университет.

«Прошлое России удивительно...» — Эта цитата вписана в рукопись «Мимолетного» другими чернилами и взята, очевидно, из книги: *Овсянко-Куликовский Д.Н.* История русской интеллигенции. М., 1907. Ч. 2. С. 345.

С. 55. «Доктор Паскаль» (1893) — роман Э. Золя.

К новому влечет душа. — Начало «Метаморфоз» Овидия.

С. 56. *Острова блаженных* — в античной мифологии острова на западном конце света, куда после смерти переносятся души героев и благородных людей.

Лукомский Георгий Крескентьевич (1884—1928) — русский и украинский художник и искусствовед, был близок «Миру искусства». Розанов написал рецензию на книгу Лукомского «Старинные театры» (Новое время. 1914. 22 мая).

старец Гриша — т.е. Григорий Ефимович Распутин (Новых, 1872—1916).

С. 58. «*Патронов не жалеть*» — предписание, данное войскам командующим корпусом жандармов Дмитрием Федоровичем Треповым (1855—1906) 14 октября 1905 г. для подавления Всероссийской политической стачки.

С. 59. *Екатерининский канал* — место убийства Александра II 1 марта 1881 г.

С. 60. *Евгений Павлович* — Иванов (1879—1942), друг А.Блока, племянник А.П.Сусловой (первой жены Розанова), участник Религиозно-философских собраний.

С. 62. *По письмам Кости Кудрявцева...* — опубликованы во втором коробе «Опавших листьев» (1915).

С. 63. *Этот Гутенберг на что-нибудь пригодится.* — Имя изобретателя книгопечатания И.Гутенберга было для Розанова олицетворением «шаблона» и «холодности» литературы.

Стаська — Станислав Неловицкий, одноклассник Розанова по нижегородской гимназии.

С. 64. «*25 000 верст под водой*» — роман Жюль Верна «Восемьдесят тысяч верст под водой» был издан в Петербурге в 1870 г. в переводе М.Вовчок.

С. 65. *...нашу общую карточку.* — Воспроизведена в журнале «Советский музей». 1990. № 4. С. 22.

Штунда — сектантское течение, возникшее во второй половине XIX в. под влиянием протестантизма. Позднее слилось с баптизмом.

С. 67. *Василий* — сын писателя.

«друг-читатель» — выражение, популяризированное М.Е.Салтыковым-Щедриным («Мелочи жизни», 1887). Встречается также у Некрасова («Вам, мой труд ценившим и любившим...», 1877).

С. 68. «*к 47-му правилу Василия Великого*». — В «Нравственных правилах» теолога Василия Великого (ок.330—379) разводу посвящено правило 73 (Творения Василия Великого. Спб., 1911. С.67—68).

С. 69. «*нужно знать закон храма*» — Библия. Книга Иезекииля, 43, 11.

Нейт — древнеегипетская богиня войны и охоты, мать бога-крокодила Себека, а также всех крокодилов. Изображалась кормящей грудью двух маленьких крокодилов.

С. 72. *Лациум* — историческая область Италии.

С. 73. *Спящий в гробе мирно спи...* — В. А. Жуковский. Торжество победителя (1828).

Анастасия Петровна. — Героиню пушкинской поэмы «Граф Нулин» зовут Наталья Павловна.

С. 75. *Альманах Арцыбашева* — М.П.Арцыбашев возглавлял литературный альманах «Земля», издававшийся в Москве в 1908—1917 гг.

Мышонок, не выдавший света...— И.И.Дмитриев. Петух, Кот и Мышонок (1802).

С. 76. *М-ва* — Мордвинова В. А.

С. 77. *Димитрий Сергеевич* — Мережковский.

Зинаида Николаевна — Гиппиус.

Димитрий Владимирович — Философов (1872—1940), критик, публицист.

Владимир Галактионович — Короленко.

Горнфельдшика — Горнфельд Аркадий Георгиевич (1867—1941), критик, сотрудничавший в журнале «Русское богатство».

Соломонович — Изгоев (Ланде) Александр (Аарон) Соломонович (1872—1935), журналист.

«И вселися в ны и очисти ны от всякия скверны».— Новый Завет. Второе послание к коринфянам, 7,1.

великий Максим — М.Горький.

С. 78. *...Тютчева ретроградом, а Некрасова вождем общества* — речь идет о книге Д.С.Мережковского «Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев» (Пг., 1915).

Не пылит дорога...— М. Ю. Лермонтов. Из Гете (1840).

С. 79. *Шура* — падчерица Розанова Александра Михайловна Бутягина (1883—1920).

Юбилей...— 25-летие отмечалось 28 февраля 1901 г. (Случевский К. Юбилей «Нового времени» // Новое время. 1901. 2 марта).

С. 81. *...и стих пронзительно унылый* — А. С. Пушкин. Ответ Анониму (1830).

С. 82. *Маетность* — недвижимое имущество, имение (запад. обл.).

...выразиться о Суворине — речь идет о некрологе А. С. Изгоева «А. С. Суворин» в «Русской мысли». 1912. № 9. Отд.3. С. 1—4. Об этом же писал Розанов во втором коробе «Опавших листьев».

...Струве, редактирующего журнал...— имеется в виду журнал «Русская мысль», который в 1911—1918 гг. редактировал Петр Бернгардович Струве (1870—1944).

С. 83. *«Новый Органон»* (1620) — философский трактат на латинском языке английского философа Фрэнсиса Бэкона.

...на висячем мостике, близ Контроля — Почтамтский мост через Мойку в Петербурге.

С. 84. *Потом на «верхотурьи»...*— об этом же вспоминал Розанов в письме к Э.Голлербаху 18 сентября 1918 г. (Письма В. В. Розанова к Э. Голлербаху. Берлин, 1922. С.86).

Афанасий — Васильев Афанасий Васильевич (1851—после 1917) — публицист, поэт, издатель, начальник Розанова в Государственном контроле, возглавлявший департамент железнодорожной отчетности.

С. 85. *Стирфорс* (Стирфорт) — персонаж в романе Ч. Диккенса «Жизнь Дэвида Копперфилда» (1849; рус. пер. 1849).

...в каком-то польском романе — имеется в виду роман С. Жеромского «История греха», героиня которого Ева Побратынская убивает своего незаконнорожденного ребенка (рус. пер. в приложении к «Новому журналу иностранной литературы». 1907. № 9—12; отд. изд. — М., 1915).

С. 86. *«с мытарями и грешниками не сидящие»* — Евангелие от Матфея, 9, 10. Мытарь — сборщик податей, откупщик.

Азеф Евно Фишелевич (1869—1918) — провокатор, один из организаторов партии эсеров. Розанову принадлежит статья «Между Азефом и «Вехами» (Новое время. 1909. 20 августа).

Каиафа — в Новом Завете первосвященник, который подал совет иудеям, что лучше одному человеку (Христу) умереть за народ (Евангелие от Иоанна, 18, 14).

С. 87. *Оль д'Ор* (О.Л.Д'Ор) — псевдоним писателя и журналиста Осипа Львовича Оршера (1879—1942).

...как могучего «беса» монах ввергает в «ад»...— *Боккаччо Дж.* Декамерон. 10-я новелла третьего дня. Перевод А.Н.Веселовского вышел в 1891—1892 гг.

Брантом, Пьер (ок. 1538—1614) — французский писатель-мемуарист. Очевидно, Розанов спутал его с немецким гуманистом Себастьяном Брантом (ок.1458—1521), который изложил события Первого крестового похода в трактате «О причинах утраты Св.Земли вместе с призывом к ее возвращению» (1495).

Религиозно-философские собрания — проводились в Петербурге с ноября 1901 г. до апреля 1903 г. в здании Географического общества у Чернышева моста.

С. 91. «штаны» — имеется в виду запись в первом коробе «Опавших листьев»: «Литературу я чувствую, как штаны. Так же близко и вообще «как свое». Их бережешь, ценишь, «всегда в них» (постоянно пишу). Но что же с ними церемониться????!!!»

«делюсь с приятелем даже женой» — Розанов перефразирует рассуждения Рахметова в третьей главе романа Н.Г.Чернышевского «Что делать?»

С. 92. *Чуковский оправдывается за статью о Достоевском* — речь идет о статье: *Чуковский К.* Забытое и новое о Достоевском //Новое время. 1914. 16 апреля.

С. 93. «*Выпрямила*» (1885) — очерк Г.И.Успенского.

С. 94. ...*фельетон, за который Амфитеатрова выбросили в Сибирь* — за фельетон «Господа Обмановы» в газете «Россия» 13 января 1902 г. Александр Валентинович Амфитеатров (1862—1938) был выслан под гласный надзор в Минусинск. С 1904 по 1916 г. жил за границей.

С. 96. «*Утро России*» — ежедневная газета, выходила в Москве в 1907, 1909—1917 гг. 29 апреля 1915 г. в ней напечатана статья «Младенцы войны» о незаконнорожденных детях в Англии (подпись: З. П-в).

С. 97. «*Освобождение*» — журнал, выходивший в 1902—1905 гг. в Штутгарте под редакцией П.Б.Струве. В России распространялся нелегально.

Умом Россию не понять — из одноименного стихотворения Ф.И.Тютчева (1866).

П. В.— Петр Великий.

С. 98 . *Судебная реформа 1864 г.*— введение суда присяжных, адвокатуры, независимости судей, гласности и состязательности судебного процесса.

С. 100: «*Голос Москвы*» — ежедневная газета, орган октябристов. Редактор-издатель А. И. Гучков. Розанов печатался в ней в 1913 г.

С. 103. *Кормчая книга* — сборник церковных и светских законов на Руси с XIII в. Последнее издание вышло в 1816 г.

С. 104. «*И царствую Его не будет конца*» — Евангелие от Луки, 1,33.

«*Претерпевый до конца спасется*» — Евангелие от Матфея, 24,13.

С. 105. «*И совется Небо как свиток*» — Откровение Иоанна Богослова, 6,14.

«*Полное собрание сочинений Амфитеатрова*» — выходило в 1911—1916 гг. в 37 томах (не закончено).

Марья Лусьева — героиня одноименного романа А.В.Амфитеатрова (1903) и его продолжения «*Марья Лусьева за границей*» (1910).

С. 107. *...говорит он идеалисту Шатову* — имеется в виду разговор Петра Верховенского с Кирилловым перед самоубийством последнего (*Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1974. Т.10. С.466*).

С. 108. *Мои несчастные гимназические годы.*— Гимназистом Розанов был под влиянием идей нигилизма и атеизма, но с 1-го курса университета «перестал быть безбожником, и Бог поселился во мне» (*Автобиография, 1909*).

Любовь — Гуревич.

«*Архив Стасюлевича*» — имеется в виду издание: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке / Под ред. М. К. Лемке. Спб., 1911—1913. Т.1—5. В третьем томе опубликовано 338 писем Тургенева к М. М. и Л. И. Стасюлевичам.

С. 110. *Мать пророка Самуила, пророчица Анна, была одною из двух жен...*— Библия, 1-я книга Царств, 1,2.

С. 111. «*в.тис.земли русской*» — «великий писатель земли русской». Так назвал Л. Н. Толстого И. С. Тургенев в своем предсмертном письме к нему 29 июня 1883 г.

С. 112. *Акиба* (Акива, 50—132) — законоучитель и проповедник иудаизма.

С.113. *...ни Рахиль, ни Лия.*— Розанов пересказывает библейскую книгу «Бытие», гл.30.

Пройдет веков завистливая даль — перефразировка из стихотворения А.С.Пушкина «К портрету Жуковского» (1818).

С. 114. «*Miserere*» («Сжался») — музыка на слова покаянного 50-го псалма («Помилуй мя, Боже»).

С. 115. «*Грядущий Хам*» — сборник статей Д. С. Мережковского (1906).

...глупого русского профессора — речь идет о Михаиле Матвеевиче Стасюлевиче (1826—1911), профессоре Петербургского университета (1858—1861), издатель-редакторе «Вестника Европы» в течение 43 лет (1866—1909).

...история с «Лукояновским исправником» — источник не установлен.

С. 116. *...Аристотель* — «Ибо вследствие удивления людей и теперь и впервые начали философствовать» (*Аристотель. Метафизика. М.; Л., 1934. С.22*).

Пользуюсь случаем выразить благодарность М. Л. Гаспарову за консультации по греческим и латинским текстам.

Поля сказала — Розанов венчался с Аполлинарией Прокофьевной Сусловой в начале 1881 г., будучи студентом 3 курса.

«*О понимании*» (1886) — первая книга Розанова, работа над которой началась летом 1882 г.

С. 117. *...тайнам Вечности и Гроба* — перефразировка строк из «Евгения Онегина» (II, 16) А. С. Пушкина.

«*Ганц Кюхельбрюкер*» — ранняя поэма Н. В. Гоголя называется «Ганц Кюхельгартен» (1829).

С. 121. *Баубосто* (Баубо) — в греческой мифологии жительница Элевсин, которая вместе с мужем не только радушно приняла у себя в доме богиню плодородия Деметру, в горе искавшую свою дочь Персефону, но и развеселила ее, «обнажив свои стыдливые части и показав на них богине». Подробнее Розанов

пишет об этом в книге «Перед Сахарной» и ссылается на Климента Александрийского (II—III вв.). См.: Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. М., 1992. С.338—339.

диссертация М. Н. Каткова.— Очерки древнейшего периода греческой философии. М., 1853. Впервые напечатано в сборнике «Пропилеи» (1851 и 1853, кн. 1 и 3).

С. 122. ...в Липецке -- летом 1888 г. Розанов лечился в Липецке на минеральных водах.

С. 123. *Миф о Пигмалионе и Галатее.*— Согласно греческой мифологии, скульптор Пигмалион влюбился в созданную им статую Галатее. Богиня Афродита по его просьбе оживила статую, и Галатея стала его женой.

С. 125. «честный и пылкий» — т. е. В. Г. Белинский, считавший Жорж Санд одним из создателей социального романа.

С. 128. *Висон* (виссон) — тонкая драгоценная ткань в древних одеяниях царей, жрецов, знати.

Пентефрий — славяно-библейское имя фараонова царедворца, которому был продан в Египте Иосиф, сын библейского Иакова. Египетское имя его — Потифар.

С. 128. ...*статья, оскорбительная в отношении Царской Семьи* — статья барона Н.В.Дризена «Из истории драматической цензуры при имп. Николае I» (Русское богатство. 1914. № 6).

Бутурлинский комитет — создан в 1848 г. для надзора за печатью. Председателем его был генерал-майор и сенатор Дмитрий Петрович Бутурлин (1790—1849).

Птичка в дальние края...— А. С. Пушкин. Цыганы.

Саша Жд.— Саша Жданова, двоюродная сестра жены Розанова В. Д. Бутягиной.

С. 130. ...*когда Боголепов явился на тот свет* — Н. Б. Боголепов был убит в 1901 г., Д. С. Сипягин в 1902 г., а В. Е. Плеве в 1904 г.

С. 132. «*на дорогу*» — т.е. перед выездом 29 мая 1915 г. на дачу в Вырицу.

...*от болезни мамочки.*— 26 августа 1910 г. у жены Розанова Варвары Дмитриевны случился паралич.

...*тогда* — в Ореанде.— Розанов был в Крыму в 1898 г.

С. 133. *Юлиан... Леонардо... Петр* — трилогия Д.С.Мережковского «Христос и Антихрист» состоит из трех частей: «Юлиан Отступник» (1895), «Леонардо да Винчи» (1899—1900), «Петр и Алексей» (1905).

Чехов и Суворин — статья Д. С. Мережковского в газете «Русское слово» 22 января 1914 г., перепечатанная в его книге «Было и будет. Дневник. 1910—1914» (Пг., 1915).

Гаррис — псевдоним журналистки Марии Александровны Каллаш (1886—1954) в газете «Утро России», где 15 марта 1912 г. появилась рецензия на «Уединенное» Розанова.

С. 135. *Скверно на этом свете, господа* — перефразировка концовки «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» Н. В. Гоголя.

С. 136. *Вера Фигнер записала...*— до 1906 г. студент П. В. Карпович находился в Шлиссельбургской крепости. В своих воспоминаниях В. Н. Фигнер, проведшая 20 лет одиночного заключения в Шлиссельбургской крепости (1884—1904), писала: «Появление Карповича вызвало среди нас сильнейшее волнение... Его радостные вести оживили наши души. По его словам, в России все находилось в движении» (Фигнер В. Запечатленный труд. М., 1964. Т. 2. С. 176—177).

С. 137. *...как тогда (в Сарове)...* — В июле 1904 г., в годовщину канонизации Серафима Саровского, Розанов с семьей ездил в Ярославль и Саров.

Сонька — революционерка Софья Львовна Перовская (1853—1881).

...первый назвал второго шарлатаном. — Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса, в которой речь идет о Ф. Лассале (1825—1864), была опубликована в Штутгарте в 1913 г. Маркс весьма резко отзывался о Лассале: «Воздух должен быть очищен, а партия избавлена от оставленного Лассалем зловония» (3 февраля 1865 г.). На русском языке переписка напечатана в журнале «Современный мир». 1914. № 5, 10, 11.

«черный как уголь». — В «Жизни Данте» (рус. пер. 1898), написанной Дж. Боккаччо, говорится, что Данте шел однажды по улице Вероны мимо дверей, перед которыми сидело несколько женщин, и одна из них, завидя его, сказала: «Посмотри, вон идет человек, который спускается в ад и возвращается оттуда, когда ему вздумается, и приносит вести о тех, кто там томится». На что другая бесхитростно ответила: «Ты говоришь истинную правду — взгляни, как у него курчавится борода и потемнело лицо от адского пламени и дыма» (*Боккаччио Дж. Малые произведения. Л., 1975. С. 547*).

Морозов печатает «Письма...» — «Письма из Шлиссельбургской крепости» народника Н. А. Морозова (1854—1946) печатались в «Вестнике Европы» (1909) и в 1910 г. вышли отдельным изданием. Морозов занимался также астрономией.

С. 138. *«На ножгах»* (1871) — роман Н. С. Лескова, входил во все дореволюционные издания собрания сочинений писателя; в советское время исключался из собраний сочинений и был напечатан лишь в 1989 г.

Пирожков Михаил Васильевич — петербургский издатель, основавший в 1898 г. свое издательство, которое разорилось в 1908 г. В этом издательстве вышла книга Розанова «Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского». 3-е изд. Спб., 1906.

С. 141. *Не для житейского волнения...* — А. С. Пушкин. Поэт и толпа (1828).

И пусть у гробового входа — А. С. Пушкин. Брожу ли я вдоль улиц шумных... (1829).

...«Полтавой» и «Скупым рыцарем» — «Полтава» Пушкина была издана в качестве литературного пособия для средних учебных заведений под редакцией и с примечаниями В. Я. Стоюнина (Спб., 1880. 4-е изд.). Такое же издание пушкинского «Скупого рыцаря» вышло в 1873 г. (2-е изд. — 1879).

Рог-Рогачевский — имеется в виду Львов-Рогачевский Василий Львович (1873—1930), критик, сотрудничавший в «Русском богатстве», «Современном мире».

Пучек — прозвище дочери писателя Нади.

Варя — дочь писателя.

С. 143. *...это подсмотренные Кон. Леонтьевым грубости натурализма* — имеется в виду работа К. Н. Леонтьева «Анализ, стиль и веяние» (гл. XI).

поп Евангел, майор в отставке Форов — персонажи романа Н. С. Лескова «На ножгах».

С. 144. *...ответил он энергично и прекрасно* — имеется в виду история со статьей Лескова о петербургских пожарах («Северная пчела». 1862. 30 мая), возникших якобы в связи с появлением революционных прокламаций. Хотя в статье не содержалось обвинений революционно настроенной молодежи в поджигательстве, демократическая пресса обвинила Лескова в клевете на молодежь.

С. 145. *«Скоморох Памфалон»* (1887) — повесть Н. С. Лескова; первоначальное название «Боголюбезный скоморох» было снято духовной цензурой.

Работа о Лескове Волынского — *Волынский А. Л. Н. С. Лесков. Спб., 1898.*

«Чертогон» (1879) — рассказ Н. С. Лескова о кутеже московского миллионера.

«Колыванский муж» (1888) — рассказ об оскорбительном для русского человека проявлении национализма в Ревеле (Таллинне).

Рош Дени — переводчик произведений Н. С. Лескова на французский язык. В вышедшую в 1906 г. в Париже в его переводе книгу Лескова «Русские люди» («Gens de Russie») вошли рассказы: «Чертогон», «Шерамур», «Инженеры-бессребреники», «Пигмей», «Запечатленный ангел», «Томление духа» и «Тупейный художник». Ее рецензировал Розанов (Новое время. 1906. 22 ноября. Прилож.).

С. 146. *брат Митя* — Дмитрий Васильевич Розанов (1852—1895).

Верочка — Вера Васильевна Розанова (1848—1867), сестра писателя.

Бут. — Бутягина.

«*Се творю все новое*» — Откровение Иоанна Богослова, 21, 5.

С. 147. *...в Белом* — Розанов преподавал в прогимназии города Белый Смоленской губернии в 1891—1893 гг.

С. 148. «*Стол и утверждение истины*» — этой книге П. А. Флоренского Розанов посвятил статью «Густая книга» (Новое время. 1914. 12 и 22 февраля).

«*костромское уездное начало*» — отец П. А. Флоренского был выходцем из Костромской губернии.

«*В поте лица твоего будешь добывать хлеб твой*» — Библия. Бытие, 3, 19.

С. 150. *Тан* — псевдоним Владимира Германовича Богораза (1865—1936), этнографа и писателя. Далее перечислены авторы песен из книги: Песни революции. Сборник революционных песен и стихотворений. Киев: Народное дело, 1906.

Старый строй разрушал катитан-властелин... — Розанов цитирует из названного сборника песню «Машинушка» (на мотив «Дубинушки»).

С. 151. «*кугли*» — лапша с гусиным или овечьим салом.

«*маца*» — пасхальные пресные тонкие лепешки у евреев.

С. 153. «*Букингемский лес двинулся*» — у Шекспира (Макбет, IV, 1) «Бирнамский лес» (предсказание скорой гибели кого-то).

С. 154. *И мертвец наш поплыл снова...* — А. С. Пушкин. Утопленник (1828).

С. 155. *гимназия Гуревич* — петроградская мужская гимназия Якова Яковича Гуревича (угол Литейного и Бассейной).

С. 157. *...идущих от Гарри* — очевидно, описка Розанова. Надо: *...идущих от Холмса*.

С. 158. *...семья брата* — когда Розанов перешел на службу в г. Белый в 1891 г., там жил его старший брат Николай с семьей.

С. 159. *Карфаген надо разрушить.* — Этими словами римский полководец Катон (234—149 до н. э.) заканчивал каждую речь в сенате (*Плутарх. Жизнь Катона Старшего*).

«*На Шипке все спокойно*» — название трех картин (1878—1879) В. В. Верещагина, изображающих гибель русских солдат на Шипкинском перевале в Болгарии во время русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Название картин взято из официального донесения генерала Ф. Ф. Радецкого и стало нарицательным.

С. 160. *Кричали женщины «ура»...* — Грибоедов А. С. Горе от ума, II, 5.

...и он спел романс... — Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Кн. V. Гл. 2. Смердяков с гитарой.

С. 162. «Ибо нехорошо человеку... быть одному» — Библия. Бытие, 2, 18.

Страшно сказать. Источник выражения — «Метаморфозы» Овидия.

С. 163. «И к мужу влечение твое» — Библия. Бытие, 3, 16.

И над вершинами Кавказа... — перефразировка второй строфы поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон».

С. 164. «лежу в утробе матери и не хочу родиться». — Ср. запись в «Уединенном» Розанова: «Я похож на младенца в утробе матери, но которому вовсе не хочется родиться. «Мне и тут тепло»...»

С. 165. *Под вечер осени ненастной* — начало одноименного стихотворения А. С. Пушкина (1814).

С. 166. ...*муж единосущен мужу* — очевидно, описка Розанова: ...единосущен жене.

С. 167. «*довежу ли Я до родов и не дам родить*» — Библия. Книга Исаии, 66,9.

С. 168. *Троицкий мост строил Батиньоль* — в 1897—1903 гг. было осуществлено строительство Троицкого моста через Неву, которым руководил французский инженер Батиньоль (Сборник трудов Городской комиссии по постройке Троицкого моста в С.-Петербурге. Спб., 1904. Ч. 1). В конце этой записи в рукописи вычеркнута фраза: «И в России не оказалось, при войне с Германией, ни гигроскопической ваты, ни своих электрических лампочек».

«Предлагаю почтить умершего вставанием». — Ср. во втором коробе «Опавших листьев» (Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 292).

С. 169. ...*в пору нашей любви в Ельце.* — Розанов познакомился со своей второй женой В. Д. Бутягиной в начале 1888 г. в Ельце и 5 июня 1891 г. тайно венчался с ней.

С. 170. *М. Горький* — фамилия была тщательно зачеркнута в рукописи другими чернилами, возможно, позднее кем-то из дочерей Розанова.

С. 171. ...*речь, посвященная Достоевскому, в Рел. Фил. собр. Столпнера* — см. отзыв Розанова об этой лекции в его статье «На лекции о Достоевском» (Новое время. 1909. 4 июля). Перепечатано в книге: Опыты. Литературно-философский сборник. М., 1990. С. 320—323.

Достоевский стал на сторону мясников. — См. его Письмо студентам Московского университета 18 апреля 1878 г. (Полн. собр. соч. Т. 30. Кн. 1. С. 21—25).

С. 172. *Константинополь должен быть наш.* — Достоевский Ф. М. Дневник писателя за 1877 г., ноябрь, гл. 3.

«40 веков бытия». — Там же, март, гл. 5, § 3.

С. 173. *С-н* — П. А. Столыпин, но возможно прочтение: А. С. Суворин.

«Рунд-парламент» — «охвостье» (Rump) Долгого парламента было разогнано О. Кромвелем 20 апреля 1653 г.

...преувеличенные слова о Лескове — имеется в виду книга А. Л. Волынского «Н. С. Лесков» (СПб., 1898), в которой рассмотрено изображение Лесковым религиозных чувств.

С. 174. *первая жена Огарева* — племянница пензенского губернатора Мария Львовна Рославлева (ум. 1853), на которой Огарев женился в 1836 г.

Дом не тележка у дядюшки Якова — Н. А. Некрасов. Дядюшка Яков (1867).

В армяке с открытым воротом — Н. А. Некрасов. Влас (1854).

С. 175. *Гершензон пишет...* — Гершензон М. О. Образы прошлого. М., 1912. С. 529 (глава «Любовь Н. П. Огарева»).

С. 176. *Сакулин* — об «Апол. Григорьеве». — В статье П. Н. Сакулина «Историко-литературные беседы» (Вестник Европы. 1915. № 6. С. 95—112) третья часть посвящена Аполлону Григорьеву («Органическое» мировосприятие).

«Брак и христианство» — статья Розанова в журнале «Русский труд» (1898. № 47—52), перепечатанная в книге: «Сущность брака» (М., 1901) и в книге: *Розанов В. В. В мире неясного и нерешенного* (СПб., 1901) с заметкой автора о том, что С. Ф. Шарапов, редактор «Русского труда», сопроводил статью «крайне ценными примечаниями», которые напечатаны в книге как «Полемиические материалы».

С. 179. *крушение царского поезда* — 17 октября 1888 г. в Борках около Харькова произошла катастрофа императорского поезда. Царская семья, возвращавшаяся из Ялты в Петербург, не пострадала.

Николай Григорьевич — как и в «Опавших листьях» (короб 2) Розанов подчеркнуто называет Николая Гавриловича Чернышевского — Николаем Григорьевичем.

...у *Дебогория-Мокриевича* описываются «наши» — *Дебогорий-Мокриевич*. Воспоминания. СПб., 1906. Гл. 7.

С. 180. «о чем ты воешь» — Ф. И. Тютчев. О чем ты воешь, ветер ночной? (1836).

«рептильный фонд» — деньги для подкупа печати («рептильной прессы»).

С. 181. ...по поводу большого ассигнования Г. Думы — имеется в виду обзор А. Петрищева «Военные «реформы» и ассигнования» (Русское богатство. 1914. № 7. С. 328—334).

С. 184. *Пусть я и подлец...* — Эти слова в газетной публикации статьи Д. С. Мережковского «Суворин и Чехов» (Русское слово. 1914, 22 января) были заменены при перепечатке в книге Мережковского «Было и будет» (Пг., 1915) на: «Пусть я и плох».

С. 185. *Елизавета Кускова* — так именовал Розанов публицистку Екатерину Дмитриевну Прокопович (во втором браке Кускова, 1869—1958).

С. 188. *Фамилию... знает вся Россия* — очевидно, речь идет о Натане Сергеевиче Цетлине, основавшем в 1896 г. в Петербурге издательское товарищество «Просвещение». Ср. вторую запись в «Мимолетном» от 30 июля 1915 г.

С. 189. «*Василий Шибанов*» (1858) — баллада А. К. Толстого.

Крестьянка — имеется в виду поэма С. Я. Надсона «Христианка» (1878).

...в моих словах о *Конст. Леонтьеве* — имеется в виду запись в первом коробе «Опавших листьев» («Что же такое Леонтьев?»), в которой Розанов утверждал, что в сочинениях К. Н. Леонтьева «нет совета и мудрости».

...письма его к *Александрову*. — Письма К. Н. Леонтьева к редактору-издателю «Русского обозрения» Анатолию Александровичу Александрову (1861—1930) печатались в «Богословском вестнике» и вошли в книгу: *Александров Ан. Памяти К. Н. Леонтьева*. Сергиев Посад, 1915.

С. 190. «*И шум камней упавших был ему ответом*» — перефразировка строк из стихотворения Я. П. Полонского «Бэда-проповедник» (1841).

Тялдёж? Одрёж? — речка в Вырице (станция Виндавско-Рыбинской железной дороги), где Розанов с семьей проводил лето 1915 г., называется Оредеж (правый приток Луги) и имеет в длину 192 км.

...в *Сиверской* — Розанов жил там на даче летом 1912 г.

...как же была не воевать ее... — имеется в виду русско-японская война 1904—1906 гг.: Япония стремилась к вытеснению русского влияния в Корею.

«*Политическая энциклопедия*» — в первом томе, вышедшем в 1906 г. под редакцией Л. З. Слонимского, имеется статья о контр-адмирале Алексее Михайловиче Абазе.

С. 192. *Ламбаль Мари Тереза* (1749—1792) — герцогиня, любимая придворная дама королевы Марии Антуанетты. Растерзана толпой в дни сентябрьского террора 1792 г., голова ее была поднесена на пике к окнам Тампля, где находилось в заключении королевское семейство.

С. 193. «*А мясо человеческое ешь в пост?*» — ответ юродивого старца Салоса Николы Ивану Грозному, приведенный в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (т. 9, гл. 3).

«*Размышления о прусской монархии*» — книга графа О. Г. Мирабо (1749—1791) «О прусской монархии при Фридрихе Великом» (Лондон, 1788).

«*Яма*» (ч. 1—1909; ч. 2 — в альманахе «Земля», сб. 15 и 16, 1914—1915) — повесть А. И. Куприна, на которую Розанов написал рецензию (Новое время. 1909. 26 ноября).

Две курсистки — В. А. Мордвинова (1895—1966) и Дьяконова из Одессы, с которыми переписывался Розанов.

С. 194. «*Мы ленивы и нелюбопытны*» — А. С. Пушкин. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года. Гл. 2.

«*Русское тайнобрачие*» — повесть Н. С. Лескова, опубликованная в 1878—1879 гг.

«*Подпольная Россия*» (1882) — книга писателя и революционера Сергея Михайловича Кравчинского (псевдоним — Степняк, 1851—1895), вышедшая сначала в Милане по-итальянски; на русском языке — в 1893 г. в Лондоне в переводе автора.

С. 195. «*Рассказ неизвестного человека*» — опубликован в 1893 г. в «Русской мысли» и вошел в Собрание сочинений А. П. Чехова, изданное А. Ф. Марксом.

С. 196. «*Не имамы zde пребывающего града, но грядущего взыскуем*» — Библия. Послание к евреям, 13, 14.

С. 197. «*Немец обезьяну — выдумал*» — Даль В. Пословицы русского народа (раздел «Народ — язык»).

...*соль обуяет* — т. е. лишится вкуса. В Евангелии от Матфея, 5, 13: *Аще же соль обуяет, чим осолонится?*

С. 200. *Квисисана* — кафе в Петербурге.

С. 201. «*не надо есть от бедра*» — Бог боролся ночью с ветхозаветным патриархом Иаковом, который после этого охромел. В книге «Бытие» (32, 32) сказано: «Поэтому и доныне сыны Израилевы не едят жилы, которая на составе бедра, потому что Боровшийся коснулся жилы на составе бедра Иакова».

Антиох IV Эпифан — царь государства Селевкидов в 176—164 гг. до н. э., при котором в ответ на религиозные преследования иудеев произошла «Маккавейская война» (167—162 до н. э.). Возглавил эту борьбу Иуда Маккавей (ум. 161 до н. э.), сын священнослужителя Маттатия (ум. 166 до н. э.), который начал борьбу.

С. 202. ...*злой Аман* — библейская история о том, как любимец персидского царя Ксеркса (V в. до н. э.) Аман хотел истребить всех иудеев, но иудейка Эсфирь (воспитывавшаяся у своего родственника Мардохея и ставшая женой Ксеркса) спасла свой народ.

С. 204. «*архивны юноши*» — Пушкин А. С. Евгений Онегин. VII, 49.

«*Европеец*» — журнал, издававшийся в 1832 г. в Москве И. В. Киреевским.

С. 205. «*пламя неугасимое*» — Евангелие от Марка, 9, 43.

«*Скрежет зубовой*» — Евангелие от Матфея, 8, 12.

С. 207. «*Его Величество — большинство*» — собирательный образ, возникший у Розанова при чтении «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского.

С. 208. «*И понесут нас на плечах своих*» — Библия. Книга Исаии, 49, 22.

«*И придут короли и восплачутся*» — Откровение Иоанна Богослова, 18, 9.

«*Мерзавец, издающий газету*» — И. Р. Кугель, издававший ежедневную газету «День» (1912—1917), основанную И. Д. Сытиным.

С. 209. ...книгу *Жиркевича* — *Жиркевич А. В.* Архимандрит Зосима (в мире Дмитрий Рашин) был невиновен... (История еще одной судебной ошибки). Вильна, 1913. 23 августа 1913 г. в «Новом времени» появилась статья Розанова об этой книге.

С. 210. «*Письма без адреса*» (1862, опубликовано за границей в 1874) — в них Н. Г. Чернышевский выдвинул перед царем альтернативу: отказ от самодержавия или народная революция.

Мальбрук в поход собрался — французская песенка об английском герцоге Мальборо (1650—1722), распространявшаяся в войсках Людовика XIV. В России получила распространение во время Отечественной войны 1812 г.

С. 211. ...завоевали *Хиву и Бухару* — Хива и Хивинское ханство взяты русскими войсками в 1873 г. Бухара вошла в состав Российской империи в 1868 г.

Ветлянская оспа. — В октябре 1878 г. в Ветлянской станице (Астраханская губ.) появилась эпидемия чумы, от которой умерло около 400 человек. В Астраханский край был послан М. Т. Лорис-Меликов с неограниченными полномочиями. В январе 1879 г. эпидемия прекратилась.

...*Тацитом в свою «летопись»*... — имеется в виду книга римского историка Корнелия Тацита (ок. 58 — после 117), вышедшая в русском переводе А. И. Кронеберга под заглавием «Летопись» (М., 1858).

С. 212. «*Рассказ о семи повешенных*» (1908) — рецензия Д. В. Filosofova на этот рассказ Л. Н. Андреева была напечатана в «Московском еженедельнике» (1908, 11 июня) и вошла в книгу: *Философов Д. В. Слова и жизнь. Литературные споры новейшего времени* (1901—1908 гг.). Спб., 1909.

С. 213. *Кречинский* — герой комедии А. В. Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» (1855).

Марк Волохов — «нигилист» в романе И. А. Гончарова «Обрыв» (1869).

С. 215. *Тут Столпнер очень верно определил*... — см. с. 171—172.

«*белый дедушка*» — Николай Семенович в последней главе романа Ф. М. Достоевского «Подросток».

«*дух зависти и уныния*», «*дух праздности*» — из великопостной молитвы Ефрема Сирина, поэтическое переложение которой принадлежит А. С. Пушкину («Отцы пустынноики и жены непорочны», 1836).

С. 216. «*Что такое третье сословие?*» — трактат (1789) французского аббата Эмманюэля Жозефа Сьейса (1748—1836), изданный на русском языке в 1906 г.

С. 217. «*19 февраля*» — Манифест об отмене крепостного права, подписанный Александром II 19 февраля 1861 г.

С. 218. *Отречемся от старого мира* — песня (1875) П. Л. Лаврова (1823—1900).

«*Ист. рус. литер. XIX в.*» — в главе «Конец века (1890—1900)» в книге: *Энгельгардт Н. История русской литературы XIX столетия*. Спб., 1903. Т. 2. С. 470—542, речь идет о декадансе, неомарксизме, Л. Н. Толстом, Чехове, Горьком, Фофанове, Соловьеве и др.

С. 219. *Спешишь обжорливая младость...* — неточная цитата из «Евгения Онегина» (Отрывки из путешествия Онегина) А. С. Пушкина.

...заметил Достоевский — Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. М., 1981. Т. 22. С. 10: «единственный дрянной стих у Пушкина потому, что высказан совсем без иронии, а почти с похвалой».

С. 220. «Киевская мысль» — ежедневная газета, издававшаяся в Киеве с 1906 по 1918 г.

«Современное слово» — кадетская газета, издававшаяся в Петербурге с 1907 по 1918 г., в которой о деле Бейлиса писал С. С. Кондурушкин.

Вестн. Европы, шоль — речь идет о статье Л. Слонимского «Критический момент» (Вестник Европы. 1915. № 7. С. 333—337).

Константин Константинович — великий князь, сын которого Олег героически погиб в первые месяцы войны с Германией в 1914 г.

С. 221. *Ламберт* Елизавета Егоровна (1821—1883) — графиня, дочь министра финансов Е. Ф. Канкрин. Известно 115 писем Тургенева к ней (1856—1867) и 50 писем Ламберт к Тургеневу (1859—1862). В июле 1915 г. Розанов написал статью «Отцы-воспитатели русского общества. Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт» (Новое время. 1915. 4 и 31 июля).

43 года — с 1866 по 1909 г. М. М. Стасюлевич редактировал «Вестник Европы», передав его затем К. К. Арсеньеву.

С. 223. *Его полемика с Данилевским, со Стаховым...* — статьи В. С. Соловьева против концепции «культурно-исторических типов» Н. Я. Данилевского вызвали ответные статьи Н. Н. Страхова и других славянофилов. Впоследствии Соловьев собрал и напечатал свои полемические статьи против славянофилов в книге «Национальный вопрос в России» (1884—1891).

Но останутся вечно его стихи — эти мысли Розанов развил в рецензии на сборник стихотворений В. С. Соловьева (Голос Руси. 1916. 25 апреля).

С. 225. *Я как-то упомянул раз (в афоризме)...* — имеется в виду запись в «Мимолетном» 30 апреля 1915 г.: «Есть люди, «не оставляющие после себя следа»...»

С. 226. «*И вот завыл волком*» — вероятно, Розанов вольно излагает воспоминания о Белинском П. В. Анненкова.

С. 228. «*лимонариш*» — краткие жития в Синайском патерике («Луг духовный»).

С. 232. «*До каких пор?*» — Из речи Цицерона «Против Катилины» в 63 г. до н. э. («До каких пор, Катилина, ты будешь злоупотреблять нашим терпением!»).

Тезей — легендарный афинский герой и царь (XIII в. до н. э.). Среди его подвигов — убийство разбойников, захвативших сухопутные пути к Афинам.

С. 234. «*Солнце России*» — еженедельный журнал, выходивший в Петербурге в 1910—1917 гг.

С. 235. *Аладын* Алексей Федорович — член 1-й Государственной думы. В 1907 г. подписывал статьи в газете «Русское слово» псевдонимом «А.». Под редактором, очевидно, подразумевается И. Д. Сытин.

С. 237. «*сбирает пенки*» в Баку — имеется в виду Эммануэль Нобеле (1859—1932), возглавлявший «Товарищество братьев Нобель», крупнейшую нефтефирму в России.

С. 238. *...устало ненавидеть* — Н. А. Некрасов. Замолкни, муза мести и печали (1856).

...читаю у Маклакова — статья депутата Государственной думы В. А. Маклакова (1869—1957), брата министра внутренних дел Н. А. Маклакова, появилась в газете «Русские ведомости» 2 июля 1915 г.

С. 239. ...на 50-м юбилее.— Чествование имело место 6 октября 1913 г. в Большом зале Литературно-Художественного общества на Б. Дмитровке, д. 15. Первый номер «Русских ведомостей» вышел 3 сентября 1863 г. В приветствии Д. Я. Айзмана говорилось: «Если бы было побольше таких газет, как «Русские ведомости», то не было бы дела Бейлиса» (Пятидесятилетний юбилей газеты «Русские ведомости» (1863—1913). М., 1915. С. 72).

С. 240. Как бы отрицательно...— Курсив здесь и далее в цитате принадлежит Розанову.

С. 244. В «Биржевке» от 19 июля...— В утреннем выпуске за этот день «Биржевые ведомости» сообщали, что В. Л. Бурцев помилован, восстановлен в правах и получил право свободного проживания во всей России за исключением столичных и университетских городов. При этом депутаты Думы выражали удивление, что до сих пор Бурцев не осведомлен о помиловании и что министр внутренних дел кн. Щербатов, к которому обращался А. Ф. Керенский с ходатайством об облегчении судьбы Бурцева, не был осведомлен о его помиловании. «Между тем, по полученным сведениям, В. Л. Бурцев помилован уже 10 дней тому назад. О помиловании В. Л. Бурцева, между прочим, сообщил вчера члену Г. Думы Керенскому министр юстиции А. А. Хвостов».

...Дума собрана в помощь войне.— 19 июля 1915 г., в первую годовщину начала войны, открылась Государственная дума («Дума и война»). С речами выступили председатель Совета министров И. Л. Горемыкин, военный министр А. А. Поливанов, морской министр И. К. Григорович, министр иностранных дел С. Д. Сазонов, министр финансов П. Л. Барк, депутаты Марков 2-й, граф В. А. Бобринский и др.

С. 245. ...Тень Герцена меня позолотила — перефразировка строки из монолога Димитрия Самозванца в «Борисе Годунове» А. С. Пушкина.

Поливанов Алексей Андреевич (1855—1920) — военный министр с июня 1915 г. по март 1916 г. В речи в Государственной думе 19 июля 1915 г. сказал о Германии: «43-летняя систематическая подготовка войны с нами, подготовка, в которой принимала настойчивое участие не только военная организация, но и все ведомства, вся страна, в лице ее духовной, научной и промышленной деятельности, эта подготовка оказалась весьма высокой» (Новое время. 1915. 20 июля).

С. 246. Лавров Петр Лаврович (1823—1900). Один из его псевдонимов — Миртов. А. В. Никитенко писал о нем 6 августа 1864 г.: «Есть у нас особенный тип прогрессиста, который как нельзя осязательнее воплотился в Петре Лавровиче Лаврове. Он страстно любит человечество, готов служить ему везде и во всем... В награду за свою бескорыстную любовь Петр Лаврович хочет одного: быть признанным великим человеком между своими современниками... Петр Лаврович удивительно подвижный человек. Едва прочитает он в заграничном журнале какую-нибудь ученую и политическую новость, тотчас, как Бобчинский, бежит разглашать ее везде, куда только дозволен ему доступ» (Никитенко А. В. Дневник. М., 1955. Т. 2. С. 456).

С. 249. ...величина, которой можно пренебречь.— Выражение французского философа и математика Б. Паскаля.

С. 255. Пазифая (Пасифая) — в греческой мифологии супруга критского царя Миноса, мать Минотавра (чудовища с головой быка).

Ганимед — в греческой мифологии сын троянского царя, похищенный из-за своей необыкновенной красоты Зевсом на Олимп.

болландисты — бельгийские иезуиты, издававшие «Жития святых», начатые в 1643 г. в Антверпене Ж. Болландом (1596—1665) и продолжавшиеся до 1786 г. В 1837 г. в Брюсселе было восстановлено Общество болландистов, продолжившее агиографические издания.

...на вечере Герцена — в марте 1912 г. отмечалось 100-летие со дня рождения А. И. Герцена. Розанов вспоминал, что однажды в Петербурге на людном собрании «Общества в память Герцена» он заговорил «и о Добролюбове», но был остановлен пренебрежительным замечанием: «Ну можно ли сравнивать Добролюбова с Герценом... Добролюбов же был совсем не образован. А Герцен — европейский ум». Розанов упрекал Герцена в том, что он занимался не «делом», он «напустил целую реку фраз в Россию, воображая, что это «политика» и «история»... Именно он есть основатель политического пустозвонства в России» (Розанов В. В. Уединенное. М., 1990. С. 276).

С. 256. *Ермолай и его Валетка* — у героя рассказа И. С. Тургенева «Ермолай и мельничиха» (1847) была легавая собака по прозванию Валетка.

С. 257. *Кит Китыч* — в пьесе А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1856) так называют купца-самодура Тита Титыча Брускова.

С. 259. *Раса — все, заявил Дизраэли* — *Дизраэли Б. Танкред, или Новый крестовый поход*. Кн. 2. Гл. 14.

«*В соседстве Содома (Истоки Израиля)*» — книга Розанова, вышедшая в 1914 г.

С. 260. «*Sybil*» — роман «Сибилла, или Две нации» (1845) Б. Дизраэли (IV, 8).

С. 262. «*Современные инквизиторы*». — Розанов обыгрывает названия книжечек о сыщике Натте Пинкертоне, которыми он зачитывался и на оборотах обложек которых сделаны многие записи «Мимолетного». Данная запись — на обороте обложки выпуска № 1 серии «Натт Пинкертон — король сыщиков» («Заговор преступников»).

С. 263. *Таставен Г. Э.* — к его статье «Война и Франция» (Русская мысль, 1915. № 7. Отд. III. С. 22—38) содержится примечание: «Автор этой статьи Г. Э. Таставен скончался, не успев прочесть ее корректуры. Мы просим друзей покойного доставить о нем биографические сведения. — Ред.».

С. 264. «*историею, какую нам Бог дал*» — А. С. Пушкин. Письмо П. Я. Чадаеву 19 октября 1836 г.

С. 265. *...писем честного и незначительного друга, да ненужного указателя...* — имеются в виду напечатанные во втором коробе «Опавших листьев» письма Кости Кудрявцева, гимназического товарища Розанова, и два указателя к книге: предметный и алфавитный перечень первых строк записей.

омальятизировался — т. е. ухудшился (фр.).

С. 266. «*и оружие пройдет сердце твое*» — Евангелие от Луки, 2,35.

«*Лукоморье*» — издательство, владельцем которого был старший сын А. С. Суворина Борис Суворин (1860—1936). В июле 1915 г. оно выпустило второй короб «Опавших листьев» (отпечатан в типографии Товарищества А. С. Суворина, Эртелев пер., 13).

С. 267. *Димитриева* — Ершова Валентина Ивовна (урожд. Дмитриева) (1859—1947) — писательница. Розанов приводит отрывки из ее повести «Разбитые скрижали» (Русские записки. 1915. № 6), о которой он написал статью «Все «те же», вечно «те же»...» (Московские ведомости. 1915. 28 июля, 13 августа, 3 и 10 октября) под псевдонимом «Петроградский Старожил».

С. 269. «*Так говорит Заратустра*» (1883—1885) — книга Фридриха Ницше, на русском языке издавалась неоднократно с 1899 г. В 1913 г. издана в Петербурге.

под названием «Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого» (Приложение к журналу «Пробуждение»).

sic!!! — помета Розанова.

С. 275. *Преображение* — один из двенадцатых праздников православной церкви, празднуется 6 августа старого стиля.

С. 277. «Светлый луч в темном царстве» — статья Н. А. Добролюбова «Луч света в темном царстве» (1860).

Потому что я сидел в тюрьме — в 1894 г. П. Н. Милюков за связь со студенческим движением был отстранен от преподавания в Московском университете и выслан в Рязань (до 1897 г.).

Gourmet — кондитерский магазин «Де Гурме» на Невском, 76.

«*дражайшее место*» — речь идет о записи: «Черви изгрызли все...» во втором коробе «Опавших листьев» (Розанов В. В. Уединенное. С. 351).

С. 278. *Философова Анна Павловна* (урожд. Дягилева, 1837—1912) — деятельница женского движения в России. В 1915 г. вышел «Сборник памяти А. П. Философовой» (т. 1—2).

«*Вопросы жизни*» — под таким названием выходил в 1905 г. журнал «Новый путь», орган Религиозно-философских собраний.

Питт Уильям Младший (1759—1806) — премьер-министр Великобритании. По преданию, последние его слова перед смертью были: «О моя страна! Как я люблю свою родину!»

Тютчеву уже «срезал голову» Мережковский. — См. коммент. к записи 25 апреля 1915 г.

...биографию Одоевского изучает... — имеется в виду книга: Сакулин П. Н. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. Мыслитель-писатель. М., 1913.

«*Мовчим бо благоденствуем*» — Т. Г. Шевченко. Кавказ (1845).

С. 279. «*Мизантроп*» (1666) — комедия Мольера.

С. 280. *...вывел его в ночи из шатра* — Библия. Бытие, 15, 5.

С. 282. *...и у меня нет вида* — Библия. Книга Исаии, 53, 2.

С. 285. *Управа благочиния* — общегородское полицейское учреждение, в Москве существовала с 1782 по 1881 г. и находилась около Иверских ворот (ныне Исторический проезд).

Полишофа — т. е. 600 граммов.

С. 287. «*Кронштадтский вестник*» — газета, издававшаяся в Кронштадте с 1861 по 1917 г.

«*Русский инвалид*» — газета, выходившая в Петербурге в 1813—1917 гг..

С. 289. *Статья Айхенвальда* — рецензия Ю. Айхенвальда на второй короб «Опавших листьев» в газете «Утро России» 22 августа 1915 г.

С. 290. *...спросил Бог от Авраама, заключая союз* — т. е. неисчислимое потомство (Библия. Бытие, 15).

С. 291. «*одна плоть*» — Библия. Бытие, 2,24.

«*Отдых христианина*» — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге в 1901—1917 гг.

С. 294. *Игнатов Илья Николаевич* — редактор «Русских ведомостей», где 22 августа 1915 г. напечатана его рецензия на второй короб «Опавших листьев» — «Муки самопрезрения».

Дьяконова — курсистка из Одессы, с которой переписывался Розанов и письма которой он ценил так же высоко, как и письма В. А. Мордвиновой.

С. 295. *Б. С-ким* — очевидно, Борис Александрович Садовский (Садовской) (1881—1952), писатель, знакомый Розанова.

...на Воробьевых горах. — В июне — июле 1891 г. Розанов после тайного венчания с В. Д. Бутягиной жил с ней в Москве на Воробьевых горах.

С. 296. *...последние 15 лет около 10 000 в год.* — Розанов вел строгий учет своих доходов. Так, в его записной книжке сохранились сведения, что в 1900 г. он получил 9631 р., 1901 — 9580 р., 1902 — 9186 р., 1903 — 8366 р., 1904 — 9214 р., 1905 — 9597 р., 1906 — 12 000 р., 1907 — 14 375 р., 1908 — 15 358 р., 1909 — 17 145 р., 1910 — 16 255 р., 1911 — 17 589 р., 1912 — 16 394 р., 1913 — 15 909 р., 1914 — 13 742 р., 1915 — 13 590 р.

С. 299. *В Эртелев* — адрес редакции «Нового времени».

Экбатана — город в Мидии, древнегреческое название г. Хамадина в Иране.

Собаке дворника, чтоб ласкова была — А. С. Грибоедов. Горе от ума, IV, 12.

С. 300. *«не ведают бо, что говорят»* — перефразировка слов Иисуса из Евангелия от Луки, 23, 34.

«Пала звезда с неба...» — вариация на тему из Откровения Иоанна Богослова, 8, 10.

...хоть этот год до конца, 1832 — М. Ю. Лермонтов погиб в 1841 г.

Фома Фомич Опискин — герой повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (1859).

С. 302. *...статьи мои в «Рус. сл.»* — Розанов печатался в московской газете «Русское слово» в 1905—1911 гг.

С. 303. *Лукиан* — псевдоним журналиста Семена Борисовича Любошица (1859—1926). Речь идет о его рецензии на второй короб «Опавших листьев», напечатанной под названием «Бобок» в «Биржевых ведомостях» 16 августа 1915 г.

С. 304. *Холодно, странничек, холодно* — Н. А. Некрасов. Коробейники (1861).

С. 305. *«Все куплю», — сказало злато...* — А. С. Пушкин. Золото и булат (1827).

С. 308. *Ааронов шест* — по библейскому преданию (Числа, 17,8), жезл с надписью имени первого первосвященника Аарона расцвел миндальными цветами и принес плоды как подтверждение того, что священство навеки утверждено Богом за Аароном и его потомством.

С. 309. *...похищенную из Лувра Джиаконду* — портрет Моны Лизы («Джоконда») Леонардо да Винчи был похищен из парижского Лувра в 1911 г.; в 1913 г. возвращен в музей.

С. 311. *Кандавл* — царь Лидии; погиб, согласно Геродоту, от козней собственной жены, оскорбленной тем, что он дал своему телохранителю Гилесу возможность наблюдать ее нагою.

Загурский Леонтий Николаевич — его речь «О разводе» была произнесена в день торжественного собрания Харьковского университета 17 января 1903 г. (Записки Харьковского университета. 1903. № 2. С. 1—36).

Граль (Грааль) — в западноевропейских средневековых легендах таинственный сосуд, ради которого рыцари совершали подвиги.

С. 314. *Стрюцкий* — пустой, ничтожный человек (устар.). Смысл слова объясняет Достоевский в «Дневнике писателя» (1877, ноябрь. Гл. 1). Как нередко бывает у Розанова, поставленные в кавычки слова представляют собой пересказ, а не цитату.

С. 315. *Довлеет дневи злоба еѣо* — церковнославянский текст Евангелия от Матфея, 6,34 (Довольно для каждого дня своей заботы).

«Даждь нам днесь хлеб наш насущный». — Там же, 6,11.

С. 316. *«вьельфильки»* — старые девы (фр.).

...до Максима — т. е. до М. Горького.

С. 317. *Омега* — последняя буква греческого алфавита.

С. 318. *Церковь всех скорбящих* — на углу Шпалерной и Воскресенского проспекта, настоятель — протоиерей Сергей Александрович Соллертинский.

С. 320. *Лемке писал в «Истории цензуры»*... — Наполеон написал министру полиции Жозефу Фуше: «Передайте журналистам, что я буду судить о них не по тем вредным мыслям, которые они будут высказывать, а по тому отсутствию благонамеренности, которой они не выскажут» (*Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. Спб., 1904. С. XII*).

С. 321. *И небо, и звезды, и тучи толпой*... — М. Ю. Лермонтов. Ангел (1831).

С. 322. *«птены гнезда Петрова»*. — Здесь и далее реминисценции строк из поэмы А. С. Пушкина «Полтава» и из его «Стансов».

С. 324. *За 1913 и я еще успею* — имеется в виду невышедшая книга Розанова «Сахарна».

С. 325. *...коротенькою статьею, страниц в 6*. — речь идет о статье о Белинском в книге: *Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. М., 1913. Вып. 3. С. 1—14.*

...взбеленились наши «дурни» — имеется в виду статья: *Сакулин П. Н. Белинский — миф*//Русские ведомости. 1913. 4 октября. С. 2—3.

С. 326. *...Михайловский и начал его ляпать по щекам. Флексер свалился* — речь идет о статьях Н. К. Михайловского «О г. Волынском и русском читателе» (Русское богатство. 1893. № 9), «О г. Волынском и скандалистах вообще» (Русское богатство. 1897. № 10). А. Волынский (Флексер) вел полемику с Михайловским в «Северном вестнике» (1892. № 10; его статья «Итог моих пререканий с г. Михайловским»).

С. 327. *«Словарь»* — «Источник словаря русских писателей» С. А. Венгерова (Спб., 1900—1917. Т. 1—4).

С. 328. *«всякое дыхание хвалит Господа»* — Псалтирь, 150, 6.

С. 329. *...по письмам — хотя бы Горького* — имеется в виду письмо М. Горького (ок. 10 апреля 1912 г.) к Розанову, в котором Горький восхищается его книгой «Уединенное» (см.: *Контекст. 1978. М., 1978. С. 306*).

С. 330. *Рубинштейн Дмитрий Львович* — купец 1-й гильдии, директор Французского банка; об его аресте много писалось в газетах того времени.

С. 331. *Что́ говорит Катерина у Некрасова*. — Н. А. Некрасов. Коробейники, 5.

С. 332. *Павлович* — псевдоним историка, экономиста Михаила Лазаревича Вельтмана (1871—1927).

друг М. — очевидно, имеется в виду писатель-этнограф Сергей Васильевич Максимов (1831—1901).

С. 334. *«перевод LXX толковников»* — речь идет о древнегреческом переводе Библии 70 толковниками (переводчиками), сделанный во II в. до н. э.

ЧЕРНЫЙ ОГОНЬ.

1917 год

В архиве Розанова сохранились заготовки (вырезки газетных статей и автографы), предназначавшиеся для книги «Черный огонь». Писатель не успел издать такую книгу, но включил ее в составленный в конце 1917 г. План полного собрания сочинений (см.: *Розанов В. В. Собр. соч. Среди художников. М., 1994. С. 16*).

Книга «Черный огонь» состоит из двух частей. Первую часть составляют статьи, написанные до 1917 г., вторую часть — статьи 1917 г. Именно статьи 1917 г. отражают смятенность и боль писателя при виде всего, что «совершается дома» «в наши тревожные дни».

«Черный огонь» (часть вторая) — дума о России в переломный период от января до августа 1917 г., когда и определились судьбы русской революции. В это время в публикациях в газете «Новое время» Розанов продолжал свои трагические размышления о России, запечатленные до того в неопубликованных записях «Мимолетного». И определяющей для писателя, как и прежде, была глубоко национальная идея о единой стране с общей исторической судьбой.

Материалы неопубликованной книги В. В. Розанова «Черный огонь» хранятся в РГАЛИ. Ф. 219. Ед. хр. 138—142 (вырезки газетных статей и автографы). В настоящее издание включены только статьи, написанные или опубликованные в 1917 г.

Книга «Черный огонь» не увидела света при жизни автора. Первое посмертное сокращенное издание вышло в Париже в 1991 г. с предисловием А. Н. Богословского.

К НОВОЛЕТИЮ 1917 ГОДА

Впервые в газете «Новое время». 1917. 1 января. Без подписи.

ПОГАНАЯ ВЛАСТЬ ИЛИ ДОБРЫЙ СОВЕТ?

Впервые в книге: *Розанов В. Черный огонь. Paris: YMCA-Press, 1991.*

С. 339. ...*Павел изрек* — Послание к римлянам, 10, 12.

С. 340. «*с мытарями и грешниками*» — Евангелие от Матфея, 11, 19; от Луки, 7, 34.

«*женщина в собраниях молчит*» — Первое послание коринфянам, 14, 34.

СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Впервые — Новое время. 1917. 2 апреля. Без подписи.

С. 341. «*Дивились народы совершившемуся*» — Откровение Иоанна Богослова, 13, 3.

«*И свилось небо, как свиток...*» — Там же, 6, 14.

С. 342. «*Господи, помяни меня, егда приидеши...*» — Евангелие от Луки, 23, 42.

В СОВЕТЕ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ

Первая часть впервые — Новое время. 1917. 9 апреля.

Вторая часть — там же, 1917. 13 апреля. Обе части под псевдонимом «Обыватель».

С. 344. ...живу в семи минутах ходьбы от Таврического дворца.— В 1917 г. Розанов с семьей жил по адресу: Шпалерная, 44-б, кв. 22.

С. 348. ...речь Стеклова против Временного правительства.— 30 марта 1917 г. член Исполкома Петроградского Совета Ю. М. Стеклов (Нахамкин, 1873—1941) выступил на Всероссийском совещании делегатов от Советов рабочих и солдатских депутатов с речью о Временном правительстве, напечатанной 5 апреля в газете «Известия».

С. 350. Гектор — герой Троянской войны в «Илиаде» Гомера.

Терсит — злобный и дерзкий воин в «Илиаде» Гомера.

Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959). Его речь «Об отношении к Временному правительству» от 3 апреля 1917 г. была напечатана в газете «Известия» в субботу 8 апреля.

ЧТО ТАКОЕ НАРОД ТЕПЕРЬ?

Окончание цикла статей «В Советах Рабочих и Солдатских Депутатов» опубликовано в «Новом времени». 1917. 20 апреля, под псевдонимом «Обыватель».

В НАШИ ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ

Впервые — Новое время. 1917. 27 апреля. Подпись: «Обыватель».

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Впервые — Новое время. 1917. 27 апреля. Подпись: «Гражданин В. Колосов». Под псевдонимом «В. Колосов» Розанов опубликовал рассказ «В семье моряка» (Новое время. 1900. 27 августа).

ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА И ВЛАСТЬ ИДЕЙ

Впервые — Новое время. 1917. 16 мая. Подпись: «Обыватель».

С. 359. «Лузитания» — пассажирский пароход, торпедированный германской подводной лодкой 7 мая 1915 г. и сгоревший в открытом море.

СОЦИАЛИЗМ В ТЕОРИИ И НАТУРЕ

Впервые — Новое время. 1917. 19 мая. Подпись: «Обыватель».

С. 361. «Русские записки» — ежемесячный журнал, выходивший в Петербурге с ноября 1914 до 1917 г. Ранее и позднее (по 1918 г.) назывался «Русское богатство».

«Толцые и отверзетя вам» — Евангелие от Матфея, 7, 7; от Луки, 11, 9.

С. 365. «ныне отпущаеши раба твоего...» — Евангелие от Луки, 2, 29.

С. 366. дом Мурузи — Литейный, 24, где жили ранее Д. С. Мережковский и З. Н. Гиппиус, у которых в 1900-е годы бывал Розанов.

С. 367. Здравствуй, родина! идущие на смерть тебя приветствуют — перефразировка слов, которыми идущие на битву гладиаторы приветствовали римского императора Клавдия (Светоний Г. Жизнь двенадцати цезарей. Жизнь Клавдия, 21).

С. 369. Не прикасайся к моим кругам,— слова Архимеда к одному из римских воинов, ворвавшихся в захваченные ими Сиракузы (Тит Ливий. История римского народа. XXV. 31, 10).

...я слушал в Москве — Розанов перечисляет историков, лекции которых он слушал в Московском университете (1878—1882). См. статью Розанова «Памяти В. О. Ключевского» (Русское слово. 1911. 15 мая).

ЧТО ГОВОРЯТ АНГЛИЧАНЕ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РУССКОМ СОЮЗЕ

Впервые — Новое время. 1917. 10 июня. Подпись: «Обыватель».

С. 371. *Белоруссов* — псевдоним писателя и публициста Алексея Станиславовича Белевского (1859—1919). 8 июня 1917 г. в «Русских ведомостях» напечатана его статья «Способность к самоограничению».

С. 372. *Единоличное вето* — право наложения единоличного запрета на решения законодательного собрания в Польском сейме XVII—XVIII вв.

ЗАМЕТКИ О НОВОМ ПРАВОПИСАНИИ

Впервые — Новое время. 1917. 14 июня. Подпись: «Обыватель».

С. 373. *Тредьяковский был первый предшественник...* — имеется в виду «Разговор между чужестранным человеком и российским об орфографии старинной и новой и о всем, что принадлежит к сей материи» (1748) В. К. Тредиаковского.

ЧТО ТАКОЕ «БУРЖУАЗИЯ»?

Впервые — Новое время. 1917. 20 июня. Подпись: «Обыватель».

МОНАРХИЯ — СТАРОСТЬ, РЕСПУБЛИКА — ЮНОСТЬ

Впервые в книге: *Розанов В. Черный огонь*. Париж, 1991.

С. 374. *В давние, давние годы, размышляя о том, что такое монархия...* — имеется в виду статья Розанова «О подразумеваемом смысле нашей монархии», которая была снята цензурой из журнала «Русский вестник» (1895. № 6) и вышла отдельным изданием в 1912 г.

С. 375. *Аршином общим не измерить* — Ф. И. Тютчев. «Умом Россию не понять...» (1866).

С. 376. *Вальденсы* (лионские бедняки) — приверженцы ереси, зародившейся в XII в. в Лионе и названной по имени купца Пьера Вальдо, раздавшего свое имущество и провозгласившего бедность и аскетизм жизненным идеалом.

Провансаль — имеется в виду поэзия трубадуров (XI—XIII вв.).

Порт-Рояль — женский монастырь вблизи Парижа (основан в 1204 г.), ставший в XVII в. центром французской культуры, оплотом янсенизма, к которому тяготели Б. Паскаль, Ж. Расин.

С. 380. *Занялась уже денница...* — песенка Офелии из 5 сцены IV действия трагедии Шекспира «Гамлет». Перевод А. Кронеберга.

ПРИМИТИВНЫЕ...

Впервые в книге: *Розанов В. Черный огонь*. Париж, 1991.

С. 382. «*Былое*» — исторический журнал (сборники), выходивший в 1906—1907 гг. в Петербурге под редакцией В. Я. Богучарского и П. Е. Щеглова при

участии В. Л. Бурцева, издававшего его ранее в Лондоне (1900—1904). После запрещения выходил в 1908 г. в Париже. Возобновлен в Петрограде в 1917 г.

«Воспоминания» народника-революционера Владимира Карповича Дебогория-Мокриевича (1848—1926) были изданы в Петербурге в 1906 г.

К НАШЕЙ НЕРАЗБЕРИХЕ

Впервые в книге: *Розанов В.* Черный огонь. Париж, 1991. Подпись: «Обыватель».

СЕГОДНЯ УТРОМ

Впервые в книге: *Розанов В.* Черный огонь. Париж, 1991.

SERVUS SERVORUM DEI

Впервые в книге: *Розанов В.* Черный огонь. Париж, 1991.

С. 388. *Слуга слуг Божьих* — самоназвание папы в его указах.

С. 389. *...по поводу 25-летней годовщины смерти Некрасова* — статья Розанова «25-летие кончины Некрасова» появилась в «Новом времени» 24 декабря 1902 г. Далее имеются в виду «Песни о свободном слове» (1865) Некрасова (раздел III. Наборщики).

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОБЛОМОВКА

Статья написана летом 1917 г. Печатается по изданию: *Новый журнал.* Нью-Йорк. 1979. № 35. С. 204—212.

С. 390. *Сам друг мой...* — публицист Петр Петрович Перцов (1868—1947), подготовивший издания четырех книг Розанова.

«*В сем одеянии...*» — *Карамзин Н. М.* История государства Российского. Т. IX. Гл. 2.

...над офицерами и неугодными матросами — речь идет о расправах революционных матросов над адмиралом Р. К. Виреном и офицерами в феврале — марте 1917 г.

С. 391. *...на середину Роны* — речь идет о якобинском терроре во время Великой французской революции.

«*русский бессмысленный и жестокий бунт*» — А. С. Пушкин. Капитанская дочка. Гл. 13 (у Пушкина «бессмысленный и беспощадный»).

Чигиринское дело (1877) — попытка революционных народников поднять крестьянское восстание в Чигиринском уезде Киевской губернии, воспользовавшись подложным царским указом. В журнале «Былое» (1906. № 12) были опубликованы материалы о «чигиринском заговоре».

С. 392. «*всякая собственность есть... кража*» — мысль французского социолога П.-Ж. Прудона из его сочинения «Что такое собственность?» (1840). Ранее встречается в монастырском уставе одного из отцов церкви Василия Великого (IV в.).

«*Железный закон*» — изложенный Францем Лассалем в «Гласном ответе Центральному комитету по созыву всеобщего германского рабочего конгресса в Лейпциге» (1863) закон, согласно которому заработная плата определяется минимумом средств существования, необходимых для поддержания жизни работника и его семьи.

Шпильгаген Фридрих (1829—1911) — немецкий писатель. Прообразом Лео Гутмана, героя наиболее известного его романа «Один в поле не воин» (1866) считается Ф. Лассаль.

С. 393. *Флеровский* — псевдоним публициста Василия Васильевича Берви (1829—1918). Его книга «Положение рабочего класса в России» вышла в Петербурге в 1869—1872 гг.

«Куль хлеба» — роман писателя и этнографа Сергея Васильевича Максимова (1831—1901) «Куль хлеба и его похождения» (1873).

ПРИНЦИП АНАРХИИ

Впервые в книге: *Розанов В. Черный огонь*. Париж, 1991. Подпись: «Обыватель».

С. 396. ...*приказ о роспуске Государственной Думы* — указом 16 декабря 1916 г. Дума была распущена, но 14 февраля 1917 г. ее заседания возобновились. 25 февраля 1917 г. занятия Государственной думы были прерваны.

ГОЛОС ПРАВДЫ

Впервые — *Новое время*. 1917. 25 июня. Подпись: «Обыватель».

С. 400. ...*сообщение о забастовке инженеров* — имеются в виду статьи в «Новом времени» 24 июня 1917 г.: «Письмо жены офицера» Е. Доможировой, «Репорт (О положении офицеров)», «Деспотизм» Т. Аримаспова и статья без подписи «Забастовка инженеров».

К РАЗГРОМУ БИБЛИОТЕК

Впервые — *Новое время*. 1917. 27 июня. Подпись: «Обыватель».

КАК НАЧАЛА ГНОИТЬСЯ НАША РЕВОЛЮЦИЯ

Впервые в книге: *Розанов В. Черный огонь*. Париж, 1991. Подпись: «Обыватель».

К ПОЛОЖЕНИЮ МОМЕНТА

Впервые в книге: *Розанов В. Черный огонь*. Париж, 1991.

ЗАПОЗДАЛОЕ ГОРЕ...

Впервые — *Новое время*. 1917. 10 августа. Подпись: «Обыватель».

С. 406. ...*в Михайловском театре* — 12 марта 1917 г. в Михайловском театре в Петрограде состоялся митинг Союза деятелей искусств, в котором приняли участие Ф. И. Шаляпин, И. А. Бунин, М. Горький.

«звериный национализм». — В книге «Национальный вопрос в России» В. С. Соловьев писал о «зоологическом патриотизме» (Собр. соч. 2-е изд. Спб., 1911. Т. 5. С. 393). В статье «Князь Е. Н. Трубецкой и Д. Д. Муретов» (Колокол. 1916. 12 августа) Розанов писал, что Соловьев «в грубой полемике своей против Н. Я. Данилевского и Н. Н. Страхова употребил термин «зоологический национализм».

С. 407. *Ояма Икуо* (1842—1916) — во время русско-японской войны 1904—1905 гг. главнокомандующий сухопутными японскими армиями в Маньчжурии. В Мукденском сражении в феврале 1905 г. армия генерала Т. Куроки нанесла поражение русской армии под командованием генерала А. Н. Куропаткина.

НЕ ТЕ СЛОВА, НЕ ТЕ ДУМЫ

Впервые — Новое время. 1917. 16 августа. Подпись: «Обыватель».

С. 409. «*Перед совещанием*» — статья П. Сурмина (П. И. Майгура) в газете «Утро России» 12 августа 1917 г.

Циммервальд — имеется в виду Циммервальдская конференция в сентябре 1915 г. в Швейцарии, на которой было создано Циммервальдское объединение международных социалистических организаций.

АПОКАЛИПСИС НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Печатается по единственному изданию, вышедшему в Сергиевом Посаде в ноябре — декабре 1917 г. (№ 1 и 2) и в 1918 г. (№ 3—10) в типографии И. Иванова (склад издания в книжном магазине М. С. Елова). Общая пагинация выпусков (всего 148 страниц) была призвана подчеркнуть целостность замысла всей книги. Неточности цитирования не исправляются и не отмечаются. Строчки отточий в тексте присутствуют в первом издании.

С. 413. ...«*я все забыл*» в *Московском университете*.— Учение в Московском университете, который он окончил в 1882 г. (историко-филологический факультет), не наложило на Розанова заметного отпечатка. Он всегда считал, что «вовсе не университеты вырастили настоящего русского человека, а добрые безграмотные няни» («Опавшие листья». Короб 1-й).

С. 414. *Прав этот бес Гоголь*.— Розанов видел в Гоголе «гениального, но извращенного» писателя, мастера сатиры, «смех» которого отрицает Россию. После революции Розанов признал победу Гоголя: «Революция нам показала и душу русского мужика, «дядю Митяя и дядю Миняя», и пахнущего Петрушку, и догадливого Селивана. Вообще — только Революция, и — впервые революция оправдала Гоголя» (Книжный угол. 1918. № 3. С. 10).

«*Детский мир*» (1861) — хрестоматия К. Д. Ушинского для первоначального чтения в школе. Розанов пародирует текст хрестоматии. Ср. запись во втором коробе «Опавших листьев»: «Мы учили по Радонежскому или Ушинскому: «Я человек хотя и маленький, но у меня 32 позвонка и 12 ребер...»

Песнь Моисея — Откровение Иоанна Богослова, XV, 3.

«*Новое время*» *нельзя было закрыть*...— Газета «Новое время», издававшаяся в Петербурге с 1868 г., в которой сотрудничал Розанов, была закрыта решением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете 26 октября (8 ноября) 1917 г.

С. 415. *Алматыч* — управляющий в имени князя Болконского Лысые Горы (Толстой Л. Н. Война и мир).

Литвинов Ирину и Лежнев Лизу...— герои романов И. С. Тургенева «Дым» и «Рудин».

Полабские славяне — группа западнославянских племен, населявших до XII века территорию от Эльбы (Лабы) до Одера; в дальнейшем большая часть их была германизирована.

С. 416. «*Дневник лишнего человека*» (1850) — повесть И. С. Тургенева; «*Жизнь ненужного человека*» (1908, полностью 1917) М. Горького. Далее обыгрывается название повести Ф. М. Достоевского «Записки из подполья» (1864).

С. 417. «*Уже сам жаждущий, когда сам утолился*...» — Евангелие от Матфея, V, 6.

«Должны победить» — 26 и 27 июля 1914 г. «Новое время» опубликовало статью М. Меншикова *«Должны победить»*, в которой говорится о встрече Николая II в Зимнем дворце с представителями народа.

еще не износил революционер первых сапог — перефразировка слов Гамлета («и башмаков не износив...»). У. Шекспир. «Гамлет», действие I, сцена 2.

«волцы и тернии» — Бытие. III, 18.

С. 418. *...даже Леонид Андреев ничего не выплюнул...* — Розанов весьма скептически относился к творчеству Л. Андреева, видя в его книгах «бесстрастие и равнодушие», «отсутствие простоты, отсутствие глубины». Рецензируя рассказ Андреева «Тьма», напечатанный в третьей книге альманаха «Шиповник», Розанов с удовлетворением отмечал, что здесь «почти не встречается прежних его «пужаний» читателя, — самой забавной и жалкой чертой в его писательской манере» (Новое время. 1908. 25 января). Розанов считал, что Андреев «как бы носит при себе «ящик с ужасами» и торгует ими: «Хотите ужасов войны? — Вот вам «Красный смех». Хотите ужаса казни? — Вот «Рассказ о семи повешенных», или ужаса сумасшествия? — Вот «Повесть о Василии Фивейском» (Новое время. 1908. 3 августа).

«с Германиею Россия может заключить мир...» — В передовой статье «Как «предложить» немцам мир?» «Новое время» писало 10 октября 1917 г.: «...«мир вообще» может быть достигнут и сейчас: достаточно, чтобы Россия изъявила согласие передать немцам все земли, лежащие до Двины, вместе с Ригой и занятыми островами».

С. 419. *«Итальянские впечатления»* (1909) — книга Розанова; написана на основе его поездки в мае 1901 г. в Италию и летом 1905 г. в Германию. Речь идет о заключительной главе книги, где Розанов писал: «Германия явно рвется и, вероятно, достигнет гегемонии в сонме европейских... держав; но «гегемонии» такой, которой некуда им (немцам) девать и нечего из нее сделать. Нет, мне кажется, народа менее с «всемирным» призванием, чем немцы».

С. 420. *Deutschland, Deutschland über alles* — первая строка песни немецкого поэта А. Г. Гофмана фон Фаллерслебена (1798—1874) — «Германия, Германия превыше всего» (1841), использованной позднее в качестве националистического гимна Германии и фашистского рейха.

...судом над церквами Христовыми. — Откровение Иоанна Богослова в Библии, или Апокалипсис (по-гречески означает «откровение») во 2-й и 3-й главах содержит наставления Ангелам семи церквей: Ефесской, Смирнской, Пергамской, Фиатирской, Сардисской, Филадельфийской и Лаодикийской.

«с мечом, исходящим из уст его», «как из камня сардиса и халкедона» — Откровение Иоанна Богослова. II, 16 и 15.

«облечение в белые одежды». — Откровение Иоанна Богослова, III, 5.

С. 421. *«земли новой» и «неба нового».* — Там же. XXI, 1.

«древо жизни», «источники вод». — Там же. XXII, 2 и 14; XXI, 6.

С. 422. *«Евангелие будет проповедано всей твари».* — Евангелие от Марка, XVI, 15.

«падающих звездах» и «небе, свившемся как свиток». — Там же. VI, 13 и 14.

Рог — это слово употребляется в Библии как эмблема могущества, чести и славы (Второзаконие, XXXIII, 17; Евангелие от Луки, I, 69).

Патмос — остров в Эгейском море, где, по преданию, Иоанн Богослов получил повеление записать виденное.

С. 423. *«...красоту полевых лилий».* — Евангелие от Матфея, VI, 28.

С. 424. «Учитель, хлеба!» — вариация на тему Евангелия от Матфея, XIV, 17—21.

Владимир Соловьев, изучавший все «богочеловеческий процесс»... — Концепция «богочеловеческого процесса» Вл. С. Соловьева наиболее полно выражена в его книге «Чтения о богочеловечестве». Философ писал о процессе искупления миром (в лице возрождающегося к «вечной жизни во Христе» человечества) отпадения от Бога. Богочеловеческая концепция Вл. Соловьева опиралась, в частности, на ветхозаветную притчу о Премудрости Божией (Книга притчей Соломона, 9). Идеи всемирной теократии высказывались философом в ряде работ («История и будущность теократии», «Россия и вселенская церковь» и др.). У Розанова было противоречивое чувство любви и «нелюбви» к Соловьеву. В «Опавших листьях» он писал, что Соловьев «ни одной строчкой не помог» решению семейного вопроса, а в статье о Достоевском и Соловьеве писал, что Вл. Соловьев был «хорошим работником русской земли, в высшей степени добросовестный в отношении к своим идеям и в своем отношении к родной земле» (Новое время. 1902. 11 октября). В 1907 г. в журнале «Золотое руно» Розанов опубликовал письма Соловьева со своими проникновенными комментариями.

«Ты — ходил в Саду Божиим...» — Книга Иезекииля. XXVIII, 13.

«Ты был первенец Мой...» — Исход. IV, 22.

Иегова (Яхве) — бог в иудаизме, произнесение имени которого было под запретом и точное произношение осталось неизвестно.

С. 425. «мир проходит» — Первое послание Иоанна. II, 17.

С. 426. ...о «мартовских» днях — то есть о свержении самодержавия (Николай II отрекся от престола 2 марта 1917 г. по старому стилю).

Лысый, с белой бородою... — цитируется стихотворение И. С. Никитина «Дедушка» (1858).

С. 427. ...о скифах и Вавилоне. — В 4-й книге «Истории» Геродота дано первое в античной литературе описание жизни и быта скифов. Содержит также рассказ о походе персидского царя Кира на Вавилон (539 г.).

...юная вдова, подбирающая колосья — сюжет из библейской «Книги Руфь».

С. 428. *Хроника о Меровингах* — «История франков» готского латинского писателя Григория Турского (ок. 540 — ок. 594) послужила главным источником для «Рассказов из времен Меровингов» Огюстена Тьерри (1795—1856).

«Зачем он бежит от меня? Он — брат мой». — 3-я книга Царств, XX, 29—32.

Ассирияне шли как на стадо волки... — цитируется стихотворение Байрона «Поражение Сеннахериба» (1815) в переводе (1856) А. К. Толстого.

С. 429. «вдыхает туки своих жертв» — Левит. XVII, 6 и др.

С. 430. «Аз есмь путь и жизнь» — Евангелие от Иоанна. XIV, 6.

С. 431. «Там оникс и камень бдолах» — Бытие. II, 12.

...столбом огненным — ночью освещает путь. — Исход, XIV, 19—20.

С. 432. *Христос же сказал...* — Евангелие от Луки, XX, 34—35.

С. 433. ...создана была Вселенная от Элогим... — Пятикнижие (т. е. первые пять книг Ветхого завета — Бытие, Исход, Левит, Числа и Второзаконие) богословы считают цельным произведением, записанным Моисеем непосредственно со слов бога Яхве. В Пятикнижии рассказ ведется от Бога, именуемого то Элоха (во множественном числе Элохим), то Яхве. В русском синодальном переводе Библии Элохим обычно передается словом «Бог», а Яхве — словом «Господь».

Радость, ты — искра небес... — Шиллер Ф. К радости (1785). Пер. В. Г. Бенедиктова.

Хорошо, «через кого соблазн входит в мир» — Розанов полемизирует с евангельским текстом; «Горе тому человеку, чрез которого соблазн приходит» (Евангелие от Матфея. XVIII, 7).

...один старец Востока... — в книге «Библейская поэзия» Розанов называет этого старца — проповедник Агиба.

С. 434. *И долго на свете томилась она...* — из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Ангел» (1831).

«...ад и скрежет зубовный». — Евангелие от Матфея, VIII, 12.

«Не бо врагом Твоим тайну повем, ни лобзания Ти дам яко Иуда...» — («Не поведаю тайны Твоим врагам, не дам Тебе лобзания как Иуда».) — из молитвы Божественной литургии.

«...нравственный закон» он уже принес... — согласно Библии, на горе Синай Бог дал Моисею закон — «10 заповедей» (Исход. XX).

С. 436. *...инженер-технолога Трофимова* — имеется в виду книга: Трофимов А. И. Научный социализм, или учение о прибыли как ренте, поможет ли нам выйти из великой разрухи? М., 1918.

«Немножко и радости» — в сохранившейся верстке пятого номера «Апокалипсиса нашего времени» этой статье предшествовала иная, снятая автором:

ЛЕВ

И вот выходит лев на ловитву.
Этих выходов 365.
И за жизнь: 35 x 365.
И каждый раз сжались зубы, высунулись когти.
На кого-нибудь.
Нет злобы, но нужна пища.
И вот никого нет. Пусто, тоще.
И погас взгляд. Нога идет иначе. Виляет.
Хвост волочится. Какой робкий взгляд.
«Статья не печатается. Не нужно», «Не подходит».
И он виляет. А на самом деле шатается.

Виляет с львиными зубами, и такой страшный на вид.
И когти тоже. Но помертвелый взгляд. Боится.

.....

И вот выходит лев на молитву.
(Гос. литературный музей, ф. 362, оп. 1, № 55, л. 2).

Приидите володеть и княжити... — запись в изначальной русской летописи «Повесть временных лет» в год 6370 (862) о призвании варягов. Составителем ее считается монах Печерского монастыря Нестор (начало XII в.).

«Всю тебя, земля родная...» — из стихотворения Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья» (1855), которое особенно любил и постоянно цитировал Ф. М. Достоевский («Дневник писателя», «Братья Карамазовы»).

«как в Риге» — 21 августа 1917 г. немцы заняли Ригу и установили там свой режим.

Покорение России Германиею будет... — эту идею Розанов подробнее развивает в статье «Возле «русской идеи»...». (1911).

С. 437. *Величайший из древних...* — имеется в виду библейский пророк Моисей. «И сказал Моисей Господу: о Господи! человек я не речистый, ...я тяжело говорю и косноязычен» (Исход. IV, 10).

С. 438. *Град Салима* (Соломона) — имеется в виду Иерусалим, в котором царь Израильско-Иудейского царства (965—928 гг. до н. э.) Соломон осуществлял широкое градостроительство. Иерусалим (в том числе и Иерусалимский храм) был разрушен в VI в. до н. э. вавилонским царем Навуходоносором II, затем отстроен вновь. Окончательному разрушению подвергся в I в. н. э. в ходе Иудейской войны — восстания Иудеи (римской провинции в Южной Палестине) против протектората Рима.

Павел — один из апостолов. Распят по своей просьбе головой вниз был, однако, другой апостол — Петр, о чем свидетельствует христианский теолог и философ Ориген (ок. 185—253/254).

Скопцы — религиозная секта, возникшая в России в конце XVIII века в результате выделения из секты хлыстов (христоверов, считавших возможным прямое общение со «святым духом», воплощение Бога в праведных сектантах — «христах», «богородицах»). Основателями скопчества были Андрей Блохин и Кондратий Селиванов, проповедовавшие «спасение души» в борьбе с плотью путем оскотления.

...начавшие торговать в Парагвае — колонизацию Парагвая возглавили иезуиты, создавшие там в начале XVII в. свое государство (1610—1768).

«я и Отец — одно» — Евангелие от Иоанна. X, 30.

И сделал что Сатурн с Ураном — в греческой мифологии бог неба Уран был оскотлен и свергнут собственным сыном Кроносом (Сатурном в римской мифологии).

«...со свечечками и закопавшись». — Речь идет о самозакапывании сектантов в Бессарабии, о чем Розанов писал в книге «Темный лик» (1911), раздел «Русские могилы».

«Егда вознесусь — всех привлеку к себе». — Евангелие от Иоанна. XII, 32.

С. 439. *...кто воскресил Лазаря*. — Речь идет об одном из чудес Христа: воскрешение умершего Лазаря (Евангелие от Луки. X, 41—42).

«потрясший небо и землю». — Книга Аггея. II, 6.

«отрок Иеговы» — т. е. Израиль (Евангелие от Луки. I, 54).

«Там будет огонь неугасимый»... — повторяющийся библейский мотив.

Мария — сестра воскрешенного Иисусом Лазаря и Марфы, которая, когда Христос пришел в их дом, «села у ног Иисуса и слушала слово его». Когда Марфа посетовала на то, что сестра не помогает ей приготовить угощение, Иисус ей ответил: «Марфа! Марфа! Ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно. Мария же избрала благу часть, которая не отнимется у нее» (Евангелие от Луки. X, 41—42).

«И дам тебе все царства мира» — искушение Христа дьяволом (Евангелие от Матфея. IV, 8; Евангелие от Луки. IV, 5).

С. 441. *...народы понесут вас на плечах своих* — Книга Исаии. XLVI, 7.

Переживание — первоначально напечатанный текст этой главки был иной: «Сижу и плачу, сижу и плачу как о совершенно ненужном — о всем мною написанном. Никогда я не думал, что Государь так нужен для меня: но вот *Его нет* — и для меня как нет России. Совершенно нет: — и для меня, вместе, не нужно всей моей литературной деятельности. Просто — я не хочу, чтобы она была. Я не хочу ее для республики, а — для царя, царицы, царевича, царевен. Никогда я не думал, чтобы «без царя был не нужен — и народ»: но вот — для меня вполне не нужен и народ. *Без царя я не могу жить*.

Посему я думаю, что царь непременно вернется, что без царя не выживет Россия, задохнется. И даже — не нужно, чтобы она была без царя.

Это — моя мысль, и да будет она истинною и священною».

С. 442. «Ефа за ефу» — Книга Иезекииля. XLV, 11. Ефа — меры сыпучих тел (около трех ведер).

С. 443. *Песнь Деворры* — Книга Судей. V, 1—31.

Сестра Моисея — Мариам. «И воспела Мариам пред ними: пойте Господу, ибо высоко превознесся Он, коня и всадника его ввергнул в море» (Исход. XV, 21).

О, фараон, ты ввергнулся в море — Исход. XV, 4.

«...мы — рабы Твои». — Книга Ездры. V, 11.

«Величит душа моя Господа». — Евангелие от Луки. I, 46.

«Бог отнял у нас землю...». — Повесть временных лет. М., 1978. С. 101.

И раз я на пароходе... — Летом 1907 г. Розанов путешествовал по Волге на пароходе.

На реках вавилонских — Псалтирь. 136.

С. 444. *Самсон* — библейский герой, прославившийся своими подвигами в борьбе с филистимлянами. Поддавшись страсти к коварной Далиле, он был тайно лишен ею волос, источника его силы, и попал в плен к филистимлянам (Книга Судей. XIII—XVI).

Стена плача — остатки западной стены Иерусалимского храма, разрушенного римлянами в 70 г., место молитв и траура у евреев.

С. 445. *Дело Панченко*. — Панченко Владимир Кириллович и Обриен-де-Ланси Патрикей Петрович — осужденные к каторге за отравление в 1910 г. гвардейского офицера В. Д. Бутурлина (запись судебного процесса издана отдельной книгой: Дело об отравлении В. Д. Бутурлина. М., 1911).

С. 447. *Муразов* — персонаж второго тома «Мертвых душ».

Кит Китыч — так в комедии А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» (1856) называют купца-самодура Тита Титыча Брускова. Цитата контаминирована из произведений Островского.

С. 448. «льна курящегося не погаси» и «трости надломленной не переломи» — Книга Исаии. XLII, 3; Евангелие от Матфея. XII, 20

С. 449. «Дай, я умою ноги тебе». — Ср. Евангелие от Иоанна. XIII, 5.

«...надо пощупать кожу его». — Книга Иова. II, 4—5.

Свобода, братство, равенство (обычно: Свобода, равенство, братство) — фраза, ставшая лозунгом французской революции XVIII в., приписывается Б. Франклину. Письменно зафиксирована в постановлении парижского Клуба кордильеров 30 июня 1793 г.

«Около тебя раба твоя, Руфь...» — Книга Руфь. III, 9.

«И будет мне по глаголу твоему». — Евангелие от Луки. I, 38.

С. 450. *Агарь* — служанка, родившая родоначальнику евреев Аврааму сына Измаила (Бытие. XVI).

«подставь ланиту ударившему тебя» — Евангелие от Луки. VI, 29.

С. 451. «Бедный я человек, кто избавит меня от сего тела смерти» — Послание Павла к римлянам. VII, 24.

Приказ № 1 — имеется в виду первый после победы Февральской революции приказ по гарнизону Петроградского военного округа 1 марта 1917 г., принятый на объединенном заседании рабочей и солдатской секций Петроградского Совета. Приказ № 1, выработанный комиссией под председательством офицера Н. Д. Соколова, наделял солдат гражданскими правами, отменил титулование офицеров «ваше благородие».

...генерал Бетрищев, пишущий «Историю генералов отечественной войны» — имеется в виду эпизод из второго тома «Мертвых душ» (гл. 2), где говорится, что Тентетников писал историю о генералах 1812 года.

С. 452. ...*Россию убила литература.*— Послегоголевская литература подготавливала, по мнению Розанова, «конец России»: «Бунин в романе «Деревня» каждой строкою твердит: «Крестьянство — это ужас, позор и страдание». То же говорит Горький о мещанах, то же гр. Ал. Н. Толстой — о дворянах... Ну, если правду они говорят, тогда России, в сущности, уже нет, одно пустое место, которое остается только завоевать «соседнему умному народу», как о том мечтал уже Смердяков в «Бр. Карамазовых» (Розанов В. Не верьте беллетристам... // Новое время. 1911. 5 января). В статьях 1918 г. Розанов особенно развивал эту мысль: «После того как были прокляты помещики у Гоголя и Гончарова («Обломов»), администрация у Щедрина («Господа ташкентцы») и история («История одного города»), купцы у Островского, духовенство у Лескова («Мелочи архиерейской жизни») и, наконец, вот самая семья у Тургенева, русскому человеку не осталось ничего любить, кроме прибауток, песенок и сказочек. Отсюда и произошла революция» (Розанов В. Таинственные соотношения // Книжный угол. 1918. № 4. С. 9).

О чем ты воешь, ветер ночной...— начало стихотворения Ф. И. Тютчева (1836).

С. 453. *Наль и Дамаянти* — герои эпоса народов Индии «Махабхарата».

С. 454. ...*о Храме явно сказано, что Он его разрушит* — Евангелие от Матфея. XXIV, 1—2; XXVI, 61; от Марка. XIV, 58; от Иоанна. II, 19.

«вышел сеятель сеять в поле» — Евангелие от Марка. IV, 3; от Луки. VIII, 5.

«Как лань желает на источники вод...» — Псалтирь. 41.

«молитва мытаря» — Евангелие от Луки. XVIII, 13—14.

С. 455. *«попав в чрево китово»* — Книга Ионы, II, 2.

Арфа Давида — в русском переводе Библии царь Давид играет на гуслях (Первая книга Царств. XVI, 23).

Марсий — фригийский пастух, игравший на флейте, согласно мифу, вызвавший на состязание Аполлона. Музы решили спор в пользу Аполлона, игравшего на кифаре. Тогда Аполлон повесил Марсия на сосне и содрал с него кожу.

«Мыслью, следовательно, существую» — выражение французского философа Рене Декарта (1596—1650) из его книги «Начала философии» (1644).

...первые да будут последними — Евангелие от Матфея. XIX, 30; XX, 16; Евангелие от Марка. X, 31; Евангелие от Луки. XIII, 30.

С. 456. *«Пошли серп твой на землю...»* — Откровение Иоанна Богослова. XIV, 18.

И земля была пожата.— Там же. XIV, 16.

С. 457. *И спросил его Иоанн* — Евангелие от Иоанна. XIII, 25—30.

С. 458. *Императорская Публичная Библиотека* — ныне Государственная национальная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, учреждена в Петербурге в 1795 г. и открыта в 1814 г. *British Museum* (Британский музей) — основан в Лондоне в 1753 г., открыт в 1759 г., включает в себя одну из крупнейших библиотек мира. *Университет в Саламанке* — старейший университет Испании. Основан в 1218 г., один из крупнейших культурных центров Европы. *Амвросианская библиотека* — находится в Милане, основана в 1609 г., названа по имени миланского епископа Амвросия (340—397).

С. 459. ...«цветочки» Франциска Ассизского.— После смерти Франциска Ассизского (1182—1226), учредителя названного его именем монашеского ордена, появились рассказы о нем — «Цветочки» (русский перевод публиковался в 1904 г. в журнале «Новый путь», где печатался Розанов).

«Подражание Фомы Кемпийского» — морально-философский трактат нидерландского монаха Фомы Кемпийского (ок. 1380—1471) «О подражании Христу» (ок. 1418).

«Знать, чтобы предвидеть, предвидеть, чтобы избегать» — девиз позитивизма, сформулированный его главным представителем Огюстом Контом (1798—1857). Розанов всю жизнь выступал против позитивизма.

Константин Великий казнил сына...— В 326 г. по обвинению его жены Фаусты его старший сын Крисп был сослан, а затем умерщвлен. Убедившись вскоре в невиновности Криспа, он приказал казнить Фаусту.

«планета не пощадила Создателя своего» — вариация на тему «Легенды о Великом инквизиторе» в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского.

С. 460. ...это сборища бесовские...— Откровение Иоанна Богослова. II, 9.

«И поколебались основания земли» — Евангелие от Матфея. XXVII, 51.

Арей (Арес) — бог войны в древнегреческой мифологии. Ему соответствует римский Марс.

Есть упоение в бою...— А. С. Пушкин. Пир во время чумы. (Песня Председателя).

С. 461. Кантерев Павел Николаевич — сотрудник журнала «Богословский вестник» (1892—1918), издававшегося Московской духовной академией в Сергиевом Посаде. С 1913 г. редактором журнала стал П. А. Флоренский (1882—1937), философ и ученый, друг Розанова.

Энтелехия (греч. — завершенность, осуществленность) — понятие философии Аристотеля, означающее осуществление какой-либо возможности бытия.

С. 462. Когда волнуется желтеющая нива...— вольно цитируется стихотворение М. Ю. Лермонтова (1837).

«Бог взял семена из миров иных...» — Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. Ч. II. Кн. 6. Гл. 3.

С. 463. «Восточные мотивы» — в 1916—1917 гг. вышло три выпуска книги Розанова «Из восточных мотивов», отразившей его интерес к Египту.

Весна идет, весна идет...— Тютчев Ф. И. Весенние воды (1830). Вторая строка стихотворной цитаты — вариация на тему «Зеленый шум» (1863) Н. А. Некрасова.

Серапеем — в древности название храма египетского бога Сераписа. При храмах были склепы, где хоронили трупы священных быков Аписов.

С. 465. «Домострой» — памятник русской литературы начала XVI в., свод житейских правил и наставлений, построенный на принципах патриархального быта; обработан протопопом Сильвестром (ум. ок. 1566), который дал книге ее заглавие: «Книга глаголемая Домострой...»

С. 466. ...жить «одному». — Бытие. II, 18.

«тривиум» и «квадриум» — циклы из трех и четырех предметов в средневековой школе.

С. 467. ...пора Бейлиса несчастная.— В связи с судебным процессом в Киеве осенью 1913 г. над приказчиком кирпичного завода Менделем Бейлисом (1873—1934) по обвинению в убийстве с ритуальной целью русского мальчика Андрея Ющинского Розанов выпустил сборник своих статей «Обонятельное и осязательное отношение евреев к крови» (1914).

Не поймет и не оценит... — неточно цитируется стихотворение Ф. И. Тютчева «Эти бедные селенья...» (1855).

С. 468. *Холодно, странничек, холодно...* — Некрасов Н. А. Коробейники (1861).

«Помяни мя, Господи, егда приидеши...» — Евангелие от Луки. XXIII, 42, 39.

С. 469. *О Нобеле никто не писал.* — Нобель Эммануэль — шведский промышленник. Его отец Людвиг Нобель в 1876 г. вместе с братом Альфредом (учредителем Нобелевской премии) основал нефтепромышленное предприятие в Баку. После смерти в 1888 г. Людвиг его сын возглавлял Товарищество братьев Нобель, ставшее крупнейшей нефтефирмой в России. В начале 1918 г. бежал в Швецию, переодевшись крестьянином.

...плутяга Некрасов. — Некрасов оценивался Розановым весьма неоднозначно. Любимым его стихотворением был «Влас», без которого, говорил он, «мне просто было бы скучнее жить на свете, я обеднел бы на некоторое богатство в собственном и личном благополучии. Вот что значат «национальные» богатства, вот как они копятяся» (Мир искусства. 1903. Т. 9. С. 62). С другой стороны, Розанов считал, что некрасовские стихи увлекли юношество в революцию: студентов «науськал Некрасов» («Опавшие листья»), а его стихотворение «Отведи меня в стан погибающих» «поистине все омочено в крови» («Уединенное»).

Что ему книжка последняя скажет... — Н. А. Некрасов. Саша. Гл. IV.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абаза* Алексей Михайлович (1853—?), контр-адмирал, член Особого комитета по делам Дальнего Востока (1903—1905) — 190
- Абеляр* Пьер (1079—1142), французский теолог, философ, поэт — 264
- Августин* Аврелий (354—430), христианский церковный деятель, теолог, философ — 458
- Авель*, в Ветхом Завете сын Адама и Евы, убитый своим братом Каином — 15, 192, 212, 214, 417
- Авраам*, ветхозаветный патриарх, считающийся родоначальником евреев — 32, 33, 83, 254, 280, 290, 322; 450
- Агарь*, в Ветхом Завете рабыня-египтянка, наложница патриарха Авраама — 450
- Агеев* Константин Маркович (1868—1919/1920), православный священник, богослов — 29
- Адам*, в Ветхом Завете первый человек — 47, 90, 148, 161—163
- Азеф* Евно Фишелевич (1869—1918), один из лидеров партии эсеров и секретный сотрудник полиции, в 1908 г. разоблачен как провокатор — 86, 98, 151, 153, 195, 213, 236
- Азов* В. (наст. имя и фам. Владимир Александрович Ашкинази) (1873 — не ранее 1941), журналист, фельетонист, переводчик, с 1926 г. в эмиграции — 327
- Аид*, в греческой мифологии бог царства мертвых — 301
- Айзман* Давид Яковлевич (1869—1922), прозаик, драматург — 18, 39, 79, 115, 239
- Айхенвальд* Юлий Исаевич (1872—1928), литературный критик, с 1922 г. в эмиграции — 15, 29, 39, 100, 152, 173, 176, 187, 212; 214, 230, 288, 289, 294, 322, 326, 327
- Акиба* бен Иосиф (50—132/135), иудейский теолог и проповедник (законоучитель) — 112, 455
- Аксаков* Иван Сергеевич (1823—1886), публицист, общественный деятель, редактор газет «День», «Москва», «Русь», журнала «Русская беседа» — 223, 225
- Аксаков* Сергей Тимофеевич (1791—1859), писатель — 294
- Аладын* Алексей Федорович (1873—?), публицист, депутат I Государственной думы — 235, 343
- Александр I* (1777—1825), российский император (с 1801) — 48, 114, 250
- Александр II* (1818—1881), российский император (с 1855) — 52, 53, 98, 179, 210, 256, 343
- Александр III* (1845—1894), российский император (с 1881) — 154, 201, 210
- Александр Македонский* (356—323 до н. э.), царь Македонии (с 336 до н. э.), создатель крупнейшей монархии древности — 274
- Александр Невский* (1220—1263), князь Новгородский (1236—1251), великий князь Владимирский (с 1252), полководец — 29, 151
- Александра*, кухарка в семье Розановых — 303
- Александров* Анатолий Александрович (1861—1930), журналист, поэт, редактор-издатель журнала «Русское обозрение» — 189

- Алексеев Александр Семенович** (1851—?), правовед, автор работ по основам конституционного и правового государства — 15
- Алексеев И.**, студент, корреспондент Розанова — 46
- Алексеев Михаил Васильевич** (1857—1918), генерал от инфантерии, в марте — мае 1917 г. верховный главнокомандующий, в 1918 г. глава Добровольческой армии на Юге России — 349, 397, 399
- Алексеевский Владимир**, одноклассник Розанова по нижегородской гимназии — 64, 65
- Алексинский Григорий Алексеевич** (1879 — ок. 1967), депутат II Государственной думы, член социал-демократической фракции, с 1918 г. жил за границей — 282
- Алешинцева Домна Васильевна**, воспитательница младших детей Розанова, ухаживала за его больной женой (1910—1917) — 21, 163
- Алкивиад** (ок. 450—404 до н. э.), афинский военачальник — 301
- Альбов Иоанн Федорович**, православный священник, с которым полемизировал Розанов — 50, 67, 113
- Аман**, персонаж библейской книги Есфирь, пытавшийся устроить заговор против евреев, но поплатившийся за это жизнью — 202
- Амвросий Оптинский** (Александр Михайлович Гренков) (1812—1891), иеросхимонах, старец Оптиной пустыни, духовный писатель — 93
- Амфитеатров Александр Валентинович** (1862—1938), писатель, журналист, с 1921 г. в эмиграции — 52, 79, 94, 95, 105—107, 128, 352
- Андерсен Ханс Кристиан** (1805—1875), датский писатель, известен прежде всего как сказочник — 142
- Андерсон**, знакомый Розанова — 250
- Андреев Василий Васильевич** (1861—1918), музыкант, организатор и руководитель первого оркестра русских народных инструментов; Розанов писал о нем в книге «Среди художников» — 24
- Андреев Леонид Николаевич** (1871—1919), писатель — 79, 152, 239, 352, 418
- Андрей Первозванный**, в Новом Завете апостол, согласно летописи, считается первым проповедником христианства в русских землях — 315
- Андрей Уфимский** (князь Александр Алексеевич Ухтомский) (1872—1937), епископ Уфимский и Мензелинский (1913), репрессирован — 414
- Анна**, в Ветхом Завете мать пророка и судьи Самуила — 110
- Анненский Николай Федорович** (1843—1912), экономист, публицист народнической направленности, основатель партии народных социалистов — 181
- Антей**, в греческой мифологии великан, сын богини земли Геи, от которой черпал свою силу — 462
- Антиох IV Эпифан**, царь государства Селевкидов (176/175—164 до н. э.) — 201
- Антоний** (Александр Васильевич Вадковский) (1846—1912), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский (с 1898) — 110
- Апис**, в древнеегипетской мифологии священный бык — 463
- Аполлон**, в греческой мифологии бог — целитель, прорицатель, покровитель искусств — 301, 455
- Апостолуло** (урожд. Богдан) Евгения Ивановна (1857—1915), участница Религиозно-философских собраний, знакомая Розанова — 32, 33, 324
- Араго Доминик Франсуа** (1786—1853), французский ученый и политический деятель — 64
- Аракчеев Алексей Андреевич** (1769—1834), граф, всесильный политический и военный деятель при Александре I — 130, 137, 265, 292
- Арей** (Арес), в греческой мифологии бог войны — 460

- Аримаспов Т.*, публицист, автор статьи «Деспотизм» в газете «Новое время» (1917) — 400
- Аристотель* (384—322 до н. э.), древнегреческий философ и ученый энциклопедист — 21, 83, 116, 225, 355, 461
- Арсеньев Константин Константинович* (1837—1919), юрист, литературный критик, публицист, земский деятель, главный редактор «Энциклопедического словаря» и «Нового энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона — 221, 222, 234
- Арцыбашев Михаил Петрович* (1878—1927), писатель, с 1923 г. в эмиграции — 75
- Аш Шолом* (1880—1957), еврейский писатель, с 1909 г. жил в США — 115
- Б. Зинаида Ивановна* — 109
- Б-на* — см. Бутягина А. М.
- Байрон Джордж Ноэл Гордон* (1788—1824), английский поэт, член палаты лордов (с 1809) — 106, 208, 209, 215
- Бакай (Бакаев) Михаил Ефимович*, чиновник по особым поручениям Варшавского охранного отделения, публицист, мемуарист — 245
- Бакунин Михаил Александрович* (1814—1876); революционер, теоретик анархизма — 213, 322, 444
- Баредкова*, знакомая Розанова — 37
- Барков Иван Семенович* (или Степанович) (ок. 1732—1768), поэт, переводчик, автор непристойных сочинений, расхвалившихся в списках — 87
- Батиньоль*, французский инженер, руководил строительством Троицкого моста в Петербурге (в 1897—1903) — 168
- Батюшков Константин Николаевич* (1787—1855), поэт — 294
- Баубосто (Баубо)*, в греческой мифологии жительница Элевсина, радушно принявшая у себя в доме богиню Деметру — 121, 123
- Беатриса* (Беатриче Портинари) (1265/1267—1290), флорентийка, идеальная возлюбленная Данте — 260
- Бebel Август* (1840—1913), один из основателей и руководителей социал-демократии в Германии, депутат рейхстага — 352
- Бейлис Мендель Тевье* (ок. 1874—1934), приказчик кирпичного завода в Киеве, обвиненный в ритуальном убийстве 13-летнего Андрея Ющинского и на процессе (1913) признанный невиновным, после процесса уехал за границу, автор мемуаров «История моих страданий» (1925) — 29, 151, 467
- Белинский Виссарион Григорьевич* (1811—1848), литературный критик, публицист, общественный деятель — 112, 184, 226, 277, 293, 296, 298, 325, 326, 361
- Белоруссов* (наст. фам. Белевский) Алексей Станиславович (1859—1919), писатель, публицист, сотрудник газеты «Русские ведомости» — 371
- Беляев Александр Дмитриевич*, священник, профессор богословия, в доме которого в Сергиевом Посаде в последние годы жил Розанов — 418, 435, 453
- Бен Иохай* (Симон бен Иохай) (ум. 170), иудаистский теолог и проповедник (законоучитель) — 455
- Бенкендорф Александр Христофорович* (1783—1844), граф, политический и военный деятель, шеф жандармов и главный начальник III отделения (политического сыска) (с 1826) — 54
- Бентам Иеремия* (1748—1832), английский философ, социолог, юрист — 65
- Берви-Флеровский Василий Васильевич* (Вильгельм Вильгельмович) (наст. фам. Берви, псевд. Н. Флеровский) (1829—1918), социолог, экономист, публицист, участник общественного движения 1860-х гг. — 393
- Бергсон Анри* (1859—1941), французский философ — 285

- Бердяев Николай Александрович* (1874—1948), философ, публицист, с 1922 г. в эмиграции — 278, 384
- Беркли Джордж* (1685—1753), английский философ и епископ — 223
- Бернар Клод* (1813—1878), французский физиолог и патолог — 77
- Бикерман Иосиф Манасиевич* (1867—1942), публицист — 23, 87, 202
- Бирон Эрнст Иоганн* (1690—1772), граф, политический деятель, фаворит императрицы Анны Иоанновны, герцог Курляндский (с 1737) — 391
- Бисмарк Отто фон Шёнхаузен* (1815—1898), князь, первый рейхсканцлер Германской империи (1871—1890) — 387, 407, 419
- Благов Федор Иванович* (ум. 1934), редактор газеты «Русское слово» — 302
- Благосветлов Григорий Евлампиевич* (1824—1880), публицист, редактор-издатель журналов «Русское слово» и «Дело» — 94, 262
- Блейхрөдер Герсон* (2-я пол. XIX в.), берлинский банкир — 151, 220
- Блинов, нижегородский старообрядец* — 393
- Блюнчли Иоганн Каспар* (1808—1881), швейцарский правовед — 243
- Боборыкин Петр Дмитриевич* (1836—1921), писатель — 139
- Боголепов Николай Павлович* (1846—1901), юрист, министр народного просвещения (с 1898) — 130, 135, 136
- Богораз (Тан-Богораз) Владимир Германович* (псевд. Н. А. Тан, В. Г. Тан) (1865—1936), этнограф, лингвист, писатель, публицист, общественный деятель — 150—152
- Богучарский (Базилевский) (наст. имя и фам. Василий Яковлевич Яковлев)* (1860/1861—1915), публицист, историк, один из издателей журнала «Былое», а затем (после его закрытия в 1908 г.) «Минувшие годы» — 16, 42, 98, 210, 211, 213, 220, 235, 255, 256, 382, 392
- Боккаччо Джованни* (1313—1375), итальянский писатель, гуманист — 87, 140
- Бокль Генри Томас* (1821—1862), английский историк и социолог — 65, 94
- Бонч-Бруевич (Бонч-Бруевич) Владимир Дмитриевич* (1873—1955), литератор, сотрудник ряда большевистских газет, руководитель легального культурно-просветительского издательства «Жизнь и знание» (1909—1918) — 141
- Брайт Джон* (1811—1889), английский политический деятель, выступал за свободу торговли, против т. наз. хлебных законов — 259
- Брантом Пьер* (ок. 1538—1614), французский политический и военный деятель, писатель, историк, мемуарист — 87
- Брем Альфред Эдмунд* (1829—1884), немецкий зоолог, путешественник, популяризатор — 42
- Брешковская (Брешко-Брешковская, урожд. Вериго) Екатерина Константиновна* (1844—1934), активная народница, затем один из лидеров партии эсеров, прозванная «бабушкой русской революции», с 1919 г. в эмиграции — 52, 195, 235
- Брешко-Брешковский Николай Николаевич* (1874—1943), писатель, журналист, с 1921 г. в эмиграции — 194
- Булгаков Сергей Николаевич* (1871—1944), экономист, философ, богослов, после 1922 г. в эмиграции — 77, 384
- Булгарин Фаддей Венедиктович* (1789—1859), писатель, журналист — 141
- Бунин Иван Алексеевич* (1870—1953), писатель, лауреат Нобелевской премии (1933), с 1920 г. в эмиграции — 79
- Буренин Виктор Петрович* (1841—1926), писатель, публицист, литературный критик — 79

- Бурже* Поль Шарль Жозеф (1852—1935), французский писатель (см. примеч.) — 55
- Бурнакин* Анатолий Андреевич (ум. ок. 1932), поэт, литературный критик, журналист, после 1919 г. в эмиграции — 310, 311
- Бурцев* Владимир Львович (1862—1942), публицист, участник революционного движения, издатель историко-революционного журнала (вначале сборник) «Былое», разоблачитель агентов охранки (Азефа и др.), с 1918 г. в эмиграции — 244, 245, 392
- Буслаев* Федор Иванович (1818—1897), филолог и искусствовед — 276
- Бутягина* Александра Михайловна (Шура, Шурочка) (1882/1883—1920), приемная дочь Розанова — 10, 11, 79, 298
- Бутягина* (урожд. Руднева) Варвара Дмитриевна (1864—1923), вторая жена Розанова — 25, 63, 117, 146, 169, 295
- Бэйль* (Бейль) Пьер (1647—1706), французский философ и публицист — 376
- Бэкон* Фрэнсис (1561—1626), английский философ и политический деятель — 83, 209
- Бюхнер* Людвиг (1824—1899), немецкий врач, естествоиспытатель, философ — 114, 187
- В-ский* А. Н., автор революционных песен — 150
- Ваал* (Баал, Балу), древнейшее название бога или богов в Финикии, Палестине, Сирии — 256, 424, 429
- Вавельберг*, петербургский банкир — 151, 155
- Вакх*, в греческой мифологии одно из имен бога Диониса — 196
- Валла*, в Ветхом Завете служанка Рахили, наложница Иакова — 113, 307
- Варавва*, в Новом Завете обвиненный в убийстве человек, которого поми-
ловали, осудив тем самым на казнь Иисуса Христа — 229
- Василий Великий* (ок. 330—379), христианский церковный деятель, теолог, философ, епископ Кесарийский (Малая Азия) — 56, 57, 68, 88
- Васильев* Афанасий Васильевич (1851 — после 1917), публицист, поэт, издатель, с 1893 г. в звании генерала-контролера возглавлял департамент железнодорожной отчетности, будучи непосредственным начальником Розанова — 84
- Вашингтон* Джордж (1732—1799), американский политический и военный деятель, первый президент США (1789—1797) — 376
- Введенский* Александр Иванович (1856—1925), философ, профессор Петербургского университета — 329
- Велизарий* (ок. 504—565), византийский полководец — 289, 290
- Вельде*, автор революционных песен — 150
- Венгеров* Семен Афанасьевич (1855—1920), историк русской литературы и общественной мысли, библиограф — 18, 23, 29, 39, 152, 196, 276, 278, 322, 325, 327
- Венгерова* Зинаида Афанасьевна (1867—1941), литературный критик, историк западноевропейской литературы, переводчица, умерла за границей — 59
- Вергежская* — см. Тыркова А. В.
- Верхарн* Эмиль (1855—1916), бельгийский поэт, драматург, критик — 42
- Веселовский* Александр Николаевич (1838—1906), литературовед и филолог — 87
- Вигель* Филипп Филиппович (1786—1856), писатель, мемуарист — 436
- Виленкин* — см. Минский Н. М.
- Вильгельм II* (1859—1941), германский император и прусский король (1888—1918) из династии Гогенцоллернов — 114, 117, 337, 359, 419

- Вильгельм I Завоеватель* (ок. 1027—1087), английский король (с 1066) из Нормандской династии — 419
- Вильгельм I Оранский* (1533—1584), принц, глава освободительного движения в Нидерландах, лидер антииспанской оппозиции — 214, 217
- Винавер* Максим Моисеевич (1862/1863—1926), юрист, один из основателей партии кадетов, ведущий деятель еврейских организаций, депутат I Государственной думы, с 1919 г. в эмиграции — 66, 160, 213, 380
- Виноградов Павел Гаврилович* (1854—1925), историк, профессор Московского университета — 15, 332
- Виргилий* (Вергилий, Публий Вергилий Марон) (70—19 до н. э.), римский поэт — 149
- Виссарионов* Сергей Евлампиевич (1867—1918), вице-директор департамента полиции, председатель цензурного комитета — 277
- Витгенштейн* Петр Христианович (1769—1843), генерал-фельдмаршал, в 1813 г. командовал русско-прусской армией в Германии — 250
- Витте* Сергей Юльевич (1849—1915), граф, председатель Комитета министров (с 1903), Совета Министров (1905—1906), автор манифеста 17 октября 1905 г., мемуарист — 61, 66, 86, 94, 314
- Вознесенский* Константин Васильевич, товарищ Розанова по Московскому университету — 67
- Вознесенский* Сергей Валерианович, историк, библиограф — 332
- Волконские*, княжеский род, восходящий к XIII в. — 43
- Волынский* Аким Львович (наст. имя и фам. Хаим Лейбович Флексер) (1861—1926), литературный критик, искусствовед, публицист — 115, 145, 156, 173, 187, 325, 326
- Вольтер* (наст. имя и фам. Мари Франсуа Аруэ) (1694—1778), французский писатель и философ — 207, 208, 215, 264, 325, 376
- Востоков* (наст. фам. Остенек) Александр Христофорович (1781—1864), филолог и поэт — 436
- Высоцкий* Владимир Федорович, ревизор, банковский служащий — 37
- Вышнеградская* Варвара Федоровна, вдова, председатель комитета для оказания пособий вдовам и сиротам войны — 155
- Вышнеградский* Александр Иванович (1867—?), сын министра финансов, член правления Русско-Китайского банка (1902—1910), один из руководителей петербургского Международного банка (1906—1917), эмигрировал — 155
- Вяземский* Леонид Дмитриевич (1848—1909), князь, генерал-лейтенант, член Государственного Совета — 278
- Вяземский* Петр Андреевич (1792—1878), поэт, литературный критик — 325
- Габорио* Эмиль (1832—1873), французский писатель, автор детективных романов — 248
- Галатей*, в греческой мифологии изваянная скульптором Пигмалионом статуя девушки, которая по его просьбе была оживлена Афродитой — 123
- Ганимед*, в греческой мифологии юноша — любимец Зевса, виночерпий у олимпийских богов — 254, 255.
- Гарнак* Адольф фон (1851—1930), немецкий протестантский теолог, историк христианства — 337, 454
- Гаррис* — см. Каллаш М. А.
- Гартман* Эдуард фон (1842—1906), немецкий философ — 222
- Гарусов* Иван Дементьевич, составитель пособий по русской литературе для учащихся средних учебных заведений — 141

- Гаршин* Всеволод Михайлович (1855—1888), писатель — 152, 239
- Гафиз* (Хафиз Ширази) Шамседдин (ок. 1325—1389/1390), персидский поэт — 163
- Гегель* Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831), немецкий философ — 204, 355
- Гезиод* (Гесиод) (VIII—VII вв. до н. э.), древнегреческий эпический поэт — 460
- Гей* Богдан Вениаминович, журналист, сотрудник газеты «Новое время» — 79, 135
- Гейне* Генрих (1797—1856), немецкий поэт и публицист — 29, 31, 208, 209, 288, 332
- Гектор*, в греческой мифологии троянский герой — 350
- Гекуба*, в греческой мифологии жена троянского царя Приама — 15, 72
- Гельвеций* Клод Адриан (1715—1771), французский философ — 207, 215
- Георг VI*, правильнее *Георг V* (1865—1936), английский король (с 1910) из Саксен-Кобург-Готской (с 1917 Виндзорской) династии — 208
- Георгиевский* Александр Иванович (1830—1911), профессор Московского университета, член совета при министре народного просвещения (1866—1881) — 50
- Георгиевский*, публицист, автор статьи о Е. Е. Ламберт — 221
- Гер* (Ген Ю.), автор революционных песен — 150
- Геркулес* (Геракл), герой в греческой мифологии — 257
- Геродот* (490/480 — ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк — 310, 332, 427
- Герцен* Александр Иванович (1812—1870), писатель, публицист, философ, общественный деятель, с 1847 г. в эмиграции — 76, 136, 174, 189, 222, 223, 239, 245, 255, 301, 382, 444, 447
- Герцеништейн* Михаил Яковлевич (1859—1906), экономист, один из основателей партии кадетов, депутат I Государственной думы, убит черносотенцами из «Союза русского народа» — 39, 59, 220, 343
- Гершель* Джон Фредерик Уильям (1792—1871), английский астроном — 64
- Гершензон* Михаил Осипович (1869—1925), историк русской литературы и общественной мысли, публицист, философ, переводчик — 29, 39, 100, 152, 173—176, 187, 220, 228, 230, 263, 322, 326
- Гершуни* Григорий Андреевич (1870—1908), один из основателей и лидеров партии эсеров, глава ее боевой организации, с 1906 г. в эмиграции — 59
- Герье* Владимир Иванович (1837—1919), историк, профессор Московского университета — 330, 331
- Гессен* Иосиф Владимирович (1865/1866—1943), юрист, один из основателей и лидеров партии кадетов, редактор газеты «Речь» (1906—1917), после революции эмигрировал — 18, 23, 39, 42, 108, 160, 201, 244, 246, 276, 285, 319, 322, 331
- Гёте* Иоганн Вольфганг (1749—1832), немецкий писатель, мыслитель, естествоиспытатель — 10, 285, 311, 323, 409, 462
- Гейя*, в греческой мифологии богиня земли — 463
- Гильфердинг* Александр Федорович (1831—1872), фольклорист и историк — 436
- Гиляров-Платонов* Никита Петрович (1824—1887), публицист и критик, издатель газеты «Современные известия» — 224, 294
- Гинцбург* (Гинсбург) Гораций Осипович (1833—1909), барон, банкир, предприниматель — 108, 115
- Гиппиус* Владимир Васильевич (1876—1941), поэт, литературный критик, педагог — 145

- Гиппиус* (в замужестве Мережковская) Зинаида Николаевна (1869—1945), писательница, литературный критик, общественная деятельница, с 1920 г. в эмиграции — 77
- Глаголева* (урожд. Бутягина) Мария Павловна, сестра первого мужа В. Д. Бутягиной — 146
- Гладстон* Уильям Юарт (1809—1898), английский политический деятель, неоднократно премьер-министр — 259
- Глазунов* Илья Иванович (1856—1913), глава книгоиздательской и книготорговой фирмы — 141
- Глинский* Борис Борисович (1860—1917), публицист, историк, сотрудник, а затем редактор (с 1913) журнала «Исторический вестник» — 210, 211
- Глубоковский* Николай Никанорович (1863—1937), богослов, историк церкви, с которым Розанов вел многолетнюю переписку — 19, 48
- Гоббс* Томас (1588—1679), английский философ — 342
- Гоголь* Николай Васильевич (1809—1852), писатель — 17, 40, 41, 94, 106, 113, 114, 116—119, 135, 138, 145, 146, 160, 209, 214, 222, 224, 226, 242, 249, 251, 295, 300, 301, 319, 377, 379—381, 414, 445, 451
- Годнев* Иван Васильевич (1856—?), доктор медицины, педагог, депутат III и IV Государственной думы, после революции эмигрировал — 24
- Головин* Федор Александрович (1867—1937), один из основателей и член ЦК партии кадетов, председатель II Государственной думы, после революции работал в советских учреждениях, репрессирован — 343, 350
- Голубев* Иван Яковлевич (1841—1917), политический деятель, вице-председатель Государственного Совета (1906—1916), занимал должность председателя Государственного Совета с июня 1914 по июнь 1915 г. — 154
- Гольбах* Поль Анри (1723—1789), французский философ — 207, 215
- Гольцев* Виктор Александрович (1850—1906), публицист, литературный критик, участник земского движения, с 1885 г. фактический редактор журнала «Русская мысль» — 15, 135
- Гомер*, полупоэтический древнегреческий эпический поэт — 143, 460
- Гончаров* Иван Александрович (1812—1891), писатель — 23, 101, 102, 145, 294, 303
- Горнфельд* Аркадий Георгиевич (1867—1941), литературный критик, публицист, сотрудник журнала «Русское богатство» — 77, 79, 111, 115, 156, 230, 267, 326, 327
- Горький* Максим (наст. имя и фам. Алексей Максимович Пешков) (1868—1936), писатель, литературный критик, публицист, общественный деятель — 77, 79, 95, 152, 170, 316, 329, 352
- Гостомысл*, легендарный предводитель и первый князь (посадник) новгородских словен (1-я пол. IX в.) — 102
- Гоц* Михаил Рафаилович (1866—1906), один из основателей и член ЦК партии эсеров, входил в ее боевую организацию — 59
- Грановский* Тимофей Николаевич (1813—1855), историк и общественный деятель — 17, 294
- Греков* Иван Иванович (1867—1934), петербургский врач-хирург — 9, 41
- Греч* Николай Иванович (1787—1867), журналист, писатель, филолог — 141
- Грибоедов* Александр Сергеевич (1795—1829), писатель и дипломат — 45, 117, 125, 138, 160, 163, 206, 207, 209, 239, 249, 295, 445
- Григорий Богослов* (Григорий Назианзин) (ок. 330 — ок. 390), христианский церковный деятель, поэт, теолог, философ, епископ г. Назианза (Малая Азия) — 36, 56, 57
- Григорий Турский* (ок. 540 — ок. 594), епископ г. Тур (Галлия), автор «Истории франков» (до 591) — 428

- Григорьев* Аполлон Александрович (1822—1864), поэт, литературный и театральный критик — 42, 176, 210, 262
- Громогласов* Илья Михайлович (1869—?), историк церкви, профессор Московской Духовной академии — 291
- Грот* Яков Карлович (1812—1893), филолог и историк литературы — 135
- Грузенберг* Оскар Осипович (1866—1940), юрист, был адвокатом на судебном процессе над М. Бейлисом, с 1917 г. в эмиграции — 29, 228
- Гуго Капет* (ок. 940—996), французский король (с 987), основатель династии Капетингов — 376
- Гуревич* Любовь Яковлевна (1866—1940), писательница, литературный критик, историк театра, редактор-издатель журнала «Северный вестник» — 82, 108, 115, 325
- Гуревич* Яков Григорьевич (1843—1906), историк и педагог — 332
- Гуревич* Яков Яковлевич, директор мужской гимназии в Петрограде — 155
- Гутенберг* Иоганн (1394/1399 или 1406—1468), немецкий изобретатель книгопечатания — 63
- Гучков* Александр Иванович (1862—1936), промышленник, депутат, затем председатель III Государственной думы, в марте и апреле 1917 г. военный и морской министр Временного правительства, в эмиграции не примыкал ни к одной из политических организаций — 343, 344, 349, 350, 357
- Давид*, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 1004 — ок. 965 до н. э.) — 50, 53, 110, 209, 455
- Далила* (Далида), в Ветхом Завете возлюбленная Самсона, которая выдала его противникам тайну его силы — 444
- Даль* Владимир Иванович (1801—1872), писатель, лексикограф, этнограф — 436
- Дамаянти*, жена легендарного древнеиндийского царя Наля — 31, 163, 170, 453
- Даная*, в греческой мифологии заключенная в башню дочь аргосского царя, к которой Зевс проник в виде золотого дождя — 255
- Данилевская* А. М., читательница, корреспондентка Розанова — 266
- Данилевский* Николай Яковлевич (1822—1885), социолог, философ, публицист — 42, 77, 210, 223, 225, 261, 262, 295
- Данте Алигьери* (1265—1321), итальянский поэт, создатель итальянского литературного языка — 137, 260, 311
- Дантон* Жорж Жак (1759—1794), деятель Французской революции, один из руководителей якобинцев, казнен — 264
- Дарвин* Чарлз Роберт (1809—1882), английский естествоиспытатель, создатель теории эволюции органического мира — 14, 15, 46, 126, 168, 198, 199, 216, 248, 267, 331
- Дебогорий-Мокриевич* Владимир Карпович (1848—1926), революционный народник, мемуарист — 179, 211, 382
- Де Витт* М., корреспондент газеты «Утро России» в Амстердаме — 182, 183
- Девора*, в Ветхом Завете пророчица и судья (правительница) — 443
- Дегаев* Сергей Петрович (1857—1920), один из руководителей «Народной воли» и агент полиции, разоблачен как провокатор в 1883 г., жил за границей — 125, 180
- Дезари*, актер и певец, по происхождению француз — 57, 60
- Дейч* Лев Григорьевич (1855—1941), народник, затем марксист, с 1903 г. один из лидеров меньшевиков, историк революционного движения — 327, 379, 381, 382, 386

- Декарт Рене* (1596—1650), французский философ, математик, физик и физиолог — 223
- Деметра*, в греческой мифологии богиня плодородия — 121, 123, 463
- Демосфен* (ок. 384—322 до н. э.), древнегреческий (афинский) оратор — 293
- Державин Гаврила Романович* (1743—1816), поэт — 228, 294
- Дернов Александр Александрович* (1857—?), протоиерей, религиозный писатель, полемизировал с Розановым — 166, 291, 307
- Джолитти Джованни* (1842—1928), итальянский политический деятель, неоднократно премьер-министр — 260, 261
- Дидро Дени* (1713—1784), французский философ и писатель — 215, 264
- Дизраэли Бенджамин, граф Биконсфилд* (1804—1881), английский политический деятель, премьер-министр (1868, 1874—1880) — 259, 260, 262
- Диль-Тальх*, автор революционных песен — 150
- Димант Ойзер (Иссер) Львович* —стряпчий в Петербурге — 39
- Димитриева* (Дмитриева, в замужестве Ершова) Валентина Ивовна (1859—1947), писательница — 267
- Дионис*, в греческой мифологии бог плодоносящих сил земли, виноградарства и виноделия — 329
- Добролюбов Александр Михайлович* (1876—1945?), поэт, религиозный проповедник — 196, 198
- Добролюбов Николай Александрович* (1836—1861), литературный критик, публицист, постоянный сотрудник журнала «Современник» — 59, 98, 141, 170, 184, 186, 187, 210, 213, 277, 326
- Долина Мария Ивановна* (1868—1919), оперная певица, выступала в концертах — 26, 417
- Дорошевич Влас Михайлович* (1864—1922), журналист, фельетонист, театральный критик, в 1902—1918 гг. редактор газеты «Русское слово» — 100
- Достоевский Федор Михайлович* (1821—1881), писатель и мыслитель — 49, 81, 92, 107, 139, 171, 172, 207, 215—217, 219, 225, 235, 249, 292, 302—304, 314, 325, 355, 415, 426, 459, 462
- Драгоев*, автор письма к Розанову — 192
- Дрейфус Альфред* (1859—1935), офицер французского генерального штаба, родом из эльзасской еврейской семьи, был обвинен в шпионаже в пользу Германии (в 1894), полностью реабилитирован (в 1906) — 29, 151
- Дризен (Остен-Дризен) Николай Васильевич* (1868—1935), барон, театральный деятель, историк театра — 469
- Дроздов Николай Георгиевич*, сотрудник церковной газеты «Колокол», полемизировал с Розановым — 86, 166
- Дьяконова*, курсистка из Одессы, вела переписку с Розановым — 294
- Дюмурье Шарль Франсуа* (1739—1823), французский генерал, командующий революционными войсками, в 1793 г. перешел на сторону австрийцев — 215
- Ева*, в Ветхом Завете жена Адама, пра-матерь рода человеческого — 32, 33, 55, 60, 90, 161—163
- Екатерина II* (1729—1796), российская императрица (с 1762) — 396, 401
- Евгения Ивановна* — см. Апостолопуло Е. И.
- Елена Сергеевна* — см. Левицкая Е. С.
- Жанна д'Арк* (ок. 1412—1431), французская национальная героиня, возглавила борьбу против англичан во времена Столетней войны,

- сожжена по обвинению в ереси, канонизирована в 1920 г. — 128, 264, 376, 378
- Желябов* Андрей Иванович (1851—1881), один из руководителей «Народной воли», организатор убийства Александра II, казнен — 28, 98, 137, 138, 204, 213, 217
- Жиркевич* Александр Владимирович (1857—1927), военный юрист, писатель, публицист — 209
- Жорес* Жан (1859—1914), французский политический деятель, руководитель социалистической партии, историк, убит шовинистом накануне войны — 181, 345
- Жуковский* Василий Андреевич (1783—1852), поэт и переводчик — 13, 23, 52, 189, 235, 294, 414
- Загурский* Леонтий Николаевич, профессор Харьковского университета, занимался проблемами семьи и брака — 311
- Зайончковский* Андрей Медардович (1862—1926), военный историк — 67
- Зайцев* Варфоломей Александрович (1842—1882), публицист, литературный критик, сотрудник журнала «Русское слово» — 262
- Залусский* Андрей Станислав (1695—1758), канцлер, архиепископ Краковский — 401, 402
- Залусский* Иосиф Андрей, польский католический деятель — 401, 402
- Замысловский* Георгий Георгиевич (Егорович) (1872—?), юрист, депутат III и IV Государственной думы, один из лидеров черносотенного «Союза русского народа», гражданский истец (обвинитель) на процессе М. Бейлиса — 30
- Занарделли* (Дзанарделли) Джузеппе (1826—1903), итальянский юрист и политический деятель — 260
- Занд* (Санд) Жорж (наст. имя и фам. Аврора Дюпен, в замужестве Дюдеван) (1804—1876), французская писательница — 125, 216
- Заозерский* Николай Александрович (1851—1919), профессор церковного права Московской Духовной академии, полемизировал с Розановым — 59, 83, 132
- Засулич* Вера Ивановна (1849—1919), народница, затем марксистка, с 1903 г. на позиции меньшевиков — 180, 379, 381
- Зевс*, в греческой мифологии верховный бог — 107, 247, 254, 255
- Зелфа*, в Ветхом Завете служанка Лии, наложница Иакова — 113
- Зиновьев* Григорий Евсеевич (наст. имя и фам. Овсей-Герш Аронович Радомысльский) (1883—1936), один из руководителей большевиков, после революции на партийной и государственной работе, репрессирован — 400
- Золя* Эмиль (1840—1902), французский писатель — 55, 139
- Зосима* (Дмитрий Рашин), архимандрит — 209
- Иаков*, ветхозаветный патриарх, родоначальник двенадцати колен Израилевых — 32, 113, 307
- Ибсен* Генрик (1828—1906), норвежский драматург — 208
- Иван I Калита* (ум. 1340), князь Московский (с 1325), великий князь Владимирский (с 1328) — 193
- Иванов* Вячеслав Иванович (1866—1949), поэт и теоретик символизма, с 1924 г. жил в Италии — 77, 310, 311
- Иванов* Евгений Павлович (1879—1942), публицист, друг А. А. Блока, участник Религиозно-философских собраний — 60, 79
- Иванов-Разумник* (наст. фам. Иванов) Разумник Васильевич (1878—1946), литературный критик, публицист, историк русской литературы и общественной мысли — 115, 141, 235, 325

- Игнатюв* Илья Николаевич (1858—1921), публицист, критик, постоянный сотрудник, один из редакторов газеты «Русские ведомости» (1907—1914) — 294, 326
- Игнатъев* Николай Павлович (1832—1908), граф, дипломат, министр внутренних дел (1881—1882) — 244
- Иегова* (Яхве) (в рус. перев. Суший), в Ветхом Завете имя Бога, которое он дал сам себе — 326, 424, 439
- Иезекииль*, ветхозаветный пророк — 69, 424
- Извольский* Александр Петрович (1856—1919), дипломат, министр иностранных дел (1906—1910) — 386, 387
- Изгоев* Александр Соломонович (наст. имя и фам. Арон Соломонович Ланде) (1872—1935), публицист, деятель партии кадетов, с 1922 г. в эмиграции — 77, 82, 203
- Изида* (Исида) в древнеегипетской мифологии богиня плодородия, воды и ветра, охранительница умерших — 262
- Измайлов* Александр Алексеевич (1873—1921), литературный критик, писатель, пародист — 61, 100
- Иисус Христос* — 22, 23, 29, 38—40, 49, 53, 54, 62, 69, 73, 86, 115, 117, 165, 168, 173, 180, 186, 206, 211, 212, 214, 229, 252, 293, 302, 306, 315, 317, 330, 338—342, 355, 414, 420—424, 430—432, 435, 438—441, 450, 453, 455—459, 463, 466—468
- Иловайский* Дмитрий Иванович (1832—1920), историк и публицист — 70, 333
- Иоанн*, в Новом Завете апостол — 457
- Иоанн* (Иван) *IV Грозный* (1530—1584), первый русский царь (с 1547) — 130, 172, 193, 390, 391, 465
- Иоанн Дамаскин* (ок. 675 — до 753), византийский богослов, философ и поэт — 88
- Иоанн Златоуст* (344/354—407), византийский церковный деятель, проповедник, епископ Константинопольский (398—404) — 56, 57, 88, 458
- Иов*, ветхозаветный праведник — 39, 370, 422, 443, 447, 467
- Иоллос* Григорий Борисович (1859—1907), публицист, деятель партии кадетов, один из редакторов газеты «Русские ведомости», депутат I Государственной думы, убит черносотенцами из «Союза русского народа» — 39, 59
- Иона*, ветхозаветный пророк — 455
- Иосиф*, в Ветхом Завете сын Иакова, проданный братьями в рабство в Египет — 128, 334
- Ирод Антипа* (20 до н. э. — после 39 н. э.), тетрарх Галилеи и Перее, при нем, согласно Новому Завету, был распят Иисус Христос — 86
- Исаак*, ветхозаветный патриарх, сын Авраама — 32, 33
- Исаия*, ветхозаветный пророк — 110, 208, 424, 441, 442
- Иуда*, в Новом Завете апостол, предавший Иисуса Христа — 39, 40, 45, 86, 100, 409, 434, 457
- К. Альфред Юльич* — 93
- Каиафа* Иосиф, иудейский первосвященник, назначенный римлянами (18—37) — 86
- Каин*, в Ветхом Завете сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля — 45, 192, 214, 215, 417, 451
- Каллаш* (урожд. Новикова) Мария Александровна (псевд. Гаррис) (1886—1954), публицистка — 133
- Каменев* (наст. фам. Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936), один из руководителей большевиков, после революции на партийной и государственной работе, репрессирован — 400, 408
- Кановас дель Кастильо* Антонио (1828—1897), испанский политический деятель, неоднократно премьер-министр — 260
- Кант* Иммануил (1724—1804), немецкий философ и ученый — 15, 223, 326, 355

- Кантемир* Антиох Дмитриевич (1708—1744), князь, поэт и дипломат — 138, 228, 295
- Каптерев* Павел Николаевич, сотрудник журнала «Богословский вестник» (1892—1918), знакомый Розанова по Сергиеву Посаду — 461, 464
- Карамзин* Николай Михайлович (1766—1826), историк и писатель — 106, 170, 189, 235, 239, 294, 332
- Карлейль* Томас (1795—1881), английский историк, философ-моралист, публицист — 279
- Карно* Лазар Никола (1753—1823), французский математик, политический и военный деятель — 215
- Карнович* Петр Владимирович (1874—1917), эсер, смертельно ранил Н. П. Боголепова, после 1907 г. эмигрант — 130, 136
- Карташев* Антон Владимирович (1875—1960), историк церкви, председатель Религиозно-философского общества в Петербурге (1909), один из лидеров партии кадетов, министр вероисповеданий Временного правительства, с 1920 г. в эмиграции — 88
- Катерина Васильевна*, знакомая Розановых, сестра Домны Васильевны Алешинцевой — 21
- Катилина* (ок. 108—62 до н. э.), римский политический деятель, его заговор с целью захвата власти (66—63 до н. э.) был раскрыт Цицероном — 212
- Катков* Михаил Никифорович (1818—1887), публицист, издатель журнала «Русский вестник» (с 1865) и газеты «Московские ведомости» (1850—1855 и с 1863) — 121, 180, 189, 223, 225, 245, 292—294, 301
- Катон Старший* (234—149 до н. э.), римский писатель и политический деятель, консул (195 до н. э.) — 210
- Катон Младший* (Утический) (95—46 до н. э.), римский политический деятель, противник Цезаря — 210
- Каутский* Карл (1854—1938), один из лидеров и теоретиков германской и международной социал-демократии — 80
- Керенский* Александр Федорович (1881—1970), юрист, депутат IV Государственной думы, в начале 1917 г. эсер, министр, с июля 1917 г. глава Временного правительства, с 1918 г. в эмиграции, автор мемуаров и книг о революции — 81, 100, 203, 238, 239, 244, 245, 275, 276, 279—281, 297, 351, 377, 378, 390, 402, 403, 410
- Кетчер* Николай Христофорович (ок. 1809—1886), врач, поэт, переводчик, друг Герцена и Огарева в 30—40-х гг. — 174
- Кибальчич* Николай Иванович (1853—1881), народоволец, участник покушений на Александра II, казнен — 138, 218
- Кимон* (ок. 504—449 до н. э.), афинский полководец — 210
- Киреевский* Иван Васильевич (1806—1856), философ, литературный критик, публицист — 146, 175, 225
- Киреевский* Петр Васильевич (1808—1856), фольклорист, археограф, публицист — 146, 175
- Клейнмихель* Петр Андреевич (1793—1869), граф, главноуправляющий путями сообщения (1842—1855) — 17, 82, 83, 137, 141
- Ключевский* Василий Осипович (1841—1911), историк — 210, 347, 369, 370
- Княжнин* Яков Борисович (1740/1742—1791), драматург, поэт — 45, 249
- Кобден* Ричард (1804—1865), английский экономист, политический деятель, публицист, выступал за свободу торговли — 259
- Ковалевский* Максим Максимович (1851—1916), историк, юрист, социолог — 15, 16, 74, 222, 243
- Коган* Петр Семенович (1872—1932), историк литературы, критик — 276, 285

- Колумб Христофор* (1451—1506), испанский мореплаватель, родом из Генуи — 354
- Кольбер Жан Батист* (1619—1683), французский государственный контролер (министр) финансов — 374, 376
- Кольцов Алексей Васильевич* (1809—1842), поэт — 80, 158, 294, 354, 374
- Комиссаров Михаил Степанович* (1870—1933), жандармский генерал, в 1905 г. организовал типографию для печатания черносотенных прокламаций — 106
- Коммин Филипп де* (1447—1551), французский историк — 129
- Кондорсе Жан Антуан Никола* (1743—1794), маркиз, философ, математик, социолог, политический деятель — 264
- Кондурушкин Степан Семенович* (1874—1919), писатель, журналист, сотрудничал в кадетской газете «Речь» — 229
- Коновалов Александр Иванович* (1875—1948), текстильный фабрикант, депутат IV Государственной думы, министр торговли и промышленности Временного правительства, после 1918 г. в эмиграции — 349
- Константин I Великий* (ок. 285—337), римский император (с 306) — 459
- Константин Константинович* (1858—1915), великий князь, внук Николая I, генерал, президент Академии наук, поэт (псевд. К. Р.) — 220
- Конт Огюст* (1798—1857), французский философ и социолог — 117, 140, 207, 216, 249, 459
- Конфуций* (Кун-цзы) (ок. 551—479 до н. э.), древнекитайский мыслитель, основатель морально-политического учения — конфуцианства — 313
- Коперник Николай* (1473—1543), польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира — 430, 432, 459
- Коральник А. Д.*, публицист, сотрудник журнала «Русская мысль» — 261, 262
- Корде* (Корде д'Армон) Шарлотта (1768—1793), француженка, убившая одного из лидеров якобинцев Марата, казнена — 216
- Корнель Пьер* (1606—1684), французский драматург — 376
- Короленко Владимир Галактионович* (1853—1921), писатель, публицист, редактор журнала «Русское богатство» — 39, 74, 77, 95, 128, 133, 135, 153, 267
- Костомаров Николай Иванович* (1817—1885), историк, писатель — 210
- Кравчинский* (псевд. Степняк-Кравчинский) Сергей Михайлович (1851—1895), революционный народник, писатель — 194, 203, 204, 212, 255
- Кранифельд* (Кранихфельд) Владимир Павлович (1865—1918), литературный критик — 115, 327
- Крисп* (ум. 326), сын Константина I Великого — 459
- Кромвель Оливер* (1599—1658), деятель революции в Англии в сер. XVII в. — 173, 279, 385
- Кропоткин Петр Алексеевич* (1842—1921), князь, революционер, теоретик анархизма, геолог и географ — 179, 180, 221, 246, 386
- Крылов Иван Андреевич* (1769—1844), писатель, баснописец, издатель сатирических журналов — 235, 294, 315
- Крюков Федор Дмитриевич* (1870—1920), писатель и общественный деятель — 362, 364, 365
- Крючков Кузьма Фирсович* (ум. 1919), казак, участник первой мировой войны, первый полный Георгиевский кавалер — 417
- Крянифельд* — см. Кранифельд В. П.
- Ксенофонт* (ок. 430—355/354 до н. э.), древнегреческий писатель и историк — 354
- Кугель Иона Рафаилович*, журналист, издатель газеты «День» (1913—1917) — 18, 23, 29, 42, 52, 92, 100, 101, 201, 202, 208, 246, 285, 322

- Кудрявцев* Константин Иванович, товарищ Розанова по нижегородской гимназии, автор писем к нему — 62, 65
- Купер* Джеймс Фенимор (1789—1851), американский писатель — 42
- Куприн* Александр Иванович (1870—1938), писатель, в 1919—1937 гг. в эмиграции — 79
- Курбатов*, торговец мукой в Нижнем Новгороде, старообрядец — 384, 393—395
- Куроки* Тамемото (1844—?), японский генерал, участник русско-японской войны 1904—1905 гг. — 407
- Куропаткин* Алексей Николаевич (1848—1925), генерал от инфантерии, военный министр (1898—1904), командующий войсками в Маньчжурии (1904—1905) — 239, 245, 407
- Кусков* Платон Александрович (1834—1909), писатель, публицист, переводчик — 324
- Кускова* Елизавета (наст. имя Екатерина Дмитриевна Прокопович, урожд. Есипова, во втором браке Кускова) (1869—1958), публицистка, с 1922 г. в эмиграции — 185, 186
- Кутайсов* Павел Иполитович (1837—?), губернатор Нижнего Новгорода (1874—1878) — 274
- Кутузов* Михаил Илларионович (1745—1813), полководец, генерал-фельдмаршал, главнокомандующий русской армией, разгромившей армию Наполеона — 349
- Кюнер* Рафаэль (1802—1878), автор учебников латинского и греческого языка для гимназий — 16, 254
- Лаббок* (Лёббок) Джон (1803—1865), английский астроном и математик — 267
- Лаван*, в Ветхом Завете тесть Иакова — 113
- Лавров* Петр Лаврович (1823—1900), философ, социолог, публицист, идеолог народничества — 221, 246
- Лагранж* Жозеф Луи (1736—1813), французский математик и механик — 64
- Лазарь*, в Новом Завете житель Вифании, воскрешенный Иисусом Христом — 423, 439
- Ламбаль* Мари Тереза Луиза де Савойе Кариньян (1749—1792), принцесса, придворная дама Марии Антуанетты, была растерзана толпой — 192
- Ламберт* (урожд. Канкрина) Елизавета Егоровна (1821—1883), знакомая И. С. Тургенева, его постоянная корреспондентка — 221
- Ламетри* Жюльен Офре де (1709—1751), французский философ и врач — 207
- Лаплас* Пьер Симон (1749—1827), французский астроном, математик, физик — 106, 435
- Лассаль* Фердинанд (1825—1864), немецкий политический деятель, социалист, публицист — 29, 81, 107, 133, 137, 217, 218, 280, 282, 392—395, 407
- Лебедев* Николай Владимирович, цензор журнала «Русское богатство» — 128, 277
- Левиафан*, в Ветхом Завете морское чудовище, являющееся персонификацией всех сил зла — 342
- Левин* Давид Абрамович (1863—?), юрист, журналист, сотрудник газеты «Речь» — 23
- Левицкая* Елена Сергеевна, директриса школы в Царском Селе, знакомая Розанова — 47, 154, 155
- Левицкий* Николай, студент, сын Е. С. Левицкой — 154, 160
- Ледницкий* Александр Робертович (1866—1934), юрист, депутат I Государственной думы — 401, 402
- Лекки* Уильям Эдуард Гарполь (1838—1903), английский историк культуры — 65
- Лемке* Михаил Константинович (1872—1923), историк, публицист — 235, 320

- Ленин* (наст. фам. Ульянов) Владимир Ильич (1870—1924), политический деятель и теоретик марксизма, основатель партии коммунистов и Советского государства — 372, 390, 399, 402—405, 408, 420, 442
- Леонардо да Винчи* (1452—1519), итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер — 133, 309
- Леонтьев* Константин Николаевич (1831—1891), философ, писатель, публицист, литературный критик — 77, 143, 144, 189, 190, 262, 295, 324
- Лермонтов* Михаил Юрьевич (1814—1841), поэт и прозаик — 80, 127, 163, 224, 294, 300, 301, 373, 414
- Лесгафт* Петр Францевич (1837—1909), педагог, анатом, врач — 52
- Лесков* Николай Семенович (1831—1895), писатель — 138, 139, 143—145, 173, 194, 294.
- Лжедмитрий I* (ум. 1606), русский царь (с 1605), самозванец — 380
- Либкнехт* Вильгельм (1826—1900), один из основателей и руководителей социал-демократии в Германии, депутат рейхстага — 352
- Ливий* Тит (59 до н. э. — 17 н. э.), римский историк — 332
- Липскеров* Абрам Яковлевич (1851—1910), издатель-редактор ежедневной московской газеты «Новости дня» (1883—1906) — 42
- Лия*, в Ветхом Завете первая жена Иакова — 113
- Лобанов*, знакомый Розанова, друг писателя С. В. Максимова — 332, 333
- Лоббек* (Лобек) Кристиан Август (1781—1860), немецкий ученый, специалист по классической филологии — 36
- Логинов* Георгий Михайлович (ум. 1907), врач-хирург — 90
- Ломоносов* Михаил Васильевич (1711—1765), естествоиспытатель, поэт, художник, историк, общественный деятель — 42, 373
- Лопатин* Герман Александрович (1845—1918), революционный народник, в 1887—1905 гг. в заключении, после освобождения литератор — 180, 386
- Лопухин* Алексей Александрович (1864—1927), директор департамента полиции (1902—1905), способствовал разоблачению Азефа, был приговорен к ссылке, после амнистии (1912) в эмиграции — 151
- Лорис-Меликов* Михаил Тариелович (1825—1888), граф, военный и политический деятель, министр внутренних дел (1880—1881) — 125, 139
- Лоу* Роберт (1811—1892), английский политический деятель, член палаты общин, министр внутренних дел (1873—1874) — 259
- Лукомский* Георгий Крескентьевич (1884—1928), живописец и искусствовед; Розанов написал рецензию на его книгу «Старинные театры» (Новое время. 1914. 22 мая) — 56
- Львов-Рогачевский* (наст. фам. Рогачевский) Василий Львович (1873/1874—1930), литературный критик — 141, 325
- Льюис* Джордж Генри (1817—1878), английский писатель, философ, физиолог, критик — 65
- Любавский* Матвей Кузьмич (1860—1936), историк — 67
- Любош* (Любошиц) Семен Борисович (1859—1926), журналист — 59, 87, 115, 202, 208, 209, 331
- Людовик IX Святой* (1214—1270), французский король (с 1226) из династии Капетингов — 264
- Людовик XIV* (1638—1715), французский король (с 1643) из династии Бурбонов — 28, 264
- Людовик XV* (1710—1774), французский король (с 1715) из династии Бурбонов — 264
- Людовик XVI* (1754—1793), французский король (1774—1792) из династии Бурбонов, казнен — 215, 264, 376

- Лютер* Мартин (1483—1546), немецкий религиозный реформатор, основатель крупнейшего направления протестантизма — лютеранства — 25, 354, 409
- Ляйэль* (Лайель) Чарлз (1797—1875), английский естествоиспытатель — 65, 297
- Ляцкий* Евгений Александрович (1868—1942), историк литературы, критик, после 1917 г. в эмиграции — 18
- Майков* Аполлон Николаевич (1821—1897), поэт — 179, 295
- Маккавеи*, руководители восстания II в. до н. э. в Иудее, против власти Селевкидов, основатели царской династии Маккавеев (Хасмонеев) — 110, 201
- Маклаков* Василий Алексеевич (1869—1957), юрист, один из лидеров и член ЦК партии кадетов, депутат II—IV Государственной думы, после 1917 г. в эмиграции — 238, 239, 242
- Мак-Магон* Патрис (1808—1893), французский военный и политический деятель, маршал (1859), президент Франции (1873—1879) — 25
- Максимов* Сергей Васильевич (1831—1901), писатель, этнограф — 393
- Макфертон* Вильфред Давидович, петербургский биржевой маклер — 154
- Мальбранш* Никола (1638—1715), французский философ — 223
- Мануйлов* Александр Аполлонович (1861—1929), экономист, член ЦК партии кадетов, в 1917 г. министр просвещения Временного правительства, участвовал в реформе правописания (1918) — 349, 373, 406
- Маныч* Петр Дмитриевич (ум. 1918), писатель, социал-демократ, депутат Думы — 100
- Мардохай*, в Ветхом Завете персонаж из книги Есфирь, воспитатель Есфири — 202
- Мария*, в Новом Завете жительница Вифании, сестра Лазаря, последовательница Иисуса Христа — 423, 439
- Мария Антуанетта* (1755—1793), французская королева, жена Людовика XVI (с 1770), казнена — 192
- Марков* 2-й Николай Евгеньевич (1866—1945), депутат III и IV Государственной думы, один из основателей черносотенного «Союза русского народа», в эмиграции глава Временного монархического союза — 238, 350
- Маркс* Карл (1818—1883), немецкий теоретик, экономист, основоположник коммунистического учения — 29, 81, 107, 133, 137, 187, 203, 208, 216—218, 258, 282, 327, 331, 332, 346, 347, 352, 355, 383, 385, 407, 409
- Марс*, в римской мифологии бог войны — 460
- Марсий*, в греческой мифологии силен или сатир, вызвавший на состязание на флейте бога Аполлона и наказанный им — 455
- Марфа*, в Новом Завете, жительница Вифании, сестра Марии и Лазаря — 455
- Марья Павловна* — см. Глаголева М. П.
- Маттафия*, иудейский священник, родоначальник Маккавеев — 201
- Мезенцов* Николай Владимирович (1827—1878), начальник штаба корпуса жандармов (с 1864), шеф жандармов (с 1876), убит С. М. Кравчинским — 203, 212
- Мельшин* — см. Якубович П. Ф.
- Мендельсон* Франц фон (1865—?), Мендельсон-Бартольди Эрнст (ум. 1906), берлинские банкиры — 151, 220
- Меньшиков* Михаил Осипович (1859—1918), публицист, сотрудник газеты «Новое время» — 265
- Мережковский* Дмитрий Сергеевич (1866—1941), писатель, публицист, философ, с 1920 г. в эмиграции — 42, 48, 49, 77, 78, 108, 115, 133, 135, 181, 184, 225, 239, 278, 329

- Меровинги*, первая королевская династия в государстве франков (кон. V в.— 751) — 428
- Местр Жозеф Мари де* (1753—1821), французский религиозный философ, публицист, политический деятель — 144
- Меттерних* (Меттерних-Виннебург) Клеменс (1773—1859), князь, австрийский политический деятель, министр иностранных дел, фактический глава правительства (1809—1821), канцлер (1821—1848) — 144
- Милль Джон Стюарт* (1806—1873), английский философ, экономист, общественный деятель — 65, 105, 277
- Милюков Павел Николаевич* (1859—1943), историк, публицист, один из основателей партии кадетов, председатель ее ЦК (с 1907), редактор газеты «Речь», депутат III и IV Государственной думы, министр иностранных дел Временного правительства (до мая 1917), в эмиграции главный редактор русской зарубежной газеты «Последние новости» (1921—1941) — 39, 201, 213, 238, 276, 277, 279, 280, 319, 332, 344, 345, 349, 357, 380
- Минерва*, в римской мифологии богиня — покровительница искусств и ремесел, мудрости и войны — 107
- Минин* (Захарьев-Сухорук) Кузьма Минич (ум. 1616), нижегородский посадский, один из руководителей борьбы против польской интервенции — 171
- Минский* (наст. фам. Виленкин) Николай Максимович (1855—1937), писатель, философ, теоретик символизма, критик, после 1907 г. жил за границей — 87, 108, 115, 152, 230
- Мирабо* Оноре Габриель Рикети (1749—1791), граф, французский политический деятель, депутат Генеральных штатов (1789), где стал известен как обличитель абсолютизма — 193, 215
- Михаил* (Павел Васильевич Семенов) (1874 — после 1916), богослов, религиозный писатель, доцент Петербургской Духовной академии, перешел в старообрядчество — 291
- Михаил Александрович* (1878—1918), великий князь, брат Николая II, расстрелян — 442, 444
- Михайловский* Марк Николаевич, сын Н. К. Михайловского — 95
- Михайловский* Николай Константинович (1842—1904), социолог, публицист, литературный критик, идеолог народничества — 77, 95, 156, 179, 180, 184, 196, 210, 224, 225, 238, 259, 326, 361
- Михалкович* (Калинка), корреспондентка Розанова — 130
- Моисей*, в Ветхом Завете предводитель израильтян, основатель иудаизма, пророк — 38, 40, 53, 110, 126, 150, 255, 323, 377, 378, 414, 440, 443, 466
- Молешотт* Якоб (1822—1893), немецкий физиолог и философ — 187
- Мольер* (наст. имя и фам. Жан Батист Поклен) (1622—1673), французский комедиограф, актер, театральный деятель — 376
- Моммзен* Теодор (1817—1903), немецкий историк — 135
- Монтескье* Шарль Луи (1689—1755), французский правовед и философ — 376
- Мор* Томас (1478—1535), английский политический деятель, писатель, автор сочинения «Утопия» (1516) — 257
- Мордвинова* Вера Александровна (1895—1966), московская курсистка, дочь генерала, с которой переписывался Розанов — 16, 49, 76, 124, 130, 144, 149, 294, 303, 324
- Морозов* Дмитрий Иванович, фактический издатель «Русского обозрения», предприниматель — 151, 154, 314, 395
- Морозов* Николай Александрович (1854—1946), революционный народник, писатель, ученый — 137, 379
- Моррисон*, учитель французского языка в елецкой гимназии, где преподавал и Розанов — 50

- Муромцев** Сергей Андреевич (1850—1910), юрист, публицист, один из основателей и лидеров партии кадетов, председатель I Государственной думы — 15, 280, 343, 350
- Мякотин** Венедикт Александрович (1867—1937), историк, публицист, политический деятель, с 1922 г. в эмиграции — 74, 128, 153, 180, 181, 184—187, 203, 238, 362, 367
- Набоков** Владимир Дмитриевич (1869—1922), юрист, публицист, один из лидеров партии кадетов, с 1919 в эмиграции, погиб при покушении на П. Н. Милюкова — 39, 59, 213
- Надсон** Семен Яковлевич (1862—1887), поэт — 152, 189
- Наль**, легендарный царь страны нишадхов, сказание о нем вошло в древнеиндийский эпос «Махабхарату» — 31, 163, 170, 453
- Наполеон I** (Наполеон Бонапарт) (1769—1821), французский император (1804—1814, март — июнь 1815), основатель династии Бонапартов — 53, 80, 159, 214, 215, 250, 320, 354, 376, 385, 390, 419
- Небогатов** Николай Иванович (1849—1922), контр-адмирал, возглавлял Третью тихоокеанскую эскадру, отправленную во время русско-японской войны в феврале 1905 г. из Балтики на Дальний Восток. 15 мая 1905 г. сдался японцам при Цусимском сражении — 107
- Нейт**, в древнеегипетской мифологии богиня войны и охоты, воды и моря — 69
- Некрасов** Николай Алексеевич (1821—1877/1878), поэт, прозаик, общественный деятель — 17, 78, 81, 93, 94, 97, 112, 133, 174, 175, 238, 256, 295, 304, 331, 374, 389, 468—470
- Неловицкая** Зося, сестра С. Неловицкого — 64
- Неловицкий** Станислав, одноклассник Розанова по нижегородской гимназии — 63—65
- Немезида** (Немесиды), в греческой мифологии богиня возмездия — 240
- Немирович-Данченко** Владимир Иванович (1858—1943), режиссер, писатель, драматург, педагог — 469
- Непенина**, жена управляющего хозяйственной частью газеты «Новое время» — 415
- Нестеров** Михаил Васильевич (1862—1942), живописец — 346, 347, 352, 389
- Нестор** (XI — нач. XII в.), древнерусский летописец, монах Киево-Печерского монастыря — 149, 436
- Никитенко** Александр Васильевич (1804—1877), литературный критик, историк литературы, цензор — 129, 246
- Никитин** Иван Саввич (1824—1861), поэт — 374
- Никифор**, привратник в доме, где жил Розанов — 9
- Николай I** (1796—1855), российский император (с 1825) — 54, 98, 114, 285, 413, 414
- Николай II** (1868—1918), российский император (1894—1917), расстрелян — 102, 178, 363, 380, 405, 426
- Николай Михайлович** (1859—1919), великий князь, внук Николая I, историк, расстрелян — 48
- Никон**, епископ Далматинский, религиозный писатель — 31
- Ницше** Фридрих (1844—1900), немецкий философ — 189, 212
- Нобель** Эммануэль (1859—1932), шведский промышленник, владелец нефтепромыслов в России (до 1918 г.) — 469
- Новиков** Николай Иванович (1744—1818), писатель, журналист, издатель — 267
- Новоселов** Михаил Александрович (1864—1940, по др. данным 1938), религиозный писатель, издатель «Популярной религиозно-философской библиотеки» — 61

- Ньютон* Исаак (1643—1727), английский математик, астроном, физик, создатель классической механики — 156, 157, 244, 280
- Обриен* (О’Бриен) *де Ласси* Патрикей Петрович, граф, приговорен в 1910 г. к каторге за соучастие в убийстве — 445
- Овсянко-Куликовский* Дмитрий Николаевич (1853—1920), литературовед и языковед — 325, 326
- Огарев* Николай Платонович (1813—1877), поэт, публицист, общественный деятель, с 1856 г. в эмиграции — 174
- Огарева* (урожд. Рославлева) Мария Львовна (ок. 1817—1853), первая жена Н. П. Огарева — 174, 175
- Одоевский* Владимир Федорович (1803/1804—1869), князь, писатель и музыкальный критик — 170, 186, 262, 278, 325, 326
- Озирис* (Осирис), в древнеегипетской мифологии бог умирающей и воскресающей природы — 262
- Оль д’Ор* (О. Л. Д’Ор), псевдоним писателя и журналиста Осипа Львовича Оршера (1878/1879—1942) — 87, 105, 107, 115, 208, 314, 316, 327
- Онан*, в Ветхом Завете сын Иуды, по обычаю вступивший в брак с женой своего умершего старшего брата, но отказавшийся иметь от нее ребенка, за что был умерщвлен Богом — 310
- Остафьев* Владимир, одноклассник Розанова по нижегородской гимназии — 65
- Островский* Александр Николаевич (1823—1886), драматург — 145, 239, 277, 445
- Ояма* Ивао (1842—1916), главнокомандующий японскими войсками в Маньчжурии в русско-японской войне 1904—1905 гг. — 407
- П. К.*, граф — 45
- Павел*, в Новом Завете апостол — 339, 438, 441, 451, 457, 458
- Павел I* (1754—1801), российский император (с 1796) — 76, 153, 415
- Павленков* Флорентий Федорович (1839—1900), книгоиздатель — 267
- Павлович* Михаил Павлович (наст. имя и фам. Михаил Лазаревич Вельтман) (1871—1927), деятель революционного движения, историк, экономист — 332
- Паганини* Никколо (1782—1840), итальянский скрипач и композитор — 89
- Пазифая* (Пасифая), в греческой мифологии жена критского царя Миноса и мать чудовища Минотавра — 254, 255
- Панаева* (урожд. Брянская), Авдотья Яковлевна (1820—1893), писательница, мемуаристка — 174
- Панкратов* Василий Семенович (1864—1925), эсер, комиссар Временного правительства, мемуарист — 407
- Панченко* Владимир Кириллович, врач, приговорен в 1910 г. к каторге за соучастие в убийстве — 445
- Паскаль* Блез (1623—1662), французский математик, физик, религиозный философ, писатель — 94, 264, 312, 376
- Патти* Аделина (1843—1919), итальянская певица (колоратурное сопрано) — 89
- Пеллу* Луиджи Джироламо (1839—1924), итальянский военный и политический деятель — 260
- Пенелопа*, в греческой мифологии жена царя острова Итака Одиссея — 163
- Пентефрий* (Потифар), в Ветхом Завете начальник телохранителей египетского фараона, назначивший Иосифа управляющим своим домом — 128
- Пергамент* Осип (Иосиф) Яковлевич (1868—1909), адвокат, деятель партии кадетов, депутат II и III Государственной думы — 220
- Перикл* (ок. 490—429 до н. э.), афинский стратег (главнокомандующий), политический деятель — 106

- Перовская* Софья Львовна (1853—1881), революционная народница, организатор и участница покушений на Александра II, казнена — 28, 98, 137, 153, 204
- Перцов* Петр Петрович (1868—1947), публицист, литератор, издатель — 267
- Петр*, в Новом Завете апостол — 459
- Петр I Великий* (1672—1725), русский царь (с 1682, правил с 1689), первый российский император (с 1721) — 26, 27, 44, 65, 97, 133, 137, 144, 172, 228, 249, 278, 322, 363, 374, 395, 396, 414, 415
- Петрищев* Афанасий Борисович (1872—1933 или 1938), публицист, писатель — 128, 203, 238, 362, 367
- Петров* Григорий Спиридонович (1868—1925), священник, публицист, депутат II Государственной думы, в 1908 г. лишен сана, с 1921 г. в эмиграции — 50, 150, 454
- Петров* Николай Павлович (1836—1920), инженер-генерал, ученый-транспортник, товарищ министра путей сообщения (1892—1900), член Государственного Совета — 178, 179
- Печерский* Андрей (наст. имя и фам. Павел Иванович Мельников) (1818—1883), писатель — 294
- Пешехонов* Алексей Васильевич (1867—1933), экономист, публицист, член редакционного комитета журнала «Русское богатство», один из основателей партии народных социалистов, в 1917 г. министр продовольствия Временного правительства — 77, 128, 133, 153, 180, 181, 184, 203, 238, 362, 392
- Пигмалион*, в греческой мифологии скульптор, царь Кипра, влюбившийся в созданную им статую Галатеи — 123
- Пико дела Мирандола* Джованни (1463—1494), итальянский мыслитель, гуманист — 223
- Пирожков* Михаил Васильевич (1867—1927), владелец книжного изда-
- тельства в Петербурге, разорился в 1908 г. — 139
- Писарев* (Иванчин-Писарев) Александр Иванович (1849—1926), народник, журналист, мемуарист — 291
- Писарев* Дмитрий Иванович (1840—1868), публицист, литературный критик, главный сотрудник журнала «Русское слово» — 42, 141, 211
- Писарева* Екатерина Федоровна (ум. 1922), теософка, переводчица — 291
- Питт* Уильям Младший (1759—1806), английский политический деятель, премьер-министр (1783—1801, 1804—1806) — 278
- Пифагор* (VI в. до н. э.), древнегреческий философ и математик, религиозный и политический деятель — 158, 264
- Платон* (428/427—348/347 до н. э.), древнегреческий философ — 54, 117, 225, 355
- Плеве* Вячеслав Константинович (1846—1904), министр внутренних дел, шеф жандармов (с 1902), убит эсерами — 128, 130, 154, 407
- Плеханов* Георгий Валентинович (1856—1918), деятель российской и международной социал-демократии, философ, публицист — 179, 180, 246, 332, 379, 384, 386
- Победоносцев* Константин Петрович (1827—1907), правовед, историк, обер-прокурор Синода (1880—1905) — 31
- Погодин* Михаил Петрович (1800—1875), историк, писатель, издатель — 7, 149, 239
- Поджио* (Поджо) Браччолини Джованни Франческо (1380—1459), итальянский писатель, гуманист — 149
- Поливанов* Алексей Андреевич (1855—1920), военный министр (июнь 1915 — март 1916) — 245, 246
- Поливанов* Петр Сергеевич (1859—1903), одноклассник Розанова по нижегородской гимназии, народник — 65, 211
- Полифем*, в греческой мифологии великан-киклоп (циклоп) — 17, 222

- Полонский Яков Петрович* (1819—1898), поэт — 295
- Понсон дю Террайль Пьер Алексис* (1829—1871), французский писатель — 210, 212
- Попов Нил Александрович* (1833—1891/1892), историк, славяновед — 369
- Прокофьев Василий Алексеевич*, публицист, сотрудник газеты «Новое время» — 79
- Прометей*, в греческой мифологии титан, похитивший у богов огонь для людей — 407
- Проппер Станислав Максимилианович* (1855—1931), издатель газеты «Биржевые ведомости» — 18, 79, 100, 155, 208, 209, 213, 244—246, 285
- Протасов Николай Александрович* (1799—1855), обер-прокурор Синода (с 1836) — 414
- Протейкинский Виктор Петрович* (ум. 1914/1915), математик, участник объединения «Мир искусства», член Религиозно-философского общества в Петербурге — 88
- Протопопов Александр Дмитриевич* (1866—1918), депутат III и IV Государственной думы, министр внутренних дел (сентябрь 1916 — февраль 1917), расстрелян — 371
- Протопопов Михаил Алексеевич* (1848—1915), публицист — 298
- Прудон Пьер Жозеф* (1809—1865), французский экономист, социалист, теоретик анархизма — 105, 133, 392—394
- Пугачев Емельян Иванович* (1740/1742—1775), донской казак, предводитель крестьянской войны 1773—1775 гг., казнен — 7, 153, 197
- Пушкин Александр Сергеевич* (1799—1837), поэт и прозаик — 13, 23, 29, 40, 42, 73, 74, 80, 106, 114, 117, 131, 140, 141, 152, 158, 219, 223, 235, 249, 257, 263, 264, 276, 278, 294, 300, 301, 303, 315, 326, 373, 391, 414, 460
- Пыпин Александр Николаевич* (1833—1904), литературовед — 18, 234
- Радлов Эрнест Леопольдович* (1854—1928), философ, историк философии, редактор философского отдела «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона, директор Публичной библиотеки в Петербурге (1917—1924) — 111
- Разин Степан Тимофеевич* (ок. 1630—1671), донской казак, предводитель крестьянской войны 1670—1671, казнен — 153, 197, 391
- Раймунд Тулузский* (1041/1042—1105), граф Тулузы, один из предводителей 1-го крестового похода (1096—1099) — 376
- Райна Пио* (1847—1930), итальянский филолог, историк литературы — 260
- Расин Жан* (1639—1699), французский драматург, поэт — 376
- Распутин (Новых) Григорий Ефимович* (1872—1916), фаворит Николая II и его жены Александры Федоровны, считался «провидцем» и «целителем», убит монархистами — 56, 59—61, 66
- Рахиль*, в Ветхом Завете вторая жена Иакова — 113, 307
- Рачинский Сергей Александрович* (1833—1902), ученый-ботаник, деятель народного образования, организатор сельских школ — 77, 324
- Ренан Жозеф Эрнест* (1823—1892), французский филолог, историк, писатель — 248, 459
- Репин Илья Ефимович* (1844—1930), живописец — 352
- Робеспьер Максимилиан* (1758—1794), деятель Французской революции, один из руководителей якобинцев, казнен — 264
- Рог-Рогачевский* — см. Львов-Рогачевский
- Родзянко Михаил Владимирович* (1859—1924), крупный помещик, председатель III и IV Государственной думы, с 1920 г. в эмиграции — 345, 349, 350, 368, 414
- Родичев Федор Измайлович* (1853, по др. данным 1856—1932), юрист,

- один из руководителей партии кадетов, министр Временного правительства, с 1919 в эмиграции — 39, 238, 277, 280, 380
- Розанов Василий Васильевич* (1856—1919) — 22—25, 30, 31, 37, 43, 49—51, 58, 59, 63, 76, 83, 104, 110, 112, 116, 117, 119, 123, 126, 135, 152, 189, 197, 199, 233, 234, 244, 256, 261, 264—266, 277, 282, 291, 294, 296, 297, 301—304, 307, 309, 314, 329, 343, 377, 418, 435, 444
- Розанов Василий Васильевич* (1899—1918), сын писателя — 67, 102, 103
- Розанов Дмитрий Васильевич* (1852—1895), брат писателя — 146
- Розанов Николай Васильевич* (1847—1894), брат писателя — 147
- Розанова Варвара Васильевна* (1898—1943), дочь писателя — 141
- Розанова Вера Васильевна* (1848—1867/1868), сестра писателя — 146
- Розанова Вера Васильевна* (1896—1920), дочь писателя — 24, 39—41, 142, 214, 219, 275, 288, 300, 313
- Розанова Надежда Васильевна* (1900—1956), дочь писателя — 20, 141, 142, 189, 300
- Розанова Татьяна Васильевна* (1895—1975), дочь писателя — 26, 84, 85, 102, 137, 141, 253, 283, 288, 300, 313
- Розановы* — 26, 103, 111
- Розенблюм Аркадий Ефимович*, врач в Луге — 445
- Рокфеллер Джон Дэвисон* (1839—1937), основатель финансовой группы в США — 113
- Романов Иван Федорович* (псевд. Рцы) (1861—1913), публицист, писатель, издатель журнала «Летописец», друг Розанова — 98, 111, 149, 189, 224, 294, 324
- Романовы*, царская (с 1613), императорская (1721—1917) династия — 396
- Россини Джоаккино* (1792—1868), итальянский композитор — 114
- Россоловский Вячеслав Сильвестрович* (1849—1908), журналист, сотрудничал в «Новом времени» с 1880-х гг. — 79
- Ротшильд Альфонс* (1827—1905), парижский банкир — 29, 105, 151, 168, 220, 229
- Ротштейн А. Ю.*, председатель правления петербургского Международного банка — 151
- Рош Дени*, французский писатель, переводчик сочинений Н. С. Лескова — 145
- Рубакин Николай Александрович* (1862—1946), книговед, библиограф и писатель — 229, 235, 239
- Рубинштейн Дмитрий Львович* (1876—?), банкир, был близок к Распутину, после 1917 г. в эмиграции — 330
- Руднева* (урожд. Жданова) Александра Адрияновна (ок. 1826—1911), мать второй жены Розанова — 33, 50
- Руманов Аркадий Вениаминович* (1878—1960), публицист, заведующий петроградским отделением газеты «Русское слово», после 1917 г. в эмиграции — 188
- Руссо Жан Жак* (1712—1778), французский писатель и философ — 208, 215, 252, 264, 376
- Руфь*, в Ветхом Завете прабабка царя Давида — 443, 449, 466
- Рухлов Сергей Васильевич* (1853—1918), министр путей сообщения (1909—1915), член Государственного Совета — 199
- Рцы* — см. Романов И. Ф.
- Рысс Соломон Яковлевич* (1876—1908), публицист (псевдоним «Мортимер»), один из осведомителей В. Л. Бурцева, что помогло последнему выявлять провокаторов — 245
- Рэссель* (Рассел) Джон (1792—1878), английский политический деятель, неоднократно премьер-министр — 259
- Рюрик* (ум. 879), согласно летописному преданию, предводитель варяжских дружин, обосновавшийся в Новгороде, основатель династии Рюриковичей — 147, 323, 363

- Саади* (1203/1210—1292), персидский писатель и мыслитель — 163
- Садовский* (псевд. Садовской) Борис Александрович (1881—1952), писатель, критик, историк литературы — 120, 295
- Савенков* (Савинков) Борис Викторович (1879—1925), один из лидеров партии эсеров, писатель (псевд. В. Ропшин), в 1917 г. товарищ военного министра Временного правительства, в августе 1924 г. арестован ОГПУ при переходе границы — 212
- Сакулин* Павел Никитич (1868—1930), литературовед — 170, 176, 278, 325
- Салаев* Федор Иванович (1829—1879), московский книгоиздатель, дело которого продолжили его наследники — 141
- Салтыков-Щедрин* Михаил Евграфович (наст. фам. Салтыков, псевд. Н. Щедрин) (1826—1889), писатель-сатирик, публицист, редактор журнала «Отечественные записки» — 67, 81, 93, 94, 108, 125, 139, 184, 210, 330, 361, 374, 436, 445
- Самсон*, в Ветхом Завете судья и богатырь, сила которого таилась в его длинных волосах — 444
- Самуил*, в Ветхом Завете пророк и последний судья израильтян в доцарское время — 110
- Сатурн*, в римской мифологии бог, отождествлявшийся с греческим Кроносом, пожирившим своих детей — 438
- Сахаров* Николай Николаевич, протоиерей, сотрудник журнала «Богословский вестник» — 117
- Святогор*, в восточнославянской мифологии древний богатырь — 138, 147, 355
- Святополк I Окаянный* (ок. 980—1019), князь Туровский (с 988), Киевский (с 1015), убил трех своих братьев, чтобы завладеть их уделами — 316
- Сен-Жюст* Луи (1767—1794), французский военный деятель, сторонник М. Робеспьера, казнен — 264
- Сент-Бёф* Шарль Огюстен (1804—1869), французский литературный критик и писатель — 301, 302
- Сенфора*, в Ветхом Завете жена Моисея — 323
- Серафим Саровский* (Прохор Сидорович Мошнин) (1759/1760—1833), православный подвижник — 93, 146, 189, 248
- Сергий Радонежский* (1314/1321—1392), основатель и игумен Троице-Сергиева монастыря — 146, 151, 152
- Сиейес* (Сьейес) Эмманюэль Жозеф (1748—1836), аббат, публицист, деятель Французской революции — 216
- Сильвестр* (ум. ок. 1566), священник, известен своей редакцией книги «Домострой» — 465
- Симон I Праведный*, иудейский первосвященник в период между 300 и 246 гг. до н. э. — 455
- Сипягин* Дмитрий Сергеевич (1853—1902), министр внутренних дел (с 1900), убит эсерами — 130, 154
- Скабичевский* Александр Михайлович (1838—1910), литературный критик и историк литературы — 238, 325, 327
- Скворцов* Василий Михайлович (1859—1932), публицист, издатель церковно-политической газеты «Колокол», редактор журнала «Миссионерское обозрение» — 98
- Скобелев* Матвей Иванович (1885—1938), депутат IV Государственной думы, в 1917 г. министр труда Временного правительства, член руководства ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, в 1920—1925 гг. в эмиграции, репрессирован — 399
- Скобелев* Михаил Дмитриевич (1843—1882), генерал от инфантерии, командовал операциями в русско-турецкую войну 1877—1878 гг. — 239

- Сковорода* Григорий Саввич (1722—1794), украинский философ, поэт, музыкант — 222
- Слонимский* Леонид (Людвиг) Зиновьевич (1850—1918), публицист, сотрудник журнала «Вестник Европы» — 18, 29, 59, 190, 220, 221, 234, 281
- Смит* Адам (1723—1790), шотландский экономист и философ — 374
- Соколов* Николай Дмитриевич (1870—1928), адвокат, социал-демократ, после Февральской революции один из авторов приказа № 1 по армии, который подорвал ее регулярный характер — 451
- Сократ* (ок. 470—399 до н. э.), древнегреческий философ — 38, 116, 124, 354, 466, 467
- Соллертинский* Сергей Александрович (1846—1920), протоиерей, богослов, профессор Петербургской Духовной академии — 88
- Соловьев* Владимир Сергеевич (1853—1900), религиозный философ, поэт, публицист — 35, 111, 189, 223—226, 406, 424
- Соловьев* Всеволод Сергеевич (1849—1903), писатель — 224
- Соловьев* Михаил Петрович (1842—1900/1901), начальник главного управления по делам печати, писатель, публицист — 291
- Соловьев* Сергей Михайлович (1820—1879), историк — 210, 369, 370
- Соломон*, царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965 — ок. 926 до н. э.) — 36, 53, 328, 429, 438, 450
- Соннино* Сидней (1847—1922), итальянский политический деятель, неоднократно премьер-министр — 257, 259—262
- Спенсер* Герберт (1820—1903), английский философ и социолог — 59, 94, 207, 216, 267, 308, 312
- Спиноза* Бенедикт (Барух) (1632—1677), нидерландский философ — 18, 228, 285, 466, 467
- Сталь* Анна Луиза Жермена де (1766—1817), французская писательница — 216
- Станиславский* (наст. фам. Алексеев) Константин Сергеевич (1863—1938), режиссер, актер, педагог, теоретик театрального искусства — 469
- Станкевич* Николай Владимирович (1813—1840), философ, поэт, общественный деятель — 322
- Стасюлевич* (урожд. Утина) Любовь Исааковна (1836/1837 — после 1913), жена М. М. Стасюлевича — 108, 220
- Стасюлевич* Михаил Матвеевич (1826—1911), историк, журналист, общественный деятель, издатель журнала «Вестник Европы» (1866—1908) — 16, 18, 28, 29, 81, 108, 125, 192, 221, 224, 234, 235, 239, 246
- Стахович* Михаил Александрович (1861—1928), депутат I и II Государственной думы, член Государственного Совета — 326
- Стеклов* (наст. фам. Нахамкис) Юрий Михайлович (1873—1941), публицист, историк, политический деятель, редактор газеты «Известия» (с 1917) и других изданий, репрессирован — 348—351, 353, 400, 442, 443, 444
- Стопнер* Борис Григорьевич (1871—1937, по др. данным 1967), философ, переводчик философских трудов, сотрудник «Еврейской энциклопедии» (1908—1913) — 100, 111, 171, 172, 201, 212, 215, 217, 262
- Столыпин* Петр Аркадьевич (1862—1911), министр внутренних дел и председатель Совета Министров, руководитель разработанной им аграрной реформы — 290, 350
- Страхов* Николай Николаевич (1828—1896), философ, публицист, литературный критик — 42, 77, 94, 179, 210, 223, 225, 261, 262, 276, 295, 444
- Строев* Павел Михайлович (1796—1876), историк, археограф — 149

- Струве* Петр Бернгардович (1870—1944), экономист, философ, историк, публицист, один из лидеров партии кадетов, редактор-издатель журнала «Русская мысль» (с 1907), после 1920 г. в эмиграции — 81, 82, 97, 255, 261, 284, 384
- Стукачева*, знакомая Розанова — 302
- Суворин* Алексей Сергеевич (1834—1912), издатель, журналист, публицист, издавал газету «Новое время» (с 1876) и журнал «Исторический вестник» (с 1880), а также беллетристику — 8, 29, 48, 78, 79, 82, 133—135, 151, 184, 314
- Суворина* Анна Ивановна, жена А. С. Суворина — 134
- Суворов* Александр Васильевич (1730—1800), полководец, генералиссимус (1799) — 401, 402
- Судейкин* Георгий Порфирьевич (1850—1883), инспектор петербургской секретной полиции, убит народовольцами — 180
- Суламифь* (Суламита), в Ветхом Завете возлюбленная из книги Песнь песней — 249, 447, 449, 450
- Сумароков* Александр Петрович (1717—1777), писатель — 436
- Сусанин* Иван Осипович (ум. 1613), крестьянин, герой освободительной борьбы против польских интервентов — 106, 136
- Суслов* Владимир Васильевич — профессор архитектуры в Высшем художественном училище — 34, 37
- Суслова* Аполлинария Прокофьевна (1839/1840—1918), первая жена Розанова — 116
- Сухомлинов* Владимир Александрович (1848—1926), генерал от кавалерии, военный министр (1909—1915), после 1918 г. в эмиграции — 274
- Сухомлинова* (в первом браке Бутович) Екатерина Викторовна (ум. 1926/1927), жена В. А. Сухомлинова — 343
- Сытин* Иван Дмитриевич (1851—1934), издатель — 100, 101, 151, 314, 395
- Тан* — см. Богораз В. Г.
- Таставен* Генрих Эдмундович (1880—1915), литературный критик, журналист, секретарь редакции журнала «Золотое руно» (до 1909) — 263—265
- Тацит* (ок. 58 — ок. 117), римский историк — 107, 211, 332, 391, 427
- Тезей*, в греческой мифологии герой, совершивший множество подвигов — 232
- Терещенко* Михаил Иванович (1886—1956), крупный землевладелец, сахарозаводчик, финансист, министр финансов, затем министр иностранных дел Временного правительства, с 1918 г. в эмиграции — 344, 349
- Тернавцев* Валентин Александрович (1866—1940), религиозный писатель, богослов, один из учредителей Религиозно-философских собраний в Петербурге (1901—1903) — 48
- Терсит*, в греческой мифологии незнатный воин, участник Троянской войны — 350
- Тиверий* (Тиберий) (42 до н. э. — 37 н. э.), римский император (с 14) из династии Юлиев-Клавдиев — 391
- Тихомиров* Лев Александрович (1852—1923), революционный народник, после 1888 г. монархист, в 1909—1913 гг. редактор газеты «Московские ведомости» — 179
- Тициан* (Тициано Вечеллио) (ок. 1476/1477 или 1489/1490—1576), итальянский живописец, глава венецианской школы эпохи Высокого и Позднего Возрождения — 255
- Товия*, в Ветхом Завете главный персонаж книги Товита — 299
- Толстой* Алексей Константинович (1817—1875), граф, писатель — 189, 223, 294, 428
- Толстой* Дмитрий Андреевич (1823—1889), граф, обер-прокурор Синода (1865—1880), министр народного просвещения (1866—1880), министр внутренних дел (с 1882) — 138, 208, 407

- Толстой Лев Николаевич* (1828—1910), граф, писатель и мыслитель — 53, 56, 57, 100, 124, 143, 152, 171, 172, 208, 239, 264, 294, 295, 352, 385, 415, 451
- Третьяковский Василий Кириллович* (1703—1768), поэт и филолог — 78, 373
- Трепов Дмитрий Федорович* (1855—1906), московский обер-полицмейстер (с 1896), петербургский генерал-губернатор (с 1905) — 58
- Троцкий Иван Гаврилович*, религиозный писатель, автор книги «Библейская археология» (1913) — 110
- Троцкий Матвей Михайлович* (1835—1899), психолог и философ, профессор Московского университета — 116, 293
- Трофимов А. И.*, инженер-технолог, экономист — 436
- Трубецкой Евгений Николаевич* (1863—1920), князь, философ, правовед — 220
- Тур Евгения* (наст. имя и фам. Елизавета Васильевна Салиас-де-Турнемир, урожд. Сухово-Кобылина) (1815—1892), писательница — 138
- Тургенев Иван Сергеевич* (1818—1883), писатель — 92, 101, 102, 108, 115, 145, 221, 294, 303
- Тучкова-Огарева Наталья Алексеевна* (1829—1913), вторая жена Н. П. Огарева — 174
- Тыркова (Тыркова-Вильямс) Ариадна Владимировна* (1869—1962), писательница, публицистка (псевд. А. Вергежский), член ЦК партии кадетов (с 1906), после 1919 г. в эмиграции — 246
- Тьерри (Тьерри) Огюстен* (1795—1856), французский историк — 211, 428
- Тюрго Анн Робер Жак* (1717—1781), французский философ, экономист, генеральный контролер (министр) финансов (1774—1776) — 264
- Тютчев Федор Иванович* (1803—1873), поэт, публицист, дипломат — 78, 133, 223, 235, 278, 436, 467
- Улисс*, латинизированное Одиссей, в греческой мифологии царь острова Итака — 17, 163, 222
- Уран*, в греческой мифологии бог неба — 438
- Успенский Глеб Иванович* (1843—1902), писатель — 82, 83, 93, 276, 341
- Устьинский Александр Петрович* (1854—1922), протоиерей, друг Розанова, с которым он вел многолетнюю переписку — 111, 166
- Утин Исаак Осипович* (ум. 1876), купец 1-й гильдии, банкир — 16, 19, 53, 108, 155, 221, 222
- Фалес* (ок. 625 — ок. 547 до н. э.), древнегреческий мыслитель — 50
- Фаррария (Фаррар) Фредерик Уильям* (1831—1903), английский писатель и теолог — 454
- Фауста* (ок. 290—326), жена Константина I Великого — 459
- Фейербах Людвиг* (1804—1872), немецкий философ — 187
- Фемистокл* (ок. 525 — ок. 460 до н. э.), афинский полководец и политический деятель — 210
- Феоктистов Евгений Михайлович* (1828—1898), начальник главного управления по делам печати (1883—1896), автор мемуаров — 138
- Феофан Петербургский (Василий Быстров)* (1873—?), ректор Петербургской Духовной академии, епископ Ямбургский (1909—1910) — 59, 61, 165, 166
- Фет* (наст. фам. Шеншин) Афанасий Афанасьевич (1820—1892), поэт — 295
- Фигнер Вера Николаевна* (1852—1942), революционная народница, писательница, в 1906—1915 гг. в эмиграции — 28, 52, 100, 136, 137, 180, 204, 235, 362, 379
- Фидий* (нач. V в. — ок. 432/431 до н. э.), древнегреческий скульптор — 107, 124

- Филарет** (Василий Михайлович Дроздов) (1782—1867), церковный деятель, богослов, митрополит Московский (с 1826) — 88, 110, 291, 292, 413, 414
- Филевский** Иоанн Иоаннович (1865—?), богослов, профессор Харьковского университета, полемизировал с Розановым — 86, 165, 166
- Филельфо** Франческо (1398—1481), итальянский эллинист, гуманист — 149
- Филипп** (Федор Степанович Колычев) (1507—1569), митрополит (1566—1568), убит по приказу Ивана IV Грозного — 390
- Филиппов**, владелец булочной — 201
- Философов** Дмитрий Владимирович (1872—1940), критик, публицист — 17, 77, 115, 201, 212
- Философова** (урожд. Дягилева) Анна Павловна (1837—1912), деятельница женского движения — 278
- Флексер** — см. Волынский А. Л.
- Флеровский** — см. Берви-Флеровский В. В.
- Флоренский** Павел Александрович (1882—1937), религиозный философ, ученый, инженер, репрессирован — 48, 77, 85, 94, 99, 110, 148, 149, 198, 291, 461, 464
- Фома**, в Новом Завете апостол — 62
- Фома Кемтский** (Фома Гемеркен) (1379/1380—1471), немецко-нидерландский мистик — 459
- Фонвизин** (Фон-Визин) Денис Иванович (1744/1745—1792), писатель — 7, 8, 117, 138, 228, 295, 445
- Фохт** (Фогт) Карл (1817—1895), немецкий философ и естествоиспытатель — 65
- Франк** Семен Людвигович (1877—1950), философ, в 1907—1917 гг. член редколлегии журнала «Русская мысль», где вел философский отдел, с 1922 в эмиграции — 82
- Франс** Анатолий (наст. имя и фам. Анатолий Франсуа Тибо) (1844—1924), французский писатель — 459
- Франциск Ассизский** (1181/1182—1226), итальянский проповедник, религиозный поэт, основатель ордена францисканцев — 459
- Фронкнэшт**, директор брюссельского отделения петроградского Международного банка — 183
- Фруг** Семен Григорьевич (1860—1916), писатель — 115
- Фукидид** (ок. 460—400 до н. э.), древнегреческий историк — 107, 332, 427
- Фуше** Жозеф (1759—1820), министр полиции Франции (1799—1815, с перерывами), создал разветвленную систему политического сыска — 320
- Хайловский**, публицист — 45
- Хесин** Павел Яковлевич, председатель Азовско-Донского банка — 154, 155, 276
- Хомяков** Алексей Степанович (1804—1860), философ, писатель, публицист, общественный деятель — 223, 225
- Хомяков** Николай Алексеевич (1850—1925), председатель III Государственной думы, член Государственного Совета, сын А. С. Хомякова, эмигрировал — 343, 350
- Храповицкий** Алексей Павлович (1863—1936), епископ Волынский (1902—1906), архиепископ Харьковский и Житомирский (1914—1918), митрополит Киевский (с 1918) Антоний, с 1921 г. в эмиграции — 31
- Цветков** Сергей Алексеевич (1888—1964), историк литературы, друг и библиограф Розанова — 263, 324
- Цебрикова** Мария Константиновна (1835—1917), писательница, литературный критик — 105, 331, 332
- Цезарь** Гай Юлий (102/100—44 до н. э.), римский диктатор и полководец — 354

- Цертели* Ираклий Георгиевич (1881—1959), один из лидеров меньшевиков, депутат II Государственной думы, в 1917 г. член исполкома Петроградского Совета, министр почт и телеграфов Временного правительства, с 1921 г. в эмиграции — 350, 392
- Цетлин* Натан Сергеевич, основатель издательского товарищества «Просвещение» (1896—1922) — 267
- Цицерон* Марк Туллий (106—43 до н. э.), римский политический деятель, оратор и писатель — 36
- Чаадаев* Петр Яковлевич (1794—1856), мыслитель и публицист — 175, 239, 322
- Чернский* Е., автор революционных песен — 150
- Черный* Георгий, автор революционных песен — 150
- Чернышевский* Николай Гаврилович (1828—1889), писатель, публицист, литературный критик, общественный деятель, один из руководителей журнала «Современник» (1856—1862) — 41, 42, 91, 94, 141, 144, 170, 179, 186, 187, 210, 211, 213, 236, 277, 298, 385, 392
- Чехов* Александр Павлович (1855—1913), литератор, брат А. П. Чехова — 134, 135
- Чехов* Антон Павлович (1860—1904), писатель — 29, 133—135, 184, 195
- Чуковский* Корней Иванович (наст. имя и фам. Николай Васильевич Корнейчуков) (1882—1969), писатель, литературовед, критик — 92
- Чупров* Александр Иванович (1842—1908), экономист, статистик, общественный деятель — 299
- Чхеидзе* Николай (Карло) Семенович (1864—1926), один из лидеров меньшевиков, депутат III и IV Государственной думы, в 1917 г. председатель Петроградского Совета и ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов, с 1921 г. в эмиграции, покончил жизнь самоубийством — 238
- Шарапов* Сергей Федорович (1855—1911), экономист, публицист, редактор-издатель еженедельника «Русский труд»; 1 июля 1911 г. в «Новом времени» Розанов написал его некролог — 86, 176
- Шатобриан* Франсуа Рене де (1768—1848), французский писатель и мыслитель — 144
- Шацман* Лейзер, автор письма к Розанову — 426
- Шебелев*, публицист, критик — 326
- Шекспир* Уильям (1564—1616), английский драматург и поэт — 29, 153
- Шелгунов* Николай Васильевич (1824—1891), публицист, критик, участник революционного движения 60-х гг. — 94
- Шелли* Перси Биш (1792—1822), английский поэт — 208
- Шеллинг* Фридрих Вильгельм Йозеф (1775—1854), немецкий философ — 322
- Шестов* Лев (наст. имя и фам. Лев Исаакович Шварцман) (1866—1938), философ и писатель, с 1895 г. в основном жил за границей — 171
- Шиллер* Иоганн Фридрих (1759—1805), немецкий поэт, драматург, теоретик искусства — 73, 275, 285, 311
- Шингарев* Андрей Иванович (1869—1918), врач, публицист, один из лидеров партии кадетов, депутат II—IV Государственной думы, министр земледелия, затем министр финансов Временного правительства, убит матросами и красногвардейцами — 302, 357
- Шмаков* Алексей Семенович (ум. 1916), публицист, присяжный поверенный, гражданский истец (обвинитель) на процессе М. Бейлиса — 30
- Шопенгауэр* Артур (1788—1860), немецкий философ — 15, 222, 321
- Шперк* Федор Эдуардович (1870/1872—1897), философ, поэт, критик, друг Розанова — 294, 312, 324
- Шпильгаген* Фридрих (1829—1911), немецкий писатель — 392—395

- Штейн* Ольга, жена О. Я. Пергамента — 220
- Штёкер* Адольф (1835—1909), немецкий пастор и политический деятель — 337
- Штраус* Давид Фридрих (1808—1874), немецкий теолог и философ — 248
- Штюрмер* Борис Владимирович (1848—1917), председатель Совета Министров в 1916 г., после Февральской революции арестован, умер в Петропавловской крепости — 371, 403
- Щедрин* — см. Салтыков-Щедрин М. Е.
- Щеколдина* С., автор письма к Розанову — 309
- Щербатов* Николай Борисович (1868—1948), министр внутренних дел (июнь — сентябрь 1915) — 244
- Щукин* Николай Леонидович (1848—1924), ученый-транспортник, по его проектам были созданы новые типы паровозов и вагонов — 199
- Эгерия*, в греческой мифологии нимфа-пророчица — 38
- Эдиет* П. К., участник революционных кружков начала века, автор текста песен — 150
- Эдип*, в греческой мифологии царь Фив, ослепивший себя, узнав, что сбылось страшное предсказание оракула — 254, 255
- Эдисон* Томас Алва (1847—1931), американский изобретатель и предприниматель — 113
- Эдуард VII* (1841—1910), английский король (с 1901) из Саксен-Кобург-Готской династии — 208
- Эдуард Исповедник* (ок. 1003—1066), английский король (с 1042) — 210
- Эймер* Теодор (1843—1898), немецкий зоолог, автор сочинения «Дополнение к теории Дарвина» — 267
- Эльпе* (псевдоним Л. К. Попова), журналист, публицист, сотрудник газеты «Новое время» — 79
- Энгельгардт* Николай Александрович (1867—1942), писатель, публицист, критик, историк литературы — 218
- Энгельс* Фридрих (1820—1895), немецкий теоретик и политический деятель, соратник К. Маркса — 327, 352, 385
- Эри* Владимир Францевич (1882—1917), религиозный философ — 77
- Эсфирь* (Есфирь), в Ветхом Завете главная героиня книги Есфирь — 202
- Юлиан Отступник* (331—363), римский император (с 361) — 133
- Юпитер*, в римской мифологии верховный бог — 254
- Юркевич* Памфил Данилович (1826—1874), религиозный философ — 42, 210
- Юстин Философ* (ок. 100 — ок. 166), религиозный писатель, представитель раннехристианской апологетики, христианский мученик — 313
- Юшкевич* Семен Соломонович (1868—1927), историк литературы, публицист, драматург, с 1921 г. в эмиграции — 39, 115
- Ющинский* Андрей (ум. 1911), подросток, убийство которого стало причиной судебного процесса над М. Бейлисом — 18, 220
- Яблоновский* Александр Александрович (1870—1934), критик, фельетонист, сотрудник газеты «Русское слово», после 1917 г. в эмиграции — 31
- Якубович* Петр Филиппович (псевд. Л. Мельшин и др.) (1860—1911), революционный народник, поэт, прозаик, журналист — 152, 235
- Ярослав Мудрый* (ок. 978—1054), великий князь Киевский (с 1019) — 29, 151, 210, 355

Составитель В. М. Персонов

СОДЕРЖАНИЕ

Мимолетное. 1915 год	5
Черный огонь. 1917 год	
К НОВОЛЕТИЮ 1917 ГОДА	337
ПОГАНАЯ ВЛАСТЬ ИЛИ ДОБРЫЙ СОВЕТ?	338
СВЕТЛЫЙ ПРАЗДНИК РУССКОЙ ЗЕМЛИ	340
В СОВЕТЕ РАБОЧИХ И СОЛДАТСКИХ ДЕПУТАТОВ	342
ЧТО ТАКОЕ НАРОД ТЕПЕРЬ?	353
В НАШИ ТРЕВОЖНЫЕ ДНИ	356
ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ	357
ФИЗИЧЕСКАЯ СИЛА И ВЛАСТЬ ИДЕЙ	359
СОЦИАЛИЗМ В ТЕОРИИ И В НАТУРЕ	361
ЧТО ГОВОРЯТ АНГЛИЧАНЕ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И РУССКОМ СОЮЗЕ	371
ЗАМЕТКИ О НОВОМ ПРАВОПИСАНИИ	373
ЧТО ТАКОЕ «БУРЖУАЗИЯ»?	—
МОНАРХИЯ — СТАРОСТЬ, РЕСПУБЛИКА — ЮНОСТЬ	374
ПРИМИТИВНЫЕ...	381
К НАШЕЙ НЕРАЗБЕРИХЕ	382
СЕГОДНЯ УТРОМ	386
SERVUS SERVORUM DEI	388
РЕВОЛЮЦИОННАЯ ОБЛОМОВКА	389
ПРИНЦИП АНАРХИИ	395
ГОЛОС ПРАВДЫ	400
К РАЗГРОМУ БИБЛИОТЕК	401
КАК НАЧАЛА ГНОИТЬСЯ НАША РЕВОЛЮЦИЯ	402
К ПОЛОЖЕНИЮ МОМЕНТА	404
ЗАПОЗДАЛОЕ ГОРЕ...	406
НЕ ТЕ СЛОВА, НЕ ТЕ ДУМЫ	409

Апокалипсис нашего времени

№ 1

К читателю	413
Рассыпанное царство	—
Как мы умираем?	415

№ 2

Мое предвидение	418
Последние времена	420

№ 3

Кроткая	425
Что-то такое случилось	—
Зачем они звонят?	426
Дед	—
«Москва слезам не верит»	—
Об одном народце	427
Ежедневность	429
Солнце	430

№ 4

Правда и кривда	—
Из тайнств Христовых	434
Сын	—
Солнце	435

№ 5

Немного радости	436
Опасная категория	437
Огонь Христов	438
Тайны мира	—
Искушение в пустыне	439
Солнце	—
Religio	440
Туфля	—

№ 6—7

Переживание	441
Почему на самом деле евреям нельзя устраивать погромов?	442
Еще о «сыне» в отношении «Отца»	450
Приказ № 1	451

№ 8—9

Христианин	453
La Divina comedia	454
Странность	—
Perturbatio aeterna	455

Надавило шкафом	458
Три гороскопа	459
О страстях мира	460
№ 10	
Солнце	465
Корень вещей	—
Древность и христианство	—
Домострой	—
Христос между двух разбойников	467
Как падала и упала Россия	469
Совет юношеству	—
КОММЕНТАРИИ	473
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН	509